ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ И ИСТОРИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ И УКРЕПЛЕНИЕ ЕДИНСТВА СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

МГУ

ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ И ИСТОРИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Ю.С. КУКУШКИНА

Выпуск 5

ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ И УКРЕПЛЕНИЕ ЕДИНСТВА СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Издательство
Московского университета
1987

В сборнике, подготовленном на историческом факультете Московского университета и продолжающем серию «Вопросы методологии и истории исторической науки», рассматриваются актуальные вопросы истории социалистической революции. Освещаются ее предпосылки и основные этапы, обогащение В. И. Лениным учения о партии, разоблачаются новейшие фальсификации истории Октября в буржуазной советологии; раскрываются ведущая роль рабочего класса в складывании и укреплении политического и идейного единства советского общества, его интернациональная миссия; анализируются вопросы новой социальной и интернациональной общности людей в СССР.

Для специалистов-историков, научных работников, преподавателей.

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

Сборник научных трудов

ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ И УКРЕПЛЕНИЕ
ЕДИНСТВА СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Зав. редакцией Н. М. Сидорова. Редактор А. З. Грабарник. Художественный редактор Ю. М. Добрянская. Технический редактор Г. Д. Колоскова. Корректоры Н. В. Картышева, С. Ф. Будаева

ИБ № 2523

Сдано в набор 23.04.86. Подписано к печати 21.01.87. Л-63019 Формат 60Х90/16 Бумага тип. № 1. Гарнитура литературная. Высокая печать. Усл. печ. л. 24,0 Уч.-изд. л. 30,7. Тираж 2625 экз. Заказ № 380. Цена 2 р. 80 к. Изд. № 4504

Ордена «Знак Почета» издательство Московского университета. 103009, Москва, ул. Герцена, 5/7. Типография ордена «Знак Почета» изд-ва МГУ. 119899, Москва, Ленинские горы.

$В\,\frac{0502000000-009}{077(02)-87}\,82-87$

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

В ряду задач, поставленных партией перед советскими учеными, особое место занимают связанные с необходимостью глубоко и всесторонне раскрыть непреходящее всемирно-историческое значение Великого Октября, положившего, как подчеркнуто в новой редакции Программы КПСС, принятой XXVII съездом партии, **«начало необратимому процессу — смене капитализма новой, коммунистической общественно-экономической формацией».**

В сборнике сосредоточено внимание на трех группах проблем историографического и методологического характера. В первой рассматриваются итоги изучения социально-экономических предпосылок революции и основных этапов подготовки Октябрьского вооруженного восстания. Важное место отведено развитию В. И. Лениным учения о Коммунистической партии в свете опыта Великого Октября, становлению историко-партийной науки в нашей стране. Серьезному критическому анализу подвергнуты «новые представления о революции» французских буржуазных советологов и извращения роли интеллигенции в Октябрьской революции современной англо-американской буржуазной историографией.

Вторая часть сборника включает статьи, раскрывающие интернациональную миссию рабочего класса в условиях социализма, его роль в становлении и развитии советского народа как новой исторической общности. В них обобщены достижения историков в изучении социального развития рабочего класса СССР и союзных республик, показано нарастание социального единства рабочего класса и всего советского общества.

Раскрытию роли советского народа в общественном прогрессе, в достижении целей, сформулированных в новой редакции Программы КПСС, посвящены материалы третьей части сборника, где прослеживается становление концепции социальной и интернациональной общности, систематизированы взгляды, раскрывающие ее сущность, внутреннее строение, этапы развития, показана роль культурной революции и интеллигенции в этом процессе.

В сборнике публикуются статьи, связанные с актуальной проблематикой, нередко затрагиваются малоисследованные и спорные вопросы. Авторы и редколлегия сборника не претендуют на последнее слово в их обсуждении и с благодарностью примут предложения и замечания читателей.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ И ЕГО ОСВЕЩЕНИЕ В ИСТОРИОГРАФИИ

С. В. ВОРОНКОВА

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
(К итогам изучения в современной советской историографии)

Изучение Великой Октябрьской социалистической революции, положившей начало новому этапу всемирной истории, — актуальная проблема советской исторической науки с момента ее возникновения. В многоплановом исследовании столь сложного явления, каким была Октябрьская революция, одно из ведущих мест занимает разработка ее исторических предпосылок. Научная значимость проблемы обусловлена задачей раскрыть историческую неизбежность в мировом масштабе замены капиталистического строя социалистическим и показать объективность этого процесса в конкретно-исторических условиях России. Великая Октябрьская революция была следствием всего предшествующего развития мирового капитализма, итогом борьбы классовых сил, порожденных этим процессом. В то же время в событиях Октябрьской революции, ее общих чертах, особенностях и конкретных формах проявились закономерности и специфика капиталистической эволюции России. Органическая связь истории Октября с основополагающими вопросами марксистско-ленинской теории социалистической революции объясняет политическую актуальность темы, остроту идеологических споров советских исследователей с буржуазными и ревизионистскими историками.

Научным и идейно-политическим значением проблемы исторических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции обусловливается многолетний интерес советских историков к ее изучению. В настоящее время подведены и определенные историографические итоги ее изучения [1]. Разработка предпосылок Октябрьской революции осуществляется в постоянном противоборстве советской исторической науки с буржуазной и ревизионистской историографией, которая всегда отрицала закономерность и международное (с точки зрения повторяемости опыта) значение социалистической революции в России [2]. Идеологическая острота этой проблемы особенно усиливается на современном этапе, когда, как отмечается в новой редакции Программы КПСС, «все новые и новые народы отказывают капитализму в доверии, не хотят связывать с ним перспективы своего развития, настойчиво ищут и находят пути к социалистическому преобразованию своих стран» [3].

Начало разработке проблемы исторических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции было положено трудами В. И. Ленина. Ленинские работы составляют ее теоретический и методологический фундамент. В трудах Ленина нашло дальнейшее развитие учение К. Маркса об исторической неизбежности победы социалистической революции и пролетариате как классе, историческая миссия которого — «организация социализма на развалинах капитализма»[4]. Подчеркивая объективность процесса крушения капиталистического строя, отображенного в теории научного социализма, Ленин писал: «...неизбежность превращения капиталистического общества в социалистическое Маркс выводит всецело и исключительно из экономического закона движения современного общества. Обобществление труда, в тысячах форм идущее вперед все более и более быстро и проявляющееся... особенно наглядно в росте крупного производства, картелей, синдикатов и трестов капиталистов, а равно в гигантском возрастании размеров и мощи финансового капитала, — вот главная материальная основа неизбежного наступления социализма. Интеллектуальным и моральным двигателем, физическим выполнителем этого превращения является воспитываемый самим капитализмом пролетариат»[5].

Ленинская теория империализма прямо связывает раскрытие его экономической сущности с определением империализма как кануна социалистической революции. В. И. Ленин многократно обращал внимание на то обстоятельство, что гигантское обобществление производства и формы управления хозяйством, которые сложились в условиях монополистического капитализма, с неизбежностью ведут к замене его новым, социалистическим строем. Определяя черты империализма, как особой стадии капитализма, он писал: «Империализм вырос как развитие и прямое продолжение основных свойств капитализма вообще. Но капитализм стал капиталистическим империализмом лишь на определенной, очень высокой ступени своего развития, когда некоторые основные свойства капитализма стали превращаться в свою противоположность, когда по всей линии сложились и обнаружились черты переходной эпохи от капитализма к более высокому общественно-экономическому укладу»[6]. И далее Ленин раскрывает это положение: «Свободная конкуренция есть основное свойство капитализма и товарного производства вообще; монополия есть прямая противоположность свободной конкуренции, но эта последняя на наших глазах стала превращаться в монополию, создавая крупное производство, вытесняя мелкое, заменяя крупное крупнейшим, доводя концентрацию производства и капитала до того, что из нее вырастала и вырастает монополия: картели, синдикаты, тресты, сливающийся с ними капитал какого-нибудь десятка ворочающих миллиардами банков. И в то же время монополии, вырастая из свободной конкуренции, не устраняют ее, а существуют над ней и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крутых противоречий, трений, конфликтов. Монополия есть переход от

капитализма к более высокому строю»[7]. Важно отметить, что говоря об империализме, как высшей стадии развития капитализма, Ленин неоднократно подчеркивал кризисный, конфликтный характер этой эпохи. Он писал: «Картели и тресты, объединяя производство, в то же время усиливали на глазах у всех анархию производства, необеспеченность пролетариата и гнет капитала, обостряя таким образом в невиданной еще степени классовые противоречия. Что капитализм идет к краху — и в смысле отдельных политических и экономических кризисов и в смысле полного крушения всего капиталистического строя, — это с особенной наглядностью и в особенно широких размерах показали как раз новейшие гигантские тресты»[8]. Ленин также отмечал тормозящее воздействие капитализма на прогресс: «Гигантский прогресс техники вообще, путей сообщения особенно, колоссальный рост капитала и банков сделали то, что капитализм дозрел и перезрел. Он пережил себя. Он стал реакционнейшей задержкой человеческого развития»[9].

Говоря о монополистическом капитализме, в условиях которого шло активное формирование социально-экономических предпосылок социалистической революции, В. И. Ленин всегда решительно боролся со всякого рода концепциями, допускающими автоматический переход от империализма к социализму. Неслучайно им была подвергнута резкой критике оппортунистическая теория «ультраимпериализма» Каутского. Ленин писал: «Не подлежит сомнению, что развитие идет в *направлении* к одному-единственному тресту всемирному, поглощающему все без исключения предприятия и все без исключения государства. Но развитие идет к этому при таких обстоятельствах, таким темпом, при таких противоречиях, конфликтах и потрясениях, — отнюдь не только экономических, но и политических, национальных и пр. и пр., — что непременно *раньше*, чем дело дойдет до одного всемирного треста, до «ультраимпериалистского» всемирного объединения национальных финансовых капиталов, империализм неизбежно должен будет лопнуть, капитализм превратится в свою противоположность»[10].

Прослеживая формирование социально-экономических предпосылок социалистической революции на империалистической стадии, В. И. Ленин особо выделил явления и процессы, которые определил как государственно-монополистический капитализм. Характеризуя его историческое место и значение, он писал: «Империалистская война есть канун социалистической революции. И это не только потому, что война своими ужасами порождает пролетарское восстание... а потому, что государственно-монополистический капитализм есть полнейшая *материальная* подготовка социализма, есть *преддверие* его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, *никаких промежуточных ступеней нет*»[11].

В чем же конкретно видел В. И. Ленин процесс формирования

социально-экономических предпосылок социалистической революции в условиях капитализма и его превращения в монополистический, а затем и в государственно-монополистический? В этом объективном процессе он различал, с одной стороны, складывание материально-технических предпосылок, которые становятся основой социалистической индустриализации, планового ведения хозяйства, позволяют наладить учет и контроль за производством и распределением, с другой — он отмечал формирование того класса, который выступит строителем новой экономики, носителем коммунистической организации общественного труда. Говоря о материально-технических предпосылках, Ленин относил к ним целый ряд явлений и фактов, характерных для капитализма и особенно для его последней стадии. Так, в работе «Удержат ли большевики государственную власть?» Ленин писал: «Капитализм создал *аппараты* учета вроде банков, синдикатов, почты, потребительных обществ, союзов служащих. *Без крупных банков социализм был бы неосуществим*»[12]. В брошюре «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» он отмечал: «Капитализм тем отличается от старых, докапиталистических систем народного хозяйства, что он создал теснейшую связь и взаимозависимость различных отраслей его. Не будь этого, никакие шаги к социализму, — кстати сказать — были бы технически невыполнимы. Современный же капитализм с господством банков над производством довел эту взаимозависимость различных отраслей народного хозяйства до высшей степени»[13]. В целом ряде других своих работ Ленин писал о роли и значении для создания социалистического общества «высоко поставленной крупной промышленности», организованных по типу государственно-капиталистических монополий трестов и таких учреждений, как почта, благодаря чему «механизм общественного хозяйничанья» оказывается подготовленным[14].

Капитализм не только создает своего могильщика в лице пролетариата, но и подготавливает условия для выполнения его исторической миссии. В этой связи В. И. Лениным был отмечен ряд моментов. Он писал: «Сопротивление буржуазии, при переходе власти к Советам, поведет к тому, что за *каждым* капиталистом будут «следить», надзирать, контролировать и учитывать его *десятки и сотни* рабочих и крестьян, интерес которых будет требовать борьбы с обманом народа капиталистами. Формы и способы этого учета и контроля выработаны и упрощены именно капитализмом, именно такими созданиями капитализма, как банки, крупные фабрики, синдикаты, железные дороги, почта, потребительные общества и профессиональные союзы»[15]. В работе «Государство и революция» Ленин указывал: «И развитие капитализма... создает *предпосылки* для того, чтобы действительно «все» *могли* участвовать в управлении государством. К таким предпосылкам принадлежит поголовная грамотность, осуществленная уже рядом наиболее передовых капиталистических стран, затем «обучение и дисциплинирование» миллионов рабочих крупным,

сложным, обобществленным аппаратом почты, железных дорог, крупных фабрик, крупной торговли, банкового дела и т. д. и т. п.» [16]

Характеризуя различные стороны и проявления процесса складывания социально-экономических предпосылок социалистической революции, В. И. Ленин исходил из общего развития монополистического капитализма, из того бесспорного факта, что на рубеже XIX—XX вв. в мире установилось господство финансового капитала. Из контекста ленинских работ следует, что мировая система капитализма в начале XX в. в целом созрела для социалистической революции. Ленин писал, что «типичным «владыкой» мира стал уже финансовый капитал, который особенно подвижен и гибок, особенно переплетен, внутри страны и интернационально, — особенно безличен и оторван от непосредственного производства, особенно легко концентрируется и особенно далеко уже сконцентрирован» [17], «что вся экономическая и социально-политическая обстановка империалистской эпохи ведет к революции пролетариата» [18]. В связи с этим большое теоретическое и методологическое значение имеют ленинские положения о том, «что революция невозможна без революционной ситуации» и «что не из всякой революционной ситуации возникает революция». Хорошо известны сформулированные Лениным три главных признака революционной ситуации: 1) кризис верхов; 2) «обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов»; 3) значительное повышение активности масс, — которые определялись им как объективные изменения. Для того чтобы свершилась революция, необходимо было, по словам Ленина, еще проявление субъективных перемен: «способность революционного *класса* на революционные массовые действия, достаточно *сильные,* чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже и в эпоху кризисов, не «упадет», если его не «уронят» [19].

Среди важнейших факторов, которые должны были обеспечить массовые действия революционного пролетариата против господства всемирного финансового капитала, В. И. Ленин многократно называл последовательную и решительную борьбу с оппортунизмом [20].

Важнейшим теоретическим положением, которое стало основой конкретной политической практики революционных партий, был вывод В. И. Ленина о неравномерности развития капитализма в условиях империализма и о возможности победы социалистической революции в одной стране. Лениным была отмечена неравномерность развития даже «крупнейших держав», несмотря на то, что «сильно шла за последние десятилетия нивелировка мира, выравнивание условий хозяйства и жизни в различных странах под давлением крупной промышленности, обмена и финансового капитала» [21]. В работе «О лозунге Соединенных Штатов Европы» Ленин подчеркивал: «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма.

Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране»[22]. Очень важно в плане понимания соотношения объективных и субъективных предпосылок революции, определения того слабого звена в цепи мирового капитализма, где может быть прорван его фронт, ленинское положение, выдвинутое им в статье «Третий Интернационал и его место в истории». Ленин отмечал: «Ни равномерности, ни гармоничности, ни пропорциональности в мире капитализма никогда не было и быть не могло. Каждая страна развивала особенно выпукло то одну, то другую сторону или черту, или группу свойств капитализма и рабочего движения. Процесс развития шел неравномерно»[23].

Говоря об империализме как кануне социалистической революции, о порождавшихся им экономических и политических кризисах на почве углубления противоречий, свойственных капитализму и усиливавшихся в империалистическую эпоху, Ленин большое значение придавал войне 1914—1918 гг. Во-первых, им была отмечена роль войны в ускорении процесса вызревания материально-технических предпосылок революции. Ленин писал: «Война причинила такие неслыханные бедствия воюющим странам, а в то же время она так гигантски ускорила развитие капитализма, превращая монополистический капитализм в государственно-монополистический, что ни пролетариат, ни революционная мелкобуржуазная демократия *не могут* ограничиться рамками капитализма.

Жизнь уже пошла дальше этих рамок, поставив на очередь дня регулирование производства и распределения в общегосударственном масштабе, всеобщую трудовую повинность, принудительное синдицирование (объединение в союзы) и т. д.»[24]

Выступая на VII Всероссийской конференции РСДРП(б), В. И. Ленин говорил: «В особенности в XX веке развитие капитализма гигантскими шагами пошло вперед, а война сделала то, что не было сделано за 25 лет. Огосударствление промышленности пошло вперед не только в Германии, но и в Англии. От монополии вообще перешли к государственной монополии. Объективное положение дел показало, что война ускорила развитие капитализма, и оно шло вперед от капитализма к империализму, от монополии к огосударствлению. Это все придвинуло социалистическую революцию и создало объективные условия для нее. Таким образом, социалистическая революция придвинута ходом войны»[25]. В работе «Война и революция» Ленин писал: «Господство капитализма прекратить было бы невозможно, если бы к этому не вело все экономическое развитие капиталистических стран. Война ускорила этот процесс, и это сделало капитализм невозможным»[26].

Во-вторых, В. И. Лениным была охарактеризована роль войны в обострении противоречий империализма, которые вели к социальным конфликтам. Ленин писал: «Европейская война означает величайший исторический кризис, начало новой эпохи. Как вся-

кий кризис, война обострила глубоко таившиеся противоречия и вывела их наружу, разорвав все лицемерные покровы, отбросив все условности, разрушив гнилые или успевшие подгнить авторитеты»[27]. Отмечая масштабы кризиса, порожденного империалистической бойней, он указывал: «На почве всемирного разорения, созданного войной, растет, таким образом, всемирный революционный кризис, который, какие бы долгие и тяжелые перипетии он ни проходил, не может кончиться иначе, как пролетарской революцией и ее победой»[28].

Отмечая установление господства финансового капитала «великих держав» над миром, В. И. Ленин показал изменение содержания национального вопроса в условиях империализма. Он писал: «Империализм означает перерастание капиталом рамок национальных государств, он означает расширение и обострение национального гнета на новой исторической основе. Отсюда вытекает... что мы должны *связать* революционную борьбу за социализм с революционной программой в национальном вопросе. ⟨...⟩

Империализм есть прогрессирующее угнетение наций мира горсткой великих держав, есть эпоха войн между ними за расширение и упрочение гнета над нациями, эпоха обмана народных масс лицемерными социал-патриотами, т. е. людьми, которые *под предлогом* «свободы наций», «права наций на самоопределение» и «обороны отечества» оправдывают и защищают угнетение большинства наций мира великими державами»[29]. Лениным были отмечены и некоторые своеобразные черты развития социалистической революции, вернее, ее возникновения в угнетенных и угнетающих странах. Так, в заметках «К пересмотру партийной программы» указывалось: «Может быть, было бы целесообразно сильнее подчеркнуть и нагляднее выразить в программе выделение кучки богатейших империалистских стран, паразитически наживающихся грабежом колоний и слабых наций. Это — крайне важная особенность империализма, которая, между прочим, до известной степени облегчает возникновение глубоких революционных движений в странах, которые подвергаются империалистскому грабежу, которым угрожает раздел и удушение их гигантами-империалистами (такова Россия), и, наоборот, до известной степени затрудняет возникновение глубоких революционных движений в странах, которые грабят империалистски много колоний и чужих стран, делая таким образом очень большую (сравнительно) часть своего населения *участником* дележа империалистской добычи»[30].

Отмечая тенденцию изменений политической надстройки над монополистическим капитализмом, В. И. Ленин определял ее как «поворот *от* демократии *к* политической реакции»[31]. В этой связи он обращал внимание на различные задачи борьбы за демократию, которые неизбежно будут возникать в ходе грядущей социалистической революции, и умение пролетариата возглавить эту борьбу. Ленин писал: «Социалистическая революция в Европе *не*

может быть ничем иным, как взрывом массовой борьбы всех и всяческих угнетенных и недовольных. Части мелкой буржуазии и отсталых рабочих неизбежно будут участвовать в ней — без такого участия *не* возможна *массовая* борьба, не возможна *никакая* революция — и столь же неизбежно будут вносить в движение свои предрассудки, свои реакционные фантазии, свои слабости и ошибки. Но *объективно* они будут нападать на *капитал*, и сознательный авангард революции, передовой пролетариат, выражая эту объективную истину разношерстной и разноголосой, пестрой и внешнераздробленной массовой борьбы, сможет объединить и направить ее, завоевать власть, захватить банки, экспроприировать ненавистные всем (хотя по разным причинам!) тресты и осуществить другие диктаторские меры, дающие в сумме ниспровержение буржуазии и победу социализма, которая далеко не сразу «очистится» от мелкобуржуазных шлаков»[32].

Из приведенных ленинских оценок процесса формирования исторических предпосылок социалистической революции очевидно, что сочетание объективных сторон (уровень социально-экономической зрелости и наличие революционной ситуации), а также субъективных факторов, позволяющих отдельным странам реализовать сложившиеся возможности для победы социализма, весьма неоднозначно в силу неравномерности экономического и политического развития этих стран в эпоху империализма, в том числе различного соотношения задач буржуазно-демократических преобразований и социалистических. Отсюда вытекает задача более последовательно проследить анализ В. И. Лениным складывания предпосылок социалистической революции в конкретных условиях России.

Первоначальные оценки В. И. Лениным уровня социально-экономического развития России были связаны, как известно, с определением задач и движущих сил буржуазно-демократической революции, идеей гегемонии пролетариата в этой революции и выявлением возможностей ее перерастания в социалистическую, что было обусловлено не только предполагаемым революционным взрывом в передовых странах Европы[33], но и глубиной противоречий, порожденных российским капитализмом. В работах Ленина 90-х — начала 900-х годов отмечалась достаточная развитость капитализма в России, и она характеризовалась как капиталистическая страна. Так, говоря о практической программе российской социал-демократии, Ленин указывал, что она основывалась на заключении о буржуазной (капиталистической) организации общественного хозяйства страны и определялась убеждением примкнуть к борьбе «пролетариата с буржуазией, борьбе неимущих классов против имущих, которая составляет главное содержание экономической действительности России, начиная от глухой деревушки и кончая новейшей усовершенствованной фабрикой»[34]. И оценивая российскую действительность с точки зрения показа предпосылок грядущего социалистического строя, Ленин писал здесь же: «Капитализм довел главные отрасли

промышленности до стадии крупной машинной индустрии; обобществив таким образом производство, он создал материальные условия новых порядков и в то же время создал новую социальную силу: класс фабрично-заводских рабочих, городского пролетариата»[35]. В работах этого периода Ленин настойчиво выступал как против идеи народников о случайности в пореформенной России проявления «вершин» капитализма в виде «фабричного производства, железных дорог, банков и т. п.», так и против воззрений Струве, что русский капитализм — это нечто «будущее, а не настоящее»[36].

Последовательная и развернутая характеристика экономического строя России конца XIX в. как капиталистического дана В. И. Лениным в работе «Развитие капитализма в России» на основе анализа всех его основных компонентов. В результате тщательного и всестороннего изучения разнообразных материалов, преимущественно статистических, Ленин отмечает, во-первых, что «строй общественно-экономических отношений в крестьянстве (земледельческом и общинном) показывает... наличность всех тех противоречий, которые свойственны всякому товарному хозяйству и всякому капитализму»[37]; во-вторых, что «экономическая организация современного помещичьего хозяйства сводится к двум основным системам в самых различных сочетаниях, именно к системе *отработочной* и *капиталистической*»[38]; в-третьих, что «основная черта пореформенной эволюции земледелия состоит в том, что оно принимает все более и более торговый, предпринимательский характер» и что прогрессивная историческая роль русского земледельческого капитализма состоит в обобществлении сельскохозяйственного производства[39]. Наконец, пореформенное развитие промышленности в России ознаменовано утверждением крупной машинной индустрии (не исключавшим роста и распространения ранних стадий и более примитивных форм капиталистической промышленности в отдельных отраслях и регионах), которая «обобществляет производство страны, а вместе с тем и участников производства»[40]. Резюмируя анализ процессов, происходивших в стране и решительно возражая против утверждения либеральных народников, что капитализм в России отмежевал себе лишь небольшой уголок, Ленин писал, определяя две основные черты ее хозяйственного строя: «Во-1-х, в основе этого строя лежит денежное хозяйство. «Власть денег» проявляется с полной силой и в промышленности и в земледелии, и в городе и в деревне, но только в крупной машинной индустрии она достигает полного развития, вытесняет совершенно остатки патриархального хозяйства, концентрируется в небольшом числе гигантских учреждений (банков), связывается непосредственно с крупным общественным производством. Во-2-х, в основе современного хозяйственного строя лежит купля-продажа рабочей силы. Возьмите даже самых мелких производителей в земледелии или в промышленности, и вы увидите, что исключением является такой, который бы не нанимался сам или не нанимал других. Но опять-таки пол-

ного развития и полного отделения от прежних форм хозяйства эти отношения достигают только в крупной машинной индустрии»[41]. В заключении своей книги Ленин подчеркивал: «Пореформенная эпоха резко отличается в этом отношении от предыдущих эпох русской истории. Россия сохи и цепа, водяной мельницы и ручного ткацкого станка стала быстро превращаться в Россию плуга и молотилки, паровой мельницы и парового ткацкого станка»[42].

Как известно, в работе «Развитие капитализма в России» шло исследование социально-экономических процессов преимущественно в так называемых центральных, «великорусских» губерниях. Однако В. И. Лениным был высказан целый ряд принципиальных положений относительно процесса развития капитализма на окраинах, в том числе национальных. Суть их состоит в том, что «капитализм не в состоянии повторять одни и те же процессы производства в прежних размерах, при неизменных условиях (как это было при докапиталистических режимах), что он неизбежно ведет к безграничному росту производства, перерастающему старые, узкие границы прежних хозяйственных единиц»[43]. Это свойство капитализма и стало основой того процесса, который был определен Лениным как «развитие капитализма вширь, т. е. распространение сферы господства капитализма на новые территории»; «расширение капитализма на другие территории (отчасти совершенно не занятые и заселяемые выходцами из старой страны, отчасти занятые племенами, стоящими в стороне от мирового рынка и мирового капитализма)»[44]. «В России,— писал Ленин, — это последнее стремление капитализма особенно рельефно сказалось и продолжает сказываться на наших окраинах, колонизация которых получила такой громадный толчок в пореформенный, капиталистический период русской истории. Юг и юго-восток Европейской России, Кавказ, Средняя Азия, Сибирь служат как бы колониями русского капитализма и обеспечивают ему громадное развитие не только вглубь, но и вширь»[45]. Не имея возможности более подробно остановиться на этом вопросе, укажем лишь еще на несколько замечаний Ленина, которые важны для последующего понимания проблемы. Во-первых, вопрос о территориях для развития капитализма вширь не сводится к окраинам, в частности азиатским, а включает и Европейскую Россию. Во-вторых, замедление роста капитализма или, точнее, разрешение противоречий, мешающих его росту в результате развития капитализма вширь, «равносильно подготовке еще большего и более широкого роста его в ближайшем будущем»[46]. Это последнее обстоятельство связано с тем, что, как писал Ленин, в действительности обе стороны процесса развития капитализма «тесно слиты, и разделение их есть лишь абстракция, лишь прием исследования сложного процесса»[47]. Неслучайно, он отмечал, что процесс колонизации русской буржуазией окраин несет им «прелести буржуазных порядков, выращивая с особенной быстротой и там промышленную и земледельческую буржуазию и бросая

массу производителей в ряды вечно голодного безработного люда»[48].

В работах периода первой революции и особенно кануна мировой войны В. И. Ленин неоднократно подчеркивал ускорившийся процесс проникновения капиталистических отношений во все сферы жизни страны. Так, отмечая громадные перемены 1905—1914 гг., он писал: «Россия как будто сразу превратилась из патриархальной в современную капиталистическую страну...

Разумеется, «внезапное» превращение России в буржуазную страну возможно было в течение пяти или десяти лет XX века только потому, что вся вторая половина прошлого века была одним из этапов смены крепостнических порядков буржуазными»[49]. Особенно важны замечания Ленина об усилившемся процессе концентрации промышленности, что было непосредственно связано с повышением уровня обобществления производства и труда[50]. Говоря о процессах, происходивших в аграрном строе, Ленин писал в 1912 г.: «В России, несомненно, уже упрочилось и неуклонно развивается... капиталистическое устройство земледелия. И помещичье и крестьянское хозяйство эволюционируют именно в этом направлении». Лениным тогда же отмечалось, что требование коренной ломки средневекового, полукрепостнического землевладения диктуется несоответствием «между ним и всей системой народного хозяйства, сделавшегося капиталистическим»[51].

Однако, говоря об «успехах» развития капитализма в России в конце XIX в. и бурном его росте в начале XX в., В. И. Ленин всегда подчеркивал такие явления российской действительности, как общая технико-экономическая отсталость страны, господство в отдельных отраслях и областях первичных форм капитализма, существование на значительной части территорий патриархального уклада, наличие районов, далеких от мировой культуры и цивилизации, и т. д. В свете рассматриваемой проблемы важны факты отсталости земледелия и особенно землевладения, сохранения многочисленных остатков крепостничества, что задерживало развитие капитализма не только в аграрном строе страны, но оказывало тормозящее влияние на общий процесс роста капитализма, приводило к консервации докапиталистических и раннекапиталистических форм в промышленности, торговле и сфере кредита и, безусловно, сдерживало вызревание социально-экономических предпосылок социалистической революции. Именно поэтому Ленин всегда подчеркивал, что слабость развития капитализма увековечивает «технический застой и кабалу производителя», что рабочему классу «*выгодно* устранение всех остатков старины, мешающих широкому, свободному и быстрому развитию капитализма»[52]. В то же время нельзя забывать, что феодальные пережитки не могли остановить естественный и объективный процесс развития крупного капиталистического производства.

Сложившийся в начале XX в. в России социально-экономический строй, развиваясь по законам капитализма, имел ряд особенностей. Еще в работе «Развитие капитализма в России»

Ленин писал о противоречии «между капиталистической крупной индустрией и архаическими учреждениями в сельской жизни»[53]. В дальнейшем он не раз подчеркивал: «...противоречие между сравнительно развитым капитализмом в промышленности и чудовищной отсталостью деревни становится вопиющим...»[54]. В то же время во всех подобных высказываниях Ленина нет контрастного противопоставления развития промышленного и аграрного капитализма. Наиболее определенно эта мысль высказана в словах: «...есть противоречие между капитализмом, высоко развитым в нашей промышленности, значительно развитым в нашем земледелии, и *землевладением*, которое продолжает оставаться средневековым, крепостническим»[55]. В условиях превращения российского капитализма в империализм глубина этого противоречия увеличивалась, что и было подчеркнуто Лениным: «...самое отсталое землевладение, самая дикая деревня — самый передовой промышленный и финансовый капитализм!»[56]. Подытоживая вопрос об указанных особенностях России, следует обратить внимание на такие моменты. Отставание развития капитализма в сельском хозяйстве по сравнению с промышленностью, сохранение отдельных пережитков феодализма, длительное существование и даже возрождение раннекапиталистических форм промышленности и некоторые другие явления подобного рода не составляли сами по себе специфики российского капитализма. Дело было в масштабе и живучести этих явлений, к тому же сочетавшихся с сохранением отсталой и реакционной политической надстройки. Кроме того, если в передовых капиталистических странах эти процессы были часто разделены территориально (метрополии и колонии), то в России они соединялись в рамках единого экономического и политического комплекса.

Более определенно и конкретно вопрос о степени зрелости в России материально-технических предпосылок социалистической революции встал в условиях перехода к империализму, империалистической войны и порожденного ею кризиса, в условиях свержения самодержавия и возникновения Советов как органов пролетарской диктатуры, когда стала очевидной невозможность в решении насущных задач, стоявших перед страной, оставаться на почве капитализма. В. И. Ленин писал в апреле 1917 г.: «*Надо* делать решительные шаги к свержению капитала. Их надо делать умело и постепенно, опираясь *только* на сознательность и организованность подавляющего большинства рабочих и беднейших крестьян»[57]. Наиболее ярко коренное изменение ситуации и наполнение старых формул новым содержанием было отмечено Лениным в раскрытии пути решения аграрного вопроса. Он писал: «...буржуазия в России теснейшим образом слилась с помещиками, это ясно. 〈...〉 Буржуазия превосходно понимает то, чего не понимают мелкобуржуазные болтуны из эсеров и «левых» меньшевиков, именно, что *нельзя* отменить частную собственность на землю в России, и притом без выкупа, без гигантской экономической революции, без взятия под общенародный контроль бан-

ков, без национализации синдикатов, без ряда самых беспощадных революционных мер против капитала»[58]. Им же отмечалось: «...конфискация всей частновладельческой земли означает конфискацию сотен миллионов капитала банков, в которых эти земли большею частью заложены. Разве мыслима такая мера без того, чтобы революционный класс революционными мерами сломил сопротивление капиталистов. При этом речь идет о наиболее централизованном, банковом капитале, который миллиардами нитей связан со всеми важнейшими центрами капиталистического хозяйства громадной страны и который может быть побежден только не менее централизованной силой городского пролетариата»[59]. Ленин указывал на невозможность в условиях капитализма решения таких вопросов, как национальный, выход из войны и заключение мира без аннексий[60].

Возражая представителям мелкобуржуазных партий, В. И. Ленин подчеркивал, что эти шаги к социализму в России «вполне осуществимы экономически»[61]. Лениным были отмечены те факты и явления социально-экономического развития, которые свидетельствовали и о наличии необходимого минимума объективных предпосылок социалистической революции и о достаточной степени их зрелости. Этим сюжетам в ленинских работах апреля — октября 1917 г. уделено много внимания, что вытекало из принципиального положения: «...никакое восстание не создаст социализма, если он не созрел экономически...»[62]. Как было отмечено выше, к материально-техническим предпосылкам, которые обеспечивали возможность осуществления социалистических преобразований, Ленин относил крупную монополизированную промышленность, банки и всю систему финансового капитала, государственно-монополистические учреждения, сеть коммуникаций. Еще в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» им было замечено, что «слияние банкового и промышленного капитала, в связи с образованием капиталистических монополий, сделало и в России громадные шаги вперед»[63]. В ленинских выступлениях и статьях 1917 г. проявления этого процесса получили более развернутую характеристику. Ленин не раз указывал на факт существования в России «монополистических финансовых организаций, крупных банков, синдикатов и картелей капиталистов»[64]. Он писал: «Что в России тоже капитализм стал монополистическим, об этом «Продуголь», «Продамет», сахарный синдикат и пр. свидетельствуют достаточно наглядно»[65].

В системе материально-технических предпосылок социалистической революции В. И. Ленин особую роль отводил банкам, значение которых в хозяйстве России им было отмечено в работах «Удержат ли большевики государственную власть?» и «Грозящая катастрофа и как с ней бороться». Хотя в приводимых далее ленинских оценках отсутствует прямое указание на российские банки, но это вытекает из всего контекста работ, в которых формулировались ближайшие и непосредственные задачи и лозунги партии. Так, говоря о необходимости национализации банков в

России, Ленин указывал: «Банки, как известно, представляют из себя центры современной хозяйственной жизни, главные нервные узлы всей капиталистической системы народного хозяйства. ⟨...⟩

⟨...⟩ Современные банки так тесно и неразрывно срослись с торговлей (хлебной и всякой иной) и промышленностью, что, не «накладывая рук» на банки, решительно ничего серьезного, ничего «революционно-демократического» сделать нельзя»[66].

Выдвигая задачи национализации синдикатов и банков, принудительного синдицирования и создания союзов служащих, В. И. Ленин еще и еще раз подчеркивал, что эти меры не могут встретить препятствий, когда речь идет о крупной промышленности, потому что здесь имелись технические и культурные средства и силы, потому что это было закономерное движение вперед от того уровня обобществления, который был достигнут в банковском деле и монополизированных производствах[67].

В. И. Лениным был отмечен и такой важный процесс российской экономики, как возникновение и развитие государственно-монополистического капитализма. Он писал: «Возьмите сахарный синдикат или казенные железные дороги в России или нефтяных королей и т. п. Что это такое, как не государственный капитализм? Можно ли «перемахивать» через то, *что уже существует*?»[68] Формированию государственно-монополистического капитализма Ленин придавал особое значение[69]. В условиях государственно-монополистического капитализма учетно-регистрационная деятельность определенной части государственного аппарата поднималась на новую ступень. Оценивая развитие монополистического капитализма в целом, а равно и российского как его составной части, Ленин так определял необходимость и возможность движения к социализму: «...социализм теперь смотрит на нас через все окна современного капитализма, социализм вырисовывается непосредственно, *практически*, из каждой крупной меры, составляющей шаг вперед на базе этого новейшего капитализма»[70].

В работах и выступлениях 1917 г. В. И. Ленин не раз останавливался на характеристике российского пролетариата, его способности привести в движение государственный аппарат, привлечь на свою сторону широкие массы трудящихся и угнетенных, перейти к организации производства и т. д. Он отмечал, что в России есть «сознательные дисциплинированные долгой капиталистической «выучкой»... рабочие»[71], которые в состоянии решить эти задачи и которые уже активно приступили к их осуществлению[72].

Наряду с характеристикой завоеваний, осуществленных «крупнейшим капитализмом», опираясь на которые пролетарская революция была способна достигнуть своей цели[73], В. И. Лениным были отмечены также факторы, которые ускорили как сам процесс формирования материально-технических предпосылок социалистической революции в России, так и углубление революционной ситуации, выдвинув на повестку дня именно социалистические преобразования. К числу важнейших из них, безусловно, относились война и свержение самодержавия. Сравнивая период

1905—1907 гг. и 1917 год, Ленин писал: «Тогда был канун буржуазной революции или недовершенная буржуазная революция, и вся задача состояла в том, чтобы довести ее до свержения монархии, прежде всего.

Теперь монархия свергнута. Буржуазная революция завершена постольку, поскольку Россия оказалась демократической республикой с правительством из кадетов, меньшевиков и эсеров. А война за три года подтащила нас вперед лет на тридцать, создала в Европе всеобщую трудовую повинность и принудительное синдицирование предприятий, довела самые передовые страны до голода и неслыханного разорения, заставляя делать шаги к социализму.

Только пролетариат и крестьянство могут свергнуть монархию — таково было основное, по тогдашнему времени, определение нашей классовой политики. 〈...〉

Только пролетариат, руководящий беднейшим крестьянством... может кончить войну демократическим миром, залечить ее раны, начать ставшие безусловно необходимыми и *неотложными* шаги к социализму — таково определение нашей классовой политики теперь» [74].

Оценивая роль войны в развитии революционной ситуации и в выдвижении задачи свержения власти капитала, В. И. Ленин говорил: «Не потому ли большинство рабочих, крестьян и солдат стало на нашу сторону, что они увидели на собственном опыте результаты войны и то, что выхода из старого общества нет и что капиталисты со всеми чудесами техники и культуры вступили в истребительную войну, что люди дошли до озверения, одичания и голода. Вот что сделали капиталисты, и вот почему возникает перед нами вопрос: либо гибнуть, либо ломать до конца это старое буржуазное общество» [75].

В целом ряде ленинских работ были рассмотрены также условия, которые облегчали начало социалистической революции в России, способствовали возникновению наиболее массовых революционных движений в стране, обеспечивали возможность пролетариату более последовательно реализовать свою историческую миссию. Важнейшим фактором среди них была экономическая слабость российского империализма, ставившая его в зависимое положение от богатейших империалистических стран и мешавшая ему осуществлять в значительных масштабах подкуп и развращение рабочего класса путем дележа империалистической добычи [76]. Нельзя забывать, что даже подчинение собственных колоний господству финансового капитала осуществлялось российской буржуазией при активном содействии и участии западноевропейского капитала. Напомним в этой связи одно важное положение В. И. Ленина: «...пролетариат в империалистскую эпоху, в силу объективных причин, разделился на два международных лагеря, из коих один развращен крохами, падающими со стола великодержавной буржуазии, — между прочим, и от двойной или тройной эксплуатации мелких наций, — а другой не может освобо-

диться сам, не освобождая мелких наций, не воспитывая массы в антишовинистском, т. е. антианнексионистском, т. е. «самоопределенческом» духе»[77]. Бесспорно, что российский пролетариат был составной частью этого второго лагеря, хотя он и включал отряды пролетариата угнетающей и угнетенных наций. Происходило это в силу того, что, во-первых, русский рабочий класс сам был политически бесправен и жестоко эксплуатировался из-за существования военно-феодального империализма, неразвитости капитализма[78]. Во-вторых, буржуазия угнетенных наций, особенно экономически развитых, борясь прежде всего за привилегии своей нации, объективно помогала реакционной политике самодержавия, а затем Временного правительства как приказчика англо-французского империализма[79]. Ленин отмечал в этой связи: «Россия есть тюрьма народов не только в силу военно-феодального характера царизма, не только потому, что буржуазия великорусская поддерживает царизм, но и потому, что буржуазия польская и т. д. интересам капиталистической экспансии принесла в жертву свободу наций, как и демократизм вообще»[80]. Им же указывалось, что «пятый год объединил рабочих всех наций России»[81]. В годы империалистической войны, когда приблизилось свершение социалистической революции, Ленин писал о специфике национального вопроса в России: «Трудность создает до известной степени то, что в России борется и должен бороться рядом пролетариат угнетенных наций и пролетариат угнетающей нации. Отстоять единство классовой борьбы пролетариата за социализм, дать отпор всем буржуазным и черносотенным влияниям национализма — вот в чем задача»[82]. Все это расширяло в сумме в России фронт «общедемократического (ныне: общесоциалистического) *мирового* движения»[83].

В. И. Лениным были отмечены также те особенности России, которые затрудняли победу социалистической революции и проведение социалистических преобразований. Он писал в этой связи: «Объективное положение таково: громадное большинство населения страны мелкобуржуазно по своему жизненному положению и еще более по своим идеям. Но в стране царит крупный капитал, через банки и через синдикаты в первую голову»[84]. Мелкобуржуазность страны выражалась прежде всего в том, что крупнокапиталистическое производство не сложилось окончательно в аграрном строе. Кроме того, в ряде отраслей промышленности, торговли и кредита были по-прежнему распространены примитивные формы капитализма. Еще более значительно мелкобуржуазность сказывалась в общем уровне культуры трудящихся масс, их психологии, политическом самосознании. Лениным в различных материалах 1917 г. к пересмотру партийной программы подчеркивалось сохранение в России и докапиталистических форм. Настаивая на изложении в теоретической части программы анализа капитализма как общественно-экономического строя и его характерных особенностей, он отмечал, что они «*не* изменены в корне империализмом, эпохой финансового капитала», что «империализм

на самом деле не перестраивает *и не может перестроить* капитализма снизу доверху». И Ленин подчеркивал: «В России, кроме того, было бы неправильно изображать империализм как связное целое (империализм вообще есть несвязное целое) — потому, что в России очень еще не мало областей и отраслей труда с переходом от натурального и полунатурального хозяйства к капитализму. Это — отсталое, это — слабое, но это все же существует и при известных условиях это может внести элемент затяжки в крахе империализма» [85].

Исходя из того, что «Россия — крестьянская страна, одна из самых отсталых европейских стран» и что поэтому «*непосредственно* в ней *не может* победить *тотчас* социализм» [86], В. И. Ленин сформулировал положение о тех условиях, которые могли обеспечить победоносное завершение социалистической революции. Такими условиями могли быть: наступление социалистической революции в передовых капиталистических странах; при отсутствии пролетарской революции в Европе судьба и исход русской революции зависели всецело от того, «удастся ли городскому пролетариату повести за собой сельский пролетариат и присоединить к нему массу полупролетариев деревни» [87]. Однако, чтобы была возможность реализовать то или другое условие, пролетариат России должен был добиваться наиболее последовательного решения задач буржуазно-демократической революции, осуществления тех мер, которые в обстановке двоевластия, господства финансового капитала, разрухи, порожденной империалистической войной, означали неотложные, практически назревшие шаги к социализму. При этом Ленин еще и еще раз отмечал, что «такие меры экономически вполне назрели, технически безусловно осуществимы немедленно» [88].

На новом уровне и в новых условиях вопрос об объективных предпосылках социалистической революции был поставлен в работах В. И. Ленина послеоктябрьского периода. Он выдвигался в связи с решением проблем проведения первых социалистических преобразований, выработки плана построения социализма в одной стране, поиска путей и методов налаживания союза с крестьянством [89]. Наиболее концентрированное выражение вопрос о наличии в России социально-экономических предпосылок социалистического переустройства общества получил в стенографическом варианте статьи «Очередные задачи Советской власти». В тексте этой работы указывается, что задача экономической реорганизации страны «разделяется на две главные рубрики: 1) учет и контроль за производством и распределением продуктов в наиболее широких, повсеместных и универсальных формах этого учета и контроля и 2) повышение производительности труда». И далее отмечается: «Эти задачи могут быть разрешены какой угодно коллективностью или каким угодно государством, переходящим к социализму, лишь при условии, что основные экономические, социальные, культурные и политические предпосылки этого в достаточной степени созданы капитализмом. Без крупного машинного производ-

ства, без более или менее развитой сети железных дорог, почтово-телеграфных сношений, без более или менее развитой сети учреждений народного образования, — ни та, ни другая задача в систематическом виде и во всенародном объеме, безусловно, не могли бы быть решены. Россия находится в таком положении, когда целый ряд из первоначальных предпосылок подобного перехода имеется налицо. С другой стороны, целый ряд подобных предпосылок отсутствует в нашей стране, но может быть заимствован ею сравнительно легко из практического опыта соседних, гораздо более передовых, стран...» [90].

Итак, в данном отрывке вполне определенно говорится о целой системе материально-технических предпосылок, которые сложились в России. Именно это и позволяло В. И. Ленину говорить о среднем уровне развития российского капитализма и высмеивать тех буржуазных и ревизионистских оппонентов, которые не уставали утверждать, что Россия не доросла до социализма, что она не достигла такой высоты развития производительных сил, при которой возможен социализм [91]. Ленин не раз подчеркивал, что Октябрьская революция при всем своеобразии ее осуществления отражала общую закономерность развития во всемирной истории, т. е. назревшую необходимость замены капиталистического строя социалистическим.

Даже весьма краткое изложение ленинских оценок социально-экономических предпосылок социалистической революции в России показывает все их теоретическое и методологическое богатство. Это позволяет в то же время говорить о необходимости более полного и всестороннего изучения литературно-документального наследия В. И. Ленина с целью всестороннего освещения всей его концепции исторических предпосылок Октября. В этой связи особенно важно раскрыть ленинские положения об Октябрьской революции как начале мировой социалистической революции, более точно проанализировать те аналогии и сопоставления, которые Ленин проводил между Россией и высокоразвитыми капиталистическими странами, между Россией и колониальным Востоком; наконец, выявить те ленинские характеристики, которые относились к странам, где, как и в России, не были завершены буржуазные преобразования и которые были близки к России по уровню своего социально-экономического развития.

Важными теоретико-методологическими источниками, сформулировавшими марксистско-ленинское понимание проблемы социально-экономических предпосылок социалистической революции, являются документы КПСС и особенно программы партии. В Программе РКП(б), принятой в 1919 г. на VIII съезде, была раскрыта историческая неизбежность и возможность победы Великой Октябрьской социалистической революции как следствия развития мирового капитализма. В заключительной части теоретического раздела Программы характеризовались как материальные условия подготовки социализма, так и причины углубления революционной ситуации: «И чрезвычайно высокая степень развития ми-

рового капитализма вообще; и смена свободной конкуренции государственно-монополистическим капитализмом; и подготовка банками, а равно союзами капиталистов, аппарата для общественного регулирования процесса производства и распределения продуктов; и стоящий в связи с ростом капиталистических монополий рост дороговизны и гнета синдикатов над рабочим классом, закрепощение его империалистским государством, гигантское затруднение экономической и политической борьбы пролетариата; и ужасы, бедствия, разорение, порождаемые империалистской войной, — все это сделало неизбежным крах капитализма и переход к высшему типу общественного хозяйства»[92]. Обращаясь к определению конкретных задач диктатуры пролетариата в России, Программа отмечала в качестве особенности страны преобладание в ней мелкобуржуазных слоев населения.

В исторической ретроспективе вопрос о предпосылках Октября был освещен в Программе партии, принятой в 1961 г. на XXII съезде КПСС. В ней прежде всего отмечалось, что *«мировая капиталистическая система в целом созрела для социальной революции пролетариата»*. Однако в силу неравномерности экономического и политического развития капиталистических стран при империализме революции осуществляются разновременно. В Программе подчеркивалось: «Россия была наиболее слабым звеном в системе империализма и узловым пунктом всех его противоречий. Вместе с тем, в ней сложились и необходимые условия для победы социализма». Далее в Программе указывалось, что рабочий класс России, возглавлявшийся марксистско-ленинской партией, «отличался самой высокой в мире революционностью, организованностью и обладал большим опытом классовой борьбы». Программа партии отмечала, что строительство социализма в СССР «неимоверно затруднялось социально-экономической, технической и культурной отсталостью страны». В то же время подчеркивалось: «Противники ленинизма утверждали, что Россия якобы не созрела для социалистической революции, что построить социализм в одной стране невозможно. Но противники ленинизма были посрамлены»[93].

Новая редакция Программы КПСС, принятая на XXVII съезде КПСС, развивая положение о закономерности всемирно-исторического поворота человечества к социализму, начатого Октябрьской революцией, отмечает: **«Социализм, первоначально ставший действительностью в нашей стране, превратился в мировую систему.** В международном масштабе проверена практикой марксистско-ленинская теория построения нового общества, социализм утвердился на огромных пространствах Земли, дорогой созидания коммунистической цивилизации идут сотни миллионов людей»[94].

Проблема исторической закономерности свершения Октябрьской революции получила отражение в ряде партийных документов, посвященных юбилеям Октября. Особое место в них занимает показ великой всемирно-освободительной миссии пролетариата многонациональной России[95].

В рамках статьи невозможно остановиться подробно на всех этапах и аспектах изучения исторических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. В ходе дальнейшего изложения, во-первых, будет дана лишь общая характеристика основных этапов исследования этой проблемы, в том числе ее содержания в литературе отдельных периодов, а также главных результатов ее разработки. Во-вторых, будет преимущественно рассмотрена историография промышленного развития России и истории российского монополистического капитализма. Такое ограничение представляется оправданным, поскольку позволяет определить уровень изученности кардинальных процессов формирования социально-экономических предпосылок Октября. Именно в результате развития промышленного и финансового капитализма, как было показано на основе анализа ленинских текстов, достигался тот уровень обобществления производительных сил, который порождал углубление противоречий между трудом и капиталом, обусловил объективную необходимость замены капиталистического способа производства социалистическим. Одним из материально-технических итогов процесса развития капитализма было создание аппарата управления, который при переходе политической власти в руки пролетариата позволял ему приступить к организации социалистического хозяйствования. Наконец, социальной стороной развития промышленного капитализма, в том числе в его новейшую, монополистическую стадию, был рост пролетариата, способного не только свергнуть старый строй, но и построить новое общество.

Если история Октября была ведущей темой советской историографии еще на начальных этапах ее становления [96], то постановка в качестве самостоятельного вопроса об исторических предпосылках социалистической революции относится к середине 50-х годов [97]. С этого момента, собственно, развернулось изучение капиталистической эволюции России под углом зрения формирования социально-экономических и социально-политических предпосылок Октября. В исторической печати стали появляться специальные статьи по данной теме [98]. В одном из первых выступлений тех лет, докладе А. Л. Сидорова «Экономические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции», подчеркивалось: «Наличие достаточно развитых форм монополистического капитализма в ведущих отраслях хозяйства, несмотря на общую экономическую отсталость России сравнительно с главными империалистическими странами, — вот что создавало материальную основу социалистической революции» [99].

Важную роль в начавшейся разработке проблемы, определении ее общего содержания и ключевых аспектов, координации усилий и поисков исследователей сыграл Научный совет по проблеме «Исторические предпосылки Великой Октябрьской социали-

стической революции» (руководитель А. Л. Сидоров)[100]. Одним из первых шагов Совета стало издание специальной Записки, в которой подводились итоги предшествующего изучения социально-экономической истории России конца XIX — начала XX в. и революционного движения; намечались узловые проблемы общей темы исторических предпосылок революции в России[101]. К наиболее важным вопросам, нуждавшимся в первоочередной разработке, были отнесены: 1) развитие крупной капиталистической промышленности в России с конца XIX в. до 1917 г. в отраслевом и районном разрезах; 2) железнодорожное строительство и железнодорожное хозяйство периода империализма; 3) возникновение и развитие монополий в промышленности, в частности в машиностроении, легкой и пищевой промышленности и на транспорте; 4) банки и финансовый капитал, их роль в народном хозяйстве; 5) иностранный капитал, его роль и влияние на экономику страны; 6) развитие монополистического капитала и экономическая политика царизма (аграрная, промышленная, финансовая); 7) изменения в экономике страны в годы первой мировой войны; 8) сельское хозяйство страны; изменения в землевладении; помещичье и крестьянское хозяйство (с учетом особенностей эволюции этих хозяйств в различных районах страны); 9) колонии и полуколонии царской России в системе российского империализма; 10) история пролетариата России и его отдельных отрядов; складывание и рост пролетариата в национальных районах[102].

Вторая половина 50-х — середина 60-х годов[103] составили важный этап в изучении социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. Наиболее существенный вклад был внесен в разработку истории монополистического капитализма в России и в этой связи в исследование вызревания и складывания материально-технических предпосылок революции[104]. Главным итогом опубликованных в те годы работ стали положения о том, что Россия была страной среднего уровня развития капитализма, что она вступила в империалистическую стадию одновременно с западноевропейскими странами, что процесс монополизации ее народного хозяйства был идентичен этому процессу в других империалистических державах и, таким образом, можно было говорить «о принципиальном сходстве... российского монополистического капитализма с теоретическим эталоном «классического» империализма, представляющим собой суммарный опыт экономического развития передовых капиталистических стран в начале XX в.»[105]. Эти выводы основывались на всестороннем изучении процессов монополизации отдельных отраслей промышленности[106] и транспорта[107], исследовании форм и времени появления монополистических объединений, специфических условий их деятельности[108]. Большое внимание уделялось истории формирования финансового капитала, роли и участию в этом иностранного капитала, деятельности отдельных финансовых групп[109]. Были созданы труды о государственно-монополистическом капитализме в России[110]. Они вписывались в более ши-

рокий круг изучаемых вопросов взаимодействия промышленных и банковских монополий с правительством, экономической политики царизма и Временного правительства [111]. Активно велась разработка процессов развития российской экономики и финансовой системы в годы первой мировой войны [112]. Нельзя не отметить целого ряда исследований, посвященных социально-экономическому развитию отдельных регионов, в которых история монополистического капитализма занимала большое место [113]. Середина 60-х годов была ознаменована выходом ряда исследований по истории рабочего класса и буржуазии, которые своей проблематикой свидетельствовали уже о новых явлениях в историографии проблемы социально-экономических предпосылок Октября [114].

Определенным рубежом в рамках этого этапа стала сессия Научного совета, проходившая в 1961 г. и посвященная особенностям империализма в России [115]. Опираясь на предшествующие достижения научной разработки проблем монополистического капитализма, участники сессии подвергли критике, во-первых, распространенную в то время в литературе характеристику российского новейшего империализма как военно-феодального, во-вторых, утверждение о полуколониальной зависимости России [116]. Одновременно были высказаны интересные наблюдения об общем процессе монополизации промышленности [117]. Особенностью материалов сессии является преимущественное изучение ее участниками деятельности финансового, в частности иностранного, капитала в окраинных и слабо развитых в промышленном отношении районах. На сессии были выдвинуты задачи более углубленного изучения политической надстройки, социальной структуры российского общества (прежде всего истории пролетариата и буржуазии). Остро встал вопрос о более широком изучении аграрных отношений [118] и комплексном рассмотрении в связи с этим социально-экономического развития России в начале XX в. Правильное само по себе выдвижение новых задач и направлений исследований, к сожалению, не сопровождалось должным вниманием к разработке основной проблематики экономических предпосылок социалистической революции. Это наглядно проявилось на научных сессиях, посвященных истории первой мировой войны (1964 г.) и свержению самодержавия (1967 г.) [119].

В опубликованных материалах сессии 1964 г. лишь четыре доклада посвящены социально-экономической проблематике; соответственно в 1967 г.— три. Более того, в резолюции сессии 1964 г. прямо была обозначена переориентация исследователей. В ней отмечалось, что существует недостаточная разработанность ряда сквозных проблем истории российского капитализма и империализма и что это «во многом объясняется... отрывом экономической истории от социальной и политической истории, невниманием к национально-особенным проявлениям в России общих закономерностей складывания и развития российского капитализма». И далее в резолюции это положение конкретизировалось постановкой ряда задач. Речь шла о преимущественном изучении специфиче-

ского, особенного в развитии российского капитализма, об исследовании районов, «которые отличались от основных промышленных центров меньшим уровнем капиталистического развития», ставилась даже задача раскрыть «своеобразие социалистической революции» в таком районе, как Урал [120]. На первый план выдвигалось исследование общедемократического, национально-освободительного движения в Российской империи, перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую в национальных районах. Подобные идеи оказали, безусловно, определенное воздействие на проблематику следующего этапа историографии рассматриваемой проблемы [121].

В период с середины 60-х до середины 70-х годов было много сделано в разработке капиталистической эволюции аграрного строя России [122] и ее социально-политической истории, что способствовало в конечном итоге общему изучению социально-экономических предпосылок Октября. Одной из существенных особенностей этого историографического этапа стало более последовательное рассмотрение всего капиталистического периода отечественной истории. Это нашло отражение в широком изучении процессов, происходивших в России во второй половине XIX в., и в рассмотрении отдельных явлений и процессов в длительной исторической ретроспективе [123]. Нельзя не отметить в то же время возраставшую локальность исследований при значительном преобладании работ, которые были посвящены регионам, менее развитым в экономическом отношении. Это особенно отчетливо прослеживается в трудах по истории рабочего класса: абсолютное большинство из них посвящены сравнительно малочисленным его отрядам [124].

В рамках указанного этапа историографии имели место негативные явления, связанные с преувеличением социально-экономической отсталости России, неверной оценкой роли и значения крепостнических пережитков, с искажением соотношения развития капитализма снизу и насаждения его сверху, с неправильным пониманием характера мелкотоварного уклада в условиях капитализма и т. д. В итоге это привело к методологически ошибочному определению социально-экономического строя России как сочетания разнородных укладов, к отрицанию существования в истории российского капитализма эпохи «свободной конкуренции», к попытке выявить некий совершенно особый тип развития капитализма [125]. Этим ошибочным положениям был дан критический анализ в ряде дискуссионных статей [126] и историографических обзоров [127]. На разработке проблемы социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции эти утверждения сказались отрицательно, поскольку вызывали потерю интереса к истории российского монополистического капитализма. Кроме того, они порождали, как отмечает В. И. Бовыкин, ошибочные представления, что предпосылки социалистической революции в России состояли «не в конфликте производительных сил и производственных отношений, не в обострении порожденных

капитализмом противоречий, а в конфликте разнообразных укладов»[128]. Акцентирование внимания на отсталых явлениях социально-экономических процессов, утрата понимания ведущего начала в процессе созревания объективных предпосылок Октября привели к выводам об отсутствии «в отсталых колониальных окраинах материальных предпосылок для социалистической революции», что «пролетариат этих районов был слаб для осуществления гегемонии над непролетарскими массами»[129]. Отсюда можно было заключить, что Октябрьская революция не представляла единого процесса. Однако это противоречит как общей ленинской концепции вызревания социально-экономических предпосылок социалистической революции, так и конкретной единой стратегии и тактике партии в 1917 г.

Разработка истории промышленного и финансового капитала России во второй половине 60-х — начале 70-х годов велась сравнительно ограниченно, что проявилось особенно в сокращении исследований по монополизации промышленности, выявлению ее связей с банками. Резко упало число работ по истории государственно-монополистического капитализма. Вышедшие труды, как правило, посвящались отдельным наименее изученным темам. Наиболее комплексно исследовалась нефтяная промышленность Бакинского района и общие процессы развития в нем промышленности[130]. Это привело в конечном итоге к созданию обобщающего исследования А. С. Сумбатзаде «Социально-экономические предпосылки победы Советской власти в Азербайджане» (М., 1972).

Среди названных работ труды В. С. Дякина, К. Ф. Шацилло, Т. М. Китаниной, А. М. Соловьевой подводили итоги их предшествующих исследований и важны с точки зрения дальнейшего изучения проблем иностранного капитала, более сложных форм российских монополий, роли железнодорожного транспорта в развитии экономики страны. К ним близка работа Г. Х. Рабиновича. Ее несомненный научный интерес заключается в новизне выбранной темы, способах ее решения, значимости полученных результатов. В монографии Л. Е. Шепелева тщательно изучены темпы и особенности акционерного учредительства на различных этапах его истории, политика правительства по отношению к нему, структура системы акционерных компаний, сложившаяся в России в начале XX в., и основные тенденции ее развития. Процесс акционирования рассматривается как одна из непосредственных предпосылок широкой монополизации различных сфер народного хозяйства. Большое значение имеет заключительный раздел книги, показывающий пути использования акционерных компаний в условиях начавшихся социалистических преобразований.

В рамках рассматриваемого этапа по-прежнему большая группа работ была посвящена социально-экономическому развитию отдельных регионов. Многие из них специально освещали вопросы развития промышленности и рабочего класса, формирования промышленных центров, проникновения монополистического капитала

на новые территории и в новые отрасли промышленности [131]. В процессе изучения промышленности в отдельных районах накоплен материал о промышленных заведениях, характерных для начальных стадий развития капитализма. Появились и специальные работы на эту тему [132]. Значение подобных исследований состоит в раскрытии естественности пути формирования промышленного капитализма в России, в показе собственно того пути, который В. И. Ленин определял как бурное развитие капитализма «снизу» [133].

Начиная с середины 70-х годов в историографии проблемы исторических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции наступил новый этап, который продолжается до настоящего времени и отличается качественно иным уровнем ее разработки. Это было обусловлено влиянием по крайней мере трех факторов.

Во-первых, теоретическая разработка общих проблем социалистической революции в ряде фундаментальных трудов [134] позволила углубить понимание проблемы исторических предпосылок Октября, добиться более четкого определения содержания его объективных предпосылок, взаимодействия объективных и субъективных моментов в процессе их формирования. Это нашло отражение в работах, специально посвященных предпосылкам Октябрьской революции, а также в появлении исследований, которые содержали комплексное рассмотрение вопросов теории трех революций в России [135].

Во-вторых, нельзя не отметить начавшуюся с 70-х годов широкую разработку источниковедческих сюжетов истории социально-экономического развития России периода капитализма, постановку в историографии вопросов о методах исследования кардинальных проблем этого этапа отечественной истории [136]. В ходе этой работы решались такие важные вопросы, как расширение источниковой базы исследований, выявление источников, наиболее адекватно отражающих различные стороны социально-экономического развития, комплексное использование имеющихся источников, позволяющее не только выявить содержащуюся в них информацию, но и повысить эффективность ее отдачи. В литературе велись активный поиск более совершенных методик обработки и анализа источников и разработка на их основе более эффективных методов исследования изучаемых проблем. Достаточное представление об этих явлениях историографии дает коллективная монография «Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма» (М., 1979).

Наконец, на этом этапе стала давать результаты всесторонняя разработка проблемы исторических предпосылок Октябрьской революции. Хотя обобщающих работ еще нет, за исключением труда И. И. Минца «История Великого Октября», т. 1—3 (1-е изд. 1967—1973; 2-е изд. 1978—1979) [137], но отдельные исследования по конкретным темам, как правило, выполняются с учетом разработки в историографии и данной проблемы и сопредельных во-

просов. Роль обобщений в известном отношении выполняют как указанные выше теоретические исследования, так и историографические работы [138]. В них были сформулированы основные положения, раскрывающие общее и конкретно-историческое содержание понятий объективных и субъективных предпосылок Октябрьской революции [139]. Суть их сводится к следующему: «Складывание материальных основ для замены капиталистических производственных отношений социалистическими и возникновение условий для перехода политической власти к пролетариату — это две стороны процесса вызревания объективных предпосылок социализма как мировой системы, органически связанные между собой. Но в отдельных странах вследствие неравномерности капиталистического развития доминирует то одна, то другая сторона...

Лишь сочетание двух... объективных предпосылок — революционной ситуации и наличия необходимого минимума материальных основ для осуществления социалистических преобразований обусловливает возможность победы социализма в странах, первыми вступающих на этот путь. Для превращения такой возможности в действительность требуется также субъективный фактор: способность революционного класса добиться свержения существующего режима...

Россия в начале XX в. потому и оказалась слабым звеном в цепи мирового капитализма, что здесь, с одной стороны, сложилось необходимое сочетание известных объективных условий для завоевания политической власти пролетариатом и начала строительства основ социалистической экономики, а с другой стороны, имелся в наличии соответствующий субъективный фактор» [140].

Исходя из этих положений определялись три основных взаимосвязанных аспекта изучения предпосылок Великого Октября: «раскрытие социальной структуры российского общества, главным образом в плане выявления движущих и противоборствующих сил революции, анализ социально-экономических противоречий, приводивших эти силы в движение, а также материально-технических и организационных основ общества, способных заменить капиталистические производственные отношения социалистическими» [141]. Эти важнейшие направления были реализованы в конкретной проблематике современной историографии социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции.

Во второй половине 70-х — начале 80-х годов по-прежнему шла всесторонняя разработка истории капиталистической эволюции аграрного строя России, которая в конечном итоге имеет целью раскрыть объективно-экономические предпосылки социалистической революции в аграрной сфере социально-экономических отношений [142]. Советской аграрной историографии современного этапа присущи комплексный подход и фундаментальность в решении выдвигаемых задач, рассмотрение основных процессов развития капитализма в сельском хозяйстве страны во взаимодействии с другими сферами экономики. Это нашло отражение в целой се-

рии монографических исследований, ряд из которых был непосредственно направлен на преодоление ошибочных концепций 60-х — начала 70-х годов относительно характера аграрного строя России [143]. Упомянутые исследования созданы с учетом многообразной литературы более фрагментарного и локального характера, вносящей определенный вклад как в изучение отдельных проблем аграрного строя России, так и в выявление специфического и общего в аграрных отношениях отдельных регионов. Особо следует отметить новейшие работы, связанные с изучением производительных сил в земледелии, структуры и буржуазной эволюции крестьянского хозяйства, обострения социальных антагонизмов в деревне [144]. Важнейшей чертой современной историографии аграрного развития России являются широкая разработка источниковедческих проблем, совершенствование методов исследования, активное применение количественных методов и ЭВМ [145]. Показателем достигнутой глубины в изучении аграрного капитализма и эффективного использования при этом сложных математико-статистических методов является опыт обобщенной оценки уровня аграрного развития отдельных регионов, предпринятый в исследованиях И. Д. Ковальченко и Л. И. Бородкина [146].

На современном этапе советской историографии активно продолжалась разработка истории двух противоборствующих классов России — пролетариата и буржуазии. Изучение истории российской буржуазии ведется главным образом через призму ее отношений с самодержавием и дворянством. Такие вопросы, как формирование буржуазии, ее состав и численность в начале XX в., особенности отдельных групп, классовая консолидация, разработаны в исторической литературе недостаточно. Это затрудняет оценку социально-экономической роли буржуазии в конкретно-исторических условиях России, мешает выработке точных оценок ее политической деятельности [147].

Показателем достижений современной историографии рабочего класса является трехтомное коллективное исследование, посвященное истории российского пролетариата от его возникновения и до 1917 г.: «Рабочий класс России от зарождения до начала XX в.» (М., 1983); «Рабочий класс в первой российской революции. 1905—1907 гг.» (М., 1981); «Рабочий класс России. 1907—февраль 1917 г.» (М., 1982) [148]. В нем обобщены результаты многолетних исследований советских историков, что позволило создать яркую картину героической борьбы российского пролетариата. История рабочего класса в трехтомнике, как и в региональных работах, освещается на основе характеристики общего социально-экономического развития страны. В работе предложено решение одного из спорных вопросов историографии — о численности рабочего класса России, показано соотношение различных категорий лиц наемного труда, отмечена важность для России и трудность определения числа наемных рабочих в мелкой, кустарной промышленности, что требует дальнейшего изучения [149]. Во всех разделах монографии последовательно освещается социально-поли-

тический облик российского пролетариата. В то же время в работе нет достаточной четкости в определении той грани, которая позволяет говорить о пролетариате России как сложившемся классе капиталистического общества. Этот предел точно не обозначен в первом томе работы, так как названные хронологические рамки завершения промышленного переворота к 80—90-м годам слишком продолжительны и неоправданно сдвинуты к началу XX в. Кроме того, применительно к 1905—1917 гг. вряд ли правомерно говорить о как бы продолжающемся процессе формирования пролетариата. Здесь нужны, очевидно, иные категории и характеристики: количественный рост рабочего класса, повышение уровня его концентрации, качественные изменения пролетариата, связанные с повышением уровня культуры, организованности, политической активности и т. д. Для этого периода можно отметить возникновение и формирование его новых, в частности региональных и отраслевых, отрядов.

В историографии истории пролетариата и буржуазии еще существует ряд нерешенных, дискуссионных вопросов их изучения, некоторые из них отмечены выше. Требует более глубокого осмысления такой теоретико-методологический вопрос, как многонациональный характер российского пролетариата и соответственно буржуазии. Он имеет большое значение в плане раскрытия закономерностей складывания объективных и субъективных предпосылок социалистической революции как единого процесса для российского общества. Напомним, что интернационализм органически присущ пролетариату. В исторически сложившихся условиях России пролетариат формировался как класс многонациональный по своему составу и «борьба рабочих в национальных районах развивалась как естественная часть пролетарского движения страны» [150]. В. И. Ленин не раз писал о многонациональных пролетарских центрах в разных уголках России [151]. Этот факт подтверждается и конкретизируется на материале новейших исследований [152]. В трехтомной монографии показано, что многонациональный российский пролетариат как класс накануне Октября достиг определенного уровня социальной и политической зрелости. Однако нельзя сказать, что такой подход характерен для историографии в целом и особенно для региональных исследований. В последних можно встретить утверждения о чрезмерной слабости пролетариата в отдельных районах на основании подсчетов числа рабочих коренных национальностей и искусственного отделения русских рабочих и вообще выходцев из других районов страны. Гипертрофированное внимание к чисто цифровым показателям без учета общей конкретно-исторической обстановки, более того, попытка рассматривать отдельные регионы как отдельные страны (к тому же в современных национально-государственных границах) [153] приводят к противоречивым выводам. Например, авторы работы по истории рабочего класса дореволюционного Узбекистана, с одной стороны, утверждают: «Узбекистан накануне революции не прошел полностью капиталистической стадии разви-

тия, и формирование местного рабочего класса здесь осуществлялось в рамках феодальной формации, что определило специфические особенности этого процесса»[154], с другой стороны, они пишут о рабочем движении в Узбекистане как о неотъемлемой части политической жизни края и части общероссийского революционного движения[155].

При изучении российской буржуазии требуется также учесть важнейшие ленинские замечания об интернационализации капитала. В России этот процесс протекал особенно широко. Прежде всего в силу многообразных связей, которые существовали между представителями пестрой по своему национальному составу буржуазии ведущих промышленных регионов и формирующейся буржуазией отсталых окраин, между группами российской буржуазии в целом и иностранными предпринимателями.

Для решения многих вопросов состава, численности пролетариата и буржуазии, их экономического и социального облика требуется более широкое использование новых, особенно массовых, источников, совершенствование методов их изучения. Назовем ряд из них, которые мало введены в научный оборот и совершенно недостаточно освоены методически: материалы промышленных переписей, справочно-информационные издания, учетно-статистические материалы внутренней, первичной документации предприятий, данные статистики промыслового налогообложения и т. д.

Насущной задачей современной историографии является изменение той ситуации, которая продолжает сохраняться в изучении рабочего класса. Первое место по числу работ, последовательности изучения, наличию сугубо конкретных и обобщающих исследований по-прежнему прочно занимает разработка истории рабочего класса районов, слабо развитых в промышленном отношении[156]. Требуется такое же всестороннее исследование истории пролетариата ведущих промышленных центров.

Как уже отмечалось в литературе, в области истории промышленного капитализма для понимания складывания социально-экономических предпосылок социалистической революции важно более широко исследовать вопросы отраслевой структуры промышленности и ее размещения, уровня организации промышленного производства как в региональном, так и в общероссийском масштабе[157]. Практически в таком же виде эта задача определялась еще в упомянутой выше Записке 1958 г. С сожалением приходится констатировать ее нерешенность до настоящего времени. Сведения об общем промышленном развитии России опираются на экономические работы, созданные главным образом в 40—50-е годы. При всех своих достоинствах, они уже не могут удовлетворять современным потребностям науки, поскольку, во-первых, содержат, как правило, разработку лишь ограниченного числа показателей промышленного производства, во-вторых, созданы на основе таких концепций, как полуколониальная зависимость России, военно-феодальный характер российского новейшего империализма, неразвитость форм монополистических объединений и т. д.

Современная историография развития промышленного капитализма в России представлена в основном региональными исследованиями, которые к тому же чаще посвящены менее развитым в промышленном отношении регионам. Комплекс этих работ состоит из трудов о социально-экономическом развитии отдельных районов и исследований отдельных отраслей тоже в рамках региона [158]. Положительным итогом этих работ, как и подобных исследований на предыдущих этапах, является накопление разнообразной информации не только о процессе развития промышленного капитализма вширь, но и вглубь. Это выражалось в динамичности развития новых промышленных регионов, возникновении там крупнокапиталистической промышленности, в капиталистической эволюции сельского хозяйства, проявлении тенденции акционирования и формирования региональных монополий, в усиливающейся роли банков, наконец, в возникновении промышленных центров, которые играли важную роль в общероссийском промышленном производстве. Оценивая значение подобных центров, один из авторов пишет: «Из таких центров, разбросанных по всей России, и складывался именно тот средний уровень развития капитализма, вполне достаточный, чтобы на его базе создать впоследствии социалистическую индустрию. Это была одна из материальных предпосылок будущего социалистического общества» [159]. Региональные работы важны в плане выявления соотношения между крупнокапиталистической и мелкой промышленностью, включающей формы как начального капитализма, так и простого товарного производства. Все это еще и еще раз подтверждает естественность процесса развития капитализма, выявляет его подпочву, опровергает утверждение о преимущественном насаждении капитализма «сверху». В последние годы продолжают появляться специальные работы о промысловых занятиях крестьян, о мелкой промышленности, в том числе своеобразных условиях ее развития в годы войны [160].

В то же время нельзя не отметить, что исследователей пугает масштаб распространения мелкой промышленности. В этой связи имеет место склонность к излишнему отграничению этой формы от общего развития крупнокапиталистической промышленности. Не всегда выясняются два момента: во-первых, капиталистический характер кустарных промыслов и вообще мелкой промышленности, во-вторых, их развитие под воздействием распространяющейся фабрично-заводской промышленности. Напомним в этой связи, что В. И. Ленин критиковал либеральных народников за то, что, с одной стороны, «кустарная промышленность» рассматривалась ими «как нечто экономически однородное, само себе равное», а с другой — «*противополагалась* (sic!) «капитализму», под которым, без дальних околичностей, разумели «фабрично-заводскую» промышленность» [161]. Он отмечал, что в России нельзя найти *«такую мало-мальски развитую отрасль кустарной промышленности, которая бы не была организована капиталистически»* [162]. Ленин подчеркивал также: «... с чисто теоретической точки зрения, а priori,

нельзя сказать, чтобы в развивающемся капиталистическом обществе непременно и всегда должно было происходить сокращение числа промышленных заведений, ибо наряду с процессом концентрации промышленности идет процесс отвлечения населения от земледелия, процесс роста мелких промышленных заведений в отсталых частях страны вследствие разложения полунатурального крестьянского хозяйства и т. д.» [163] Все это и позволило ему говорить, что «один из самых нелепых и вредных предрассудков» состоит в утверждении противоположности российской «кустарной» и «фабрично-заводской» промышленности, об оторванности второй от первой, об «искусственности» «фабрично-заводской» промышленности и т. п.» И далее Ленин пишет, что имеющиеся данные «по всем отраслям промышленности показывают самую тесную и неразрывную связь между «кустарной» и «фабрично-заводской» промышленностью» [164].

Одним из малоисследованных сюжетов современной историографии является проблема распространения влияния монополий на мелкую промышленность, возможности длительного существования массы мелких предприятий под эгидой монополий, форм связей и способов подчинения мелкой промышленности власти монополий [165]. На это тем более приходится обращать внимание, что нередко значительное число мелких, в том числе и кустарных предприятий в тех или иных областях России и особенно в отдельных отраслях и производствах трактуется исследователями однозначно как слабость или даже отсутствие развитого капитализма, хотя ими одновременно может отмечаться не только распространение в этих же сферах крупнокапиталистического производства, но и влияние финансового капитала [166]. Для преодоления подобных толкований полезно было бы обратиться к сопоставлению структуры российской промышленности с системами других капиталистических стран. Известно, что для промышленности целого ряда крупнейших империалистических держав не только в начале XX в., но и на современном этапе развития капитализма характерно существование огромного числа мелких, в том числе некапиталистических, предприятий, подчиненных, конечно, власти монополий [167].

При более точном разграничении крупнокапиталистической и мелкой, в том числе «кустарной», промышленности и особенно при определении их роли на отдельных этапах развития страны важно до конца исследовать вопрос о времени завершения промышленного переворота в целом в России. Не следует отказываться и от выявления специфики его осуществления в отдельных регионах и отраслях, памятуя, что развитие новых отраслей промышленности, даже если оно начинается с широкого применения ручного труда, ускоряется использованием опыта применения машинного производства в уже сложившихся отраслях. Это относится и к промышленному развитию регионов, где переход к экономическому преобладанию машинной индустрии совершался гораздо быстрее. В современной историографии специальных работ по истории завершающей стадии промышленного переворота мало [168].

Среди них выделяются масштабностью постановки темы исследования А. М. Соловьевой. Однако, как нам кажется, ее выводы нуждаются в уточнении. Представляется спорным отнесение завершающей стадии промышленного переворота к 80—90-м и чуть ли не к 900-м годам. Все-таки это не согласуется с размахом массового рабочего движения уже с середины 90-х годов и с перемещением в начале XX в. в Россию центра международного революционного рабочего движения. В рамках проблемы ее промышленного развития такая точка зрения затрудняет правильную оценку промышленного подъема 90-х годов. Его итоги были столь значительными в индустриализации страны именно потому, что подъем происходил уже на основе победившей крупнокапиталистической промышленности. Экономическая роль машинного производства вполне определилась к середине 80-х годов. Тогда же проявились и социальные результаты этого процесса.

Работы, посвященные общим проблемам российской промышленности: промышленным циклам и динамике производства, прибыли капиталистов, соотношению казенной и частной промышленности, немногочисленны в современной историографии[169]. Выходят за пределы локальных исследования, поднимающие такие сложные вопросы, как экономический строй промышленности отдельных регионов, процесс воспроизводства в них промышленного капитала[170]. Особо следует отметить работу Ю. Н. Нетесина, в которой воспроизводство промышленного капитала Латвии рассматривается как неразрывная составная часть воспроизводства промышленного капитала всей России. Исследование отличается большой новизной материала, высоким уровнем теоретического анализа, масштабностью рассмотрения проблемы вызревания социально-экономических предпосылок социалистической революции. В то же время ряд его положений представляются дискуссионными или требующими уточнений. Прежде всего это касается двух: характеристики системы российского капитализма как многоукладной и определения общественного хозяйства Российской империи как совокупности национальных территориально-экономических комплексов. Напомним в этой связи, что, во-первых, Ленин не пользовался понятием «многоукладность», а наличие отдельных укладов выделял лишь в экономической системе переходного периода, основное содержание которого составляла борьба за утверждение нового формационного уклада. Во-вторых, говоря об условиях возможного возникновения национальных движений в России, Ленин как раз отмечал, что их экономической основой является стремление к завоеванию внутреннего рынка в рамках определенной государственной территории[171].

В последние годы в историографии возрождается интерес к проблеме концентрации промышленности[172]. В дальнейшем было бы целесообразно для получения более точной картины ее уровня и степени провести группировку предприятий не только по числу рабочих, как это сейчас делается в литературе[173], а по системе признаков: число рабочих, стоимость производства, наличие паро-

вых или электродвигателей, длина рабочего года. Актуальной задачей является использование математико-статистических методов при решении этой проблемы [174]. Учитывая громадную трудоемкость подобных разработок, целесообразно было бы начать их осуществление с региональных исследований.

В современной историографии отстает изучение отраслевой структуры российской промышленности и ее размещения; довольно широко встречаются неверные оценки, трактующие распространение в России отраслей обрабатывающей промышленности (пищевая и текстильная) как показатель ее слабости и отсталости. В этой связи В. И. Бовыкин замечает: «Структура российской промышленности лишний раз свидетельствует об ее естественном развитии и органической связи со всем народным хозяйством страны. Самыми крупными отраслями фабрично-заводской промышленности в России, как и в странах Западной Европы, были к началу XX века пищевая и текстильная, рост которых являлся непосредственным результатом капиталистической эволюции сельского хозяйства. На их долю приходилось более половины всей стоимости промышленной продукции... Третье место занимали металлургия и металлообработка, дававшие 1/5 стоимости промышленной продукции. Их бурный рост был связан прежде всего с железнодорожным и промышленным строительством. В целом на долю отраслей российской промышленности, производящей средства производства, приходилось к началу XX века около 40 процентов всей промышленной продукции» [175].

При разработке проблемы размещения промышленности предстоит решить целый ряд задач, связанных с более точной оценкой уровня промышленного развития отдельных регионов, неравномерностью и диспропорциональностью этого развития, а также с выявлением очагов промышленности, которые были одновременно центрами сосредоточения пролетариата. Одной из первоочередных задач в этом направлении является выделение промышленных и общеэкономических районов с учетом их реальных границ именно в условиях дореволюционной России, а не последующего территориально-административного и национально-государственного деления в рамках СССР. Между тем в литературе преобладает второй подход, что нарушает историчность освещения вопроса промышленного районирования. В разработке данной проблемы требуется также известное отвлечение от аграрного районирования, так как факторы образования промышленных центров в условиях капитализма имеют существенное отличие. Методологически важным аспектом исследования проблемы является решение вопроса о разграничении понятий «метрополия», «окраины» и «колонии». При этом применительно к каждому из них следует различать промышленно развитые центры и слабо развитые в промышленном отношении территории. В современной литературе существует на этот счет большая путаница. Намеченное в монографии Ю. Н. Нетесина решение проблемы заслуживает внимания, но требует уточнений.

Важным направлением в изучении истории размещения про-

мышленности России является определение уровня промышленного развития отдельных губерний. Предложенные в этой связи методики исследования проблемы нуждаются в дополнительном обосновании и разработке [176]. В современной историографии остается нерешенным вопрос о числе и границах основных промышленных районов России, которые определяли индустриальный облик страны. В литературе существует большой разнобой мнений и представлений, что нашло отражение в локальных исследованиях, а также обобщающих трудах [177]. Практически в историографии не получила разработки проблема выявления промышленных центров в тех аспектах, которые были намечены в трудах В. И. Ленина [178].

Представляется важным для более полного освещения истории промышленного капитализма в России изучение как общих, так и конкретных факторов, определявших условия развития промышленности и влиявших на него. В этой связи требуется более широкая разработка вопросов экономической политики правительства [179], истории железнодорожного строительства и в целом развития транспорта, средств связи, торговли и т. д.[180] В новейшей литературе, разрабатывающей данные аспекты темы, выделяется исследование Л. Е. Шепелева, в котором торгово-промышленная политика выступает как важнейший фактор развития производительных сил, обусловивших экономические предпосылки трех русских революций [181].

На современном этапе развития историографии заметно оживилось изучение процессов монополизации в различных сферах экономики России [182]. Указанные работы вносят существенный вклад, во-первых, в освещение истории малоисследованных процессов монополизации отдельных отраслей промышленности и транспорта (В. Н. Черников, Д. М. Эфенди-заде, О. А. Кубицкая); во-вторых, расширяют наши представления об уже известных фактах монополизации (Ю. Б. Живцов), способствуют более точному пониманию явлений трестирования (И. А. Дьяконова, А. Г. Голиков, А. А. Аракелов). Наконец, особой новизной отличается постановка вопросов о конкурентной борьбе в условиях существования монополистических объединений (И. А. Дьяконова, С. В. Кушнирук). Дальнейшему изучению истории российского монополистического капитализма должно служить более последовательное и широкое введение в научный оборот новых источников, и прежде всего массового характера, которые позволят глубже проанализировать внутреннюю структуру российского монополистически объединенного капитала, ярче раскрыть роль монополий во всей хозяйственной жизни страны, подойти к решению вопроса о соотношении «русской сверхприбыли» и монопольной прибыли российских капиталистов и т. д.[183]

В исследованиях промышленного развития отдельных регионов ряд авторов отмечали возникновение региональных монополистических объединений. Правда, приводимые факты нуждаются в большей аргументации и доказательности, и прежде всего в

точном документальном обосновании существования тех или иных монополистических соглашений. Требуют дальнейшей разработки процессы акционирования отдельных отраслей промышленности и проявление этих тенденций в отдельных регионах. В настоящее время круг специальных работ по этой проблематике невелик[184]. Известным вкладом в изучение очень сложного и дискуссионного вопроса о преобразовании окружной системы горнозаводского хозяйства Урала в традиционные формы крупнокапиталистической промышленности, о роли банков в процессе акционирования уральской промышленности стало исследование Ю. А. Буранова[185].

Логическим завершением изучения процессов концентрации производства и капитала, монополизации отдельных отраслей российской экономики является исследование финансового капитала в России, что отражает историческую последовательность его формирования. В. И. Ленин писал: «Концентрация производства; монополии, вырастающие из нее; слияние или сращивание банков с промышленностью — вот история возникновения финансового капитала и содержание этого понятия»[186]. Заметным явлением современной историографии проблемы финансового капитала стала работа В. И. Бовыкина[187], которая восполняет пробелы в изучении этапа утверждения монополий в хозяйственной жизни страны. На основе комплексного изучения статистических источников, периодической печати, делопроизводственных документов банков и промышленных монополий, включая зарубежные архивы, автор показал складывание в 1900—1908 гг. системы сбытовых монополистических объединений — картелей и синдикатов, охвативших все важнейшие и многие второстепенные отрасли промышленности. Бовыкин пришел к выводу, что банки активно способствовали процессу картелизации промышленности. Формирование основных звеньев системы финансового капитала в России рассмотрено в тесном взаимодействии с такими явлениями, как концентрация производства и централизация капитала. В монографии показан сложный процесс переплетения и сращивания иностранного капитала с отечественным.

Наряду с традиционной проблематикой — банки и их связи с промышленностью, роль иностранного капитала в системе финансовой олигархии — в историографии более активно разрабатываются и новые сюжеты: деятельность банков на окраинных территориях, в сфере сельскохозяйственного производства[188]. Намеченные пути и методы решения проблем, основанные в значительной мере на привлечении нового документального материала, должны обеспечить всестороннее раскрытие тех процессов социально-экономического развития России, которые сыграли решающую роль в создании материально-технических предпосылок социалистической революции.

Современный этап развития советской историографии связан с возрождением интереса и активной разработкой проблем государственно-монополистического капитализма в России[189]. Дости-

жения в этой области имеют особенно большое значение для исследования социально-экономических предпосылок Октябрьской революции и роли ГМК в процессе формирования материально-технической базы социализма. Наряду с указанными статьями В. Я. Лаверычева существенный вклад в разработку данной проблемы вносит его монография[190]. Работу отличает многоаспектное рассмотрение темы: исторический очерк о деятельности российских монополий в промышленности и на транспорте, где раскрываются их основные черты и специфика функционирования; характеристика разнообразных сфер народного хозяйства, куда проник финансовый капитал. В монографии конкретно-историческое изложение формирования государственно-монополистического регулирования сочетается с показом его особенностей в отдельных сферах экономики. Исследование Лаверычева имеет важное значение в раскрытии сущности государственно-монополистического капитализма, характера использования государственного аппарата монополистической буржуазией, соотношения государственного и государственно-монополистического капитализма[191].

Завершая обзор современного этапа разработки социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции, необходимо подчеркнуть, что в трудах советских историков получили значительное освещение явления и процессы российской действительности, которые определялись В. И. Лениным как «самый передовой промышленный и финансовый капитализм». Полученные результаты вплотную подводят к необходимости раскрытия конкретно-исторического содержания характеристики уровня развития России в сопоставлении с другими странами мира. В дальнейшей разработке этой проблемы необходимо учесть следующие моменты. Промышленный потенциал России был довольно высоким в сравнении с абсолютными объемами производства большинства капиталистических стран. Серьезный ущерб ему был нанесен в годы первой мировой и гражданской войн, в условиях интервенции. Внутренняя многоотраслевая структура промышленного производства отличалась значительным развитием отраслей группы А. Безусловно, следует признать господство во всех отраслях, в том числе на уровне производств, высококонцентрированной промышленности. Во всей хозяйственной жизни страны можно проследить влияние, экономическую силу финансовой олигархии. В условиях войны, как и в других странах, в России шел активный процесс перерастания монополистического капитализма в государственно-монополистический.

Все указанное позволяет говорить о том, что социально-экономические предпосылки социалистической революции созрели в целом в России как в одном из звеньев мировой системы капитализма. Методологически неверно подходить к этой проблеме с точки зрения развития отдельных регионов страны. Объективное развитие выдвинуло на повестку дня вопрос о необходимости и исторической неизбежности социалистической революции не в Туркестане, Бессарабии, Сибири или Закавказье, а в России,

стране, представлявшей единый экономический и политический организм. На первый план здесь, несмотря на известную незавершенность буржуазно-демократических преобразований, выдвинулся «антагонизм интернационально слитого капитала с интернациональным рабочим движением»[192]. Правильно оценив сложившуюся ситуацию, партия большевиков во главе с В. И. Лениным повела российский пролетариат в союзе с беднейшим крестьянством всех народов России на победоносную социалистическую революцию.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См., напр.: Минц И. И. Великий Октябрь — поворотный пункт в истории человечества (Некоторые итоги и задачи изучения проблемы). — История СССР, 1975, № 6; Городецкий Е. Н. Современная советская литература о Великом Октябре. — Там же, 1977, № 6; Наумов В. П. Современная историография Великой Октябрьской социалистической революции. — Исторические записки (далее ИЗ), 1977, т. 100; Великий Октябрь в советской и зарубежной исторической литературе. Тбилиси, 1980; Советская историография Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1981; и др.

[2] Подробнее об этом см.: Советская историография Великой Октябрьской социалистической революции (гл. 7. Критика зарубежной историографии Октябрьской революции).

[3] Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986, с. 128. См. также: Пленум Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 года. Стеногр. отчет. М., 1983; Тихвинский С. Л. О задачах исторической науки по реализации решений июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС. — Вопросы истории (далее ВИ), 1984, № 1, с. 9, 16.

[4] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 11.

[5] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 73.

[6] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 385.

[7] Там же, с. 385—386; см. также: с. 420—421; т. 26, с. 314; т. 30, с. 93; т. 32, с. 98—99; и др.

[8] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 22. См. также: т. 26, с. 143; т. 27, с. 96.

[9] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 116.

[10] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 98. См. также: т. 26, с. 228—232.

[11] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 193. Об этом см.: Лаверычев В. Я. В. И. Ленин об историческом значении государственно-монополистического капитализма. — История СССР, 1978, № 1.

[12] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 307.

[13] Там же, с. 168.

[14] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 305—306; т. 33, с. 50.

[15] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 223—224.

[16] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 100. См. также: т. 26, с. 146, т. 40, с. 14—15, 23.

[17] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 95.

[18] Там же, с. 44.

[19] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 218, 219.

[20] См., напр.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 221—222, 255, 263; т. 27, с. 307, 308.

[21] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 378.

[22] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 354.

[23] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 304.

[24] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 412.

[25] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 355.

[26] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 99.

[27] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 102—103.

[28] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 305—306.
[29] Там же, с. 62, 63.
[30] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 371.
[31] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 93.
[32] Там же, с. 54—55.
[33] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 45.
[34] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 193—194.
[35] Там же, с. 194.
[36] См., напр., там же, с. 521, 488, 223—224, 522.
[37] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 164.
[38] Там же, с. 186.
[39] Там же, с. 308, 314.
[40] Там же, с. 551.
[41] Там же, с. 585—586.
[42] Там же, с. 597—598.
[43] Там же, с. 592.
[44] Там же, с. 595; т. 4, с. 85.
[45] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 86. См. также: т. 3, с. 592—596.
[46] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 596, прим. 1.
[47] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 85, прим.
[48] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 324.
[49] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 33.
[50] См., напр.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 83—84; т. 22, с. 33, 41—42.
[51] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 307, 310. Подробнее см.: Ковальченко И. Д. В. И. Ленин о характере аграрного строя капиталистической России. — ВИ, 1970, № 3.
[52] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 209; т. 11, с. 37.
[53] Там же, т. 3, с. 596, прим. 1.
[54] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 301.
[55] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 309.
[56] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 417. Заметим, что В. И. Ленин связывал «дикость и полудикость» деревни не только с феодальными пережитками, но и с более широким понятием патриархальщины, отсутствием «материальной связи с культурой, промышленностью» и пр. (см., напр., Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 228).
[57] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 130. См. там же, с. 100, 111 и др.
[58] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 34—35.
[59] Там же, с. 110—111. См. также: т. 16, с. 412—413.
[60] См. напр.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 16, 39, 51—52, 69, 114, 148—149, 277—278.
[61] Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 31, с. 168, 244, 302, 445, 451.
[62] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 193.
[63] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 350.
[64] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 152, 302, 357, 413, 445, 451—452, 473—474; т. 32, с. 109—110.
[65] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 191. Там же, с. 168—170, 192 и др.
[66] Там же, с. 161—162, 163—164, 167, 307—308.
[67] Там же, с. 168—170, 176—179, 192; т. 32, с. 142—143.
[68] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 293. См. также: т. 31, с. 443; т. 34, с. 168, 192.
[69] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 193, 307.
[70] Там же, с. 193.
[71] Там же, с. 316, 313—315.
[72] См., напр.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 377—379.
[73] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 307.
[74] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 113—114. См. также: т. 16, с. 412—413; т. 32, с. 99; т. 34, с. 112, 115—116, 373.
[75] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 303.

[76] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 49—50; т. 30, с. 371; т. 34, с. 371; т. 25, с.261.

[77] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 41.

[78] См., напр.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 99. 450—451; т. 7, с. 134.

[79] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 71; т. 34, с. 299.

[80] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 67.

[81] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 71.

[82] Там же, с. 317.

[83] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 39.

[84] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 432.

[85] Там же, с. 145, 146.

[86] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 91.

[87] Там же, с. 426. См. также: с. 91—92, 93, 450—451; т. 32, с. 293; т. 34, с. 227—228, 224, 312 и др. О присоединении массы мелкой буржуазии угнетенных наций см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 299.

[88] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 451—452.

[89] См., напр.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 207—208, 301; т. 38, с. 154, 156; т. 39, с. 14, с. 272—273; т. 43, с. 305—306, 57—58; т. 44, с. 6, 292; т. 45, с. 289, 380—381 и др.

[90] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 130—131.

[91] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 379—381.

[92] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (далее везде: КПСС в резолюциях...), изд. 8, т. 2, с. 39—40.

[93] Там же, т. 8, с. 201, 203.

[94] Материалы XXVII съезда КПСС, с. 128.

[95] КПСС в резолюциях..., изд. 7, ч. IV. М., 1960, с. 263—270; КПСС в резолюциях..., изд. 8, т. 9, с. 192—209; О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Постановление ЦК КПСС от 31 января 1977 г. М., 1977, с. 4—5.

[96] Подробнее см.: Найденов М. Е. Великая Октябрьская социалистическая революция в советской историографии. — ВИ, 1957, № 10; Городецкий Е. Н. К характеристике историографии Великой Октябрьской социалистической революции (1917—1934). — История СССР, 1960, № 6; Его же. Октябрьская революция и создание социалистического государства в освещении советской исторической литературы. — В кн.: Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР. М., 1962; Голиков Г. Н. К изучению истории Великого Октября. — ВИ, 1962, № 11. См. также: Историография истории СССР. Эпоха социализма. М., 1962, с. 65, 92—94.

[97] Разработка истории монополистического капитализма, которая осуществлялась в советской историографии в 20-е — начале 30-х годов, была обусловлена не столько задачей раскрыть предпосылки Октября, сколько решить вопрос о возможности построения социализма в нашей стране. На следующем этапе развития советской исторической науки шло постепенное расширение проблематики исследований по социально-экономической истории России конца XIX — начала XX в. и, что особенно важно, оно сопровождалось вовлечением в научный оборот новых источников. Это в конечном счете и обусловило тот качественный сдвиг в разработке проблемы, который начал обозначаться уже в первой половине 50-х годов. Подробнее см.: Тарновский К. Н. Советская историография российского империализма и вопросы периодизации истории советской исторической науки (1917—1936). — История СССР, 1960, № 3; Его же. Советская историография российского империализма. М., 1964 (гл. 1 и 2); Бовыкин В. И. Зарождение финансового капитала в России. М., 1967, с. 9—40; Его же. Формирование финансового капитала в России. М., 1984, с. 5—9.

[98] См., напр.: Голиков Г. Н. Объективные предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции. — Коммунист, 1955, № 16; Волобуев П. В. Экономические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции. — В кн.: Победа Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1957; Манцев В. И. К вопросу об экономических предпосыл-

ках Октябрьской социалистической революции. — В кн.: 40 лет Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1957; Сидоров А. Л. Экономические предпосылки социалистической революции. — История СССР, 1957, № 4; Бовыкин В. И., Гиндин И. Ф., Тарновский К. Н. Государственно-монополистический капитализм в России (К вопросу о предпосылках социалистической революции). — Там же, 1959, № 3; Волобуев П. В. Победа Октябрьской революции — результат закономерности развития истории. — Коммунист, 1959, № 15; Шемякин И. Н. О некоторых экономических предпосылках Великой Октябрьской социалистической революции (Из истории финансового капитала в России). — В кн.: Социалистические преобразования в СССР и их экономические предпосылки. М., 1959.

[99] Доклад опубликован в кн.: Сидоров А. Л. Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1970, с. 63. См. там же, с. 81—96 (выступления по докладу С. М. Дубровского, В. К. Яцунского, П. В. Волобуева, И. Ф. Гиндина).

[100] В начале 60-х годов был преобразован в секцию «Общие закономерности и особенности развития России в период империализма» Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции».

[101] Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции: Россия в период империализма. Разработка проблемы. — ВИ, 1957, № 9; Вопросы советской науки. Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1958.

[102] Вопросы советской науки, с. 13.

[103] Условной датой можно считать 1967 год, год 50-летия Великого Октября, ознаменованный выходом значительного числа работ. Как уже отмечалось в литературе, в середине 60-х годов продолжали выходить работы, задуманные и начатые в 50-е годы, в том числе в соответствии с задачами указанной Записки.

[104] Подробнее см.: Сидоров А. Л. Некоторые проблемы развития российского капитализма в советской исторической науке. — ВИ, 1961, № 12; Тарновский К. Н. Проблема российского государственно-монополистического капитализма периода первой мировой войны в советской историографии. — ВИ, 1961, № 7; Его же. К итогам изучения монополистического капитализма в России. — В кн.: Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС; Его же. Советская историография российского империализма (гл. 3); Бовыкин В. И. Зарождение финансового капитала в России (Введение); Его же. Формирование финансового капитала в России, с. 8—9.

[105] Бовыкин В. И. Формирование финансового капитала в России, с. 11—12.

[106] См., напр.: Волобуев П. В. Из истории синдиката «Продуголь». — ИЗ, 1956, т. 58; Бовыкин В. И., Тарновский К. Н. Концентрация производства и развитие монополий в металлообрабатывающей промышленности.— ВИ, 1957, № 2; Цукерник А. Л. Синдикат «Продамет». Историко-экономический очерк. М., 1959; Ахундов Б. А. Монополистический капитал в дореволюционной бакинской нефтяной промышленности. М., 1959; Из истории империализма в России. М.—Л., 1959; Лившин Я. И. Монополии в экономике России, М., 1960; Нетесин Ю. Н. Синдикаты «Гвоздь» и «Проволока». — ИЗ, 1961, т. 70; Лаверычев В. Я. Монополистический капитал в текстильной промышленности России (1900—1917 гг.). М., 1963; Каменецкая И. М. Возникновение монополии в свеклосахарной промышленности. — История СССР, 1965, № 6; и др.

[107] См., напр.: Можин В. П. Монополизация водного транспорта в России (в начале XX в.). — Науч. докл. ВШ, Эконом. науки, 1958, № 3.

[108] См., напр.: Бовыкин В. И. Новые сведения о ранних монополиях в России. — Вестн. Моск. ун-та, сер. Историко-филолог., 1956, № 1; Шацилло К. Ф. К вопросу о наличии в России монополистических организаций высшего типа. — Истор. архив, 1960, № 3.

[109] См., напр.: Соловьева А. М. К вопросу о роли финансового капитала в железнодорожном строительстве России накануне первой мировой вой-

ны. — ИЗ, 1956, т. 55; Гиндин И. Ф. Московские банки в период империализма (1900—1917). — ИЗ, 1956, т. 58; Гиндин И. Ф., Шепелев Л. Е. Банковские монополии в России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. — ИЗ, 1960, т. 66; Корелин А. П. Группа Русско-Азиатского банка в 1914—1915 гг. — Науч. докл. ВШ, Истор. науки, 1960, № 1; Монополии и иностранный капитал в России. М., 1962; Фурсенко А. А. Нефтяные тресты и мировая политика. М.—Л., 1965; Бовыкин В. И. Зарождение финансового капитала в России.

110 См., напр.: Тарновский К. Н. Формирование государственно-монополистического капитализма в России в годы первой мировой войны. М., 1958; Погребинский А. П. Государственно-монополистический капитализм в России. М., 1959; Шацилло К. Ф. Монополии и государственный аппарат России. — ВИ, 1962, № 12; и др.

111 См., напр.: Крупина Т. Д. К вопросу о взаимоотношениях царского правительства с монополиями. — ИЗ, 1957, т. 57; Гиндин И. Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства. М., 1960; Волобуев П. В. Экономическая политика Временного правительства. М., 1962.

112 См., напр.: Маевский И. В. Экономика русской промышленности в условиях первой мировой войны. М., 1957; Погребинский А. П. Синдикат «Продамет» в годы первой мировой войны (1914—1917 гг.) — ВИ, 1958, № 10; Сидоров А. Л. Финансовое положение России в годы первой мировой войны. М., 1960; Урибес Э. Коксобензольная промышленность России в годы первой мировой войны. — ИЗ, 1961, т. 69.

113 См., напр.: Очерки экономического развития Дона. Ростов-н/Д, 1960; Экономика Белоруссии в эпоху империализма. М., 1963; Вяткин М. П. Монополистический капитал в Средней Азии. Фрунзе, 1962; Вяткин М. П. Горнозаводской Урал в 1900—1917 гг. М.—Л. 1965; Сумбатзаде А. С. Промышленность Азербайджана в XIX веке. Баку, 1964; Предпосылки Октябрьской революции в Сибири. Новосибирск, 1964; Хлыстов И. П. Дон в эпоху капитализма. Ростов-н/Д, 1965; Очерки экономической истории Латвии. 1900—1917. Рига, 1968; и др.

Особую группу составили региональные исследования, подготовленные к 50-летнему юбилею Октября: Победа Советской власти на Украине. М., 1967; Победа Советской власти в Белоруссии. Минск, 1967; Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1967; Борьба за победу Советской власти в Прибалтике. М., 1967; Октябрь в Поволжье. М., 1967; Трукан Г. А. Октябрь в Центральной России. М., 1967; Колосов Л. Н. Чечено-Ингушетия накануне Великого Октября. Грозный, 1968; Победа Советской власти в Закавказье. Тбилиси, 1971; и др.

114 См., напр.: Гиндин И. Ф. Русская буржуазия в период капитализма, ее развитие и особенности. — История СССР, 1963, № 2, 3; Волобуев П. В. Пролетариат и буржуазия в 1917 г. М., 1964; Лаверычев В. Я. Московские промышленники в годы первой русской революции. — Вестн. Моск. ун-та, сер. История, 1964, № 3; Его же. По ту сторону баррикад. М., 1967; Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914—1917). Л., 1967.

115 Ее материалы см.: Об особенностях империализма в России. М., 1963.

116 См.: Сидоров А. Л. В. И. Ленин о русском военно-феодальном империализме (О содержании термина «военно-феодальный империализм»); Бровер И. М. Основные особенности империализма в России; Волобуев П. В. К вопросу о сущности военно-феодального империализма в России; Бовыкин В. И. О некоторых вопросах изучения иностранного капитала в России. — В кн.: Об особенностях империализма в России, с. 11—85, 250—313.

117 См.: Крупина Т. Д. К вопросу об особенностях монополизации промышленности в России. — Там же, с. 197—214.

118 Постановка этой задачи обусловливалась и выявившимися разногласиями на сессии Совета в мае 1960 г. См. об этом: Особенности аграрного строя России в период империализма. М., 1962.

[119] Первая мировая война. 1914—1918. М., 1968, с. 179—238; Свержение самодержавия. М., 1970, с. 24—99.

[120] Первая мировая война, с. 21—22. Ср.: Сидоров А. Л. Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции, с. 58—59, 63. См. там же выступление П. В. Волобуева, с. 86—87.

[121] Последовательные обзоры литературы 70-х годов по разнообразным проблемам истории России второй половины XIX — начала XX в. см.: Ковальченко И. Д. Изучение истории России периода капитализма (XIX — начало XX в.); Основные направления исторических исследований в союзных республиках, на Дальнем Востоке и в Сибири. — В кн.: Развитие советской исторической науки. 1970—1974. М., 1975; Анфимов А. М., Соловьева А. М. Изучение социально-экономической истории пореформенной России; Бовыкин В. И., Волин М. С., Кирьянов Ю. И., Лаверычев В. Я., Пушкарева И. М., Тютюкин С. В. Изучение проблем истории России периода империализма; Андрюшайтите Ю. В., Бекмаханова Н. Е., Гросул В. Я. и др. Основные проблемы историографии народов СССР (дооктябрьский период). — В кн.: Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС, вып. 2. Дооктябрьский период. М., 1978; Ковальченко И. Д. Изучение истории России периода капитализма (XIX—начало XX в.) — В кн.: Советская историческая наука в 1975—1979 гг. М., 1980; Ковальченко И. Д. Изучение социально-экономического развития России второй половины XIX в.; Корелин А. П., Пушкарева И. М., Шацилло К. Ф. Советская историография истории России периода империализма; Агаджанов С. Г., Исмаил-заде Д. И., Мухамедьяров Ш. Ф., Федосова Э. П. Изучение основных проблем истории народов СССР. — В кн.: Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами КПСС. М., 1982.

[122] Подробнее см.: Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII — начало XX века. М., 1974, с. 365—379; Ковальченко И. Д., Сахаров А. М. Итоги и задачи изучения аграрной истории России в современной советской историографии.— В кн.: Сельское хозяйство и крестьянство СССР в современной советской историографии. Кишинев, 1977; Ковальченко И. Д., Селунская Н. Б., Литваков Б. М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М., 1982, с. 8—30.

[123] См., напр.: В. И. Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России. М., 1970; В. И. Ленин и история классов и политических партий в России. М., 1970; Лаверычев В. Я. Царизм и рабочий вопрос в России. 1861—1917. М., 1972; Его же. Крупная буржуазия в пореформенной России (1861—1900). М., 1974; Пушкарева И. М. Железнодорожники России в буржуазно-демократических революциях. М., 1975; и др.

[124] См., напр.: Нурулин Р. Д. К вопросу о численности промышленных предприятий и рабочего класса в дореволюционном Туркестане. — Обществ. науки в Узбекистане, 1965, № 8; Кунавина А. С. Формирование железнодорожного пролетариата в Туркестане. Ташкент, 1967; История рабочего класса Украины, т. 1. Киев, 1967; Балагуров Я. А. Фабрично-заводские рабочие дореволюционной Карелии. Петрозаводск, 1968; Мейерович М. Г. О происхождении промышленных рабочих Ярославской губернии. — Вестн. Моск. ун-та, сер. История, 1969, № 6; Меркис В. Развитие промышленности и формирование пролетариата Литвы в XIX в. Вильнюс, 1969; Гапоненко Л. С. Рабочий класс России в 1917 г. М., 1970; Серый Ю. И. Рабочие Юга России в период империализма (1900—1913). Ростов-н/Д, 1971; Абезгауз З. Е. Развитие промышленности и формирование пролетариата Белоруссии во II половине XIX века. Минск, 1971; Мухин А. А. Рабочие Сибири в эпоху капитализма (1861—1917). М., 1972; История рабочих Ленинграда, т. 1. Л., 1972; Джанашиа В. Из истории рабочего класса Грузии. 1900—1914. Тбилиси, 1973; Рабочие Сибири в период империализма (Из истории Сибири, вып. 8). Томск, 1973; Рабочие Сибири в период империализма (Из истории Сибири, вып. 14). Томск, 1974; Формирование рабочего класса в Закавказье. Тбилиси, 1974; и др. Подробнее см.: Рабочий класс в эпоху капитализма. Сравнительный порайонный анализ. Ростов-н/Д, 1972.

[125] Наиболее последовательно эти взгляды отражены в ряде материалов сборника «Вопросы истории капиталистической России: Проблема многоукладности». Свердловск, 1972. См. также: Гиндин И. Ф. Социально-экономические итоги развития российского капитализма и предпосылки революции в нашей стране. — В кн.: Свержение самодержавия.

[126] См.: Левыкин К. Г., Сиволобов А. М., Шарапов Г. В. О книге «Вопросы истории капиталистической России: Проблема многоукладности». — Вопросы истории КПСС, 1973, № 11; Кузнецов И. В. Об укладах и многоукладности капиталистической России. — ВИ, 1974, № 7. См. также: Лаверычев В. Я. К вопросу об особенностях империализма в России. — История СССР, 1971, № 1; Ковальченко И. Д. Аграрный рынок и характер аграрного строя Европейской России в конце XIX — начале XX в. — Там же, 1973, № 2; Лельчук В. С. О предпосылках и сущности социалистической индустриализации СССР (К историографии проблемы). — ИЗ, 1973, т. 92; Бовыкин В. И. Формирование финансового капитала в России, с. 252.

[127] Развитие советской исторической науки. 1970—1974, с. 44—49; Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС, с. 85—89.

[128] Бовыкин В. И. Формирование финансового капитала в России, с. 14.

[129] Российский пролетариат: Облик, борьба, гегемония. М., 1970, с. 24. Критические отклики на этот сборник см.: Вопросы истории КПСС, 1972, № 9; История СССР, 1973, № 4. О подобных явлениях историографии подробнее см.: Наумов В. П. Советская историография Великой Октябрьской социалистической революции, с. 182—183.

[130] См., напр.: Буранов Ю. А. Хозяйственно-экономическое положение Богословского горного округа в конце XIX — начале XX в. — В кн.: Из истории партийных организаций Урала, вып. 8. Свердловск, 1967; Шацилло К. Ф. Русский империализм и развитие флота. М., 1968; Гиндин И. Ф. Правительственная поддержка уральских магнатов во второй половине XIX — начале XX в. — ИЗ, 1968, т. 82; Гефтер М. Я. Топливно-нефтяной голод в России и экономическая политика третьеиюньской монархии. — ИЗ, 1969, т. 83; Китанина Т. М. Военно-инфляционные концерны в России в 1914—1917 гг. Л., 1969; Лаверычев В. Я. Некоторые особенности развития монополий в России (1900—1914 гг.). — История СССР, 1969, № 3. Сагратян А. Т. История железных дорог Закавказья. 1856—1921. Ереван, 1970; Буранов Ю. А. К вопросу о правительственной поддержке уральских заводчиков в конце XIX — начале XX в. — В кн.: Вопросы истории Урала, вып. 10. Свердловск, 1970; Малаховска Л. Я. Сооружение железных дорог на территории Латвии во второй половине XIX в. — Изд. АН Латв. ССР, 1970, № 10; Дякин В. С. Германские капиталы в России. Электроиндустрия и электрический транспорт. Л., 1971; Сомов С. А. Последняя страница истории Особого совещания по обороне (окт. 1917 — февр. 1918 г.). — ИЗ, 1972, т. 90; Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973; Шепелев Л. Е. Акционерные компании в России. Л., 1973; Лаверычев В. Я. К вопросу о возникновении монополистических объединений в царской России. — Вестн. Моск. ун-та, сер. История, 1974, № 5; Фридман Ц. Л. Банки и кредит в дореволюционном Казахстане (1900—1914 гг.). Алма-Ата, 1974; Рабинович Г. Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX — начала XX в. Томск, 1975; Соловьева А. М. Железнодорожный транспорт в России во второй половине XIX в. М., 1975; Кадырли А. И. Из истории развития бакинской дореволюционной нефтеперерабатывающей промышленности. Баку, 1970; Ахвердова С. Г. Машиностроение и металлообработка в Азербайджане в начале XX века. — Изд. АН Азерб. ССР, сер. Экономика, 1971, № 4; Алияров С. С. Политика Временного правительства по регулированию нефтяной промышленности. — История СССР, 1971, № 2. Его же. Нефтяные монополии в Азербайджане в период первой мировой войны. Баку, 1974; Нардова В. А. Начало монополизации нефтяной промышленности России. 1880—1890 гг. Л., 1974.

[131] См., напр.: Возникновение капиталистических отношений в Киргизии в конце XIX — начале XX века. Фрунзе, 1970; Социально-экономическое положение Северного Таджикистана накануне Октября. Душанбе, 1970; К истории социально-экономических укладов Киргизстана. Фрунзе, 1972; Крикунов В. П. Очерки социально-экономического развития Дона и Северного Кавказа в 60—90-е годы XIX в. Грозный, 1973; Социально-экономическое и политическое положение Узбекистана накануне Октября. Ташкент, 1973; Хоштария Э. В. Очерки социально-экономической истории Грузии. Тбилиси, 1974; Очерки экономической истории Казахской ССР. Алма-Ата, 1974; Тебуев Р. С. Зарождение промышленности в Карачаево-Черкесии (40-е годы XIX в. — 1917 г.). Черкесск, 1975; и др.

[132] См., напр.: Рындзюнский П. Г. Крестьянская промышленность в пореформенной России (60—80-е годы XIX в.). М., 1966; Соловьева Е. И. Крестьянская промышленность Сибири во второй половине XIX в. Новосибирск, 1975.

[133] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 38.

[134] См.: Красин Ю. А. Ленин, революция, современность. Проблемы ленинской теории социалистической революции. М., 1967; Ленинская теория социалистической революции и современность. М., 1975; Водолазов Г. Г. Диалектика и революция (Методологические проблемы социальной революции). М., 1975; Зародов К. И. Три революции в России и наше время. М., 1975; Загладин В. В. Предпосылки социализма и борьба за социализм. — Вопросы философии, 1975, № 10; и др.

[135] См.: Деренковский Г. М., Слепов А. А., Тютюкин С. В. Первая народная революция эпохи империализма. — Вопросы истории КПСС, 1975, № 1; Титаренко С. Л. Буржуазно-демократическая революция нового типа. — ВИ, 1975, № 3; Гегемония пролетариата в трех русских революциях. М., 1975; Бовыкин В. И. Социально-экономические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции. — Коммунист, 1977, № 8; Лаверычев В. Я. Объективные предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции. — История СССР, 1977, № 3; Минц И. И. Октябрь и мировой революционный процесс; Деренковский Г. М., Тютюкин С. В. К вопросу об использовании опыта первой русской революции в период подготовки Октября; Степанов З. В. Рабочий класс — ведущая сила Великой Октябрьской социалистической революции. — История СССР, 1977, № 5; Корелин А. П., Тютюкин С. В. Социальные предпосылки Великого Октября. — ВИ, 1977, № 10; Салычев С. С. Всемирно-исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции. — ВИ, 1978, № 10; Наумов В. П. К вопросу о ленинской концепции истории российских революций. — История СССР, 1980, № 6; Корелин А. П., Тютюкин С. В. Революционная ситуация начала XX в. в России. — ВИ, 1980, № 10; Булдаков В. П., Иванов А. Е., Иванова Н. А., Шелохаев В. В. Борьба за массы в трех революциях в России. М., 1981; Тюкавкин В. Г., Щагин Э. М. В. И. Ленин о трех российских революциях. Социально-экономические проблемы. М., 1984. См. также: Волобуев П. В. О проблеме выбора путей общественного развития. — Вопросы философии, 1984, № 1, 2.

[136] Подробнее см.: Историческая наука в Московском университете. 1934—1984. М., 1984, с. 137—139, 144—146; Воронкова С. В. Проблемы источниковедения истории России периода капитализма. М., 1985, с. 27—67.

[137] Подробно об этой работе см.: Городецкий Е. Н. Историографические и источниковедческие проблемы Великого Октября. М., 1982, с. 315—335.

[138] См., напр.: Вяткин М. П. Социально-экономическое развитие Средней Азии. Историограф. очерк. 1865—1965 гг. Фрунзе, 1974; Деренковский Г. М., Иванов А. Е., Иванова Н. А., Колесниченко Д. А., Симонова М. С., Тютюкин С. В., Шелохаев В. В. Основные итоги изучения истории первой русской революции за последние 20 лет. — История СССР, 1975, № 5; Волобуев О. В., Кулешов С. В. Проблемы Бухарской и Хивинской народных революций. — Народы Азии и Африки, 1977, № 5; Великий Октябрь. История, историография, источниковедение. М., 1978; Тютюкин С. В. Международное значение революции 1905—1907 годов: ленин-

ская концепция и историография проблемы. — История СССР, 1980, № 6; Советская историография Великой Октябрьской социалистической революции, гл. 2. Социально-экономические и политические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции (Бовыкин В. И., Лаверычев В. Я.) и гл. 5. Великий Октябрь в национальных районах (Наумов В. П.); Городецкий Е. Н. Историографические и источниковедческие проблемы Великого Октября. 1930—1960 гг. М., 1982; Волобуев О. В., Муравьев В. А. Ленинская концепция революции 1905—1907 годов в России и советская историография. М., 1982; Горюшкин Л. М., Миненко Н. А. Историография Сибири дооктябрьского периода. Новосибирск, 1984; Ортабаев Б. Х. Социально-экономические отношения у горских народов Северного Кавказа в конце XIX — начале XX века в советской историографии. — История СССР, 1984, № 5; Дулатова Д. И. Историография дореволюционного Казахстана. 1861—1917 гг. Алма-Ата, 1984; и др.

139 См., напр.: Бовыкин В. И. Социально-экономические предпосылки..., с. 72—73, 82—83; Корелин А. П., Тютюкин С. В. Социальные предпосылки Великого Октября..., с. 21—23; Советская историография Великой Октябрьской социалистической революции, с. 29—31.

140 Советская историография Великой Октябрьской социалистической революции, с. 31.

141 См., напр.: Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами КПСС, с. 411.

142 См.: Ковальченко И. Д., Селунская Н. Б., Литваков Б. М. Указ. соч., с. 3, 6. См. подробнее обзор историографии (там же, с. 10—11); Советская историография Великой Октябрьской социалистической революции, с. 33—34.

143 См., напр.: Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII — начало XX в. М., 1974; Нифонтов А. С. Зерновое производство в России во второй половине XIX в. М., 1974; Дубровский С. М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М., 1975; Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири в период империализма. Новосибирск, 1976; Дружинин Н. М. Русская деревня на переломе. 1861—1880 гг. М., 1978; Рындзюнский П. Г. Утверждение капитализма в России. 1850—1880. М., 1978; Китанина Т. М. Хлебная торговля России в 1875—1914 гг. Л., 1978; Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881—1904. М., 1980; Ковальченко И. Д., Селунская Н. Б., Литваков Б. М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М., 1982; Рындзюнский П. Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века. М., 1983; и др.

144 См., напр.: Ратушняк В. Н. Товарно-капиталистическое производство в сельском хозяйстве Кубани в конце XIX — начале XX в. — ИЗ, 1977, т. 99; Пронин В. И. Динамика уровня земледельческого производства Сибири во второй половине XIX — начале XX века. — История СССР, 1977, № 4; Воскресенская Н. О. Динамика и структура производительных сил в зерновом производстве Европейской России в конце XIX — начале XX веков. Автореф. канд. дис. М., 1980; Анфимов А. М., Зырянов П. Н. Некоторые черты эволюции русской крестьянской общины в пореформенный период (1861—1914 гг.). — История СССР, 1980, № 4; Авакова Л. М. Новые материалы о развитии торгового земледелия в Европейской России в конце XIX — начале XX века. — Там же, 1982, № 6, Литвак К. Б. Социально-экономическая структура деревни Черноземного центра России начала XX века. Автореф. дис. М., 1983; Герасименко Г. А. Обострение борьбы в деревне в годы столыпинской реформы. — ВИ, 1983, № 4; Ковальченко И. Д. О буржуазном характере крестьянского хозяйства Европейской России в конце XIX — начале XX века. — История СССР, 1983, № 5; Юлдашев А. М. Социально-экономическое расслоение многонационального крестьянства Башкирии при капитализме. — ВИ, 1984, № 5, и др.

145 См. подробнее: Воронкова С. В. Проблемы источниковедения..., с. 40—45; Ковальченко И. Д., Селунская Н. Б. Массовые источники

и количественные методы в изучении аграрной истории России. — В кн.: Количественные методы в советской и американской историографии. М., 1983.

[146] См.: Ковальченко И. Д., Бородкин Л. И. Аграрная типология губерний Европейской России на рубеже XIX—XX вв. (Опыт многомерного количественного анализа). — История СССР, 1979, № 1; Они же. Вероятностная многомерная классификация (По данным об аграрной структуре губерний Европейской России на рубеже XIX—XX вв.). — В кн.: Математические методы и ЭВМ в исторических исследованиях. М., 1985; и др.

[147] См., напр.: Черменский Е. Д. IV Государственная Дума и свержение царизма в России. М., 1976; Старцев В. И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905—1917 гг. Л., 1977; Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907—1911 гг. Л., 1978; Мосина И. Г. Формирование буржуазии в политическую силу в Сибири. Томск, 1978; Сеидзаде Д. Р. Из истории азербайджанской буржуазии в начале XX в. Баку, 1978; Мосина И. Г., Рабинович Г. Х. Буржуазия Сибири в 1907—1914 гг. — В кн.: Из истории буржуазии в России. Томск, 1982; Кризис самодержавия в России. 1895—1917. Л., 1984; Боханов А. Н. Российское купечество в конце XIX — начале XX века. — История СССР, 1985; № 4; и др. Подробнее см.: Воронцова Е. А. Оценка экономического могущества и политической роли российской буржуазии в годы первой мировой войны в советской историографии (середина 60-х—70-е годы). — Вестн. Моск. ун-та, сер. История, 1982, № 6.

[148] См. рецензии: ВИ, 1983, № 6; 1984, № 11.

[149] Подробнее см.: Лаверычев В. Я., Пушкарева И. М. О некоторых проблемах истории рабочего класса России в период империализма; Иванова Н. А. Дискуссионные и малоизученные аспекты проблемы формирования российского пролетариата в период империализма. — В кн.: Рабочий класс Центра страны и Сибири (конец XIX — начало XX в.). Новосибирск, 1981. Мейерович М. Г., Флеров В. С. История пролетариата Центрального промышленного района накануне и в годы первой русской революции в советской исторической литературе. — В кн.: Пролетариат ЦПР в революции 1905—1907 гг. Ярославль, 1982.

[150] Рабочий класс России от зарождения до начала XX в., М., 1983, с. 303.

[151] См., напр.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 488—489; т. 24, с. 128; т. 25, с. 29.

[152] См. напр.: Абезгауз З. Е. Рабочий класс Белоруссии в начале XXв. 1900—1913 гг. Минск, 1977; Макарова Г. П. Из истории национально-освободительного движения в России в 1917 г. Восточные районы. М., 1979; История рабочих Донбасса, т. 1. Киев, 1981; Валуев П. Н. Формирование бакинского отряда нефтепромышленных рабочих в конце XIX — начале XX в. — В кн.: Рабочий класс Центра страны и Сибири.

[153] См., напр.: Ганиева М. Х. Русский рабочий класс и национально-освободительное движение в Туркестане. Ташкент, 1977, с. 5, 6.

[154] Власова Э. Н., Деева Е. А., Кравец Л. Н., Файзиева З. Формирование рабочего класса в дореволюционном Узбекистане. Ташкент, 1979, с. 4.

[155] См. там же, с. 222, 5.

[156] Кроме указанных выше работ по истории рабочего класса см.: Шустер У. А. Петербургские рабочие в 1905—1907 гг. Л., 1976; Рабочие Сибири в период империализма. Томск, 1976; Промышленность и рабочие кадры досоветской Сибири. Новосибирск, 1978; Лейберов И. П. На штурм самодержавия. Петроградский пролетариат. М., 1979; Рабочие Сибири в период капитализма. М., 1979; Декканов А. Из истории формирования рабочего класса Туркестана в конце XIX — начале XX в. — Обществ. науки в Узбекистане, 1979, № 7; Формирование и изменение численности рабочего класса Молдавии. Кишинев, 1980; Егоров Е. А. Рабочие Нижегородской губернии. 1900 — февраль 1917 г. Горький; 1980; Белов М. Н. Пролетариат и буржуазия Центра России на рубеже XIX—XX вв.; Абезгауз З. Е. Численность и состав рабочих Белоруссии накануне свержения самодержавия; Блинов Н. В., Рабинович Г. Х. Пролетариат и буржуазия Сибири в период империализма; Зиновьев В. П. Численность и концентрация промышленных рабочих Азиатской России в 1850—1914 гг. — В кн.: Рабочий класс Цен-

тра страны и Сибири; Рабочий класс Татарии. Казань, 1981; Амбарян С. Л. К вопросу о формировании буржуазии и пролетариата Восточной Армении. — Историко-филолог. журнал, 1981, № 1; Зольников Д. М. Рабочие Сибири в годы первой мировой войны и февральской революции. Новосибирск, 1982; Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982; Пролетариат Центрального промышленного района в революции 1905—1907 гг. Ярославль, 1982; Лаверычев В. Я., Соловьева А. М. Боевой почин российского пролетариата. М., 1985; и др. См. также: Формирование пролетариата. Проблемы историографии и источниковедения. М., 1980; разделы библиографии в трехтомной монографии о рабочем классе России: История рабочего класса в СССР, т. 1—3. М., 1981—1983.

[157] История СССР, 1984, № 2, с. 18.

[158] См., напр.: Свешников Н. А. Экономика Сибири в период империализма. М., 1975; Социально-экономическое развитие Сибири XIX—XX вв. Иркутск, 1976; Искандаров Б. И. Из истории проникновения капиталистических отношений в экономику дореволюционного Таджикистана. Душанбе, 1976; Из истории докапиталистических и капиталистических отношений в Калмыкии. Элиста, 1977; Октябрь на Дону и Северном Кавказе. Ростов-н/Д, 1977; Гинзбург А. И., Деева Е. А. Промышленность Туркестана накануне Октябрьской социалистической революции. — Народы Азии и Африки, 1977, № 5; Болбас М. Ф. Промышленность Белоруссии. 1860—1900. Минск, 1978; История промышленности и рабочего класса Чувашии, т. 1. 1861—1941. Чебоксары, 1978; Исмайлов М. А., Умаев А. А., Велиев Т. Т. Хлопкоочистительная промышленность в XIX — начале XX века; Тагиев М. Б. Темпы развития и структура промышленности Азербайджана в начале XX века. — В кн.: Актуальные проблемы экономической истории Азербайджана. Баку, 1978; Ортабаев Б. Х. Развитие промышленности и торговли в Северной Осетии в конце XIX — начале XX в. Орджоникидзе, 1978; Бочанова Г. А. Обрабатывающая промышленность Западной Сибири конца XIX — начала XX в. Новосибирск, 1978; Дехканов А. Из истории промышленного производства в дореволюционном Узбекистане. — Обществ. науки в Узбекистане, 1978, № 10; Хасбулатов А. И. Социально-экономические отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии на рубеже XIX—XX вв. — В кн.: Социально-экономические отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период. Грозный, 1979; Колосов Л. Н. Грозненская нефтяная промышленность в период империализма. — Изв. СКНЦВШ, 1979, № 3; Шемяков Д. Е. Очерки экономической истории Бессарабии эпохи империализма. Кишинев, 1980; Россия и Финляндия: торговля, промыслы, крупная промышленность. Л., 1984; Клейн Н. Л. Экономическое развитие Поволжья в конце XIX — начале XX века. Саратов, 1981; Кузченко В. И. Промышленность Киева в период империализма. — Укр. истор. журнал, 1983, № 3; Социально-экономические и политические предпосылки социалистической революции в Азербайджане. Баку, 1983; Социально-экономическая структура населения Дона и Северного Кавказа. Ростов-н/Д, 1984; Ибрагимов М. Д. Нефтяная промышленность Азербайджана в период империализма. М., 1984.

[159] Колосов Л. Н. Чечено-Ингушетия накануне Великого Октября, с. 56.

[160] См., напр.: Шарафиддинов А. Из истории ремесленного производства Ферганской долины. — Обществ. науки в Узбекистане, 1979, № 4; Соловьева Е. И. Промыслы сибирского крестьянства в пореформенный период. Новосибирск, 1981; Тарновский К. Н. Организации мелкой промышленности в России в годы первой мировой войны. — ВИ, 1981, № 8; Долинин В. М. Промыслы сельского и городского населения Вологодской губернии в конце XIX — начале XX века. — История СССР, 1985, № 2; Алексеев А. И., Морозов Б. Н. Рыбные и морские зверобойные промыслы Дальнего Востока в конце XIX — начале XX века. — Там же, 1985, № 5.

[161] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 451. Там же, с. 110, 428—429.

[162] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 223.

[163] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 17. См. также: т. 17, с. 25.

[164] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 452.

[165] Эти вопросы частично затронуты в работе: Мурадалиева Э. Б. Договоры нефтепромышленных фирм — средство борьбы за монополизацию. — В кн.: Развитие капиталистических отношений в Азербайджане в конце XIX — начале XX века. Баку, 1981.

[166] Это обстоятельство приводит также к стремлению доказать незначительность распространения мелкого производства. Подобная противоречивость оценок встречается в литературе и предшествующих и современного этапа. См., напр.: Социально-экономическое и политическое положение Узбекистана накануне Октября, с. 61; Хоштария Э. В. Указ. соч., с. 103—104, 124; Очерки экономической истории Казахской ССР, с. 22, 27; Тебуев Р. С. Указ. соч., гл. III; Гинзбург А. И., Деева А. Е., Указ. соч., с. 129—130, 133; Болбас М. Ф. Указ. соч., с. 59; Клейн Н. Л. Указ. соч., с. 191—195.

[167] См. напр.: Власов В. А. Обрабатывающая промышленность современной Японии. М., 1972, с. 234—246; Дорофеев С. И. Структурные изменения и темпы роста экономики капиталистических стран. М., 1974, с. 126—127; Рубе В. А. Мелкое и среднее предпринимательство в условиях господства монополий (на примере Франции). М., 1978. В. А. Рубе пишет: «... в промышленности развитых капиталистических стран продолжают существовать не только мелкие и средние капиталистические предприятия, но и большое количество ремесленных предприятий» (Рубе В. А. Указ. соч., с. 4).

[168] См.: Соловьева А. М. Развитие паровой энергетики в промышленном производстве России в XIX веке. — История СССР, 1978, № 2; Ее же. Проблемы становления крупной машинной индустрии в России во второй половине XIX в. — В кн.: Россия и Финляндия; Мельник Л. Г. Некоторые аспекты промышленного переворота в Донецком бассейне в 60—90-х годах XIX в. — Укр. истор. журнал, 1980, № 7.

[169] См.: Бовыкин В. И. Динамика промышленного производства в России (1896—1910 гг.). — История СССР, 1983, № 3; Соловьева А. М. Прибыли крупной промышленной буржуазии в акционерных обществах России в конце XIX — начале XX века. — Там же, 1984, № 3; Поликарпов В. В. Из истории военной промышленности в России (1906—1916 гг.). — ИЗ, 1979, т. 104; Его же. О так называемой «программе Маниковского» 1916 года. — Там же, 1983, т. 109.

[170] См., напр.: Буранов Ю. А. К проблеме характера и сущности строя уральской промышленности периода капитализма (1861—1917 гг.) — В кн.: Промышленность и рабочий класс горнозаводского Урала в XVIII — начале XX века. Свердловск, 1982; Нетесин Ю. Н. Промышленный капитал Латвии. 1860—1917 гг. Рига, 1980.

[171] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 258.

[172] См.: Воронкова С. В. К вопросу о соотношении степени концентрации производства и рабочей силы в губерниях ЦПР. — В кн.: Пролетариат Центрального промышленного района в революции 1905—1907 гг. Ярославль, 1982; Бовыкин В. И. Концентрация промышленного производства в России в конце XIX — начале XX в. — ИЗ, 1984, т. 110; Лобанова Е. В. К методике обработки данных промышленной статистики. — В кн.: Социально-экономические и политические проблемы истории народов СССР. М., 1985.

[173] См., напр.: Угаров И. Ф. Численность и отраслевой состав пролетариата России в 1900—1908 гг. — В кн.: Вопросы источниковедения первой русской революции. М., 1977; Васильев Б. Н. Численность, состав, территориальное размещение фабрично-заводского пролетариата Европейской части России и Закавказья в 1913—1914 годах. — История СССР, 1980, № 2.

[174] См.: Мурашев А. А. К методике исчисления уровня концентрации производства и рабочей силы. — В кн.: Математические методы и ЭВМ...

[175] Бовыкин В. И. Социально-экономические предпосылки..., с. 76—77.

[176] Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М., 1979, с. 67—73; Бородкин Л. И., Ковальченко И. Д. Промышленная типология губерний Европейской России на рубеже XIX—XX вв. (Опыт многомерного количественного анализа по данным промышленной переписи 1900 г.). — В кн.: Математические методы в социально-экономических и археологических исследованиях. М., 1981.

[177] Ср., напр.: Лившиц Р. С. Размещение промышленности в дореволюционной России. М., 1955; История СССР. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции, т. VI, М., 1968; Крузе Э. Э. Положение рабочего класса в России в 1900—1914 гг. Л., 1976; Указ. трехтомное изд. по истории рабочего класса в СССР.

[178] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 518, 549. Этот вопрос получил освещение только в монографии П. Г. Рындзюнского «Крестьяне и город в капиталистической России...», с. 126—197. См. также: Куприянова Л. В. Города Северного Кавказа во второй половине XIX века: К проблеме развития капитализма вширь. М., 1981.

[179] См., напр.: Гиндин И. Ф. Антикризисное финансирование предприятий тяжелой промышленности (конец XIX — начало XX в.). — ИЗ, 1980, т. 105; Дякин В. С. Из истории экономической политики царизма в 1907—1914 гг.— Там же, 1983, т. 109; Экономическая политика царизма в Сибири в XIX — начале XX века. Иркутск, 1984.

[180] См., напр.: Эффенди-заде Д. М. Русский морской торговый флот на рубеже XIX—XX вв. — ИЗ, 1981, т. 105; Халин А. А. Московско-Нижегородская железная дорога во второй половине XIX в. — Там же, 1984, т. 111; Ахмеджанова З. К. Железнодорожное строительство в Средней Азии и Казахстане. Конец XIX—XX в. Ташкент, 1984; Давыдов М. А. К вопросу о методике анализа рынков сбыта продукции промышленных предприятий; Изместьева Т. Ф. Внешняя и внутренняя торговля России керосином в конце XIX — начале XX в. — В кн.: Математические методы и ЭВМ...

Эти вопросы поднимаются также в ряде региональных исследований. См., напр.: Свешников Н. А. Указ. соч.; Клейн Н. Л. Указ. соч.

[181] См.: Шепелев Л. Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1981.

[182] См., напр.: Дьяконова И. А. Нобелевская нефтяная монополия и аутсайдеры. — История СССР, 1975, № 6; Ее же. Нобелевская корпорация в России. М., 1980; Живцов Ю. Б. Из истории монополизации медеобрабатывающей промышленности России. — Вестн. Моск. ун-та, сер. История, 1976, № 5; Эффенди-заде Д. М. Формирование монополистического капитала в торговом судоходстве на Каспийском море. — В кн.: Материалы по истории СССР периода капитализма. М., 1976; Черников В. Н. Из истории монополизации цементной промышленности России накануне первой мировой войны: Синдикат «Цементкруг». — История СССР, 1980, № 1; Голиков А. Г. Первая мировая война и российские монополии (Коломенско-Сормовский трест) — ВИ, 1981, № 6; Аракелов А. А. Монополизация табачной промышленности в России. — Там же, № 9; Кубицкая О. А. Становление паровозостроительной монополии в России в конце XIX — начале XX в. — В кн.: Самодержавие и крупный капитал в России в конце XIX — начале XX в. М., 1982; Кушнирук С. В. О некоторых формах конкурентной борьбы внутри синдиката «Продуголь». — История СССР, 1984, № 4.

[183] Подробнее см.: Массовые источники по социально-экономической истории России (гл. III); Наумова Г. Р. Российские монополии. Источниковедческие проблемы. М., 1984.

[184] См.: напр.: Бондаренко Е. О. Торговые дома как форма капиталистических объединений в лесной промышленности Севера. — Вестн. Ленингр. ун-та, 1979, № 2, вып. 1; Мордвинцева О. Н. Развитие акционерного дела в России в конце XIX — начале XX в. (на примере винокуренной промышленности). — Вестн. Моск. ун-та, сер. История, 1982, № 6.

[185] См.: Буранов Ю. А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861—1917). М., 1982.

[186] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 344.

[187] См.: Бовыкин В. И. Формирование финансового капитала в России.

[188] См., напр.: Лачаева М. Ю. Из истории проникновения иностранного капитала в цветную металлургию Урала и Сибири в начале XX в. — Вестн. Моск. ун-та, сер. История, 1975, № 3; Ее же. Английский капитал в меднорудной промышленности Урала и Сибири в начале XX в. — ИЗ, 1982, т. 108; Райский Ю. Л. О некоторых особенностях поземельного кредита в раз-

личных частях Европейской России в 80—90-х годах XIX в. — В кн.: Проблемы аграрной истории ЦЧР в XIX — начале XX в. Курск, 1978; Пипия Г. В. Германский капитал в Закавказье в 1910—1918 гг. М., 1978; Вексельман М. И. Деятельность русских коммерческих банков в Средней Азии и их роль в развитии местной буржуазии. — История СССР, 1979, № 4; Боголепова И. Н. Финансовый капитал в железнодорожном строительстве России накануне первой мировой войны. — ВИ, 1979, № 9; Абрамова Н. Г. Иностранные акционерные общества в России в 1905—1914 гг. — Вестн. Моск. ун-та, сер. История, 1980, № 4; Ее же. Из истории иностранных акционерных обществ в России (1905—1914 гг.). — Там же, 1982, № 3; Корелин А. П. Крупный сельскохозяйственный кредит в капиталистической России. — ИЗ 1981, т. 106; Шарохина М. П. Финансовые и структурные связи «Компании Зингер» с российским и иностранным капиталом. — В кн.: Самодержавие и крупный капитал; Разумов О. Н. Позиции и цели иностранного капитала в горной промышленности Сибири накануне Октябрьской революции. — В кн.: Вопросы истории общественно-политической жизни Сибири периода Октября и гражданской войны. Томск, 1982; Торпан Н. И. Монополистический капитал в промышленности Эстонии (90-е годы XIX в. — 1917 г.). Таллин, 1984. Эти сюжеты частично рассматриваются в ряде региональных исследований.

189 См.: Алияров С. С. Из истории государственно-монополистического капитализма в России: Особое совещание по топливу и нефтяные монополии. — История СССР, 1977, № 6; Лаверычев В. Я. Крупная буржуазия и продовольственный вопрос в 1917 г. — ИЗ, 1977, т. 99; Его же. Государственно-монополистические тенденции при организации продовольственного дела в России. 1914 — февраль 1917 г. — Там же, 1978, т. 101; Его же. Государственно-монополистические тенденции в продовольственном деле накануне Великого Октября. — ВИ, 1979, № 9; Его же. Зарождение государственно-монополистических тенденций в российской экономике конца XIX в. — ИЗ, 1983, т. 109; Башкиров Б. Г. Военно-экономическая мобилизация металлообрабатывающей промышленности Сибири в годы первой мировой войны. — В кн.: Экономическая политика царизма в Сибири...; и др.

190 См.: Лаверычев В. Я. Государство и монополии в дореволюционной России: проблемы вмешательства абсолютистского государства в экономическую жизнь и воздействия капиталистических монополий на государственный аппарат. М., 1982.

191 Об этом см. также: Лаверычев В. Я. Государственный капитализм в пореформенной России. — История СССР, 1982, № 1.

192 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 264.

Л. И. СЕМЕННИКОВА

ОБ ОСНОВНЫХ ЭТАПАХ ПОДГОТОВКИ ОКТЯБРЬСКОГО ВООРУЖЕННОГО ВОССТАНИЯ

Великая Октябрьская социалистическая революция — *«главное событие XX века, коренным образом изменившее ход развития всего человечества»* [1], — открыла новую эпоху всемирной истории, во всей глубине показала основные закономерности революционной борьбы трудящихся против капитала. Советские исследователи обстоятельно изучают борьбу за победу социалистической революции в России. Современный этап в анализе истории Великого Октября характеризуется тем, что постоянно вводятся в научный оборот и осваиваются новые источниковые пласты, активно разрабатываются коренные проблемы борьбы за власть Советов. Глубокое и всестороннее их изучение невозможно без постижения логики исторического развития, которая закрепля-

ется в периодизации. Понять закономерности развития революции можно лишь выяснив роль и характер каждого этапа на этом пути.

Июльские события 1917 г. положили водораздел между различными полосами революционного развития. Партия большевиков в новой исторической обстановке взяла курс на вооруженное восстание, который был претворен в жизнь в октябрьские дни 1917 г. Представляют интерес выявление и анализ современных суждений об основных этапах подготовки Октябрьского вооруженного восстания, их хронологических рамках, характерных чертах и особенностях. В историографическом плане эти вопросы специально пока еще не рассматривались. Отдельные замечания, где они затрагиваются, содержатся в работах Е. Н. Городецкого, Н. Ф. Славина [2].

Октябрьское вооруженное восстание — решающий шаг на пути к победе первой в мире социалистической революции. Период его подготовки и проведения, составляющий крупный раздел истории Великого Октября и включающий многие важные вопросы социально-политического и военно-технического характера, в силу своей огромной значимости интенсивно изучается. Многочисленны публикации, в которых освещаются вызревание объективных и субъективных предпосылок победоносного восстания, тактика партии большевиков во главе с В. И. Лениным, процесс создания политической армии социалистической революции и ее вооруженных сил, непосредственная борьба за установление диктатуры пролетариата и другие проблемы [3].

Как одну из важных задач историки рассматривают глубокое и всестороннее изучение теоретического наследия В. И. Ленина периода подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания. В ленинских произведениях дано научное обоснование процессов революционного развития, сложного комплекса внутренних и внешних факторов, обусловивших переход к подготовке вооруженного восстания, оценены разнообразные данные, связанные с расстановкой сил революции и контрреволюции, настроением масс в промышленных центрах и на фронтах, разработана тактика партии большевиков.

Ни один историк, изучающий вопросы подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания, не может обойти проблем, связанных с периодизацией. Чаще всего авторы не оговаривают свою точку зрения, но она неизбежно находит отражение в структуре исследований, в способах изложения материала. Имеется специальная, хотя и немногочисленная литература, посвященная периодизации истории Великого Октября. В начале 60-х годов была предпринята публикация дискуссионных статей о ленинской периодизации истории Октябрьской революции [4]. Немедленного отклика они не получили, но в дальнейшем появились работы по этим вопросам [5]. В них основные этапы подготовки вооруженного восстания рассматриваются в общем контексте периодизации истории Великого Октября.

Важное значение для определения этапов подготовки восстания имеет единый критерий периодизации истории Великого Октября. Такой критерий складывался на протяжении длительного времени. Попытки выделить его предпринимались уже в начале 60-х годов. М. Е. Найденов предложил опираться на изменения в состоянии и классовой природе государственной власти [6]. А. Х. Бурганов дополнил это (оценкой изменений в состоянии политической армии социалистической революции [7]. Значительное продвижение вперед в изучении ленинского теоретического наследия, истории Октября позволило сформироваться и утвердиться совершенно справедливой точке зрения, что в основе членения процесса развития революции лежит прежде всего строгий учет соотношения классовых сил [8]. Наряду с этим необходимо принимать во внимание деятельность и состояние политических партий, развитие их политики и т. д. Высказывания В. И. Ленина о критериях деления революционного процесса являются для историков основополагающими. В работе «К лозунгам» Ленин писал: «Цикл развития классовой и партийной борьбы в России с 27 февраля по 4 июля закончился. Начинается новый цикл, в который входят не старые классы, не старые партии, не старые Советы, а обновленные огнем борьбы, закаленные, обученные, пересозданные ходом борьбы. ⟨...⟩ Надо оперировать не со старыми, а с новыми, послеиюльскими, классовыми и партийными категориями. ⟨...⟩ В этом новом цикле, конечно, будут еще многоразличные этапы и до окончательной победы контрреволюции и до окончательного поражения (без борьбы) эсеров и меньшевиков и до нового подъема новой революции» [9].

Расстановка классовых сил — это исходный момент при выделении основных этапов перехода от буржуазно-демократической революции к социалистической. В исследовательской практике закрепилось и стало традиционным деление процесса перехода от Февраля к Октябрю на два периода, границей между которыми являются июльские события. Отрезок времени от июльских событий до 25 октября 1917 г. принято считать периодом подготовки Октябрьского вооруженного восстания. Н. Ф. Славин попытался отойти от устоявшейся традиции и предложил выделить три периода, ограничив период подготовки восстания сентябрем—октябрем 1917 г. [10] Предложенный подход в принципе представляет научный интерес. Период с июля по октябрь 1917 г. включает события самого разного характера и содержания, которые могут и должны рассматриваться как самостоятельные вехи на пути к диктатуре пролетариата. Это даст возможность полнее и с той степенью значимости, которую они действительно имели, отразить в периодизации различные полосы революционного развития. Однако конкретные хронологические грани, обозначенные Славиным, не учитывают всей сложности и изменчивости политической ситуации, в частности возможности мирного развития революции, которая существовала осенью 1917 г. Указанный в целом плодотворный подход нуждается в дальнейшей разработке.

Опираясь на положения, содержащиеся в произведениях В. И. Ленина, анализ документальных данных, исследователи выделяют ряд этапов в процессе развития революции с июля по октябрь 1917 г., имеющих свои характерные черты и особенности. Их мнение по поводу хронологических рамок первого этапа практически единодушно: июль — август 1917 г. Большинство историков определило его как этап общеполитической подготовки восстания. Но есть и другие мнения. Славин считает это время особым, не связанным с подготовкой восстания, этапом, который он называл «Борьба революционных сил в условиях единовластия буржуазии». Он писал: «О какой же подготовке восстания могла идти речь... в июле — августе, когда партия находилась на полулегальном положении? В это время был взят курс на вооруженное восстание, но «курс» и «подготовка» — это разные понятия» [11]. Эта аргументация представляется недостаточно убедительной. Позиция большинства более обоснована.

Июльские события привели к ликвидации двоевластия и установлению единовластия буржуазии. При сложившемся новом соотношении классовых сил мирный путь развития революции был невозможен. Партия большевиков во главе с В. И. Лениным внимательно наблюдала за изменениями политической ситуации, соотношением классовых сил в стране, определяя направление и ход развития революционного процесса и степень зрелости условий для непосредственной борьбы за установление диктатуры пролетариата. На этой основе Ленин, вынужденный скрываться в подполье, определил новую политическую линию партии: всесторонняя подготовка вооруженного восстания.

Исторические решения VI съезда РСДРП(б) по вопросам тактики дали ясное представление о деятельности большевистской партии в изменившихся условиях. Принятый съездом Манифест Российской социал-демократической рабочей партии призывал трудящихся готовиться к решительной схватке с буржуазией: «Готовьтесь же к новым битвам, наши боевые товарищи! Стойко, мужественно и спокойно, не поддаваясь на провокацию, копите силы, стройтесь в боевые колонны! Под знамя партии, пролетарии и солдаты! Под наше знамя, угнетенные деревни!» [12]

Ленинский лозунг общеполитической подготовки восстания, утвержденный VI съездом РСДРП(б), выдвигал на первый план необходимость сплочения сил к тому моменту, когда новый подъем революции создаст благоприятные возможности для открытой вооруженной борьбы за установление диктатуры пролетариата. Важнейшей задачей большевиков становились подготовка масс к вооруженной борьбе, разъяснение им, что свергнуть власть буржуазии можно только путем восстания, разоблачение предательской роли меньшевиков и эсеров, помощь созреванию условий для восстания, предотвращение преждевременных выступлений рабочего класса.

Большевики разъясняли трудящимся смысл происходящих событий, помогали преодолеть конституционные иллюзии, учили да-

вать решительный отпор контрреволюции. Политическая и организаторская деятельность РСДРП(б) развертывалась в условиях, когда рабочие, солдаты, крестьяне на собственном опыте убеждались в правоте лозунгов большевистской партии, в предательстве меньшевиков и эсеров. Укреплялись позиции большевиков в массовых организациях, особенно в крупных промышленных центрах. В результате кропотливой работы партии большевиков уже в августе 1917 г. определился сдвиг влево в настроениях народных масс, поворот в сторону решительной борьбы с буржуазией.

В 60-е годы, характеризуя в целом содержание этого этапа, исследователи выделяли главным образом моменты, связанные с укреплением позиций контрреволюционного лагеря. М. Е. Найденов писал, что для периода июль — август 1917 г. «было характерно стремление буржуазии упрочить свою диктатуру, используя мелкобуржуазные партии, окончательно разгромить революционное движение в стране» [13]. В дальнейшем выдвигались на первый план позитивные сдвиги в революционном лагере, показывалось, как в своеобразной послеиюльской обстановке происходило назревание нового подъема революции. А. М. Совокин, например, рассматривая это время, выделил прежде всего консолидацию революционных сил под руководством партии большевиков [14]. Важно, что развитие революции в июле—августе 1917 г. при всех трудностях, усилении позиций контрреволюции подготавливало условия для свержения власти буржуазии.

Разгром под руководством большевиков корниловщины привел к тому, что накапливающееся недовольство народных масс, отдельные их выступления переросли в новый подъем революции. Для исследователей давно стало ясно, что корниловщина — это рубеж на пути к Октябрю, разделяющий разные полосы развития революции. Еще в начале 60-х годов была высказана точка зрения, что период от разгрома корниловщины до победы Октябрьской революции представляет собой особый, второй, этап подготовки восстания [15].

Однако общеизвестно, что развитие революции осенью 1917 г. шло не по прямой линии. Борьба против открытого выступления контрреволюции во главе с Корниловым вызвала мощный подъем революционного движения по всей стране, способствовала полевению масс, росту авторитета и влияния партии большевиков. В ходе ликвидации корниловского мятежа вновь возникла возможность мирного развития революции. Условия же для перехода к непосредственной подготовке восстания созрели к началу второй декады сентября. Эту задачу поставил В. И. Ленин после тщательного анализа политической ситуации в письмах «Большевики должны взять власть» и «Марксизм и восстание».

В современной исторической литературе зафиксированы разноречивые суждения о том, как отразить эту сложную картину в периодизации. В 60—80-е годы произошло значительное продвижение вперед в изучении революционных процессов после

ликвидации корниловской авантюры. Выявлена сравнительно полная картина созревания общенационального кризиса, подготовившего все необходимые объективные и субъективные предпосылки для установления диктатуры пролетариата в России, более основательно изучена роль В. И. Ленина, партии большевиков по руководству военно-технической подготовкой восстания.

На этой базе выдвигались различные варианты членения развития революционного процесса осенью 1917 г. Были и заведомо ошибочные толкования. Так, во второй половине 60-х годов высказывалась точка зрения, что непосредственная подготовка восстания началась лишь после постановления ЦК РСДРП(б) от 10 октября 1917 г.[16] Эта позиция была подвергнута обоснованной критике[17] и не получила распространения. Окончательная оценка остальных вариантов, как и установление точной периодизации подготовки вооруженного восстания, зависит в значительной мере от выработки единого мнения по вопросу о продолжительности времени, на протяжении которого существовала возможность мирного перехода власти к Советам осенью 1917 г. Исследователи еще не договорились здесь, хотя существует большая литература, как общая (нет ни одной работы, захватывающей этап подготовки восстания, где бы об этом не шла речь), так и специальная[18].

Историки И. Ф. Петров, Н. Я. Иванов, Е. Ф. Ерыкалов, И. И. Минц, Н. Ф. Славин и другие считают, что возможность мирного развития революции после разгрома корниловского мятежа существовала всего на протяжении нескольких дней, с конца августа до начала сентября (примерно до 1—2 сентября 1917 г.)[19]. Эта точка зрения наиболее развернуто обоснована в 60-е годы и опирается главным образом на два момента: уточнение, сделанное В. И. Лениным к статье «О компромиссах», в котором говорится, что, «пожалуй, предложение компромисса уже запоздало»[20], и написанный им не позднее 3 сентября «Проект резолюции о современном политическом моменте», где идет речь о необходимости взятия власти рабочим классом, указывается, что Советы «упустили еще один момент мирно взять всю власть в момент ликвидации восстания Корнилова»[21]. На протяжении последних двух десятилетий она не претерпела сколько-нибудь существенных изменений и не приобрела новых аргументов. В 70-е годы ее сторонники, как правило, ограничивались защитой своих положений[22], отыскивая слабые места в позициях своих оппонентов; исключение составляет, пожалуй, статья Славина[23].

Указанные авторы ставят возможность мирного развития революции в зависимость исключительно от позиции лидеров меньшевиков и эсеров, т. е. факторов, которые сами являлись производными от более общих. В результате эта возможность сразу же становится нереальной. Иванов писал, что при ликвидации корниловского мятежа «выявился и сохранялся в течение нескольких дней «один маленький шанс» мирного перехода власти к Советам... Этот шанс создавало решение меньшевиков и эсеров

отказаться от правительственной коалиции с кадетами-корниловцами»[24]. Такова же по сути и точка зрения Славина[25].

Правда, в некоторых работах названных авторов указывается на общее условие, создававшее возможность мирного развития революции, — огромный перевес сил революции над силами контрреволюции в момент ликвидации корниловского мятежа. Однако это мало что меняет, в дальнейшем все привязывается только к позиции лидеров меньшевиков и эсеров. В частности, Ерыкалов, довольно подробно характеризуя соотношение сил, сложившееся в результате победы над мятежниками, вместе с тем писал: «Весь ход событий указывал на то, что после кратковременного периода с конца августа и до 2 сентября, когда меньшевики и эсеры одобрили создание Директории, мирное развитие революции было уже невозможно»[26]. Изменилось ли к этому времени соотношение классовых сил и если да, то каким образом, остается неясным.

Более того, отдельные авторы, говоря о желательности компромисса с меньшевиками и эсерами в конце августа — начале сентября, отрицают возможность мирного развития революции, «так как объективная обстановка не создавала для этого необходимых условий: двоевластия уже не было, единовластие буржуазии продолжалось»[27]. Это утверждение в корне ошибочно. В условиях двоевластия возникла возможность мирного развития революции, но это не означает, что мирный путь связан только с такой редчайшей ситуацией, как двоевластие. Произведения классиков марксизма-ленинизма, историческая практика свидетельствуют о многообразии ситуаций, создающих условия для мирного развития революции.

При почти текстуальной близости изложения вопросов к содержанию статьи В. И. Ленина «О компромиссах» остаются незамеченными сторонниками вышеуказанной позиции некоторые важные нюансы этого произведения. Ленин писал: «Лишь как исключение, лишь в силу особого положения, которое, очевидно, продержится лишь самое короткое время, мы можем предложить компромисс этим партиям, и мы должны, мне кажется, сделать это»[28]. Важно, что возможность мирного развития революции возникла не в результате шанса на компромисс, а в результате «особого положения». Ленин в указанной статье не раскрыл, в чем суть этого «особого положения», а целиком сосредоточился на характеристике сущности и преимуществ компромисса большевиков с партиями меньшевиков и эсеров как способа реализации возникшей возможности мирного развития. Это связано с тем, что необходимо было быстро предпринять практические шаги для использования необычной ситуации. В других работах, написанных после 3 сентября, Ленин дал характеристику политического положения, расстановки классовых сил, условий, создававших возможность мирного развития революции. Исследователи же, которые берут за основу только его статью «О компромиссах», более широкую проблему о возможности и условиях мирного раз-

вития революции осенью 1917 г. сводят к более узкой — о компромиссе и перспективах его осуществления.

Немалое число фактов, говорящих в пользу существования возможности мирного развития революции и после 3 сентября, которые содержатся в произведениях В. И. Ленина, расцениваются только как способ разоблачения соглашателей и мобилизации масс на вооруженное восстание. Аргументация этого положения малоубедительна и противоречива.

Итак, по мнению вышеуказанных авторов, возможность мирного развития революции существовала минимально короткое время, а непосредственная военно-техническая подготовка восстания началась в середине сентября 1917 г. Характеристика политического положения и перспектив развития революции в первой половине сентября выглядит расплывчатой и недостаточно ясной. Находит ли это отражение в периодизации?

В 60—70-е годы в особый этап не выделялось время, на протяжении которого существовала возможность мирного развития революции. То же касается и первой половины сентября в целом. Петров писал: «На наш взгляд, нет оснований выделять первую половину сентября в особый момент в развитии революции» [29]. В историографическом очерке «Партия и Великий Октябрь» авторы ограничились выделением двух больших периодов (до июльских событий и после), указав лишь, что внутри них возможны более дробные деления [30].

Вместе с тем исследователи ощущали необходимость как-то оговорить особенности ситуации в первой половине сентября 1917 г. Ерыкалов в монографии, посвященной Октябрьскому вооруженному восстанию в Петрограде, писал: «Партия большевиков, руководствуясь решениями VI съезда, держала курс на вооруженное восстание. Но в первой половине сентября задача восстания не выдвигалась как неотложная задача момента. Для этого еще не было условий» [31]. Глава о военно-технической подготовке восстания в этой монографии начиналась с середины сентября. Однако ранее Ерыкалов указал, что «время после разгрома корниловщины и до победы Октябрьского восстания в Петрограде выделяется в особый этап второго периода подготовки социалистической революции» [32]. Если попытаться увязать оба утверждения, то можно предположить, что этот этап (сентябрь—октябрь 1917 г.) Ерыкалов в свою очередь разделил на две части: 1) с конца августа до середины сентября; 2) с середины сентября до победы Октябрьского вооруженного восстания. Но это не более чем предположения на основе разрозненных его высказываний. В позиции Ерыкалова, как и других исследователей, стоящих на близкой точке зрения, нет четкости.

Однако потребности дальнейшего развития истории Великого Октября заставляли занять более определенную позицию по этим вопросам. В начале 80-х годов они активно изучались, высказывались различные мнения. Славин изложил уже ставшую традиционной точку зрения, что первая половина сентября — это осо-

бая полоса, когда «вооруженное восстание с целью ликвидации буржуазной власти и непосредственного установления диктатуры пролетариата становилось необходимым и неизбежным, но условия для его победы в течение первых десяти дней сентября еще окончательно не созрели»[33]. Статус этой полосы не определен. А. И. Токарев предложил отрезок времени с 25 августа до 12—13 сентября 1917 г. считать особым этапом, внутри которого отмечены три полосы: 1) 25—31 августа (разгром корниловщины), 2) 31 августа — 3 сентября (возможность мирного развития революции), 3) 3 сентября — 12—13 сентября (характеристика несколько неопределенна, но связана с подготовкой восстания)[34]. А. П. Носов и Э. Ю. Юсупов считали, что с 26 августа по 3 сентября 1917 г. — это «небольшой промежуток времени — пять дней борьбы с корниловщиной и три дня после нее — можно условно выделить в особый этап истории нашей партии в период революции, когда у Советов была возможность взять власть мирным способом»[35].

Таким образом, сторонники предельной кратковременности существования возможности мирного развития революции осенью 1917 г., хотя и не единодушно, с разночтениями в конкретных датах, к середине 80-х годов подошли к необходимости выделить этот особый этап в развитии революции. Что касается определения места первой половины сентября на линии революционного развития, то здесь нет существенного продвижения вперед. Точка зрения Славина традиционна; Токарев, по его собственной характеристике, объединил «под одной шапкой» разнородные процессы; Носов и Юсупов вообще сняли вопрос о специфике революционного развития в первой половине сентября. Это не случайно. Четкое решение вопроса о статусе первой половины сентября с указанных позиций практически невозможно. Это еще один аргумент против утверждения, что мирный путь развития революции был возможен только в конце августа — самом начале сентября 1917 г.

Иная трактовка вопроса о продолжительности времени, на протяжении которого был возможен мирный переход власти к Советам осенью 1917 г., содержится в работах М. А. Баранова, А. М. Совокина, В. И. Старцева, Х. М. Астрахана и др.[36] Указанные авторы полагают, что возможность мирного развития революции, возникнув в момент ликвидации корниловского мятежа, существовала до 10—12 сентября 1917 г. Исходной базой являются все произведения В. И. Ленина, в которых идет речь об открывшейся новой возможности и путях ее реализации, другие исторические документы. Сторонники этой точки зрения много сделали в области источниковедческого анализа произведений Ленина, написанных в первой половине сентября, выяснили и уточнили многие обстоятельства и время появления ленинских материалов. Эта позиция находится в постоянном движении, уточняется, обрастает новыми аргументами. Важно, что исследователи задались вопросом, ставилась ли партией большевиков реально задача исполь-

зовать возникшую возможность мирного развития революции, делалось ли что-либо в этом направлении, или существовало только предложение В. И. Ленина, которое на практике не было использовано. Они попытались по известным партийным документам, материалам прессы и другим проследить судьбу ленинского положения о компромиссе. Поиски немало дали для уточнения картины деятельности Ленина, партии большевиков в это время.

В целом утверждение, что возможность мирного развития революции существовала в течение первой декады сентября, выглядит убедительным, аргументированным, отвечающим на многие вопросы, которые поставлены в связи с этим. Оно приобретает все большее число сторонников, активно разрабатывается. Что касается периодизации, то Совокин выделяет первую половину сентября в самостоятельный этап, который он назвал «Последняя попытка мирного развития революции» [37]. Позиция других менее определенна, но этап непосредственной подготовки восстания неизменно начинается с середины сентября 1917 г.

Однако указанным исследователям не удается достаточно аргументированно вписать в свою концепцию факты, которые нельзя обойти и которые составляют фундамент идеи о максимальной кратковременности существования возможности мирного развития революции осенью 1917 г., — приписку В. И. Ленина к статье «О компромиссах» и «Проект резолюции о современном политическом моменте». В последние годы, чтобы увязать все имеющиеся факты, было выдвинуто утверждение об альтернативной постановке Лениным вопроса о власти после разгрома корниловщины. Астрахан говорит о двух возможных путях дальнейшего развития революции в первой половине сентября: один путь — если лидеры меньшевиков и эсеров порвут с буржуазией, согласятся на переход власти к Советам и тем обеспечат мирное развитие революции, другой — восстание, если меньшевики и эсеры не примут предложенный большевиками компромисс. «От меньшевиков и эсеров главным образом зависел окончательный выбор той или иной формы борьбы против буржуазной власти партией большевиков» [38], — писал Астрахан. Эта точка зрения нашла поддержку [39].

Идея об альтернативной постановке В. И. Лениным вопроса о власти в первой половине сентября 1917 г. была высказана еще в начале 60-х годов Ивановым, приверженцем позиции, что возможность мирного развития существовала до 1—2 сентября 1917 г. Он хотел объяснить, почему Ленин говорил о возможности мирного развития революции после указанного срока. Утверждение об альтернативе в данном случае носило скорее формальный характер, так как автор убежден, что фактически имелся только единственный выход — вооруженное восстание. Иванов писал: «Альтернативной постановкой вопроса — или мирное развитие революции или неизбежное восстание — Ленин с величайшим искусством подводил членов партии большевиков, массы трудящихся к осознанию той истины, что на насилие корниловской

буржуазии и систематическое пособничество ему со стороны эсеро-меньшевиков пролетариат вынужден ответить насилием»[40]. Это положение нашло отражение и в его монографии 1977 г.[41]

Астраханом и другими эта идея используется теперь для доказательства позиции, сторонники которой считают, что возможность для мирного развития революции существовала более продолжительное время. В связи с этим идея об альтернативе приобрела иной смысл и особенно вызывает возражения. При данной конкретной ситуации альтернативной постановки вопроса о путях борьбы за власть быть не может. Из нее существует только единственный выход, обусловленный расстановкой классовых сил. Весной 1917 г. неоднократно бывали моменты, когда эсеры и меньшевики могли обеспечить мирный переход власти к Советам, но не сделали этого. Однако лозунг вооруженного восстания был выдвинут лишь тогда, когда в корне изменилось соотношение классовых сил и исчезла всякая надежда на возможность мирного пути развития революции. Реально альтернатива появляется только с изменением условий для классовой борьбы. То же касается и осени 1917 г.

Трудности, испытываемые указанными исследователями, на наш взгляд, проистекают прежде всего из того, что в определении продолжительности периода мирного развития в сентябре 1917 г. они исходят в основном из отношения меньшевиков и эсеров к предложению большевиков о соглашении. Отказ от соглашения с РСДРП(б) рассматривается как исчезновение возможности для мирного пути. Новые аргументы привлекаются за счет чрезвычайной детализации событий, выяснения нюансов поведения политических деятелей. На первом же плане должен быть анализ соотношения классовых сил, которое обеспечивало возможность мирного развития, и изменений, в нем происходивших.

Общеизвестно, что мирный или немирный путь осуществления социалистической революции зависит от конкретно-исторических условий, прежде всего от соотношения классовых сил в стране. Главными критериями являются организованность и политическая активность рабочего класса, уровень развития революционной борьбы, а также характер и степень сопротивления эксплуататорских классов, возможность применения ими насилия против народа. «Каждый отдельный лозунг должен быть выведен из всей совокупности особенностей определенного политического положения»[42], — писал В. И. Ленин в июле 1917 г. Вождь партии большевиков, наблюдая быстро меняющуюся картину революции, сопоставлял различные события и на основе анализа делал кардинальные выводы в области тактики партии. Для понимания ленинской позиции по вопросу о возможности мирного развития революции после разгрома корниловщины и путях ее реализации необходимо брать в комплексе произведения Ленина первой половины сентября, причем положения, высказанные им, следует рассматривать в развитии, они не были статичными.

Своеобразное развитие революции в России сразу после Фев-

раля привело к образованию ситуации, которая позволяла установить власть Советов мирным путем. С апреля до начала июля 1917 г. большевиками был накоплен определенный опыт работы в условиях, когда было возможно мирное развитие революции. Но всякий новый этап характеризуется своими особенностями, требующими строгого учета. В период, когда существовала возможность мирного развития революции, особенно важно было правильно определить факторы, которые ее создавали, и на этой основе построить свою тактику.

Возможность мирного развития революции осенью 1917 г. открылась в связи с новым соотношением сил в результате разгрома корниловщины. Важно, что исчезнуть она могла, независимо от перспектив ее практической реализации, только с изменениями в этом соотношении сил. В советской исторической литературе, при всем ее многообразии, нет четкой формулировки того, как менялась расстановка классовых сил в стране на протяжении первой половины сентября 1917 г. А политическая ситуация («особое положение»), возникнув в момент ликвидации контрреволюционного мятежа, не осталась статичной. Она стремительно развивалась с «невероятной быстротой вихря или урагана»[43].

Корниловщина и ее разгром вызвали коренные изменения в политической обстановке России. Борьба с мятежниками под руководством партии большевиков подняла политическую активность рабочих и солдат, вызвала волну революционных выступлений по всей стране. В то время как в лагере революции царили организованность и боевой настрой, среди классовых противников пролетариата усилились неуверенность и разброд.

Поражение Корнилова нанесло сокрушительный удар по фронту контрреволюции. Ведущая партия империалистической буржуазии — кадеты, скомпрометированная участием в заговоре, прилагала все усилия, чтобы обелить себя. Меньшевики и эсеры под влиянием всенародной борьбы с мятежниками отказались от правительственной коалиции с кадетами. Буржуазии приходилось маневрировать, выжидать. Ослабленная контрреволюция не могла в те дни применить насилие против революционного народа.

Новый мощный подъем революционного движения в стране, раскол в буржуазно-помещичьем лагере в связи с поражением Корнилова, колебания в среде мелкобуржуазных партий меньшевиков и эсеров, затянувшийся кризис власти и разворачивающаяся большевизация Советов составляли те новые оригинальные условия, при которых опять появилась возможность мирного развития революции.

Данная возможность была кратковременной, так как, сохраняя в своих руках политическую власть, буржуазия стремилась приложить и прилагала максимум усилий, чтобы как можно скорее восстановить свои позиции. Теперь взять власть можно было только вооруженным путем.

К тому же реализация этой кратковременной возможности с самого начала была очень проблематичной. В статье «О ком-

промиссах» В. И. Ленин предложил заключить с партиями меньшевиков и эсеров соглашение с целью мирного перехода всей власти к Советам. Он считал, что для осуществления такого соглашения на определенных условиях есть «один маленький шанс» — решение меньшевиков и эсеров не идти в правительство с кадетами. Удастся ли реализовать этот шанс на соглашение, было неизвестно. «Разноголосица в «блоке» большая и неизбежная, ибо в мелкобуржуазной демократии представлена тьма оттенков... И каков будет в каждый данный момент этой разноголосицы результат ее, — никто не знает» [44], — писал Ленин.

Тем не менее вождь партии большевиков считал необходимым использовать открывшуюся возможность для мирного перехода власти к Советам: «Но если есть даже один шанс из ста, то попытка осуществления такой возможности все-таки стоила бы того, чтобы осуществить ее» [45]. К тому же еще основоположники марксизма считали, что необходимо использовать любую возможность совершить революцию без вооруженной борьбы. «Восстание было бы безумием там, где мирная агитация привела бы к цели более быстрым и верным путем» [46], — говорил К. Маркс.

Какова же связь между условиями для компромисса и самой возможностью мирного развития революции? Как уже говорилось, мирный путь определяется соотношением классовых сил, а способ его реализации вытекает из этого соотношения. В августе 1917 г. В. И. Ленин писал: «Рассматривать действия политических партий, как *каприз*, значит отказаться от всякого *изучения* политики. ⟨...⟩ Оно (действие. — *Л. С.*) не может быть случайно. Оно не может не стоять в связи с определенным экономическим положением какого-либо большого класса народа. Оно не может не стоять в связи с историей развития этих партий» [47]. В ходе борьбы с Корниловым сложилась новая расстановка классовых сил, огромные массы народа шатнулись влево, что привело к созданию значительного перевеса сил революции над ослабленной контрреволюцией и открывало возможность мирного перехода власти к Советам. Компромисс как способ практической его реализации вытекал из того, что лидеры меньшевиков и эсеров, боясь потерять массы и под влиянием масс, также шатнулись влево.

События развивались быстро, и уже 3 сентября можно было предположить, что «маленький шанс» на заключение компромисса исчез, 2 и 3 сентября газеты сообщили об образовании Директории и признании ее партиями меньшевиков и эсеров. Означало ли это, что исчезло и то «особое положение», о котором писал В. И. Ленин 1 сентября, та расстановка классовых сил, которая открывала возможность мирного развития революции? Это было вполне вероятно. Начавшийся поворот лидеров эсеров и меньшевиков вправо мог означать возвращение на старые позиции и масс, ранее шедших за ними. Поэтому 3 сентября Ленин сделал приписку к статье «О компромиссах». Важно, что в ней Ленин разделил компромисс как способ практической реализации мирного пути и саму возможность мирного развития. Он писал:

«...Пожалуй, предложение компромисса уже запоздало». И далее (опять не совсем категорично): «Пожалуй, те несколько дней, в течение которых мирное развитие было *еще* возможно, *тоже* прошли» [48]. И Ленин составил «Проект резолюции о современном политическом моменте», основанный на выводах, к которым он тогда пришел.

Однако уже в ближайшее время В. И. Ленину стало ясно, что позиция лидеров мелкобуржуазных партий не отражала реального соотношения сил, что возможность мирного развития революции еще существовала. Во вступительной части к работе «Задачи революции» он сформулировал важное условие мирного развития революции: «Только при его (мелкобуржуазного класса. — *Л. С.*) присоединении к пролетариату победа дела революции, дела мира, свободы, получения земли трудящимися, обеспечена легко, мирно, быстро, спокойно». А далее кардинальный вывод: «...вожди эсеров и меньшевиков совсем разошлись с массами» [49], т. е. поворот вправо лидеров мелкобуржуазных партий не означал уже изменения в настроениях масс. Дело было теперь не в лидерах меньшевиков и эсеров, которые хотя и проявляли колебания, но уже с первых дней сентября постепенно возвращались на позиции поддержки буржуазии, а в том, насколько прочен откол мелкобуржуазных низов от лагеря буржуазии.

Нельзя было с уверенностью сказать, сможет ли мелкобуржуазная демократия окончательно порвать с буржуазией. «Нельзя знать, смогут ли теперь Советы пойти дальше вождей эсеров и меньшевиков, обеспечивая этим мирное развитие революции, или они опять будут топтаться на месте, делая этим пролетарское восстание неизбежным» [50], — писал В. И. Ленин. В статьях «Задачи революции», «Русская революция и гражданская война», «Один из коренных вопросов революции» и других он разработал тактику реализации возможности мирного развития революции с учетом новых обстоятельств.

Большое значение в этих условиях В. И. Ленин придавал работе в массах. Он поставил задачу перед большевиками: «...помочь сделать все возможное для обеспечения «последнего» шанса на мирное развитие революции, помочь этому изложением нашей программы, выяснением ее общенародного характера, ее безусловного соответствия интересам и требованиям гигантского большинства населения» [51].

Необходимо было показать массам, что эсеро-меньшевистские лидеры окончательно разошлись с народом и их соглашательская политика несла гибель революции. Разоблачение политики эсеров и меньшевиков привело бы к поддержке массами большевистской программы. Если проблемы компромисса, его целесообразности, реальности и т. д. довольно подробно и с разных точек зрения освещены, то процессы, которые происходили в массах в первой половине сентября, пока еще изучены мало.

В. И. Ленин допускал и предвидел, что колебания мелкобуржуазной демократии могут привести к восстановлению ее старого

компромисса с буржуазией в слегка измененном виде (коалиция не с кадетами, а с «беспартийными» цензовыми элементами). Но и в этом случае большевики выигрывали гигантски, работая в массах. «...Последствием этого было бы дальнейшее обессиление эсеров и меньшевиков, дальнейший разрыв их с массами, невероятное усиление в массах возмущения и озлобления, громадное усиление симпатии к революционному пролетариату, к большевикам»[52], — писал Ленин. Изживание массами иллюзий в отношении меньшевиков и эсеров, окончательный переход их на революционные позиции обеспечивал установление диктатуры пролетариата в России.

В связи с открывшейся возможностью мирного развития революции общая установка на вооруженное восстание, принятая VI съездом РСДРП(б), большевиками не отменялась ввиду очевидной кратковременности периода и проблематичности реализации этой возможности («один шанс из ста»). Большевики пересмотрели бы свой курс в случае, если бы меньшевики и эсеры согласились на компромисс, тем более что деятельность большевиков по обеспечению в новых условиях мирного перехода власти к Советам способствовала формированию политической армии социалистической революции и приближала ее.

На основе тщательного анализа объективно сложившейся после разгрома корниловщины обстановки В. И. Ленин выработал тактику большевиков, направленную на использование возможности мирного развития революции. РСДРП(б) во главе с Лениным, как и предписывали обстоятельства, открыто предложила меньшевикам и эсерам соглашение (публикация ленинской статьи «О компромиссах» 6 сентября 1917 г.). Однако мирный путь развития революции реализовать не удалось. К исходу первой декады сентября условия для мирного перехода власти к Советам исчезли.

К 10—12 сентября 1917 г. определилась такая расстановка классовых сил, которая обусловила необходимость и неизбежность вооруженного восстания. Буржуазия, оправившись после нанесенного ей поражения в конце августа 1917 г., вновь собрала силы для наступления на трудящихся, готовила «вторую корниловщину». Лидеры меньшевиков и эсеров, хотя и проявляли колебания, продолжали праветь, постепенно возвращаясь на старые позиции, и вновь оказались в хвосте у буржуазии. Капитал с неизбежностью поставил российский пролетариат перед необходимостью вооруженной борьбы.

Таким образом, промежуток времени с конца августа до 10—12 сентября 1917 г. представлял собой самостоятельный этап в развитии революции, с отвечающей ему расстановкой классовых сил и политической ситуацией. На наш взгляд, его так и следовало бы закрепить в периодизации.

После 10—12 сентября 1917 г. начался новый этап — этап непосредственной подготовки вооруженного восстания, завершившийся Октябрьским вооруженным восстанием в Петрограде. В это

время сложились все необходимые предпосылки для свержения власти капитала. На основе глубокого и всестороннего анализа положения в стране В. И. Ленин пришел к выводу, что общенациональный кризис назрел, происходило нарастание социалистической революции. Все усилия партии большевиков во главе с Лениным были направлены на непосредственную подготовку вооруженного восстания, обеспечение его победы.

Таким образом, в процессе развития революции от июльских дней до Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде при нынешнем уровне разработки общетеоретических и конкретно-исторических проблем борьбы за власть Советов можно выделить следующие этапы: 1) июль — август; 2) конец августа — 10—12 сентября; 3) 10—12 сентября — 24 октября 1917 г. Каждому из этих этапов соответствовало свое соотношение классовых сил, которое обусловило своеобразие форм революционной борьбы в указанных хронологических рамках.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] КПСС в резолюциях..., т. 12, с. 426.

[2] См.: Городецкий Е. Н. Историографические и источниковедческие проблемы Великого Октября. М., 1982; Славин Н. Ф. К вопросу о периодизации истории Великой Октябрьской социалистической революции. — В кн.: Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1982.

[3] См.: Иванов Н. Я. Корниловщина и ее разгром. Л., 1965; Ерыкалов Е. Ф. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Л., 1966; История КПСС, т. 3, кн. 1. М., 1967; Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде, кн. 1—2. Л., 1967; Трукан Г. А. Октябрь в Центральной России. М., 1967; Минц И. И. История Великого Октября, т. 2. М., 1968, 1978; Дубинин А. С. Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор всероссийского вооруженного восстания. М., 1973; Совокин А. М. В преддверии Октября. М., 1973; Его же. На путях к Октябрю. М., 1977; Трукан Г. А. Рабочий класс в борьбе за победу и упрочение Советской власти. М., 1975; Вооруженные силы Великого Октября. М., 1977; Иванов Н. Я. Контрреволюция в России в 1917 году и ее разгром. М., 1977; Революционный Петроград. 1917 год. Л., 1977; Семенникова Л. И. Большевики Петрограда и Москвы в авангарде борьбы за власть Советов. М., 1980; Марксизм-ленинизм о диалектике революции и контрреволюции. Из опыта борьбы с контрреволюцией и современность. М., 1984; и др.

[4] См.: Найденов М. Е. Ленинская периодизация истории Великой Октябрьской социалистической революции. — История СССР, 1963, № 6; Бурганов А. Х. К вопросу о периодизации истории Великой Октябрьской социалистической революции. — История СССР, 1964, № 3.

[5] См.: Ерыкалов Е. Ф. Некоторые вопросы периодизации истории Великой Октябрьской социалистической революции. — Вестн. Ленингр. ун-та, сер. История, язык, литература, 1974, № 8, вып. 2; Славин Н. Ф. Указ. соч.; Токарев А. И. В. И. Ленин и деятельность большевистской партии по подготовке победы Октября. М., 1983; Носов А. П., Юсупов Э. Ю. Ленинское наследие и вопросы методологии истории Великого Октября. Ташкент, 1984.

[6] См.: Найденов М. Е. Указ. соч., с. 5.

[7] См.: Бурганов А. Х. Указ. соч., с. 7.

[8] См.: Городецкий Е. Н. Указ. соч., с. 123; Ерыкалов Е. Ф. Некоторые вопросы периодизации истории Великой Октябрьской социалистической революции..., с. 21; Славин Н. Ф. Указ соч., с. 7; Токарев А. И. Указ. соч., с. 80.

[9] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 17.

[10] См.: Славин Н. Ф. Указ. соч., с. 12.
[11] Там же, с. 9.
[12] КПСС в резолюциях..., т. 1, с. 508.
[13] Найденов М. Е. Указ. соч., с. 10.
[14] См.: Совокин А. М. На путях к Октябрю, с. 127.
[15] См.: Найденов М. Е. Указ. соч., с. 11.
[16] Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде, кн. 2, с. 249.
[17] Партия и Великий Октябрь. Историограф. очерк. М., 1976, с. 242.
[18] См.: Баранов М. А. В. И. Ленин о возможности мирного развития революции после разгрома корниловщины. — Учен. зап. МОПИ, т. 58, вып. 6. М., 1957; Совокин А. М. О возможности мирного развития революции после разгрома корниловщины. — Вопросы истории КПСС, 1960, № 3; Шистер Г. А. В. И. Ленин о возможности мирного развития революции и некоторые особенности тактики большевиков после разгрома корниловщины. — Учен. зап. Ташкентского пед. ин-та им. В. Г. Белинского, вып. 17. Ташкент, 1961; Старцев В. И. Некоторые вопросы истории подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. — В кн.: Советская историография классовой борьбы и революционного движения в России, ч. 2. Л., 1967; Славин Н. Ф. Статья В. И. Ленина «О компромиссах». — В кн.: Исторический опыт Великого Октября. М., 1975; Его же. К вопросу о путях борьбы за переход власти к Советам после разгрома корниловского мятежа. — История СССР, 1982, № 4; и др.
[19] См.: Петров И. Ф. Стратегия и тактика партии большевиков в подготовке победы Октябрьской революции. М., 1964; Иванов Н. Я. Корниловщина и ее разгром: Ерыкалов Е. Ф. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде; Минц И. И. История Великого Октября, т. 2; Славин Н. Ф. К вопросу о путях борьбы за переход власти к Советам...; и др.
[20] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 138.
[21] Там же, с. 147—148.
[22] См.: напр.: Петров И. Ф. Ленинская партия — вдохновитель и организатор победы Великого Октября. М., 1977, с. 161.
[23] См.: Славин Н. Ф. К вопросу о путях борьбы за переход власти к Советам ...
[24] Иванов Н. Я. Корниловщина и ее разгром, с. 131.
[25] См.: Славин Н. Ф. К вопросу о путях борьбы за переход власти к Советам..., с. 41.
[26] Ерыкалов Е. Ф. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде, с. 131.
[27] Подъяловская Л. В. О возможности мирного развития революции в конце августа — начале сентября 1917 г. — Вестн. Ленингр. ун-та, сер. История, язык, литература, 1978, № 14, вып. 3, с. 26. На той же позиции стоит П. М. Снурников (см.: Снурников П. М. Разгром корниловщины. В. И. Ленин о возможности мирного развития революции. — В кн.: Некоторые вопросы стратегии и тактики партии большевиков в Октябрьской революции. М., 1968).
[28] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 134.
[29] Петров И. Ф. Стратегия и тактика партии большевиков в подготовке победы Октябрьской революции, с. 37.
[30] Партия и Великий Октябрь, с. 54.
[31] Ерыкалов Е. Ф. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде, с. 127.
[32] Там же, с. 35.
[33] Славин Н. Ф. К вопросу о путях борьбы за переход власти к Советам..., с. 49.
[34] См.: Токарев А. И. Указ. соч., с. 112—115.
[35] Носов А. П., Юсупов Э. Ю. Указ. соч., с. 105.
[36] См.: Баранов М. А. В. И. Ленин о возможности мирного развития революции после разгрома корниловщины. — Учен. зап. МОПИ, т. 58, вып. 6. М., 1957; Старцев В. И. Некоторые вопросы истории подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде; Совокин А. М.

В преддверии Октября; Его же. На путях к Октябрю; Астрахан Х. М. Крушение идейно-политических позиций мелкобуржуазных партий в России в 1917 г. (март—октябрь). — История СССР, 1977, № 4; Комиссаренко Л. А. Восстановление лозунга «Вся власть Советам!» после разгрома корниловщины в исторической литературе 50—70-х годов. — В кн.: Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М., 1980.

[37] См.: Совокин А. М. На путях к Октябрю, с. 112.

[38] Астрахан Х. М. Крушение идейно-политических позиций мелкобуржуазных партий в России в 1917 г., с. 32.

[39] См.: Зайцев В. А. К вопросу о возможности компромисса большевиков с мелкобуржуазными партиями в период после разгрома корниловщины.— В кн.: Непролетарские партии в России в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции. М., 1982.

[40] Иванов Н. Я. Корниловщина и ее разгром, с. 137.

[41] См.: Иванов Н. Я. Контрреволюция в России в 1917 году и ее разгром, с. 161.

[42] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 10.

[43] Там же, с. 134, 147.

[44] Там же, с. 138.

[45] Там же, с. 135.

[46] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 635.

[47] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 126.

[48] Там же, с. 138—139.

[49] Там же, с. 229, 230.

[50] Там же, с. 230.

[51] Там же.

[52] Там же, с. 225.

Н. Е. БЕСПАЛОВ

РАЗВИТИЕ В. И. ЛЕНИНЫМ УЧЕНИЯ О ПАРТИИ НА ОПЫТЕ ОКТЯБРЯ

Победа Великого Октября — это всемирно-историческое завоевание рабочего класса России в союзе с беднейшим крестьянством под руководством марксистско-ленинского авангарда. Партия оказалась на высоте своей исторической миссии. «Великая Октябрьская социалистическая революция одержала победу потому, — говорится в постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции», — что ее возглавила партия нового типа, созданная великим Лениным, воплотившая в себе революционную энергию самого передового класса современности — рабочего класса» [1].

Великая Октябрьская социалистическая революция явилась подлинным триумфом ленинского учения о партии. В то же время она стала величайшей сокровищницей опыта, позволившего существенно обогатить это учение. Обобщению опыта Великого Октября, раскрытию роли Коммунистической партии в подготовке и проведении социалистической революции В. И. Ленин придавал громадное значение. Он считал неотложной и настоятельной задачей, интернациональным долгом коммунистов России познакомить международный пролетариат «ближе, теснее с русским опытом, со значением настоящей пролетарской политической партии» [2]. Изучая опыт большевизма, иностранные товарищи, указы-

вал он, смогут «действительно постигнуть организацию, построение, метод и содержание революционной работы»[3]. Подчеркивая его международное значение, Ленин писал: «... на этом опыте будущая международная революция будет строить свое социалистическое здание»[4].

В трудах В. И. Ленина, партийных документах дано глубокое теоретическое обобщение опыта первой победоносной социалистической революции, сделаны фундаментальные выводы о партии, ее роли в революционном преобразовании общества. Их непреходящее значение состоит в том, что ленинское учение о партии является «бесценным идейно-теоретическим и методологическим оружием революционеров всех стран»[5].

КПСС достойно выполняет роль политического вождя рабочего класса, всего советского народа благодаря тому, что в своей деятельности и принципах организации она последовательно руководствуется ленинским учением о партии, творчески развивает его в любой конкретной исторической обстановке и в связи с насущными задачами, встающими на пути поступательного движения к коммунизму. «Партия — именно та сила, — подчеркивает Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, — которая способна учесть интересы всех классов и социальных групп, всех наций и народностей страны, сплотить их воедино, мобилизовать энергию народа на общее дело коммунистического созидания»[6].

Ленинское учение о партии имеет большое значение для развития международного коммунистического движения, которое превратилось в самую влиятельную политическую силу современности. Оно оказывает огромное и постоянно возрастающее влияние также на национально-освободительное движение в мире, о чем свидетельствует возникновение в развивающихся странах революционно-демократических партий марксистско-ленинской ориентации.

Актуальность ленинского учения о партии в современных условиях обусловливается и тем, что «на международной арене происходит резкое, небывалое за весь послевоенный период обострение борьбы двух общественных систем, двух полярно противоположных мировоззрений»[7]. Буржуазные идеологи, различного рода оппортунисты и ревизионисты, понимая, каким могучим оружием для коммунистов всего мира является ленинское учение о партии, подвергают его все более массированным и беспрецедентным по своему размаху атакам.

КПСС вместе с другими марксистско-ленинскими партиями дает надлежащий отпор любым попыткам ревизионистов, всячески стремящихся умалить руководящую роль коммунистических партий в борьбе за интересы рабочего класса, за власть трудящихся, в строительстве социализма и коммунизма. Непримиримая борьба за чистоту ленинского учения о партии имеет международное значение, она содействует верной ориентации коммунистов и миллионов трудящихся. «Защищать и утверждать марксистско-ленинское учение о партии, — подчеркивается в постановлении ЦК КПСС

«О 80-летии Второго съезда РСДРП», — интернациональный долг всех коммунистов» [8].

Большое теоретическое и практическое значение ленинского учения о партии, опыта ее деятельности на различных исторических этапах обусловливает актуальность изучения истории КПСС. «Нам надо, — подчеркивал секретарь ЦК КПСС Е. К. Лигачев на XXVII съезде партии, — более активно использовать богатейший опыт КПСС для воспитания коммунистов, для решения новых задач, научиться из прошлого извлекать уроки для сегодняшних и грядущих дней. А это обязывает гораздо основательнее, чем до сих пор, организовать изучение истории Коммунистической партии Советского Союза» [9]. Выполнение задач, поставленных на съезде, требует самого серьезного исследования советскими обществоведами истории создания и обогащения ленинского учения о партии.

Вопросы, связанные с развитием этого учения на основе анализа опыта Великой Октябрьской социалистической революции, уже получили некоторое освещение в обобщающих трудах по истории КПСС и международного рабочего движения [10], в работах о В. И. Ленине, ленинизме, ленинском учении о партии [11]. Однако предметом самостоятельного рассмотрения эта проблема не являлась. В данной статье предпринята попытка осветить коренные проблемы учения о партии, получившие развитие в трудах В. И. Ленина на основе обобщения опыта Великого Октября.

Осмысливая опыт Великого Октября, В. И. Ленин писал, что «революция мудрая, трудная и сложная наука» [12]. Она требует, чтобы длительно и упорно партия готовилась к ее проведению. На основе анализа истории большевизма за весь период его существования, теоретического обобщения опыта подготовки и проведения социалистической революции Ленин делает вывод: «... особенно быстрые успехи революции в России *связаны* с долголетней работой революционной партии... когда годами создавался систематический нелегальный аппарат для руководства демонстрациями и стачками, для работы в войсках, изучались детально приемы, создавалась нелегальная литература, подводившая итоги опыта и воспитывавшая всю партию в мысли о необходимости революции, вырабатывались вожди масс для подобных случаев и т. д. и т. п.» [13]

Эта связь между деятельностью партии и победой социалистической революции была настолько тесной и неразрывной, что Ленин называл Октябрьскую революцию «большевистской» [14]. Теоретическое обобщение опыта большевизма позволило Ленину на III конгрессе Коминтерна со всей определенностью сказать, что важнейшая задача настоящей Коммунистической партии заключается в том, чтобы «научиться подготовлять революцию» [15].

В. И. Ленин всесторонне обосновал и развил положение о руководящей роли Коммунистической партии в осуществлении социалистической революции и построении нового общества. В работе «Государство и революция», написанной в канун Великого

Октября, он писал: «Воспитывая рабочую партию, марксизм воспитывает авангард пролетариата, способный взять власть и *вести весь народ* к социализму, направлять и организовывать новый строй, быть учителем, руководителем, вождем всех трудящихся и эксплуатируемых в деле устройства своей общественной жизни без буржуазии и против буржуазии» [16].

Много внимания в ленинских трудах уделяется анализу важнейших условий осуществления партией руководящей роли в революции. «Самое главное и основное условие успеха в момент кануна пролетарской революции, — учил В. И. Ленин, — есть освобождение, есть свобода партий революционного пролетариата от оппортунистов и «центровиков», от их влияния, от их предрассудков, слабостей, колебаний» [17].

В. И. Ленин на многочисленных фактах показал, что борьба партии против правого и «левого» оппортунизма сыграла важную роль в подготовке победы Великого Октября. Без длительной и упорной, беспощадной борьбы большевизма против оппортунизма, реформизма, социал-шовинизма и тому подобных буржуазных влияний и течений, без предварительной полной победы над оппортунизмом была бы невозможна диктатура пролетариата в нашей стране. «В России особым счастьем большевиков было то, что они имели 15 лет для систематической и до конца доведенной борьбы как против меньшевиков (т. е. оппортунистов и «центровиков»), так и против «левых» еще задолго до непосредственной массовой борьбы за диктатуру пролетариата» [18].

В. И. Ленин сделал вывод, что Коммунистическая партия не может успешно осуществить революцию, не одержав решительной победы в борьбе на два фронта — как против правого, так и против «левого» оппортунизма. В 1920 г. он сформулировал это как важнейшую закономерность развития марксистской партии: «Имея в своих рядах реформистов, меньшевиков, *нельзя* победить в пролетарской революции, *нельзя* отстоять ее. Это очевидно принципиально. Это подтверждено наглядно опытом и России и Венгрии. Это соображение решающее» [19].

Этот ленинский вывод имеет огромное значение для современности. В итоговом документе международного Совещания коммунистических и рабочих партий 1969 г. подчеркивалось, что неизменной задачей остается «решительная критика коммунистическими и рабочими партиями оппортунизма» [20].

В. И. Ленин раскрыл значение и такого важнейшего условия осуществления партией руководящей роли в революции, как ее организованность и дисциплинированность. В мае 1917 г., анализируя ход революционной борьбы, он писал: «...для взятия власти рабочими и беднейшими крестьянами, для удержания ее, для умелого использования ее необходима организация, организация и организация». Он призывал работать «над организацией ежедневно и ежечасно» [21].

Для повышения боеспособности партии, учил В. И. Ленин, необходимо развитие обоих начал демократического централизма.

«Мы всегда защищаем в нашей печати внутрипартийную демократию,— подчеркивал В. И. Ленин.— Но мы никогда не высказываемся против централизации партии. Мы за демократический централизм» [22].

В период подготовки и проведения Октябрьской социалистической революции В. И. Ленин много внимания уделял обоснованию положения о Центральном Комитете как полновластном идейно-политическом и организационном центре. В этом плане важным представляется его «Письмо к районным комитетам Петроградской организации РСДРП(большевиков)» от 31 мая 1917 г. В нем Ленин решительно выступил против попытки Исполнительной комиссии Петроградского комитета создать особый орган ПК со своей редакцией, находящейся вне контроля ЦК партии. Показывая ошибочность этого намерения, Владимир Ильич писал, что особая газета ПК принципиально не нужна, ибо в столице, в силу ее руководящего значения для всей страны, нужен один орган партии, именно ЦО. Особый орган ПК неизбежно затруднит полное согласие в работе, которое особенно необходимо в революционное время. «Письмо» заканчивалось принципиальным выводом: «...неправильно претендовать на то, чтобы ЦК не имел предоставленного ему на съезде партии права *руководить работой* в партии вообще и в столице особенно» [23].

Руководство из единого центра необходимо, учил В. И. Ленин, для определения единой политической линии, которая вырабатывается демократическим путем. Меньшинство обязано подчиняться партийной дисциплине и проводить ту политику, которая выражена в решении ЦК. В работах «Письмо к членам партии большевиков» и «Письмо в Центральный Комитет РСДРП(б)» от 18 и 19 октября 1917 г. он требовал исключить из партии Каменева и Зиновьева за то, что они оспаривали в непартийной печати неопубликованные постановления ЦК после их принятия. «Только так можно оздоровить рабочую партию, очиститься от дюжины бесхарактерных интеллигентиков, сплотив ряды революционеров, идти навстречу великим и величайшим трудностям, идти с *революционными рабочими*» [24], — писал он.

Важные обобщения, касающиеся роли дисциплины в деятельности марксистской партии, были сделаны В. И. Лениным после изучения опыта не только проведения социалистической революции, но и защиты ее завоеваний от внутренних и внешних врагов. Так, на IX съезде РКП(б), анализируя причины победы Советской России в гражданской войне, он говорил: «...только благодаря тому, что партия была на страже, что партия была строжайше дисциплинирована, и потому, что авторитет партии объединял все ведомства и учреждения, и по лозунгу, который был дан ЦК, как один человек шли десятки, сотни, тысячи и в конечном счете миллионы, и только потому, что неслыханные жертвы были принесены, — только поэтому чудо, которое произошло, могло произойти. Только поэтому, несмотря на двукратный, трехкратный и четырехкратный поход империалистов Антанты и империалистов всего мира, мы оказались в состоянии победить». Из

этого всемирно-исторического значения факта Ленин вывел урок: «...без дисциплины и без централизации мы никогда не осуществили бы этой задачи» [25].

В книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» В. И. Ленин показал, почему возможна и на чем держится дисциплина революционной партии пролетариата. Он выделил следующие важнейшие факторы: сознательность пролетарского авангарда, его преданность революции, его выдержку, самопожертвование, героизм; умение партии сблизиться с рабочим классом и широкой непролетарской трудящейся массой; правильность политического руководства со стороны пролетарского авангарда, его стратегии и тактики, при условии, чтобы самые широкие массы на собственном опыте убедились в этом. «Без этих условий дисциплина в революционной партии, действительно способной быть партией передового класса, имеющего свергнуть буржуазию и преобразовать все общество, неосуществима. Без этих условий попытки создать дисциплину неминуемо превращаются в пустышку, в фразу, в кривлянье» [26].

Обращаясь к международному рабочему классу, его авангарду — коммунистическим и рабочим партиям, В. И. Ленин писал: «Если вы не подготовите рабочих к созданию действительно дисциплинированной партии, которая заставит всех своих членов подчиняться ее дисциплине, то вы никогда не подготовите диктатуры пролетариата» [27].

Ленинские положения о централизме и дисциплине внутри политической партии рабочего класса были закреплены в резолюции II конгресса Коминтерна «Роль Коммунистической партии в пролетарской революции». В ней говорилось: «Опыт Российской коммунистической партии, успешно руководящей гражданской войной рабочего класса в течение трех лет, показал, что без строжайшей дисциплины, законченного централизма и полнейшего товарищеского доверия всех организаций партии к руководящему партийному центру победа рабочих невозможна» [28]. Они подтверждены в документах международных совещаний представителей коммунистических и рабочих партий 1957, 1960 и 1969 гг. в Москве [29].

И в современных условиях исключительно велика роль партийной дисциплины, на что обратил внимание апрельский (1985 г.) Пленум ЦК КПСС [30]. XXVII съезд КПСС, рассматривая кардинальные вопросы внутрипартийной жизни, подчеркнул: «В своей практической работе партийным организациям следует исходить из того, что воздействие партии на общественные процессы тем сильнее и эффективнее, чем многообразнее, насыщеннее внутрипартийная жизнь, чем строже соблюдается ленинский принцип демократического централизма» [31].

На опыте Великого Октября В. И. Ленин всесторонне разработал вопрос о роли авангарда рабочего класса в революционной мобилизации масс. Он показал, что социалистической революции должна предшествовать огромная работа партии по воспитанию

у рабочего класса сознательности, идейности, самоотверженности, настойчивости, готовности свергнуть буржуазию. Без качественного поворота в общественном сознании невозможен успех революции.

В. И. Ленин раскрыл пути, средства повышения сознательности и активности пролетариата и других слоев трудящихся масс. Особое значение он придавал политическим лозунгам партии, которые позволяют соединить новейшие выводы марксистской теории с революционной борьбой масс.

Дать политические лозунги, учил В. И. Ленин, — обязанность марксистской партии перед социалистической революцией. Выдвинутые партией большевиков лозунги «Вся власть Советам!», «Мир без аннексий и контрибуций!» и другие имели огромную мобилизующую силу. «Каждый отдельный лозунг должен быть выведен из всей совокупности особенностей определенного политического положения» [32]. Он решительно выступил против авантюристического призыва Багдатьева и некоторых других членов Петербургского (с мая 1917 г. Петроградского) комитета еще в апреле 1917 г. немедленно свергнуть Временное правительство. «Лозунг: «Долой Временное правительство» потому не верен сейчас, — писал он, — что без прочного (т. е. сознательного и сорганизованного) большинства народа на стороне революционного пролетариата такой лозунг либо есть фраза, либо объективно сводится к попыткам авантюристического характера» [33].

Марксистская партия, указывал В. И. Ленин, обязана трезво следить за действительным состоянием сознательности и подготовленности рабочего класса и всей трудящейся массы к революции. В своих произведениях он дал образец анализа роста сознательности и организованности масс в России в период от Февраля до Октября.

Так, в Апрельских тезисах В. И. Ленин констатировал, что в итоге первого этапа революции власть перешла к буржуазии «в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата» [34]. В связи с этим он поставил перед партийными организациями задачу приспособиться к особым условиям партийной работы среди неслыханно широких, только что проснувшихся к политической жизни масс пролетариата. «Мы, большевики, — говорил он на общем собрании Петроградской организации 8 мая, — должны терпеливо, но настойчиво разъяснять рабочим и крестьянам наши взгляды. ... Каждый должен сделаться всем: и агитатором, и пропагандистом, и устроителем нашей партии.

Только так мы добьемся того, что народ поймет наше учение, сумеет продумать свой опыт и действительно возьмет власть в свои руки» [35].

В июне 1917 г. В. И. Ленин уже отметил рост сознательности масс, сплочения промышленного пролетариата столицы и ее войск вокруг лозунгов большевистской партии «Вся власть Советам», «Долой 10 министров-капиталистов», «Ни сепаратного мира с немцами, ни тайных договоров с англо-французскими капита-

листами» и т. п. «Ни у кого из видевших демонстрацию, — писал он в статье «Восемнадцатое июня», — не осталось сомнения в победе этих лозунгов среди организованного авангарда рабочих и солдатских масс России» [36].

Восемнадцатое июня в Петрограде и других городах В. И. Ленин оценивал как один из дней перелома в истории русской революции, ибо он ознаменовался первой политической демонстрацией действия, разъяснением — не в книжке или в газете, а на улице, не через вождей, а через массы — того, как разные классы действуют, хотят и будут действовать, чтобы вести революцию дальше. Исходя из этого, Ленин поставил перед революционными социал-демократами задачу с неустанной энергией разоблачать политику Временного правительства, добиваться того, чтобы народ порвал с политикой доверия капиталистам и оказал доверие революционному классу — пролетариату. «В нем и только в нем, — подчеркивал он, — источник силы. В нем и только в нем залог служения интересам *большинства*, интересам трудящихся и эксплуатируемых, задавленных войной и капиталом, способных победить войну и капитал!» [37]

Анализируя затем июльские события, В. И. Ленин отметил тот факт, что «рабочие России уже достаточно сознательны, чтобы не поддаваться на провокацию в заведомо невыгодный для них момент» [38]. К тому времени массы еще не были завоеваны на сторону пролетариата, а следовательно, отсутствовали условия для взятия власти. Ленин указывал, что 3—4 июля восстание было бы ошибкой, так как «не было еще за нами класса, являющегося авангардом революции.

Не было еще большинства у нас среди рабочих и солдат столиц» [39].

После июльских событий В. И. Ленин разработал новую тактику партии большевиков по завоеванию масс на сторону пролетариата. Она вытекала из его вывода о том, что «всякие надежды на мирное развитие русской революции исчезли окончательно» [40]. В новых условиях могло быть два исхода: либо победа военной диктатуры до конца, либо победа вооруженного восстания рабочих на основе массового подъема революционной борьбы против империалистической буржуазии и ее правительства.

В связи с изменением политической обстановки В. И. Ленин предлагал партии, продолжая работать в Советах, временно снять лозунг «Вся власть Советам!» и взять курс на подготовку вооруженного восстания. При этом Ленин с особой силой подчеркивал, что восстание может быть успешным только тогда, когда весь пролетариат и большинство непролетарских трудящихся масс пойдут за партией большевиков. «Не авантюры, не бунты, не сопротивления по частям, не безнадежные попытки по частям противостать реакции могут помочь делу, — указывал он, — а только ясное сознание положения, выдержка и стойкость рабочего авангарда, подготовка сил к вооруженному восстанию...» [41]

В соответствии с изменением обстановки изменилось и содер-

жание агитационной работы партии в массах. Ее нужно было проводить так, чтобы она учитывала конкретный опыт революции, особенности июльских дней, т. е. чтобы она ясно указывала настоящего врага народа — военную клику, кадетов и черносотенцев, одновременно разоблачая мелкобуржуазные партии как пособников контрреволюции. «Всю агитацию в народе, — писал В. И. Ленин, — надо перестроить так, чтобы выяснить полнейшую безнадежность получения земли крестьянами, пока не свергнута власть военной клики, пока не разоблачены и не лишены народного доверия партии эсеров и меньшевиков» [42].

Огромная деятельность партии по разъяснению ленинских выводов и тактических положений позволила ей объединить вокруг себя гигантское большинство трудящихся. По словам В. И. Ленина, партия большевиков пропитала рабочий класс своим духом. Не случайно он называл рабочий класс России большевистским [43].

В работах «Большевики должны взять власть» и «Марксизм и восстание» (12—14 сентября 1917 г.) В. И. Ленин убедительно доказал, что вооруженное восстание политически в основном уже назрело, так как массы сознательно пошли за большевиками. «За нами большинство *класса*, авангарда революции, авангарда народа, способного увлечь массы.

За нами *большинство народа...*» [44] — писал он.

Накопленный в ходе подготовки и проведения социалистической революции в России опыт большевистской партии по революционной мобилизации масс и сплочению их вокруг пролетарского авангарда В. И. Ленин считал важным приобретением международного коммунистического движения. К анализу и обобщению этого опыта он постоянно обращался и после победы Великого Октября.

Так, в «Первоначальном варианте статьи «Очередные задачи Советской власти» (1918 г.) Ленин, говоря о причинах успешного осуществления Октябрьской социалистической революции, подчеркнул, что «подавляющее большинство народа даже среди казачества сознательно, твердо и решительно перешло на сторону большевиков» [45].

В труде «Пролетарская революция и ренегат Каутский» (1918 г.), разоблачая клеветнические утверждения Каутского о том, что якобы большевики не имеют за собой большинства населения, В. И. Ленин, проанализировав итоги Всероссийских съездов Советов, привел конкретные цифры, на основе которых сделал научно обоснованные выводы. Второй съезд Советов (октябрь 1917 г.) и третий (январь 1918 г.), писал он, «*показали яснее ясного*, что массы полевели, революционизировались, отвернулись от меньшевиков и эсеров, перешли на сторону большевиков, *то есть* отвернулись от мелкобуржуазного руководства, от иллюзий соглашения с буржуазией и перешли на сторону пролетарской революционной борьбы за свержение буржуазии». Ленин сделал важный вывод о том, что в Октябрьской социалистической революции «крестьянство шло за нами (большевиками. — *Н. Б.*)

в целом»[46]. Оно пошло за пролетариатом, поскольку эта революция мимоходом доводила буржуазно-демократическую революцию до конца.

Вопрос о причинах победы большевиков в октябре 1917 г. В. И. Ленин всесторонне рассмотрел также в работе «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата» (декабрь 1919 г.). Он назвал смешными речи меньшевиков и социал-предателей II Интернационала о том, будто большевики имели и имеют за собой «меньшинство» пролетариата. На основе анализа итогов выборов во Всероссийское Учредительное собрание он показал, что большевики победили прежде всего потому, что за ними шло громадное большинство пролетариата, и прежде всего самая сознательная, энергичная, революционная его часть. «Конкурирующая с ними (большевиками. — *Н. Б.*), среди пролетариата, партия, партия меньшевиков, была разбита к этому времени наголову (9 миллионов голосов против 1,4...)»[47].

Важнейшие положения о роли марксистской партии в воспитании и организации широких масс трудящихся, превращении их в сознательных борцов против капитализма В. И. Ленин сформулировал в книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». Он исходил из того, что «с одним авангардом победить нельзя. Бросить один только авангард в решительный бой, пока весь класс, пока широкие массы не заняли позиции либо прямой поддержки авангарда, либо, по крайней мере, благожелательного нейтралитета по отношению к нему и полной неспособности поддерживать его противника, было бы не только глупостью, но и преступлением»[48]. При этом Ленин подчеркивал, что одной пропаганды и агитации мало для того, чтобы действительно весь рабочий класс и широкие массы трудящихся осознали необходимость революции. Для этого нужен их собственный политический опыт. «Таков — основной закон всех великих революций, подтвержденный теперь с поразительной силой и рельефностью не только Россией, но и Германией». В строгом соответствии с этим законом В. И. Ленин сформулировал задачу коммунистических партий — «уметь *подвести* широкие (теперь еще в большинстве случаев спящие, апатичные, рутинные, косные, не пробужденные) массы к этому новому их положению или, вернее, уметь руководить *не только* своей партией, но и этими массами в течение их подхода, перехода на новую позицию»[49].

Коммунистам необходимо так поставить дело, указывал В. И. Ленин, чтобы настоящие пролетарии при помощи неорганизованной и совсем забитой бедноты разбрасывали и разносили листки, объезжали и обходили квартиры рабочих, хижины сельских пролетариев и захолустных крестьян, забирались в самые простонародные кабачки, втирались в самые простонародные союзы, общества, случайные собрания, везде будили мысль, втягивали массу в революционную борьбу. Подготовка диктатуры пролетариата требует также революционной, а не реформистской работы в армии и среди угнетенных национальностей.

Развивая и конкретизируя эти положения, В. И. Ленин в «Тезисах ко II конгрессу Коммунистического Интернационала» писал, что диктатура пролетариата есть самое полное осуществление руководства всеми трудящимися и эксплуатируемыми массами. Поэтому во всех без исключения организациях, союзах, объединениях, в первую очередь пролетарских, а затем и непролетарских, должны быть созданы группы или ячейки коммунистов. «... Эти ячейки, тесно связанные между собой и с центром партии, обмениваясь своим опытом, осуществляя работу агитации, пропаганды, организации, применяясь решительно ко всем областям общественной жизни, решительно ко всем разновидностям и подразделениям трудящейся массы, должны систематически воспитывать такой разносторонней работой и самих себя, и партию, и класс, и массы»[50]. Только так можно завоевать большинство народа на сторону социалистической революции.

Принципиально важным является разъяснение В. И. Лениным на III конгрессе Коммунистического Интернационала понятия «массы». Понятие «массы», говорил он, изменяется соответственно изменению характера борьбы. В начале ее достаточно было нескольких тысяч настоящих революционных рабочих, чтобы можно было говорить о массах. Если партии удается вовлекать в борьбу не только своих членов, если ей удается встряхнуть и беспартийных, то это уже является началом завоевания масс. Но когда революция уже достаточно подготовлена, понятие «массы» становится другим: несколько тысяч рабочих уже не составляют массу. В этом случае понятие «массы» означает большинство всех эксплуатируемых. Обращаясь к опыту Великого Октября, Ленин вновь подчеркнул: «Мы победили в России потому, что на нашей стороне было не только бесспорное большинство рабочего класса (во время выборов в 1917 году с нами было подавляющее большинство рабочих против меньшевиков), но и потому, что половина армии, непосредственно после захвата нами власти, и 9/10 крестьянской массы в течение нескольких недель перешли на нашу сторону...»[51]

В 1922 г. в статье «К десятилетнему юбилею «Правды» В. И. Ленин оттенил еще один важнейший аспект рассматриваемой проблемы — необходимость завоевания на сторону социалистической революции большинства именно самой активной и сознательной части народа. Эту мысль он пояснил на таком историческом факте. В ноябре 1917 г. на выборах во Всероссийское Учредительное собрание голосовало за большевиков 9 миллионов из 36. «А на деле, — писал Ленин, — не в голосовании, а в борьбе, за большевиков было в конце октября и в ноябре 1917 года *большинство* пролетариата и сознательного крестьянства, в лице большинства делегатов II Всероссийского съезда Советов, в лице большинства самой активной и сознательной части трудящегося народа, именно тогдашней двенадцатимиллионной армии»[52]. Суть в том, указывал он, что коренные вопросы революции решаются не голосованием, а классовой борьбой пролетариата, который

экономически и политически выражает действительные интересы громадного большинства трудящихся при капитализме.

Тесную связь пролетарского авангарда с массами В. И. Ленин рассматривал как одну из характерных черт партии нового типа, коренным образом отличающейся от партий II Интернационала, которые были оторваны от широких слоев трудящихся. Как завещание для всех революционеров звучат слова Ленина на II конгрессе Коммунистического Интернационала летом 1920 г.: «Нам нужны новые партии, партии иные. Нам нужны такие партии, которые находились бы постоянно в действительной связи с массами и которые умели бы этими массами руководить» [53].

КПСС постоянно руководствуется ленинскими положениями, всемерно укрепляет, расширяет и углубляет связи с массами. На современном этапе возрастает роль человеческого фактора в общественном прогрессе. Совершенствование социализма требует от партии подъема всех творческих сил, трудовой и общественной активности масс. Особое место в этом принадлежит идеологической работе. «Повышать зрелость социалистического общества, строить коммунизм, — отметил XXVII съезд КПСС, — это значит неуклонно повышать сознание человека, обогащать его духовный мир, приводить в действие творческий потенциал народа» [54].

На опыте Великого Октября В. И. Ленин всесторонне раскрыл значение правильной политики, стратегии и тактики марксистской партии для победы социалистической революции. Эту проблему он постоянно развивал в своих устных выступлениях и печатных трудах.

Еще К. Маркс и Ф. Энгельс указывали, что правильная политика может быть выработана только на основе революционной теории [55], ее творческого применения. Данную идею В. И. Ленин развил в своих «Письмах из далека» (март 1917 г.). В них он подчеркивал: «Было бы величайшей ошибкой, если бы мы стали укладывать сложные, насущные, быстро развивающиеся практические задачи революции в прокрустово ложе узко-понятой «теории» вместо того, чтобы видеть в теории прежде всего и больше всего *руководство к действию*» [56].

В революционные периоды объективная ситуация быстро меняется. Поэтому партия, учил В. И. Ленин, должна уметь приспособлять свою тактику и свои ближайшие задачи к особенностям каждой данной ситуации. До февраля 1917 г. перед партией большевиков стояла задача революционно-интернационалистской пропаганды, призыва масс к борьбе, пробуждения их. В февральско-мартовские дни требовался героизм беззаветной борьбы, чтобы немедленно раздавить ближайшего врага — царизм. «Теперь мы переживаем, — подчеркивал Ленин, — *переход* от этого первого этапа революции ко второму, от «схватки» с царизмом к «схватке» с гучковско-милюковским, помещичьим и капиталистическим империализмом» [57].

В работе «Письма о тактике» (апрель 1917 г.) В. И. Ленин дальше развил теоретические основы стратегии и тактики партии. В частности, весьма важным является сформулированное им положение о том, что научное обоснование политики требует «самого точного, объективно проверимого учета соотношения классов и конкретных особенностей каждого исторического момента»[58]. Анализируя ход революционных событий в России в соответствии с этим требованием, он отметил, что большевистские лозунги и идеи в общем вполне подтверждены историей.

Вместе с тем своеобразие Февральской буржуазно-демократической революции состоит в том, что она создала двоевластие. Рядом с Временным возникло другое правительство — Советы рабочих и солдатских депутатов, представлявшие революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства. Отсюда следовало, что нельзя ставить по-старому вопрос о законченности буржуазной революции. По-старому выходило, что за господством буржуазии должно было последовать господство пролетариата и крестьянства, их диктатура. «А в живой жизни *уже*, — писал В. И. Ленин, — вышло *иначе*: получилось чрезвычайно оригинальное, новое, невиданное, *переплетение того и другого*». И он сделал важный вывод: «...марксист должен учитывать живую жизнь, точные факты *действительности*, а не продолжать цепляться за теорию вчерашнего дня, которая, как всякая теория, в лучшем случае лишь намечает основное, общее, лишь *приближается* к охватыванию сложности жизни»[59].

Глубокое изучение своеобразия новой, живой действительности позволило В. И. Ленину в Апрельских тезисах разработать научно обоснованный курс на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. Разъясняя ее в брошюре «Задачи пролетариата в нашей революции», Ленин сформулировал принцип, которым должна руководствоваться партия при выработке своей политики: не намечать «*никаких* преобразований, не назревших абсолютно и в экономической действительности и в сознании подавляющего большинства народа...»[60].

Для выработки стратегии и тактики партии в революции необходим постоянный анализ соотношения классов. «Надо понять, — писал он, — какие *классы* двигают революцию. Надо трезво учесть их различные стремления. Капиталист не может идти той же дорогой, что рабочий. Мелкие хозяйчики не могут ни вполне довериться капиталистам, ни сразу и все решиться на братски-тесный союз с рабочим. Только поняв различие этих классов, можно найти верный путь для революции»[61].

Характеризуя соотношение классов в Февральской буржуазно-демократической революции, В. И. Ленин отмечал, что тогда авангардом были пролетариат и передовые слои крестьянства.

После победы буржуазно-демократической революции в России положение изменилось. Теперь движущими силами революции выступали пролетариат и беднейшее крестьянство, т. е. большинство народа. Верхи мелкой буржуазии и более имущие слои

демократической мелкой буржуазии явно стали против новой революции.

«Переменилось взаимоотношение классов. В этом суть.

Не те классы стоят «по одну и по другую сторону баррикады».

Это главное.

В этом и *только* в этом *научная* основа для того, чтобы говорить о *новой* революции...» [62] — подчеркивал он.

Точный учет соотношения классов и конкретный анализ особенностей исторического момента позволяют партии проводить гибкую тактику, быстро менять лозунги. Эту сторону вопроса В. И. Ленин всесторонне разработал в тезисах «Политическое положение» и в статье «К лозунгам» (июль 1917 г.). В них Ленин показал, что после июльских событий обстановка резко изменилась. Контрреволюция организовалась, укрепилась и фактически взяла власть в свои руки. Меньшевики и эсеры окончательно скатились в лагерь контрреволюции. «Не сознавши этого полного и окончательного банкротства партий социалистов-революционеров и меньшевиков и теперешнего большинства Советов, не сознав полнейшей фиктивности их «директории» и прочих маскарадов, — писал он, — нельзя ровно ничего понять во всем теперешнем политическом положении» [63].

В новых условиях лозунг «Вся власть Советам!» был уже неверен, ибо не считался с переходом фактической власти в руки военной диктатуры и с полной изменой эсеров и меньшевиков революции на деле. «Цикл развития классовой и партийной борьбы в России с 27 февраля по 4 июля закончился, — подчеркивал В. И. Ленин. — Начинается новый цикл, в который входят не старые классы, не старые партии, не старые Советы, а обновленные огнем борьбы, закаленные, обученные, пересозданные ходом борьбы» [64].

Из этого В. И. Ленин делает вывод, что марксистская партия должна уметь быстро осваиваться с новым политическим положением. Только тогда она сможет выработать правильную стратегию и тактику и обеспечить свою руководящую роль в социалистической революции. Позже в статье «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции», обобщая опыт выработки большевиками стратегии и тактики, Ленин отмечал: мы научились «необходимому в революции искусству — гибкости, уменью быстро и резко менять свою тактику, учитывая изменившиеся объективные условия, выбирая другой путь к нашей цели, если прежний путь оказался на данный период времени нецелесообразным, невозможным» [65]. Этим искусством, подчеркивал он, должны овладеть все подлинно революционные пролетарские партии.

В этой связи большую ценность представляет теоретическое обобщение В. И. Лениным форм и методов классовой борьбы возглавляемого партией пролетариата, которые аккумулировали опыт Октября. Ленин всесторонне проанализировал период мирного развития революции в России, который продолжался с 27 февраля по 4 июля 1917 г. Весьма важно его замечание

о том, что мирное развитие революции является «*крайне* редкой в истории и *крайне* ценной» [66] возможностью. Ленин вычленил те условия, которые делали возможным мирный переход власти в руки пролетариата: вооруженность народа, отсутствие насилия над ним; наличие в руках трудящихся готового аппарата власти в лице Советов рабочих и солдатских депутатов. Мирное развитие было возможно также в том отношении, что борьба классов и партий внутри Советов могла бы при условии своевременного перехода к ним всей полноты государственной власти проходить наиболее мирно и наиболее безболезненно. «Смена классов и партий, имеющих власть, — писал Ленин, — могла бы внутри Советов, на почве их единовластия и всевластия, идти мирно; связь всех советских партий с массами могла бы оставаться прочной и неослабленной» [67].

В этих условиях мирные формы борьбы были единственно разумными. Выступая на Седьмой (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б), В. И. Ленин говорил: «... победа вооруженного народа над царизмом и установление — явочным порядком — полнейшей политической свободы сделали излишней и даже вредной иную борьбу с классовыми противниками пролетариата, кроме борьбы посредством политического воспитания и социалистического просвещения масс...» [68]

Для понимания периода мирного развития революции важным представляется ленинский анализ решения ЦК РСДРП(б) об отмене назначенной на 10 июня 1917 г. демонстрации, сделанный в речи на заседании Петроградского комитета РСДРП(б) 11 июня. В обоснование правильности решения ЦК В. И. Ленин привел два довода: 1) формальное запрещение демонстрации съездом Советов; 2) ставший известным замысел буржуазии спровоцировать столкновение рабочих и солдат с контрреволюционными элементами. Из этого конкретного опыта Ленин сделал вывод: в классовой борьбе «надо уметь учитывать момент и быть смелым в решениях» [69].

Анализируя июльские события, а затем опыт партии большевиков по организации разгрома корниловщины, В. И. Ленин обосновал положение о том, что рабочий класс и его авангард должны овладеть искусством быстрой смены одной формы борьбы другою. Вместе с тем Ленин указывал, что со всяким пересмотром форм борьбы «надо быть архиосторожным, чтобы не впасть в беспринципность» [70]. Эту сторону вопроса он убедительно раскрыл на примере изменения форм борьбы большевиков с Керенским после выступления Корнилова. Партия большевиков использовала противоречия между правительством Керенского и Корниловым для организации отпора контрреволюции. Но и в такой ситуации большевики не поддерживали Керенского, а разоблачали его слабость. Они видоизменили лишь форму борьбы с Керенским. Ленин писал: «Ни на йоту не ослабляя вражды к нему, не беря назад ни слова, сказанного против него, не отказываясь от задачи свержения Керенского, мы говорим: надо *учесть* момент, сейчас

свергать Керенского мы не станем, мы *иначе* теперь подойдем к задаче борьбы с ним, именно: разъяснять народу (борющемуся против Корнилова) *слабость* и *шатания* Керенского. Это делалось и раньше. Но теперь это стало *главным*: в этом видоизменение»[71].

На опыте Октябрьской социалистической революции В. И. Ленин углубил и расширил понимание такой формы борьбы, как вооруженное восстание. В письмах «Большевики должны взять власть», «Марксизм и восстание» он обосновал основные условия успешного вооруженного восстания, всесторонне показал роль партии в его организации[72]. В статье «Советы постороннего», развивая положения К. Маркса о восстании как искусстве, Ленин сформулировал главные правила этого искусства[73].

Анализируя тактику партии большевиков по отношению к Демократическому совещанию, созванному меньшевистско-эсеровским ЦИК Советов в сентябре 1917 г., В. И. Ленин углубил разработку тактики революционного парламентаризма. В статье «Из дневника публициста. Ошибки нашей партии» он дал ей исчерпывающую характеристику: «Объективное взаимоотношение классов, их роль (экономическая и политическая) вне представительных учреждений данного типа и внутри них; нарастание или упадок революции, соотношение внепарламентских средств борьбы с парламентскими — вот где главнейшие, основные, объективные данные, которые надо учесть, чтобы тактику бойкота или участия вывести не произвольно, не по своим «симпатиям», а марксистски»[74]. Эти условия, сформулированные Лениным, являются надежным руководством для всех марксистских партий в их революционной борьбе.

На основе обобщения революционных событий в России В. И. Ленин всесторонне обосновал и развил тактику компромиссов. Важной в этом плане является его статья «О компромиссах» (сентябрь 1917 г.). В ней была показана полная беспочвенность обывательского представления о большевиках как людях, не идущих якобы ни на какие компромиссы. Задача не в том, указывал Ленин, чтобы отказаться от всяких компромиссов, а в том, чтобы через них «уметь провести верность своим принципам, своему классу, своей революционной задаче, своему делу подготовки революции и воспитания масс народа к победе в революции»[75].

После разгрома корниловщины наступил такой поворот русской революции, что партия большевиков могла предложить добровольный компромисс партиям эсеров и меньшевиков. Компромиссом с ее стороны был возврат к доиюльскому требованию: «Вся власть Советам!», ответственное перед Советами правительство из эсеров и меньшевиков. Создание такого правительства, отмечал В. И. Ленин, «могло бы обеспечить, с гигантской вероятностью, мирное движение *вперед* всей российской революции и чрезвычайно большие шансы больших шагов вперед всемирного движения к миру и к победе социализма»[76]. Предлагая компромисс, большевики исходили из того, что меньшевики и эсеры как представители мелкобуржуазной демократии колебались между

буржуазией и пролетариатом, между буржуазной демократией и советским строем, между реформизмом и революционностью. «Правильная тактика коммунистов, — учил Ленин, — должна состоять в *использовании* этих колебаний, отнюдь не в игнорировании их...» [77]

Как известно, меньшевики и эсеры отказались от предложенного большевиками компромисса. Касаясь этого вопроса в письме «Марксизм и восстание», В. И. Ленин сделал важное замечание о том, что «компромисс предлагался *от партии к партиям*; иначе он не мог предлагаться. *Партии* отвергли его» [78].

Впоследствии, в 1920 г., В. И. Ленин, обращаясь к коммунистам Западной Европы, говорил: чтобы ускорить свержение власти капиталистов, «надо соединить строжайшую преданность идеям коммунизма с уменьем пойти на все необходимые практические компромиссы, лавирования, соглашательства, зигзаги, отступления и тому подобное...» [79].

Обобщенный анализ всего арсенала тактических средств борьбы, который использовала партия большевиков в период подготовки и проведения Октябрьской социалистической революции, В. И. Ленин дал в книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». Он советовал коммунистам овладеть всеми без исключения формами и сторонами общественной деятельности, быть готовыми к быстрой и неожиданной смене одной формы борьбы другой, проявлять максимальную гибкость в своей тактике. Это требование вытекает из того, что в политике еще меньше, чем в военном деле, можно знать наперед, какое средство борьбы окажется при тех или иных условиях применимым и выгодным. «Не владея всеми средствами борьбы, — подчеркивал Ленин, — мы можем потерпеть громадное — иногда даже решающее — поражение, если независящие от нашей воли перемены в положении других классов выдвинут на очередь дня такую форму деятельности, в которой мы особенно слабы. Владея всеми средствами борьбы, мы побеждаем наверняка...» [80]

В. И. Ленин разъяснял лидерам молодых коммунистических партий, что политика есть наука и искусство, которые с неба не сваливаются, даром не даются. При выработке политики партия должна действовать на научных основаниях. Наука же требует, во-первых, учета опыта других стран; во-вторых, учета всех сил, групп, партий, классов, масс, действующих внутри данной страны, отнюдь не определения политики на основании только желаний и взглядов, степени сознательности и готовности к борьбе одной только группы или партии. «...Пролетариат, если он хочет победить буржуазию, должен выработать себе *своих*, пролетарских, «классовых политиков», и таких, чтобы они были не хуже политиков буржуазных» [81], — писал Ленин.

Коммунистическая партия, указывал В. И. Ленин, должна научиться вовремя выявлять революционную ситуацию, точно определять момент, когда она успешно может взять власть. Вопрос о власти есть коренной вопрос всякой революции. В предок-

тябрьские дни Ленин писал: «Я продолжаю стоять на той точке зрения, что политическая партия вообще — а партия передового класса в особенности — не имела бы права на существование, была бы недостойна считаться партией, была бы жалким нолем во всех смыслах, если бы она отказалась от власти, раз имеется возможность получить власть» [82].

Выработанные В. И. Лениным на основе всемирно-исторического опыта Октября теоретические положения о политике, стратегии и тактике Коммунистической партии убедительно подтверждены последующей исторической практикой. В ныне существующих социалистических странах революции были осуществлены в различных формах: «Была и вооруженная борьба, были и мирные формы перехода к новой общественной системе; быстрый приход к власти трудящихся классов и процессы, растянувшиеся во времени. В одних странах революции пришлось защищаться от иностранной интервенции, в других обошлось без вторжения извне». В то же время, как отмечено на XXVII съезде КПСС, опыт социалистических стран «...свидетельствует об огромном значении **общих закономерностей социализма...**» [83].

В тесном единстве с разработкой политических тактико-стратегических основ деятельности партии В. И. Ленин развивал ее **программные принципы**. Роль и значение программы для марксистской партии были всесторонне раскрыты Лениным еще до победы Февральской буржуазно-демократической революции. «Без программы, — указывал он, — партия невозможна, как сколько-нибудь цельный политический организм, способный всегда выдерживать линию при всех и всяких поворотах событий» [84]. Партия большевиков в своей деятельности последовательно руководствовалась принятой на II съезде РСДРП Программой — программой борьбы за свержение самодержавно-помещичьего строя, а затем и капитализма и за установление диктатуры пролетариата.

После свержения царизма В. И. Ленин сразу же поставил задачу пересмотра Программы партии. Это диктовалось крупными изменениями во внутренней и международной обстановке и развитием на этой основе революционной теории. Уже в Апрельских тезисах он изложил план ее изменения. В связи с надвигающейся социалистической революцией Ленин предлагал дать в новой программе оценку империализма и империалистических войн, сказать об отношении партии к государству, выдвинуть требование государства типа Парижской коммуны — Республики Советов, исправить программу-минимум [85].

В статье «По вопросу о программе партии» (сентябрь 1917 г.) В. И. Ленин указал, что новая программа будет иметь международное значение. Партия большевиков, писал он, стоит впереди других интернационалистских партий. «И она обязана взять почин, выступить с программой, *отвечающей* на вопросы империализма». Выступив с программой, «мы не на словах, а на деле *двинем* III Интернационал» [86].

Важное значение В. И. Ленин придавал принципу коллектив-

ности в подготовке программы. Он предлагал ЦК поставить вопрос так, чтобы каждая организация партии назначила одну или несколько комиссий по подготовке программы и обязала их, а также теоретиков и писателей в течение определенного срока подготовить проект этого документа [87]. В работе «К пересмотру партийной программы» (октябрь 1917 г.) Ленин вновь подчеркнул, что для серьезной подготовки программы работать над нею должна действительно вся партия [88].

В. И. Ленин четко сформулировал требования, предъявляемые к программе марксистской партии. Программа должна быть ясной и точной. В ней должны отсутствовать всякого рода подробности, разъяснения. «В газетных статьях, в речах, популярных брошюрах «агитация» необходима, но программа партии, — писал он, — должна отличаться экономической точностью и не давать лишнего» [89]. Увлечение чрезмерной детализацией может даже повредить партии, связав ей руки в частностях.

Эти требования были конкретизированы В. И. Лениным после победы Октябрьской социалистической революции. Так, касаясь подготовки программы РКП(б) на VII съезде партии, Ленин ориентировал на то, чтобы в ней не было элементов отрыва от реальности — фантазии. В реализме, говорил он, «будет состоять, и только в этом, обаятельная сила нашей программы» [90]. Выступая на VIII съезде РКП(б), он подчеркнул, что программу необходимо строить на научном фундаменте. Она должна объяснить массам, как социалистическая революция возникла, почему она неизбежна, в чем ее значение, сущность, сила, что она должна решить. «...Программа, — говорил Ленин, — должна заключать абсолютно непререкаемое, фактически установленное, только тогда она — программа марксистская» [91].

Приведенные ленинские положения о программе марксистской партии имеют большое методологическое значение. Это с особой силой было подчеркнуто в связи с подготовкой новой редакции Программы партии [92].

С программой, стратегией и тактикой партии теснейшим образом связан вопрос о названии партии. В. И. Ленин писал: «Вопрос о названии является не только формальным, но и большой важности политическим вопросом» [93]. Поэтому закономерно, что в ленинских трудах периода подготовки и проведения Октябрьской социалистической революции этот аспект учения о партии получил дальнейшее развитие.

В Апрельских тезисах В. И. Ленин предложил переменить название партии: называть партию не социал-демократической, а коммунистической. В брошюре «Задачи пролетариата в нашей революции» он всесторонне обосновал необходимость такого шага. Суть его доводов сводилась к тому, что название партии пролетариата должно быть научно правильным и политически помогать прояснению его сознания.

Название «социал-демократическая», разъяснял В. И. Ленин, научно неверно, ибо конечная цель борьбы пролетариата — не

социализм, а коммунизм. От капитализма человечество может перейти непосредственно только к социализму, т. е. общему владению средствами производства и распределению продуктов — каждому по труду. Марксистская же партия обязана смотреть дальше, руководствоваться тем, что социализм неизбежно должен постепенно перерасти в коммунизм, на знамени которого начертано: «каждый по способностям, каждому по потребностям».

В названии «социал-демократическая» неправильна в научном отношении и вторая часть. Согласно учению марксизма демократия есть одна из форм государства. При коммунизме же государство отомрет. В отличие от анархизма, выступающего против всякого государства, марксизм признает необходимость государства для перехода к социализму, но не в форме обычной парламентарной буржуазной демократической республики, а такой, как Парижская коммуна 1871 г., как Советы рабочих депутатов 1905 и 1917 гг.

Слово «демократия» не только научно неверно в применении к Коммунистической партии, подчеркивал В. И. Ленин, но оно мешает прояснению сознания пролетариата, мешает революционному народу свободно, смело, самочинно строить свое государство — Советы рабочих и крестьянских депутатов.

Перемена названия партии диктовалась также необходимостью самым решительным образом отмежеваться от партий II Интернационала и меньшевиков, которые изменили делу социализма и пролетарского интернационализма, но также называли себя социал-демократами. «...Объективное, всемирное положение таково, — писал В. И. Ленин, — что старое название нашей партии *облегчает* обман масс, *тормозит* движение вперед...» [94]

Исключительно важным является указание В. И. Ленина на преемственность в развитии взглядов на партию К. Маркса, Ф. Энгельса и большевиков: «Мы должны назваться *Коммунистической партией,*— как называли Маркс и Энгельс.

Мы должны повторить, что мы марксисты и за основу берем «Коммунистический Манифест...» [95]

Как видим, ставя вопрос о перемене названия партии, В. И. Ленин учитывал всю совокупность факторов: и науку марксизма, и задачи социалистической революции, и объективное положение всемирного социализма, и позорный крах II Интернационала, и порчу практического дела окружающими пролетариев «тоже-социал-демократами».

В. И. Ленин считал, что и другие пролетарские партии должны изменить свое название. В выработанных им «Условиях приема в Коммунистический Интернационал» говорилось: «Каждая партия, желающая входить в Коммунистический Интернационал, должна носить название: *коммунистическая* партия такой-то страны (секция III Коммунистического Интернационала)» [96].

На опыте Великого Октября В. И. Ленин обосновал и развил принцип пролетарского интернационализма. Он показал, что последовательное воплощение этого принципа в строительстве и

деятельности партии является одним из важнейших условий осуществления ее руководящей роли в социалистической революции.

Большое теоретическое и практически-политическое значение имеет определение сущности интернациональной политики рабочего класса, данное В. И. Лениным в брошюре «Задачи пролетариата в нашей революции». «Интернационализм на деле, — писал он, — один и только один: беззаветная работа над развитием революционного движения и революционной борьбы *в своей* стране, поддержка (пропагандой, сочувствием, материально) *такой же борьбы*, такой же линии, и *только ее одной*, во *всех* без исключения странах» [97]. Это положение стало программным для всего мирового коммунистического движения.

Важным вкладом в обогащение принципа пролетарского интернационализма явилась выработка наиболее эффективных организационных форм партийных организаций советских республик. Этот вопрос не был простым и легким. При его решении высказывались различные точки зрения. Так, на Украине одни партийные работники ошибочно выступали за образование отдельной от РКП(б) самостоятельной Коммунистической партии Украины. Другие поддерживали предложение о самостоятельности КП(б)У с национал-уклонистских позиций [98]. Потребовался гений В. И. Ленина, чтобы найти и отстоять единственно правильную форму, каковой стали компартии союзных республик.

Интернациональный принцип построения партии в условиях федеративного государственного строя Страны Советов был закреплен VIII съездом РКП(б). В принятой им резолюции по организационному вопросу говорилось, что необходимо существование единой централизованной Коммунистической партии с единым ЦК. «Все решения РКП и ее руководящих учреждений безусловно обязательны для всех частей партии, независимо от национального их состава. Центральные Комитеты украинских, латышских, литовских коммунистов пользуются правами областных комитетов партии и целиком подчинены ЦК РКП» [99].

Большое значение имели разработанные В. И. Лениным положения об интернационалистской тактике пролетариата и его партий: подчинение интересов пролетарской борьбы в одной стране интересам этой борьбы во всемирном масштабе, способность и готовность со стороны нации, осуществляющей победу над буржуазией, идти на величайшие национальные жертвы ради свержения международного капитала. Верность партии пролетарскому интернационализму Ленин рассматривал как одно из условий вступления в III, Коммунистический Интернационал [100].

На современном этапе, отмечается в документах нашей партии, значение пролетарского интернационализма возрастает. В решениях съездов КПСС он характеризуется как один из главных принципов марксизма-ленинизма, мощное и испытанное оружие международного рабочего и коммунистического движения. Коммунистическое движение сильно, подчеркнул XXVII съезд КПСС, «...своей классовой солидарностью, равноправным сотрудничест-

вом всех братских партий в борьбе за общие цели — мир и социализм»[101].

Победа Великого Октября подтвердила правоту классиков марксизма и дала возможность В. И. Ленину сделать выводы об исторической роли Коммунистической партии в борьбе рабочего класса за власть и в строительстве нового общества: «Только коммунистическая партия, если она действительно является авангардом революционного класса, если она включает в себя всех лучших представителей его, если она состоит из вполне сознательных и преданных коммунистов, просвещенных и закаленных опытом упорной революционной борьбы, если эта партия сумела связать себя неразрывно со всей жизнью своего класса, а через него со всей массой эксплуатируемых и внушить этому классу и этой массе полное доверие, — только такая партия способна руководить пролетариатом в самой беспощадной, решительной, последней борьбе против всех сил капитализма»[102].

В. И. Ленин обосновал положение о необходимости руководящей роли Коммунистической партии вплоть до полной победы коммунизма, о неуклонном возрастании ее роли[103]. Они были закреплены в резолюции II конгресса Коминтерна «Роль коммунистической партии в пролетарской революции». В ней говорилось: «Коммунистическая партия нужна рабочему классу не только до завоевания власти и не только во время завоевания власти, но и после того, как власть перешла в руки рабочего класса. История Российской коммунистической партии, три года стоящей у власти в громадной стране, показывает, что роль коммунистической партии после завоевания власти рабочим классом не только не уменьшилась, а, напротив, чрезвычайно возросла»[104].

Опыт Октябрьской социалистической революции практически подтвердил, писал В. И. Ленин, что только политическая партия рабочего класса, т. е. Коммунистическая партия, в силах противостоять неизбежным мелкобуржуазным колебаниям трудящейся массы, неизбежным традициям и рецидивам профессионалистской узости или профессионалистских предрассудков среди пролетариата и руководить всей объединенной деятельностью всего пролетариата, т. е. руководить им политически, а через него руководить всеми трудящимися массами. Без этого диктатура пролетариата неосуществима[105].

В работах «Пролетарская революция и ренегат Каутский», «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» и других В. И. Ленин глубоко и полно раскрыл интернациональный характер учения о партии нового типа, воплотившегося в партии большевиков, показал его универсальное международное значение. Большевизм, писал он, «стал *мировым* большевизмом», ибо он обогатил марксизм новыми положениями в теории, политике и организации пролетарской партии. «Большевизм *создал* идейные и тактические основы III Интернационала, действительно пролетарского и коммунистического, учитывающего и завоевания мирной эпохи и опыт *начавшейся эпохи революций*». Основные принципы больше-

визма как партии нового типа отразили общие закономерности новой исторической эпохи. Поэтому, подчеркивал В. И. Ленин, «большевизм *годится как образец тактики для всех»* [106].

Таким образом, на опыте Великого Октября В. И. Ленин развил учение о партии, обогатив его новыми фундаментальными положениями. Он обосновал возрастание руководящей и направляющей роли Коммунистической партии в ходе подготовки и осуществления социалистической революции, раскрыл важнейшие факторы, обеспечивающие реализацию этой закономерности. Сделанные Лениным выводы о роли революционной теории, правильной политики, стратегии и тактики, научно обоснованной программы, о значении единства, партийной дисциплины, централизма, крепкой связи с массами, овладения всеми формами борьбы, интернационализма для революционно-преобразующей деятельности марксистской партии имеют огромное теоретическое и методологическое значение. Они помогли создать III, Коммунистический Интернационал. «Выработанные Лениным идейно-теоретические, политические и организационные принципы и сегодня лежат в основе деятельности революционных партий рабочего класса, помогают бороться и побеждать» [107].

Животворная сила ленинского учения о партии — в его творческой сущности, в способности к дальнейшему развитию на основе практики. Огромный вклад в его обогащение внесли XXII—XXVII съезды партии, Пленумы ЦК КПСС, постановления Центрального Комитета. В них сделан вывод о том, что в современных условиях роль партии в жизни общества неуклонно возрастает. Он прочно вошел в идейно-теоретический арсенал ленинского учения о партии.

В постановлении ЦК КПСС «О 80-летии Второго съезда РСДРП» дано развернутое определение характерных черт и особенностей партии нового типа, свойственных ей с момента возникновения и выкристаллизованных в ходе дальнейшего развития. Они состоят в том, что партия

руководствуется марксистско-ленинским учением и творчески развивает его, обеспечивает органическое единство революционной теории и революционной практики;

является коллективным политическим вождем рабочего класса, высшей формой его организации, авангардом всех трудящихся; теснейшая связь с массами — источник ее неиссякаемой силы;

строит свою деятельность на основе демократического централизма, неустанно укрепляет идейное и организационное единство своих рядов, сознательную дисциплину, развивает активность членов партии;

непримиримо относится к любого рода фракционности и групповщине, проявлениям ревизионизма, оппортунизма и догматизма;

критически анализирует результаты своей революционно-преобразующей деятельности, своей политики, постоянно изучает и использует опыт международного коммунистического движения;

последовательно осуществляет принципы пролетарского интернационализма [108].

В новой редакции Программы и в Уставе КПСС, принятых XXVII съездом, отражен огромный исторический опыт развития партии как живого политического организма и ее руководящей деятельности. В то же время документы съезда обогатили ленинское учение о партии комплексом новых идей и положений. В резолюции съезда по Политическому докладу ЦК КПСС указывается: «Дальнейшему повышению руководящей роли партии, усилению ее влияния на деятельность во всех ячейках социалистического общества будет способствовать последовательное проведение в жизнь положений новой редакции Программы КПСС, Устава партии, воплощающих и развивающих выработанные В. И. Лениным и проверенные практикой большевистские принципы партийного строительства, стиля и методов партийной работы, идейно-нравственные нормы поведения коммунистов» [109].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] КПСС в резолюциях..., т. 12, с. 433.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 233.
[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 294.
[4] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 383.
[5] КПСС в резолюциях..., т. 13, с. 532.
[6] Материалы внеочередного Пленума Центрального Комитета КПСС, 11 марта 1985 г. М., 1985, с. 12.
[7] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 года, с. 68.
[8] О 80-летии Второго съезда РСДРП. Постановление ЦК КПСС 31 марта 1983 года. М., 1983, с. 12.
[9] Правда, 1986, 28 февр.
[10] История Коммунистической партии Советского Союза в 6-ти т.; т. 3, кн. 1. М., 1967; т. 3, кн. 2. М., 1968; т. 4, кн. 1. М., 1970; Ленин и международное рабочее движение. М., 1969; Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории, в 8-ми т.; т. 4. М., 1980; т. 5. М., 1981; История Коммунистической партии Советского Союза, 7-е изд., доп. М., 1983.
[11] См.: Фурманов Г. Л. Развитие В. И. Лениным исторического материализма на основе обобщения опыта Октябрьской революции и строительства социализма в СССР. М., 1962; В. И. Ленин — великий теоретик. М., 1966; Ленинское учение о партии. М., 1969; Чесноков Д. И. Ленинизм — марксизм XX века. М., 1970; Развитие ленинского учения о партии (в послеоктябрьский период). М., 1970; Косичев А. Д. Теоретическое обобщение В. И. Лениным опыта Октябрьской революции и строительства социализма в СССР. М., 1974; Федосеев П. Н. Марксизм в XX веке. Маркс, Энгельс, Ленин и современность, 2-е изд., доп. М., 1977; Злобин В. И. Творческий характер ленинского учения о партии. — Вестн. Моск. ун-та, сер. История, 1980, № 3; Ленинское учение о партии и его развитие в документах КПСС., Л., 1984; Владимир Ильич Ленин. Биография, т. 1, 2. М., 1985.
[12] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 119.
[13] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 103.
[14] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 101, 313; т. 44, с. 149, 150; т. 45, с. 32, 175.
[15] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 30.
[16] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 26.
[17] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 428.
[18] Там же, с. 94.
[19] Там же, с. 416.

[20] Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. Москва, 5—17 июня 1969 г. М., 1969, с. 306.
[21] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 456.
[22] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 72.
[23] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 238.
[24] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 426.
[25] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 240.
[26] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 7.
[27] Там же, с. 259.
[28] Коммунистический Интернационал в документах. М., 1933, с. 109.
[29] Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм. М., 1964, с. 80; Международное Совещание коммунистических и рабочих партий, с. 325—329.
[30] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 23 апреля 1985 г. М., 1985.
[31] Материалы XXVII съезда КПСС, с. 114.
[32] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 10.
[33] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 319.
[34] Там же, с. 114.
[35] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 51.
[36] Там же, с. 360.
[37] Там же, с. 361, 362.
[38] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 16.
[39] Там же, с. 243.
[40] Там же, с. 2.
[41] Там же, с. 5.
[42] Там же, с. 15.
[43] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 98, 315, 316.
[44] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 244.
[45] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 128.
[46] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 281, 313.
[47] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 5.
[48] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 77—78.
[49] Там же, с. 78.
[50] Там же, с. 191.
[51] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 31—32, 30.
[52] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 175.
[53] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 237.
[54] Материалы XXVII съезда КПСС, с. 117—118.
[55] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 36, с. 260.
[56] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 44.
[57] Там же, с. 45.
[58] Там же, с. 132.
[59] Там же, с. 135, 134.
[60] Там же, с. 163—164.
[61] Там же, с. 455.
[62] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 259.
[63] Там же, с. 2.
[64] Там же, с. 17.
[65] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 151.
[66] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 135.
[67] Там же, с. 11.
[68] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 359.
[69] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 330.
[70] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 119.
[71] Там же, с. 120.
[72] Там же, с. 239—241, 242—247.
[73] Там же, с. 383.
[74] Там же, с. 259.
[75] Там же, с. 133.
[76] Там же, с. 135.

[77] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 59.
[78] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 244.
[79] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 80.
[80] Там же, с. 81.
[81] Там же, с. 65.
[82] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 290—291.
[83] Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 17; Материалы XXVII съезда КПСС, с. 128.
[84] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 357.
[85] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 116.
[86] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 140.
[87] Там же.
[88] Там же, с. 381.
[89] Там же, с. 367.
[90] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 66.
[91] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 154.
[92] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 г., с. 7—8; Материалы XXVII съезда КПСС, с. 94.
[93] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 210.
[94] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 182.
[95] Там же, с. 179.
[96] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 210.
[97] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 170.
[98] Очерки истории Коммунистической партии Украины. Киев, 1977, с. 276—278.
[99] КПСС в резолюциях..., т. 2, с. 73—74.
[100] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 166, 209.
[101] Материалы XXVII съезда КПСС, с. 113.
[102] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 187.
[103] Там же, с. 27.
[104] Коммунистический Интернационал в документах, с. 108.
[105] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 94.
[106] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 304, 305.
[107] КПСС в резолюциях..., т. 13, с. 534.
[108] О 80-летии Второго съезда РСДРП, с. 4—5.
[109] Материалы XXVII съезда КПСС, с. 113—114.

Г. Д. АЛЕКСЕЕВА

СТАНОВЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ПАРТИЙНОЙ НАУКИ В СССР (20-е годы)

Победа Великой Октябрьской социалистической революции стала поворотным пунктом в развитии науки в России, включая историю. Революция уничтожила буржуазно-помещичий строй со всеми его идеологическими атрибутами и социальными учреждениями. Историческая наука дореволюционной России, обслуживавшая интересы правящих классов — капиталистов и помещиков, утверждала их социальное и духовное господство, оправдывала вековое неравенство, прославляла избранных и их деяния, но упорно умалчивала о страданиях народа, его стремлении к свободе и равенству, к ликвидации бесправия и культурной отсталости. Эта наука, являвшаяся неотъемлемой частью идеологии и культуры господствовавших классов, была ликвидирована. Ей на смену пришла иная наука — марксистско-ленинская, которая зародилась задолго до победы Октябрьской революции

и находилась в России на нелегальном положении. С Октября 1917 г. марксизм-ленинизм становится идеологией нового господствующего класса — победившего пролетариата, оказывая громадное влияние на все направления развития исторической науки: идейно-теоретическое содержание, тематику исследовательской и идейно-воспитательной работы, подготовку кадров и др. Это отразилось в появлении научных дисциплин, отсутствовавших в дореволюционное время, новых форм организации творческого труда ученых, новых социальных функций исторической науки. К числу проблем, которые стали интенсивно изучаться после 1917 г., относятся история революционного движения, в первую очередь пролетарского периода, история Октябрьской революции, гражданской войны, социалистического строительства, история Коммунистической партии и связанные с этими разделами истории источниковедение, археография, библиография.

Утверждение марксистско-ленинской концепции стало одной из важнейших закономерностей развития исторической науки в России после победы Октябрьской революции. Ведущая роль в этом процессе принадлежала истории партии, которая в отличие от других исторических дисциплин с первых лет Советской власти развивалась на основе марксистско-ленинской теории и методологии, оказывая большое влияние на становление всей советской исторической науки как науки социалистического типа.

Формирование истории партии в качестве важной исторической дисциплины связано с победой Октябрьской революции, с коренным изменением социальных и познавательных функций исторической науки в условиях утверждения диктатуры пролетариата, с политикой партии и социалистического государства, заботившихся о развитии науки и использовании ее достижений в борьбе за победу нового общественного строя. Становление историко-партийной науки принадлежит к числу недостаточно изученных и вместе с тем весьма важных проблем, нуждающихся в серьезном теоретико-методологическом осмыслении и конкретном историческом освещении на основе всестороннего раскрытия процесса развития науки в 20—30-е годы, введения в научный оборот новых фактов, их углубленного анализа и оценки.

В данной статье ставятся две тесно связанные друг с другом задачи: первая — попытаться определить круг вопросов, относящихся к проблеме влияния Великой Октябрьской социалистической революции на процесс становления историко-партийной науки в качестве самостоятельной исторической дисциплины, и вторая — осветить разработку историками-марксистами 20-х годов теоретико-методологических основ историко-партийной науки, прежде всего таких вопросов, как ее предмет и задачи, что до сих пор является одной из наименее изученных страниц ее истории. Без знания этой темы нельзя дать правильного решения всей проблемы в целом, показать характер и уровень теоретико-методологической работы историков партии, стоявших у истоков советской исторической науки.

К настоящему времени советские историки партии и историографы проделали большую и плодотворную работу по изучению как всей исторической науки, так и истории партии, играющей важную роль в жизни нашего общества, в коммунистическом образовании и воспитании. Подготовлены обстоятельные труды по различным проблемам историко-партийной историографии[1], которая изучается в органическом единстве с развитием всей советской науки[2]; исследован вклад В. И. Ленина в создание научной концепции и методологии историко-партийной науки[3]; успешно разрабатываются теоретико-методологические проблемы историко-партийной науки[4].

Несмотря на значительные достижения, проблема становления истории партии как науки исследована пока еще недостаточно. Существуют различные точки зрения относительно ее окончательного выделения в самостоятельную историческую дисциплину, определения предмета истории партии и историко-партийной историографии как исторических дисциплин, имеются серьезные расхождения в оценке отдельных историков и значения их трудов для развития науки. Слабая изученность развития историко-партийной науки в 20—30-е годы проявляется в создании обобщающих трудов и конкретных историографических исследований в отрыве от общего процесса развития науки, сказывается на преподавании историографии истории КПСС в вузах. Это обстоятельство заставило нас еще раз вернуться к этой теме и обратить внимание на совокупность вопросов, нуждающихся в дальнейшей разработке с учетом требований, предъявляемых к советским историкам на современном этапе общественного развития.

Проблема влияния Великой Октябрьской социалистической революции на становление и развитие историко-партийной науки включает, на наш взгляд, следующий круг вопросов:

1) изменение в положении, условиях и характере развития исторической науки, а также ее социальных и познавательных функций после прихода в 1917 г. к власти пролетариата;

2) вклад В. И. Ленина в создание и развитие научной концепции истории Коммунистической партии, ленинская методология изучения историко-партийных процессов и явлений, ленинские принципы руководства наукой и их практическое значение, ленинский подход в борьбе против идейных противников большевизма и социализма;

3) формирование организационных основ историко-партийной науки, способных обеспечить ее успешное развитие и активное влияние на создание социалистической надстройки, упрочение позиций марксизма-ленинизма как в науке, так и в сознании широких трудящихся масс;

4) влияние состояния историко-партийного образования на процесс развития науки, уровень и характер преподавания истории партии в совпартшколах, комвузах, университетах; роль историков-большевиков, соратников В. И. Ленина в воспитании кадров историков-профессионалов, способных успешно развивать науку,

участвовать в преподавании и обучении, в решении социальных и организационных проблем советской исторической науки;

5) развитие историко-партийных исследований в послеоктябрьский период; борьба за марксистско-ленинское решение важнейших проблем истории Коммунистической партии, разработка теоретико-методологических проблем истории партии, расширение исследовательской проблематики; анализ различных форм научного творчества и его результатов;

6) активное участие историков партии в идейно-воспитательной работе Коммунистической партии, направленной на рост коммунистического сознания и культурного уровня советского народа; пропаганда и популяризация исторических знаний среди широких масс трудящихся путем использования массовой печати, музеев, выставок, лекций и докладов для широкой аудитории и др.;

7) борьба историков партии за упрочение позиций марксизма-ленинизма, в частности разоблачение фальсификаторских измышлений меньшевиков, эсеров, троцкистов, буржуазных авторов, предпринимавших попытки извратить и принизить руководящую роль КПСС в борьбе за победу социалистической революции, подорвать ее авторитет в массах, строивших новое общество без эксплуатации и неравенства.

Таковы наиболее важные вопросы, имеющие принципиальное значение для решения проблемы становления историко-партийной науки в качестве органической составной части всей советской профессиональной исторической науки со всеми присущими ей чертами и закономерностями науки социалистического типа.

Серьезное методологическое значение имеет осмысление социальных функций историко-партийных исследований в условиях переходного от капитализма к социализму периода. Они отражали не только новую роль исторической науки в жизни общества и народа, но и иной характер ее связи с общественной практикой, активное участие ученых в борьбе за социальный прогресс, духовное раскрепощение народа, его превращение в сознательного творца истории.

В. И. Ленин, Коммунистическая партия, ее идеологические кадры рассматривали разработку истории партии как необходимое условие обобщения революционного опыта, накопленного в ходе борьбы за подготовку и проведение социалистической революции, его распространения в мировом коммунистическом и рабочем движении, объяснения широким массам смысла и исторического значения событий 1917 г. и последовавших за ними радикальных преобразований всех сторон жизни общества.

В условиях острой классовой борьбы переходного периода история борьбы партии большевиков за революционное переустройство общества, личные качества ее лидеров и рядовых стали важным фактором воспитания как членов партии, так и широких беспартийных масс, особенно молодежи, их идейно-теоретической закалки, убежденности в неизбежном торжестве коммунистиче-

ских идеалов. Широкая идейно-воспитательная работа могла быть успешной и эффективной только на базе научной разработки истории партии, ее всестороннего и глубокого изучения с позиций марксизма-ленинизма и подготовки на этой основе учебной и популярной литературы[5], в которой особенно нуждались новые учебные заведения — коммунистические университеты и совпартшколы[6].

Острая идейная борьба, развернувшаяся по вопросам Октябрьской революции, роли в ней Коммунистической партии, требовала от историков-марксистов организации целенаправленного и решительного наступления на позиции меньшевистских, эсеровских, троцкистских, каутскианских фальсификаторов, обрушившихся с потоками лжи и клеветы на пролетарскую революцию и партию рабочего класса с целью умалить их значение, ослабить влияние и популярность большевиков среди широких трудящихся масс как внутри страны, так и за ее пределами[7].

Для решения всех этих первостепенной важности задач Коммунистической партии необходимо было разработать и проводить такую политику в области исторической науки, которая обеспечивала бы ее успешное развитие на принципах марксизма-ленинизма, тесную связь с практической деятельностью партии большевиков и пролетарского государства. В силу ограниченных возможностей и малочисленности марксистских кадров Коммунистическая партия направила все имевшиеся силы и средства на развитие историко-партийной науки с целью обеспечить ее активное участие в борьбе за построение социалистического общества.

Исследование проблемы становления историко-партийной науки невозможно без всестороннего и углубленного изучения роли В. И. Ленина в развитии советской исторической науки: ее идейно-теоретических и методологических основ, организационных принципов, связи с революционной практикой.

В. И. Ленин, организатор и руководитель Коммунистической партии, создатель Советского государства, является родоначальником научной истории партии. Труды Ленина, его идейных соратников содержали подлинно научную концепцию возникновения, развития и разносторонней деятельности партии большевиков — идеологической, организационной, политической, идейно-воспитательной — на основе органической связи революционной теории и практики. В сочинениях Ленина Коммунистическая партия выступала как субъект истории, целенаправленно готовящий пролетариат и его союзников к победе социалистической революции, к борьбе за социализм. Ленинская концепция истории коренным образом отличалась от меньшевистских, в том числе и плехановских построений, отрицавших необходимость соединения рабочего движения с научной идеологией, умалявших роль партии в революционном процессе, значение ее опыта и важнейших итогов борьбы в период буржуазно-демократической и социалистической революций. В советской исторической науке ленинская концепция истории Коммунистической партии, ее значе-

ния в российском и международном коммунистическом движении утверждалась в непримиримой борьбе с трактовками мелкобуржуазного толка, в преодолении их влияния во всех областях истории: в теории, освещении конкретных событий, в подходе к самой истории партии. Остается в силе утверждение известного советского историка Н. Н. Маслова о том, что «одной из главных и первоочередных задач в деле создания историографии истории КПСС является углубленная и широкая разработка вопроса о роли В. И. Ленина в становлении и развитии историко-партийной науки. Без изучения этого аспекта осмысление пути, пройденного историко-партийной наукой, является невозможным» [8].

При рассмотрении начального этапа становления историко-партийной науки необходимо иметь в виду, что в этой области истории Коммунистическая партия располагала хотя и небольшой, но по сравнению с другими дисциплинами весьма квалифицированной группой марксистов, имевших дореволюционный опыт в изучении истории партии, марксизма, рабочего и революционного движения [9]. В области истории партии, как и в разработке революционного движения в России, были богатые материалистические и демократические традиции, что получило отражение в создании обобщающих очерков, в популярной литературе по истории рабочего класса и его борьбы, истории возникновения и развития большевизма. В этом была громадная заслуга В. И. Ленина, всегда уделявшего пристальное внимание изучению и распространению опыта классовой борьбы, пропаганде научной концепции истории партии и ее работе среди широких трудящихся масс. Видные деятели Коммунистической партии, соратники В. И. Ленина — В. В. Воровский, М. С. Ольминский, Н. Н. Батурин, М. Н. Лядов, В. И. Невский и другие, стоявшие у истоков дореволюционной марксистско-ленинской историографии, были ведущей научной силой в разработке истории Коммунистической партии и Октябрьской революции в советское время. Активное участие в различных областях практической деятельности, богатый опыт организационной работы, глубокое знание марксистско-ленинской теории общественного развития, всемирной истории, приверженность ленинским позициям в объяснении хода исторического развития России, рабочего движения, истории большевизма и его борьбы против оппортунизма в сочетании с высокой исследовательской культурой и правильным пониманием задач исторической науки в условиях диктатуры пролетариата — все это предопределило их активное участие в организации научной работы в области истории партии и революции на новых, социалистических началах, в создании научных коллективов, воспитании кадров историков-марксистов. Они стали играть главную роль в составлении первых исследовательских планов, в подготовке научной и учебной литературы, в борьбе против идейных противников ленинизма и извращения ими истории партии большевиков, в постановке важных методологических проблем историко-партийной науки в 20-е годы. Историки-большевики стали

главной силой в осуществлении ленинской программы организации советской исторической науки, блестяще проявив свой незаурядный талант в этой важной области деятельности Коммунистической партии.

На первом этапе развития (1917—1924 гг.) проблемы организации советской науки, в том числе исторической, приобретали особенно важное значение. Их решение должно было обеспечить не только возможность успешного проведения исследовательской работы, но и целенаправленное воздействие на весь процесс становления советской науки: изменение ее социальных основ, развитие на принципах социализма. Злободневными являлись эти проблемы еще и потому, что в стране не было ни одного научного или учебного учреждения марксистского направления. Поэтому сразу же после революции Коммунистическая партия приступила к осуществлению обширной программы по созданию идеологических центров, способных бороться за утверждение марксизма-ленинизма как в науке, так и в массовом общественном сознании.

К их числу следует отнести создание Института К. Маркса и Ф. Энгельса (1921 г.) и Института В. И. Ленина, открытого по решению XIII съезда РКП(б) в 1924 г. [10], для организации, собирания, хранения, изучения и издания идейно-теоретического наследия основоположников научного коммунизма — К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Осуществленная ими уже в 20-е годы работа в области публикации сочинений великих пролетарских мыслителей стала той реальной базой, на которой могли успешно развиваться советская историческая наука, в том числе история партии, воспитываться кадры историков-марксистов [11]. Коммунистическая партия и ее руководящие органы обратили особое внимание на создание условий для организации широкой исследовательской работы в области истории партии, для подготовки качественной учебной и популярной литературы, необходимой различным звеньям среднего и высшего образования, для активного наступления на позиции враждебной идеологии с целью предотвращения ее влияния на различные слои населения [12].

По предложению В. И. Ленина 21 сентября 1920 г. Совнарком принял декрет об учреждении Комиссии по истории Октябрьской революции и Коммунистической партии (Истпарт) [13]. В 20-е годы Комиссия являлась ведущим научным центром страны в разработке историко-партийной проблематики. С превращением в отдел ЦК РКП(б) (с декабря 1921 г.) Истпарт стал органом партийного руководства развитием исследований по истории Коммунистической партии и Октябрьской революции в масштабах всей страны. Наряду с Истпартом ЦК РКП(б) изучением истории Коммунистической партии занимались: Коммунистическая академия, Институт В. И. Ленина, Общество старых большевиков, Общество историков-марксистов, Научно-исследовательский институт в Петрограде, где группой по истории большевиков руководил В. А. Быстрянский [14]. Большой вклад в разработку исто-

рико-партийной проблематики внесли в 20-е годы преподаватели комвузов и совпартшкол, а также Института Красной профессуры. Они читали и издавали курсы по истории партии, готовили программы, методические пособия. Следовательно, уже в начале 20-х годов в стране была создана необходимая база для изучения, пропаганды и преподавания ленинской концепции истории партии [15].

Вторым необходимым условием, обеспечившим становление историко-партийной науки, стало сплочение сил историков-марксистов, которые начали свою деятельность еще в дореволюционные годы, и организация подготовки новых кадров, способных вести исследовательскую, организационную, преподавательскую, идейно-воспитательную работу. Как уже отмечалось, сразу же после революции этой деятельностью стали заниматься те историки-большевики, которых партия воспитала еще в дореволюционное время. Историков партии они готовили на отделениях отечественной истории как специалистов по истории Октябрьской революции и социалистического строительства, истории революционного движения. Тогда еще не было четкой специализации как в подготовке кадров, так и в разработке исследовательской проблематики. Об этом свидетельствуют материалы о деятельности Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова, курсов, созданных там в 1921 г., о работе Социалистической академии. Однако преподавание истории партии в общей программе обучения в комвузах и совпартшколах занимало центральное место. Так, Л. В. Иванова на основе архивных источников определяет общее число учебных часов Петроградского Коммунистического университета — 4000 (за три года). Из них 740 отводилось изучению истории РКП(б) и Коминтерна. Агитпроп ЦК РКП(б), постоянно занимаясь этим вопросом, заботился о всестороннем совершенствовании программ, структуры курса, его теоретического уровня, усилении связи с практикой социалистического строительства [16]. С 1924 г. особое внимание было обращено на необходимость повышения уровня преподавания истории РКП(б), роли в нем проблем, связанных с деятельностью В. И. Ленина и ленинским учением [17].

Особенно заметно улучшилось преподавание истории партии после XIII партийной конференции, принявшей специальное решение по этому вопросу. В резолюции конференции «Об итогах дискуссии и о мелкобуржуазном уклоне в партии» говорилось: «Одной из важнейших задач является поставить на должную высоту изучение истории РКП и, прежде всего, основных фактов борьбы большевизма с меньшевизмом, роли отдельных фракций и течений во время этой борьбы, в особенности тех эклектических фракций, которые пытались «примирить» большевизм с меньшевизмом. Центральный Комитет партии должен принять ряд мер для того, чтобы поставить на должную высоту издание надлежащих учебников по истории РКП, а также сделать обязательным преподавание истории партии во всех партшколах, вузах, круж-

ках и т. д.»[18]. Всем партийным организациям рекомендовалось организовать кружки по изучению ленинизма[19]. Тогда же Истпарт ЦК РКП(б) поручил П. Н. Лепешинскому подготовить труд «История ленинизма»[20]. XIII партийная конференция оказала влияние не только на преподавание истории партии, но и на изучение истории ленинизма, что имело громадное значение для развития всей историко-партийной науки.

Организация Института Красной профессуры и открытие в 1927 г. в его составе по постановлению ЦК РКП(б) историко-партийного отделения, а затем самостоятельного Института истории партии позволили развернуть подготовку историков по специальности «история партии». В Институте истории партии были подготовлены первые профессиональные кадры по истории РКП(б). К сожалению, вопрос о развитии историко-партийного образования в СССР в 20—30-е годы изучается пока еще недостаточно, что сдерживает решение общей проблемы становления историко-партийной науки как самостоятельной исторической дисциплины.

Некоторые из современных ученых до сих пор склонны преувеличивать ошибки и промахи боровшихся за утверждение ленинской концепции историко-партийной науки историков-большевиков 20-х годов, явно недооценивая усилия Коммунистической партии и ее идеологических кадров, увенчавшиеся победой марксизма-ленинизма в исторической науке к концу переходного периода. Закономерно возникает вопрос: возможна ли такая победа в сфере идеологии — утверждение научной теории и методологии во всех областях истории, включая и историю партии,— путем ошибок, промахов, недостатков? Не разумнее ли поставить и, наконец, решить задачу всестороннего изучения всех проблем, относящихся к становлению советской исторической науки в переходный период, чтобы дать полный, обстоятельный ответ, каким образом Коммунистическая партия, осуществляя руководство исторической наукой, смогла добиться столь значительных, поистине исторических результатов. Исследование этого уникального по своему историческому значению опыта КПСС имеет громадное теоретическое и практическое значение для понимания глобальных процессов, происходивших в 20-е годы в исторической науке, в идеологии, в формировании новой, социалистической надстройки, для выявления в них роли историков-марксистов.

Современный уровень советской историографии позволяет глубже осмыслить проблему становления истории КПСС, раскрыть ведущую роль этой исторической дисциплины в развитии советской исторической науки. В области истории партии впервые в нашей стране стали утверждаться новые, социалистические принципы организации научно-исследовательской работы: коллективизм, планирование, коллегиальные методы руководства. Не все из современных историков знают, что первые планы-программы по изучению наиболее важных тем и проблем, а также по организации научно-исследовательской работы в масштабах всей страны были разработаны в области истории партии отделом ЦК

РКП(б) — Истпартом. Так, в 1921 г. был опубликован «Проект плана работ по истории партии за 1917—1921 гг.», составленный А. С. Бубновым, который по заданию ЦК серьезно занимался в это время изучением истории и созданием плана-проспекта и учебника по истории партии. Большой интерес для современного исследователя историко-партийной науки представляет содержание этого плана, свидетельствующее о понимании магистральных направлений развития науки историками-марксистами начала 20-х годов. В рассматриваемом периоде Бубнов выделил две основные части: «1) партия, борющаяся за власть (март — октябрь 1917 г.) и 2) партия, строящая пролетарское государство (с октября 1917 г.)». Основную задачу историков автор видел в собирании материалов, которые он разбил на несколько групп: «а) архивный материал, б) художественный и иллюстративный материал, в) печатный материал, г) показания современников» [21].

Далее в плане работы шло подробное перечисление материалов, которые относились к этим группам. Так, в группе «показания современников» составитель плана решал важную задачу не только по выявлению и собиранию оставшихся материалов, но и по их созданию. Он говорил, что необходимо: «1) Выявить состав партийных учреждений (ЦК, областных комитетов, президиумов, фракций, отдельных крупных деятелей и пр.) и обратиться к ним с анкетным листом. 2) Обратиться ко всем товарищам и специально к отдельным группам товарищей с приглашением и предписанием писать воспоминания, заметки и пр. 3) Если протоколы или какие-либо постановления утеряны, то обратиться за восстановлением их к точно установленному в каждом случае кругу товарищей. 4) Обратиться к отдельным товарищам с просьбой прислать имеющиеся у них различные материалы (документы, издания, снимки, плакаты и т. п.) со своими замечаниями (указать точно, какого характера») [22].

В плане предусматривались наряду с собиранием, разбором и систематизацией обработка и изучение материалов как в центре, так и на местах на основе общего для всех плана деятельности [23]. Такой подход позволял не только объединять усилия историков, но и координировать действия, направляя их на решение наиболее важных задач.

План включал указания относительно того, что по мере поступления материалов по истории партии их следует разбирать, систематизировать, а также готовить к публикации в виде отдельных томов с подстрочными примечаниями и отдельными сводными статьями. На основе изучения собранных документов Бубнов считал возможным составление «курса по истории партии за указанный период» путем выделения «из общей массы материала той основной части, которая будет достаточна для написания подобной работы» [24].

Таким образом, составленный А. С. Бубновым план строился на детальном освещении вопроса о создании обширной источниковой базы для изучения истории партии послеоктябрьского пе-

риода, а также организации первых мер по публикации документов и подготовке курсов, необходимых для преподавания истории партии, в которых особенно нуждалась страна, комвузы и совпартшколы.

Наряду с общей программой под руководством Истпарта ЦК РКП(б) тогда же стали создаваться планы по изучению истории местных партийных организаций преимущественно в крупнейших центрах пролетарского движения. Такая работа была проделана Петроградским бюро Истпарта. План был опубликован в журнале «Пролетарская революция» и включал следующие основные направления: 1) издание материалов и документов, 2) составление библиографического указателя литературы о петербургском рабочем движении и Петербургской организации, 3) издание словаря революционеров, принимавших участие в работе Петербургской организации, 4) подготовка и выпуск биографий выдающихся членов Петербургской организации, 5) составление мемуаров о революционной борьбе, 6) создание и публикация исследований по истории Петербургской организации в важнейшие периоды ее деятельности, 7) написание краткого учебника по истории Петербургской организации, 8) составление историко-революционной хрестоматии, 9) издание периодического органа истпарта Петрограда. Каждое из этих направлений работы конкретизировалось. Так, публикация исторических источников разбивалась по конкретным периодам: «а) прокламации Союзов борьбы 1896—1900 гг., б) прокламации периода подготовки ко второму съезду, в) периода от 1903 до 1905 г., г) эпохи первой русской революции, д) эпохи реакции 1908—1911 гг., е) эпохи «Звезды» и «Правды», ж) эпохи войны, з) Февральской революции, и) Октябрьской революции» [25].

План подготовки и издания монографий включал конкретные темы: Северо-русский рабочий союз, группа Благоева, кружки переходного периода от народничества к марксизму. Далее шли темы по названным выше периодам деятельности Петербургского комитета, с 1903 до 1921 г. [26] Из перечня вопросов, включенных в план, видно, что в его основу была положена продуманная и четкая периодизация, учитывавшая и общий процесс развития рабочего движения в России, распространение марксизма, деятельность всей партии с момента возникновения до 1921 г.

Заметный вклад в разработку различных проблем истории партии, особенно методологии, внесло Общество историков-марксистов, созданное в 1925 г. В числе его учредителей были В. Г. Кнорин, С. И. Черномордик, А. В. Шестаков и др. [27] В 1926 г. для руководства разработкой исторических проблем по отдельным отраслям исторического знания в составе Общества были созданы секции: методическая, истории России, истории Запада и истории ВКП(б) [28]. Последняя секция оказала заметное влияние на организацию изучения методологических и конкретно-исторических проблем истории партии.

С первых лет Советской власти одним из важнейших направ-

лений деятельности историков-марксистов стало написание работ популярного характера, охватывающих все важнейшие этапы возникновения и развития партии, ее борьбы за победу пролетарской революции. По заданию ЦК РКП(б) общий обзор развития Коммунистической партии был подготовлен членом Коллегии Истпарта, заместителем Наркома просвещения А. С. Бубновым и опубликован сначала в «Правде», а затем выдержал несколько изданий в различных городах страны [29]. При Агитационно-пропагандистском отделе ЦК была создана специальная комиссия в составе А. С. Бубнова, Н. Н. Батурина, В. И. Невского [30], которая занималась разработкой курса «История РКП(б)».

Над общими очерками истории партии трудились В. И. Невский, К. А. Шелавин, Н. Н. Батурин, М. Н. Лядов, В. А. Быстрянский, Н. Н. Попов и другие, преподававшие этот курс в Институте Красной профессуры, в Московском и Петроградском университетах, в коммунистических университетах, на курсах марксизма-ленинизма при Коммунистической академии, в совпартшколах [31]. В Истпарте ЦК РКП(б) и его периферийных отделениях интенсивно развивалась исследовательская работа по изучению истории подготовки и проведения I, II, III, IV и V съездов партии. Создавались первые очерки о деятельности Московской, Бакинской, Нижегородской, Казанской и Самарской партийных организаций [32].

Таким образом, уже к середине 20-х годов были созданы необходимые условия и получены первые заметные результаты в области изучения, преподавания и популяризации истории Коммунистической партии. Одними из важнейших показателей характера развития этой отрасли исторической науки стали: 1) новые научные центры и учебные заведения, в которых изучалась и преподавалась история партии; 2) интенсивный процесс создания источниковой базы историко-партийных исследований; 3) основание исторических журналов («Пролетарская революция», «Красная летопись» и др.), на страницах которых публиковались работы историков-марксистов по истории партии; 4) тесная связь истории партии с практической работой, с коммунистическим воспитанием и образованием, с популяризацией истории партии и ленинизма среди широких масс населения (Музей революции, выставки Истпарта, Институт В. И. Ленина и др.). Все эти явления свидетельствуют о бурном процессе формирования советской исторической науки в 20-е годы и одной из ее важнейших областей — истории партии.

Развитие научно-исследовательской работы в области истории партии, потребности создания программ и курсов по истории партии для различных звеньев среднего и высшего образования, появление популярной литературы, содержавшей серьезные недостатки и ошибки, опасность влияния мелкобуржуазных меньшевистско-эсеровских концепций — все это требовало от историков-марксистов обращения к проблемам методологии истории партии и революционного движения. В начале 20-х годов появились вы-

ступления в печати А. С. Бубнова, П. Н. Лепешинского, М. С. Ольминского, Н. Н. Авдеева и других по вопросам методологии историко-партийной науки.

Одним из первых к методологии историко-партийной науки обратился А. С. Бубнов. С осмыслением ее методологических проблем он связывал повышение общего уровня научных исследований, совершенствование приемов и методов, улучшение качества научной и учебной литературы по истории партии. В выступлении Бубнова нельзя не видеть попытки обобщения накопленного к тому времени опыта научной работы, в которой он принимал активное участие как историк партии. По заданию ЦК партии он готовил учебник по истории РКП(б) [33]. Поэтому, рассматривая основные вопросы истории Коммунистической партии, Бубнов попытался изложить главный принцип подхода к изучению и изложению материала, имея в виду прежде всего составление общих курсов. В связи с этим на первый план он выдвигал задачу освещения истории партии как единого исторического процесса, имеющего определенные этапы развития [34]. Исходя из этой посылки, Бубнов обращался к одному из важнейших методологических вопросов: что такое закономерность и каковы пути ее познания в историко-партийной науке?

Главную закономерность развития Коммунистической партии Бубнов видел в том, что она «неуклонно стояла на признании краеугольного камня революционного марксизма — революционной диктатуры пролетариата, имея конечной целью своей борьбы — коммунизм» [35]. В этом определении проявилось стремление Бубнова отметить принципиальное отличие большевиков как партии нового типа от социал-демократии, скатившейся в болото оппортунизма вследствие отказа от диктатуры пролетариата.

Одной из центральных методологических проблем Бубнов считал создание научной периодизации истории партии. И хотя он не дал обоснования критериев периодизации, однако правильно указывал на главное в этом вопросе: выделение определенных этапов развития партии на основе познания закономерностей ее развития и борьбы. Образцом такого подхода он называл работу В. И. Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», в которой изложена научная периодизация истории большевизма. Бубнов особенно подчеркивал важность изучения и пропаганды международного значения опыта большевиков в борьбе за победу социалистической революции, их непримиримого отношения к народническим, мелкобуржуазным утопиям, к оппортунизму и реформизму российской и международной социал-демократии, к идеологии и тактике либеральной буржуазии [36].

Бубнов отмечал необходимость изучения истории партии в органическом единстве с массовым рабочим движением, с подъемами и спадами его борьбы, учитывая смену революционной тактики по мере изменения исторической обстановки. Ссылаясь на ленинские указания, он писал, что РКП(б) «является единственной партией, имеющей исключительную по разнообразию опыта и

сложности тактических проблем историю. В этом смысле можно утверждать, что грандиозный революционный опыт нашей партии имеет громаднейшее международное значение»[37]. Наряду с этим Бубнов считал необходимым отметить своеобразие исторического развития России, которое он объяснял отсталостью и нерешенностью задач буржуазно-демократической революции. Партия большевиков, писал Бубнов, учитывала это обстоятельство в ходе борьбы за победу социалистической революции.

Важное методологическое значение в условиях тех лет имел тезис Бубнова, что весь исторический путь пролетарской партии в России следует рассматривать как историю большевизма, а не как развитие российской социал-демократии, в рамках которой якобы «сосуществовали», полемизировали, сталкивались близкие друг другу течения — большевики и меньшевики. Именно так пытались изобразить историю пролетарской партии в России меньшевики, эсеры, жандармский полковник А. И. Спиридович[38].

Как известно, в условиях 20-х годов особенно важное значение приобрела борьба против троцкистских попыток представить ход развития партии как образование различного рода групп, блоков, расколов, расхождений и соглашений, изобразить якобы равнозначной роль в руководстве пролетарским движением всех политических организаций. Этим идеям историки-большевики противопоставили принципиально иной методологический подход, основанный на ленинской концепции истории большевизма, возникшего в 1903 г. и последовательно боровшегося со всеми разновидностями оппортунизма, ревизионизма и реформизма как внутри страны, так и на международной арене. Утверждение этого подхода в исследовательской и преподавательской работе историков партии обеспечивало успех борьбы против буржуазных и мелкобуржуазных фальсификаторов большевизма, защиту ленинской теории и методологии от извращений и фальсификаций.

Основной вывод Бубнова сводился к тому, что для научной истории партии недостаточно освещения отдельных событий. Нужно, писал он, «не только изложение фактов, не только описание, как развивалась партия, но анализ этого развития, обнаружение его закономерностей», чтобы всю историю партии пронизывала «философия истории»[39]. С этих позиций Бубнов критиковал «Очерки по истории РКП(б)» В. И. Невского (М., 1923, ч. 1), отмечая слабость научного обобщения при обилии фактических сведений, что заметно снижало теоретический уровень книги, а следовательно, ее научную ценность.

В обстановке того времени важное значение имело выступление Бубнова против вульгаризации ленинизма, искажения ленинских положений, употребления «туманной терминологии», лишенной реального научного и классового смысла. Содержание научной работы в области истории партии Бубнов усматривал в том, чтобы «от фактов идти к обобщениям, всю массу исторического материала охватить единой схемой, осмысливающей данный исторический процесс как единое неразрывное целое»[40].

Залог успеха исследовательской работы историки партии первого поколения видели в том, чтобы изучение всесторонне проверенных и тщательно собранных фактов сочеталось с разработкой вопросов методологии истории [41]. Эта важная установка реализовывалась в 20-е годы в самых различных формах: в статьях, в рецензиях на историко-партийную литературу, в дискуссиях и обсуждениях по вопросам преподавания истории [42].

В связи с решениями XIII партийной конференции о преподавании и изучении истории партии во второй половине 20-х годов особенно остро встали вопросы выработки единого и четкого определения, что такое история партии, какова ее связь с другими историческими дисциплинами, где должна проходить грань в преподавании истории партии и истории революционного движения России. С этого времени особенно заметно активизировалась работа в области теоретического обоснования истории партии как самостоятельной исторической дисциплины, имеющей свой предмет исследования, специфические задачи и функции. Постановка и правильное решение всего комплекса этих важных и весьма сложных методологических вопросов возможны были только в процессе их коллективного обсуждения, совместными усилиями специалистов по истории партии и истории СССР, с учетом накопленного опыта исследовательской и педагогической работы после Октября 1917 г.

Следует отметить, что во второй половине 20-х годов потребности методологического осмысления проблем исторической науки были столь велики, что они стали включаться в исследовательские планы ведущих научных центров страны. Разработкой теоретико-методологических вопросов истории партии занимались Истпарт ЦК ВКП(б), Коммунистическая академия, Общество историков-марксистов, преподаватели кафедр комвузов и ИКП [43]. Некоторые вопросы методологии и методики преподавания истории партии и других исторических дисциплин рассматривались на конференции преподавателей совпартшкол, состоявшейся в январе 1926 г. [44]

Большое внимание развитию историко-партийной науки было уделено на XV съезде ВКП(б). В Отчетном докладе Центральной ревизионной комиссии, утвержденном съездом, указывалось на необходимость более широкой организации публикации материалов по истории партии, революционного движения и Октябрьской революции, создания единого партийного архива, активизации научно-исследовательской работы в области истории партии [45]. Решение этих задач было невозможно без разработки проблем методологии истории, источниковедения и археографии.

Первое широкое обсуждение методологических проблем истории партии состоялось в конце 1928 — начале 1929 г. на Первой всесоюзной конференции историков-марксистов в Секции истории ВКП(б), где с докладом «История партии как наука» выступил В. И. Невский.

Введение в научный оборот большого нового фактического

материала, особенно по истории классовой борьбы, его осмысление вновь и вновь убеждало историков в научности ленинской концепции истории России, революционного движения, общественной мысли, истории партии. Широкий фронт научно-исследовательской работы в стране, охватившей все важнейшие области отечественной и всеобщей истории, позволял историкам успешно овладевать марксистско-ленинской концепцией истории, научными принципами ее изучения. Они убежденно пропагандировали с позиций исторического материализма достижения советской науки, активно боролись против меньшевистских, троцкистских фальсификаций истории большевизма [46]. Возросший уровень историко-партийных исследований позволил поставить на обсуждение более сложные проблемы методологии по сравнению с первой половиной 20-х годов, когда в этой области делались только первые шаги. Примечательно, что они обсуждались с учетом достижений всей советской исторической науки, задачи дальнейшего овладения ленинской концепцией истории партии и научной методологией ее изучения и преподавания.

Необходимый широкий подход к проблемам методологии проявился и в докладе В. И. Невского. Он рассматривал их в тесной связи с потребностями дальнейшего развития науки, с изучением истории страны и ее революционного движения, с организацией широкой, планомерной публикации материалов по истории партии и революции на основе принципов коллективизма, с созданием научной историко-партийной библиографии, с воспитанием квалифицированных кадров историков партии, владеющих ленинской теорией и методологией, принципами научной критики источников [47]. Такой подход свидетельствовал о том, что историки партии 20-х годов связывали разработку методологических проблем с развитием науки в целом, с осмыслением всей совокупности факторов, влияющих на ее прогресс и методологические принципы.

На конференции В. И. Невский и участники дискуссии предприняли попытку дать методологическое обоснование определения предмета историко-партийной науки, задач разработки ее ведущих проблем и основополагающих принципов. Главной методологической посылкой стал тезис, что история партии должна рассматриваться как объективный исторический процесс, в «котором историческую закономерность установить можно и должно» [48]. Исходя из этого правильного положения, Невский определял предмет историко-партийной науки. «История партии,— говорил он,— есть наука, которая, пользуясь методом исторического материализма, ставит своей задачей описание революционно-партийных явлений и установление исторической закономерности в их развитии, в связи с историей России... СССР и со всей современной историей» [49]. Как исследователь революционного движения Невский понимал необходимость разработки истории партии в связи с историей рабочего класса, всей страны, с мировым революционным процессом. Поэтому он включил данную идею в

определение предмета истории партии как науки. Однако многие участники дискуссии поняли Невского и его позицию как стремление растворить историю партии в революционном движении, против чего категорически возражали, тем более что такая тенденция в те годы наблюдалась [50].

При всем несовершенстве формулировки В. И. Невского о предмете историко-партийной науки (например, «описание» вместо анализа процесса развития и деятельности партии) ее обсуждение убедительно продемонстрировало правомерность выделения истории партии в самостоятельную историческую дисциплину, со своим объектом и предметом исследования, особыми познавательными задачами.

В обстановке острой идейной борьбы конца 20-х годов включение в определение предмета историко-партийной науки указания на ее идейно-теоретическую основу — исторический материализм, а также органическую связь с историей СССР и всемирной историей имело принципиальное значение. Этим еще раз подчеркивалось, что Коммунистическая партия России с момента ее появления стала важнейшим фактором исторического процесса, а ее борьба носит всемирно-исторический характер, ибо большевизм не узко национальное (как утверждали его противники из буржуазного и мелкобуржуазного лагеря), а международное явление [51].

Соглашаясь в целом с данным определением предмета историко-партийной науки, участники обсуждения предлагали включить в него ряд других элементов, например о конечной цели борьбы партии, действенном характере ее политики по преобразованию общества и др. [52]

Все участники дискуссии единодушно отмечали, что разработка истории партии должна быть тесно связана с историей ленинизма, ибо они неотделимы друг от друга. Исходя из этого, историки-большевики решительно выступили против попыток Каменева оценивать ленинизм как «толкование марксизма», а также против меньшевистских трактовок партии как «сознательной выразительницы бессознательного стихийного процесса» [53].

В ходе этой дискуссии были подняты вопросы методологии и ее специфики применительно к различным наукам. Об относительно высоком уровне понимания историками партии тех лет сложных методологических вопросов свидетельствовали и утверждения о необходимости уяснения различий между общественными и естественно-техническими науками, неадекватности их познавательных методов [54]. Выступавшие на конференции убежденно доказывали, что история партии не может быть «академическим изучением» отдельных тем вне связи с острой идейной борьбой против врагов марксизма-ленинизма и социализма [55].

Заметное место в обсуждении заняли вопросы о принципах изучения истории партии. Признавая, что у историков партии, как и в области истории СССР, есть свой большой комплекс познавательных задач, М. Н. Покровский предостерегал в своем вы-

ступлении от опасности превращения истории партии в изложение материалов съездов, конференций, резолюций. Он доказывал, что история партии как наука может успешно развиваться только на архивных материалах[56].

Важное значение для развития историко-партийной науки имело предложение Г. Крамольникова об изучении темы «В. И. Ленин как историк партии», ленинской методологии анализа конкретного исторического материала. «Надо научиться у Ленина методам изучения истории партии»[57],— говорил он.

Успешное изучение истории партии и решение ее методологических проблем на высоком научном уровне участники конференции связывали с дальнейшим совершенствованием организационных основ науки, с составлением единого плана научной работы по истории партии, с организацией руководства из единого центра. Они выступали за ликвидацию параллелизма, против разбазаривания научных сил, за разработку сложных проблем историко-партийной науки коллективными усилиями специалистов, особенно в подготовке обобщающих трудов[58].

Дискуссия по вопросам историко-партийной науки на конференции 1928—1929 гг. развивалась в общем русле советской исторической науки, переживавшей на рубеже 20—30-х годов период особенно острой борьбы за утверждение марксистско-ленинской теории и методологии во всех областях исторического знания. В это время совместными усилиями историков-марксистов всех специальностей в ходе широких дискуссий и обсуждений успешно осваивалась и утверждалась ленинская концепция общественно-экономических формаций, истории революционного движения и передовой общественной мысли в России, буржуазно-демократических и социалистической революции, истории рабочего и крестьянского движения. Свидетельством этого были дискуссии об общественно-экономических формациях, о Н. Г. Чернышевском, о «Народной воле», об исторических предшественниках марксизма и большевизма в России, об отношении партии большевиков к революционному наследию прошлого[59]. Историки партии принимали в этих обсуждениях самое активное участие, внесли заметный вклад в решение сложных и важных вопросов методологии истории. Что же касается постановки и рассмотрения методологических проблем самой историко-партийной науки, то следует отметить, что они обсуждались и решались в то время на более высоком теоретическом уровне, чем в других областях истории.

Необходимость дальнейшего совершенствования исторического образования в стране на основе накопленного опыта преподавания всех общественных наук требовала более четкого разграничения курсов по различным историческим дисциплинам, определения их места и роли в общей программе обучения, включая систему партийной учебы. Теоретическое осмысление этих вопросов вновь поставило на повестку дня рассмотрение методологических проблем историко-партийной науки. Это вылилось в широкое обсуждение вопросов методологии на совещании, созванном Обще-

ством историков-марксистов в феврале 1930 г.[60] и посвященном преподаванию ленинизма, истории ВКП(б) и Коминтерна. С докладами выступили Е. Ярославский («Задачи изучения истории партии и ленинизма»), Д. Я. Кин («История партии как наука»), Бела Кун («Задачи изучения истории Коминтерна») и др. Вопросы методологии истории партии освещались в докладах Ярославского и Кина, в выступлениях участников совещания.

Во вступительном слове открывавший совещание директор Института В. И. Ленина М. А. Савельев объяснял важность выдвинутых на обсуждение проблем ростом значения революционной теории, потребностями социалистического строительства, развитием мирового рабочего и коммунистического движения. На первый план Савельев, как и другие участники совещания, поставил преподавание ленинизма и истории партии, оценивая их как важнейший фактор коммунистического воспитания трудящихся с целью «вооружить эти массы против попыток ревизии ленинизма в современный момент и в корне ликвидировать те мелкобуржуазные влияния, которые пытаются протащить в ряды нашей партии рабочего класса оппортунисты всех разновидностей»[61]. Эти задачи, отмечал Савельев, требуют для их решения усилить связь преподавания с исследовательской работой в общественных науках.

Разработка методологических проблем историко-партийной науки рассматривалась историками того времени как необходимое условие дальнейшего развития марксистско-ленинской теории, успешной ликвидации остатков мелкобуржуазных идейных течений и их влияния, повышения роли преподавания ленинизма, истории партии и Коминтерна в идейно-теоретическом воспитании кадров и широких трудящихся масс, успешного развития научно-исследовательской работы, на основе которой возможно достижение поставленной цели. Этот подход к истории партии как средству решения актуальных задач идеологической работы определил круг обсуждавшихся методологических проблем, характер предлагавшихся решений, объективные результаты и практические выводы, сделанные в ходе совещания. Поэтому в центре внимания специалистов вновь оказались такие вопросы, как предмет историко-партийной науки и ее задачи, методы и принципы ее изучения, критерии научной периодизации истории партии, ее связь с другими дисциплинами. В связи с острой идейной борьбой, проходившей в те годы, рассматривались вопросы методологии борьбы против троцкистских и других извращений истории большевизма, а также вопросы научного, классового анализа антиленинских объяснений истории партии, соотношения истории партии и современности с точки зрения опыта прошлого и его значения для настоящего. Достоинством этого совещания было обсуждение методологии историко-партийной науки в органическом единстве с теми конкретно-историческими проблемами, которые тогда выдвигались на первый план. Это прежде всего относилось к вопросам об исторических предшественниках большевизма в

России, истории массового рабочего и крестьянского движения, научной оценки народничества как идейного и политического течения и его места в истории освободительного движения России. Этот широкий подход свидетельствовал об уровне развития советской исторической науки вообще и той роли, которую историки партии играли в постановке и решении важнейших проблем науки с позиций марксизма-ленинизма, в тесной связи с практикой исследовательской и преподавательской работы. Это особенно заметно проявилось в обсуждении задач историко-партийной науки в условиях строительства социалистического общества и завершающего этапа борьбы за утверждение марксистско-ленинской идеологии во всех сферах общественного сознания.

Е. Ярославский видел главную задачу истории партии как науки в том, что она изучает «опыт борьбы пролетариата за социализм, опыт руководства этой борьбой пролетарского авангарда — партии»[62]. Особую важность знания истории партии Ярославский объяснял той ролью в Коминтерне, которую партия стала играть после победы социалистической революции, ростом ее численности, усилением влияния на все слои населения, включая и молодежь. Необходимость более углубленной разработки истории партии Ярославский обосновывал расширением интереса к ее истории за рубежом, особенно к борьбе большевиков за власть, к организации защиты революции, к политике военного коммунизма, нэпу, к разгрому различных антипартийных группировок, выступавших против ленинского плана построения социализма, к руководству рабочего класса и его партии крестьянством. Ярославский подчеркивал, что «наш опыт этих лет имеет гигантское революционизирующее значение для всего мира»[63]. Залог успеха в разработке этих проблем он видел в глубоком творческом овладении марксистско-ленинской теорией и методологией, в организации коллективных усилий историков для решения поставленных задач, в укреплении связи истории с современностью, а также в решительной и последовательной борьбе против враждебных марксизму-ленинизму теорий и концепций, в максимальном развитии научной критики и самокритики[64]. Особое внимание докладчик обратил на необходимость разоблачения троцкистских фальсификаций истории партии, извращений характера и этапов ее борьбы. Мелкобуржуазному, псевдонаучному подходу троцкистов к истории партии как бесконечных расхождений, расколов и объединений Ярославский призывал ученых противопоставить ленинскую концепцию истории партии как последовательной борьбы большевиков и в теории и на практике за партию нового типа, за победу пролетарской революции, за построение социалистического общества[65]. Так Ярославский сформулировал в своем докладе ответ на вопрос о функциях историко-партийной науки в условиях переходного периода.

В ходе состоявшегося на совещании обсуждения дальнейшее развитие получил вопрос о предмете историко-партийной науки. Помимо докладчиков его затронули В. И. Невский, А. М. Пан-

кратова, Б. М. Волин, П. О. Горин, И. Л. Татаров, И. А. Теодорович и др. Докладчик по этому вопросу Д. Я. Кин к определению предмета историко-партийной науки подошел с весьма распространенных в те годы позиций, что любая наука «должна характеризоваться особым предметом, содержанием, специфическими особенностями конкретного применения метода исследования, задач, которые стоят перед ней»[66]. Он формулировал предмет историко-партийной науки путем фиксирования ее важнейших познавательных задач. История партии, говорил он, должна «изучать программно-теоретическую, организационную и тактическую деятельность в области руководства рабочим классом, массами в тесной связи с движением рабочего класса — политическую деятельность во всем ее многообразии». Такой подход позволял раскрыть роль партии как субъекта исторического процесса, ее тесную связь с широким социальным движением масс XX в., с пролетариатом. Он в корне противостоял мелкобуржуазному, меньшевистско-эсеровскому толкованию политической партии как организованной элиты, а ее деятельности как борьбы за «лидерство», тех или иных преимуществ партийных вождей как «случайности» и «удачливости», что было якобы с большевиками в 1917 г., победившими в силу благоприятно сложившихся обстоятельств.

Другой важной задачей докладчик считал изучение внутрипартийной борьбы и «всех условий выработки четкой ленинской революционной линии, борьбы за проведение ее в жизнь против всяких извращений марксизма и ленинизма, будь то «слева» или справа»[67]. При всем несовершенстве это определение позволило участникам совещания наметить круг вопросов, относящихся к предмету и содержанию историко-партийной науки, успешно провести дискуссию и прийти к конкретным выводам, которые можно оценить как заметный шаг вперед в разработке теоретико-методологических проблем. Все выступления на совещании были связаны одной определяющей идеей: история партии имеет свой предмет исследования, поэтому она является самостоятельной исторической дисциплиной, развивающейся на основе марксистско-ленинской теории и методологии.

Естественно, что рассмотрение предмета историко-партийной науки переросло в обсуждение характера закономерностей, присущих процессу развития партии и ее борьбы. Они были сформулированы в самом общем виде в качестве закономерностей двух типов: общего и частного характера. Их выявление и изучение предлагалось осуществлять путем исследования таких проблем, как соотношение партии и класса, сознательности и стихийности, связи истории партии с развитием массового рабочего движения, с теоретической и политической борьбой, с решением стратегических и тактических задач на различных этапах борьбы, с изучением закономерностей внутрипартийной борьбы[68].

Постановка и обсуждение всех этих вопросов свидетельствовали о том, что разработка намеченных историками проблем раз-

вивалась в русле направлений и задач, которые были особенно актуальными для историко-партийной науки конца 20-х — начала 30-х годов. Дальнейшее исследование ее теоретико-методологических проблем определялось с учетом изучения наиболее сложных из них, правильного понимания того, что оно должно проводиться в органическом единстве со всем процессом развития истории как науки, содействовать повышению роста ее теоретического уровня, совершенствованию преподавания истории партии и пропаганде ее достижений среди широких трудящихся масс.

Историки партии 20-х годов противопоставили буржуазным, а также мелкобуржуазным теоретикам позитивистского, контианского толка (например, концепциям А. Лаппо-Данилевского, М. Ковалевского, В. Чернова, П. Сорокина) принципиально иной подход к проблеме исторических закономерностей. Субъективистским их трактовкам результата творческой деятельности ученого как системы определенных законов, принципов и методов, вносимых им в сложный процесс познания и объяснения исторических явлений и фактов, марксисты противопоставили материалистическое объяснение законов общественного развития как тенденций, внутренне присущих самой исторической действительности, объективному процессу развития. Данная постановка вопроса о познании закономерностей развития такого фактора в истории, каким является партия, была особенно важна для преодоления ошибок и неверных трактовок субъективистского толка, имевших место у некоторых советских историков того времени, пытавшихся свести всю историю партии к проблеме определения целей и борьбы за их достижение.

Участники прений единодушно отмечали, что в постановке и решении ряда важных методологических вопросов сделан значительный шаг вперед по сравнению с обсуждением их на конференции историков-марксистов 1928—1929 гг. Это в первую очередь касалось вопросов о задачах, содержании истории партии как науки, ее методах и ведущих исследовательских проблемах [69].

С большей четкостью, чем ранее, формулировался ведущий принцип подхода к изучению истории партии: необходимость ее исследования «с точки зрения внутренней диалектической логики» развития, в органическом единстве с историей революционного движения, с историей России и мирового рабочего движения, не подменяя и не растворяя истории партии в общегражданской истории (выступления Г. Бешкина, М. Сафонова и др.) [70].

Серьезные возражения были высказаны участниками дискуссии против взглядов В. И. Невского, рассматривавшего историю партии как естественноисторический процесс [71]. Подчеркивалось, что партия является субъективным фактором в истории, активно преобразующим мир, что это необходимо учитывать при рассмотрении партии как объекта научного исследования. Поэтому на первом месте в изучении ее истории должна стоять ее преобразующая роль, ибо в противном случае это приведет к фатализму, к принижению значения ее активных действий. В связи с этим

как субъективно-идеалистическая тенденция была решительно отвергнута трактовка периодизации истории партии по тем целям, которые она ставила на том или ином этапе борьбы (точка зрения В. Г. Юдовского). Участники дискуссии убедительно показали, что партия вырабатывала свои позиции и ставила определенные цели в зависимости от конкретных исторических условий, расстановки классовых сил и их борьбы, реальной политической ситуации, что должно учитываться как при изучении всего процесса развития партии и ее деятельности, так и на отдельных этапах ее борьбы. В этом сила партии, реальный смысл ее политики, основанной на глубоко научной теории, позволяющей разрабатывать и успешно проводить в жизнь реальную программу борьбы на каждом конкретном этапе руководства массами. И хотя не все участники дискуссии четко выражали свое понимание соотношения объективного и субъективного в деятельности партии, тем не менее их объяснения этой сложной проблемы свидетельствовали о глубоко материалистической ее трактовке. Партия рассматривалась ими, с одной стороны, как субъект исторического процесса, активно преобразующий действительность, с другой — как объективная реальность, которую ученый познает с определенных теоретических и методологических позиций. Это было большим методологическим достижением историков 20-х годов в условиях, когда еще живы были остатки народническо-эсеровских представлений о политической партии, способной якобы определять поведение класса, вызывать и создавать революционные ситуации, вооруженные восстания, определять своей теорией направление процесса общественного развития и его итоги.

Основная масса участников дискуссии поддержала определение предмета историко-партийной науки, сформулированное Кином в более пространной форме в заключительном слове и вошедшее затем в Тезисы совещания, принятые по этому докладу. «Предметом истории партии, — говорилось в Тезисах совещания по вопросам методологии — является история ее программно-теоретических, тактических и организационных воззрений, внутрипартийной борьбы, организационного строительства и всей практической политической деятельности партии во всем ее многообразии. Задача истории партии — путем применения метода исторического материализма — изучить, объяснить и описать конкретный ход «действительного процесса жизни» (Маркс) партии в ее возникновении (знаменующем важнейшую ступень в деле превращения пролетариата из класса в себе в класс для себя), развитии, в борьбе за осуществление всемирно-исторической миссии пролетариата» [72].

Наряду с определением предмета историко-партийной науки Тезисы содержали сделанный на его основании важный вывод относительно выделения истории партии в самостоятельную научную дисциплину. В них говорилось: «...история партии как высшей формы организации рабочего класса и его вождя может и должна быть выделена в самостоятельную научную дисциплину,

находящуюся в тесной связи со всей историей классовой борьбы в СССР и во всем мире. Задача научной истории партии изучить ее «самодвижение», установить специфические закономерности процессов внутренней жизни и общеполитической деятельности партии пролетариата и объяснить их с точки зрения исторического материализма»[73]. В то же время в Тезисах указывалось на необходимость понимания важности четкого разграничения истории партии и истории рабочего класса[74].

Эти Тезисы раскрывают нам понимание историками, работавшими на рубеже 20—30-х годов, предмета и задач историко-партийной науки. В них четко фиксировался объект исследования — развитие и деятельность партии пролетариата, главнейшие исследовательские задачи. Важным компонентом выработанного в ходе дискуссии определения стало указание на ведущий принцип подхода к истории партии как процессу развития, а также на ее теоретико-методологическую основу — исторический материализм. Включение в понятие предмета науки изучения «конкретного хода» событий свидетельствовало о стремлении историков партии решительно отмежеваться от вульгарно-социологических трактовок истории как функционирования законов и закономерностей, получивших распространение в 20—30-е годы и осужденных позднее в известном постановлении ЦК ВКП(б) 1936 г. об исторической науке и ее развитии[75].

Историографическое значение этого определения состоит в том, что оно дает нам представление не только об уровне разработки методологических проблем историко-партийной науки на рубеже 20—30-х годов, о реальных итогах двух дискуссий по проблеме предмета и задач историко-партийной науки, но и позволяет сравнить по степени методологической зрелости историю партии как науку с другими историческими дисциплинами. Это сопоставление можно провести на материале дискуссий по другим методологическим проблемам, которые обсуждались в те годы (о социологии, о предмете и задачах археологии, об этнографии и др.)[76]. Изучение обсуждений того времени позволяет сделать вывод, что историки партии при всех недостатках и ошибках, имевших место в их конкретных работах, являлись наиболее активной частью советских историков, а их успехи в разработке ряда важных проблем методологии были намного значительнее, чем в других областях истории. Это обнаружилось в изучении таких проблем, как предмет науки, принципы периодизации истории, классовый подход к разоблачению враждебных идеологических и политических течений и др.

Дискуссия на совещании историков партии в 1930 г. оказала заметное влияние на решение ряда других важных проблем. В ходе обсуждения были более четко и полно сформулированы критерии и принципы периодизации истории партии, а сама проблема периодизации оценивалась как одна из важнейших в исследовании методологии истории. Не вдаваясь в подробности споров о периодизации, отметим, что в связи с ней поднимался вопрос

о материалистическом объяснении истории партии, о путях познания закономерностей развития. В выступлениях В. И. Невского, А. М. Панкратовой, И. Л. Татарова, Б. М. Волина убедительно доказывалось, что история партии должна изучаться как сложный процесс, связанный с массовым рабочим движением, с классовой борьбой, с общим ходом развития страны. Эти явления следует учитывать при обосновании научной периодизации, ибо только такой подход позволит последовательно проводить материалистический принцип в изучении истории партии[77].

При обсуждении предмета и принципов периодизации историко-партийной науки был решительно отвергнут подход к истории партии как сумме отдельных фактов и явлений, что в определенной мере относилось к докладу В. И. Невского на Первой конференции историков-марксистов. Ему был противопоставлен взгляд на историю партии как процесс развития, имеющий свои внутренние закономерности. «Определение этих закономерностей,— говорил Татаров, — и дает возможность представить историю партии как целое, и связь отдельных конкретных проявлений, соотношение определенных этапов в истории партии»[78]. Этот принцип ее изучения позволял историкам партии преодолевать субъективистский уклон, имевший место в литературе тех лет, рассматривать как «объективно познанную необходимость» цели борьбы партии, которые «основывались на правильном диалектическом понимании исторических закономерностей»[79]. Только такой подход, говорил на этом совещании Невский, отошедший от прежнего понимания истории партии, делает ее наукой, а ее главной задачей — познание закономерностей, определяющих движение партии[80].

В ходе дискуссии историки партии пришли к единодушному мнению, что история партии как наука, развиваясь на базе марксизма-ленинизма, имеет свой предмет, а ее исследовательские методы основываются на диалектическом материализме[81].

Плодотворность организованной дискуссии проявилась в обсуждении и других важных проблем. Указывалось на опасность примиренческого отношения к вульгаризации и фальсификации марксизма в ряде изданий тех лет, на важность разработки принципов борьбы против антимарксистских течений и антипартийных уклонов, разоблачения теоретической и методологической несостоятельности[82] и опасности последних в условиях острой классовой борьбы переходного периода.

Ряд ученых выступил с предложением об активизации усилий в изучении темы «В. И. Ленин как историк партии», а также историографических проблем истории партии. Существенным был вывод о важности исследования методологических вопросов истории революционного движения, классовой борьбы широких масс трудящихся, а также более углубленного освещения таких конкретно-исторических вопросов, как исторические предшественники марксизма и большевизма в России, отношение большевиков к революционному наследию прошлого и др.[83] Эти факты со всей убедительностью свидетельствовали о том, что правильно органи-

зованная и проведенная на высоком научном уровне дискуссия по методологическим проблемам историко-партийной науки позволила сделать ряд ценных выводов не только для нее, но и для смежных научных дисциплин, обогатила их новыми идеями и представлениями о путях повышения теоретико-методологического уровня научной работы историков.

Принципиальное методологическое значение имел раздел Тезисов, содержавший утверждение о необходимости преодоления чуждых марксизму-ленинизму влияний и установок, проявлявшихся в субъективистских трактовках истории партии и ее борьбы, в стремлении превратить историю партии в нормативную науку, в попытках объективистского освещения острых научных проблем [84]. Решительно отвергались сомнения в возможности объективного и всестороннего познания процесса формирования и революционной деятельности партии, громадного исторического и международного значения опыта ее борьбы. «Политика партии пролетариата,— говорилось в Тезисах,— строится на твердой научной основе марксизма-ленинизма и предполагает строго научное изучение истории партии, изучение опыта борьбы в прошлом для лучшей работы в настоящем» [85]. В связи с этим специальный раздел Тезисов освещал вопрос о научных принципах познания истории партии и их методологическом значении. Основными, ведущими принципами изучения истории партии, говорилось в Тезисах, являются объективность и партийность. «Проводя в исследовании точку зрения строжайшей партийности, которая единственно обеспечивает подлинную научность исследования, история партии служит ее боевым задачам уничтожения капитализма, делу строительства социализма в нашей стране и в борьбе за международную революцию» [86]. Принцип партийности рассматривался в органической связи с требованиями научности и объективности, а данный подход — как необходимое условие и единственный путь его достижения в исследовательской работе историков. Эта идея проходит через все обсуждения конца 20-х — начала 30-х годов, когда особенно бурно развивался процесс формирования теоретико-методологических основ всей советской исторической науки, в котором историки партии были активнейшими участниками и первопроходцами.

Как и на ранее проводившихся обсуждениях по вопросам истории партии, в Тезисах совещания подчеркивалось, что история пролетарской партии есть история большевизма в России, что она «не может быть сведена к истории РСДРП вообще», как это пытались сделать меньшевики. На всем протяжении своей истории «большевизм всегда представлял особую теоретическую и политическую систему взглядов, отделяя и противопоставляя себя другим течениям социал-демократии и сохраняя с момента своего выделения самостоятельную организацию». В условиях классовой борьбы переходного периода, когда столкновения по вопросам истории партии и революции были особенно острыми, необходимо было еще и еще раз проявить твердость и последовательность маркси-

стов в отношении мелкобуржуазных фальсификаторов истории, против всех попыток извращений ленинизма «справа» и «слева», а также примиренчества с ними. Это требовало активизации усилий советских историков, и в первую очередь историков партии. Поскольку борьба за ленинизм, проведение ленинской линии «во всей теоретической и политической деятельности является одной из важнейших составных частей истории партии, постольку необходимо уделить значительное внимание изучению специфических особенностей этих уклонов и их эволюции» [87]. Отмечая важность разоблачения мелкобуржуазной идеологии и ее влияния в области истории партии и классовой борьбы, совещание особо подчеркнуло необходимость непримиримой борьбы против троцкизма, как контрреволюционного идейного и политического течения, и его остатков, а также серьезного изучения исторических корней и социальной базы правого оппортунизма с целью его окончательного разгрома и ликвидации в стране [88]. Так историки тех лет связывали научную работу в области истории партии с задачами борьбы на идеологическом фронте, которые решались на основе изучения опыта борьбы большевиков в прошлом; так наука соединялась с революционной практикой.

Среди других рекомендаций совещания следует отметить и указание на необходимость изучения деятельности не только центральных органов партии, но и местных организаций. При этом специалистам рекомендовалось исследовать историю национальных компартий в неразрывной связи с историей ВКП(б), с борьбой против националистических мелкобуржуазных уклонов и течений, предпринимавших попытки извратить историю возникновения и развития большевистских организаций на местах (Украина, Белоруссия, Закавказье) [89].

Тезисы, выработанные в ходе совещания, свидетельствовали о плодотворности проведенного обсуждения важнейших проблем методологии истории партии. И хотя в решении поставленных на совещании проблем не все видные историки партии принимали участие, тем не менее его важность для науки была общепризнанной. Это отмечалось в заключительном слове М. А. Савельева, в предисловии к опубликованной стенограмме совещания, в периодической печати тех лет [90].

Очевидно, что успешное решение важных методологических проблем обеспечивалось прежде всего достижениями самой историко-партийной науки. К сожалению, современные историки партии еще недостаточно исследовали ее развитие, обходя стороной такую существенную черту этого процесса в 20—30-е годы, как разработку теоретико-методологических проблем науки. Многие из вопросов, которые обсуждались тогда, и в настоящее время волнуют историков и требуют решения с учетом современного уровня развития советской науки [91] и ее прошлого опыта.

Для историка исторической науки итоги совещания 1930 г. интересны с точки зрения его вклада в решение теоретико-методологических проблем как истории партии, так и всей советской

исторической науки, ибо такая проблема, как предмет науки, должна решаться историками всех специальностей с единых, марксистско-ленинских позиций. Методологические исследования в таких областях должны давать идентичные результаты, которые могут варьироваться в связи со спецификой объекта изучения, а отнюдь не исключать друг друга, не развиваться «по параллельным» линиям, в отрыве друг от друга. Это понимали ученые тех лет, поэтому в обсуждениях методологических проблем историко-партийной науки активное участие принимали историки СССР — А. М. Панкратова, М. Н. Покровский, И. Л. Татаров, И. А. Теодорович и др.

Результаты работы совещания 1930 г. обеспечивались высокой степенью его организации Обществом историков-марксистов и Секцией истории ВКП(б). Организаторы совещания коллективными усилиями сформулировали главную задачу обсуждения, четко и правильно наметили круг вопросов, связанных с решением общей проблемы: является ли история партии самостоятельной исторической дисциплиной?[92] В качестве докладчиков были привлечены квалифицированные специалисты, известные как исследователи крупных проблем советской исторической науки.

Основной круг методологических вопросов определялся с учетом потребностей развития историко-партийной науки, задач совершенствования исторического образования, борьбы против фальсификаторов ленинизма и истории партии. Последнее обстоятельство придавало особую остроту как постановке ряда вопросов, так и обоснованию необходимости организации решительного отпора троцкистским и правооппортунистическим фальсификаторам истории, пытавшимся использовать историю для подрыва влияния партии большевиков на массы, ее авторитета как последовательно революционной партии на международной арене, для умаления и отрицания всемирно-исторического значения опыта большевиков в осуществлении социалистической революции, в борьбе за построение социалистического общества.

Итоги дискуссии, зафиксированные в Тезисах совещания, были опубликованы в журнале Института В. И. Ленина при ЦК ВКП(б) «Пролетарская революция»[93]. В том же году вышла в свет стенограмма совещания, что позволило информировать научную общественность страны не только об итогах дискуссии, но и ее содержании, характере проходивших обсуждений.

Оценивая деятельность историков-марксистов 20-х годов, современный историограф не может не признать весьма значительных достижений в разработке ряда важных теоретико-методологических проблем историко-партийной науки, при всех недостатках и ошибках, имевших место в литературе того времени. Среди большого числа вопросов, поставленных в те годы, одно из центральных мест отводилось предмету, задачам, функциям и методам историко-партийной науки. Главным итогом этих поисков и обсуждений явился вывод о том, что историко-партийная наука имеет свой объект и предмет, поэтому является самостоятельной истори-

ческой дисциплиной. Из всех специалистов истории партии первыми дали научное обоснование своей исторической дисциплины, четко, с марксистско-ленинских позиций определили предмет, функции и задачи истории партии, основные направления исследовательской работы, ее связь с практикой социалистического строительства и классовой борьбой переходного периода.

Изучение относящихся к этой проблеме материалов убеждает нас в том, что успешное усвоение исторического опыта деятельности и борьбы Коммунистической партии невозможно без систематического и целенаправленного исследования методологических проблем науки, включая и историографию историко-партийной науки.

Проблема становления историко-партийной науки в 20-е годы разработана еще недостаточно. Преобладание трудов проблемно-историографического характера свидетельствует о явной недооценке тематики иного плана, например о развитии историко-партийной науки в определенные периоды (1917—1923, 20-е годы или переходный период). Остается неизученным развитие историко-партийного источниковедения, археографии, архивоведения. Для такой страны, как СССР, важное значение имеет освещение процесса развития историко-партийной науки в крупнейших регионах страны, в ведущих научных центрах (Москва, Ленинград). Еще недостаточно проанализирована и оценена научная продукция важнейших центров историко-партийной науки — учебники преподавателей комвузов 20-х годов, издания Истпарта ЦК ВКП(б) и его местных отделений, публикации Института Маркса — Энгельса — Ленина, историко-партийная периодика. Отсутствуют обстоятельные исследования о видных историках партии, авторах учебной и научной литературы, работавших в 20—30-е годы, таких, как А. С. Бубнов, М. С. Ольминский, В. И. Невский, Н. А. Скрыпник, В. Г. Кнорин и др., о значении их деятельности в борьбе за утверждение ленинской концепции в советской исторической науке, в историческом образовании. Нуждаются в серьезной разработке проблемы историко-партийного образования, которое прошло в 20—30-е годы сложный путь развития от преподавания истории Коммунистической партии в первых комвузах и совпартшколах до введения в качестве обязательной дисциплины во всех вузах страны. Неоправданно мало внимания историки уделяют проблемам партийного руководства исторической наукой, родоначальником которого был В. И. Ленин.

В современных условиях в связи с усложнением научных задач успешное исследование теоретико-методологических и историографических проблем историко-партийной науки возможно лишь коллективными усилиями специалистов различных отраслей советской исторической науки с учетом достижений и опыта важнейших направлений и задач науки, потребностей коммунистического воспитания и идейной борьбы с противниками социализма и марксизма-ленинизма.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Партия и Великий Октябрь. Историогр. очерк. М., 1976; Злобин В. И. Второй съезд РСДРП. Историография. М., 1976; Шестаков С. В. Историография деятельности большевистской партии в период первой мировой войны и Февральской революции. М., 1977.

[2] Очерки истории исторической науки в СССР, т. IV. М., 1966, т. V. М., 1985.

[3] В. И. Ленин и историческая наука. М., 1968; Маслов Н. Н. Ленин — историк партии. Л., 1969; Городецкий Е. Н. Ленин — основоположник советской исторической науки. М., 1970; Вопросы истории партии в трудах В. И. Ленина. М., 1973; Злобин В. И., Лаврин В. А. Ленинская концепция Второго съезда РСДРП. М., 1983; и др.

[4] Методологические проблемы историко-партийной науки. Киев, 1976; Варшавчик М. А., Спирин Л. М. О научных основах изучения истории КПСС. М., 1977; Маслов Н. Н. Вопросы методологии истории КПСС в произведениях В. И. Ленина. Л., 1980; Его же. Основные проблемы методологии истории КПСС. М., 1981; Его же. Марксистско-ленинские методы историко-партийного исследования. М., 1983; и др.

[5] Девятая конференция РКП(б). Протоколы. М., 1972, с. 97—100.

[6] См.: Леонова Л. С. Исторический опыт КПСС по подготовке партийных кадров в партийных учебных заведениях. 1917—1975. М., 1979.

[7] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 164—165; т. 39, с. 169; т. 41, с. 406 и др.

[8] Маслов Н. Н. В. И. Ленин и советская историография истории КПСС. — В кн.: В. И. Ленин и историческая наука. М., 1968, с. 437.

[9] Очерки истории исторической науки в СССР, т. III. М., 1963, с. 180—188; Волин М. С. Некоторые вопросы историографии партии (дооктябрьский период). — Вопросы истории КПСС, 1960, № 5, с. 156—172.

[10] Резолюция «О работе Института Ленина». — В кн.: Тринадцатый съезд РКП(б). Стеногр. отчет. М., 1963, с. 677—678.

[11] Подробнее об этом см.: Иванова Л. В. Институт Маркса—Энгельса—Ленина. — В кн.: Очерки истории исторической науки в СССР. т. IV, с. 210—225; Идейный арсенал коммунистов, изд. 2-е. М., 1979, с. 60—179; и др.

[12] Девятая конференция РКП(б). Протоколы, с. 97—100.

[13] СУ, 1920, № 80, ст. 386.

[14] См.: Алексеева Г. Д. Октябрьская революция и историческая наука. 1917—1923. М., 1968, с. 30.

[15] Очерки истории исторической науки в СССР, т. IV, с. 528—556 и др.

[16] См.: Иванова Л. В. Коммунистические университеты и их роль в подготовке историков-марксистов в 1918—29 гг. — В кн.: История и историки. М., 1966, с. 120, 125, 134.

[17] Там же.

[18] КПСС в резолюциях..., т. 2, с. 513.

[19] Известия ВЦИК, 1924, 30 янв.

[20] Очерки истории исторической науки в СССР, т. IV, с. 230.

[21] Бюллетень Истпарта, 1921, № 1, с. 12.

[22] Там же, с. 13.

[23] Там же, с. 14.

[24] Там же.

[25] План организации работ Петроградского бюро Истпарта. — Красная летопись, 1922, № 1, с. 339—340.

[26] Там же, с. 340.

[27] Историк-марксист, 1926, т. I, с. 317—318.

[28] Историк-марксист, 1926, т. II, с. 290.

[29] См.: Бубнов А. С. Основные моменты в развитии Коммунистической партии в России. М., 1921.

[30] ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17 (АПО), оп. 60, д. 4, л. 12; д. 166, № 1, 2, 3.

[31] Там же, оп. 60, д. 21, л. 34, 53—54; д. 165, л. 4; Очерки истории исторической науки в СССР, т. IV, с. 528—550.

[32] ЦПА, ф. 17, оп. 60, д. 153, л. 39; д. 299, л. 3; ф. 70, оп. 2, д. 2, л. 2; д. 5, л. 12; д. 216, л. 11—12 и др.
[33] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 60, д. 88, л. 31; д. 166, л. 2—3, 5—8.
[34] См.: Бубнов А. С. Основные вопросы истории РКП. М., 1924, с. 5—6, 19—21.
[35] Там же, с. 50.
[36] См.: Бубнов А. С. Основные вопросы истории РКП, с. 62—63.
[37] Там же, с. 66.
[38] См.: Спиридович А. И. Российская социал-демократическая рабочая партия. Пг., 1913; изд. 2-е. Пг., 1918. Подробнее см.: Маслов Н. Н. В. И. Ленин и советская историография истории КПСС, с. 433.
[39] Бубнов А. С. Основные вопросы истории РКП, с. 71.
[40] Там же, с. 82.
[41] Там же, с. 85.
[42] Большевик, 1926, № 3, 5, 7—8; Вопросы преподавания исторических дисциплин. М., 1926.
[43] Правда, 23 июня 1926 г.; Историк-марксист, 1926, т. 1, с. 317, 320; План работы Коммунистической академии на 1927—1928 гг. М., 1927, с. 53—54, 67—68 и др.; ЦПА, ф. 70, оп. 2, д. 454, л. 64; д. 783, л. 7 и др.
[44] Вопросы преподавания исторических дисциплин, с. 51—53; Очерки истории исторической науки, т. IV, с. 548—549. См. также: Историк-марксист, 1926, т. 1, с. 318.
[45] XV съезд ВКП(б). Стеногр. отчет, т. I. М., 1961, с. 134.
[46] Партия и Великий Октябрь. Историогр. очерк. М., 1976, с. 93—99.
[47] См.: Невский В. И. История партии как наука. — Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов, т. I. М., 1930, с. 88, 93—94.
[48] Там же, с. 92.
[49] Там же, с. 90—91.
[50] Там же, с. 99, 100, 107 и др.
[51] Там же, с. 100.
[52] Там же, с. 103, 109, 111.
[53] Там же, с. 97, 103.
[54] Там же, с. 102, 104.
[55] Там же, с. 102.
[56] Там же, с. 106—107.
[57] Там же, с. 98—99.
[58] Там же, с. 99—100, 108—109.
[59] Очерки истории исторической науки в СССР, т. IV, с. 335—367 и др.
[60] В 1929 г. в составе Общества историков-марксистов была создана Секция истории ВКП(б), ленинизма и Коминтерна (Пролетарская революция, 1930, № 4, с. 197—199).
[61] Вопросы преподавания ленинизма, истории ВКП(б) и Коминтерна. М., 1930, с. 6.
[62] Там же, с. 10.
[63] Там же, с. 13.
[64] Там же, с. 14, 17—18 и др.
[65] Там же, с. 20—22.
[66] Там же, с. 137—138.
[67] Там же, с. 138.
[68] Там же, с. 145—146.
[69] Там же, с. 158.
[70] Там же, с. 178.
[71] Там же, с. 179, 207, 221.
[72] Там же, с. 311.
[73] Там же.
[74] Там же, с. 311—312.
[75] К изучению истории. М., 1946, с. 20.
[76] Историк-марксист, 1929, т. 12, с. 189—213; Этнография, 1929, т. 12, с. 110—118; Вестник Комакадемии, 1929, кн. 35—36, с. 322—325.
[77] Вопросы преподавания ленинизма, истории ВКП(б) и Коминтерна, с. 192, 194, 210—213 и др.

[78] Там же, с. 213.
[79] Там же, с. 199—200.
[80] Там же, с. 176.
[81] Там же, с. 172—173, 187 и др.
[82] Там же, с. 180—181, 202 и др.
[83] Там же, с. 311—312, 316 и др.
[84] Там же, с. 312.
[85] Там же, с. 313.
[86] Там же.
[87] Там же, с. 314.
[88] Там же, с. 220.
[89] Там же, с. 315.
[90] Там же, с. 6, 293—296 и др.; Пролетарская революция, 1930, № 4, с. 197; № 5, с. 251; и др.
[91] Материалы дискуссии по методологии историко-партийной науки. — Вопросы истории КПСС, 1975—1976 гг.
[92] В советской историко-партийной историографии существуют различные точки зрения относительно времени выделения истории КПСС в самостоятельную историческую дисциплину. Так, Н. Н. Маслов писал в 1968 г.: «Несмотря на известные достижения, к концу 20-х годов история партии как наука еще не успела до конца оформиться. В известной мере это относится и к развитию историко-партийной науки в 30-е и 40-е годы» (Маслов Н. Н. Указ. соч., с. 432).
[93] Вопросы изучения и преподавания истории партии и ленинизма. История партии как наука. (Тезисы приняты по докладу тов. Д. Кина). — Пролетарская революция, 1930, № 4(99), с. 168—173.

Н. В. НАУМОВ

«НОВАЯ» КОНЦЕПЦИЯ РЕВОЛЮЦИИ — СТАРЫЕ АНТИСОВЕТСКИЕ МИФЫ

XX век — век беспрецедентных революционных изменений в мире. Его облик определяют «освободительные революции, начатые Великим Октябрем...». **«Великая Октябрьская социалистическая революция стала переломным событием всемирной истории, определила генеральное направление и основные тенденции мирового развития, положила начало необратимому процессу — смене капитализма новой, коммунистической общественно-экономической формацией** [1].

Теория и практика социальной революции всем ходом мирового развития XX в. поставлены в центр современной общественной мысли. Вопрос о причинах, характере и значении революционных изменений в каждой отдельной стране и в мире в целом является предметом острой идеологической борьбы между марксистами-ленинцами и идейными защитниками капитализма, объединившими в своих рядах буржуазных идеологов и ревизионистов различных направлений. В этой борьбе марксисты-ленинцы обращаются к истории Великой Октябрьской социалистической революции, с полным основанием рассматривая ее как проявление наиболее общих, универсальных законов общественного развития.

Советские историки, философы, социологи, изучая историю Великого Октября видят одну из главных своих задач в том, чтобы «вести аргументированную критику буржуазной идеологии, пра-

во- и «лево»-ревизионистских концепций, разоблачать различного рода фальсификаторов истории, пытающихся умалить международное значение Октябрьской революции, пути, пройденного нашей партией и народом, давать решительный отпор антикоммунизму и антисоветизму, оппортунизму всех мастей»[2].

Критика советологии — буржуазной историографии советского общества, в том числе буржуазной историографии Октябрьской революции, стала особенно интенсивно развиваться в нашей стране со второй половины 50-х годов. В настоящее время в советской исторической науке существует целое направление, представители которого сделали предметом своих научных исследований критический анализ работ буржуазных авторов.

Опираясь на строго научный теоретический фундамент марксистско-ленинской теории исторического развития и конкретные труды советских и зарубежных марксистских ученых, советские историки, философы и социологи подвергли глубокому и аргументированному критическому анализу теоретико-методологические основы и наиболее распространенные концепции буржуазной и ревизионистской историографии Великой Октябрьской социалистической революции[3]. Основное внимание в их исследованиях уделяется критике работ буржуазных авторов, вышедших после второй мировой войны, и особенно в 60—70-е годы, которые вполне обоснованно выделяются в качестве отдельного (в советской литературе его принято называть современным) этапа развития буржуазной историографии Октябрьской революции. К этому периоду в США и странах Западной Европы сложился советоведческий политико-идеологический комплекс — сеть центров и институтов по изучению СССР, были подготовлены кадры нового поколения советологов. Масштабы изучения СССР достигли невиданных ранее размеров. В 60—70-е годы резко выросло количество публикаций по всем аспектам современной жизни СССР и его истории. Анализируя буржуазную историографию данного периода, советские исследователи обращают особое внимание на те особенности, которые отличают ее от предшествующей историографии. В этой связи в советской литературе высказывались различные точки зрения. Одни советские исследователи считают, что с конца 50-х — начала 60-х годов буржуазные авторы существенно модифицировали сложившиеся ранее концепции истории Октябрьской революции, придав своим фальсификациям более утонченный характер[4]. Другие считают, что буржуазную историографию 60—70-х годов отличает определенный положительный сдвиг: некоторые буржуазные авторы не только стремятся придерживаться более объективного подхода при освещении отдельных аспектов истории Октябрьской революции, но и открыто отмежевываются от откровенно тенденциозных и фальсификаторских положений (таких, например, как версия о «германо-большевистском заговоре» в 1917 г.)[5]. При этом они делают шаг «в сторону исторических реальностей» и уделяют больше внимания вопросам, которые ранее недостаточно изучались буржуазными историками или же игнорировались вовсе (социаль-

но-экономическое развитие России, революционное движение народных масс в 1917 г. и др.)[6]. Подчеркивается при этом, что «результаты обращения буржуазной историографии к темам и периодам, которые ранее игнорировались, регулируются давлением методологических, а также идеологических установок»[7]. Наконец, некоторые советские исследователи, чья точка зрения представляется нам наиболее обоснованной, главной отличительной чертой буржуазной историографии указанного периода считают изменения буржуазных концепций Октябрьской революции за последнюю четверть века, вызванные появлением на рубеже 50—60-х годов буржуазных социологических теорий («стадий экономического роста», «модернизации» и др.), с которыми «советологи неизбежно должны были соотнести свои изыскания... что подчас приводило к существенным коррективам». В то же время они отмечают, что «в целом правильнее будет рассматривать современную буржуазную историческую литературу об Октябре как логический результат развития и «усовершенствования» существовавших ранее представлений»[8]. В этой связи советские исследователи подчеркивают, что, как и ранее, основные усилия современных буржуазных историографов Октября направлены на доказательства его «незакономерности», «русской исключительности». «Октябрь изображается переворотом: а) происшедшим совершенно случайно, вследствие причудливого совпадения обстоятельств; б) обусловленным исторической спецификой одной-единственной страны — России; в) характерным только для так называемых отсталых стран, вознамерившихся как можно быстрее догнать «передовой» Запад в развитии социально-экономической структуры, складывающейся в основном по западному образцу»[9]. Если первые две версии основаны на крайне субъективной и односторонней абсолютизации отдельных сторон политического и культурного развития России (роли абсолютистского государства, особенностей социальной психологии русских и т. п.), то, аргументируя третью версию, буржуазные историки допускают определенное признание объективной обусловленности Октябрьской революции и изучают процессы социально-экономического развития. При этом историки, придерживающиеся последней версии теории «незакономерности» и «исключительности» Октября, расходятся в интерпретации отдельных аспектов его истории.

В подходе к изучению социально-экономического и политического развития России накануне 1917 г., который противопоставляется марксистско-ленинскому положению о наличии в стране предпосылок социалистической революции, в современной буржуазной историографии выделяются два направления. Представители одного (так называемые «оптимисты») высоко оценивают уровень экономического, социального и культурного развития, достигнутый дореволюционной Россией, и считают (ретроспективно), что в условиях царского режима была реальна «модернизация», под которой они подразумевают возможность решения аграрного вопроса, индустриализации страны и демократизации общественно-

политической жизни по «западному» образцу. Сторонники другого направления («пессимисты») считают, что нельзя было «осуществить быструю индустриализацию страны для ликвидации ее экономической и культурной отсталости, сохранив при этом, с одной стороны, внутреннюю стабильность и, с другой — положение великой державы»[10]. Иначе говоря, если первые исключают возможность социального кризиса, революции, то вторые ее допускают, хотя и не считают неизбежной.

Представители обоих направлений сходятся в том, что главными причинами крушения царизма (его «падения» по общепринятому буржуазными историографами выражению) были тяготы, вызванные мировой войной (историческая закономерность которой отрицается), и «роковые ошибки царизма»[11]. Февральская революция объявляется «единодушной», поскольку в ней объединились под руководством либеральной буржуазии и интеллигенции все классы и социальные слои русского общества. По своей «неожиданности» (революция застала «врасплох» все политические организации и партии, в том числе большевистскую), быстроте свершения и относительной бескровности она была историческим «чудом»[12]. Революция была совершена во имя продолжения войны и проведения буржуазно-демократических реформ. Ей было по силам осуществить эти реформы и решить проблемы социально-экономического и политического развития России.

Однако «роковые случайности» и «ошибки» Временного правительства, «его неспособность сформулировать реалистическую внутреннюю и внешнюю политику для уставших от войны и возбужденных революцией масс»[13] помешали реализации этих преобразований. Часть буржуазных историков делает акцент не столько на неспособности Временного правительства решить стоявшие перед революцией задачи, сколько на невозможности этого в конкретных условиях России 1917 г. (из-за экономической разрухи и войны). Так или иначе, меры, принимавшиеся Временным правительством, не удовлетворяли широкие массы трудящихся, которые были политически «незрелыми» и не понимали, что их требования не осуществимы. Противодействие Советов и других политических организаций рабочих, крестьян и солдат делали меры Временного правительства неэффективными, что усиливало экономический и социальный кризис в стране. Россия после Февральской революции погружается в «анархию». Параллельно развиваются два процесса (две революции): 1) рост недовольства и движения протеста масс; 2) подготовка большевиками свержения Временного правительства[14]. Недовольством масс умело воспользовалась большевистская партия, которая, будучи «тоталитарной»[15], отличалась от других политических партий большей организованностью и дисциплинированностью ее членов и целеустремленностью действий. Объяснив «в простых выражениях народу значение большевистской программы для всех», сумев «разъединить своих противников» тем, что давали народу больше обещаний, чем их противники, «углубляя все кризисы», большевики хорошо под-

готовили и «искусно осуществили свержение Временного правительства военными силами»[16]. В зависимости от степени признания участия трудящихся масс в Октябрьской революции выделяются три версии концепции ее «недемократичности»: а) она была узковерхушечной, совершенной при полной или почти полной пассивности масс; б) большевики захватили власть благодаря тому, что возникшие без их участия массовые движения протеста в промышленных центрах, деревне, армии, национальных окраинах расшатали фундамент существовавшего режима; в) большевистская партия сумела с помощью разных «хитростей» навязать массам свои идеалы, руководство и методы борьбы с Временным правительством[17]. В результате Октябрьской революции в России была установлена власть большевистской партии и поскольку эта партия по своей организационной структуре и методам управления «тоталитарна», то политический строй, рожденный Октябрем, как бы он ни назывался, был «тоталитарным» по своей сути[18].

Таковы основные положения современной буржуазной историографии Октябрьской революции. Все они, как и их модификации (бóльший или меньший акцент на «волюнтаризме» В. И. Ленина или «тоталитарном» характере большевистской партии, бóльшая или меньшая степень признания участия народных масс в Октябрьской революции и т. п.), не являются, на наш взгляд, принципиально новыми для историографии 60—70-х годов. Все они содержатся в исследованиях буржуазных авторов, вышедших в 20—50-е годы, и своими истоками уходят в русскую и зарубежную буржуазную и мелкобуржуазную публицистику 1917 г. и первых послереволюционных лет[19]. Поэтому, говоря об эволюции буржуазной историографии, следует иметь в виду, на наш взгляд, что речь идет не столько о ее развитии, сколько о своего рода «вращении» буржуазных историков в кругу одних и тех же концептуальных положений, различные сочетания которых в разные периоды служат основой буржуазных концепций. Это обусловлено тем, что главные цели и задачи буржуазной историографии на протяжении почти 70 лет остаются неизменными.

Подвергнув критическому анализу эти положения, советские исследователи вскрыли их полную научную несостоятельность и политическую тенденциозность и указали на очевидную логическую противоречивость основанных на них буржуазных концепций Октябрьской революции. Читатель работ буржуазных историографов Октября не может найти в них рационального ответа на ряд вопросов. Почему все-таки большевики сумели привлечь на свою сторону трудящиеся массы, тогда как Временное правительство, располагавшее государственным аппаратом и средствами массовой информации, оказалось в полной изоляции? Если Октябрьская революция была «случайным» событием в мировой истории, то почему революции, подобные ей, произошли в ряде государств Европы, Азии и Латинской Америки? Если Октябрь был чисто русским явлением, то почему его идеи вдохновляли и вдохновляют на борьбу миллионы угнетенных во всех странах мира?

Большинство буржуазных историков, следуя антисоветским и антикоммунистическим стереотипам, игнорируют внутреннюю противоречивость своих концепций, сохраняют приверженность традиционным историческим схемам, что обусловливает крайнюю живучесть устаревших положений и тезисов (например, тезис о «заговорщическом» характере Октябрьской революции и др.). Наряду с этим на всех этапах эволюции буржуазной историографии существуют историки, пытающиеся преодолеть логические противоречия буржуазных концепций Октября, которые с очевидностью обнаруживаются при сопоставлении их с исторической реальностью. Обычно таких историков принято относить к буржуазно-объективистскому, «умеренному» направлению в буржуазной историографии. Они вносят в свои концепции изменения (определенный подбор положений и фактов, а также использование круга источников), которые учитывают новейшие буржуазные социологические теории и историко-философские схемы. Так было в 20—30-е годы, когда усиленно разрабатывалась, главным образом американскими социологами (К. Бринтоном, П. Сорокиным, Л. Эдвардсом, Д. Питти), «социология революции». Так было в 60-е годы, когда появились теории «модернизации» («стадий экономического роста», «индустриального роста», «конвергенции») и др. В этой связи в советской литературе отмечалось появление в 60-е годы небольшой группы авторов (Т. Фон Лауэ и др.), которые, рассматривая Октябрьскую революцию в рамках теории «модернизации», в определенной степени признавали, если не историческую закономерность, то по крайней мере возможность революции подобного типа для так называемых отсталых стран и тем самым мировое значение Октябрьской революции [20]. Наряду с умеренным, «академическим», направлением в буржуазной историографии существует и крайне реакционное течение, представители которого, отказываясь признать факты исторической реальности и, как правило, вопреки им, также модифицируют свои концепции с учетом консервативных или реакционных социологических теорий (таких, как теория «тоталитаризма»).

Коррективы, внесенные в 60—70-е годы в концепции историографами различных направлений с учетом всех указанных выше социологических теорий, были охарактеризованы советскими исследователями [21].

Вместе с тем нам представляется, что советские исследователи, анализируя буржуазную историографию 60-х — начала 80-х годов, не уделили в достаточной степени внимания изменениям в концепциях Октябрьской революции, связанным с появлением и развитием «нового» направления в изучении социальных революций, получившего в указанный период в США и странах Западной Европы широкое распространение. Речь идет о пересмотре причин и значения социальных революций в развитии общества. Этот пересмотр начался с нападок на «классическую» концепцию Французской буржуазной революции конца XVIII в., которая развивалась в работах М. Мишле, Ж. Жореса, А. Матьеза, Ж. Лефевра

и др. В середине 50-х годов против нее выступил ряд историков США и Англии (А. Коббен, Д. Тэйлор и др.), объявивших «интерпретацию революции с точки зрения замены феодализма буржуазным капиталистическим порядком» историческим мифом. Под лозунгом «демифологизации» провозглашалась необходимость «переосмысления» Французской революции. В конце 50-х — начале 60-х годов в это «переосмысление» включились эпигоны французской историографической школы «Анналов» — Ф. Фюре, Д. Рише, П. Шоню, Ф. Крузе, Ш. Моразе, развернувшие с середины 60-х годов «атаку по всему фронту» против Французской революции [22]. Основной тезис, усиленно разрабатываемый представителями этого, по оценке известного французского историка А. Собуля, «ревизионистского течения», состоит в том, что Французская революция, хотя и вызвала определенные идеологические и политические изменения в обществе, тем не менее не была социальным переворотом, знаменовавшим рубеж двух эпох. Утверждения о ее социальном характере, по их мнению,— «миф», внедренный в общественное сознание США и стран Западной Европы вследствие односторонней и традиционно-сложившейся «якобинской» трактовки ее истории. Представители «ревизионистского течения» призвали осуществить пересмотр не только истории Французской революции, но и всех буржуазных революций XVII и XVIII вв.

Советские исследователи вскрыли идейно-политическую сущность «демифологизации» истории социальных революций, справедливо указав, что под этим лозунгом буржуазные историки пытаются внедрить в общественное сознание антиреволюционные идеологические стереотипы [23]. Как подчеркнул советский историк А. З. Манфред, «стрелы, направленные против Французской революции 18 в., целят дальше,— это стрелы и против Великой Октябрьской социалистической революции, могущественного Советского Союза, против мировой системы социализма, против рабочего и национально-освободительного движения, против всех демократических, прогрессивных сил, с которыми связано будущее человечества» [24].

В 60—70-е годы, когда осуществлялись «переосмысление» и «демифологизация» истории Французской буржуазной революции XVIII в., французскими буржуазными историками, философами и социологами вновь были поставлены и широко обсуждались проблемы теории и методологии изучения истории социальных революций, шла переоценка их места и значения в развитии общества.

Повышенный интерес во Франции к теоретико-методологическим проблемам социальных революций нашел отражение прежде всего в усиленной разработке буржуазными социологами со второй половины 60-х годов так называемой «социологии революции».

В октябре 1968 г. в Париже состоялся коллоквиум на тему «Социология мутаций», на котором впервые в истории французской буржуазной социологии обсуждался вопрос о причинах, ха-

рактере и значении революционных кризисов. Материалы коллоквиума, содержащие статьи и выступления Ж. Лапьерра, Ж. Дювиньо, И. Бурде, И. Гасселя, П.-А. Шомбар де Лова, Ж. Горели, А. Декуфле, были изданы в 1969 г.[25] Проведение коллоквиума положило начало публикации во Франции работ А. Декуфле, Ж. Монро, Ж. Эллюля, Ж. Башлера и других социологов, в которых рассматривались различные теоретические аспекты «социологии революции»[26].

Активное участие в разработке философских аспектов социальных революций приняли с конца 60-х — начала 70-х годов так называемые «новые философы» — Ж.-М. Бенуа, А. Глюксманн, Ж.-П. Долле, Б.-А. Леви, Ж.-Э. Лярдро, Ж.-Ф. Ревель и др.[27]

Усиленное внимание к теоретико-методологическим проблемам социальной революции было обусловлено обстановкой глубокого и острого идеологического и политического кризиса, вызванного массовыми революционными выступлениями учащейся молодежи и рабочих Франции весной 1968 г. Не случайно, объясняя причины проведения коллоквиума социологов и философов и публикации его материалов, один из крупнейших французских буржуазных социологов Ж. Баландье писал: «Самая непосредственная актуальность приковывает внимание... к концепциям революции»[28].

Разработка теоретико-методологических проблем социальных революций велась французскими буржуазными обществоведами в 60—80-е годы под знаком воинствующего антимарксизма и антикоммунизма. Признавая, что «марксизм стал господствующей идеологией современного мира»[29] и что «XX век верит в революцию»[30], французские социологи и философы в очевидном противоречии с логикой и фактами исторической реальности предваряли свои новейшие исследования утверждениями о том, что якобы все социальные революции XX в. и особенно социалистические революции закончились «крахом»[31], и провозгласили, как это уже неоднократно делалось буржуазными обществоведами, марксизм «идеологией, ничем не связанной с действительностью»[32].

Следует отметить, что «новейшие» изыскания французских философов, социологов и историков сопровождались не только попытками «преодолеть» марксистско-ленинскую теорию социальных революций, «подняться» над марксизмом, но и критическими замечаниями в адрес американской социологии (особенно сторонников структурно-функционального анализа и американской «социологии революции»)[33], что должно было, по замыслу французских исследователей, подчеркнуть «объективный» и «новаторский» характер их работ.

Французские философы, социологи и историки в своих работах 60—80-х годов заявляли, что они пытаются дать новый ответ на вопросы о причинах, характере и значении социальных революций в развитии общества, выработать «новую» концепцию революции (по их терминологии, «новое представление о революции»)[34]. Отвергая традиционный для западной социологии и философии подход к анализу революций, они выступили с идеей

«анализа революционного общества исключительно в отношении к самому себе»[35]. Рассматривая революцию как одну из форм конфликта в обществе, однопорядкового с войнами, мятежом и т. п., французские «социологи революции» выдвинули положение о том, что «в определяющей степени революция является феноменом не структуры, а конъюнктуры»[36] и что «не существует революционных обстоятельств, существует революция, которая питается обстоятельствами»[37]. Таким образом, исследования революционных процессов предполагалось осуществлять вне связи с предшествующим им социально-экономическим и политическим развитием общества. Исходя из положения о том, что революция, как и любое проявление конфликта в обществе, обусловлена «социальным поведением» классов и групп (имеет «антропологические корни»)[38], французские «социологи революции» ограничили разработку «новой идеи революции» поисками в чисто субъективной сфере, в «ментальных» проявлениях[39] — в области общественной психологии. «Революция... основывается на замысле («проекте») иного мира, воспринимаемого еще до того, как он построен,— утверждает А. Декуфле,— поэтому она должна анализироваться прежде всего в своих ментальных коллективных проявлениях», а уж потом «в своих актах»[40]. При таком подходе к изучению революции она определяется в первую очередь как новый тип исторического сознания, связанный с характером ситуации, но не определяемый ею[41]. Само же революционное сознание «с самого начала является постоянным преувеличением идеи над реальной историей, словно стремится восстановить в воображении распадающуюся в реальности социальную общность»[42]. Поэтому революция — «одна из форм социального воображаемого... коллективное образование идей, которое определяется в большей степени структурированной мечтой, коллективным бессознательным»[43]. Такова субъективная сторона революционного процесса. Но почему в обществе возникает революционный кризис? Почему появляется «революционный проект»? На эти вопросы философы и социологи революции дают объяснение, в основе которого лежит традиционное положение буржуазной социологии и философии о государстве как надклассовом органе, стоящем над обществом. «Общество в целом может осознать себя только в отношении к государству... воплощению всеобщности, которое находится как бы вне общества»[44]. Это осознание предполагает, по мысли буржуазных философов и «социологов революции», отчуждение государства от общества и постоянную борьбу общества против власти государства, которое оказывает давление на общество. Общество мирится с государством до тех пор, пока последнее обеспечивает «циркуляцию элит», регулярную смену «управляющих». Но когда «циркуляция перекрывается одряхлевшей элитой старого порядка», происходит революция[45].

Отвергая марксистско-ленинский анализ причин революционного кризиса, французские философы, социологи, историки считают, что «следует углубить концепцию революционной ситуации»,

и выдвигают следующую ее характеристику: «...предварительный вакуум власти и государства, кризис господствующих классов, параллельная и автономная мобилизация народных масс, выработка одновременно манихейской и в большей степени интегративной идеологии — вот те черты, которые кажутся необходимыми для прояснения чрезвычайной диалектики революционного... феномена. Революция не является только «скачком» из одного общества в другое, это также совокупность форм, с помощью которых гражданское общество, внезапно «открытое» кризисом власти, освобождает все слова, которые носит в себе» [46]. Как видим, признание некоторых объективных фактов истории социальных революций (кризиса господствующих классов, мобилизации народных масс) сопровождается таким объяснением революционной ситуации и революционной борьбы после свержения старой власти, которое полностью игнорирует их классовое содержание. Естественно возникает вопрос: в чем же содержание борьбы в «революционном обществе», свергнувшем старую власть? Ответ на этот вопрос, при всех незначительных расхождениях точек зрения буржуазных ученых, сводится к следующему. Общество в целом или его наиболее активная политическая часть, которую философы и «социологи революции» называют «плебсом», «публикой», «толпой» [47], руководствуется бессознательно в своей борьбе идеей новой власти. Выражая субъективные желания участвующих в революции людей, «революционный проект» основывается на «революционном мифе» [48], который по сути своей является не чем иным, как выражением бессознательного «государственного интереса» [49]. В период революции в обществе, освободившемся от старой власти («наложение общества на себя самого»), идет соревнование за власть — политическая борьба между различными социальными группами, каждая из которых имеет свое представление о власти («новую учредительную законность») [50]. При этом власть рассматривается как некая сила, которая воплощается в государстве, всегда противостоит обществу и «которая не меняет своей природы» [51]. Более того, различные социальные группы, руководствуясь «бессознательным государственным интересом», борются в конечном итоге за «оживление старого порядка» (!), за «чистку его самого, особенно если это очищение принимает форму отрицания, так как отрицание является катарсическим...» [52]. Объясняют этот «феномен» революционной практики социологи и философы следующим образом: поскольку социальная революция это прежде всего «революция умов, подготовленная наукой интеллектуалов» [53], различные социальные группы в обществе руководствуются в политической борьбе идеей власти, в основе которой представление о старой власти, ее зеркальное отражение. Поэтому, например, если революция свергает абсолютизм, то в обществе происходит борьба за установление власти, абсолютистской по своей сущности [54]. Как только проходит «романтическое и социальное опьянение, являющееся самым надежным двигателем революции (!), та постоянная структура, каковой является власть, восстанавливает свою роль» [55].

Поэтому главное содержание социальной революции — развитие государства, которое объявляется «метафизическим злом»[56]. В чем же тогда значение революции, ее социальная эффективность? Лишь в том, отвечают французские философы и «социологи революции», что она способствует «циркуляции элит...». «Народ никогда не свершает революции, но лишь участвует в них... никогда не захватывает власть, но позволяет взять ее элите»[57]. Происходит «финальное установление нового порядка (а если следовать логике «социологов революции», восстановление старого.— *Н. Н.*) новыми уполномоченными»[58]. Такая оценка значения революции для социально-экономического и политического развития общества представляет собой, по существу, лишь модификацию традиционного положения западной, в первую очередь американской, «социологии революции» о «неизбежности» термидорианского переворота и, следовательно, «ненужности» и «бесполезности» революции для общественного развития[59]. Однако французские социологи и философы не ограничивают свои «изыскания» доказательством этого традиционного положения. Их работы нацелены в первую очередь на обоснование тезиса, призванного «усилить», «углубить» характеристику социальных революций как явлений не только «ненужных», «бесполезных», но и крайне «вредных», «опасных», «тормозящих» социальный прогресс[60]. Это тезис о «тоталитарном» характере общественно-политического строя, рождаемого революцией. Сам по себе этот тезис не является совершенно новым для западной социологии и философии. В самой общей формулировке его высказывали в 50—60-е годы американские советологи Р. Дэниэлс, Х. Арендт и др. Обосновывался он, как правило, психологией «толпы» и «человека массы — естественного тоталитариста» в период революционных кризисов[61]. Французские философы и «социологи революции» пытались углубить «психологическое» обоснование «тоталитарного» характера массового народного революционного движения, выдвинув положение о «революционном проекте». Основываясь на «идее революции», которая представляет собой проявление «социального воображаемого», «в большей степени структурированной мечты», «коллективного бессознательного», «революционный проект» «тоталитарен в своей всеобщности»[62]. «Всеобщность» состоит в том, что в революции возникает некий «народный суверенитет», который «по своей природе тоталитарен... он занимает все пространство революционной повседневности... и порождает на свой лад, по собственному желанию или капризу, праздник, борьбу, справедливость, террор»[63]. Но поскольку в конечном итоге в основе действия революционных масс лежит «бессознательный государственный интерес», то «во время революции государство продолжается и усиливается»[64]. «Тоталитарная перспектива заключена в самой логике государства...»[65] Поэтому «революция... движется к чистой демократии только затем, чтобы лучше обеспечить на новом уровне абсолютистскую традицию»[66]. В результате революции происходит усиление государства, превращение его в «тоталитарное». Равновесие между

обществом и государством нарушается в пользу последнего. Отчуждение личности, характерное для капитализма, усиливается. Государство тормозит экономическое, социальное и культурное развитие общества [67]. Таковы наиболее существенные положения, составляющие «новую» историко-философскую концепцию социальной революции, разработанную французскими социологами, философами и историками в 60—80-е годы. Работы их, рассмотренные нами выше и содержащие эти положения, отмечены крайним эклектизмом. Нельзя не заметить, что они несут на себе отпечаток влияния традиционных буржуазных социологических теорий («элит», «индустриального общества», «модернизации», «конвергенции», «массового общества», «тоталитарного общества» и др.). Чрезвычайная условность и внешняя усложненность их понятийного аппарата делают эти работы трудно понимаемыми для рядового читателя [68].

Однако их классовая сущность, идеологическая и политическая направленность очевидны. Защитить капиталистический общественный строй и буржуазное государство, обосновать на «новом» теоретическом уровне их «незыблемость», навязать читателю идею о «случайном», «незакономерном» характере социальных, в первую очередь социалистических пролетарских, революций, скомпрометировать революционную идеологию [69], выработать для господствующего класса капиталистического общества «рецепт» борьбы с растущим революционным движением трудящихся масс, «запугать» интеллигенцию, учащуюся молодежь, средние слои города призраком «террора» и «тоталитаризма», представив их «неизменными спутниками революции»,— таковы истинные цели мнимо научных историко-философских и социологических построений французских буржуазных теоретиков социальной революции. Идейно-политическая направленность их концепций, их подлинный теоретический уровень, их «научная новизна» выступают особенно явственно, когда упомянутые французские философы, социологи и историки пытаются анализировать и дать оценку отдельным аспектам истории Великой Октябрьской социалистической революции. Освещение величайшей в истории человечества социальной революции сводится в их работах к повторению избитых и самых примитивных антимарксистских и антисоветских мифов буржуазной историографии. Россия накануне 1917 г. изображается страной крайне отсталой, в которой отсутствовали социально-экономические и политические предпосылки для социалистической революции [70]. Великая Октябрьская социалистическая революция поэтому осуществлялась «вопреки Марксу» и была «авантюрой бланкистского толка», «путчем» [71]. Ленинизм объявляется «путчизмом» [72] и противопоставляется, как это делалось уже неоднократно на протяжении десятков лет буржуазными идеологами, марксизму. Октябрьская революция — «заговор кучки интеллектуалов», в котором принимал участие не столько пролетариат [73], сколько солдатские массы [74]. По своему характеру Октябрьская революция — «буржуазная» [75], общественный строй, установленный в нашей

стране после ее победы,— «государственный капитализм»[76]. Никакой диктатуры пролетариата, который «исчез» к концу гражданской войны[77], установлено не было. В результате «циркуляции элит» к власти в Советской России пришел новый «технократический класс» (или «большевистская бюрократия»)[78]. Обращение французских буржуазных обществоведов к положениям историографии, бо́льшая часть из которых отвергается не только буржуазными историками умеренно объективистского, но и некоторыми историками консервативного толка, убедительно свидетельствует о методологической несостоятельности их теоретических схем. Разрабатываемая ими методология изучения истории социальных революций служит для построения концепций крайне субъективистского толка, в которых при исследовании истории Октября игнорируются генетические связи всех сторон сложного и диалектически противоречивого революционного процесса в России в 1917 г.

Поскольку общество в период революции должно рассматриваться «исключительно в отношении к самому себе», то анализ предреволюционного социально-экономического и политического развития общества должен оцениваться безотносительно к революционному кризису в этом обществе. Таким образом, любая самая субъективистская оценка этого развития оправдана, и, например, спор между «оптимистами» и «пессимистами» не имеет принципиального значения. С другой стороны, объективистская, а у некоторых авторов и объективная (работы Р. Порталя и Р. Жиро) оценка его, характерная для французской историографии 60—70-х годов, также не ставится в причинную связь с Февральской и Октябрьской революциями и нередко сочетается в работах буржуазных советологов с крайне тенденциозным и антинаучным объяснением причин и характера революций. Нельзя в этой связи не обратить внимания на тот факт, что французские историки, как и большинство западноевропейских и американских авторов, обрывают анализ социально-экономического развития России 1914 годом[79], тем самым подчеркивая, что причины революционного кризиса следует искать только в чрезвычайных условиях, порожденных первой мировой войной.

Поскольку в период революции выступления различных слоев определяются «революционным проектом», «социальным воображаемым», «бессознательным государственным интересом», «революционным мифом», постольку механизм революционного процесса объясняется «психологией индивидуума» или «плебса» («толпы»). Линия, разделяющая силы, противоборствующие в революции, проводится буржуазными социологами не между классами, а в области «извечной» борьбы между обществом и государством. Суть же этой борьбы сводится к упрочению государства, в котором общество вновь «осознает себя». Классовый характер политического строя, возникшего после социальной революции, игнорируется, зато подчеркивается его якобы «традиционность, которая придает ему характер «тоталитарности».

Отвергая связь революции с глубинными процессами социально-экономического, политического и идеологического развития общества, игнорируя классовое содержание и классовые цели революционной борьбы, извращая характер нового общественного и политического строя, установленного в результате социальной революции, французские историки, философы и социологи, по существу, подхватили и на «новом» теоретическом уровне и в новом социально-политическом и историческом контексте повторили отдельные положения антиреволюционных концепций историков и философов XIX — начала XX в. (А. Токвиля, И. Тэна, Ф. Гизо, О. Кошэна и др.) [80].

Несмотря на крайний идеализм и иррационализм теоретических схем философов и «социологов революции» и критические замечания в их адрес со стороны некоторых буржуазных историков и социологов [81], их работы оказали и оказывают существенное влияние на общественно-политическую и идеологическую жизнь Франции. Идеологические и методологические установки, разработанные ими и широко разрекламированные буржуазными средствами массовой информации и научной печатью, сыграли заметную роль в идеологической борьбе во Франции 60—70-х годов и сказались на исследованиях истории социальных революций, в том числе Октябрьской [82]. Влияние это, зачастую непрямое, завуалированное и, как правило, не признаваемое самими буржуазными историками, тем не менее обнаруживается при рассмотрении новейших буржуазных концепций Октябрьской революции. В этой связи особый интерес представляет анализ работ крупнейшего современного французского историографа Октябрьской революции Марка Ферро. М. Ферро — один из директоров журнала «Анналы», старший научный сотрудник Центра по изучению СССР и славянских стран Школы высших исследований в социальных науках в Париже. Он автор работы «Революция 1917 г.» (первый том — «Революция 1917 г. Падение царизма и истоки Октября» — опубликован в 1967 г.; второй том — «Октябрь: рождение одного общества» — в 1976 г.) [83]. В 60—70-е годы несколькими изданиями вышла книга «Русская революция 1917 г.» [84] — краткий очерк истории Октябрьской революции, содержащий основные положения его двухтомной работы. Отдельные аспекты истории Октябрьской революции были освещены им в ряде статей, опубликованных в исторических и общественно-политических журналах [85]. В 1980 г. Ферро издал небольшую по объему книгу «От Советов к бюрократическому коммунизму» [86], где подытожил результаты своего изучения Октябрьской революции и в концентрированном виде изложил свою методологию. Отдельные аспекты монографий и статей М. Ферро, опубликованных в 60-х — начале 70-х годов, были рассмотрены советскими исследователями [87], которые обратили, в частности, внимание на освещение французским историком социально-экономического и политического развития России накануне 1917 г. В этой связи отмечалось, что, игнорируя целостно-формационную сущность социально-экономической структуры предреволюционной России,

Ферро дает ей оценку, в которой признается сравнительно высокий уровень развития капитализма в России, особенно в промышленности. Однако это развитие рассматривается им лишь как один из факторов (наряду с географическим, демографическим, социально-психологическим и др.), определявших социально-экономическое и политическое развитие России накануне 1917 г. Классовую борьбу между пролетариатом и буржуазией, между крестьянами и помещиками Ферро, хотя и признает, тем не менее не считает главным фактором социального развития. В своих работах второй половины 70-х — начала 80-х годов причины социального кризиса, вызвавшего Февральскую революцию и приведшего к свержению царизма, Ферро ищет в «отношениях общества с учреждениями, которые оно порождает». Повторяя, по существу, положения французских философов и «социологов революции», он утверждает: «Различные учреждения удовлетворяют или нет коллективные нужды граждан. Революции рождаются из-за разрыва этой гармонии. Они отменяют общественные и политические институты, которые не соответствуют нуждам и требованиям граждан, и заменяют их другими институтами»[88]. До 1914 г. царизм, по мнению Ферро, в основном удовлетворял «нужды и чаяния граждан», обеспечивая себе поддержку и сотрудничество со стороны общества. Однако первая мировая война привела к «неспособности или бессилию администрации, порожденных ее конфликтами с военной властью»[89]. Начался «распад государства», который сопровождался ростом влияния и роли «общественных» организаций, к которым Ферро относит буржуазные политические партии, объединения предпринимателей, союз Красного креста и т. д. Их роль в годы первой мировой войны, по мнению Ферро, настолько возросла, что фактически они управляли экономическими и общественными делами в стране. Характеризуя эти «общественные» организации и их деятельность, Ферро подчеркивает, что они «свидетельствовали о жизненности общества, которое само организовывалось перед лицом... администрации»[90]. Так, в российском обществе готовилась замена старой власти, которая и произошла в феврале 1917 г.[91] «Государство распадается — общество заменяет его» — такова суть Февральской революции, по Ферро[92].

Отличительной чертой работ М. Ферро является повышенное внимание автора к революционному движению трудящихся масс России в период от Февраля до Октября 1917 г. Анализ этого движения, его целей и результатов находится в центре исследования французского автора. В первом томе «Революции 1917 г.» две главы, названные «Тетради русской революции», посвящены экономическим, социальным и политическим требованиям рабочих, крестьян, солдат и нерусских наций и народностей России, выдвинутым ими после свержения царизма. Работа в центральных исторических архивах СССР, хорошее знание советских документальных публикаций по истории Октябрьской революции позволили Ферро на основе анализа значительного количества исторических документов выявить и обобщить основные требования тру-

дящихся по коренным проблемам революции. Во 2-й части второго тома, озаглавленной «Рождение одного общества», 4 главы из 5 посвящены анализу революционного движения нерусских наций и народностей России, крестьян, рабочих и деятельности политических и профессиональных организаций, созданных трудящимися в ходе революции (Советов, ФЗК, профсоюзов, Красной гвардии и т. д.) [93]. Повышенное внимание к революционному движению трудящихся масс в 1917 г. можно было бы отнести к положительным чертам работ Ферро, тем более что освещение этого важнейшего аспекта истории Великой Октябрьской социалистической революции в работах современных буржуазных авторов является крайне тенденциозным и подчинено доказательству различных версий ее «недемократичности», о которых говорилось выше. Однако методология исследования революционного движения, на которой основаны работы Ферро, отмечена явным влиянием несостоятельных в научном отношении современных буржуазных социологических теорий.

Так, анализируя расстановку социальных сил после Февральской революции, Ферро руководствуется критериями, которые обнаруживают с очевидностью его приверженность теории «социальной стратификации» общества. Советские социологи и философы дали в своих работах исчерпывающую оценку методологии и социально-политической сущности этой теории [94], подчеркнув ее направленность против марксистского учения о классах как основных, системообразующих элементах общества. Игнорируя объективные критерии социальной дифференциации, в первую очередь отношение различных социальных классов и групп к средствам производства, буржуазные социологи и историки искусственно расчленяют общество на множество слоев (страт), каждый из которых определяется на основе одного или нескольких факторов (пол, возраст, национальная принадлежность, образовательный уровень, территориальная и религиозная общность и т. д.); ведущая роль классов в социальной структуре и классовой борьбы в социальном развитии общества отрицается.

Следуя теории «социальной стратификации», Ферро подчеркивает, что каждая личность обладает многими чертами. «Каждая из этих черт лежит в основе специфической солидарности присоединения или участия, каждая учреждает свое поле надежды и веры, создавая свои символы, определяет ритуалы, правила и принуждения» [95]. Поэтому, продолжает рассуждать Ферро, «столкновения в ходе революции противопоставили, конечно, антагонистические социальные группы (хозяева — рабочие, помещики — крестьяне, русские — нерусские), но также граждан одной и той же группы, которые по-разному оценивали свою личность, не сводя ее лишь к одному из этих признаков» [96].

Таким образом, исходные методологические принципы изучения Ферро революционного движения трудящихся масс очевидны. Признается классовая солидарность трудящихся, но она, по существу, объявляется равнозначной другим формам «специфиче-

ской солидарности» (национальной, территориальной, возрастной, половой, профессиональной, идеологической). Признается классовая борьба, но она рассматривается как разновидность, как одна из форм политической борьбы отдельных групп и граждан.

Рассматривая расстановку социальных сил после Февральской революции на основе тезиса о «специфической солидарности», Ферро приходит к идее «множественности революций», высказанной Ф. Фюре, А. Глюксманном, К. Лефором и другими буржуазными исследователями социальных революций. В 1917 г., по его представлению, было четыре революции: «национальная», «революция в деревне», революция в городе — «труд против капитала», наконец, «солдатская революция»[97]. Эти четыре революции воплотились в четырех революционных потоках: ранее угнетенных нерусских наций и народностей, крестьян, рабочих, солдат. Каждая из этих социальных групп имела как общие, так и, особенно, специфические интересы. Объединяло их нежелание реставрации старой власти и стремление к прямой демократии. «Для граждан новой России проблема заключалась не в том, чтобы ими лучше управляли или чтобы избрать иной способ существования, а в том, чтобы править самим. Всякая представительность власти была в их глазах бесчестной, всякая власть невыносимой»[98]. Ограничив общность интересов различных социальных классов и групп лишь сферой прямой демократии, народоправства, Ферро постоянно подчеркивает противоположность их экономических и социальных интересов. Отношения «нерусских» к «русским» приравниваются Ферро, как это видно из уже приведенного выше его высказывания, к борьбе, носившей антагонистический характер.

Характеризуя «крестьянскую революцию», он подчеркивает, что она шла в условиях «изоляции русской деревни». «...В России эта изоляция деревни и размежевание общества и культуры уходят в глубь веков. Они явились результатом длительной войны, которую государство вело против крестьянства с целью подчинить его и прикрепить к земле»[99]. Ферро признает нежелание Временного правительства (в традициях западной советологии он говорит, что оно не могло) удовлетворить требования крестьян и подчеркивает переход крестьян в борьбе за землю от стихийных к организованным формам. Выделяя два этапа революционного движения в деревне в 1917 г., он справедливо отмечает, что «на первой волне революция затронула крупных земельных собственников, на второй — всех собственников»[100]. Однако, по мнению Ферро, все эти процессы не определяли характера революционного движения в деревне. Настроение крестьянства обусловливалось в первую очередь «грузом прошлого, борьбой деревни против города, города против деревни»[101]. Русский крестьянин не мог забыть, что «город в действительности был тем местом, где издревле крестьянина били или обманывали... В 1917 г. репрессии тоже пришли из города. Освободившись от помещика, он опять враждовал с городом, своим вечным врагом»[102]. В равной степени, продолжает Ферро, «во все времена горожане испытывали страх перед

крестьянами». Признавая классовую борьбу в деревне, Ферро подчеркивает, что «гораздо более живой была общая враждебность класса крестьян по отношению к горожанам, к представителям власти (кем бы они ни были), чем конфликты, разделяющие крестьянство, которые не были решающими» [103].

Оценка революционного рабочего движения — борьбы «труда против капитала» — также является непоследовательной и противоречивой. Так, Ферро признает антирабочий характер политики Временного правительства (хотя при этом вновь подчеркивает, что оно не могло удовлетворить самые насущные требования рабочих), «из чего буржуазия сделала вывод: не уступать ни в чем» [104]. Он отмечает обострение классовой борьбы и рост революционных настроений пролетариата. «Анализ классовой борьбы на заводах в период между февралем и октябрем обнаруживает переход рабочих от реформистской позиции к революционному действию. В феврале ожидания рабочих ограничивались надеждой, что свержение царизма приведет к улучшению их положения. В октябре они наполовину контролировали предприятия и стремились к участию в управлении» [105]. Ферро искажает положение с рабочим контролем на предприятиях России накануне Октябрьского вооруженного восстания. Даже спустя более полугода после него — к середине 1918 г. — органы рабочего контроля существовали лишь на четверти учтенных Советским правительством предприятий [106]. Нарочито преувеличенная оценка результатов борьбы пролетариата за введение рабочего контроля на производстве понадобилась Ферро для аргументации его положения о стремлении трудящихся масс России к прямой демократии, к самоуправлению. Не отрицая классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией, Ферро ищет вместе с тем антагонистические противоречия внутри пролетариата, говорит об отсутствии в нем единства. «Это разделение (пролетариата. — *Н. Н.*) отражало не только, как это традиционно принято считать, идеологические антагонизмы (большевизм — меньшевизм, марксизм — народничество), но скорее антагонизмы, связанные с выполняемыми обязанностями на заводе, с возрастной разницей отдельных групп» [107]. Определяющими чертами революционного движения солдат называются их недисциплинированность, патриотизм и сопротивление любой власти [108].

Исходя из того, что социальные и экономические интересы различных классов трудящихся были «противоположны» и даже «несовместимы», Ферро противопоставляет различные революционные потоки. Так, по его мнению, крестьяне «были настроены более решительно действовать по-революционному», нежели рабочие. Ферро игнорирует тот факт, что требования рабочих носили антикапиталистический характер и могли быть реализованы лишь в результате пролетарской революции, тогда как революционное движение крестьян, принявшее форму «крестьянской войны», хотя и было по форме до октября 1917 г. более радикальным (поскольку речь шла о насильственной экспроприации помещичь-

ей собственности), тем не менее в основном не выходило за рамки буржуазно-демократической революции. Ферро противопоставляет также требования «инородцев», рабочих, крестьян и солдат программам политических партий, выступавших от их имени. По его мнению, и рабочие, и крестьяне, и «инородцы» очень плохо знали программы партий, а «партийные деятели, с их стороны, не знали подлинных чаяний населения»[109]. Правда, эти утверждения Ферро сопровождает оговорками о том, что «только Ленин... обладал взглядами по национальному вопросу, которые соответствовали нуждам большой части нерусских народов»[110].

Не являлись выразителями народных интересов, по мнению Ферро, и Советы рабочих и солдатских депутатов. Следуя своей точке зрения о расхождении социальных и экономических требований различных классов трудящихся, Ферро приводит данные о том, что из 519 Советов, учтенных в июне 1917 г., только 28 были чисто рабочими, 101 — рабочими и солдатскими, 305 — рабочими, солдатскими и крестьянскими, и на этом основании делает вывод: «Советы не столько выражали интересы одного класса, сколько представляли социальные группы с разными интересами». Поэтому, в то время как сами депутаты «считали, что роль Советов растет, потому что они участвуют во власти, трудящиеся города и солдаты думали совершенно противоположное»[111].

Утверждения о том, что трудящиеся массы «очень плохо знали программы партий», что «партийные деятели не знали подлинных чаяний населения», а Советы не отражали подлинных интересов трудящихся, понадобились Ферро для того, чтобы обосновать собственный подход к анализу революционной борьбы в России.

Он рассматривает политическую борьбу от Февраля до Октября 1917 г. как бы в двух плоскостях. В первой — ее можно назвать нижней — шла борьба рабочих, крестьян и солдат за реализацию своих экономических и социальных требований. Рабочие боролись за улучшение своего материального и социального положения, за введение рабочего контроля на производстве, против реставрации старого политического и социального порядка. Крестьяне боролись за конфискацию помещичьих земель и ее распределение по установленному ими принципу. Солдаты выступали за прекращение войны, против старого порядка в армии, за обретение гражданских прав. Трудящиеся нерусских народностей и наций пытались добиться национальной самостоятельности и социального освобождения. Таким образом, трудящиеся массы стремились к коренному изменению экономического, социального и политического строя в стране. Для французского автора, однако, эта борьба, «радикальный характер» которой он признает, всего лишь фон, на котором развертывается основная, определившая исход революции — борьба политических организаций, созданных в ходе революции. Такой подход к анализу революционного движения преследует очевидную цель: оторвать политическую борьбу (а точнее говоря, одну из ее форм) от социально-классо-

вой борьбы и тем самым лишить первую всякой классовой направленности.

Рассматривая деятельность созданных в ходе революционного творчества масс многочисленных политических институтов и организаций (Советов, ФЗК, профсоюзов, районных комитетов, военных организаций — Красной гвардии, рабочей милиции и т. д.), Ферро считает, что все они боролись между собой за усиление и распространение собственной власти [112]. Отражением этой борьбы и явились их «бюрократизация», «радикализация» и большевизация [113].

Ферро различает две формы «бюрократизации»: «сверху» и «снизу». «Бюрократизация сверху» принимала три различные формы. Первую форму Ферро иллюстрирует примером из деятельности Петроградского Совета. 27 февраля 1917 г. на своем пленарном заседании он принял постановление, согласно которому каждая социалистическая партия имела право делегировать в Исполком Совета двух представителей. По мнению Ферро, это позволяло партиям контролировать состав и деятельность Исполкома. Возникла практика контроля над бюро одной организации со стороны другой организации. В данном случае партии контролируют Исполком Совета, сами не будучи подконтрольными Совету. Вторую форму Ферро находит в деятельности ЦИК. В течение июня и июля не заседали ни Исполком Петроградского Совета, ни его рабочая секция. Собирались только члены Исполкома, которые были одновременно членами ЦИК [114]. Третья форма «основана на принципе большинства, и бюрократизация использует его для своего распространения» [115]. Пример: эсеры Гоц и Авксентьев, меньшевики Дан и Гвоздев, будучи членами ЦИК, занимали также места в Исполкоме Петросовета и стремились поставить своих людей на ключевые посты в районных Советах.

«Бюрократизацию снизу» он наблюдает в «народных учреждениях, где царствует прямая демократия» [116]. Первую форму Ферро раскрывает на примере попытки молодежи Петроградской стороны создать свою организацию «Труд и свет». В течение пяти месяцев эта организация якобы так и не была конституирована из-за противодействия районного Совета [117]. Проявление второй формы «бюрократизации снизу» Ферро видит в деятельности районных Советов. Сразу после Февральской революции члены их Исполкомов совмещали свою деятельность с основной работой на производстве. Но постепенно они оставляют ее и сосредоточиваются на работе в помещении Райсовета. Они начинают получать жалованье, собранное по подписке. Исполком, считает Ферро, постепенно «подменяет» Совет, доказательством чего являются сокращение числа пленарных заседаний Совета и рост числа заседаний Исполкома. Положение иллюстрируется примером деятельности Петергофского районного Совета. Число пленарных заседаний Совета уменьшилось с марта по октябрь с 20 до 4, заседаний Исполкома (Ферро называет его политическим комитетом или бюро) соответственно выросло с 0 до 4 [118].

Двойная бюрократизация, по мнению французского историка, приводит к образованию новой социальной группы, которую Ферро называет словом, заимствованным из троцкистского жаргона, — «аппаратчики» (в книге дается французская транслитерация русского слова). В эту группу входят депутаты Советов и члены их исполкомов, красногвардейцы и члены большевистской партии. Их объединяет «функциональная солидарность», которая состоит в том, что все они были против реставрации старого режима, поскольку она лишила бы их положения, достигнутого в результате революции.

Подлинные политические цели повышенного интереса Ферро к проблемам «борьбы» между организациями и их «бюрократизации» становятся ясными, если рассмотреть принципы теоретико-методологического анализа, которых придерживается Ферро. Он признает, что наиболее авторитетными социологами, работами которых он руководствовался при освещении этого аспекта истории революции, были француз К. Лефор и американец Д. Марков. Эти социологи в свою очередь являются последователями Д. Бернхема, М. Крозье и А. Турэна. Все они при анализе социального развития человеческого общества и политической борьбы исходили из теории «элит», ставшей в наше время, по справедливому замечанию советского исследователя Г. К. Ашина, «общей чертой современной буржуазной социологии»[119]. В послевоенные годы в буржуазной социологии значительное распространение получили различные варианты этой теории, в том числе «организационная» теория элит (работы Д. Бернхема, А. Фриша и др.). Сторонники ее считают, что состав правящей элиты зависит от функций, которые в тот или иной период играют главную роль в обществе. В XIX в. в этом качестве выступала предпринимательская инициатива, в XX в. — организаторские способности. Виднейший представитель последнего направления Бернхем в своей работе «Управленческая революция» («Революция управляющих») стремится доказать, что на смену капитализму придет не социализм, а государство менеджеров — квалифицированных управляющих производством и всей общественной жизнью. По его мнению, функция управления приобретает решающее значение в современном капиталистическом обществе, в то время как капиталисты постепенно утрачивают прерогативы управления промышленностью. Функции управления отчуждаются от функций собственности.

Советские философы и социологи вскрыли классовый характер теории «элит» и ее современных модификаций, их политическую и идеологическую направленность и убедительно доказали их научную несостоятельность[120]. Отражая идеологию господствующих классов капиталистического общества, теория «элит» призвана доказать «неспособность» трудящихся масс к самостоятельной политической организации и оправдать их эксплуатацию и угнетение. Тесно связанная с теориями «социальной стратификации», «социальной мобильности» и «трансформированного ка-

питализма», она, как и эти «теории», должна замаскировать экономическую и классовую сущность капиталистического общества и буржуазного государства. Сторонники теории «элит» исходят из того, что политическая власть, а не собственность является основой социальных отношений. Теоретики «организаторской» («управленческой») теории «элиты» абсолютизируют роль управления в современной социальной и экономической жизни и строят свою концепцию на антинаучном тезисе, согласно которому определяющими при характеристике того или иного общественного строя являются не отношения собственности, а управления и подчинения. По утверждениям одного из крупнейших французских социологов сторонника «управленческой» теории «элит» А. Турэна, в «постиндустриальном» обществе, к которому он относит и капитализм и социализм, противостоят два «класса» — «управляющие» и «управляемые» [121].

Анализируя революционную борьбу трудящихся масс с позиций несостоятельных в научном отношении буржуазных социологических теорий, Ферро прибегает при доказательстве выдвигаемых им положений и тезисов к несостоятельным аргументам. Сознательно игнорируя социально-классовую природу политической борьбы, он не может обосновать положение о «бюрократизации» «сверху» и «снизу», не искажая исторических фактов.

В самом деле, можно ли говорить о контроле партий над Исполкомом Петросовета, оставляя без внимания позиции большинства Совета? Известно, что до октября 1917 г. Исполком в большинстве своем состоял из представителей мелкобуржуазных партий даже после утраты ими поста председателя Совета. Такое положение являлось следствием того, что большинство членов Петроградского Совета до осени 1917 г. доверяло лидерам мелкобуржуазных партий. Когда же оно убедилось в контрреволюционной соглашательской сущности партий эсеров и меньшевиков, то перешло на сторону большевиков. Изменение в отношении к мелкобуржуазным партиям большинства Петросовета было обусловлено в конечном итоге усилением революционных настроений рабочих и солдат, что особенно ярко проявилось в процессе большевизации Советов. Второй и третий примеры «бюрократизации» «сверху» Ферро, по существу, объясняет сам, когда признает, что мелкобуржуазные партии в ЦИК Советов обладали подавляющим большинством, а в Исполкоме Петросовета — простым [122]. Он только не хочет признать того, что боязнь лидеров мелкобуржуазных партий — членов ЦИК — собрать Исполком Петросовета и стремление занять ключевые посты в Советах отражали не пресловутую борьбу за власть между институтами, а были своеобразной и типичной для мелкой буржуазии реакцией на изменение соотношения классовых сил в Петрограде и стране, тщетной попыткой остановить революционизирование масс.

Очевидным искажением исторических фактов являются примеры, приводимые Ферро для доказательства «бюрократизации снизу». Стремление молодежи Петроградской стороны узаконить свою

организацию «Труд и свет» в конечном итоге увенчалось успехом, о чем Ферро умалчивает. Районный совет постоянно поддерживал эту организацию, оказывал ей финансовую помощь и выделил ей помещение после того, как осенью 1917 г. члены ее избрали новое, большевистское руководство[123]. Второй пример «бюрократизации снизу» подкрепляется Ферро деятельностью Петергофского районного Совета рабочих и солдатских депутатов. Главный аргумент французского историка состоит в том, что Исполкомом «подменялся» Совет: число заседаний первого увеличивается, второго — сокращается. Ферро игнорирует при этом суть деятельности Совета и его Исполкома. В этой связи следует посмотреть, как работали они в периоды политических кризисов. С 5 по 10 июля Совет заседал три раза, Исполком — один. В период борьбы с корниловщиной Совет заседал три раза (21, 24 и 28 августа), Исполком — один (23 августа). В период подготовки Октябрьского вооруженного восстания Совет заседал четыре раза (12, 18 и — дважды — 25 октября), Исполком — один (21 октября). Таким образом, в моменты, когда решалась судьба революции, главное слово было за Советом. Необходимо также рассмотреть, *какие* вопросы решались Советом и *какие* Исполкомом на этих заседаниях. Анализ протоколов заседаний показывает, что Исполком решал чисто технические и организационные вопросы, касающиеся работы Совета, тогда как Совет принимал решения по коренным проблемам революции: обращение к рабочим района с призывом вернуться на работу (5 июля), о действиях Временного правительства и об арестах (7 июля), об отношениях с социалистическими партиями (10 июля), о праздновании полугодовщины Февральской революции (21 и 24 августа), об охране района (24 августа и 25 октября), о создании Красной гвардии или боевой дружины из рабочих района (28 августа), о создании при Совете военно-административного, хозяйственного и продовольственного отделов, которым поручается вся власть в районе (25 октября), и т. д.[124] Анализ деятельности Совета раскрывает ее социально-классовую направленность и последовательность, ее тесную связь с классовой борьбой пролетариата и его союзников. Деятельность районных Советов, которая анализируется французским историком на примере лишь одного из них, носила в 1917 г. ярко выраженный классово-политический характер. Рабочие городских окраин видели в них прежде всего органы, выражающие и защищающие их классовые интересы. В этой связи уместно отметить их отношение к районным комитетам (продовольственным, попечительства о бедных и т. п.), созданным в соответствии с решением Исполкома Петросовета от 28 февраля 1917 г. Эти комитеты вскоре превратились в районные думы и управы и объединяли представителей различных, преимущественно нерабочих, непролетарских слоев. Советы, рассматривая себя как органы революционно-политические, стремились ограничить деятельность комитетов хозяйственными функциями, подчинив их своему влиянию[125]. Борьба между различными политическими и профессиональными

организациями, о которой постоянно говорит Ферро в своих работах, всегда носила конкретный характер и отражала их классовую принадлежность. Расхождения в позициях ФЗК и профсоюзов объяснялись тем, что ФЗК были массовыми организациями, в большей мере отвечавшими задачам революционизирования пролетариата (и по пролетарскому составу и степени влияния большевиков в них), нежели профсоюзы, в которых ощущалось меньшевистско-эсеровское влияние и которые объединяли наряду с фабрично-заводским пролетариатом полупролетарские слои [126].

Наряду с «бюрократизацией» Советов (к ним Ферро относит все политические институты, созданные трудящимися) шел процесс их «радикализации». Ферро объясняет ее «неэффективностью правительственной политики (с мая с участием социалистов), которая стремилась примирить правящие классы и народные классы» [127]. Результатом, по его мнению, было осознание рабочими и крестьянами того, что правительство выступает против «подлинных изменений экономических и социальных отношений» [128]. Радикализация трудящихся масс и созданных ими организаций выражалась в «присоединении масс к лозунгам крайне левых партий» и «умножении организационных связей между институтами народной власти и большевистской партией» [129]. «Результатом радикализации масс и демократическим выражением их воли» явилась большевизация Советов. Употребляя это понятие, общепринятое в марксистско-ленинской историографии Октябрьской революции, Ферро наполняет его содержанием, при котором игнорируется тот основополагающий для понимания динамики революционного процесса факт, что большевизация отражала коренное изменение в расстановке классовых сил в стране накануне Октябрьского вооруженного восстания и выражала стремление широчайших масс и их авангарда, возглавляемого большевистской партией, к осуществлению социальной революции в России. Рассматривая политическую борьбу в Советах через призму все той же «бюрократизации», Ферро считает, что большевизация выражалась в трех формах. Первая — большевики заняли «руководящие посты... в Советах и других низовых политических институтах». Вторая — при решении отдельных вопросов в Советах левые эсеры и меньшевики-интернационалисты поддерживали большевиков. Третьей формой большевизации (он называет ее «бюрократической») Ферро считает солидарность депутатов Советов и членов исполкомов («новой социальной группы») с большевиками [130]. Она была основана на том, что большевики, по существу, являлись единственной политической партией [131], которая последовательно и неуклонно выступала против любых попыток реставрации старого общественно-экономического строя.

Все приведенные выше рассуждения Ферро о «бюрократизации», «радикализации» и большевизации Советов имеют своей целью обосновать «новую» концепцию Октябрьской революции с точки зрения участия в ней народных масс. Указав на неприемлемость для него марксистско-ленинской концепции Октябрьской

революции и подчеркнув, что его «работа находится в иной плоскости, нежели историческая закономерность»[132], Ферро отмежевывается и от концепций, общепринятых в западной буржуазной историографии. В последнем случае отмежевание это, радикальное на словах, по сути, носит половинчатый, непоследовательный характер. Полемизируя со своими американскими и английскими коллегами, он выступает против «традиций противопоставлять Февраль и Октябрь», но соглашается одновременно с тем, что «во время падения царизма проявился стихийный характер революционного движения, а восемь месяцев спустя определяющую роль сыграли политические организации», указывая, что «уточненный анализ обнаруживает, однако, что контраст (между Февралем и Октябрем. — *Н. Н.*) не так разителен», что деятельность партий и профсоюзов в массах до февраля 1917 г. «принесла плоды... и деятели Февраля знали свои роли наизусть»[133]. Подчеркивая, что «массы» уже до Октября «пришли в движение», Ферро одновременно отдает дань тезису о «волюнтаризме» В. И. Ленина, столь распространенному в западной советологии[134].

Анализируя причины победы и характер Октябрьской революции, он выражает свое несогласие с точками зрения по этим вопросам ведущих западных советологов — М. Фейнсода, Л. Шапиро, А. Улама, Р. Дэниэлса, У. Чемберлина. Утверждения этих авторов о том, что «ни логика истории», «ни выраженные желания русского народа никак не связаны с Октябрьской революцией», не удовлетворяют Ферро, как и их попытки объяснить ее победу «ловкостью руководителей большевиков, неумением или легкомыслием их противников, трагической случайностью истории»[135].

По мнению Ферро, требования широких трудящихся масс и политика Временного правительства радикально расходились, и «поэтому поражение февральского режима было неизбежным». Многочисленные, созданные трудящимися массами «институты власти» уже до Октября «были настоящим зародышем пролетарского государства». Между членами этих «институтов власти» и большевиками существовала солидарность, основанная, как уже отмечалось выше, на стремлении тех и других не допустить реставрации старого общественного строя. Большевистская партия пользовалась поддержкой не только членов Советов и других политических организаций, но и широких масс рабочих, солдат и крестьян, поскольку она была единственной партией, которая поощряла и одобряла их революционную инициативу. Нерусские народности и нации также поддерживали большевистскую партию, поскольку ориентировались в своей борьбе на действия столичных организаций, находившихся под контролем большевиков[136]. Солидарность между большевиками и членами Советов и других органов народной власти, с одной стороны, и между большевиками и широкими народными массами, с другой, обусловили поддержку этими социальными групами и классами большевистских лозунгов и действий большевистской партии. Пользуясь сво-

им влиянием в организациях, партия большевиков «давала общее направление движению, которое было одновременно разнородным и имеющим одну цель: желание свергнуть существующий режим». Таким образом, с одной стороны, существовал зародыш пролетарского государства, «неконституированного, но живого», с другой — революционное движение широких народных масс, «разрушающее старый порядок» и делающее неэффективными все действия правительства. Основываясь на таком анализе, Ферро считает, что «кажущееся противоречие» между народным характером революционного движения до октября 1917 г. и сравнительно небольшим числом участников Октябрьского восстания — противоречие, которое не могут преодолеть западные советологи, — «снимается». «Октябрьское восстание могло быть одновременно движением масс и только малое число участвовало в нем» [137]. Очевидна логика французского историка, основанная на порочной методологии исследования революционного процесса. Он не может не признать активное участие широких народных масс в революции. Но их действия в экономической и социальной сферах он противопоставляет их правотворчеству, их активной работе по созданию собственных профессиональных и политических организаций. Игнорируя классовую сущность этих организаций и их деятельности, отрицая, по существу, тот факт, что они играли в политической борьбе функциональную роль и выражали в конечном итоге интересы и цели социальных классов и групп, которые они представляли, Ферро считает, что и результат революционной борьбы широких народных масс был предопределен «новой социальной группой», возглавлявшей массы и стремившейся создать новое государство. Социальная база этого нового государства, как и его состав, по признанию Ферро, были глубоко народны (он неоднократно подчеркивает народное происхождение «новой социальной группы») [138]. Однако это не означает для него, что новая власть была подлинно демократической. Напротив, главный пафос его работ направлен на доказательство «недемократичности» принципов, на основе которых новое государство осуществляло власть. При освещении этого аспекта истории революции с наибольшей полнотой раскрывается истинный смысл концепции французского автора, признающего народный характер Октября. В законченном виде его точка зрения на историю зарождения и принципы функционирования Советского государства излагаются в книге «От Советов к бюрократическому коммунизму». На первых же страницах автор открыто заявляет, что «эта работа имеет своей целью на советском примере изучить переход от демократии к бюрократическому коммунизму» и что «для изучения такого перехода СССР остается наилучшим полем возможного наблюдения» [139]. Предопределив заранее конечный вывод своего исследования, французский автор ограничивает его обоснование примерами, взятыми из ранее опубликованных им работ. Обратившись вновь к теме «бюрократизации» Советов, Ферро подробно останавливается на борьбе между ними за расширение их компетенции,

которую каждый из них вел исходя из собственной концепции новой власти, нового государства. Борьба эта («бюрократизация») сопровождалась нарушением формальной демократии. Стремясь придать своей концепции видимость объективности, Ферро отмечает, что, вообще-то, первыми, кто «нарушил демократию», были Временное правительство и лидеры мелкобуржуазных партий, располагавших большинством в Советах (пример: запрещение большевистских газет после июльского кризиса). Правящие классы были также, по мнению Ферро, инициаторами применения насилия в политической борьбе (расстрел июльской демонстрации, корниловщина, локауты предпринимателей и т. д.) [140]. Народные массы в свою очередь берут на вооружение антидемократические методы политической борьбы и используют их. Это находит отражение в «радикализации движения, исходящего из общества, которое захватывает новые учреждения, включая партии» [141]. Таким образом, нарушение демократии становится нормой деятельности новых «институтов власти». По мере радикализации народных масс нарушения демократии приводят к революционному насилию и террору (введение рабочего контроля, борьба с корниловщиной, Октябрьское восстание), которые, как подчеркивает Ферро, являются ответом на насилие и террор со стороны правящих классов. Нарушение демократии допускали постоянно члены всех партий, в том числе и большевики, в своей деятельности как вне, так и внутри партии. В этой связи, вопреки наиболее распространенному в западной историографии тезису о «тоталитарной» «строго дисциплинированной» и «строго контролируемой» В. И. Лениным большевистской партии накануне Октября 1917 г., Ферро, ссылаясь на работы американского советолога А. Рабиновича, изображает большевистскую партию «рыхлой», «неорганизованной», «раздираемой разногласиями» [142]. Вследствие этого, по мнению Ферро, В. И. Ленин принимал решения «вопреки» мнению большинства членов ЦК и многих местных партийных организаций. Чтобы доказать это полностью не соответствующее исторической реальности положение, Ферро фальсифицирует историю подготовки и проведения вооруженного восстания в Петрограде и, противореча собственным утверждениям о том, что инициаторами применения насилия в политической борьбе выступали правящие классы, голословно обвиняет В. И. Ленина в том, что он открыл «путь насилию» [143]. Вместе с тем использование большевиками «недемократических» методов политической борьбы, одобрение ими и поощрение революционных действий масс было, по мнению Ферро, одним из факторов, обеспечивших им поддержку «новой социальной группы» и широких масс трудящихся и в конечном итоге успех Октябрьского вооруженного восстания. Рассматривая революционное движение трудящихся классов как сочетание потоков разнородных социальных классов и групп, экономические, социальные и политические требования которых существенно отличались и нередко, по его мнению, были несовместимы, противопоставляя действия политических партий и организа-

ций действиям социальных классов и групп, действия отдельных лиц — действиям партий и организаций, Ферро в конечном итоге приходит к такому объяснению механизма революционной борьбы, которое полностью игнорирует ее классовую сущность. Противопоставление политической борьбы классовой, их искусственный разрыв понадобились Ферро, чтобы обосновать априорно выдвинутую им схему двух основных потоков в революции.

Согласно этой схеме, направленной против марксистско-ленинского положения о том, что главным условием построения нового, социалистического общества является установление политической власти пролетариата, в работах Ферро утверждается, что трудящиеся массы осуществляли и уже до октября 1917 г. в значительной степени осуществили социальную революцию. (Не случайно вторая часть второго тома «Революции 1917 г.» носит название «Рождение одного общества», хотя в ней речь идет преимущественно о событиях накануне Октябрьской революции.) Однако главным содержанием этой социальной революции, по мнению Ферро, была не борьба трудящихся против буржуазии и помещиков, а стремление народных масс «править самим» и не допустить установления над ними какой-либо власти, которую Ферро понимает как отношение «управляющих» и «управляемых». Ради этой главной, по его мнению, цели трудящиеся разрушали старый государственный аппарат и боролись против попыток реставрации старого общественного строя. Представители рабочих, крестьян, солдат, избранные в ходе революции в политические и профессиональные организации и призванные представлять и защищать интересы трудящихся, согласно его схеме не столько защищали эти интересы, сколько стремились к распространению и укреплению собственной власти. Это стремление и привело их к выступлению под руководством большевистской партии против Временного правительства. Свергнув его и установив власть Советов, они «воскресили и укрепили различие между управляющими и управляемыми, которое бóльшая часть народа и революционеров 1917 г. надеялись отменить»[144]. Таким образом, Октябрьская революция, по логике французского историка, подготовленная широкими народными массами, привела лишь к смене одного «класса управляющих» другим. Признавая, что успех Октябрьской революции был обусловлен революционным движением народных масс, Ферро вместе с тем в полном соответствии с общепринятыми в современной буржуазной философии и социологии схемами утверждает, что она была «испытанием сил между правительством без государства и государства без правительства» и «явилась выражением общей неудачи всех тех, кто через кризисы в истории традиционно обеспечивает постоянство социальных отношений, уважение власти и господство немногих»[145].

«Новый класс управляющих», «новая социальная группа», хотя и состоит из представителей народа, применяет и до и после прихода к власти «недемократические» методы управления. Опираясь на это положение и стремясь в очередной раз «подняться»

над традиционными буржуазными концепциями Октябрьской революции, в которых согласно «вульгарной схеме (Ферро имеет в виду современную буржуазную историографию. — *Н. Н.*) смерть политической демократии в России датируется большевизацией Советов», Ферро выдвигает абсурдное утверждение, будто «Республика Советов умерла задолго до этого, так же как и демократия» [146]. Таким образом, согласно логике буржуазного автора, советский общественно-политический строй мог родиться только в условиях отсутствия демократии, да к тому же он и не является советским!

Признавая и подчеркивая активное участие широких народных масс в подготовке Октябрьской революции, Ферро делает это положение исходным моментом доказательства «тоталитарного» характера их движения и общественно-политического строя, установленного в результате социалистической революции. Апология буржуазного государства, стремление навязать читателю идею не только «ненужности», но и «вредности» социалистической революции, представить народное революционное движение источником террора и насилия — таков истинный смысл концепции французского историка. Разрыв с распространенными в буржуазной историографии концепциями «недемократического» характера Октября, столь настойчиво внушаемый читателю, сводится, таким образом, в его работах к стремлению обосновать лишь новую разновидность этой концепции.

Так «новая» концепция социальной революции французских философов, социологов и историков в работах «академического» советолога Ферро на деле оказывается попыткой оживить старую антикоммунистическую догму. Работы эти, широко разрекламированные буржуазными средствами массовой пропаганды, получили широкий резонанс во Франции и — переведенные на английский и итальянский языки — в целом положительную оценку западных советологов [147], которые отметили «новаторский» характер его подхода к изучению истории Октябрьской революции. Однако новаторство Ферро заключается лишь в использовании отдельных положений из различных буржуазных социологических теорий, которые Ферро эклектически соединяет с тем, чтобы на «новом» теоретическом уровне обосновать концепцию, проникнутую антисоветизмом и антикоммунизмом.

Разработка «новых» концепций Октябрьской революции в буржуазной историографии — явление не новое. Периодически, по мере того как «старые» концепции все очевиднее обнаруживают перед лицом реальностей современного мира свою несостоятельность, появляются «новые», авторы которых, как это мы видим на примере работ Ферро, пытаются внедрить в массовое общественное сознание старые антисоветские и антикоммунистические мифы. Постоянные, непрекращающиеся попытки буржуазных историков, философов, социологов пересмотреть, а, по существу, в рамках «новых» концепций извратить причины, характер и значение Октябрьской революции, под каким бы лозунгом это ни

делалось — «деидеологизации», «демифологизации» или «переосмысления истории социальных революций», лишь свидетельствуют о жизненной силе идей и непреходящем значении исторического опыта Великой социалистической революции в России.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Материалы XXVII съезда КПСС, с. 7, 124.

[2] КПСС в резолюциях..., т. 12, с. 444.

[3] Анализ советской литературы, посвященной критике буржуазных и ревизионистских концепций истории Октябрьской революции, может быть предметом самостоятельной статьи. Укажем лишь статьи и разделы монографий, в которых содержится обзор новейших советских исследований по рассматриваемой нами проблеме: Марушкин Б. И. История и политика. М., 1969, с. 5—16; Иоффе Г. З. Февральская революция 1917 года в англо-американской буржуазной историографии. М., 1970, с. 5—11; Его же. Некоторые вопросы критики буржуазной историографии Октября в советской исторической литературе. — В кн.: История и историки, 1973. М., 1975, с. 55—69; Игрицкий Ю. И. Мифы буржуазной историографии и реальность истории. Современная американская и английская историография Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1974, с. 3—19; Наумов Н. В. Великая Октябрьская социалистическая революция во французской буржуазной историографии. М., 1975, с. 3—15; Марушкин Б. И., Иоффе Г. З., Романовский Н. В. Три русские революции и буржуазная историография. М., 1977, с. 3—15; Соболев Г. Л. Октябрьская революция в американской историографии. 1917—1970-е годы. Л., 1979, с. 3—7; Критика основных концепций современной буржуазной историографии трех российских революций. М., 1983, с. 3—11.

[4] Критика основных концепций..., с. 319—320. См. об этом также: Мерцалов А. Н. В поисках исторической истины. Очерк методологии критики буржуазной историографии. М., 1984, с. 131.

[5] ВИ, 1979, № 12, с. 81.

[6] См.: Марушкин Б. И., Иоффе Г. З., Романовский Н. В. Указ. соч., с. 6, 9; Критика основных концепций..., с. 187, 320.

[7] Марушкин Б. И., Иоффе Г. З., Романовский Н. В. Указ. соч., с. 6.

[8] Игрицкий Ю. И. Указ. соч., с. 76.

[9] Критика основных концепций..., с. 163.

[10] Критика основных концепций..., с. 96—97; Иоффе Г. З. Февральская революция 1917 года..., с. 55—93; Игрицкий Ю. И. Указ. соч., с. 76—102.

[11] Иоффе Г. З. Февральская революция 1917 года..., с. 94—112; Критика основных концепций..., с. 94—109.

[12] См.: Иоффе Г. З. Указ. соч., с. 212.

[13] Dmytryshyn B. History of Russia. Englewood Cliffs, 1978, p. 428 (цит. по: Марушкин Б. И., Иоффе Г. З., Романовский Н. В. Указ. соч., с. 158).

[14] См.: Игрицкий Ю. И. Указ. соч., с. 129.

[15] Там же, с. 136.

[16] Dmytryshyn B. Op. cit., p. 478.

[17] Критика основных концепций..., с. 163.

[18] См.: Игрицкий Ю. И. Указ. соч., с. 134—137.

[19] См.: Иоффе Г. З. Указ. соч., с. 251; Игрицкий Ю. И. Указ. соч., с. 267—268; Наумов Н. В. Указ. соч., с. 180—183.

[20] См.: Игрицкий Ю. И. Указ. соч., с. 107—108; Соболев Г. Л. Указ. соч., с. 175—183; Критика основных концепций..., с. 273.

[21] Критика основных концепций..., с. 163; Игрицкий Ю. И. Указ. соч., с. 77, 83—84; Романовский Н. В. История и идеологическая борьба. Великий Октябрь в новейшей буржуазной литературе. — История СССР, 1984, № 5, с. 178—187; Иоффе Г. З. Великий Октябрь: трансформация советологических концепций и ее классово-политическая суть. — Вопросы истории КПСС, 1985, № 6, с. 72—86.

[22] См.: Афанасьев Ю. Н. Историзм против эклектики. М., 1980, с. 217—218; Коммунист, 1985, № 5, с. 127.

[23] См.: Адо А. В. Очередная атака на марксистскую концепцию Французской революции конца XVIII века. — ВИ, 1973, № 4; Его же. Французская буржуазная революция и современная идеологическая борьба. — ВИ, 1973, № 5; Его же. Современные споры о Великой французской революции (историографический обзор). — Вопросы методологии и истории исторической науки. М., 1977; Его же. Французская буржуазная революция конца XVIII века и ее современные критики. — Новая и новейшая история, 1981, № 3; Соколова М. Н. Современная французская историография. Основные тенденции в объяснении исторического процесса. М., 1979; Афанасьев Ю. Н. Историзм против эклектики. Французская историческая школа «Анналов» в современной буржуазной историографии. М., 1980; Манфред А. З. Великая французская революция. М., 1983.

[24] Манфред А. З. Великая французская революция, с. 419.

[25] Sociologie des mutations. Sous la direction de G. Balandier, P., 1969.

[26] Decouflé A. Sociologie des révolutions. P., 1968; Monnerot J. Sociologie de la révolution. Mythologies politiques du XX siècle. La nouvelle stratégie révolutionnaire. P., 1969; Ellul J. Autopsie de la révolution. P., 1969; Ellul J. De la révolution aux revoltes. P., 1972; Ellul J. Changer de révolution. L'inéluctable proletariat. P., 1982; Baechler J. Les phenomènes révolutionnaires. P., 1970.

[27] Benois J.-M. Marx est mort. P., 1972; Dollé J.-P. Le désir de la révolution. P., 1972; Lardreau G. Le singe d'or. P., 1973; Glucksmann A. La cuisinière et le Mangeur d'hommes. P., 1975; Glucksmann A. Les maitres—penseurs. P., 1977; Levy B.-H. La barbarie à visage humaine. P., 1977; Revel J.-F. La grâce de l'Etat. P., 1981.

О «новых философах» см.: Кутасова И. М. Антифилософия «новой философии». М., 1984, с. 3—55.

[28] Sociologie des mutations, p. 9.

[29] Ellul J. Changer de révolution, p. 236 (следует учитывать, что в понятие «идеология» буржуазные обществоведы, отрицающие возможность существования научной идеологии, вкладывают негативный смысл).

[30] Furet F. Penser la Révolution française. P., 1978, p. 17.

[31] Esprit 1976, A 44, N 9, p. 169; Furet F. Op. cit., p. 24—25.

[32] Ellul J. Op. cit., p. 30.

[33] «Господствующая социология наших дней — американская социология середины века — травмирована революцией», — утверждал А. Декуфле (Decouflé A. Sociologie des révolutions, p. 17). См. также: Ellul J. Autopsie de la révolution, p. 37—38; Jonas S. Vers une sociologie des révolutions. — In: Sociologie et révolution. Colloque de Cabris. P., 1974, p. 13; Baechler J. Les phénomènes révolutionnaires, p. 8—9.

[34] Esprit, 1976, N 9, p. 207—208.

[35] Sociologue des mutations, p. 252.

[36] Ellul J. Autopsie de la révolution, p. 38.

[37] Furet F. Penser la Révolution française, p. 123, 151.

[38] Baechler J. Les phénomènes révolutionnaires, p. 34. См. также: Maffesoli M. La violence totalitaire. Essai d'anthropologie politique. P., 1979, p. 9—10.

[39] Decouflé A. Sociologie des révolutions, p. 48, 56. «Ментальные» от французского «mentalite» — склад ума, умонастроение.

[40] Ibid., p. 22.

[41] Furet F. Op. cit., p. 42.

[42] Ibid., p. 43.

[43] Maffesoli M. Op. cit., p. 76.

[44] Richir M. L'aporie révolutionnaire. — Esprit, 1976, N 9, p. 182—183.

[45] Esprit, 1976, N 9, p. 209—210; Maffesoli M. Op. cit., p. 133, 231.

[46] Furet F. Op. cit., p. 170.

[47] Glucksmann A. Les maitres-penseurs, p. 175, 292. Классово-политическая суть терминов «плебс», «толпа», «публика», широко применяемых современными буржуазными социологами, раскрыта в кн.: Ашин Г. К. Основные

концепции современной буржуазной социологии о роли народных масс и личности в истории (Теории лидерства, элиты, «массового общества»). Автореф. дис. М., 1970.

[48] По мнению Ф. Фюре, революция «открывает мир, где всякое изменение приписывается известным, описанным живым силам; как мифическое мышление она наделяет объективную вселенную субъективными волями...» (Furet F. Op. cit., p. 90).

[49] Glucksmann A. Op. cit., p. 299, 301, 302.

[50] В центре революционной борьбы находится, по мнению Маффесоли, «понятие власти, которое модулируется, выражает и отрицает себя в революции (все это одновременно), в идеологии прогресса и служения обществу и, наконец, в тоталитаризме» (Maffesoli M. Op. cit., p. 17).

[51] Maffesoli M. Op. cit., p. 35.

[52] Ibid., p. 103.

[53] Glucksmann A. Les maîtres-penseurs, p. 139—140.

[54] Furet F. Penser La Révolution française, p. 60—61.

[55] Maffesoli M. Op. cit., p. 93, 116.

[56] Ellul J. Changer de révolution, p. 246.

[57] Maffesoli M. Op. cit., p. 108.

[58] Glucksmann A. Les maitres penseurs, p. 299.

[59] Esprit, 1976, A44, N 9, p. 169; Maffesoli M. Op. cit., p. 75, 76, 78, 86. Критику этого положения см.: Красин Ю. А. Революцией устрашенные. Критический очерк буржуазных концепций социальной революции. М., 1975, с. 77—89.

[60] Ellul J. Autopsie de la Révolution, p. 137—201.

[61] См. об этом: Красин Ю. А. «Социология революции» против революции. М., 1966, с. 4—14; Его же. Революцией устрашенные..., с. 5—14, 264—291.

[62] Decouflé A. Op. cit., p. 40.

[63] Ibid., p. 80.

[64] Glucksmann A. Les maitres penseurs, p. 300.

[65] Maffesoli M. Op. cit., p. 33.

[66] Ibid., p. 108.

[67] Maffesoli M. Op. cit., p. 230—248. Игнорируя классовую природу тоталитарных режимов в капиталистических странах и исходя из положения о том, что «тоталитарная перспектива заключена в самой логике государства», некоторые буржуазные социологи пытаются отыскать эту «перспективу» в развитии пролетарского, социалистического государства, прибегая при этом к аргументам, научная несостоятельность которых очевидна. Так, по мнению М. Ришира, «при капитализме пролетариат препятствует своей борьбой установлению тоталитарных режимов; социалистическая революция, ликвидируя противоречие между властью и обществом и уничтожая пролетариат (Ришир имеет вероятно в виду превращение пролетариата в господствующий класс. — *Н. Н.*), подвергается тоталитарному искушению» (Esprit, 1976, N 9, p. 182—183).

[68] В статье «Революционная апория» М. Ришир следующим образом подытоживает свой анализ отношения общества и государства: «Мы хотели бы принципиально констатировать в итоге всего рассуждения, что конституирующим элементом самим по себе является нечто другое, нежели эта всегда ускользающая неуловимая и неукротимая двойственность, абсолютно прозрачная и абсолютно непроницаемая, и что эта особенность — быть неуловимой и неукротимой — происходит из тотального замыкания теоретической трансценденции, которое приводит к бесконечному взаимному опрокидыванию друг другом практической трансценденции и имманентности» (Esprit, 1976, N 9, p. 184—185).

[69] В этой связи необходимо отметить противопоставление «мятежа» и «революции», настойчиво проводимое в работах «социологов революции». По мнению Шомбара де Лова, «между мятежом и революцией различие состоит... в неравной степени осознания конфликтов, которые разделяют население и существующую власть... Мятеж есть народный взрыв, вызванный резким освобождением скрытых ранее устремлений. Напротив, каждая фаза революционного процесса основана на обдуманных и точно сформулированных требованиях. Организованные группы, партии, профсоюзы, движения играют здесь посредническую роль между стремлениями масс и программой, которую они представля-

ют в виде упорядоченных требований» (Chombart de Lauwe P.-H. Aspirations, revendications et conflicts. — In: Sociologie des mutations, p. 191, 197—198). Таким образом, буржуазный автор подчеркивает разницу в степени организованности народных масс, целенаправленности их действий во время мятежа и революции. Очевидно, во втором случае действия масс более опасны для существующего строя и борьба с организованным революционным движением трудна для правящих классов, тогда как стихийные и недостаточно организованные выступления-мятежи менее опасны и легко подавляемы. Думается, этим определяется предпочтительное отношение к мятежу Ж. Эллюля, А. Декуфле и Шомбара де Лова, противопоставление ими мятежа революции, несущей «тоталитарную угрозу» (Decouflé A. La révolution et son double. — In: Sociologie des mutations, p. 252—257; Ellul J. Autopsie de la révolution, p. 31, 37—38, 40, 41, 59; Chombart de Lauwe P.-H. Op. cit.). На их противопоставление в работах Эллюля обратил внимание Ю. А. Красин, отметив лишь негативную оценку в них мятежа (Красин Ю. А. Революцией устрашенные..., с. 68), что, на наш взгляд, несколько упрощает оценку мятежей Эллюлем и др.

[70] Lapierre J.-W. L'asynchronisme dans les prossesus des mutations. — In: Sociologie des mutations, p. 44; Ellul J. Changer de révolution, p. 36, 86.

[71] «Советское общество произошло не из Маркса, а из утопии» (Ellul J. Changer la révolution, p. 60).

[72] Ibid., p. 36.

[73] Glucksmann A. Les maîtres-penseurs, p. 309.

[74] «Мятежи 1917 г. явились скорее следствием бедности, протеста пехоты против бесполезности своих жертв, усталости и краха надежд, возлагавшихся на майское наступление...» (Ellul J. Autopsie de la révolution, p. 40). В другой своей работе Эллюль еще раз подчеркнул: «Революция 1917 г. была свершена не индустриальным пролетариатом, но разгромленной, побежденной, развалившейся русской армией...» (Ellul J. Changer la revolution, p. 37).

[75] Glucksmann A. Op. cit., p. 48—49.

[76] Ibidem.

[77] Ellul J. Changer de révolution, p. 41.

[78] Maffesoli M. Op. cit., p. 239, 244, 270.

[79] Portal R. La Russie industrielle de 1880à 1914. P., 1967; Barel Y. Le developpement économique de la Russie tsariste. P. — La Haye, 1968; Girault R. Emprunts russes et investissements français en Russie. 1880—1914. P., 1973; Rowley A. Evolution économique de la Russie du milieu du XIX-e siécle à 1914. P., 1983.

[80] См.: Алпатов М. А. Политические идеи французской буржуазной историографии XIX в. М., 1949; Волкова Г. С. Эдмунд Бёрк и идейно-политическая борьба в Англии по вопросу о французской революции (1789—1793 гг.).— В кн.: Проблемы новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М., 1972, с. 26; Ю. А. Красин. Революцией устрашенные; Далин В. М. Историки Франции. М., 1981.

[81] Во введении к сб. «Социология и революция» видный французский социолог С. Жонас, полемизируя с точкой зрения некоторых своих коллег, подчеркивал: «Ясно, что революция и революционное движение не могут изучаться вне исторического контекста» (Sociologie et révolution. Collogue de Cabris. P., 1974, p. 10).

[82] См.: Афанасьев Ю. Н. Историзм против эклектики, с. 248—252.

[83] Ferro M. La révolution de 1917, t. 1. La chute du tsarisme et les origines d'Octobre. P., 1967; t. 2. Octobre: naissance. d'une société. P., 1976.

[84] Ferro M. La Révolution russe de 1917. P., 1967.

[85] Ferro M. Le soldat russe en 1917: indiscipline, patriotisme et révolution. — Annales. E. S. C. janv. — février 1971. Ferro M. La Révolution au village. — Cahiers du monde russe et soviétique. 1973, v. XIV, N 1—2.

[86] Ferro M. Dès Soviets au communisme bureaucratique. P., 1980.

[87] См.: Афанасьев Ю. Н. Современная французская буржуазная историография о предпосылках и характере Великой Октябрьской социалистической революции. — В кн.: Великий Октябрь в работах советских и зарубежных историков. М., 1971, с. 186—192; Его же. Характеристика современного эта-

па французской буржуазной историографии Октябрьской революции. — История и историки. Историографический ежегодник. 1974. М., 1976, с. 192—193; Наумов Н. В. Указ. соч., с. 123—183.

[88] Ferro M. Dès Soviets.., p. 12—13.

[89] Ibid., p. 25.

[90] Ibidem.

[91] Ibid., p. 9—16. Не случайно в книге «От Советов к бюрократическому коммунизму» глава о Февральской революции носит название «Замена старого режима» (Ibid., p. 20).

[92] Ferro M. La Révolution russe de 1917, p. 27.

[93] Ferro M. La Révolution de 1917, t. 1, p. 170—239; t. 2, p. 151—362.

[94] См.: Андреева Г. М. Критика современных буржуазных и ревизионистских теорий классов. М., 1959; Семенов В. С. Капитализм и классы. М., 1959, с. 9—14; Сидихменов В. С. Классы и классовая борьба в кривом зеркале. М., 1969; Шкаратан О. И. Проблемы социальной структуры рабочего класса (историко-социологическое исследование). М., 1970, с. 63—68.

[95] Ferro M. Dès Soviets..., p. 14.

[96] Ibid., p. 13.

[97] Ferro M. La Rèvolution de 1917, t. 1, p. 170—242, 385—437; t. 2, p. 114—142, 151—290.

[98] Ibid., t. 1, p. 472.

[99] Ibid., t. 2, p. 187.

[100] Ferro M. La Révolution de 1917, t. 2, p. 227.

[101] Ibid., p. 224.

[102] Ibid., p. 221.

[103] Ibid., p. 228.

[104] Ibid., p. 235.

[105] Ibid., p. 238.

[106] См.: Дробижев В. З. Главный штаб социалистической промышленности. Очерки истории ВСНХ. 1917—1930. М., 1966, с. 45—46. По мнению акад. Минца к тому же времени 70,5% предприятий с числом рабочих более 200 имели такие органы (см.: Минц И. И. История Великого Октября, т. 3. М., 1968, с. 805).

[107] Ferro M. La Révolution de 1917, t. 2, p. 232.

[108] Ferro M. Le soldat russe en 1917: indiscipline, patriotisme et révolution.

[109] Ferro M. La Révolution de 1917, t. 2, p. 237.

[110] Ibidem. Мы не останавливаемся здесь на положении Ферро о «несовпадении» интересов трудящихся масс России и программы большевистской партии, которое уже было подвергнуто критике советскими исследователями. См.: Афанасьев Н. Н. Современная французская буржуазная историография о предпосылках и характере Октябрьской социалистической революции, с. 186—192; Его же. Характеристика современного этапа французской буржуазной историографии Октябрьской революции, с. 189—215; Наумов Н. В. Указ. соч., с. 154—167.

[111] Ferro M. La Révolution de 1917, t. 2, p. 300—301.

[112] Приступая к анализу борьбы между организациями, Ферро настаивает на том, что никто из западных историков не уделял этой проблеме необходимого внимания. «Насколько мы знаем, не существует исследования по затронутой проблеме», — отмечает он во II томе (Ferro M. La Revolution de 1917, t. 2, p. 292). В книге «От Советов к бюрократическому коммунизму» он еще раз подчеркивает, что «этот аспект борьбы никогда не рассматривался систематически ни Э. Карром, ни Л. Шапиро, ни М. Бринтоном, ни, насколько мы знаем, никаким другим историком или социологом» (Ferro M. Des Soviets..., p. 260). По его мнению, анализ революционного движения, содержащийся в «Революции 1917», «серьезно корректирует тезисы, защищаемые двумя лагерями»; имеется в виду марксистско-ленинская и буржуазная историографии (Ferro M. La Révolution de 1917, t. 2, p. 430).

[113] Ferro M. La Révolution de 1917, t. 2, p. 309—328.

[114] Ferro M. Dès Soviets..., p. 111—112.

[115] Ferro M. La Révolution de 1917, t. 2, p. 312.

[116] Ibid., p. 314.
[117] F e r r o M. Dès Soviets.., p. 119—121; F e r r o M. La Révolution de 1917, t. 2, p. 314.
[118] F e r r o M. La Révolution de 1917, t. 2, p. 317—323.
[119] А ш и н Г. К. Миф об элите и «массовом обществе». М., 1966, с. 21.
[120] А ш и н Г. К. Указ. соч.; Е г о ж е. Основные концепции современной буржуазной социологии о роли народных масс и личности в истории (Теории лидерства, элиты, «массового общества»). Автореф. дис. М., 1970; Н а р т а М. Теория элит и политика. М., 1978; Е г о р о в С. А. Политическая система, политическое развитие, право: критика немарксистских политологических концепций. М., 1983; Б у р л а ц к и й Ф. М., Г а л к и н А. А. Современный левиафан. М., 1985.
[121] T o u r a i n e A. La société postindustrielle (naissance d'une société). P., 1969.
[122] F e r r o M. La Révolution de 1917, t. 2, p. 310—311.
[123] Районные Советы Петрограда в 1917 г. Протоколы, резолюции, постановления общих собраний и заседаний Исполнительных комитетов, т. II. М.—Л., 1965, с. 133, 200—201, 328 (прим.).
[124] Районные Советы Петрограда в 1917 г., т. II, с. 189—197, 246—252.
[125] Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде, кн. 1. На путях социалистической революции. Двоевластие. Л., 1967, с. 117—120; М и н ц И. И. История Великого Октября, т. 2. Свержение Временного правительства. Установление диктатуры пролетариата. М., 1968, с. 297—300.
[126] Октябрьское вооруженное восстание..., кн. 1, с. 120—122.
[127] F e r r o M. Dès Soviets..., p. 139.
[128] Ibid., p. 140.
[129] F e r r o M. La Révolution de 1917, t. 2, p. 329.
[130] F e r r o M. Dès Soviets..., p. 139, 141.
[131] Ферро, как правило, в этой связи называет наряду с большевиками анархистов, но вынужден признать, что они не пользовались влиянием в массах (F e r r o M. La Révolution de 1917, t. 1, p. 469).
[132] F e r r o M. La Révolution de 1917, t. 2, p. 430.
[133] F e r r o M. La Révolution russe de 1917, p. 109.
[134] «Трудно представить, какой оборот приняли бы события в Октябре, если бы Ленин и его соратники не подтолкнули большевиков и Советы к действию» (F e r r o M. La Révolution russe de 1917, p. 109).
[135] F e r r o M. La Révolution de 1917, t. 2, p. 429—430.
[136] Ibid., p. 434, 435—436.
[137] Ibid., p. 436, 437.
[138] F e r r o M. La Révolution de 1917, t. 2, p. 317—328.
[139] F e r r o M. Dès Soviets..., p. 9.
[140] Ibid., p. 69—70.
[141] Ibid., p. 138.
[142] R a b i n o v i t c h A. Prelude to Révolution. The Petrograd Bolsheviks and the July 1917 Uprising. Bloomington—L., 1968, p. 229—235. Оценку работы А. Рабиновича см.: Критика основных концепций современной буржуазной историографии трех российских революций. с. 188—193; И о ф ф е Г. З. Великий Октябрь: трансформация советологических концепций и ее классово-политическая суть. — Вопросы истории КПСС, 1985, № 6, с. 72—86.
[143] F e r r o M. La Révolution de 1917, t. 2, p. 386—412.
[144] F e r r o M. La Révolution russe de 1917, p. 110.
[145] F e r r o M. La Révolution de 1917, t. 2, p. 434.
[146] F e r r o M. Dès Soviets..., p. 19—20.
[147] American Historical Review, 1981, N 5, p. 1122; Soviet Studies, 1981, N 3, p. 454—459.

М. Р. ЗЕЗИНА

ОКТЯБРЬ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В БУРЖУАЗНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В условиях острейшей борьбы двух мировоззрений на международной арене, которая отражает противоположность двух мировых систем — социализма и капитализма [1], советские историки уделяют большое внимание разоблачению антимарксистских фальсификаций истории советского общества. Буржуазная историография Великой Октябрьской социалистической революции рассматривалась в работах Ю. И. Игрицкого, Н. В. Наумова, Л. Ф. Малафеева, Л. С. Гапоненко, И. И. Минца, В. Я. Лаверычева, Г. Л. Соболева и др.[2] Опубликованы исследования, где подвергаются критике буржуазные концепции роли рабочего класса и крестьянства в социалистической революции [3]. Вопрос о том, как освещается роль интеллигенции в Октябрьской революции буржуазными авторами, пока не стал предметом специального исследования. Он лишь частично затрагивался в некоторых из названных работ, а также в статьях и диссертациях, посвященных критике буржуазной историографии советской интеллигенции [4]. Необходимость выделения этой темы для специального изучения обусловлена ее научной и политической актуальностью. Роль русской интеллигенции в Октябрьской революции, ее отношение к Советской власти, политика партии по привлечению буржуазных специалистов грубо искажаются в западной советологии. Фальсифицируя начальный этап истории советской интеллигенции, буржуазные авторы стремятся доказать, что она всегда была чужда народу, враждебна Коммунистической партии. Их политические цели вполне определенны. В условиях научно-технической революции в развитых капиталистических странах численность интеллигенции быстро растет, все заметнее становится участие этого социального слоя в общественной жизни, в борьбе за мир, в революционном движении. Активной политической силой стала интеллигенция и в развивающихся странах. В обстановке острой идейной борьбы за интеллигенцию фальсификация истории русской интеллигенции связана со стремлением буржуазных идеологов предотвратить сдвиг влево многомиллионной армии работников умственного труда капиталистических и развивающихся стран.

Цель настоящей статьи — дать критический анализ концепций современной буржуазной историографии проблемы «Октябрьская революция и интеллигенция». Большая и многогранная, она включает в себя такие вопросы, как роль интеллигенции в Октябрьской революции, ее размежевание в ходе революции и в процессе социалистического строительства, политика большевистской партии по отношению к интеллигенции во время подготовки, проведения и после победы революции [5]. Автором использованы общие работы буржуазных авторов по истории СССР и истории КПСС, а также специальные, посвященные Октябрьской революции, ис-

тории русской и советской культуры, истории интеллигенции, вышедшие на английском языке за последние 20—25 лет.

Издания советологов, как и их критика советскими авторами, свидетельствуют, что советология США, Англии, Франции и других стран питается общими для них идеями, школы и концепции выделяются скорее не по национальному, а по идейно-политическим признакам. Поэтому представляется возможным не ограничиваться работами, опубликованными в одной стране.

Отличительной чертой всех изученных советологических публикаций является крайне тенденциозный подбор источников. Освещая роль русской интеллигенции в революции, буржуазные авторы опираются главным образом на белоэмигрантскую литературу. У Брешковской, Довнар-Запольского, Коковцева, Милюкова черпал информацию профессор университета Оклахомы С. Томпкинс, из эмигрантского издания «Архив русской революции» — известный английский советолог Е. Карр [6].

Кадетские и меньшевистские газеты 1917—1918 гг. — таков круг источников в статье сотрудника департамента славянских и балтийских языков Стокгольмского университета Ч. Раугла, принципиально игнорирующего большевистскую печать [7].

Используя советские источники — произведения В. И. Ленина, партийные документы, буржуазные исследователи сознательно искажают их смысл и содержание. Так поступает профессор Лондонской школы экономических и политических наук Л. Шапиро, объясняя выступление Ленина против идеологов Пролеткульта тем, что во главе этой организации стоял его давний противник А. А. Богданов [8]. Этим же приемом пользуется профессор Колумбийского университета (США) Ш. Фитцпатрик, утверждая, что дореволюционная русская интеллигенция определялась Лениным как чисто буржуазная [9]. Искаженную картину советского общества изображает преподаватель Оксфордского университета Р. Хингли, тенденциозно вырывая отдельные куски из произведений русских и советских писателей [10].

Тенденциозность в подборе исторических источников, отсутствие научных приемов их анализа сочетаются в работах советологов с методологической несостоятельностью. Место и роль интеллигенции в русском и советском обществе, отношение к Советской власти, политика партии по отношению к интеллигенции рассматриваются в буржуазной литературе с позиций технократических «элитарных» концепций. «Новым» веянием в современной советологии, отметил И. И. Минц, явилось активное использование «веховских» идей для доказательства исторической «бесполезности» русских революций, во многом явившихся результатом «заблуждений» интеллигенции [11]. Один из советников по русским делам президента Р. Рейгана Р. Пайпс посвятил биографии и взглядам П. Струве, видного представителя «веховства», две монографии. Пайпс считает Струве одним из наиболее замечательных и влиятельных русских интеллектуалов и подчеркивает идентичность взглядов своих и героя относительно русской истории [12].

Нет необходимости здесь останавливаться подробно на идеях печально знаменитого сборника «Вехи», получившего в свое время ленинскую оценку как энциклопедии «*либерального ренегатства*» [13].

Методологическая путаница советологических исследований ярко проявилась в попытках их авторов дать характеристику русской интеллигенции 1917 г. и определить границы этого социального слоя. Наиболее крайние взгляды по этому вопросу высказал С. Томпкинс. Отвергая очевидное значение слова «интеллигенция» (лица с высоким уровнем образования и интеллекта), он утверждал, что оно «в действительности обозначает небольшое меньшинство, фанатически преданное революции» [14]. Несмотря на очевидную нелепость такого утверждения и критику его в советологической литературе, подобную же характеристику интеллигенции дал Хингли [15].

Возражая Томпкинсу, бывший белоэмигрант Б. Елкин писал, что такой подход исключает либеральную интеллигенцию. Как очевидец событий он справедливо отметил, что в 1917 г. революционные группы составляли лишь незначительное меньшинство русской интеллигенции, среди интеллигентов можно было встретить людей самых различных политических убеждений [16]. Если свидетельства Елкина представляют определенный интерес, то его научная концепция явно неоригинальна и несостоятельна. Он заимствует ее из работы П. Милюкова «Интеллигенция в России», напечатанной за полвека до его статьи. Вслед за Милюковым Елкин дал два толкования термина «интеллигенция»: в широком смысле — образованный класс, а в узком — «та часть (бóльшая) образованного класса, чьей отличительной характеристикой было стремление преодолеть застой существующей в России системы правления и обеспечить изменение режима» [17].

Сходные идеи высказывал и Пайпс. Пытаясь доказать несамостоятельность русской культуры, он связывал появление интеллигенции в России с западным влиянием и включал в состав интеллигенции всех профессионалов, просвещенное дворянство, буржуазию, всех граждан, чей образ мыслей строился на европейский манер, кто разделял либеральные взгляды. Интеллигенция в узком смысле, по Пайпсу, это люди, воспринявшие идеи социализма и революции [18].

Шапиро и Л. Лабедц характеризовали русскую интеллигенцию как группу, находившуюся в оппозиции правительству [19]. Такой подход близок представлениям русской дореволюционной либеральной интеллигенции о своей принадлежности к некоей надклассовой группе критически мыслящих просвещенных личностей. Именно таким образом пытается изобразить интеллигенцию Ч. Раугл, хотя ему приходится признать, что революционные события февраля — октября 1917 г. опровергали подобное представление интеллигенции о себе и своем общественном предназначении [20].

Несмотря на различия в характеристиках русской интеллиген-

ции буржуазными советологами, подход к анализу этой социальной группы у них общий. Наиболее характерной чертой русской дореволюционной интеллигенции они считают надклассовость, критическое отношение к существующему государственному строю и стремление реформистским или революционным путем его изменить. Налицо политическая тенденциозность подобной характеристики. Искажая исторические факты, отказываясь от научного подхода к анализу места и роли интеллигенции в предреволюционной России, советологи стремятся заодно опорочить и современную советскую интеллигенцию. Ход их рассуждений несложен: либо интеллигенции социалистического общества приписывается критическое отношение к существующему строю (так утверждал Хингли, отождествив интеллигенцию с горсткой диссидентов) [21], либо советская интеллигенция вообще лишается ими права на существование, потому что она в корне отличается от своего прототипа (таково мнение Пайпса, который писал, что группа, называемая советской интеллигенцией, крайне неопределенна и нуждается в другом наименовании [22]).

Буржуазные советологи изучают интеллигенцию в отрыве от общественных социально-экономических отношений, считая политическую позицию основной характеристикой социальной группы. Но очевидно, что политические устремления русской интеллигенции накануне революции не были общими для всего этого социального слоя. Интеллигенция отражала весь спектр политических настроений классов русского общества — от консервативно-монархических до социалистических. Критическое отношение к существовавшему тогда строю характерно не столько для интеллигенции, сколько для широких народных масс. Об этом свидетельствует размах рабочих, солдатских и крестьянских выступлений под лозунгами свержения самодержавия и буржуазии.

Подлинно научный анализ места и роли интеллигенции в обществе возможен лишь на основе ленинской методологии изучения социально-классовой структуры. В. И. Ленин относил к интеллигенции «всех образованных людей, представителей свободных профессий вообще, представителей умственного труда (brain worker, как говорят англичане) в отличие от представителей физического труда» [23]. Таким образом, основным критерием для выделения интеллигенции в особый социальный слой является ее роль в общественном разделении труда — занятие умственным трудом. Интеллигенцию нельзя рассматривать изолированно от общества и господствующих в нем экономических отношений, ибо она «занимает своеобразное положение среди других классов, примыкая отчасти к буржуазии по своим связям, воззрениям и проч., отчасти к наемным рабочим, по мере того, как капитализм все более отнимает самостоятельное положение у интеллигента, превращает его в зависимого наемника, грозит понизить его жизненный уровень» [24].

В попытках советологов определить место интеллигенции в обществе особенно наглядно видны источники современных бур-

жуазных концепций. Идеи и методологические принципы исследования буржуазные авторы черпают у идеологов народничества и кадетско-меньшевистской эмиграции. Разве не повторением «нелепой народнической *идеи* о всемогуществе интеллигенции»[25] является попытка отождествить этот социальный слой с «генеральным штабом русской революции»? Или утверждение, что все политические партии дореволюционной России были партиями интеллигенции? Идеи эти не новы, их обстоятельная критика содержится в работах В. И. Ленина, направленных против народничества и легального марксизма. Ленин неоднократно подчеркивал, что интеллигенция выражает развитие классовых интересов; чтобы судить об этой общественной группе, «нужно сопоставить идеи и еще более программы нашей «бессословной интеллигенции» с *положением и интересами данных классов русского общества*»[26]. Лишь такой подход позволит изучить социально-экономическое положение интеллигенции в предреволюционной России, а также политические течения внутри этого социального слоя во всей их сложности и в развитии.

Из характеристики интеллигенции логически вытекает ответ на вопрос: какую же роль сыграл этот социальный слой в Октябрьской революции? Если советские историки, опираясь на марксистско-ленинскую методологию анализа интеллигенции, показывают ее социально-политическую дифференциацию в процессе социалистической революции, то буржуазные авторы односторонне искаженно изображают отношение «образованного класса» к Октябрю.

Русская интеллигенция в массе своей приветствовала свержение самодержавия. Отношение же различных ее групп к социалистической революции было чрезвычайно пестрым. Многие представители русской интеллигенции сразу и безоговорочно приняли Советскую власть, значительная часть работников умственного труда заявила о своем политическом нейтралитете, часть заняла контрреволюционные позиции. Между этими группировками не было жестких границ, их соотношение постоянно менялось под влиянием революционных событий. Если в первые месяцы Советской власти в массе буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции преобладало враждебное отношение к большевикам, то постепенно, через закономерный этап политического нейтралитета, все больше представителей старой русской интеллигенции сознательно переходили на социалистическую платформу[27]. Большинство советологов не желают видеть всей пестроты и сложности восприятия интеллигенцией социалистической революции, игнорируют процесс изменения ее идейно-политических настроений, абсолютизируя те или иные заявления, взятые со страниц кадетской печати.

«Революционный пыл» русской интеллигенции, по мнению советологов, иссяк после Февраля. Отношение интеллигенции к социалистической революции изображается буржуазными авторами как резко отрицательное. Дореволюционные классы профессио-

налов в целом не сочувствовали большевизму, утверждает Хингли[28]. Несмотря на революционные традиции русской интеллигенции, почти никто из ее представителей не поддержал большевиков, пишет Фитцпатрик[29]. Лишь небольшое меньшинство образованного общества приняло революцию в Октябре 1917 г., подавляющее большинство стали классовыми врагами пролетариата, повторяет она в своей следующей работе[30]. Интеллигенция в массе своей, включая так называемую народную интеллигенцию, активно выступила против большевистской власти в массовых стачках конца 1917 г., подчеркивает М. Левин[31].

Вызывает возражение крайняя односторонность подобных утверждений. Да, большинство русской дореволюционной интеллигенции принадлежало к буржуазным и мелкобуржуазным слоям, и эта преобладающая часть интеллигенции не поддержала социалистическую революцию. Но многие представители прогрессивной русской интеллигенции перешли на позиции пролетариата еще до революции, их число неизмеримо возросло после победы Октября. Да, значительное число учителей, врачей, инженеров по призыву контрреволюционного руководства профессиональных союзов участвовали в саботаже. Но не следует преувеличивать его масштабы: он охватил часть интеллигенции столиц и почти не затронул провинцию, причем был преодолен за два-три месяца[32]. Необходимо также отличать организаторов от рядовых участников саботажа. Вырывание фактов, абсолютизация отдельных сторон сложных и противоречивых взаимоотношений интеллигенции с Советской властью недопустимо, ибо приводит к искажению общей картины.

В буржуазной историографии встречаются и другие трактовки отношения интеллигенции к социалистической революции. Так, Шапиро выделяет в составе старой интеллигенции наряду с большой группой противников коммунистического режима людей, которые, не принимая коммунизм, были готовы на сотрудничество с Советской властью по различным мотивам[33]. Профессор Вашингтонского университета Р. Вильямс пишет о преобладании политического нейтрализма в настроениях интеллигенции. По его мнению, типичны те представители интеллигенции, которые не примкнули к белым, а сотрудничали с красными, но позже были изгнаны большевиками или изменили свои взгляды[34]. Для подобных трактовок также характерна политическая тенденциозность и односторонность. Они весьма далеки от реального исторического процесса и не отражают всей пестроты и динамичности действительности.

В освещении политики Коммунистической партии по отношению к дореволюционной интеллигенции буржуазными авторами можно выделить два основных варианта. Первый из них предложил Карр еще в 1955 г. Суть его концепции состоит в следующем. Захватив власть, рабочие и крестьяне не смогли управлять государством без помощи специалистов, поэтому Советская власть пошла на молчаливый компромисс со старой интеллигенцией.

В политически важных сферах высшие посты находились в руках большевиков, но «за партийным фасадом все больше практической работы делалось теми же людьми, которые раньше делали ее для других хозяев»[35]. Контроль за буржуазными специалистами не оправдал себя, так как администраторы-коммунисты были беспомощны перед знаниями и опытом интеллигенции. Постепенно сложился необъявленный союз между партией, выступающей от имени пролетариата, и интеллигенцией. Рабочий класс оказался в изоляции и меньшинстве[36].

Нелепость утверждений Карра об изоляции рабочего класса в государстве диктатуры пролетариата, явная грубость его фальсификации вынудили других буржуазных советологов искать более тонкие версии. Шапиро, Лабедц, Пайпс, Фитцпатрик рассматривают привлечение интеллигенции к сотрудничеству с Советской властью как вынужденную меру, которая носила временный характер. Шапиро пишет, что сотрудничество большевиков с некоммунистической интеллигенцией продолжалось лишь до тех пор, пока Советская власть в них нуждалась, приблизительно до 1930 г. К этому времени было подготовлено достаточное число коммунистических специалистов, и большевики пошли на полный разрыв со старой интеллигенцией[37]. С начала 30-х годов, по мнению Лабедца и Пайпса, начался упадок русской интеллигенции, который связан с преследованиями со стороны коммунистов за враждебное отношение к режиму, а также с индустриализацией. Советская власть больше не нуждалась в дореволюционных специалистах и полностью разорвала с ними[38].

Сходные идеи прозвучали в работах Фитцпатрик, которая свела социалистическую культурную революцию к борьбе Советской власти против интеллигенции, за замену буржуазных специалистов выходцами из рабоче-крестьянской среды и ограничила хронологические рамки этого процесса годами первой пятилетки[39]. Хотя Д. Журавски определил начальную дату культурной революции в СССР 1917 г., по существу, его взгляды ничем не отличаются от позиции Фитцпатрик. Он считает, что основное содержание культурной революции — подавление интеллигенции, превращение ее в класс послушных слуг[40]. В докладе на конференции «Происхождение советской культуры», которая проходила в 1981 г. в Институте Кеннана, Фитцпатрик повторила свои измышления, подчеркнув, что коммунисты рассматривали интеллигенцию как часть враждебного класса — буржуазии, которой удалось в отличие от всей буржуазии выжить в гражданской войне[41]. Примерно так же представляет политику партии в отношении интеллигенции Хингли[42]. Подобных взглядов придерживается Раугл, изображая отношение большевистской партии к интеллигенции как «крестовый поход» против этого социального слоя, который на время был приостановлен весной 1918 г., чтобы потом развернуться с новой силой[43].

Действительный смысл и содержание ленинской политики партии по отношению к дореволюционной интеллигенции весьма да-

леки от измышлений советологов. В. И. Ленин рассматривал интеллигенцию как союзника пролетариата в борьбе за общедемократические свободы, за свержение самодержавия, за строительство социалистического общества. В основе этого союза — высокая освободительная миссия пролетариата, который, освобождая себя, нес освобождение всем наемным работникам капитала, в том числе интеллигенции.

Нельзя всю политику партии по отношению к старой интеллигенции сводить, как это делают современные буржуазные авторы, к вынужденному и временному использованию ее в интересах восстановления экономики. О каком подавлении русской интеллигенции большевиками может идти речь, если одним из требований программы большевистской партии было «ставить буржуазных специалистов в обстановку товарищеского общего труда, рука об руку с массой рядовых рабочих, руководимых сознательными коммунистами, и тем способствовать взаимному пониманию и сближению разъединенных капитализмом работников физического и умственного труда»?[44] Не выдерживает критики и утверждение о существовании так называемого «необъявленного союза» коммунистов с буржуазными специалистами за спиной пролетариата.

В. И. Ленин определял привлечение буржуазных специалистов к сотрудничеству с Советской властью как одну из форм классовой борьбы в условиях переходного периода от капитализма к социализму[45]. Но эта борьба велась не против интеллигенции, как считают Фитцпатрик, Журавски, Раугл и другие советологи, а за интеллигенцию, за освобождение работников умственного труда из-под влияния буржуазии. Методы подавления, которые в действительности применялись лишь к контрреволюционным элементам этого социального слоя, эти авторы распространяют на всю интеллигенцию. Партийным организациям было дано указание «проявить дифференцированное отношение к каждой отдельной группе (или даже отдельному лицу) представителей науки, техники, медицины, педагогики и пр. и т. п.», оказывать систематическую поддержку и вести деловое сотрудничество с беспартийной интеллигенцией[46]. Эту линию партия проводила начиная с победы Октября на протяжении всего переходного периода. Свидетельством успеха этой политики и убедительным опровержением фальсификаций буржуазных советологов явилось создание социалистической советской интеллигенции, в состав которой органически влились кадры дореволюционных специалистов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986, с. 165.

[2] См.: Игрицкий Ю. И. Мифы буржуазной историографии и реальность истории. М., 1974; Наумов Н. В. Великая Октябрьская социалистическая революция во французской буржуазной историографии. М., 1975; Гапоненко Л. С., Минц И. И., Лаверычев В. Я. Исторический опыт Великого Октября и критика буржуазной историографии. М., 1977; Соболев Г. Л. Октябрьская революция в американской историографии. Л., 1979; Малафеев Л. Ф. Величие Октября и банкротство его критиков. М., 1982; и др.

[3] См.: Вдовин А. И., Дробижев В. З., Игрицкий Ю. И., Соколов А. К. Великий Октябрь, рабочий класс и современная буржуазная историография. М., 1977; Ясковец Г. А. Правда и ложь о рабочем классе. М., 1978; Корчагова М. Н. Англо-американская буржуазная историография о роли крестьянства в революциях 1917 г. — История СССР, 1970, № 4; Петров А. П. Критика фальсификаций аграрно-крестьянского вопроса в трех русских революциях. М., 1977; и др.

[4] См.: Ноткин Б. И. Советская интеллигенция в освещении современной буржуазной англо-американской историографии. — История СССР, 1972, № 3; Добрускин М. Е. Несостоятельность антикоммунистической фальсификации положения и роли советской интеллигенции в обществе. — Научный коммунизм, 1976, № 4; Жуков Ю. Н. Новейшая англо-американская буржуазная историография о роли художественной интеллигенции в период революции и социалистического строительства в СССР. — В кн.: Вопросы развития художественной культуры в СССР и идеологическая борьба на мировой арене. М., 1976; Лыткин В. А. Критика буржуазных фальсификаций взаимоотношения КПСС и интеллигенции. Автореф. дис. М., 1977; Мягков А. Ю. Критика буржуазных социологических концепций места и роли интеллигенции в социалистическом обществе. Автореф. канд. дис. М., 1983; и др.

[5] Подробнее см.: Федюкин С. А. Октябрь и интеллигенция (Некоторые методологические аспекты проблемы). — В кн.: Интеллигенция и революция. XX век. М., 1985, с. 20—34.

[6] Tompkins S. The Russian Intelligentsia. Makers of the Revolutionary State. Norman (Okl.), 1957; Tompkins S. The Triumph of Bolshevism. Revolution or Reaction? Norman (Okl.), 1967; Carr E. Socialism in One Country, vol. 1. L., 1958.

[7] Rougle Ch. The Intelligentsia Debate in Russia 1917—1918. Art, Society, Revolution: Russia 1917—1921. Stockholm, 1979.

[8] Schapiro L. The Communist Party of the Soviet Union. N. Y., 1960, p. 344.

[9] Fitzpatrick Sh. Cultural Revolution as a Class War. Cultural Revolution in Russia 1928—1931. Ed. by Sh. Fitzpatrick, Bloomington—London, 1978, p. 8.

[10] Hingley R. Russian Writers and Soviet Society 1917—1978. L., 1979.

[11] См.: Минц И. И. Великая Октябрьская социалистическая революция и интеллигенция. — В кн.: Интеллигенция и революция. XX век, с. 16—17.

[12] Pipes R. Struve—Liberal on the Right 1905—1944. L., 1980, p. 245.

[13] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 168.

[14] Tompkins S. The Russian Intelligentsia..., p. 271.

[15] Hingley R. Op. cit., p. 166.

[16] Elkin B. The Russian Intelligentsia on the Eve of the Revolution. — In: The Russian Intelligentsia. Ed. by R. Pipes. N. Y., 1961, p. 32.

[17] Ibidem.

[18] Pipes R. The Historical Evolution of the Russian Intelligentsia. — In: The Russian Intelligentsia, p. 48.

[19] Schapiro L. The Pre-Revolutionary Intelligentsia and the Legal Order.— In: The Russian Intelligentsia, p. 30; Labedz L. The Structure of the Soviet Intelligentsia. — In: The Russian Intelligentsia, p. 65.

[20] Rougle Ch. Op. cit., p. 72.

[21] Hingley R. Op. cit., p. 164.

[22] Pipes R. Op. cit., p. 49.

[23] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 8, с. 309.

[24] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 209.

[25] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 441.

[26] Там же.

[27] Этот процесс подробно исследован в монографии: Федюкин С. А. Великий Октябрь и интеллигенция. Из истории вовлечения старой интеллигенции в строительство социализма. М., 1972. См. также: Федюкин С. А. Октябрь и интеллигенция (Некоторые методологические аспекты проблемы).

[28] Hingley R. Op. cit., p. 167.

[29] Fitzpatrick Sh. Op. cit., p. 18.

[30] Fitzpatrick Sh. Education and Social Mobility in the Soviet Union. 1921—1934. Cambr., 1979, p. 3.

[31] Levin M. Society, State, Ideology during the First Five Year Plan. — In: Cultural Revolution in Russia, 1928—1931, p. 67—68.

[32] Подробнее см.: Минц И. И. Революция и интеллигенция. — В кн.: Советская культура. История и современность. М., 1983, с. 42.

[33] Schapiro L. The Communist Party of the Soviet Union, p. 341.

[34] Williams R. Culture in Exile. Russian Emigres in Germany. 1881—1941. Ithaca—London, 1972, p. 68.

[35] Carr E. Op. cit., p. 115.

[36] Ibid., p. 118—124.

[37] Schapiro L. Op. cit., p, 115.

[38] Labedz L. Op. cit., p. 66; Pipes R. Op. cit., p. 52.

[39] Fitzpatrick Sh. Cultural Revolution as a Class War. — In: Cultural Revolution in Russia 1928—1931, p. 8.

[40] Joravsky D. The Construction of the Stalinst Psyche. — In: Cultural Revolution in Russia 1928—1931, p. 105—106.

[41] Fitzpatrick Sh. The Civil War as a Formative Experience, Conference on the Origins of Soviet Culture, May 18—19. Wash., 1981, p. 29.

[42] Hingley R. Op. cit., p. 168.

[43] Rougle Ch. Op. cit., p. 87.

[44] КПСС в резолюциях..., т. 2, с. 52—53.

[45] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 264.

[46] КПСС в резолюциях..., т. 2, с. 394.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ВЕДУЩАЯ РОЛЬ РАБОЧЕГО КЛАССА В РАЗВИТИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

А. П. СЕРЦОВА

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ МИССИЯ РАБОЧЕГО КЛАССА В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛИЗМА

Ярко проявляющиеся при социализме интернационалистские черты рабочего класса своими корнями и истоками уходят в экономическое положение, общность интересов и конечных целей, в его революционное движение при капитализме. «... Освобождение труда, — писал К. Маркс, — не местная и не национальная проблема, а социальная, охватывающая все страны...» [1] Ф. Энгельс подчеркивал, что «рабочий класс по самой своей природе интернационален» [2]. Пламенный призыв «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», сформулированный в «Манифесте Коммунистической партии», и поныне остается боевым лозунгом, выражающим всемирно-историческую освободительную миссию рабочего класса.

Интернациональная миссия рабочего класса является одной из сторон его исторической миссии, впервые нашедшей теоретическое обоснование в трудах классиков марксизма. Историческая миссия пролетариата — это историческая задача, цель его существования и деятельности. Реализация всемирно-исторической миссии пролетариата предполагает решение двух задач: во-первых, ликвидацию капитализма как системы эксплуатации (это революционно-разрушительная ее функция), во-вторых, создание нового, коммунистического общества (революционно-созидательная функция — она является основной). Оценивая исторические заслуги основоположников марксизма перед человечеством, В. И. Ленин писал: «Главное в учении Маркса, это — выяснение всемирно-исторической роли пролетариата как созидателя социалистического общества» [3].

Из всех угнетенных классов буржуазного общества только рабочий класс обладает такими качествами, которые делают его способным к выполнению всемирно-исторической миссии. Он самый революционный класс капиталистического общества. «Из всех классов, которые противостоят теперь буржуазии, — подчеркивали Маркс и Энгельс, — только пролетариат представляет собой действительно революционный класс» [4]. В силу самих условий капиталистического производства он является также самым организованным, дисциплинированным и сознательным классом. В борьбе за осуществление своих идеалов рабочий класс не одинок: в тесном союзе с ним выступают другие классы и слои, также страдающие от эксплуатации, — трудовое крестьянство, ремесленни-

ки, мелкая буржуазия города, трудовая интеллигенция. Особенно большое значение классики марксизма-ленинизма придавали союзу рабочего класса с крестьянством — в этом они видели основную силу, призванную совершить революцию и построить социализм.

Идея Маркса и Энгельса о всемирно-исторической миссии пролетариата включала в себя и положение об освободительной роли рабочего класса по отношению к угнетенным нациям и колониальным народам. При рассмотрении всемирно-исторической миссии пролетариата в общем плане этот момент исследователями не всегда отмечается. Между тем рабочий класс осуществляет свою историческую миссию как раз в тесном союзе с трудящимися (прежде всего с крестьянством) и с угнетенными народами. Освобождая себя от капиталистического рабства, он освобождает от угнетения все общество.

Классики марксизма всесторонне обосновали и внешнеполитическую деятельность рабочего класса — борьбу за мир, борьбу против развязывания господствующими классами захватнических, грабительских, несправедливых войн. Они считали мирную жизнь народов первейшим условием осуществления общественного прогресса. Основоположники научной теории рассматривали ликвидацию враждебных отношений между народами как составную часть революционной борьбы за освобождение трудящихся. Вековая мечта человечества о справедливом обществе — социализме — перестала быть бесплодной утопией с того времени, когда появилась и научно была установлена общественная сила — рабочий класс, способный превратить эту мечту в жизнь.

В новую эпоху теоретическое обоснование исторической миссии рабочего класса получило дальнейшее развитие в трудах В. И. Ленина. Отметив, что экономическое положение пролетариата, равно как и условия его освобождения, не национально, а интернационально[5], он творчески развил марксистское учение о неразрывности задач свержения буржуазии в каждой стране и общей борьбы против всевластия капитала. Капитал есть сила международная, подчеркивал В. И. Ленин. Поэтому и борьба против него может иметь успех при совместных действиях всех антиимпериалистических сил, и прежде всего рабочего класса и его авангарда — коммунистических и рабочих партий. Ленинское учение об исторической миссии рабочего класса развивается в решениях съездов КПСС и постановлениях ее ЦК, совещаниях коммунистических и рабочих партий.

Труднейшая и ответственнейшая задача первым разорвать цепь мирового господства эксплуататоров выпала на долю российского пролетариата, отличавшегося, как отмечено в новой редакции Программы КПСС, «...высокой революционностью и организованностью»[6]. Эти качества поставили его в первые ряды борцов за интернациональное единство трудящихся. В конце XIX в. В. И. Ленин отмечал, что «русские рабочие протягивают руки международному рабочему движению»[7]. С самого начала револю-

ционной деятельности пролетариат России выступил как класс-интернационалист. В духе интернационализма создавалась, росла и крепла партия большевиков. Разрабатывая ее политику, стратегию и тактику, Ленин исходил из общности интернациональных и национальных задач, добивался объединения всех революционных сил под руководством авангарда рабочего класса.

Победа Великого Октября была и победой пролетарского интернационализма. Значение Великой Октябрьской социалистической революции вышло далеко за национальные рамки, она стала переломным событием всемирной истории, определила генеральное направление и основные тенденции мирового развития.

Пролетарский интернационализм приобрел новый импульс с построением социализма в СССР. Рабочий класс Советского Союза рассматривал и оценивал успехи в строительстве и укреплении позиций социализма в нашей стране в качестве реальной помощи борющимся зарубежным братьям по классу.

С выходом социализма после разгрома гитлеровской Германии и империалистической Японии за рамки одной страны и образованием мировой социалистической системы сформировалась новая могучая историческая сила — рабочий класс социалистических стран. Это многочисленный отряд активных бойцов с высоким уровнем развития классового самосознания, с ясным пониманием целей борьбы и исторической перспективы. Сила рабочего класса социалистических стран — в интернациональном единстве, в руководстве политическим авангардом — коммунистическими и рабочими партиями, в том, что власть находится в руках рабочего класса социалистических государств.

Интернациональные связи объединяют рабочий класс социалистических стран с братьями по классу — трудящимися капиталистических стран, которые в невероятно трудных условиях засилья буржуазной идеологии в общественном сознании в ходе классовых битв сплачиваются воедино, создают свои организации, ведут экономическую, политическую, идеологическую борьбу против капитализма. Коренные интересы пролетариата обусловливают настоятельную необходимость в интернациональном единстве рабочего движения, солидарных действиях всех отрядов рабочего класса.

Таким образом, сфера пролетарского интернационализма глобальна. Она охватывает жизненные интересы рабочего класса социалистических стран, проявляется в классовой солидарности с трудящимися стран капитализма, с молодым и быстро растущим рабочим классом стран Азии, Африки и Латинской Америки. Всех объединяет также общая борьба против угрозы ядерной войны, за мир и социальный прогресс.

Принцип пролетарского интернационализма проявляется и действует не вообще, а в определенных исторических условиях. В. И. Ленин требовал выяснять: «...*каковы конкретные* особенности национального вопроса и национальных движений *данной* страны в *данную* эпоху?»[8] Такой подход важен при раскрытии

интернационалистских черт рабочего класса на этапах становления и развития социализма.

Октябрьская социалистическая революция явила всему миру образец теснейшего сочетания в деятельности сплоченной вокруг В. И. Ленина большевистской партии национальных и интернациональных задач при последовательном и непременном преимуществе интернациональных интересов. Впервые в истории была достигнута победа над эксплуататорами, открылась реальная перспектива построения социализма. Вместе с тем на повестку дня выдвинулся вопрос о том, как закрепить победу пролетарской диктатуры, защитить власть трудящихся от угрозы реставрации старых порядков. Необходимость защиты первого в мире государства рабочих и крестьян от посягательств мирового империализма по-новому высветила проблему пролетарского интернационализма. Его идеи и принципы, воплощенные в разработанную партией программу межнациональных отношений, были призваны способствовать сплочению трудящихся различных национальностей внутри страны вокруг рабочего класса для упрочения Советской власти, обеспечению поддержки международным пролетариатом революционных усилий трудящихся Республики Советов в отстаивании завоеваний Октября, оказанию максимально возможной помощи со стороны совершившего победоносную революцию пролетариата России мировому рабочему движению. Такая тактика большевиков, писал В. И. Ленин в работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский», была единственно интернационалистской потому, что «проводила максимум осуществимого в одной стране *для* развития, поддержки, пробуждения революции *во всех странах*» [9].

Главнейшей предпосылкой и условием закрепления победы социалистической революции в России было развертывание революционных сил страны. Победа могла быть достигнута только на основе классового единства трудящихся всех национальностей, их полного высвобождения из-под влияния националистических предрассудков в общей борьбе против свергнутых классов — буржуазии и помещиков, последовательного утверждения принципов пролетарского интернационализма.

Первые шаги в осуществлении ленинской национальной политики партия совершала в обстановке, когда враждебные пролетарской революции силы навязали молодой Республике Советов кровопролитную гражданскую войну, когда обширные регионы страны были временно захвачены белогвардейцами и интервентами. Уже тогда проявилась великая сила интернационалистской солидарности, ибо в рядах Красной Армии, в партизанских отрядах героически сражались против внутренней и внешней контрреволюции трудящиеся всех национальностей нашей страны. Слав-

ную страницу практического осуществления идей пролетарского интернационализма вписали бойцы-интернационалисты из бывших военнопленных. Большое значение в оказании интернациональной помощи Советской Республике имели массовые демонстрации, забастовки, протесты в капиталистических странах против вооруженного вмешательства во внутренние дела революционной России.

В период переговоров и заключения Брестского мира В. И. Ленину пришлось выдержать трудную борьбу в партии против «левых коммунистов», которые недооценивали интернационалистскую помощь, возможность выхода из войны и получения мирной передышки для укрепления внутреннего положения Советской России, что способствовало бы и развертыванию революционного процесса в капиталистических странах. Заключенный в Бресте «позорный мир», как и предвидел Ленин, стал недействительным благодаря революционному движению трудящихся на Западе, в первую очередь Ноябрьской революции 1918 г. в Германии.

Огромное значение имела не только практическая реализация принципов пролетарского интернационализма, но также идейная борьба против попыток со стороны оппортунистических и ревизионистских элементов в международном рабочем движении подменить принципы интернационализма национализмом, противопоставить одни отряды рабочего движения другим.

Решительное выступление В. И. Ленина против вождей оппортунизма во II Интернационале и, в частности, против главного теоретика центризма К. Каутского способствовало размежеванию в рядах рабочего движения, отколу от социал-демократических партий «левых» сил и созданию коммунистических партий, прочно становившихся на платформу пролетарского интернационализма. Одновременно Ленин вел борьбу и против опасности «слева», угрожавшей молодому коммунистическому движению. Сплочению его рядов способствовали и организационные меры. Был создан Коммунистический Интернационал, название которого свидетельствовало о принципиальной направленности этого движения. Огромная заслуга в создании Коминтерна принадлежит В. И. Ленину, который воспитывал в коммунистах разных стран чувство братской солидарности и заботу за судьбы движения в целом. «Мы гордимся тем, — писал он, — что великие вопросы борьбы рабочих за свое освобождение мы решаем, подчиняясь международной дисциплине революционного пролетариата, учитывая опыт рабочих разных стран, считаясь с их знаниями, с их волей, осуществляя таким способом на деле (а не на словах, как Реннеры, Фрицы Адлеры и Отто Бауэры) единство классовой борьбы рабочих за коммунизм во всем мире» [10].

Осмысливая задачи и характер пролетарского интернационализма как выражения исторических задач и целей рабочего класса, В. И. Ленин подчеркивал необходимость оказания всесторонней помощи революционному движению в зарубежных странах, особенно национально-освободительному движению в колониях.

Он усматривал задачу в том, чтобы «пробудить революционную активность к самодеятельности и организации трудящихся масс, независимо от того, на каком уровне они стоят, перевести истинное коммунистическое учение, которое предназначено для коммунистов более передовых стран, на язык каждого народа, осуществлять практические задачи, которые нужно осуществить немедленно, и слиться в общей борьбе с пролетариями других стран» [11].

Гражданская война и интервенция затормозили и усложнили процесс социалистического строительства в нашей стране. Необходимо было преодолеть разруху, голод, создать и укрепить государственность, а главное, наладить экономику. В этом как раз и усматривал В. И. Ленин основное направление интернациональной деятельности партии рабочего класса. «Сейчас, — говорил В. И. Ленин на X партийной конференции в мае 1921 г., — главное свое воздействие на международную революцию мы оказываем своей хозяйственной политикой. Все на Советскую Российскую республику смотрят, все трудящиеся во всех странах мира без всякого исключения и без всякого преувеличения. ... На это поприще борьба перенесена во всемирном масштабе» [12].

Разработка В. И. Лениным идей пролетарского интернационализма и их конкретное воплощение в жизнь в ходе строительства социализма способствовали сплочению трудящихся масс вокруг рабочего класса, поднимали их на новые свершения. Важной вехой на пути развития Советского государства, укрепления дружбы и сотрудничества народов было образование в 1922 г. нового многонационального государства — Союза Советских Социалистических Республик. «**Образование и успешное развитие СССР имеет непреходящее международное значение, знаменует важный исторический рубеж в вековой борьбе передового человечества за равноправие и дружбу народов, за революционное обновление мира**» [13].

Интернационалистские принципы политики партии последовательно воплощались в жизнь в ходе осуществления ленинского плана построения социализма, составными частями которого являлись индустриализация, коллективизация, культурная революция. За годы первых пятилеток был обеспечен невиданный подъем экономики, культуры страны в целом, равно как и советских национальных республик. Все сильнее стала проявляться притягательная сила советского народа, сумевшего в исторически короткие сроки продемонстрировать перед всем миром возможности свободного от эксплуатации труда.

М. И. Калинин говорил на торжественном заседании Московского Совета 6 декабря 1929 г.: «Международный рабочий класс с каждым годом все больше и больше начинает рассматривать Советский Союз как свое подлинное Отечество, а дело Советского Союза, дело рабочего класса и крестьянства СССР, как свое кровное дело, а нас, рабочих и крестьян, как свой революционный авангард» [14].

Носителем высоких интернационалистских качеств выступал

новый рабочий, представитель рабочего класса Страны Советов. Осуществляя свою ведущую роль, он сплачивал вокруг себя трудящиеся массы в ходе строительства социализма.

Сегодня с позиции более чем полувековой давности многое из происходившего в единственной в мире социалистической стране на первых этапах ее существования окрашено романтикой. Но на самом деле эта романтика выражала титанический труд рабочего класса и всего народа под руководством Коммунистической партии. Она содержалась в реальном процессе становления новой, коммунистической общественно-экономической формации.

Всемирно-историческое значение победы социализма в СССР и роль в этом рабочего класса находили международное признание. В резолюции VII конгресса Коминтерна отмечалось, что Советский Союз стал великой государственно-политической, экономической и культурной силой, воздействующей на мировую политику. «Победа социализма в СССР вызывает глубокий переворот в сознании трудящихся всех стран» [15]. Рабочий класс Советского Союза предстал перед международным пролетариатом в качестве носителя богатейшего революционного опыта. В этом великий интернациональный смысл его деятельности.

В конце 20-х — 30-е годы зловещую опасность для стран Европы, да и всего мира, приобретал фашизм, победивший в Италии, Германии, Испании. Силы верного союзника рабочего класса СССР — пролетариата капиталистических стран дробились и подрывались антикоммунистической деятельностью буржуазных государств и их пропагандистских служб, внедрением в его сознание шовинистических, антисоветских идей. Значительная часть рабочего класса Германии, Италии была вовлечена в сети фашистской идеологии средствами демагогии и обмана. Наиболее активная, революционная часть его физически истреблялась.

В этих условиях высшим интернациональным долгом советского народа было укрепление экономического и оборонного могущества СССР, ставшего главным оплотом всех миролюбивых сил в мире, единственной подлинной преградой на пути реализации хищнических, агрессивных планов фашизма. В этом деле решающую роль играл рабочий класс нашей страны.

Следует помнить об интернационалистской солидарности, проявлявшейся в 30-е годы по отношению к Советскому Союзу. Коммунисты, передовые слои трудящихся капиталистических стран сознавали, что только СССР мог противостоять фашистской агрессии. Симпатии и любовь к Советскому Союзу пробивались сквозь полицейские преграды. К середине 30-х годов активно действовали общества друзей СССР более чем в 20 странах [16].

Исторически, как известно, сложилось так, что только Советский Союз явился реальной силой, способной разгромить фашизм и спасти цивилизацию. Начавшаяся в 1939 г. вторая мировая война побуждала Советское правительство принять особые меры по укреплению обороноспособности страны и мобилизационной готовности народа перед лицом внешней угрозы. Рабочий

класс активно откликался на меры Коммунистической партии и Советского государства, своим напряженным трудом способствовал усилению оборонной мощи СССР.

22 июня 1941 г., в день вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз, весь народ по призыву партии поднялся на защиту завоеваний Октября. Рабочий класс нашей страны, насчитывавший тогда около 20 млн. человек, рассматривал себя мобилизованным для выполнения любых заданий и на фронте и в тылу. Трудовой деятельностью рабочего класса обеспечивалась прочность тыла, без которой невозможно было бы добиться успехов на фронте.

Рабочие пополняли ряды Красной Армии. Так, например, только ленинградские судостроители проводили в армию в 1941 г. около 25 тыс. квалифицированных рабочих[17]. Рабочие участвовали в ополчении. Там, где складывалась непосредственная военная опасность, рабочие оставляли станки и брали в руки оружие. Так было, например, во время героической обороны Москвы и Ленинграда, Тулы и Сталинграда и других городов.

Усилиями рабочих была осуществлена невиданная в истории эпопея перебазирования промышленности из угрожаемых зон через огромные расстояния на Восток. Во второй половине 1941 г. было эвакуировано около 2500 предприятий (в их числе 1523 крупнейших). По мировым масштабам это было равнозначно перебазированию индустрии целой страны.

Заслугой советского рабочего класса являлось то, что он в этих трудных условиях сохранял свои ударные боевые качества, не только не ослаблял, но наращивал мощь страны, особенно в сфере военного производства. Взамен ушедших на фронт ряды рабочего класса пополняли подростки, женщины. Ущерб, нанесенный войной рабочему классу, был значителен. 1/3 промышленных рабочих ушла в армию, воевала на фронтах войны. Несмотря на пополнение рядов рабочего класса, его численность к концу войны была на 13% ниже, чем в 1941 г.[18] В годы Великой Отечественной войны рабочий класс способствовал сплочению вокруг Коммунистической партии всего советского народа на разгром фашизма.

В борьбе против гитлеровских захватчиков рабочий класс СССР был не одинок. Интернациональную солидарность с ним проявили рабочие стран антигитлеровской коалиции, участвуя в разгроме фашизма в составе союзнических армий. В оккупированных гитлеровцами странах рабочие выступали в качестве зачинателей движения Сопротивления.

Интернациональная солидарность проявлялась также в действиях патриотов стран гитлеровской коалиции, ненавидевших фашизм и боровшихся против него. Четкая классовая позиция выразилась в воззвании Компартии Германии 24 июня 1941 г.: «Наш враг находится в нашей собственной стране: фашистские рабовладельцы — вот наш враг. Победа Красной Армии и борющих-

ся за свою национальную свободу угнетенных народов будет также победой немецкого народа»[19]. Руководитель Итальянской компартии П. Тольятти в приветствии героическим защитникам Ленинграда писал: «В момент, когда черные банды гитлеровской армии бросились на ваш город, который вы защищаете с таким героизмом, мы шлем вам горячий привет от итальянских рабочих, крестьян, от итальянского народа, который восхищается вами... Вы можете быть уверены, что мы не дадим передышки фашизму здесь... Каждый ваш удар — это помощь, которую вы оказываете и нам, это удар, который может разорвать наши оковы»[20].

Интернационалистские черты рабочего класса СССР способствовали укреплению дружбы, единства советского народа в годы Великой Отечественной войны. В рядах героической Советской Армии, как и в трудовых коллективах промышленных предприятий и колхозов, бок о бок трудились представители различных национальностей, проникнутые единым сознанием: сделать все для фронта, все для победы. Социалистический интернационализм проявлялся в повседневных практических делах, он явился одним из мощных факторов, обеспечивших победу над врагом.

Великая Отечественная война была суровым испытанием нового общественного строя на прочность. Советский народ, его Вооруженные Силы под руководством Коммунистической партии с честью выдержали его. Были разгромлены ударные отряды международного империализма — гитлеровская Германия и милитаристская Япония, народы Европы и Юго-Восточной Азии обрели благодаря этому возможность свободно и самостоятельно определять свои судьбы.

Победа была одержана невероятными усилиями и ценой многочисленных жертв. Ее обеспечили героические подвиги советских людей на фронте и их самоотверженный труд в тылу. Выступая на торжественном собрании в честь 40-летия Победы, М. С. Горбачев отметил высокую роль рабочего класса в разгроме врага[21]. Его организованность, стойкость и мужество служили цементирующей силой в эти суровые годы испытаний. Рабочий класс Советского Союза выполнил свой патриотический долг и вместе с тем проявил себя как интернациональная сила по отношению к трудящимся всего мира.

В послевоенный период перед советским народом и его рабочим классом встала задача восстановления народного хозяйства и преодоления последствий войны. Она решалась в обстановке, когда необходимо было оказывать всестороннюю помощь народам, освобожденным из-под гитлеровского господства и вставшим на путь социалистического развития, а также не допустить новой империалистической агрессии со стороны американских хищников и их союзников по НАТО. Совокупность всех этих задач предопределяла и особый характер интернациональной миссии, которую выполнял Советский Союз и его рабочий класс в этот исторический период.

В короткий срок наша страна залечила тяжелые раны войны,

значительно укрепила свой экономический, научно-технический и оборонный потенциал, упрочила международные позиции. Социализм победил в Советском Союзе полностью и окончательно. Продвигаясь вперед на всех направлениях экономического, социально-политического и духовного развития, советский народ вывел свою страну на новые исторические рубежи, открывшие этап развитого социализма.

Главной силой, обеспечивающей успехи послевоенного развития страны и цементирующей все советское общество, является рабочий класс. За эти годы он вырос численно и изменился в качественном отношении. Повысились его профессиональное мастерство, выучка, овладение техникой и технологией, укрепилась дружба с наукой. Такого образованного, интеллектуального и политически зрелого рабочего класса ранее не знала история.

Благодаря деятельности главным образом рабочего класса, обеспечиваются не только внутренние, но и внешние условия для функционирования социализма, защита его от империалистической угрозы. Для этого недостаточно лишь политических и дипломатических средств. Требуется материальная сила, которая могла бы обеспечить оборону на должном уровне, особенно при наличии у нашего классового противника средств массового уничтожения людей и новейших видов оружия. Такие средства защиты создаются только благодаря развитой индустрии, достижениям отечественной науки и самоотверженному труду рабочих, советской интеллигенции, колхозного крестьянства. Рабочий класс — ведущая сила общества — оказался на высоте исторических задач, постоянно осознавая свою ответственность перед международным рабочим классом за судьбы мировой цивилизации.

От деятельности рабочего класса зависит и решение конкретных первоочередных задач, продиктованных современным этапом исторического развития, на повестке дня которого стоят задачи ускорения социально-экономических процессов, совершенствования производства и всех других сторон общественной жизни, повышения эффективности труда на основе достижений науки и передового опыта.

Решение этих задач может быть успешным при условии интернационального единства, интегрирования усилий рабочего класса СССР и братских социалистических стран.

* *
*

Становление и развитие мировой социалистической системы представляет собой одно из крупнейших после Великого Октября революционных завоеваний XX в. Пролетарский интернационализм, начертанный на знамени марксистско-ленинских партий, обрел в ходе развития мировой социалистической системы реальное воплощение в разносторонней деятельности рабочего класса, составляя основу взаимоотношений между социалистическими го-

сударствами, народами братских социалистических стран. Общественно-историческая практика подтвердила вывод В. И. Ленина о том, что «борьба за социализм есть борьба *интернационально-*революционного пролетариата»[22]. В ходе этой борьбы рабочий класс не только разбивает систему эксплуатации внутри своей страны, но и закладывает фундамент для отношений братства и дружбы между народами. «Старому миру, — писал Ленин, — миру национального угнетения, национальной грызни или национального обособления, рабочие противопоставляют новый мир единства трудящихся всех наций...»[23]

Мировая система социализма — качественно новый тип отношений между государствами, сложившийся на базе глубокой общности экономических, политических и идейных интересов рабочего класса. Отношения между социалистическими странами — это отношения все более растущего экономического, политического, культурного сотрудничества и взаимопомощи, которые сближают народы во имя общей цели. Международное содружество социалистических государств представляет собой одно из конкретных форм развития классового интернационализма, условие успешного развития социализма.

Братская взаимопомощь и сотрудничество в области экономики, политики и культуры, полное равноправие больших и малых государств, невмешательство во внутренние дела друг друга, уважение национального суверенитета и территориальной целостности, совместная защита социалистических завоеваний — таковы основные принципы интернационалистских отношений между социалистическими странами, ведущую роль в развитии которых играет рабочий класс и его авангард — коммунистические и рабочие партии.

Мировая социалистическая система — это совокупность государств, порвавших с капитализмом и вставших на путь социалистического развития. Каждая из этих стран обладает определенными специфическими чертами, своим историческим прошлым, своеобразием в развитии народов. Все это вместе и составляет то многообразие социалистического мира, которое отвергает утверждения буржуазных идеологов и пропагандистов относительно того, что социализм «нивелирует» различия между странами, подчиняет их надуманной «модели». Однако это многообразие основывается на практическом осуществлении единых принципов, предопределяемых наличием общих закономерностей развития социализма. К таким закономерностям Программа КПСС (новая редакция) относит следующее: «...власть трудящихся при ведущей роли рабочего класса; руководство развитием общества со стороны коммунистической партии, вооруженной идеологией научного социализма; утверждение общественной собственности на основные средства производства и на этой базе — планомерный рост экономики в интересах народа; осуществление принципа «От каждого — по способностям, каждому — по труду»; развитие социалистической демократии; равноправие и дружба всех

наций и народностей; защита революционных завоеваний от посягательств классовых врагов»[24].

Реализация общих закономерностей происходит, как уже отмечалось, в каждой стране в особых, специфических условиях. Но, несмотря на различия, социалистические страны объединяются едиными интернационалистскими чертами: марксистско-ленинской идеологией; классовой солидарностью; дружбой, сотрудничеством и взаимопомощью в решении задач строительства, защиты нового общества и предотвращения войны; равноправием, уважением независимости и суверенитета каждого государства.

Мировой системе социализма присущи две взаимосвязанные тенденции. В. И. Ленин научно обосновал положение о том, что социализм обеспечит социально-экономическое единство народов как в национальном, так и в интернациональном масштабе. Материальную основу этого единства он видел в тенденции «к созданию единого, по общему плану регулируемого пролетариатом всех наций, всемирного хозяйства как целого, каковая тенденция вполне явственно обнаружена уже при капитализме и безусловно подлежит дальнейшему развитию и полному завершению при социализме»[25].

Ныне в рамках социалистического содружества это ленинское предвидение сбывается. Усиление взаимной связи, дружеского сотрудничества и сближение стран, интернационализация различных сфер их общественной жизни — такова первая тенденция в развитии стран социалистического содружества. Социалистическое содружество на современном этапе представляет собой такое, невиданное еще в истории единство, в котором ни одна из стран не может и не претендует на то, чтобы иметь какие-то особые права и привилегии, в котором отношения дружбы и товарищества превратились в подлинные отношения между народами, и прежде всего между отрядами рабочего класса. Обозначились новые формы взаимоотношений, проявляющихся на всех уровнях — от государственного и партийного руководства до трудовых коллективов. Содружество, как подчеркивает Программа КПСС, умножает силы братских государств в социалистическом строительстве, помогает обеспечивать их надежную безопасность.

Такое содружество выражает объективную потребность все большего сближения социалистических стран. В противоположность действующему в капиталистическом мире закону неравномерности экономического, социально-политического и культурного развития, при котором сильные страны обогащаются за счет ограбления слабых, всячески закрепляя их отставание, социализм создает необходимые условия для подтягивания менее развитых стран до уровня передовых. Выравнивание уровней социально-экономического и культурного развития в рамках мирового содружества усиливает богатство и глубину их сотрудничества, способствуя в свою очередь дальнейшему их сближению.

Вторая тенденция в развитии стран социалистической системы — развитие национальной экономики, государственности и

культуры. Интернациональное единство способствует укреплению экономической самостоятельности, политической независимости и суверенитета каждой страны, обеспечивает условия для расцвета национальной жизни.

Такова диалектика интернационального и национального в развитии социалистических стран. Каждый шаг в их национальном развитии порождает потребность соединять свои усилия с братскими социалистическими странами, идти по пути сближения с ними. И наоборот, само сближение и соединение общих усилий требует использования всех потенциальных возможностей, заложенных в национальной жизни каждой социалистической страны. В этой высшей форме интернационализма на современном этапе выражены насущные, коренные интересы рабочего класса каждой социалистической страны. Социалистическое содружество по праву рассматривается как интернационалистское детище рабочего класса.

Интернационалистские задачи рабочего класса стран социалистического содружества на современном этапе состоят в решении стержневой проблемы в борьбе за подъем экономики — ускорения научно-технического прогресса. Речь идет об осуществлении мер по повышению технического уровня и ускорению развития машиностроения, улучшению капитального строительства, реконструкции черной металлургии и химизации всех отраслей производства. Большое внимание уделяется развитию науки, укреплению ее связи с производством. Важное значение имеет разработка и внедрение принципиально новых технологий.

Все это в конечном итоге обусловлено необходимостью добиться глубоких качественных сдвигов в развитии мирового социалистического содружества. Что касается экономического прогресса СССР, то Основные направления экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года, утвержденные XXVII съездом КПСС, предусматривают в предстоящие пятнадцать лет создать экономический потенциал, равный по своим масштабам накопленному за все предшествующие годы Советской власти, почти в два раза увеличить национальный доход и объем промышленного производства. В 2,3—2,5 раза повысится производительность труда [26].

Общие задачи, вытекающие из усиливающегося процесса сотрудничества стран социалистического содружества, интеграции их усилий, сводятся к тому, чтобы добиться, как это отмечается в Программе КПСС (новая редакция), «интенсификации производства и ускорения научно-технического прогресса, для совместного решения задачи исторической значимости — выхода на передовые рубежи науки и техники в целях дальнейшего роста благосостояния своих народов, укрепления их безопасности» [27].

Согласованность действий стран социалистического содружества в реализации экономической политики нашла свое выражение в работе Экономического совещания стран — членов СЭВ на высшем уровне 12—14 июня 1984 г. Давая общую оценку таким

усилиям, Первый секретарь ЦК ПОРП В. Ярузельский заявил: «Исторические, достигнутые под руководством марксистско-ленинских партий завоевания социалистических стран — убедительное подтверждение того, что время работает в нашу пользу. Поэтому, высоко оценивая достигнутые результаты нашего сотрудничества, мы в эти дни сосредоточили главное внимание на будущем. Смотрим далеко вперед, смело идем в грядущее XXI столетие. В этом сила и жизненность нашего строя, сущностью и целью которого является развитие, прогресс, служение народу»[28]. Генеральный секретарь ЦК СЕПГ Э. Хонеккер назвал интеграцию экономик стран — членов СЭВ «жизненно важной основой успешного развития ГДР»[29]. Единую оценку согласованию экономической политики на длительную перспективу дали представители и других стран социалистического содружества.

Дальнейшая интеграция усилий стран социалистического содружества в экономике, политике, в духовной жизни опирается на здоровую основу — динамичное и непрерывно восходящее развитие хозяйственной жизни. Это происходит в условиях успешного преодоления возникших внутренних и внешних трудностей. Социализм убедительно доказывает, что он является обществом постоянно ускоряющегося социально-политического прогресса, неуклонного экономического подъема. В противоположность буржуазному обществу при социализме на первое место поставлены интересы рабочего класса, полностью совпадающие с коренными интересами всех трудящихся.

Характерной чертой экономической интеграции стран — членов СЭВ является выработанная единая энергетическая политика, по которой особый приоритет отдается перспективным видам энергетики. Страны — члены СЭВ совместно разрабатывают программы по строительству атомных электростанций (АЭС) и атомных станций теплоснабжения (АСТ) до 2000 г. В настоящее время в этих странах действуют атомные электростанции общей мощностью свыше 25 млн. квт., что позволяет ежегодно экономить около 50 млн. тонн топлива в условном исчислении[30]. Одновременно разрабатываются и претворяются в жизнь меры по обеспечению надежности и безопасности работы атомных электростанций. Уроки Чернобыля приобрели международную значимость, они еще раз подтвердили истину о необходимости осмотрительного отношения к атомной энергии, безоговорочного отказа от ее применения в военных целях.

Разрабатывается программа дальнейшего совершенствования прямого взаимодействия в сфере капитального строительства, или, другими словами, в сфере инвестиционного сотрудничества. Такое сотрудничество выгодно всем странам и доказало свою эффективность. Например, по подсчетам специалистов из ГДР, природный газ, поступающий в страну по газопроводу «Союз», заменяет примерно 20 млн. тонн бурого угля, на разработку и добычу которого потребовалось бы в 2,5 раза больше средств, чем затрачено ГДР в процессе участия строительства данного газопровода. Реа-

лизация программы сооружения АЭС к 1990 г. обеспечит совокупную экономию инвестиций на сумму примерно в 10 млрд. руб. [31]

Реализация комплексной программы экономической интеграции социалистических стран способствует упрочению связей каждой из этих стран друг с другом. Огромный опыт в этом отношении содержится в непосредственных связях промышленных предприятий. Так, если в начале 70-х годов к моменту принятия Комплексной программы с родственными промышленными предприятиями стран — членов СЭВ сотрудничало 367 советских предприятий, то в начале 80-х годов 1300 советских предприятий поддерживали связи с 1500 предприятий этих стран [32].

В непосредственной связи предприятий и трудовых коллективов отдельных областей и городов-побратимов выражается та крепнущая интернационалистская связь, которая способствует сближению стран — членов социалистического содружества.

Интернационалистские черты рабочего класса положены в основу взаимоотношений между всеми социалистическими странами. Главную черту этих взаимоотношений составляют дружба и взаимопомощь, чему содействуют как прямая помощь и поддержка Советского Союза и более развитых в экономическом отношении стран тех стран, которые встали на путь социалистического развития при более низком экономическом уровне (например, Вьетнам, Куба), так и разделение труда. Например, Советский Союз уже сейчас свыше чем на 70% удовлетворяет потребности стран — членов СЭВ, а также в значительной мере КНДР в импорте ряда важнейших видов сырья и топлива. Народное хозяйство СССР получает из стран — членов СЭВ оборудование для химических заводов, морские суда и другие промышленные изделия и сельскохозяйственные продукты. Болгария обеспечивает на 90% импортные потребности стран СЭВ в электрокарах, Венгрия — на 80% импортные потребности в автобусах, ГДР — на 75% в пассажирских вагонах, Польша — на 70% в экскаваторах, ЧССР — на 50% в грузовых машинах. Между странами — членами СЭВ заключено свыше 150 многосторонних соглашений о специализации и кооперировании, в том числе 110 в машиностроении. Доля промышленной продукции, произведенной на предприятиях со специализированным и кооперированным уклоном, в 1984 г. выражалась в сумме 8,3 млрд. руб. [33]

Все более широкий размах получает научно-техническое сотрудничество социалистических стран. Оно развертывается на основе общей тенденции интернационализации процесса соединения науки с производством. Страны — члены СЭВ располагают мощным научно-техническим потенциалом. Число научных работников, занятых в области науки и производства в этих странах, составляет треть научных работников мира. Значительную роль играют международные научные центры: Объединенный институт ядерных исследований, Институт СЭВ по стандартизации, Международный центр научной и технической информации и др. Используя преимущества разделения труда, укрепляя внешнеэконо-

мические и культурные связи, социализм содействует упрочению единства и экономической мощи всей социалистической системы, демонстрируя ее преимущества.

Расширяется политическое сотрудничество социалистических стран, которое позволяет вырабатывать единую линию действий в решении важнейших проблем как в международной, так и внутренней жизни, вести совместную борьбу против империалистической реакции, за мир и общественный прогресс. Этому способствует обмен правительственными и партийными делегациями, дружеские переговоры, обмен информацией, совещания по различным вопросам.

Перед лицом усиливающихся агрессивных действий сил империализма большое значение имеет военное сотрудничество социалистических государств — участников Варшавского Договора, представляющее собой надежный щит завоеваний народов стран социализма. На земле, в воздухе и на море отрабатывается взаимодействие армий союзных государств, крепнет боевое братство вооруженных сил. Могущество объединенных армий стран социализма сдерживает агрессивные силы империализма, служит прочной преградой на пути развязывания ракетно-ядерной войны.

Процесс постепенного сближения стран социализма на основе интернационализации общественной жизни представляет собой закономерность исторического развития. Но она реализуется не автоматически и не сама по себе. В активной деятельности коммунистических и рабочих партий стран социалистического содружества, в поддержке их усилий народами этих стран, при ведущей роли рабочего класса, отражается насущная потребность времени — объединить все усилия для закрепления победы социалистических революций, упрочения позиций реального социализма. Самая жгучая историческая необходимость — объединить эти усилия для ускоренного социально-экономического развития социалистических стран.

На этом пути существуют объективные трудности, вызванные, как указывается в Программе КПСС (новая редакция), неодинаковыми уровнями экономического, политического развития, историческими и культурными традициями стран, условиями, в которых они находятся. «Не всегда идет по прямой линии общественное развитие социалистических стран. Каждый его крупный этап выдвигает новые сложные задачи, решение которых связано с борьбой и поисками, с преодолением противоречий и трудностей» [34].

Такого рода трудности на пути развития социалистического содружества преодолимы. По убеждению КПСС, как указывается в ее Программе, требуется величайшее внимание, усиление всестороннего сотрудничества с тем, чтобы не создавалась почва для разногласий, способных нанести ущерб общим интересам. Важно в этом отношении последовательное претворение в жизнь ленинских советов — «исследовать, изучить, отыскать, угадать, схватить национально-особенное, национально-специфическое в *кон-*

кретных подходах каждой страны к разрешению *единой* интернациональной задачи»[35].

Таким образом, потребность в интернациональном единстве стран социалистического содружества заложена в самой основе развития социализма. Ведущая идея социалистического интернационализма отражает классовую природу рабочего класса и социалистического общества в целом. «Какими бы ни были особенности каждой из стран социализма, — говорится в Программе КПСС (новая редакция), — их экономический уровень, размеры, исторические и национальные традиции, у всех у них одни и те же классовые интересы. То, что объединяет, сплачивает социалистические страны, является главным и неизмеримо больше того, что может их разделять»[36].

Основным и самым опасным источником угрозы реальному социализму является внешний источник — империализм. На определенных этапах, как об этом свидетельствуют события в Венгрии (1956), Чехословакии (1968—1969), Польше (начало 80-х годов), этот источник может поддерживать действия внутренних контрреволюционных сил.

Для того чтобы ослабить позиции социализма, нарушить взаимные связи социалистических государств, и прежде всего связи с Советским Союзом, империализм пускает в ход целую систему дифференцированных мер — политических, экономических, идеологических, пытается спекулировать на возникающих проблемах, прибегает к использованию в подрывных целях стихии националистических настроений. Как подчеркивалось в документах партии, империализм «предпринимает все более массированные, беспрецедентные по своему размаху атаки на наш общественный строй, марксистско-ленинскую идеологию, стремится отравить сознание советских людей, извратить цели нашей внешней политики, блокировать растущее влияние реального социализма — главного оплота дела мира и свободы народов», «предпринимает попытки остановить ход истории, подорвать позиции социализма, взять социальный реванш во всемирном масштабе»[37].

В объявленном на Западе «крестовом походе» против коммунизма особое место отводится постоянным атакам на принцип интернациональных связей братских социалистических стран. Главное в устремлении империалистических государств и их служб — оторвать социалистические страны от Советского Союза и осуществить, по терминологии буржуазных пропагандистских центров, «десоветизацию», или же «освобождение от советского образца»[38]. Первоначальная цель формулируется как задача «вырвать возможно больше коммунистических государств из-под контроля Советского Союза»[39].

Как в свое время первое в мире социалистическое государство стало с самого начала объектом различного рода антисоветских вымыслов, так и мировая социалистическая система постоянно является объектом клеветы и фальсификации со стороны антикоммунистической пропаганды. Идеологи антикоммунизма пытаются

доказать «незакономерность» возникновения мировой системы социализма, которую они выдают за результат «экспорта революции», вмешательства СССР во внутренние дела стран, вставших на путь социалистического развития. Нельзя не видеть в утверждениях об «экспорте» революции двойную цель: приписать Советскому Союзу стремления, которые в действительности идут вразрез с его внешнеполитическими принципами, и вместе с тем оправдать имеющий место на самом деле экспорт контрреволюции, осуществляемый империалистическими государствами в отношении как социалистических, так и развивающихся стран.

Враги реального социализма пытаются в ложном свете представить отношения, сложившиеся между странами социалистического содружества. Так, предметом беззастенчивых фальсификаций антикоммунистов был и остается поныне вопрос о суверенитете социалистических государств. Придумана даже доктрина «ограниченного суверенитета», согласно которой вхождение той или иной страны в мировую систему социализма будто бы ущемляет ее национальную независимость. Показателен уже тот факт, что «доктрина» сочинена идеологами монополистической буржуазии, которая сама сплошь и рядом нарушает, подавляет государственный суверенитет других, более слабых стран, бесцеремонно вмешивается в их внутренние дела во имя получения сверхприбылей, применяет силу оружия с целью задержать развитие этих стран по пути социального прогресса.

Коммунистическим и рабочим партиям социалистических стран чуждо абстрактное, внеклассовое понимание суверенитета. Суверенитет государства — это прежде всего суверенитет класса в нем господствующего. Социалистические государства — это государства рабочего класса, всех трудящихся. Это государства всего народа. Отстаивать суверенитет социалистического государства — значит отстаивать его социалистическую природу. Такой суверенитет каждого социалистического государства народы социалистических стран защищают и будут защищать всеми средствами.

Антикоммунисты изображают мировую социалистическую систему как «закрытую» систему, как военный блок государств, связанных долгосрочными обязательствами с Советским Союзом. Однако отождествление мировой социалистической системы с империалистическими военными группировками и блоками не имеет под собой никакой почвы, оно надуманно. Социалистические страны объединены не только и не столько военными узами, сколько общностью экономических, политических и идеологических основ, общностью целей и задач строительства нового общества, совместной борьбы против империализма.

Что касается государств Варшавского Договора, то именно они прежде всего как раз и отстаивают эти принципы. Их заявление дает четкое представление о позиции этих стран: «Государства — участники Варшавского Договора будут и впредь последовательно осуществлять курс на повышение эффективности вза-

имного сотрудничества во всех сферах на основе гармонического сочетания их национальных и интернациональных интересов. Они намерены в возрастающей степени объединять усилия в целях динамичного социально-экономического развития братских стран на базе ускорения научно-технического прогресса, дальнейшего повышения благосостояния их народов. Большое значение они придают быстрейшей реализации мер по расширению экономического и научно-технического сотрудничества и кооперирования, углублению социалистической экономической интеграции...» [40]

Вымыслы о «замкнутости» социалистической системы и призывы сделать ее «открытой» преследуют единственную цель — расчистить почву для реставрации капиталистических отношений. Социалистическая система не является «замкнутой» или «закрытой», поскольку любая страна, вставшая на путь социализма, может занять в ней достойное место. Эта система не «замкнутая» и в том смысле, что социалистические государства оказывают бескорыстную помощь и поддержку революционным силам современности, международному рабочему классу, освободительным движениям трудящихся. Но социалистическая система не является и «открытой» для государств, основанных на иных, т. е. несоциалистических, принципах. Наиболее приемлемым принципом взаимоотношений с этими государствами является мирное сосуществование. Мировая система социализма — это социальное, экономическое и политическое содружество свободных, суверенных народов, идущих по пути социализма и коммунизма, объединенных общностью интересов и целей, тесными узами международной социалистической солидарности.

В Программе партии (новая редакция) подчеркивается, что **«КПСС считает своим интернациональным долгом вместе с другими братскими партиями укреплять единство, наращивать могущество и влияние социалистического содружества»** [41]. От его прочности и дальнейших успехов зависит будущее мировой цивилизации.

* *
*

Интернациональная миссия рабочего класса социалистических стран активно проявляется в помощи и поддержке национально-освободительных движений и практических действий народов бывших колониальных и зависимых стран, вставших на путь самостоятельного развития. По-разному складывается судьба этих стран, различно их отношение к социализму и дальнейшим перспективам развития. Независимо от этого отношение рабочего класса социалистических стран к народам развивающегося мира однозначно: оно продиктовано интернациональной заботой об их будущем, их свободе и независимости перед лицом угрозы со стороны неоколониалистов.

Крах мировой колониальной системы ослабил силу влияния капитала на бывшие зависимые и колониальные народы. Однако

позиции капитала не были окончательно подорваны. Возникновение самостоятельно развивающихся государств побудило бывших колонизаторов перегруппировать свои силы, сконцентрировав свое внимание прежде всего на экономической экспансии. Экономическое проникновение в развивающиеся страны обеспечило капиталу возможности получать более значительные прибыли, чем это было раньше, при колониализме.

В рядах прогрессивного движения развивающихся стран зреет идея относительно изменения экономического порядка в мире и перекрытия каналов эксплуатации богатыми капиталистическими странами бедных развивающихся стран. Началом этому процессу должны послужить ликвидация задолженности, установление эквивалентной оплаты за потребляемое сырье и рабочую силу и другие демократические меры.

Позиция социалистических стран по отношению к развивающимся странам четкая и определенная. Никакого вмешательства в их внутренние дела, но и в то же время всемерная поддержка их прогрессивных устремлений.

Страны социализма оказывают прямую материальную помощь и поддержку развивающимся странам. Бо́льшая часть ее направляется на создание основ современной промышленности. При этом не требуется от развивающихся стран каких-либо односторонних уступок. Советский Союз и другие социалистические страны не ищут никаких выгод или привилегий, не охотятся за концессиями, не добиваются политического господства и не домогаются военных баз. Это продиктовано интернационалистским подходом и революционной совестью, коммунистическими убеждениями. Страны социализма заключают соглашения и договоры об экономическом и техническом сотрудничестве, предоставляют долгосрочные кредиты, строят и возводят промышленные объекты.

Советский Союз и другие социалистические страны участвуют в подготовке кадров для развивающихся стран. В вузах и техникумах стран — членов СЭВ проходят обучение несколько десятков тысяч молодых представителей развивающихся стран, из более чем 100 государств Азии, Африки и Латинской Америки [42].

Ряд развивающихся стран активно выступают на международной арене против империализма, за сохранение мира, против агрессивных войн. Они участвуют в движении неприсоединения, основными чертами которого являются антиимпериализм и антиколониализм. Главные идеи неприсоединения — это проведение в жизнь принципов мирного сосуществования государств с различным общественным строем. Через это движение многие развивающиеся страны стремятся оказать свое воздействие на мировую политику.

Обозначилась группа стран, решившихся в обстановке острой классовой борьбы и опасности внешнего империалистического вмешательства взять социалистическую ориентацию. Путь социалистической ориентации, подчеркивает Программа КПСС (новая редакция), избранный рядом освободившихся стран, под-

тверждает, что «...в современных условиях, при существующем в мире соотношении сил расширились возможности ранее порабощенных народов отвергнуть капитализм, строить свое будущее без эксплуататоров, в интересах трудящихся. Это — явление большого исторического значения» [43].

Ограждая свою независимость от натиска империалистов, эти страны расширяют сотрудничество с социалистическими государствами. Избранный ими путь отвечает подлинным интересам и чаяниям народных масс, отражает их стремление к справедливому общественному строю, совпадает с магистральным направлением развития человечества.

Такой курс соответствует интернационалистским принципам народов социалистических стран и находит с их стороны всемерную поддержку.

Важнейшей стороной исторической миссии рабочего класса в ее внешнем, международном аспекте является борьба за предотвращение новой мировой войны. «В последние годы, — отмечалось в Заявлении государств — участников Варшавского Договора, — резко усилилась международная напряженность. Мир приблизился к такой черте, за которой события могут выйти из-под контроля» [44].

По отношению к войне у рабочего класса нет какой-то обособленной линии, отличной от целей и задач советского народа, социалистических стран и всего прогрессивного человечества. Однако у рабочего класса есть и особая обязанность. Он выступает в качестве активной силы в общенародном движении за мир, против угрозы войны, стремится и желает предотвратить войну и делает все, чтобы мир был непременным условием его трудовой деятельности и жизни.

Вместе с тем рабочий класс в условиях социализма является той силой, которая способна создавать материальные средства защиты мира и предотвращения новой мировой войны. Он своей трудовой деятельностью воплощает в жизнь творческие замыслы научно-технической интеллигенции, содействует оснащению армий Варшавского Договора первоклассным оружием, способным служить надежной преградой развязыванию агрессивных планов империалистической военщины. В растущем потенциале сил мира, противостоящем агрессивной политике империализма, рабочий класс социалистических стран — самый активный отряд.

Таким образом, на пути агрессивных планов империализма стоит могучий заслон — страны социалистического содружества, международное коммунистическое и рабочее движение, неприсоединившиеся государства, национально-освободительное движение, массовые антивоенные выступления, все демократические и прогрессивные силы мира. «В интересах человечества, — говорится в Программе КПСС (новая редакция), — во имя блага всех народов **КПСС, Советское государство отстаивают широкую конструктивную программу мер, направленных на прекращение гонки вооружений и разоружение, обеспечение мира и безопасности»** [45].

Осуществляя свою всемирно-историческую миссию, рабочий класс социалистических стран учитывает те изменения, которые происходят в условиях его борьбы и практической деятельности. Он выступает в качестве активной силы в реализации лозунга пролетарского интернационализма, по-новому сформулированного на международном Совещании коммунистических и рабочих партий: «Народы социалистических стран, пролетарии, все демократические силы в странах капитала, освободившиеся и угнетенные народы, объединяйтесь в общей борьбе против империализма, за мир, национальную независимость, социальный прогресс, демократию и социализм!» [46]

Рабочий класс в условиях социализма под руководством коммунистических и рабочих партий достойно претворяет в жизнь свою интернационалистскую миссию.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 445.
[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 420.
[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 1.
[4] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 434.
[5] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 324.
[6] Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986, с. 124.
[7] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 98.
[8] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 265.
[9] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 304
[10] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 272—273.
[11] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 330.
[12] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 341.
[13] О 60-й годовщине образования СССР. Постановление ЦК КПСС от 19 февраля 1982 г. М., 1981, с. 20.
[14] Калинин М. И. Избр. произв., т. 2. М., 1960, с. 361.
[15] VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны. М., 1975, с. 397.
[16] См.: Озеров Л. С. Дело трудящихся всех стран. Международная солидарность трудящихся СССР и зарубежных стран в период строительства социализма в СССР. М., 1978, с. 170.
[17] Рабочий класс и современный мир, 1985, № 2, с. 50.
[18] Там же, № 4.
[19] Ульбрихт В. К истории новейшего времени. М., 1957, с. 319.
[20] Цит. по: Воробцова Ю. И. Интернациональная деятельность КПСС. Л., 1983, с. 125.
[21] Коммунист, 1985, № 8, с. 7.
[22] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 466.
[23] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 150.
[24] Материалы XXVII съезда КПСС, с. 128—129.
[25] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 164.
[26] Материалы XXVII съезда КПСС, с. 227, 228, 229.
[27] Там же, с. 172.
[28] Экономическое Совещание стран—членов СЭВ на высшем уровне, 12—14 июня 1984 г. М., 1984, с. 15.
[29] Коммунист, 1984, № 14, с. 64.
[30] Вопросы истории КПСС, 1983, № 3, с. 53.
[31] Международная жизнь, 1985, № 11, с. 23.

[32] Рабочий класс и современный мир, 1983, № 1.
[33] Экономическая газета, 1985, окт., № 43.
[34] Материалы XXVII съезда КПСС, с. 173.
[35] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 77.
[36] Материалы XXVII съезда КПСС, с. 174.
[37] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 г. М., 1983, с. 29; Материалы XXVII съезда КПСС, с. 132.
[38] Bender D. Das Ende des ideologischen Zeitalters. Die Europäisierung Europas. B. (W.), 1981, S. 73.
[39] Politik und Kultur, 1984, N 1, S. 5.
[40] Правда, 1985, 24 окт.
[41] Материалы XXVII съезда КПСС, с. 173.
[42] Учение, преобразующее мир. М., 1979, с. 271.
[43] Материалы XXVII съезда КПСС, с. 135—136.
[44] Правда, 1985, 24 окт.
[45] Материалы XXVII съезда КПСС, с. 178.
[46] Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. М., 1969, с. 330.

ВДОВИН А. И.

К ИЗУЧЕНИЮ ДИНАМИКИ НАЦИОНАЛЬНОГО СОСТАВА РАБОЧЕГО КЛАССА СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК (1926—1979 гг.)

КПСС и Советское государство всегда строят свою политику в области социальных и национальных отношений исходя из высших идеалов и ценностей социализма. Осуществляемый ныне в соответствии с новой редакцией Программы КПСС курс на всестороннее совершенствование социалистического общества связан со всемерным углублением процессов, ведущих к становлению бесклассового общества, дальнейшему расцвету и сближению наций, со все более полным осуществлением во всех основных сферах общественных отношений принципа социальной справедливости. Главной социальной силой, обеспечивающей достижение программных целей КПСС, является рабочий класс.

Росту рабочего класса СССР, в том числе его национальных отрядов, партия уделяла огромное внимание на всех этапах социалистического преобразования общества. Именно опираясь на общность классовых интересов его различных национальных отрядов, выросла и окрепла сплоченность народов СССР, сформировалась и успешно развивается новая, невиданная в истории социальная и интернациональная общность — советский народ. Опора на рабочий класс, на повышение идейного уровня и профессионального мастерства всех его национальных отрядов является залогом успешного решения вопросов межнациональных отношений в интересах всего советского народа и каждой нации в отдельности.

По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. рабочие составляли самую крупную социальную группу во всех союзных республиках. Они насчитывали (см. табл. 2) [1] свыше 60% всего населения РСФСР, Казахстана, Армении и Эстонии; от 55 до 59% населения Азербайджана, Латвии, Киргизии, Литвы, Бело-

руссии и Украины; 52—54% населения Грузии, Таджикистана, Узбекистана и Молдавии; 44,7% населения Туркмении. По данным той же переписи рабочие были самой крупной социальной группой и большинством коренного населения, занятого в народном хозяйстве 12 из 15 союзных республик, составляли половину коренного населения Узбекистана и 49% населения Грузии. Лишь в Туркмении рабочие насчитывали не только меньше половины коренного населения республики (39%), но и являлись второй по численности социальной группой. Эти цифры говорят о громадном прогрессе в социальном развитии народов СССР за годы Советской власти. Одновременно они дают представление и о масштабах работы по дальнейшему выравниванию социального состава населения союзных республик.

На праздновании 60-летия образования СССР отмечались успехи, характеризующие рост республиканских и национальных отрядов рабочего класса. При этом указывалось, что в некоторых союзных республиках «в составе рабочего класса должна быть более полно представлена коренная национальность... Это нужно для развития экономики. Это важно и политически. Многонациональные трудовые и прежде всего рабочие коллективы — это именно та среда, где лучше всего воспитывается интернационалистский дух, укрепляется братство и дружба народов СССР» [2]. В постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования СССР» отмечено: «Партия и впредь будет уделять постоянное внимание подготовке кадров квалифицированных рабочих коренной национальности. Все это способствует расширению влияния рабочего класса на развитие общества, укрепляет социальную основу единства всех классов и групп, наций и народностей» [3].

Всесоюзная научно-практическая конференция по проблемам развития национальных отношений, патриотического и интернационального воспитания, проходившая в Риге в июне 1982 г., в своих рекомендациях призывала «продолжить и расширить научные исследования социальной структуры развитого социалистического общества, особенностей ее изменения в конкретных условиях каждой республики, взаимосвязи процессов эволюции социальной структуры и совершенствования национальных отношений». При этом подчеркивалась необходимость «уделить особое внимание исследованию проблем рабочего класса, формированию и развитию его национальных кадров» [4]. В выступлениях отмечалась неоправданность ситуации, при которой «в отдельных республиках коренная национальность, составляющая большинство населения, до сих пор непропорционально мало представлена в рабочем классе» [5]. Было выдвинуто также предположение, что в некоторых республиках «возникает ситуация, при которой кадры специалистов и служащих формируются преимущественно из коренной национальности, рабочий класс — из пришлого населения, а основная масса коренной национальности остается занятой в сельском хозяйстве. Для проверки этой гипотезы следует иметь данные по социально-классовому составу коренных национальностей и

пришлого населения»[6]. В связи с этим заслуживает особого внимания изучение на историческом материале представленности национальностей СССР в рабочем классе.

Термин «представленность» коренного населения республик в рабочем классе в обществоведческой литературе ранее широко не применялся. В последнее время, в связи с расширением арсенала методологических и методических приемов изучения общего и особенного в социальном развитии советских наций, национальных отрядов рабочего класса, крестьянства и интеллигенции, получает распространение термин «представительство» национальностей в общественных группах. М. С. Джунусов, говоря об изучении национальных отрядов рабочего класса СССР советскими обществоведами полагает, например, что под понятием «национальный отряд рабочих» чаще всего имеется в виду «представительство тех или иных национальностей в составе рабочего класса республик»[7]. Л. В. Остапенко, А. А. Сусоколов, изучая динамику национального состава студенчества союзных республик, используют показатели представительства лиц коренных национальностей этих республик в вузах, рассчитанные как отношение доли лиц коренной национальности среди студентов республики к доле лиц коренной национальности в ее населении. Подобные коэффициенты с большой наглядностью показывают, насколько национальный состав студенчества республики соответствует национальному составу ее населения в целом[8]. Однако поскольку понятие «представительство» прочно закрепилось и чаще всего используется при характеристике государственного устройства, организационных основ деятельности партийных и общественных организаций, на наш взгляд, при изучении национальных аспектов социальной структуры более приемлемым является термин «представленность» наций, национальностей в общественных группах.

Советские историки, занимающиеся изучением изменений в социальной структуре населения, историей классов и социальных слоев общества, ввели в научный оборот немало сведений, позволяющих судить о представленности коренного населения наций и народностей в рабочем классе[9]. Чаще всего эти сведения приводятся в разрозненном виде. Полная сводка подобного рода данных требует большой специальной работы. В настоящей статье делается попытка свести воедино и проанализировать введенный в научный оборот статистический материал, позволяющий показать выравнивание союзных республик по представленности коренного населения в рабочем классе. Для целей статьи особый интерес имеют работы ученых, в которых в наиболее полном и систематизированном виде приведены данные об удельном весе рабочих коренной национальности союзных республик в общей численности населения коренной национальности (Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижева — по переписям населения 1939, 1959, 1970 и 1979 гг.[10], М. И. Куличенко — по переписям 1939 и 1970 гг.[11]), об удельном весе рабочих коренных национальностей в республиканских отрядах рабочего класса (С. Л. Сенявский, В. Б. Тельпуховский —

по переписям 1939 и 1959 гг.)[12], сравнительные данные о национальном составе населения и рабочего класса союзных республик (Л. И. Васькина, Л. Е. Гришаева — по переписям 1926 и 1939 гг.[13]).

Сведения о доле рабочих коренной национальности в республиканском отряде класса или об удельном весе рабочих коренной национальности в коренном населении[14] республики сами по себе не служат показателями степени представленности этого населения в ее рабочем классе. Такое становится возможным лишь при соотнесении этой доли со своеобразной нормой. Ею может служить показатель удельного веса рабочих в населении страны в целом или в населении одной из национальностей, где он наиболее высок. При таком подходе показатели представленности взаимосвязаны и взаимообусловлены. Превышение определенной меры представленности (например, удельного веса рабочих в населении страны в целом) со стороны одних народов предполагает недостаточно полную представленность в рабочем классе других. И наоборот, если население какой-либо национальности представлено в рабочем классе ниже меры, это значит, что представленность другого или других народов эту меру превышает, и в тем большей степени, чем меньше представлены в рабочем классе иные народы.

Подобные показатели представленности народов СССР в рабочем классе при отсутствии некоторых исходных данных в публикациях переписей населения можно получить расчетным путем. Предлагаемая ниже методика такого расчета базируется на том, что национальный и социальный состав населения в границах того или иного региона, страны в целом в каждый конкретный момент связан определенными зависимостями между численностью отдельных элементов состава. Схематически эти зависимости показаны в табл. 1.

Состав населения республики представлен в таблице минимумом всех основных социальных и национальных элементов. Все население ее (*НР* в графе 2) подразделено на население коренной (*НК*) и других (некоренных) национальностей (*НН*). В социальном отношении население республики (все, коренное, некоренное) подразделяется на рабочих (*РР*), служащих (*СР*), крестьян (*КР*) и прочие категории (*ПР*). Элементы социального состава коренного населения, рассматриваемые обособленно (*РК′, КК′, СК′, ПК′* в графе 3), вместе взятые образуют 100%, как и элементы некоренного населения (*РН′, КН′, СН′, ПН′* в графе 4). Численность каждого отдельно взятого республиканского отряда рабочих, крестьян, служащих и пр. (*РР″, КР″, СР″, ПР″* в графе 5) в национальном отношении состоит из двух частей, образуемых коренным и некоренным населением. Элементы населения, обозначенные *РК, РК′, РК″*, это — национальный отряд класса, рассматриваемый соответственно как часть всего населения республики, ее коренного населения и республиканского отряда рабочего класса.

Таблица позволяет легко обнаружить пропорциональные отно-

шения между отдельными элементами национального и социального состава населения. Так, доля (удельный вес) коренных рабочих в республиканском отряде (PK'') имеет такое же отношение к доле коренного населения республики в общей численности ее населения (HK), как и отношение доли коренных рабочих в общей численности коренного населения республики (PK') к доле рабочих в общей численности населения республики (PP). Два равных отношения, как известно, образуют пропорцию, произведение средних членов которой равно произведению крайних. Это свойство позволяет находить значение неизвестного члена пропорции, если известно значение каждого из трех остальных. Основываясь на этом и используя введенные в научный оборот данные Всесоюзных переписей населения, можно определить значение основных элементов национального и социального состава населения союзных республик, а также показатели представленности в рабочем классе населения различных национальностей.

В научной литературе встречаются разные варианты сведений об элементах социального состава населения СССР и союзных республик, относящиеся порой к одному и тому же году. Различия эти объясняются главным образом тем, что сведения по отдельным социальным категориям (рабочие, служащие, колхозники и пр.) и по социальной структуре в целом в одних случаях даются с учетом общей численности населения (включающей работающих и неработающих членов семей), в других — только по населению, занятому в народном хозяйстве. Имеются и другие основания для различий.

Сенявский ввел в научный оборот сведения по материалам переписи 1939 г., которые существенно разнятся с другими вариантами. Арутюнян, постоянно обращающийся к анализу материалов переписей для характеристики изменений в социальной структуре советских наций, ввел в научный оборот итоги своих разработок данных Всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970 и 1979 гг. В ряде случаев при повторных публикациях в них уточнялись значения отдельных показателей.

Большим своеобразием отличаются данные о необходимых для настоящей статьи категориях и элементах состава населения, приведенные в монографиях Гришаевой и Васькиной на основе материалов переписи 1926 г.

Гришаева, сопоставив данные переписей 1926 и 1939 гг., нашла, что удельный вес рабочих (включая неработающих членов семей) во всем населении страны в 1926 г. был равен 8,69% [15]. Этот показатель заметно занижен, так как по статистическим ежегодникам в 1924 г. он составлял 10,4, а в 1928 г. — 12,4% [16]. Линейная интерполяция данных приводит к выводу, что в 1926 г. этот показатель должен был составлять около 11,4%. Отсюда видно, что показатель удельного веса рабочих во всем населении страны, выведенный Гришаевой расчетным путем, примерно на четверть ниже того, который должен был иметь место.

Удельный вес занятого населения, по данным Гришаевой, со-

ставлял в 1926 г. 23,7% от численности всего населения страны и сравнительно мало различался по республикам: около 24% в РСФСР, Узбекистане и Туркмении; 22—23% в Белоруссии, республиках Закавказья, Киргизии и Казахстане; около 20% — в Таджикистане[17]. Рабочий класс СССР насчитывал, по расчетам Гришаевой, 16,06% всего занятого населения[18].

Васькина, посвятившая свою работу целиком анализу той же переписи, к сожалению, не делает никаких попыток сопоставить ее данные с материалами последующих переписей. При характеристике места рабочего класса в социальной структуре она исходит из того, что удельный вес рабочих, занятых в народном хозяйстве в 1926 г., составлял 6,8% во всем занятом населении[19] (в 2,4 раза меньше, чем по данным Гришаевой), а в самодеятельном — 6,5%[20].

Удельный вес занятого населения, по данным Васькиной, составлял 96% от самодеятельного населения страны и 56,3% от всего ее населения[21]. Последний показатель заметно различался по республикам: 60% — в РСФСР, 62 — в УССР, 64 — в БССР, 55 — в Туркмении, 50 — в Армении, 42 — в Узбекистане и около 33% — в Азербайджане[22].

Заметное расхождение в значении основных показателей социального состава населения СССР и союзных республик в указанных выше работах говорит о том, что проблема сопоставления данных переписи 1926 г. и последующих (из-за изменений в методах учета населения и национально-государственном устройстве страны) остается во многом открытой.

В настоящей статье, однако, использованы варианты проведенных Гришаевой исчислений удельного веса рабочих. Если значение показателей по республикам занижено в той же мере, как и по стране в целом, возможно получение достоверных сравнительных данных. Аналогичным образом мы считаем вполне оправданным сопоставление данных о национальном составе всего населения страны с данными о национальном составе рабочих[23].

Учитывая, что сведения, введенные в научный оборот Сенявским, Арутюняном, Куличенко и другими, довольно часто воспроизводятся в научной литературе при характеристике изменений в рабочем классе и социальной структуре населения страны в целом, мы не стали отдавать предпочтение какому-либо из вариантов, а взяли для анализа большинство из них. (Из данных Сенявского использованы сведения об удельном весе рабочих коренной национальности в общей численности рабочих республики, абсолютные значения в расчет не принимались.) Сравнение различных вариантов исходных и полученных на их основе расчетных показателей позволяет выявить, с одной стороны, близость и совпадение содержащихся в них сведений, с другой — случаи наиболее существенных их расхождений, которые могут явиться своеобразным сигналом о необходимости уточнения исходного материала.

Результаты систематизации известных по литературе и расчетных данных представлены в табл. 2—5.

В табл. 2 приводятся сведения, характеризующие национальный состав населения и рабочего класса союзных республик. Население и рабочие в национальном отношении представлены состоящими из двух категорий — коренной и некоренных национальностей. Показан также удельный вес всех рабочих республики в ее населении и отдельно — рабочих коренной национальности в коренном населении и рабочих некоренных национальностей в некоренном населении. Все эти сведения даны применительно к годам проведения переписей населения в двух вариантах для 1926 г., четырех — для 1939 г., трех — для 1959 и 1970 гг. и в одном — для 1979 г. Расчеты проведены при допущении, что в занятом населении коренная национальность занимает такую же долю, что и во всем населении республики, и соответственно распределение всего коренного населения республики по социальным группам такое же, как и занятого коренного. Расчеты заключались в основном в выявлении неизвестного члена пропорции. Расчетные показатели, хотя и носят приближенный характер, позволяют более широко, чем это было возможно ранее, проследить процесс сближения национальностей Союза ССР по представленности в ведущем классе советского общества.

Сведения о динамике национального состава населения союзных республик в 1926—1979 гг., приведенные в табл. 2, показывают, что коренное население преобладало по своей численности в большинстве республик и насчитывало свыше 75% всего населения РСФСР, Украины, Белоруссии, Армении, Литвы и Азербайджана (с 1979 г.); от 60 до 75% населения Эстонии, Грузии, Азербайджана (до 1970 г.), Узбекистана, Туркмении и Молдавии. Меньше 60% коренное население составляет лишь в четырех союзных республиках. В Казахстане удельный вес коренной национальности сначала снизился с 57,1% в 1926 г. до 30% в 1959 г., а затем возрос до 36% в 1979 г., в Киргизии — снизился с 66,6% в 1926 г. до 40,5% в 1959 г. и поднялся затем до 47,9% в 1979 г., в Таджикистане — снизился с 74,6% в 1926 г. до 53,1% в 1959 г. и вырос затем до 58,8% в 1979 г., в Латвии — снизился с 62% в 1959 г. до 53,7% в 1979 г.[24]

Что же касается республиканских отрядов рабочего класса, то в большинстве союзных республик в нем долгое время численно преобладали представители некоренного населения. По переписи 1926 г., рабочие коренной национальности составляли больше половины всей численности республиканских отрядов рабочего класса РСФСР, Украины, Белоруссии, Грузии, Армении и Узбекистана. Однако численность его при этом в ряде республик была невелика и на протяжении 1926—1939 гг. росла преимущественно за счет рабочих некоренных национальностей. В результате к 1939 г. число республиканских отрядов рабочего класса, в которых рабочие коренных национальностей составляли меньшинство, не сократилось, а выросло. По переписи 1939 г. более половины состава республиканских отрядов рабочие коренной национальности составляли лишь в РСФСР, УССР, БССР и Армении.

Несмотря на дальнейший значительный рост численности рабочих во всех союзных республиках в 1939—1959 гг., соотношение между числом рабочих коренной и некоренных национальностей в республиканских отрядах рабочего класса изменилось мало. Преимущественно из некоренных национальностей республиканские отряды рабочего класса оставались в 1959 г. во всех республиках Средней Азии и Казахстане, в республиках Закавказья (кроме Армении) и в Молдавии.

Существенные сдвиги в этом отношении зафиксировала перепись 1970 г., показавшая, что рабочие коренной национальности стали преобладать по численности над рабочими некоренных национальностей в 12 из 15 союзных республик. Рабочие некоренных национальностей составляли около половины всех рабочих Таджикистана (51,5—47,7% по разным данным) и около двух третей всех рабочих Казахстана и Киргизии.

На протяжении 70-х годов произошли дальнейшие позитивные изменения в составе республиканских отрядов класса. Показатели удельного веса рабочих коренной национальности в этих отрядах вплотную приблизились к показателям удельного веса населения коренной национальности в общей численности населения республик. Национальный состав рабочего класса стал в большей мере соответствовать национальному составу населения страны. Рабочие коренной национальности в 1979 г. составляли меньшинство республиканских отрядов в Казахстане (35,2%) и Киргизии (45,5%), однако и эти показатели были весьма близки к доле коренного населения в общей численности населения республик (соответственно 36 и 47,9%).

Изменения в составе республиканских отрядов рабочего класса, зафиксированные переписями 1970 и 1979 гг., лежат в основе вывода постановления ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования СССР» о том, что «в 70-е годы выросли все национальные отряды советского рабочего класса, особенно в тех республиках, где его удельный вес в структуре населения был ниже общесоюзного» [25].

Процесс выравнивания населения разных национальностей по представленности в рабочем классе с большой наглядностью отражают материалы табл. 3. Расчеты показывают, что представленность коренного населения в республиканских отрядах рабочего класса вплоть до 1970 г. оставалась, за исключением РСФСР и Армении, ниже значений удельного веса коренного населения в населении республик (при равенстве показателей коэффициент равен единице). В 1979 г. этот показатель стал превышать единицу в пяти республиках из 15 (РСФСР, БССР, Молдавия, Таджикистан, Армения). В пяти республиканских отрядах класса коренное население было представлено в большей мере, нежели в общей численности населения республик. В остальных республиках удельный вес коренных рабочих в республиканском отряде класса оставался меньшим, чем доля коренного населения в общей численности населения.

Наиболее низкие показатели представленности коренного населения приходятся на 1939 г.: для Киргизии — 0,35—0,36, Туркмении — 0,42—0,47, Азербайджана — 0,49—0,57. Материалы последующих переписей отражали постоянный рост этих показателей во всех республиках, кроме РСФСР, УССР и БССР, где они всегда были относительно высокими. В Киргизии этот показатель поднялся до 0,53—0,55 в 1959 г., 0,74—0,76 — в 1970 г. и 0,95— в 1979 г. В Туркмении соответственно составлял 0,56—0,59; 0,78—0,79; 0,87; в Азербайджане — 0,69—0,71; 0,96—0,99; 0,99. Относительно высоким этот показатель был в республиках Прибалтики.

Некоренное население во всех республиках, кроме РСФСР, до последнего времени было представлено в республиканских отрядах рабочего класса в значительно большей степени, чем коренное. В 1926 г. в БССР, УССР, Киргизии и Туркмении представителей некоренных национальностей в рабочем классе было в 2,1—2,6 раза больше, чем в общей численности населения этих республик; в Армении, Казахстане, Таджикистане, Грузии, Узбекистане и Азербайджане — в 1,2—1,5 раза. Все последующие переписи отражали, как правило, снижение показателей представленности некоренного населения в республиканских отрядах рабочего класса и приближение их к единице, так сказать, с другой стороны. В 1979 г. некоренное население было представлено в республиканских отрядах класса в меньшей степени, чем коренное в общей численности населения республик в БССР и Армении (0,90), РСФСР и Таджикистане (0,95) и Молдавии (0,99).

Особенную наглядность дает сводка коэффициентов *К*, выражающих соотношение представленности коренного и некоренного населения в республиканских отрядах рабочего класса (см. табл. 3). Коэффициенты показывают, сколько рабочих некоренных национальностей приходилось на каждые сто рабочих, представленных коренной национальностью. Во всех республиках, кроме РСФСР, этот показатель вплоть до 1970 г. был выше 100. (По Армении показатели для 1939 и 1959 гг. по разным вариантам исходных данных оказались весьма противоречивыми.) Причем наиболее значительное отклонение от «нормы» характерно для 1926 г. На каждые 100 рабочих коренного населения приходилось рабочих некоренного населения: около 700 — в республиканском отряде Туркмении, 550 — Киргизии, 335 — Украины, 290 — Белоруссии, от 170 до 220 — Таджикистана, Узбекистана, Грузии, Казахстана и Азербайджана. Сравнительно низким этот показатель был в Армении (129).

По переписи 1939 г., отразившей период завершения реконструкции народного хозяйства и складывание однотипной социальной структуры советских наций, представленность некоренного населения в рабочем классе по сравнению с представленностью коренного уменьшилась в УССР (коэффициент *К* снизился с 335 до 120—140), в БССР (с 290 до 130—240), Казахстане (с 205 до 150—160), Киргизии (с 550 до 470—490), Туркмении (с 700 до 380—440) и выросла в Грузии (со 180 до 210—290), Азербайд-

жане (с 220 до 280—350), Узбекистане (со 190 до 250—310) и Таджикистане (со 170 до 220—350).

В последующем происходило уменьшение различий в представленности коренного и некоренного населения в республиканских отрядах рабочего класса во всех республиках. Однако к 1959 г. они оставались еще весьма существенными. На каждые 100 рабочих некоренной национальности в РСФСР приходилось 90—100 рабочих других национальностей (в данном случае — прежде всего других коренных национальностей автономных республик, областей и округов), в Армении — 100—130. От 130 до 180% показатель *К* был в БССР, республиках Прибалтики, УССР и Казахстане. В остальных республиках он был равен 220—300.

Соотношение показателей *Кн* и *Кк* существенно приблизилось к «норме» в 1970—1979 гг. В 1979 г. в пяти республиках из 15 соотношение между этими показателями (или коэффициент *К*) было меньше 100: в РСФСР — 94, БССР — 85, Молдавии — 98, Армении и Таджикистане — 90. В восьми республиках на каждые 100 рабочих коренной национальности приходилось 103—118 рабочих некоренных национальностей. В Грузии коэффициент *К* был равным 128, в Туркмении — 147. В этих двух республиках некоренное население оставалось представленным в рабочем классе в наибольшей степени, чем во всех остальных.

Материалы табл. 3 в целом свидетельствуют также, что население некоренных национальностей в союзных республиках играло важную позитивную роль в процессе роста и укрепления республиканских и национальных отрядов рабочего класса. До самого последнего времени оно направляло и в некоторых республиках продолжает направлять в ряды рабочего класса по сравнению с населением коренной национальности гораздо большую часть своих представителей. Особенно важную роль в становлении и укреплении республиканских и национальных отрядов рабочих сыграло русское население, составляющее довольно значительную долю населения во всех союзных республиках.

В 1926 г. русские составляли около 20—25% населения Казахстана и Узбекистана, 12 — Киргизии, 8—10 — БССР, Туркмении, УССР и Азербайджана, 2—4 — Армении и Грузии, 0,7% — Таджикистана. Перепись 1979 г. показала, что русские насчитывали около 41% населения Казахстана, 26—33 — Киргизии, Эстонии и Латвии, 21 — УССР, 10—13 — Таджикистана, Узбекистана, БССР и Молдавии, 7—10 — Грузии, Азербайджана и Литвы, 2,3% населения Армении[26].

Материалы переписей 1926 и 1939 гг. позволяют показать (см. табл. 5), что русское население в качестве некоренного населения союзных республик было представлено в республиканских отрядах рабочего класса значительно шире, чем даже в РСФСР. На каждые 100 рабочих коренной национальности в рабочем классе УССР приходилось в эти годы соответственно около 470 и 210 русских рабочих, Белоруссии — 240 и 330, Грузии — 408 и 680, Азербайджана — 340 и 540, Казахстана — 250 и 170, Узбекиста-

на — 490 и 520, Туркмении — 1300 и 800, Киргизии — 530 и 590, Таджикистана в 1939 г. — 960. Эти цифры — одно из самых ярких свидетельств большой и всесторонней помощи угнетенным в прошлом нациям и народностям со стороны русского народа и его рабочего класса.

Анализ процесса выравнивания представленности народов Союза ССР было бы неверно ограничивать только показом ее сближения в масштабах союзных республик, не рассматривая этого процесса в рамках страны в целом. В СССР за пределами «своих» союзных и автономных республик, национальных областей и округов проживает и работает постоянно расширяющаяся часть населения страны (см. табл. 6).

По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. из 268,8 млн. советских людей более 50 млн., или почти 20%, проживали в республиках, где большинство населения — люди иных национальностей [27]. В стране немало национальностей, большая часть которых живет вне пределов преимущественного расселения своих народов. При таком смешении наций одни народы за пределами «своих» национально-государственных образований могут быть представлены преимущественно в рабочем классе, другие —в других социальных группах.

В соответствии с этим вероятна ситуация, когда в каждой отдельно взятой республике представленность в рабочем классе может быть более или менее равной для всех населяющих ее народов. При различающихся показателях представленности по разным республикам в масштабах страны неравенство в представленности народов в рабочем классе может сохраняться весьма существенным.

Сравнение коренного и некоренного населения республик по представленности в республиканских отрядах рабочего класса характеризует процесс сближения народов в этом отношении как бы в горизонтальном срезе. Наряду с таким анализом полезно рассмотреть представленность населения республик в рабочем классе в вертикальном разрезе. В этом случае выведенные по республикам показатели представленности сравниваются между собой или с показателями, характеризующими представленность в рабочем классе всего населения страны.

Основой для такого анализа служат данные табл. 4, состоящей из четырех частей. В первой сведены показатели представленности всего многонационального населения каждой союзной республики в рабочем классе СССР (коэффициенты *Кр*), во второй и третьей — аналогичные показатели даны в отношении населения коренной и некоренных национальностей (коэффициенты *К′к* и *К′н*). Четвертая часть таблицы — это показатели соотношения коэффициентов *К′н* и *К′к*. В отличие от данных табл. 3, где мерилом представленности коренной и некоренных национальностей в рабочем классе выступала каждый раз доля рабочих в населении каждой отдельно взятой республики, при составлении табл. 4 за «норму», или единицу, при сравнении каждый раз (по каждой пе-

реписи) бралось значение удельного веса рабочих в населении страны.

Табл. 4 дает картину, в целом весьма сходную с той, которая наблюдалась в табл. 3, с тем, однако, существенным отличием, что на исходных рубежах социалистической реконструкции народного хозяйства (1926 г.) и раннего социализма (1939 г.) показатели представленности коренных национальностей Средней Азии и Закавказья (кроме Азербайджана в 1926 г.) означали еще меньшую часть «нормы», чем аналогичные по республиканским отрядам рабочего класса. Выше единицы показатели во всех рассматриваемых случаях были в РСФСР. В 1926 г. они были такими же в Азербайджане, в 1959 г. — в Эстонии, в 1970 и 1979 гг. — в Армении и Казахстане. Во всех остальных случаях показатели меньше единицы.

Наиболее низким этот показатель был в 1926 г. в Киргизии, где он составлял 0,18 «нормы» (иначе говоря, был в 6 раз меньше, чем удельный вес рабочих в населении СССР в целом), в Туркмении (0,25—0,28), Казахстане (0,41—0,46), БССР (0,49), Узбекистане (0,51—0,62), Грузии (0,55—0,62). Перепись 1939 г. зафиксировала рост этого показателя в УССР (с 0,64—0,66 до 0,90—0,95), в Казахстане (до 0,71—0,79), Туркмении (до 0,32—0,36) и Киргизии (до 0,19—0,23). В остальных республиках благодаря более масштабному подключению к труду рабочих некоренного населения показатели представленности населения коренной национальности даже несколько снизились: в Грузии — до 0,35—0,42, в Армении — с 0,79—0,85 до 0,51—0,68, в Узбекистане — до 0,31—0,39, в Таджикистане — с 0,56—0,66 до 0,20—0,27. Наиболее значительным снижение показателя было в Азербайджане — с 1,23—1,36 до 0,38—0,44.

Все последующие переписи населения показывали постоянный рост этих показателей во всех республиках, помимо РСФСР, где он всегда был на наиболее высоком уровне, составлял 1,04—1,18 в 1939 г., 1,12—1,15 в 1959 г., 1,09 в 1970 г., 1,05 в 1979 г. Большинство союзных республик в 1959—1979 гг. вплотную приблизились по представленности коренного населения в рабочем классе к «норме». В УССР за это время показатель *К'к* увеличился с 0,72—0,74 до 0,93, в БССР — с 0,65—0,68 до 0,98, в Литве — с 0,71—0,72 до 0,93, в Молдавии — с 0,27—0,28 до 0,90, в Армении — с 0,81—0,83 до 1,03, в Азербайджане — с 0,50—0,51 до 0,97, в Казахстане — с 0,79—0,94 до 1.07, в Узбекистане — с 0,56—0,57 до 0,83, в Туркмении — с 0,44—0,46 до 0,65, в Таджикистане — с 0,37—0,38 до 0,92, в Киргизии — с 0,44—0,47 до 0,93. Таким образом, наименьшим этот показатель в 1979 г. был в Туркмении (0,65), Грузии (0,82), Узбекистане (0,83), Киргизии и Литве (0,93).

Показатели представленности некоренного населения в рабочем классе СССР по всем республикам (исключая РСФСР) были не только значительно выше, чем коренного населения, но зачастую превышали общесоюзную «норму», определяемую в основном

РСФСР. Наиболее существенным разрыв между представленностью коренного и некоренного населения в рабочем классе, как и следовало ожидать, был в 1926—1939 гг. Так, коэффициент представленности некоренного населения в 1926 г. в Азербайджане превышал общесоюзную «норму» в 2,7—3 раза, на Украине — в 2,1—2,2 раза, в Туркмении — в 1,7—1,9 раза. С 1939 по 1979 г. эти показатели во всех республиках снизились, оставаясь тем не менее вплоть до 1970 г. во всех случаях бо́льшими, чем коэффициенты представленности коренного населения. И в 1979 г. некоренное население оставалось представленным в рабочем классе выше, чем в среднем по СССР, во всех республиках Прибалтики, в Грузии и Азербайджане, Казахстане и Киргизии.

Уже к 1959 г. в четырех республиках из 15 коэффициенты представленности всего населения республик (коренного и некоренного вместе взятого) в рабочем классе СССР (см. коэффициент *Кр* в табл. 4) несколько превышали средний общесоюзный и составляли в РСФСР — 1,12, в Латвии — 1,07, Эстонии — 1,15, Казахстане — 1,21. В 1979 г. таких республик тоже было 4 (РСФСР — 1,05, Эстония — 1,02, Армения — 1,07, Казахстан — 1,13). Близкими к единице показатели были в 1979 г. в Латвии и Азербайджане (0,98—0,99), Киргизии (0,96—0,98), Литве (0,95—0,96), БССР (0,93—0,96) и УССР (0,91—0,94). Сравнительно низкими они оставались в Туркмении (0,74), Узбекистане и Таджикистане (0,88), Молдавии (0,88—0,90) и Грузии (0,89—0,93). Если максимальные и минимальные показатели представленности населения коренных национальностей союзных республик в рабочем классе СССР выражались в 1939 г. соотношением 10 : 45—55, в 1959 г. — 10 : 30—40, в 1970 г. — 10 : 20, в 1979 г. — 10 : 16, то аналогичные соотношения между максимальными и минимальными значениями показателей представленности всего населения союзных республик в рабочем классе страны были в 1939 г. — 10 : 27, в 1959 г. — 10 : 25, в 1970 г. — 10 : 23; в 1979 г. — 10 : 14.

Коэффициенты *К′* (см. табл. 4), определенные по соотношениям представленности некоренного и коренного населения в рабочем классе СССР, аналогичны показателям *К* (см. табл. 3), определенным по соотношениям представленности некоренного и коренного населения в республиканских отрядах рабочего класса. Совпадение или незначительное расхождение значений этих коэффициентов говорит, помимо всего прочего, об отсутствии грубых ошибок в расчетах всех промежуточных показателей, сведенных в табл. 2—4.

Итак, в целом имеющийся в нашем распоряжении статистический материал и проведенные на его основе расчеты позволяют более детально, чем обычно делается, показать процесс выравнивания союзных республик по представленности населения в рабочем классе страны. Однако следует отметить, что характер допущений, принятых при расчетах, дает возможность показать этот процесс лишь в самом общем виде. Действительная картина де-

монстрировала бы бо́льшую степень различий республик и национальностей по представленности в рабочем классе. В пользу такого заключения говорят следующие два обстоятельства.

Проведенные расчеты, как отмечалось, делались с оговоркой, что занятость коренного и некоренного населения в народном хозяйстве союзных республик одинакова. В действительности же различия в этом отношении имеются. В табл. 7 дана сводка показателей динамики численности занятого населения союзных республик в процентах к общей численности их населения в 1926—1979 гг. Она показывает, что каждая новая Всесоюзная перепись фиксировала возрастающую степень занятости населения в народном хозяйстве СССР. По переписи 1926 г. население, занятое в народном хозяйстве, составляло менее четверти всего населения (23,7%). К 1939 г. показатель занятости вырос почти в 2 раза и составил уже 46,2%. В последующем он рос медленнее: в 1959 г.— 47,5%, в 1970 г. — 47,7 и в 1979 г. — 51,5% от численности всего населения страны. При этом постоянное увеличение показателя имело место лишь в РСФСР. В РСФСР, УССР, БССР и республиках Прибалтики занятость населения всегда (за исключением БССР в 1926 г.) была выше среднесоюзных данных. В УССР и БССР значения показателя возрастали в 1926—1959 гг., а затем обнаружилась тенденция к их снижению. В республиках Прибалтики и Молдавии в целом имеет место тенденция к снижению показателей занятости населения, хотя она остается на сравнительно высоком уровне. Что же касается республик Закавказья и Средней Азии, то здесь занятость населения в народном хозяйстве по сравнению с 1926 г. снизилась повсеместно. Если в 1926 г. коэффициент занятости, превышающий единицу, был в Грузии, Азербайджане, Узбекистане и Киргизии, то в последующем уже ни одна перепись подобных показателей не фиксировала. В 1979 г. близким к общесоюзной «норме» коэффициент был в Грузии (0,98), довольно высоким — в Армении (0,92) и Казахстане (0,91) и сравнительно низким — в Азербайджане (0,85), Киргизии (0,82), Туркмении (0,80), Узбекистане (0,78) и Таджикистане (0,76). Тенденция к снижению показателей в Узбекистане, Туркмении и Киргизии наблюдается начиная с 1926 г., в Таджикистане — с 1939 г.

Различия в показателях занятости обусловлены особенностями развития демографических процессов и спецификой образа жизни коренного населения союзных республик. Очевидно, что некоренное население имеет в этом отношении показатели, значение которых чаще всего будет лежать между теми, что характерны для населения одноименной коренной национальности в соответствующей республике и для населения республики проживания. В связи с этим предполагается, например, что русские за пределами РСФСР будут иметь показатели занятости в народном хозяйстве, чаще всего приближающиеся к таким показателям в РСФСР, а не к показателям занятости коренного населения «их» республики. Естественно, что отсутствие возможности учесть раз-

личия подобного рода в целом сглаживает реальные различия в представленности населения союзных республик в рабочем классе страны.

Другое обстоятельство, не позволяющее более точно отразить процесс сближения народов по представленности в рабочем классе страны, заключается в том, что при характеристике этого процесса использовались данные о населении отдельных национальностей, взятых не по СССР в целом, а только в пределах отдельных республик (например, украинские рабочие в УССР, туркменские рабочие в Туркмении, а не в СССР в целом). Понятие национальности в данном случае фактически отождествляется с понятием нации, что не одно и то же[28].

Поскольку, как показывают данные табл. 3—5, лица той или иной национальности за пределами «своей» республики могут быть и фактически бывают представлены в рабочем классе (иной социальной категории) в большей или меньшей степени, чем в «своей» республике, то без сомнения, данные о социальном составе всего населения той или иной национальности в пределах страны позволили бы рельефнее отобразить исторический процесс вовлечения разных наций и народностей Союза ССР в ряды передового класса общества и успешнее направлять дальнейшее развитие этого процесса.

В целом же приведенные в статье материалы свидетельствуют о громадных изменениях в социальной структуре советского общества за годы Советской власти. Основная тенденция — нарастание социальной однородности многонационального советского народа, рост и укрепление рабочего класса СССР, его республиканских и национальных отрядов — ведущей силы становления бесклассового социалистического общества и полного единства наций.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Таблицы помещены в конце статьи.

2 Андропов Ю. В. Избранные речи и статьи, 2-е изд. М., 1983, с. 11.

3 О 60-й годовщине образования СССР, с. 10.

4 Социальная политика и национальные отношения. М., 1982, с. 206.

5 Там же, с. 16.

6 Там же, с. 182—183.

7 Джунусов М. С. Некоторые вопросы методологии и методики исследования социальных структур советских национальных общностей. — В кн.: Тенденции изменения социально-классовой структуры советских наций и народностей. М., 1978, с. 16; Его же. Опыт построения системы индикаторов социального развития народов. — В кн.: Социология и проблемы социального развития. М., 1978.

8 См.: Остапенко Л. В., Сусоколов А. А. Динамика национального состава студенчества союзных республик в послевоенные годы. — Советская этнография, 1985, № 2, с. 47—48; Басалай А. А. Представительство национальностей в структуре интеллигенции. — В кн.: Формирование и развитие советской многонациональной интеллигенции. М., 1979.

9 См., напр.: Тимофеев П. Т. Формирование национальных кадров рабочего класса СССР. М., 1982.

10 См.: Арутюнян Ю. В. Социальная структура сельского населения СССР. М., 1971; Его же. Изменение социальной структуры советских наций. — История СССР, 1972, № 4; Его же. Развитие однотипной социальной

структуры советских наций. — В кн.: Современные этнические процессы в СССР. М., 1975; 2-е изд. М., 1977; Его же. Коренные изменения в социальном составе советских наций. — Социологические исследования, 1982, № 4; Дробижева Л. М. Сближение народов СССР в условиях завершения строительства и упрочения развитого социализма. — В кн.: СССР — великое содружество народов-братьев. М., 1972; Национальные отношения в развитом социалистическом обществе. М., 1977; и др.

[11] См.: Куличенко М. И. Расцвет и сближение наций в СССР. М., 1981, с. 260.

[12] См.: Сенявский С. Л. Рост рабочего класса СССР (1951—1965 гг.) М., 1966; Его же. Географическое распределение и национальный состав. — В кн.: Рабочий класс СССР (1961—1965 гг.). М., 1969; Сенявский С. Л., Тельпуховский В. Б. Рабочий класс СССР (1938—1965 гг.). М., 1971; Сенявский С. Л. Размещение и национальный состав. — В кн.: Рабочий класс СССР (1966—1970 гг.). М., 1979.

[13] См.: Васькина Л. И. Рабочий класс СССР накануне социалистической индустриализации (численность, состав, размещение). М., 1981; Гришаева Л. Е. Рабочие союзных республик в условиях социалистической индустриализации (1926—1939). М., 1982.

[14] Следует отметить некоторую условность применяемых в статье выражений типа «коренное население», «коренные рабочие». Подобные термины используются для краткости и означают население и рабочих, принадлежащих к национальностям, давшим название соответствующей республике. В действительности коренными являются и могут называться люди, родившиеся и оставшиеся в ней на жительство, и тем более представители населения таких «некоренных» национальностей, предки которых поколениями и веками жили на территории данной республики.

[15] См.: Гришаева Л. Е. Указ. соч., с. 70.

[16] Народное хозяйство СССР. 1922—1982 гг. М., 1982, с. 30.

[17] Подсчитано по: Гришаева Л. Е. Указ. соч., с. 70, 72.

[18] Там же, с. 72.

[19] Подсчитано по: Васькина Л. И. Указ. соч., с. 26.

[20] См.: Васькина Л. И. Указ. соч., с. 16.

[21] Подсчитано по: Васькина Л. И. Указ. соч., с. 16, 26, 42.

[22] Там же, с. 142.

[23] См.: Васькина Л. И. Указ. соч., с. 144—145, 147; Гришаева Л. Е. Указ. соч., с. 74—76.

[24] Детальное описание изменений в национальном составе населения страны по данным Всесоюзных переписей населения см.: Козлов В. И. Национальности СССР. Этнодемографический обзор, 1-е изд. М., 1975; 2-е изд. М., 1982.

[25] О 60-й годовщине образования СССР, с. 10.

[26] Подробнее см.: Козлов В. И. Указ. соч., с. 117—122.

[27] См.: Холмогоров А. И. Деятельность партии в области национальных отношений. — Вопросы истории КПСС, 1984, № 12, с. 35.

[28] См.: Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983, с. 70—73 и др.; Калтахчян С. Т. Марксистско-ленинская теория нации и современность. М., 1983, с. 225 и др.; Куличенко М. И. Нация и социальный прогресс. М., 1983, с. 42 и др.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Основные элементы социально-классового и национального состава населения союзной республики и зависимость между ними

Элементы состава населения	Условные обозначения элементов			
	социально-классового и национального состава населения	социально-классового состава национальности		национального состава республиканских отрядов социальных групп
		население коренное	население некоренное	
1	2	3	4	5
Население республики—все	НР — 100%			
коренной национальности	НК	НК' — 100%		
других национальностей	НН		НН' — 100%	
Рабочие—все	РР			РР" — 100%
коренной национальности	РК	РК'		РК"
других национальностей	РН		РН'	РН"
Крестьянство—все	КР			КР" — 100%
коренной национальности	КК	КК'		КК"
других национальностей	КН		КН'	КН"
Служащие—все	СР			СР" — 100%
коренной национальности	СК	СК'		СК"
других национальностей	СН		СН'	СН"
Прочие категории—все	ПР			ПК" — 100%
коренной национальности	ПК	ПК'		ПК"
других национальностей	ПН		ПН'	ПН"

Попарно одинаковыми линиями связаны элементы, отношения между количественными значениями которых составляют одинаковую величину. Два равных отношения образуют пропорцию, позволяющую находить значение одного неизвестного члена пропорции по трем известным. Например: $PK'' : HK = PK' : PP$. Отсюда $PK'' = HK \times PK' : PP$; $PK' = PK'' \times PP : HK$. Или $PH'' : HH = PH' : PP$. Отсюда $PH'' = HH \times PH' : PP$; $PH' = PH'' \times PP : HH$ *и т. п.*

Таблица 2

Национальный состав населения и рабочего класса союзных республик в 1926—1979 гг.

Республики	Национальный состав (%)				% рабочих в населении республик		
	населения		рабочего класса		все рабочие	корен. нац-сти в корен. населении	некорен. нац-сти в некорен. населении
	корен. национальность	другие национальности	корен. национальность	другие национальности			
1	2	3	4	5	6	7	8
1926 (I)*							
РСФСР	...	...	...	...	9,19	...	...
УССР	80,0(80,6)	20,0	54,6	45,4	8,46	5,77	19,20
БССР	80,6	19,4	58,9	41,1	5,82	4,25	12,33
Литов. ССР							
Латв. ССР							
Эст. ССР							
Молд. ССР							
Груз. ССР	67,1(67,0)	32,9	52,8	47,2	6,83	5,37	9,80
Арм. ССР	84,5(84,4)	15,5	80,9	19,1	7,20	6,89	8,87
Азерб. ССР	62,1	37,9	42,6	57,4	17,25	11,83	26,13
Казах. ССР**	57,1	42,9	39,5	60,5	5,18	3,58	7,31
Узб. ССР	65,9(74,2)	34,1	50,4	49,6	6,99	5,35	10,17
Туркм. ССР	71,9(70,2)	28,1	26,6	73,4	6,51	2,41	17,00
Тадж. ССР**	74,6	25,4	63,6	36,4	5,71	4,87	8,18
Кирг. ССР**	66,6	33,4	26,5	73,5	3,90	1,55	8,58
СССР					8,69		

* Составлено по: Васькина Л. И. Рабочий класс СССР накануне социалистической индустриализации ..., с. 144—145, 147; Гришаева Л. Е. Рабочие союзных республик в условиях социалистической индустриализации (1926—1939 гг.), с. 70, 74—76. В графе 2 в скобках приведены данные (из кн.: Козлов В. И. Национальности СССР, 2 изд. с. 117—122), отклонения которых от данных Л. Е. Гришаевой и Л. И. Васькиной в расчет не принимались для сохранения сопоставимости с данными граф 4, 7. В графах 3, 5, 7, 8 — расчетные данные.

Римская цифра I рядом с годом переписи означает, что сведения даются по населению с учетом неработающих членов семей, цифра II — по населению, занятому в народном хозяйстве; цифрами Iа, Iб, IIа, IIб, и т. д. обозначены различающиеся варианты сведений.

** По переписи 1926 г. данные приведены по соответствующей автономной республике.

Продолжение табл. 2

1	2	3	4	5	6	7	8
			1926 (II)*				
РСФСР	...	...	...	...	17,30	...	...
УССР	80,0(80,6)	20,0	54,6	45,4	15,12	10,32	34,32
БССР	80,6	19,4	58,9	41,1	10,85	7,93	22,99
Литов. ССР							
Латв. ССР							
Эст. ССР							
Молд. ССР							
Груз. ССР	67,1(67,0)	32,9	52,8	47,2	11,15	8,77	16,00
Арм. ССР	84,5(84,4)	15,5	80,9	19,1	14,25	13,64	17,56
Азерб. ССР	62,1	37,9	42,6	57,4	28,78	19,74	43,59
Казах. ССР	57,1	42,9	39,5	60,5	10,69	7,40	15,08
Узб. ССР	65,9(74,2)	34,1	50,4	49,6	10,74	8,21	15,62
Туркм. ССР	71,9(70,2)	28,1	26,6	73,4	10,68	3,95	27,90
Тадж. ССР	74,6	25,4	63,6	36,4	12,37	10,55	17,73
Кирг. ССР	66,6	33,4	26,5	73,5	7,30	2,90	16,06
СССР					16,06		

* См. прим. к варианту 1926 (I)

Продолжение табл. 2

1	2	3	4	5	6	7	8
			1939 (I)*				
РСФСР	83,4	16,6	91,0	9,0	35,0	38,2	19,0
УССР	73,5	26,5	66,1	33,9	32,6	29,3	41,7
БССР	82,9	17,1	78,4	21,6	21,9	20,7	27,7
Литов. ССР							
Латв. ССР							
Эст. ССР							
Молд. ССР							
Груз. ССР	61,4	38,6	39,0	61,0	19,5	12,4	30,8
Арм. ССР	82,8	17,2	ок. 100	ок. 0	17,6	21,5	ок. 0
Азерб. ССР	58,4	41,6	28,4	71,6	25,1	12,2	43,2
Казах. ССР	38,2	61,8	28,9	71,1	33,8	25,6	38,9
Узб. ССР	64,4	35,6	37,0	63,0	19,3	11,1	34,2
Туркм. ССР	59,2	40,8	27,5	72,5	25,2	11,7	44,8
Тадж. ССР	59,6	40,4	40,2	59,8	12,9	8,7	19,1
Кирг. ССР	51,7	48,2	18,2	81,8	21,3	7,5	36,1
СССР					32,5		

* Составлено по: Козлов В. И. Указ. соч., с. 117—122; Арутюнян Ю. В. Изменение социальной структуры советских наций, с. 6. В графах 3—5, 8 — расчетные данные.

1	2	3	4	5	6	7	8
			1939 (Ia)*				
РСФСР	83,4	16,6	80,6	19,4	35,0	33,8	40,9
УССР	73,5	26,5	65,8(65,9)	32,4	32,6	29,2	42,1
БССР	82,9	17,1	66,7	33,3	21,9	17,6	42,6
Литов. ССР							
Латв. ССР							
Эст. ССР							
Молд. ССР							
Груз. ССР	61,4	38,6	35,7	64,3	19,5	11,3	32,5
Арм. ССР	82,8	17,2	77,9(78,8)	21,1	17,6	16,6	22,6
Азерб. ССР	58,4	41,6	29,1(29,2)	70,9	25,1	12,5	42,8
Казах. ССР	38,2	61,8	27,4(27,5)	72,6	33,8	24,2	39,7
Узб. ССР	64,4	35,6	36,5(36,6)	63,5	19,3	10,9	34,4
Туркм. ССР	59,2	40,8	24,8	75,2	25,2	10,6	46,4
Тадж. ССР	59,6	40,4	29,6	70,4	12,9	6,4	22,5
Кирг. ССР	51,7	48,2	18,2	81,8	21,3	7,4	39,2
СССР					32,5		

* Составлено по: Козлов В. И. Указ. соч.; Сенявский С. Л. Рост рабочего класса СССР (1951—1965 гг.), с. 223; Сенявский С. Л., Тельпуховский В. Б. Рабочий класс СССР (1938—1965 гг.), с. 333; Сенявский С. Л. Размещение и национальный состав, с. 79; Гришаева Л. Е. Указ. соч., с. 70. В графе 4 в скобках приведены данные Гришаевой (Указ. соч., с. 74—76), незначительные отклонения которых от данных Сенявского и Тельпуховского в расчет не принимались. В графах 3, 5, 7, 8 — расчетные данные.

Продолжение табл. 2

1	2	3	4	5	6	7	8
			1939 (II)*				
РСФСР	83,4	16,6	80,6	19,4	41,77	40,37	48,82
УССР	73,5	26,5	65,8	32,4	38,86	34,79	50,15
БССР	82,9	17,1	66,7	33,3	29,43	23,7	57,3
Литов. ССР							
Латв. ССР							
Эст. ССР							
Молд. ССР							
Груз. ССР	61,4	38,6	35,7	64,3	23,46	13,6	39,1
Арм. ССР	82,8	17,2	77,9	21,1	22,88	21,5	29,4
Азерб. ССР	58,4	41,6	29,1	70,9	29,24	14,6	49,8
Казах. ССР	38,2	61,8	27,4	72,6	38,07	27,3	44,7
Узб. ССР	64,4	35,6	36,5	63,5	21,14	12,0	37,7
Туркм. ССР	59,2	40,8	24,8	75,2	29,34	12,3	54,1
Тадж. ССР	59,6	40,4	29,6	70,4	16,21	8,1	28,2
Кирг. ССР	51,7	48,2	18,2	81,8	21,11	7,35	35,9
СССР					38,35		

* Составлено по: Козлов В. И. Указ. соч.; Гришаева Л. Е. Указ. соч., с. 72, 74—76. В графах 3, 5, 7, 8 — расчетные данные.

Продолжение табл. 2

1	2	3	4	5	6	7	8
			1939 (IIa)*				
РСФСР	83,4	16,6	90,5	9,5	35,0	38,0	20,0
УССР	73,5	26,5	69,7	30,3	32,6	30,9	38,6
БССР	82,9	17,1	78,7	21,3	21,9	20,8	27,3
Литов. ССР							
Латв. ССР							
Эст. ССР							
Молд. ССР							
Груз. ССР	61,4	38,6	43,8	56,2	19,5	13,9	28,4
Арм. ССР	82,8	17,2	ок. 100	ок. 0	17,6	22,2	0
Азерб. ССР	58,4	41,6	33,5	66,5	25,1	14,4	40,1
Казах. ССР	38,2	61,8	28,9	71,1	33,8	25,6	38,9
Узб. ССР	64,4	35,6	42,0	58,0	19,3	12,6	31,4
Туркм. ССР	59,2	40,8	27,7	72,3	25,2	11,8	44,7
Тадж. ССР	59,6	40,4	40,2	59,8	12,9	8,7	19,1
Кирг. ССР	51,7	48,2	18,4	81,6	21,3	7,6	36,1
СССР					32,5		

* Составлено по: Козлов В. И. Указ. соч.; Куличенко М. И. Расцвет и сближение наций в СССР, с. 259—260; Арутюнян Ю. В. Изменение социальной структуры советских наций. В графах 3—5, 8 — расчетные данные.

Продолжение табл. 2

1	2	3	4	5	6	7	8
			1959 (II)*				
РСФСР	83,3	16,7	84,9	15,1	52,8	53,8	47,7
УССР	76,8	23,2	69,5	30,5	38,3	34,6	50,4
БССР	81,1	18,9	80,1	19,9	32,3	31,9	34,0
Литов. ССР							
Латв. ССР							
Эст. ССР							
Молд. ССР							
Груз. ССР	64,3	35,7	48,9	51,1	30,1	22,9	43,1
Арм. ССР	88,0	12,0	88,2	11,8	37,8	37,9	37,2
Азерб. ССР	67,5	32,5	47,7	52,3	32,9	23,2	52,9
Казах. ССР	30,0	70,0	19,3	80,7	57,0	36,7	65,7
Узб. ССР	62,1	37,9	43,1	56,9	38,1	26,4	57,2
Туркм. ССР	60,9	39,1	34,1	69,5	36,3	20,3	61,2
Тадж. ССР	53,1	46,9	32,5	67,5	28,2	17,3	40,6
Кирг. ССР	40,5	59,5	21,6	78,4	38,7	20,6	51,0
СССР					46,6		

* Составлено по: Козлов В. И. Указ. соч.; Сенявский С. Л. Рост рабочего класса СССР (1951—1965 гг.), с. 223; Сенявский С. Л., Тельпуховский В. Б. Рабочий класс СССР (1938—1965 гг.), с. 333; Сенявский С. Л. Размещение и национальный состав, с. 79; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР (Сводный том). М., 1962, с. 95. В графах 3, 5, 7, 8 — расчетные данные.

Продолжение табл. 2

1	2	3	4	5	6	7	8
			1959 (I)*				
РСФСР	83,3	16,7	83,3	16,7	54	54	54
УССР	76,8	23,2	63,7	36,3	41	34	64,2
БССР	81,1	18,9	72,2	27,8	35	31	51,5
Литов. ССР	79,3	20,7	67,4	32,6	40	34	63,0
Латв. ССР	62,0	38,0	54,6	45,4	52(51)	46	62,1
Эст. ССР	74,6	25,4	69,4	30,6	55	51	66,3
Молд. ССР	65,4	34,6	40,5	59,5	21	13	36,1
Груз. ССР	64,3	35,7	46,3	53,7	32	23(22)	48,1
Арм. ССР	88,0	12,0	88,0	12,0	40	40(38)	40
Азерб. ССР	67,5	32,5	46,3	53,7	35	24	57,8
Казах. ССР	30,0	70,0	22,8	77,2	58	44	64,0
Узб. ССР	62,1	37,9	41,9	58,1	40	27	61,3
Туркм. ССР	60,9	39,1	35,9	64,1	37	22	60,7
Тадж. ССР	53,1	46,9	31,9	68,1	30	18	43,6
Кирг. ССР	40,5	59,5	22,3	77,7	40	22	52,9
СССР					48		

* Составлено по: Козлов В. И. Указ. соч.; Арутюнян Ю. В. Изменение социальной структуры советских наций, с. 13; Его же. Социальная структура сельского населения СССР, с. 84. В графах 6 и 7 в скобках приведены данные из книги Ю. В. Арутюняна 1971 г., отклонения которых от данных статьи 1972 г. в расчет не принимались. В графах 3, 4, 5, 8 — расчетные данные.

Продолжение табл. 2

1	2	3	4	5	6	7	8
			1959 (IIa)*				
РСФСР	83,3	16,7	83,3	16,7	54	54	54
УССР	76,8	23,2	65,3	34,7	40	34	59,8
БССР	81,1	18,9	76,2	23,8	33	31	41,6
Литов. ССР	79,3	20,7	70,6	29,4	38	34	54,0
Латв. ССР	62,0	38,0	54,6	45,4	52	46	62,1
Эст. ССР	74,6	25,4	66,4	33,6	57	51	75,4
Молд. ССР	65,4	34,6	44,5	55,5	19	13	30,5
Груз. ССР	64,3	35,7	44,4	55,6	32	22	49,8
Арм. ССР	88,0	12,0	85,4	14,6	39	38	47,5
Азерб. ССР	67,5	32,5	47,9	52,1	34	24	54,5
Казах. ССР	30,0	70,0	22,8	77,2	58	44	64,0
Узб. ССР	62,1	37,9	43,0	57,0	39	27	58,7
Туркм. ССР	60,9	39,1	35,9	64,1	37	22	60,7
Тадж. ССР	53,1	46,9	32,9	67,1	29	18	41,5
Кирг. ССР	40,5	59,5	22,3	77,7	40	22	52,9
СССР					47		

* Составлено по: Козлов В. И. Указ. соч.; Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М. Общее и особенное в социально-культурном облике советских наций. — В кн.: Сближение социально-классовой структуры советских наций и народностей. М., 1977, с. 29; Национальные отношения в развитом социалистическом обществе, с. 93. В графах 3—5, 8 — расчетные данные.

Продолжение табл. 2

1	2	3	4	5	6	7	8
			1970 (II)*				
РСФСР	82,8	17,2	84,1	15,9	62	62	57,3
УССР	74,9	25,1	67,7	32,3	52	47	66,9
БССР	81,0	19,0	79,5	20,5	54	56	58,3
Литов. ССР	80,1	19,9	75,7	24,3	55	52	67,2
Латв. ССР	56,8	43,2	52,9	47,1	58	54	63,2
Эст. ССР	68,2	31,8	63,7	36,3	61	57	69,6
Молд. ССР	64,6	35,4	54,4	45,6	38	32	48,9
Груз. ССР	66,8	33,2	59,5	40,5	46	41	56,1
Арм. ССР	88,6	11,4	84,9	5,1	56	60	25,1
Азерб. ССР	73,8	26,2	71,0	29,0	52	50	57,6
Казах. ССР	32,6	67,4	32,1	67,9	66	65	66,5
Узб. ССР	65,5	34,5	55,5	44,5	46	39	59,3
Туркм. ССР	65,6	34,4	51,2	48,8	41	32	58,2
Тадж. ССР	56,2	43,8	49,5	50,5	42	37	48,4
Кирг. ССР	43,8	56,2	33,3	66,7	54	41	64,1
СССР					58		

* Составлено по: Козлов В. И. Указ. соч.; Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М. Указ. соч., с. 29; Национальные отношения в развитом социалистическом обществе, с. 93. В графах 3—5, 8 — расчетные данные.

Продолжение табл. 2

1	2	3	4	5	6	7	8
			1970 (IIa)*				
РСФСР	82,8	17,2	90,3	9,7	61,6	63	34,7
УССР	74,9	25,1	68,2	31,8	51,8	47	65,6
БССР	81,0	19,0	79,4	20,9	54,0	53	38,4
Литов. ССР	80,1	19,9	75,7	24,3	54,5	52	66,6
Латв. ССР	56,8	43,2	52,8	47,2	58,0	54	63,4
Эст. ССР	68,2	31,8	63,9	36,1	60,8	57	69,0
Молд. ССР	64,6	35,4	54,3	45,7	38,1	32	49,2
Груз. ССР	66,8	33,2	60,1	39,9	45,5	41	54,7
Арм. ССР	88,6	11,4	94,8	5,2	56,3	60	25,7
Азерб. ССР	73,8	26,2	71,6	28,4	51,5	50	55,8
Казах. ССР	32,5	67,4	31,9	68,1	66,3	65	67,0
Узб. ССР	65,5	34,5	55,7	44,3	45,7	39	58,7
Туркм. ССР	65,6	34,4	51,2	48,8	41,2	32	58,4
Тадж. ССР	56,2	43,8	49,5	50,5	42,0	37	48,4
Кирг. ССР	43,8	56,2	33,3	66,7	53,6	41	63,6
СССР					57,6		

* Составлено по: Козлов В. И. Указ. соч.; Арутюнян Ю. В. Коренные изменения в социальном составе советских наций, с. 23; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. V. М., 1973, с. 26—33. В графах 3—5, 8 — расчетные данные.

Продолжение табл. 2

1	2	3	4	5	6	7	8
			1970 (IIб)*				
РСФСР	82,8	17,2	84,1	15,9	61,6	62,6	56,9
УССР	74,9	25,1	70,2	29,8	51,8	48,6	61,5
БССР	81,0	19,0	83,5	16,5	54,0	55,7	46,9
Литов. ССР	80,1	19,9	77,5	22,5	54,5	52,7	61,6
Латв. ССР	56,8	43,2	52,9	47,1	58,0	54,0	63,2
Эст. ССР	68,2	31,8	64,0	36,0	60,8	57,1	68,8
Молд. ССР	64,6	35,4	...	...	38,1	...	...
Груз. ССР	66,8	33,2	60,0	40,0	45,5	40,9	54,8
Арм. ССР	88,6	11,4	93,2	6,8	56,3	59,2	33,6
Азерб. ССР	73,8	26,2	73,5	26.5	51,5	51,3	52,1
Казах. ССР	32,6	67,4	32,0	68,0	66,3	65,0	66,9
Узб. ССР	65,5	34,5	57,2	42,8	45,7	39,9	56,7
Туркм. ССР	65,6	34,4	51,7	48,3	41,2	32,5	57,8
Тадж. ССР	56,2	43,8	52,7	47,3	42,0	39,4	45,4
Кирг. ССР	43,8	56,2	32,3	67,3	53,6	39,5	64,2
СССР					57,6		

* Составлено по: Козлов В. И. Указ. соч.; Куличенко М. И. Указ. соч.; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г., т. V, с. 26—38. В графах 3—5, 8 — расчетные данные.

Продолжение табл. 2

1	2	3	4	5	6	7	8
			1979 (II)*				
РСФСР	82,6	17,4	83,4	16,6	62,4	63	59,5
УССР	73,6	26,4	73,1	26,9	56,4	56	57,5
БССР	79,4	20,6	81,5	18,5	57,5	59	51,6
Литов. ССР	80,0	20,0	78,0	22,0	57,4	56	63,1
Латв. ССР	53,7	46,3	52,5	47,5	59,3	58	60,8
Эст. ССР	64,7	35,3	60,6	39,4	60,9	57	68,0
Молд. ССР	63,9	36,1	64,3	35,7	53,7	54	53,1
Груз. ССР	68,8	31,2	63,0	37,0	53,5	49	63,4
Арм. ССР	89,7	10,3	90,7	9,3	61,3	62	55,3
Азерб. ССР	78,1	21,9	77,4	22,6	58,5	58	60,4
Казах. ССР	36,0	64,0	35,2	64,8	65,5	64	66,3
Узб. ССР	68,7	31,3	64,9	35,1	52,9	50	59,3
Туркм. ССР	68,4	31,6	59,7	40,3	44,7	39	57,0
Тадж. ССР	58,8	41,2	60,9	39,1	53,1	55	50,4
Кирг. ССР	47,9	52,1	45,5	54,5	59,0	56	61,7
СССР					60,0		

* Составлено по: Козлов В. И. Указ. соч.; Арутюнян Ю. В. Коренные изменения в социальном составе советских наций, с. 23; Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. М., 1984, с. 156. В графах 3—5, 8 — расчетные данные.

Таблица 3*

Сближение коренного и некоренного населения союзных республик по представленности в республиканских отрядах рабочего класса

Республики	Показатели представленности коренного населения (*Кк*)**										
	1926	1939			1959			1970			1979
	I, II	I	Ia, II	IIa	II	I	IIa	II	IIa	IIб	II
РСФСР	...	1,09	0,97	1,09	1,02	1,00	1,00	1,02	1,02	1,02	1,01
УССР	0,68	0,90	0,90	0,95	0,90	0,83	0,85	0,90	0,91	0,94	0,99
БССР	0,73	0,95	0,80	0,95	0,99	0,89	0,94	0,98	0,98	1,03	1,03
Литов. ССР						0,85	0,89	0,95	0,95	0,97	0,98
Латв. ССР						0,88	0,88	0,93	0,93	0,93	0,98
Эст. ССР						0,93	0,89	0,93	0,94	0,94	0,94
Молд. ССР						0,62	0,68	0,84	0,84	...	1,01
Груз. ССР	0,79	0,64	0,58	0,71	0,76	0,72	0,69	0,89	0,90	0,90	0,92
Арм. ССР	0,96	1,22	0,94	1,26	1,00	1,00	0,97	1,07	1,07	1,05	1,01
Азерб. ССР	0,69	0,49	0,50	0,57	0,71	0,69	0,71	0,96	0,97	0,996	0,99
Казах. ССР	0,69	0,76	0,72	0,76	0,64	0,76	0,76	0,98	0,98	0,98	0,98
Узб. ССР	0,76	0,57	0,57	0,65	0,69	0,67	0,69	0,85	0,85	0,87	0,95
Туркм. ССР	0,37	0,46	0,42	0,47	0,56	0,59	0,59	0,78	0,78	0,79	0,87
Тадж. ССР	0,85	0,67	0,50	0,67	0,61	0,60	0,62	0,88	0,88	0,94	1,04
Кирг. ССР	0,40	0,35	0,35	0,36	0,53	0,55	0,55	0,76	0,76	0,74	0,95

* Рассчитана на основе данных табл. 2.

** Показатели, или коэффициенты, *Кк* означают отношение удельного веса коренных рабочих в республиканском отряде класса (*РК″*) к удельному весу коренного населения в населении соответствующей республики (*НК*). Такие же значения коэффициентов дает отношение удельного веса коренных рабочих в коренном населении (*РК′*) к удельному весу рабочих всех национальностей в населении республики в целом (*РР*). *Кк* = *РК″* : *НК* = *РК′* : *РР*.

Продолжение табл. 3

Республики	Показатели представленности некоренного населения (*Кн*)*										
	1926	1939			1959				1970		1979
	I, II	I	Ia, II	IIa	II	I	IIa	II	IIa	IIб	II
РСФСР	...	0,54	1,17	0,57	0,90	1,00	1,00	0,92	0,89	0,92	0,95
УССР	2,27	1,28	1,29	1,18	1,31	1,56	1,50	1,27	1,27	1,19	1,02
БССР	2,12	1,26	1,95	1,25	1,05	1,47	1,26	1,08	1,08	0,87	0,90
Литов. ССР						1,57	1,42	1,22	1,19	1,13	1,10
Латв. ССР						1,19	1,19	1,09	1,09	1,09	1,02
Эст. ССР						1,20	1,32	1,14	1,13	1,13	1,12
Молд. ССР						1,72	1,60	1,29	1,29	...	0,99
Груз. ССР	1,43	1,58	1,67	1,46	1,43	1,51	1,58	1,22	1,20	1,20	1,19
Арм. ССР	1,23	ок. 0	1,28	1,02	0,98	1,00	1,23	0,45	0,49	0,60	0,90
Азерб. ССР	1,51	1,72	1,71	1,60	1,60	1,64	1,60	1,11	1,08	1,01	1,04
Казах. ССР	1,41	1,15	1,17	1,15	1,15	1,10	1,10	1,01	1,01	1,01	1,01
Узб. ССР	1,45	1,77	1,78	1,62	1,50	1,53	1,50	1,29	1,28	1,24	1,12
Туркм. ССР	2,61	1,78	1,84	1,77	1,69	1,64	1,64	1,42	1,42	1,40	1,28
Тадж. ССР	1,43	1,48	1,74	1,48	1,44	1,45	1,43	1,15	1,15	1,08	0,95
Кирг. ССР	2,20	1,70	1,70	1,69	1,32	1,31	1,31	1,19	1,18	1,20	1,05

* Показатели, или коэффициенты, *Кн* означают отношение удельного веса некоренных рабочих в республиканском отряде класса (*РН″*) к удельному весу некоренного населения в населении соответствующей республики (*НН*). Такие же значения коэффициентов дает отношение удельного веса некоренных рабочих в некоренном населении (*РН′*) к удельному весу рабочих всех национальностей в населении республики (*РР*). *Кн* = *РН″* : *НН* = *РН′* : *РР*.

Республики	Соотношение показателей представленности некоренного и коренного населения республик в республиканских отрядах рабочего класса (*К*)*										
	1926	1939			1959			1970			1979
	I, II	I	Ia, II	IIa	II	I	IIa	II	IIa	IIб	II
РСФСР	...,	50	121	52	88	100	100	90	87	90	94
УССР	335	142	143	124	146	187	176	141	140	127	103
БССР	290	133	244	132	106	165	134	110	110	84	87
Литов. ССР						184	160	128	125	116	113
Латв. ССР						135	135	117	117	117	105
Эст. ССР						129	148	123	120	120	119
Молд. ССР						277	235	154	154	...	98
Груз. ССР	182	247	288	206	188	210	229	137	133	133	129
Арм. ССР	129	ок. 0	136	81	98	100	127	42	46	57	89
Азерб. ССР	221	351	342	281	225	238	225	116	111	101	104
Казах. ССР	205	151	162	151	180	145	145	103	103	103	103
Узб. ССР	189	311	312	249	217	228	218	152	151	143	119
Туркм. ССР	700	387	438	377	302	278	278	182	182	177	147
Тадж. ССР	168	221	348	221	236	242	230	131	131	115	91
Кирг. ССР	550	486	485	469	249	238	238	157	155	162	110

* Показатель, или коэффициент, *К* выражает соотношение представленности некоренного и коренного населения в республиканском отряде рабочего класса, выраженное в процентах. *К* = *Кн* : *Кк* × *100*. Он означает число рабочих некоренных национальностей, приходящееся на каждые 100 рабочих, представляющих коренную национальность республики.

Таблица 4*

Сближение союзных республик по представленности населения в рабочем классе СССР. 1926—1979 гг.

Республики	Показатели представленности населения союзных республик в рабочем классе СССР (*Кр*)**									
	I — население, включающее членов семей					II — население, занятое в народном хозяйстве				
	1926	1939	1959	1970	1979	1926	1939	1959	1970	1979
РСФСР	1,06	1,08	1,12	1,08	1,05	1,08	1,09	1,13	1,07	1,04
УССР	0,97	1,00	0,85	0,88	0,91	0,94	1,01	0,82	0,90	0,94
БССР	0,97	0,67	0,72	0,92	0,93	0,68	0,77	0,69	0,94	0,96
Литов. ССР			0,83	0,95	0,95			0,79	0,95	0,96
Латв. ССР			1,07	0,998	0,98			1,08	1,01	0,99
Эст. ССР			1,15	1,06	1,02			1,19	1,06	1,02
Молд. ССР			0,44	0,46	0,88			0,40	0,66	0,90
Груз. ССР	0,79	0,60	0,66	0,82	0,93	0,69	0,61	0,65	0,79	0,89
Арм. ССР	0,83	0,54	0,83	1,02	1,07	0,89	0,60	0,81	0,98	1,02
Азерб. ССР	1,99	0,77	0,73	0,92	0,99	1,79	0,76	0,71	0,89	0,98

Республики	Показатели представленности населения союзных республик в рабочем классе СССР (*Кр*)**									
	I — население, включающее членов семей					II — население, занятое в народном хозяйстве				
	1926	1939	1959	1970	1979	1926	1939	1959	1970	1979
Казах. ССР	0,60	1,04	1,21	1,20	1,13	0,67	0,99	1,22	1,15	1,09
Узб. ССР	0,80	0,59	0,83	0,80	0,88	0,67	0,55	0,82	0,79	0,88
Туркм. ССР	0,75	0,78	0,76	0,71	0,74	0,67	0,77	0,78	0,72	0,74
Тадж. ССР	0,66	0,40	0,63	0,71	0,88	0,77	0,42	0,61	0,73	0,88
Кирг. ССР	0,45	0,66	0,83	0,91	0,96	0,45	0,55	0,83	0,93	0,98
Уд. вес рабочих в населении СССР, принятый за 1	8,69	32,5	48,2	56,7	60,0	16,06	38,35	46,6	57,6	60,0

* Рассчитана на основе данных табл. 2.

** Показатели *Кр* означают, во сколько раз доля всех рабочих в населении союзной республики больше или меньше удельного веса рабочего класса в населении СССР.

Республики	Показатели представленности населения коренной национальности союзных республик в рабочем классе СССР (*К'к*)*												
	1926		1939				1959			1970			1979
	I	II	I	Ia	II	IIa	II	I	IIa	II	IIa	IIб	II
РСФСР	...	...	1,18	1,04	1,05	1,17	1,15	1,12	1,15	1,09	1,09	1,09	1,05
УССР	0,66	0,64	0,90	0,90	0,91	0,95	0,74	0,71	0,72	0,81	0,81	0,84	0,93
БССР	0,49	0,49	0,64	0,54	0,62	0,64	0,68	0,65	0,65	0,91	0,91	0,97	0,98
Литов. ССР							...	0,71	0,72	0,90	0,90	0,91	0,93
Латв. ССР							...	0,96	0,98	0,93	0,93	0,94	0,97
Эст. ССР							...	1,06	1,09	0,98	0,98	0,99	0,95
Молд. ССР							...	0,27	0,28	0,55	0,55	...	0,90
Груз. ССР	0,62	0,55	0,38	0,35	0,35	0,42	0,49	0,48	0,47	0,71	0,71	0,71	0,82
Арм. ССР	0,79	0,85	0,66	0,51	0,56	0,68	0,81	0,83	0,81	1,03	1,03	1,03	1,03
Азерб. ССР	1,36	1,23	0,38	0,38	0,38	0,44	0,50	0,50	0,51	0,86	0,86	0,89	0,97
Казах. ССР	0,41	1,46	0,79	0,74	0,71	0,79	0,79	0,92	0,94	1,12	1,12	1,13	1,07
Узб. ССР	0,62	0,51	0,34	0,34	0,31	0,39	0,57	0,56	0,57	0,67	0,67	0,69	0,83
Туркм. ССР	0,28	0,25	0,36	0,33	0,32	0,36	0,44	0,46	0,46	0,55	0,56	0,56	0,65
Тадж. ССР	0,56	0,66	0,27	0,20	0,21	0,27	0,37	0,38	0,38	0,64	0,64	0,68	0,92
Кирг. ССР	0,18	0,18	0,23	0,23	0,19	0,23	0,44	0,46	0,47	0,71	0,71	0,69	0,93
Уд. вес рабочих в населении СССР, принятый за 1	8,69	16,06	32,5	32,5	38,35	32,5	46,6	48	47	58	58	57,6	60

* Показатели *К'к* означают, во сколько раз доля рабочих коренной национальности в коренном населении республики больше или меньше удельного веса рабочего класса СССР в его населении.

Республики	Показатели представленности населения некоренных национальностей союзных республик в рабочем классе СССР ($K'н$)* 1926		1939				1959			1970			1979
	I	II	I	Ia	II	IIa	II	I	IIa	II	IIa	IIб	II
РСФСР	...	...	0,58	1,26	1,27	0,62	1,02	1,12	1,15	0,99	0,95	0,99	0,99
УССР	2,21	2,14	1,28	1,29	1,31	1,19	1,08	1,33	1,27	1,15	1,15	1,07	0,96
БССР	1,42	1,43	0,85	1,31	1,49	0,84	0,72	1,07	0,89	1,01	1,01	0,81	0,86
Литов. ССР							...	1,31	1,15	1,16	1,12	1,07	1,05
Латв. ССР							...	1,29	1,32	1,09	1,10	1,10	1,01
Эст. ССР							...	1,38	1,60	1,20	1,19	1,19	1,13
Молд. ССР							...	0,75	0,65	0,84	0,85	...	0,88
Груз. ССР	1,13	1,00	0,94	1,00	1,02	0,87	0,92	1,00	1,06	0,97	0,95	0,95	1,06
Арм. ССР	1,02	1,09	ок. 0	0,70	0,77	ок. 0	0,80	0,83	1,01	0,43	0,48	0,58	0,94
Азерб. ССР	3,01	2,71	1,33	1,32	1,30	1,23	1,14	1,20	1,16	0,99	0,97	0,90	1,01
Казах. ССР	0,84	0,94	1,20	1,22	1,16	1,20	1,41	1,33	1,36	1,15	1,16	1,16	1,10
Узб. ССР	1,17	0,97	1,05	1,06	0,98	0,97	1,23	1,28	1,25	1,02	1,01	0,98	0,99
Туркм. ССР	1,96	1,74	1,38	1,43	1,41	1,38	1,31	1,26	1,23	1,00	1,02	1,003	0,95
Тадж. ССР	0,94	1,10	0,59	0,69	0,74	0,58	0,87	0,91	0,88	0,83	0,84	0,79	0,84
Кирг. ССР	0,99	1,00	1,12	1,11	0,94	1,11	1,09	1,10	1,13	1,11	1,10	1,11	1,03
Уд. вес рабочих в населении СССР, принятый за 1	8,69	16,06	32,5	32,5	38,35	32,5	46,6	48	47	58	58	57,6	60

* Показатели $K'н$ означают, во сколько раз доля рабочих некоренных национальностей в некоренном населении союзной республики больше или меньше удельного веса рабочего класса в населении СССР.

Республики	Соотношение показателей представленности некоренного и коренного населения республик в рабочем классе (K)* 1926		1939				1959			1970			1979
	I	II	I	Ia	II	IIa	II	I	IIa	II	IIa	IIб	II
РСФСР	...	...	49	121	121	53	89	100	100	90	87	91	94
УССР	334	334	142	143	144	125	146	187	176	142	142	127	103
БССР	290	292	133	243	240	131	106	165	137	111	111	84	88
Литов. ССР							...	185	160	129	124	118	113
Латв. ССР							...	134	135	117	118	117	104
Эст. ССР							...	130	147	122	121	121	119
Молд. ССР							...	278	232	153	155	...	98
Груз. ССР	182	182	247	287	291	207	188	208	226	137	134	134	129
Арм. ССР	129	128	ок. 0	137	137	ок. 0	99	100	125	42	47	57	89
Азерб. ССР	221	220	350	347	342	280	228	240	227	115	113	102	104
Казах. ССР	205	204	152	165	163	152	178	145	145	103	104	103	103
Узб. ССР	189	190	309	312	316	249	216	229	219	152	151	143	119
Туркм. ССР	700	696	383	433	441	383	298	274	280	182	185	179	146
Тадж. ССР	168	167	219	345	352	215	235	239	232	130	131	116	91
Кирг. ССР	550	556	487	483	494	483	248	239	240	156	155	162	111

* Показатели $K' = K'н : K'к \times 100$ означают число рабочих некоренных национальностей союзных республик, приходящееся на каждые 100 рабочих коренной национальности.

Таблица 5

Сравнительные данные о национальном составе населения и рабочего класса союзных республик в 1926 и 1939 гг.

Республики и национальности	Национальный состав, %				Показатели представленности населения в республиканском отряде рабочего класса			
	1926		1939		уд. вес рабочих к уд. весу населения соответствующей нац-сти (раз)		представленность некоренной нац-сти в % к представленности коренной национальности	
	население	рабочий класс	население	рабочий класс	1926	1939	1926	1939
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Украина	100,0	100,0	100,0	100,0				
украинцы	80,0	54,6	73,5	65,9	0,68	0,90	100	100
русские	9,2	29,2	12,9	24,0	3,17	1,86	466	207
другие	10,8	16,2	13,6	10,1	1,50	0,74	221	82
Белоруссия	100,0	100,0	100,0	100,0				
белоруссы	80,6	58,9	82,9	66,7	0,73	0,80	100	100
русские	7,7	13,3	6,5	17,1	1,73	2,63	237	329
другие	11,7	27,8	10,6	16,2	2,38	1,53	326	191
Грузия	100,0	100,0	100,0	100,0				
грузины	67,1	52,8	61,4	35,7	0,79	0,58	100	100
русские	3,6	11,6	8,7	34,4	3,22	3,95	408	681
другие	29,3	35,6	29,9	29,9	1,22	1,00	154	172
Армения	100,0	100,0	100,0	100,0				
армяне	84,5	80,9	82,8	78,0	0,96	0,94	100	100
русские	2,2	1,4	4,0	14,5	0,64	3,62	67	385
другие	13,3	17,7	13,2	7,5	1,33	0,57	139	61
Азербайджан	100,0	100,0	100,0	100,0				
азербайджанцы	62,1	42,6	58,4	29,2	0,69	0,50	100	100
русские	9,5	22,5	16,5	44,2	2,37	2,68	343	536
другие	28,4	34,9	25,1	26,6	1,23	1,06	187	212
Казахстан	100,0	100,0	100,0	100,0				
казахи	57,1	39,5	38,2	27,5	0,69	0,72	100	100
русские	19,7	34,3	40,3	49,9	1,74	1,24	252	172
другие	23,2	26,2	21,5	22,6	1,13	1,05	164	146
Узбекистан	100,0	100,0	100,0	100,0				
узбеки	65,9	50,4	64,4	36,6	0,76	0,57	100	100
русские	4,7	17,5	11,5	34,3	3,72	2,98	489	523
другие	29,4	32,1	24,1	29,1	1,09	1,21	143	212
Туркмения	100,0	100,0	100,0	100,0				
туркмены	71,9	26,6	59,2	24,8	0,37	0,42	100	100
русские	7,3	35,1	18,6	62,3	4,81	3,35	1300	798
другие	20,8	38,3	22,2	12,9	1,84	0,58	497	138
Таджикистан	100,0	100,0	100,0	100,0				
таджики	74,6	63,6	59,6	29,6	0,85	0,50	000	100
русские	...	...	9,1	43,6	...	4,79	...	958
другие	25,4	36,4	31,3	26,8	1,43	0,85	168	170
Киргизия	100,0	100,0	100,0	100,0				
киргизы	66,6	26,5	51,7	18,0	0,40	0,35	100	100
русские	11,7	24,9	20,8	42,9	2,13	2,06	532	589
другие	21,7	48,6	27,5	39,1	2,24	1,42	560	406

Составлено и рассчитано по: Васькина Л. И. Указ. соч., с. 144—145, 147, Гришаева Л. Е. Указ. соч., с. 74—76.

Таблица 6*

Распределение населения коренных национальностей союзных республик по территории проживания, %

Республики	Коренное население союзной республики, проживающее					
	в пределах «своей» республики			за пределами «своей» республики в качестве некоренного населения других республик		
	1959	1970	1979	1959	1970	1979
РСФСР	85,8	83,5	82,6	14,2	16,5	17,4
УССР	86,3	86,6	86,2	13,7	13,4	13,8
БССР	85,5	80,5	80,0	14,5	19,5	20,0
Литов. ССР	92,5	94,1	95,1	7,5	5,9	4,9
Латв. ССР	92,7	93,8	93,4	7,3	6,2	6,6
Эст. ССР	90,3	91,8	92,9	9,7	8,2	7,1
Молд. ССР	85,2	85,4	85,1	14,8	14,5	14,2
Груз. ССР	96,6	96,5	96,1	3,4	3,5	3,9
Арм. ССР	55,7	62,0	65,6	44,3	38,0	34,4
Азерб. ССР	84,9	86,2	86,0	15,1	13,8	14,0
Казах. ССР	77,2	79,9	80,7	22,8	20,1	19,3
Узб. ССР	83,8	84,0	84,85	16,0	16,0	15,15
Туркм. ССР	92,2	92,9	93,3	7,8	7,1	6,7
Тадж. ССР	75,2	76,3	77,2	24,8	23,7	22,8
Кирг. ССР	86,4	88,5	88,5	13,6	11,5	11,5

* Составлено по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР (Сводный том), с. 209—210; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г., т. IV, с. 321—324; Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г., с. 138—141.

Таблица 7

Динамика численности занятого населения союзных республик
(в % к общей численности населения)*

	1926	1939	1959	1970	1979	Коэффициент занятости (уд. вес занятого населения по сравнению со средним значением по СССР=1)				
						1926	1939	1959	1970	1979
СССР	23,7	46,2	47,5	47,7	51,5	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00
РСФСР	23,7	46,3	47,8	49,9	54,0	1,00	1,002	1,01	1,05	1,05
УССР	24,4	48,1	49,8	49,5	52,1	1,03	1,04	1,05	1,04	1,01
БССР	22,6	48,7	51,6	47,8	52,2	0,95	1,05	1,09	1,00	1,02

Продолжение табл. 7

	1926	1939	1959	1970	1979	Коэффициент занятости (уд. вес занятого населения со сравнению со средним значением по СССР=1) 1926	1939	1959	1970	1979
Литов. ССР			49,9	49,1	51,6			1,05	1,03	1,00
Латв. ССР			51,6	53,5	54,8			1,09	1,12	1,07
Эст. ССР			51,4	53,3	54,5			1,08	1,12	1,06
Молд. ССР			54,0	50,1	52,1			1,14	1,05	1,01
Груз. ССР	22,6	42,9	46,0	44,9	50,4	1,03	0,93	0,97	0,90	0,98
Арм. ССР	22,6	37,7	39,8	39,3	47,4	0,95	0,82	0,84	0,82	0,92
Азерб. ССР	25,0	41,0	41,3	34,7	43,7	1,05	0,89	0,87	0,73	0,85
Казах. ССР	21,9	39,4	40,0	42,2	46,9	0,92	0,95	0,83	0,84	0,91
Узб. ССР	24,4	46,0	40,3	36,0	40,3	1,03	0,996	0,85	0,85	0,78
Туркм. ССР	24,2	44,8	39,7	37,2	41,2	1,02	0,97	0,84	0,84	0,80
Тадж. ССР	19,9	46,0	41,8	34,7	39,2	0,84	0,996	0,88	0,88	0,76
Кирг. ССР	22,7	46,2	40,5	38,3	45,4	1,03	0,91	0,85	0,85	0,82

* Составлено и рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР (Сводный том), с. 98; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963, с. 158; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. Украинская ССР. М., 1963, с. 74; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. Белорусская ССР. М., 1963, с. 43; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. Грузинская ССР. М., 1963, с. 45; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. Армянская ССР. М., 1963, с. 33; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. Азербайджанская ССР. М., 1963, с. 49; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. Казахская ССР. М., 1962, с. 67; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. Узбекская ССР. М., 1962, с. 47; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. Туркменская ССР. М., 1963. с. 43; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. Таджикская ССР. М., 1963, с. 43; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. Киргизская ССР. М., 1963, с. 43; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г., т. V, с. 154—161; Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г., с. 151—154; Гришаева Л. Е. Указ. соч., с. 70, 72.

И. К. СЕРОВА

О СОЦИАЛЬНОМ РАЗВИТИИ РАБОЧЕГО КЛАССА СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК

Превратившийся за годы социалистического строительства из российского пролетариата в многонациональный, коренным образом изменившийся класс, рабочий класс СССР на современном этапе продолжает выступать в качестве ведущей силы общества [1], выполняя ныне возложенную на него историей миссию революционного созидателя нового общества. Осуществляя ее, он выражает не только свои классовые интересы, но и интересы всех трудящихся [2]. Руководящая роль рабочего класса в таких процессах, как сближение наций и классов, движение общества к социальной однородности, развитие советского народа — новой исторической общности людей, неоднократно подчеркивалась в материалах съездов партии [3] и широко освещается в трудах советских обществоведов.

В качестве одной из важнейших задач общественных наук XXIV и последующие съезды партии определили изучение сдвигов, происходящих в социально-классовой структуре СССР [4]. Правильное понимание данного процесса невозможно без учета тех изменений, которые происходят в рабочем классе СССР, его отдельных отрядах, поскольку они во многом определяют развитие других структурных элементов советского народа. «Составляя основной костяк объединенных в новой исторической общности трудящихся масс, многонациональный рабочий класс обеспечивает ее прогресс уже тем, что развивается сам» [5].

Объективный, поступательный характер развития рабочего класса отметил XXVI съезд КПСС. «Повышается роль **рабочего класса** в жизни общества. Растет его численность. Ныне в стране около 80 миллионов рабочих — две трети занятого населения. Значит, рабочий класс стал у нас не просто самым многочисленным классом, но и большинством трудового народа» [6]. Преобладание рабочего класса в социально-классовой структуре населения — это результат целенаправленной деятельности партии и правительства. Если в 1959 г. рабочие составляли 50,2% в населении страны, то в 1970 г. — 57,4, а в 1984 г. — 61,5% [7], или среднегодовая численность рабочего класса достигла 81,3 млн. человек [8]. При этом шло неуклонное выравнивание социальных различий в территориальном плане. Если в 1959 г. только в шести республиках наиболее многочисленной группой населения были рабочие вместе с семьями, то в 1975 г. — во всех [9].

Изменения в социально-классовой структуре населения СССР в условиях социализма привели к значительному выравниванию союзных республик по доле рабочих в их населении [10]. Однако различия эти пока еще сохраняются, так как общие закономерности действуют в различных республиках со своими особенностями.

Как подчеркивалось в документах партии, стирание межклас-

совых различий ставит перед социальной политикой новые задачи. «Она все больше сосредоточивается на преодолении различий, выходящих за рамки отдельных классов, на решении проблем, требующих самого внимательного учета особенностей и интересов каждой группы нашего общества». И впредь, как записано в новой редакции Программы КПСС, «большое внимание будет уделяться выравниванию условий труда и быта населения различных регионов страны» [11].

Основываясь на марксистско-ленинском учении о классах, на решениях партийных съездов и пленумов ЦК КПСС, советская наука добилась значительных успехов в изучении советского рабочего класса. Об этом как нельзя лучше свидетельствуют вышедшие в свет в 70-е — начале 80-х годов работы обобщающего и историографического плана [12], библиографические указатели [13]. Большой и интересный фактический материал накоплен в изданиях по истории союзных республик [14]. В большинстве своем работы эти уже были подвергнуты историографическому анализу [15], который выявил не только достижения, но и имеющиеся пробелы [16].

В. Е. Полетаев и К. Н. Сануков справедливо отмечают, что в работах, посвященных изучению рабочего класса отдельных республик, объект исследования, как правило, берется в «узконационально-региональном плане», «отряды рабочего класса СССР рассматриваются обособленно друг от друга, без выявления общих закономерностей и особенностей, присущих им как части многонационального рабочего класса СССР. Поэтому они в совокупности не дают возможности в историко-сравнительном плане проследить развитие советского рабочего класса как многонациональной общности» [17].

В настоящей статье предпринимается попытка показать освещение проблем социального развития рабочего класса союзных республик в 70-е годы в советской историографии и, в частности, проанализировать различные мнения о содержании понятия «социальное развитие рабочего класса» и показателях, характеризующих процесс социального развития республиканских и национальных отрядов рабочего класса СССР.

В научной литературе последних лет уделяется большое внимание теоретическому анализу понятий, связанных с социальной сферой общества, однако в толковании содержания многих из них (таких, как «социальное планирование», «социальная политика», «социальное равенство», «социальное развитие» и др.) до сих пор имеются разночтения, возникающие вследствие многозначности термина «социальный».

Понятие «социальное развитие» образовано в результате соединения двух терминов: «социальный» и «развитие» — и трактуется исследователями по-разному. Понимание «развития» [18] при этом не вызывает разногласий. Различия в понимании «социального развития» зависят в основном от разной трактовки термина «социальный». Как известно, в трудах классиков марксизма-лени-

низма «социальное» используется в одних случаях в широком смысле (как синоним термина «общественный»), а в других случаях — в узком [19]. Современные авторы, рассматривающие вопросы социального развития, социальной политики, исходят из узкого понимания «социального», однако одни [20] опираются при этом на идею о наличии четырех сфер общественной жизни, в то время как другие [21] на мысль о том, что «социальное» — это аспект, сторона всех иных общественных сфер.

В коллективном труде «Социология и проблемы социального развития» выделяются три основных значения понятия «социальное» [22]: первое связано со спецификой человеческого общества в отличие от природы в целом и животного мира в особенности, второе — с выявлением конкретной внутренней структуры и динамики общества, исторически сменяющихся форм совместной жизнедеятельности людей, третье — с характеристикой условий и содержания развития отдельного человека, личности.

В книге «Социальная политика КПСС в условиях развитого социализма» [23] «социальное» рассматривается в двух смыслах: в широком — когда все, относящееся к общественной жизни, именуется социальным, и в узком — когда речь идет о воздействии со стороны партии, государства и общественных организаций на определенный комплекс общественных процессов, которые в повседневной практике называются социальными. При этом авторы опираются на труды классиков марксизма-ленинизма, в которых неоднократно указывается на то, что «социальное» в узком смысле понимается как специфическое в рамках общественного.

Характеризуя различные сферы общества, В. С. Семенов полагает, что экономическая сторона жизни общества — это область общественного производства, народного хозяйства, состояния и развития способа производства в единстве производительных сил и производственных отношений; человек здесь выступает как производительная сила. Политическая сторона жизни — это область деятельности политической власти; человек здесь рассматривается со стороны его участия в политической организации общества. Духовная сторона — это область проявления мировоззрения людей, состояние и развитие идеологии, науки, культуры и т. д.; человек здесь выступает как создатель и носитель ориентаций, ценностей, норм научного и обыденного сознания. «В отличие от этих сторон общественной жизни социальная жизнь общества и социальные отношения... это проявление социального состояния структуры общества. Человек здесь выступает как гражданственное лицо, как «социальный человек», как носитель конкретной социальной позиции, социального положения, социального статуса» [24].

М. Н. Руткевич подобный подход при анализе особенностей социальных явлений считает ошибочным. Логическую основу ошибки он видит в том, что указанные явления «нельзя ставить в один ряд с явлениями политическими, экономическими, духовными». «Диалектика соотношения социального в узком смысле этого понятия с экономическим, политическим, духовным, по мнению авто-

ра, не может быть выражена ни как соотношение общего и отдельного, ни с помощью признания социального чем-то рядоположенным с экономическим, политическим, духовным»[25]. Социальные отношения рассматриваются автором «как определенный аспект, сторона экономических, политических, идеологических отношений»[26].

Столь широкий спектр понимания социального предопределил существование различных определений понятия «социальное развитие». Многие работы последних 10—15 лет рассматривают классы или слои общества с социальной стороны, однако, как верно отмечается в литературе, термин «социальное» зачастую берется в своем широком или неопределенном значении.

Понятие «социальное развитие» трактуется исследователями в широком или узком смысле часто в зависимости от того, все ли общество в целом (или какая-то его часть, но с сохранением всех структурных элементов) находится в поле зрения автора или только один элемент социальной структуры общества. Так, если речь идет о социальном развитии населения региона, республики, города (т. е. той части общества, где сохраняются его основные классы, слои, структура), то здесь возможно широкое понимание термина «социальное развитие»; в таких случаях, говоря о социальном развитии, авторы освещают те же моменты, которые зафиксированы в планах социального развития: скажем, благосостояние, улучшение условий труда и обслуживания населения, здравоохранение, рост доходов, удовлетворение спроса, жилищное строительство и т. д.[27]

Там же, где в качестве объекта исследования берется какой-то один элемент социальной структуры, скажем рабочий класс, речь нередко идет о качественном и количественном соотношении различных частей данного элемента структуры, например слоев и групп, отраслевых отрядов, по показателям роста их численности, удельного веса рабочих в составе всего и коренного населения республики, изменений в уровне образования и квалификации, сдвигов в профессиональной структуре[28]. В подобных исследованиях упор делается не на вопросы благосостояния или здравоохранения, а на характеристики, показывающие осуществление рабочим классом его ведущей роли на современном этапе коммунистического строительства.

В одной из недавно вышедших в свет работ Э. В. Клопова в качестве основных моментов, характеризующих социальное развитие рабочего класса, выделяются рост численности и увеличение его доли как во всем, так и в занятом населении СССР, сдвиги в его отраслевой структуре, сдвиги в территориальной структуре, прогресс профессионального состава, первоосновой которого рассматривается повышение уровня образования. «Своего рода обобщением всех этих процессов, — отмечает автор, — являются изменения в соотношении численности основных социально-профессиональных групп»[29]. Автор рассматривает социальное развитие рабочего класса как целостный процесс и отмечает, что для

того, чтобы получить достаточно полное представление о нем, «необходимо столь же тщательно изучить его механизм, т. е. выявить и оценить источники и пути движения в рабочем классе его новых пополнений, особенности формирования его отраслевых отрядов и профессиональных групп» [30]. Обосновывая важность выделения этих вопросов из ряда других, автор подчеркивает, что их изучение позволит делать выводы относительно роли рабочего класса в развитии социальной структуры советского общества, в усилении его социальной однородности.

Вычленение социального как специфического в общественном позволяет под экономическим развитием рабочего класса (как самостоятельным аспектом его истории) понимать, что он создает (преобразует, перемещает) основную долю материальных благ (или какую долю по сравнению с другими классами, слоями, группами); каково его отношение к средствам производства, его обеспеченность этими средствами и т. д.[31] Под политическим развитием рабочего класса подразумевается его участие в политических и общественных организациях (Советах, КПСС, ВЛКСМ, профсоюзах и т. д.) и соответственно уровень развития политического сознания. Под социальным развитием — прежде всего развитие его социальной структуры со всеми вытекающими последствиями.

Узкая трактовка термина «социальное развитие рабочего класса» в наиболее сжатом виде изложена В. И. Осиповым. «Социальное развитие рабочего класса, — пишет он, — это такие изменения в его структурных элементах (профессиях, профессиональных группах, содержании и характере труда), которые в совокупности характеризуют процесс преодоления внутриклассовых различий» [32]. А. И. Вдовин считает, что «с социальным развитием класса мы имеем дело, когда он рассматривается как элемент социально-классовой структуры общества» и «когда выделенные на основании классовых признаков слои внутри класса сравниваются между собой и выявляется степень их различия внутри класса» [33].

Сторонниками узкой трактовки социального развития класса являются Р. Н. Пуллат и К. К. Кала, характеризующие социальное развитие рабочего класса Эстонии с точки зрения его количественного роста, темпов роста, динамики отраслевой структуры, изменений профессионально-отраслевой структуры, сдвигов в уровне образования [34].

С подобных же позиций подходит И. И. Осинский к анализу социального развития интеллигенции, рассматривая ее как составную часть нации. Суть процесса выравнивания трактуется им как сближение социальных групп интеллигенции по всем параметрам, как усиление единообразия ее структуры. Вместе с тем автор подчеркивает, «что процесс выравнивания социального развития национальных отрядов интеллигенции достигается не путем «усреднения» существующего уровня их социального развития, а на основе постоянного роста социальных показателей всей советской интеллигенции в целом» [35]. Подобный подход применим и для ха-

рактеристики социального развития рабочего класса союзных республик.

Тот факт, что в научной литературе наряду с узкой трактовкой понятия «социальное развитие рабочего класса» имеется его широкое толкование[36], ставит исследователя перед необходимостью в каждом конкретном случае оговаривать содержание, вкладываемое в него. На наш взгляд, узкое понимание социальной стороны развития республиканских отрядов рабочего класса предполагает в первую очередь рассмотрение динамики численности, изменения национального состава (рост многонациональности и увеличение удельного веса коренной национальности), изменения профессионально-квалификационной и отраслевой структур. Представляется, что рассмотрение этих аспектов позволит одновременно показать как общие, интернациональные черты рабочего класса союзных республик, так и сохраняющиеся до сих пор в силу действия ряда исторических, демографических, природно-климатических и других причин национальные особенности отдельных республик. Сравнение республиканских отрядов рабочего класса по перечисленным параметрам позволит определить уровень их сближения между собой и выявить тенденции развития социальных групп и слоев внутри рабочего класса каждой республики. Другими словами, исследование социального развития рабочего класса союзных республик позволит на конкретном историческом материале раскрыть общие закономерности движения рабочего класса СССР и национальные особенности рабочего класса каждой республики в направлении все большей их социальной однородности.

Историография рабочего класса союзных республик в 70-е годы насчитывает десятки работ монографического характера, большое число статей и брошюр. Изучению различных аспектов рабочего класса посвящено более 200 диссертаций, из которых 67 написано на материалах отдельных республик[37]. Число работ, рассматривающих рабочий класс союзных республик в сопоставлении, невелико[38]. Степень изученности рабочего класса на современном этапе его развития в отдельных республиках неодинакова. Работы монографического характера имеются о рабочем классе Белоруссии, Узбекистана, Казахстана, Азербайджана, Молдавии, Киргизии, Армении, Эстонии[39].

В хронологическом отношении монографии рассматривают разные периоды. Конечная грань исследований колеблется от 1970 до 1977 г. Авторы работ отмечают, что определяющими в развитии рабочего класса каждой республики являются общие тенденции, обусловленные единством экономической и социальной политики КПСС, общими чертами и закономерностями социализма, и одновременно показывают те специфические черты, которые вытекают из исторических и демографических факторов развития каждой республики.

Социальная сторона развития рабочего класса союзных республик получила отражение не только в монографиях. Ценная и

разнообразная информация содержится в многочисленных статьях. И в этом плане наиболее изученными представляются республиканские отряды рабочего класса Армении, Киргизии, Эстонии, Узбекистана, Казахстана, Белоруссии [40], наименее — Грузии, Литвы, Латвии, Таджикистана, Туркмении [41].

Подчеркивая особенность развития ряда республиканских отрядов рабочего класса, Д. С. Киселев и Р. А. Шиндина отмечают, «что в Туркменской ССР, как и в других ранее отсталых республиках, особенность количественного роста рабочего класса — более высокие темпы по сравнению с общесоюзными. В рядах рабочего класса республики растут национальные кадры, но проблемой остается рост рабочих высокой квалификации из представителей коренной национальности» [42].

Особенной остротой отличается проблема вовлечения в народное хозяйство среднеазиатских республик женщин коренной национальности. Самый низкий удельный вес женщин в численности рабочих и служащих по сравнению с другими союзными республиками приходится на долю Таджикской ССР [43], при этом среди колхозниц их больше, чем среди рабочих и служащих в среднем на 20,9% по сравнению с общесоюзным показателем [44]. Даже такая отрасль промышленности Туркмении, как легкая, где доля женщин составляет 75%, не имеет достаточного числа туркменок [45].

Краткая характеристика развития двух самых крупных республиканских отрядов рабочего класса СССР — рабочего класса РСФСР и Украинской ССР — содержится в статьях А. В. Митрофановой, М. И. Кравчука, В. Е. Романцова и Д. С. Шелеста [46]. Исследователи отмечают, что под влиянием научно-технического прогресса, несмотря на продолжающийся абсолютный рост численности, в 70-е годы темпы этого роста снизились по сравнению с 50—60-ми годами. Обращается внимание на то, что рост численности рабочего класса СССР и союзных республик значительно опережал прирост населения, что обусловило увеличение его доли как в СССР, так и в отдельных республиках. Например, рабочий класс Украины с 1960 по 1977 г. вырос на 70,9%, в то время как население республики — только на 14,9% (по СССР это соответственно составляло 62,5 и 20,2%) [47].

В конкретно-исторических работах о развитии рабочего класса союзных республик не все стороны социального развития получили одинаковое освещение. Наиболее полно раскрыты вопросы количественного роста и качественных изменений. При этом большее внимание уделяется индустриальным рабочим [48], меньшее — аграрному отряду [49] и практически нет работ, где в качестве объекта исследования был бы взят быстро растущий отряд рабочего класса — рабочие сферы обслуживания.

К числу хорошо освещенных сторон социального развития рабочего класса союзных республик можно отнести вопросы подготовки кадров рабочих, повышение их культурно-технического уровня и образования. Изучению этих аспектов посвящено большое количество работ различных авторов [50].

Большое внимание уделяется процессу подготовки рабочих кадров через систему ПТУ, подчеркиваются ее преимущества по сравнению с такими формами подготовки на предприятиях, как индивидуальная и бригадная, которые все еще продолжают играть существенную роль в этом вопросе. А. Чошанов отмечает, что в период с 1960 по 1976 г. на предприятиях Туркменской ССР подготовлено было рабочих в 3 раза больше, чем в училищах. Связано это в первую очередь с тем, что сеть ПТУ Туркменской ССР пока в состоянии готовить лишь 20% квалифицированных рабочих кадров [51]. Такое положение характерно и для других республик. В 1976 г. в СССР непосредственно на производстве было подготовлено 72% новых рабочих, а через систему ПТО — 28%, в Киргизии — соответственно 70 и 30% [52] и т. д. «Ускорение научно-технического прогресса предъявляет более высокие требования к общему и профессиональному образованию трудящихся», — записано в новой редакции Программы партии. В соответствии с этим в нашей стране и впредь «будет последовательно проводиться линия на совершенствование всей системы подготовки и повышения квалификации кадров, на планомерное обеспечение соответствия рабочих мест и трудовых ресурсов во всех отраслях и регионах страны» [53].

Большую научную и практическую значимость для изучения республиканских отрядов рабочего класса имеют исследования по рабочему классу СССР, его отраслевым отрядам. Накоплен интересный материал и получены важные результаты в трудах Н. А. Аитова, А. А. Амвросова, Л. С. Бляхмана, А. М. Гелюты, Л. А. Гордона, Э. В. Клопова, Г. П. Козловой, А. В. Мялкина, В. Е. Полетаева, С. Л. Сенявского, В. И. Староверова, З. И. Файнбурга и др. [54]

Социальные аспекты развития рабочего класса союзных республик в 70-е годы нашли отражение в трудах о советском народе как новой исторической общности людей [55], о национальных отношениях и социальной структуре [56].

В поле зрения авторов постоянно находятся вопросы роста численности рабочего класса и повышения удельного веса рабочих коренной национальности. М. И. Куличенко отмечает, что «за последние полтора десятилетия численность советского рабочего класса возросла немногим более чем в 1,5 раза. При этом характерно, что у шести республик его рост колеблется от 1,5 до 2-х раз, а у семи — от 2-х до 2,9 раза. И только у наиболее развитых в промышленном отношении Российской Федерации и Эстонской ССР темпы роста численности рабочего класса были несколько меньше среднесоюзных» [57]. Согласно новейшим данным с 1959 по 1979 г. происходило повышение доли коренной национальности рабочего класса в союзных республиках — Узбекистане, Грузии, Азербайджане, Киргизии, Таджикистане, Армении, Туркмении и Казахстане [58]. В последнее десятилетие темпы роста национальных кадров рабочего класса в республиках, ранее отстававших в индустриальном развитии, были в 2—3 раза выше, чем по стране в среднем [59].

Следует обратить внимание на то, что в ряде работ нет доста-

точной четкости в определении понятий «республиканский» и «национальный отряд рабочего класса», подчас имеет место их отождествление. На наш взгляд, «национальный отряд» — это лишь часть республиканского отряда, состоящая из лиц коренной национальности, давшей название союзной республике.

Полетаев и Сануков совершенно справедливо отмечают, что «наша советская литература пока не располагает фундаментальными исследованиями о развитии национальных отрядов рабочего класса после построения социализма, в условиях совершенствования и вступления его в стадию зрелости. Как в обобщающих работах, так и в книгах о республиканских отрядах советского рабочего класса этот сюжет остается в тени» [60].

Отмечая большую теоретическую и практическую значимость верного решения вопроса о национальных отрядах рабочего класса, С. З. Зиманов и И. К. Рейтор указывают, что, по мнению одних авторов, национальные отряды рабочего класса не являются самостоятельной социальной силой, они органическая часть советского рабочего класса в целом, а следовательно, не имеют самостоятельного значения в национальных регионах и в процессе сближения советских наций [61]. Другая группа, к которой принадлежат такие исследователи, как Куличенко и Холмогоров, напротив, считают, что чем больше удельный вес национального рабочего класса в той или иной республике, тем сильнее его интернациональное влияние во всей массе населения [62].

Зиманов и Рейтор оперируют понятиями «национальный отряд» и «национальная группа рабочего класса» как синонимами, подразумевая под ними отряд (группу) рабочих коренной национальности республики. Учитывая многонациональный состав рабочего класса в каждой советской республике, на наш взгляд, следует различать и изучать специфические роли в общественном развитии не одной, а многих национальных групп (отрядов) рабочего класса. Поэтому следовало бы понятие «отряд» закрепить за кадрами рабочих коренной национальности республики, а «республиканские национальные группы рабочего класса» — за кадрами рабочих иных национальностей.

Много для верного понимания сущности и роли национальных отрядов рабочего класса сделано М. С. Джунусовым, который трактует их как «социальные группы в составе населения определенной национальной общности, как элемент социально-классовой структуры национальных общностей» [63] и отмечает, что термин этот применяется безотносительно к количественному составу рабочих. В другом отношении национальные отряды рабочего класса наряду с национальными отрядами колхозного крестьянства и интеллигенции рассматриваются Джунусовым как «структурные части новой исторической общности людей» [64].

Обращая внимание на то, что в нашей стране по территории расселения национальные отряды резко различаются между собой, что, как правило, рабочие, колхозники и интеллигенция работают в многонациональных коллективах, Джунусов видит необходимость

изучения национального состава классов и социальных групп населения СССР по крайней мере на трех уровнях. На первом, общесоюзном, уровне трудящиеся каждой национальности изучаются как отдельная статистическая совокупность, как отдельная целостность безотносительно к территории их проживания. Второй уровень предполагает изучение национального состава республиканских отрядов. Третий — изучение национального состава трудовых коллективов [65].

Смысл детального изучения национального состава различных общественных групп автор видит в том, чтобы «накапливать необходимую информацию о степени включенности представителей тех или иных национальностей в общие процессы стирания социальных различий, урбанизации населения, интернационализации общественной жизни, интеллектуализации производственной деятельности людей» [66].

Куличенко, на наш взгляд, совершенно прав, подчеркивая, что «национальное всегда больше социальное, чем этническое, и что нет наций, во главе которых не стояли бы те или иные классы» [67]. В связи с этим очень важно при рассмотрении уровня социального развития союзных республик включать в качестве одного из его показателей степень представленности в рабочем классе данной республики лиц коренной национальности. На значимость этого момента в характеристике современного рабочего класса указывалось в связи с празднованием 60-летия СССР. «Ныне рабочие составляют самую крупную социальную группу во всех союзных республиках, — отмечал Ю. В. Андропов. — Однако в некоторых из них в составе рабочего класса должна быть более полно представлена коренная национальность» [68].

Еще в решениях X и XII съездов партии проблема ликвидации фактического неравенства народов и подъем уровня их развития ставились в зависимость от численности национального пролетариата [69]. Успехи, достигнутые в годы переходного периода, подтвердили правильность политики партии, однако процесс выравнивания уровней социального развития союзных республик на этом этапе социалистического строительства не завершился. Проблема включения лиц коренной национальности в рабочий класс продолжает оставаться и ныне одной из реально существующих. «...Вряд ли оправданным выглядит то, что в определенных республиках коренная национальность, составляющая большинство населения, до сих пор непропорционально мало представлена в рабочем классе. Тут сказывается ряд факторов, в том числе, видимо, кое-где не вполне правильная профессиональная ориентация молодежи» [70], — отмечает Р. И. Косолапов. «Очевидно, требует пересмотра такая практика, когда лица той или другой национальности, большую часть которой составляло крестьянское население, пополняют главным образом ряды интеллигенции, специалистов и служащих, «минуя» дорогу в рабочий класс» [71].

О том, какое значение придается сейчас вопросу увеличения доли лиц коренной национальности в рабочем классе, говорит поста-

новление ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования СССР»: «Это способствует расширению влияния рабочего класса на развитие общества, укрепляет социальную основу единства всех классов и групп, наций и народностей»[72].

В литературе часто упоминается, что в 60—70-е годы партия и государство большое внимание уделяли проблеме вовлечения представителей коренной национальности в состав рабочего класса, однако уровень ее изученности пока еще невысок. Можно назвать лишь несколько работ, в которых данной проблеме уделяется должное внимание[73]. Несмотря на то, что имеющиеся работы освещают социальные процессы, опираясь в основном на опубликованные материалы переписи 1970 г., отдельными исследователями сделаны важные наблюдения. Так, Куличенко считает, что «удельный вес представителей коренной национальности, занятых в области промышленности и строительства ряда союзных республик, значительно ниже доли основной нации в их населении, в то время как в отношении занятых в государственном аппарате, в учреждениях народного образования и культуры, в сфере науки эти показатели практически совпадают»[74]. Установлено также, что тенденция увеличения удельного веса рабочих коренной национальности действует не во всех союзных республиках. Наряду с сохранением высокого удельного веса национальных кадров в рабочем классе РСФСР и Украины, в таких республиках, как Белоруссия, Литва, Латвия, Эстония и Армения, наблюдается уменьшение удельного веса рабочих коренной национальности среди промышленных рабочих[75].

В связи с актуализацией задач социального планирования в 70-е годы с особой остротой встал вопрос о выработке четких и эффективных показателей уровня различных социальных процессов, что повлекло за собой оживление поисков в этом направлении. В 1977 г. была проведена специальная Всесоюзная конференция по показателям социального развития, на основе материалов которой была подготовлена монография «Показатели социального развития и планирования» (М., 1980), анализирующая теоретические и методологические проблемы построения и сопоставления социальных показателей. Годом раньше вышла другая книга по этой проблеме — коллективный труд «Исследование построения показателей социального развития и планирования»[76]. И все-таки, как справедливо отмечалось в литературе, действующая ныне система социальных показателей в СССР основывается порой на недостаточных статистических измерениях и раскрывается в основном в количественных и временны́х показателях, которых уже недостаточно для эффективного развития и управления народным хозяйством. «Необходима разработка качественных показателей, охватывающих наряду с экономической и другие стороны жизнедеятельности общества, строящего коммунизм»[77].

Большую практическую значимость задачи построения обобщающих показателей социального развития отмечают Н. А. Аитов, Ю. Е. Волков, С. Ф. Фролов[78]. В. Г. Асеев и О. И. Шкаратан обращают внимание на то, что «понятие уровень социального разви-

тия» относится к числу наименее разработанных категорий социологической науки, что объясняется сложностью и многоплановостью обозначенных этим понятием процессов»[79], и подчеркивают, что без обобщающих показателей «трудно добиться правильного решения проблемы... по выравниванию уровней социального развития». Некоторые из современных исследователей считают, что социальное развитие нельзя выразить через единственный показатель[80], хотя такая попытка была предпринята еще в начале 70-х годов, правда, применительно не к классу, а к предприятию. Показательно, однако, что в «Типовую методику разработки пятилетнего плана промышленного предприятия на 1971—1975 гг.» включены такие социальные показатели, как изменение социальной и квалификационно-профессиональной структуры, повышение общего и профессионально-технического уровня и др.[81]

Таким образом, обзор литературы показывает, что в изучении социальной стороны развития рабочего класса союзных республик достигнут уровень, позволяющий поставить задачу исследования республиканских отрядов рабочего класса в сравнительно-историческом плане. Сближение уровней социального развития рабочего класса союзных республик является процессом, который не только покажет доминирующую роль общего по отношению к особенному, но и позволит видеть пути и перспективы дальнейшего развития новой исторической общности людей — советского народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] КПСС в резолюциях..., т. 10, с. 164; Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1977, с. 4.

[2] Материалы XXVII съезда КПСС. с. 123.

[3] Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971 с. 73—74; Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 53—54; Материалы XXVII съезда КПСС, с. 50.

[4] Материалы XXIV съезда КПСС, с. 72—76; Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 72, 214; Материалы XXVI съезда КПСС, с. 52—57.

[5] Развитие советского народа — новой исторической общности. М., 1980, с. 109.

[6] Материалы XXVI съезда КПСС, с. 52.

[7] СССР в цифрах в 1984 году. М., 1985, с. 14.

[8] Там же, с. 181.

[9] Развитие советского народа — новой исторической общности, с. 110.

[10] См.: Руткевич М. Н. Становление социальной однородности. М., 1982, с. 268.

[11] Материалы XXVI съезда КПСС, с. 54; Материалы XXVII съезда КПСС, с. 156.

[12] Вопросы историографии рабочего класса СССР. М., 1970; Бляхман А. С., Шкаратан О. И. ИТР, рабочий класс, интеллигенция. М., 1973; Рабочий класс развитого социалистического общества. М., 1974; Ворожейкин И. Е. Очерк историографии рабочего класса СССР. М., 1975; Советский рабочий класс. Краткий исторический очерк (1917—1973). М., 1975; Ворожейкин И. Е., Сенявский С. Л. Рабочий класс — ведущая сила советского общества (Вопросы историографии и методологии). М., 1977; Ваксер А. З., Труфанов И. П. Рабочий класс в годы девятой пятилетки. Л., 1978; Крухмалев А. Е. Рабочий класс СССР. М., 1978; Рабочий класс СССР и научно-технический прогресс в условиях развитого социалистического общества. Горький, 1980; Социальная политика Советского государства: укрепление ведущей роли рабочего класса в социалистическом строительстве.

М., 1985; Гордон Л. А., Назимова А. К. Рабочий класс СССР: тенденции и перспективы социально-экономического развития. М., 1985; Клопов Э. В. Рабочий класс СССР. М., 1985; и др.

[13] Советский рабочий класс СССР. 1917—1977 гг. Указатель советской литературы, изданной в 1971—1977 гг., вып. 1—4. М., 1978; КПСС и возрастание ведущей роли рабочего класса в строительстве коммунизма. Указатель литературы, изданной в 1959—1979 гг. Свердловск. 1979; Рабочий класс Российской Федерации. 1917—1980. Указатель советской литературы, изданной в 1917—1980 гг., вып. 1—5. М., 1982—1985.

[14] Рабочий класс Таджикистана (1945—1970 гг.), т. 2. Душанбе, 1973; Очерки истории рабочего класса Азербайджанской ССР, т. 1—2. Баку, 1974—1977; Асылбеков М. Х., Нурмухамедов С. Б., Пан Н. Г., Ахметов А. Р. Рабочий класс Казахстана в борьбе за коммунизм. Алма-Ата, 1976; Эльдаров А. М. Рост рабочего класса Азербайджана на этапе развитого социализма (1959—1975 гг.). Баку, 1977; Шириязданов Ш. Х. Рабочий класс Киргизстана в условиях развитого социализма. Фрунзе, 1979; Григорян М. А. Развитие структуры рабочего класса Армении в период зрелого социализма. Ереван, 1980; Марченко И. Е., Лыч Л. М. Ведущая сила. Рабочий класс Белоруссии на этапе развитого социализма. Минск, 1980; Формирование и изменение численности рабочего класса Молдавии. Кишинев, 1980; Рабочий класс Советской Армении в период развитого социализма. Ереван, 1982; История рабочего класса Советской Эстонии. Таллин, 1985; и др.

[15] См.: Аминова Р. Х. История рабочего класса Узбекистана в трудах советских историков; Ворожейкин И. Е. Очерк историографии рабочего класса, гл. «Национальные отряды рабочего класса»; Каменская Н. В. Разработка истории рабочего класса Советской Белоруссии. — В кн.: Вопросы историографии рабочего класса СССР; Абишева Б. Н. Изучение истории рабочего класса Казахстана. — В кн.: Актуальные проблемы истории Советского Казахстана (К 60-летию Казахской ССР и Компартии Казахстана). Алма-Ата, 1980; Мадатов Г. А. Рабочий класс Азербайджана в условиях развитого социализма (Обзор литературы). — В кн.: Рабочий класс СССР в условиях развитого социализма, вып. 3. Киев, 1980; Сануков К. Н. Советская обществоведческая литература 70-х годов об экономическом сотрудничестве народов СССР в условиях развитого социализма. — История СССР, 1982; № 6; Андросенкова З. М. Библиографические указатели и историографические обзоры по истории рабочего класса СССР периода развитого социализма; Пуллат Р., Кала К. Об основных итогах изучения истории рабочего класса Советской Эстонии. — В кн.: История рабочего класса развитого социалистического общества. Историографический анализ. Л., 1983; Нурмухамедов С. Б. Вопросы изучения истории рабочего класса Советского Казахстана. — В кн.: Вопросы истории Казахстана. Алма-Ата, 1983; и др.

[16] См.: Асылбеков М. Х. Итоги и задачи изучения рабочего класса Казахстана (1917—1976 гг.). — В кн.: Рабочий класс Страны Советов (Материалы Всесоюзной научн. конф. на тему «XXV съезд КПСС о ведущей роли рабочего класса в социалистическом и коммунистическом строительстве»). Минск, 1980; и др.

[17] Полетаев В. Е., Сануков К. Н. Исследования о национальных отрядах рабочего класса СССР. Обзор. — История СССР. 1984, № 3. с. 159.

[18] Философская энциклопедия, т. 4. М., 1967, с. 453.

[19] Подробнее анализ взглядов К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина на «социальное» см.: Марксистско-ленинская теория социального развития. М., 1978; Социальная политика КПСС в условиях развитого социализма. М., 1979; Волков Ю. Е., Роговин В. З. Вопросы социальной политики КПСС. М., 1981.

[20] См.: Волков Ю. Е., Роговин В. З. Указ. соч., с. 5—8.

[21] См.: Руткевич М. Н. Социальные отношения и социальная политика в условиях развитого социализма. — В кн.: Научные доклады высшей школы. Научный коммунизм, 1978; № 3, с. 14—15; Его же. Диалектика и социология. М., 1980, с. 192; Круминь А. Сущность и основные задачи социальной политики в социалистическом обществе. — Коммунист Советской Латвии, 1983, № 9, с. 75.

[22] Социология и проблемы социального развития. М., 1978, с. 83.

[23] Социальная политика КПСС в условиях развитого социализма, с. 9.

[24] Марксистско-ленинская теория социального развития, с. 83—84.

[25] Руткевич М. Н. Социальные отношения и социальная политика в условиях развитого социализма, с. 14.

[26] Там же, с. 15. См. также: Ельмеев В. Я. Методологические основы планирования социального развития. М., 1974, с. 47.

[27] См., напр.: Солонович В. А., Пшенко А. С. Социальное развитие Белоруссии. Минск, 1977; Экономические и социальные проблемы развития РСФСР. М., 1979; и др.

[28] Социальное развитие рабочего класса СССР. М., 1977.

[29] См.: Клопов Э. В. Социальная динамика рабочего класса СССР. М., 1980, с. 18.

[30] Там же, с. 20.

[31] Рабочий класс в социальной структуре развитого социалистического общества. Ростов-н/Д., 1978, с. 44.

[32] Осипов В. И. Социальное развитие рабочего класса в условиях НТР (Конкретно-социологическое исследование рабочих подшипниковой промышленности). Саратов, 1975, с. 7.

[33] Вдовин А. И. К изучению истории социальной политики и социального развития советского общества. — Вестн. Моск. ун-та, сер. История, 1981, № 2, с. 9.

[34] См.: Пуллат Р. Н., Кала К. К. О социальном развитии рабочего класса Советской Эстонии. — В кн.: Рабочий класс СССР в условиях развитого социализма. Материалы Всесоюзного симпозиума, ч. 1. Киев, 1980, с. 206—213.

[35] Осинский И. И. Выравнивание уровня социального развития национальных отрядов интеллигенции — одно из проявлений социалистического образа жизни. — В кн.: Совершенствование общественных отношений — важный фактор интернационализации советского образа жизни. М. — Фрунзе, 1980, с. 42.

[36] См., напр.: Гельбрас В. Г. О некоторых аспектах социального развития стран социализма. — В кн.: Рабочий класс — главная революционная сила. М., 1973; Советская социология, т. 2. М., 1982, с. 14; Рабочая книга социолога. М., 1983, с. 125; и др.

[37] Подсчеты сделаны автором по каталогу диссертационного зала Гос. библ. им. В. И. Ленина и включают работы, учтенные к 10 ноября 1984 г.

[38] К их числу относятся: Клопов Э. В. Выравнивание уровней социально-экономического развития и рост рабочего класса союзных республик СССР. — Рабочий класс и современный мир, 1983, № 1; Лихолат А. В., Курносов Ю. А., Плющ Н. Р. Общие закономерности и некоторые особенности развития рабочего класса союзных республик в условиях развитого социализма. — В кн.: Рабочий класс СССР..., ч. 1; Стукалов В. А. Сближение рабочего класса союзных республик на этапе развитого социализма в СССР. — Рабочий класс и современный мир, 1985, № 2.

[39] См.: Ахунова М. Рабочий класс Узбекистана в период развитого социализма (1959—1973 гг.). Ташкент, 1974; Барбулат В. К. и Рыбалко П. Л. Рабочий класс Советской Молдавии. Кишинев, 1974; Асылбеков М. Х., Нурмухамедов С. Б., Пан Н. Г., Ахметов А. Р. Указ. соч.; Ишмухамедов А. Рабочий класс и научно-техническая интеллигенция. Алма-Ата, 1977; Эльдаров А. М. Указ. соч.; Мадис Е., Гречкина Э. Рабочий класс — решающая сила десятой пятилетки. Таллин, 1978; Шириязданов Ш. Х. Указ. соч.; Григорян М. А. Развитие структуры рабочего класса Армении в период зрелого социализма; Марченко И. Е., Лыч Л. М. Указ. соч.; Рабочий класс Советской Армении в период развитого социализма; Ахунова М. А., Икилов К. А., Тетенева Л. Г. Рабочий класс Узбекистана в условиях научно-технической революции. Ташкент, 1984.

[40] См.: Бекмамбетов Р. Изменения в социальной структуре многонационального рабочего класса Киргизии. — Научный коммунизм, 1974, № 6; Шарипов Я. Рабочий класс республик Средней Азии — детище Великого

Октября. — Научный коммунизм, 1977, № 5; Аженов М. С. Эволюция структуры рабочих Казахстана. — В кн.: Тенденции изменения социально-классовой структуры советских наций и народностей. М., 1978; Григорян М. А., Худавердян К. С. Некоторые вопросы развития рабочего класса Советской Армении. — Вестн. обществ. наук АН Арм. ССР, 1978, № 9; Кала К., Всевиов Д., Юурсоо Р. Рабочий класс Эстонской ССР. Проблемы внутриклассового развития. — В кн.: Проблемы развития социально-экономических формаций в странах Балтики, Таллин, 1978; Абишева Б. Н. К вопросу о структуре рабочего класса Казахстана в период развитого социализма. — В кн.: Рабочий класс СССР в условиях развитого социализма, ч. 1; Асылбеков М. Х. Рост рабочего класса Казахстана в условиях развитого социализма. — В кн.: Актуальные проблемы истории Советского Казахстана (К 60-летию Казахской ССР и Компартии Казахстана); Кала К., Роотс Х. Качественные изменения в рабочем классе Советской Эстонии. — Коммунист Эстонии, 1980, № 7; Шистер Г. А. Источники пополнения рабочего класса Узбекистана на этапе развитого социализма. — История СССР, 1981, № 6; Лыч Л. М. Рабочий класс БССР на этапе развитого социализма (изменения в численности и составе). — История СССР, 1982, № 5; Ширияздáнов Ш. Х. Рабочий класс Советской Киргизии на современном этапе развития. — История СССР, 1982, № 2; Ахунова М. А. Рабочий класс Узбекистана — строитель коммунизма. — Общественные науки в Узбекистане, 1984, № 10; и др.

[41] См.: Круминь М. Рабочий класс на этапе развитого социализма. — Коммунист Советской Латвии, 1975, № 8; Юсифи Л. И. Воспроизводство рабочей силы в системе образования. — Изв. АН Туркм. ССР, сер. обществ. наук, 1976, № 1; Еськов А. А. Рабочий класс Советского Туркменистана — детище Великого Октября. — Там же, 1978, № 1; Чошанов А. Некоторые проблемы подготовки квалифицированной рабочей силы (На материалах ТССР). — Там же, 1979, № 5; Кабаков В. Д. Некоторые проблемы дальнейшего роста рабочего класса Туркменистана на современном этапе научно-технической революции. — Там же, 1980, № 6; Сапаров Р. Вопросы обеспечения легкой промышленности рабочими кадрами массовых профессий. — Там же, 1981, № 2; Гуджалова Л. В. Пути снижения текучести кадров в промышленности Туркменской ССР. — Там же, 1983, № 3; Гуршумов И. П., Когай Р. Л. Подготовка рабочих кадров за пределами Таджикистана — метод управления мобильностью (социологический аспект). — Изв. АН Тадж. ССР, отд. обществ. наук, 1984, № 2; и др.

[42] Киселев Д. С., Шиндина Р. А. О развитии социальной структуры в период зрелого социализма. — Изв. АН Туркм. ССР, сер. обществ. наук, 1983, № 2, с. 7.

[43] См.: Шоисматуллаев Ш. Профессиональное самоопределение молодежи в Таджикской ССР. — Изв. АН Тадж. ССР, отд. обществ. наук, 1976, № 1, с. 35.

[44] Там же, с. 36.

[45] См.: Сапаров Р. Указ. соч., с. 14.

[46] См.: Митрофанова А. В. К вопросу об изменениях в численности рабочего класса РСФСР в 60—70-х годах; Кравчук М. И. К вопросу об источниках и формах пополнения рядов рабочих Украинской ССР в период развитого социализма. — В кн.: Рабочий класс СССР в условиях развитого социализма, ч. 1; Шелест Д. С. Количественные и качественные изменения в составе рабочего класса Украинской ССР (1959—1970). Днепропетровск, 1971; Романцов В. Е. Рабочий класс Украины в условиях развитого социализма. — В кн.: Рабочий класс Страны Советов (Материалы Всесоюзной научн. конф.).

[47] См.: Романцов В. А. Указ. соч., с. 144.

[48] См.: Кикнадзе Т. В. Конкретно-социологическое изучение процесса профессиональных изменений в составе рабочих кадров Руставского металлургического завода. Тбилиси, 1973; Кадырова Э. Г. О численном росте и некоторых качественных изменениях в составе женщин, занятых в промышленности Азербайджанской ССР. — Изв. АН Азерб. ССР, 1974, № 2; Шистер Г. А. О некоторых закономерностях роста индустриальных кадров в на-

циональных районах СССР. — В кн.: Социально-экономические проблемы истории развитого социализма. М., 1976; Артемчук М. В. Социальные изменения рабочего класса под воздействием научно-технической революции (На примере промышленных предприятий Украины). Автореф. канд. дис. Харьков, 1979; Старовойтов М. И. Изменение национального состава рабочих промышленности БССР в период развитого социализма. — В кн.: Интернационализация общественной жизни — объективная закономерность коммунистического строительства. Минск, 1979; Некрасова И. М. Рост многонационального состава рабочих кадров промышленности СССР. — В кн.: Рабочий класс — ведущая сила интернационального единства советского народа. М., 1981; Фомин В. М. Исследование проблем развития рабочего класса БССР. — В кн.: Вопросы истории, вып. 9. Минск, 1982; Советский рабочий: социальный и духовный облик. Минск, 1983; и др.

[49] См.: Зорин В. И. Сельскохозяйственный отряд рабочего класса Казахстана. Алма-Ата, 1972; Курбанов Б. С. Аграрный отряд рабочего класса Азербайджанской ССР в послевоенные годы (1946—1970 гг.). — В кн.: Основные проблемы социально-экономического развития деревни в условиях создания развитого социализма. М., 1975; Монич З. И., Изох В. Г., Прудник И. В. Рабочий класс в структуре сельского населения. Минск, 1975; Косташ А. Г., Трепачев Ю. Д. Основные тенденции социально-профессиональной структуры работников совхозов. — В кн.: Социальное развитие села в период строительства коммунизма. Кишинев, 1976; Семыкин И. Е. Сельскохозяйственный отряд рабочего класса (Условия формирования и роль в социалистическом преобразовании советской деревни). — В кн.: Сближение города и деревни в процессе строительства социализма и коммунизма. Минск, 1976; Амиров Ш. Социальные изменения в составе сельских рабочих в условиях развитого социализма (На материалах совхозов Узбекской ССР). Автореф. канд. дис. Ташкент, 1977; Паладе Г. Ф. Некоторые вопросы повышения образовательного и профессионально-квалификационного уровня рабочих сельского хозяйства Молдавии (60—70-е годы). — Вестн. Моск. ун-та, сер. История, 1981, № 3; и др.

[50] Проблемы роста культурно-технического уровня рабочего класса Эстонской ССР. Сб. ст. Таллин, 1974; Латифов Д. Л. Подготовка молодой смены советского рабочего класса в республиках Средней Азии. — В кн.: Актуальные проблемы истории советского рабочего класса. М., 1975; Смирнов А. В. Рост культурно-технического уровня советского рабочего класса в период развитого социализма. — ВИ, 1978, № 3; Веселова А. М. Подготовка квалифицированных кадров рабочего класса в системе профессионально-технического образования Украинской ССР; Григорьева В. В. Подъем культурно-технического уровня рабочего класса Белорусской ССР в 70-е годы. — В кн.: Рабочий класс СССР в условиях развитого социализма, ч. 1; Луцкий А. И. Повышение образовательного уровня рабочих машиностроения Украинской ССР в годы IX пятилетки. — Там же, ч. 3; Тохтахунов М. Р. Формирование профессионально-квалификационного состава рабочих кадров Киргизии. Фрунзе, 1980; Гуляев Н. А. Подготовка рабочих кадров в Казахстане и их использование. Алма-Ата, 1981; Урстанбеков Б. Подготовка и воспитание молодой рабочей смены Киргизстана в условиях зрелого социализма (1959—1970 гг.). Фрунзе, 1981; Шистер Г. А., Гуревич М. П., Тетенева Л. Г. Руководство Компартии Узбекистана подготовкой рабочих кадров в условиях развитого социализма. Ташкент, 1981; и др.

[51] См.: Чошанов А. Указ. соч., с. 16—17.

[52] См.: Тохтахунов М. Р. Указ. соч., с. 57.

[53] Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986, с. 143.

[54] См.: Сивохина Т. А. Состав и структура рабочего класса на современном этапе развития советского общества. — В кн.: Социально-экономические проблемы развитого социализма в СССР. М., 1976; Бляхман Л. С. Молодой рабочий 70-х годов: социальный портрет. М., 1977; Гелюта А. М., Староверов В. И. Социальный облик рабочего интеллигента. М., 1977; Мялкин А. В. Социальный портрет советского рабочего. Процесс формиро-

вания. М., 1977; Полетаев В. Е., Корнаковский И. Л. Социальный облик рабочей молодежи (По материалам социологических обследований). М., 1979; Ким М. П., Сенявский С. Л. Рабочий класс СССР в годы IX и X пятилеток. — ВИ, 1980, № 1; Аитов Н. А. Советский рабочий. М., 1981; Гордон Л. А. Единство многообразия: социальное развитие рабочего класса в странах социализма. М., 1981; Козлова Г. П., Файнбург З. И. Перспективы социального развития рабочего класса в условиях социализма; Клопов Э. В. Основные направления и итоги социального развития рабочего класса СССР в 60—70-е годы. — В кн.: Рабочий класс СССР на рубеже 80-х годов (Социальные проблемы развития рабочего класса в социалистическом обществе), ч. 1. М., 1981; Амвросов А. А. Развитие социально-классовой структуры советских национальных республик. — В кн.: Национальная политика КПСС. Теоретические вопросы. Материалы научной сессии АОН при ЦК КПСС. М., 1982; Сануков К. Н. Рабочий класс — ведущая сила интернационального единства народов СССР. М., 1983; Кузьмин А. Т. Социальный портрет современного рабочего. — Рабочий класс и современный мир, 1984, № 1; Гордон Л. А., Клопов Э. В. Рабочий класс в странах социалистического содружества: тенденции возрастания социального потенциала. — Там же, 1984, № 5; Гордон Л. А., Клопов Э. В. Рабочий класс в странах социалистического содружества: тенденции культурно-квалификационного роста. — Там же, 1985, № 1; Корнаковский И. Л., Полетаев В. Е. Социальный облик пополнений рабочего класса (По материалам социологических обследований 1930—1980-х годов). — В кн.: Рабочий класс в условиях развитого социализма. Источники и формы пополнения. М., 1984.

[55] См.: Ким М. П. Советский народ — новая историческая общность людей. М., 1972; Советский народ — новая историческая общность людей. Становление и развитие. М., 1975; Новая историческая общность людей: сущность, формирование, развитие. М., 1976; Советский народ — строитель коммунизма, в 2-х кн. (АН СССР, АН Кирг. ССР). Фрунзе, 1977; Развитие советского народа — новой исторической общности людей. М., 1980; Советский народ — строитель коммунизма. М., 1981; Алиев А. К. Интернациональное и национальное в традициях новой исторической общности людей — советского народа. — В кн.: Социалистическая демократия и интернациональное единство советского народа. М., 1982; Аношкин И. Ф. Новая историческая общность людей и социальный прогресс. М., 1982; и др.

[56] Проблемы социально-классовой структуры общества развитого социализма. Горький, 1975; Куличенко М. И. Укрепление интернационального единства советского общества. Киев, 1976; Руткевич М. Н. Сближение классов и социальных групп на этапе развитого социализма. М., 1976; Глезерман Г. Е. Классы и нации. М., 1977; Семенов В. С. Диалектика развития социальной структуры советского общества. М., 1977; Амвросов А. А. От классовой дифференциации к социальной однородности общества. М., 1978; Тенденции изменения социально-классовой структуры советских наций и народностей. М., 1978; Социальная политика КПСС в условиях развитого социализма; Актуальные проблемы развития наций и национальных отношений. М., 1981; Развитие национальных отношений в СССР в свете решений XXVI съезда КПСС. Сер. Национальные отношения в современную эпоху. М., 1982; Социальная политика и национальные отношения. М., 1982; Социальная основа общества развитого социализма. Киев, 1983; Социальный прогресс советского общества и перспективы развития рабочего класса. М., 1983; и др.

[57] Куличенко М. И. Социально-экономические основы взаимовлияния и взаимообогащения национальных культур в условиях развитого социализма. — ВИ, 1977, № 5, с. 38.

[58] Теория и практика развития социалистических наций. Л., 1984, с. 39.

[59] См.: Пономарев Б. Н. Ленинская национальная политика КПСС на этапе развитого социализма и ее международное значение. — В кн.: Воспитывать убежденных патриотов-интернационалистов. М., 1982, с. 18.

[60] Полетаев В. Е., Сануков К. Н. Указ. соч., с. 158.

[61] См.: Зиманов С. З., Рейтор И. К. Советская национальная государственность и сближение наций. Алма-Ата, 1983, с. 188.

[62] См.: Куличенко М. И. Национальные отношения в СССР и тенденции их развития. М., 1972, с. 382; Холмогоров А. И. Расцвет и сближение советских наций в Союзе ССР. Киев, 1982, с. 18—19.

[63] Джунусов М. С. О некоторых методологических вопросах изучения процесса сближения наций. — В кн.: Сближение социально-классовой структуры советских наций и народностей. М., 1977, с. 10.

[64] Джунусов М. С. Некоторые вопросы методологии и методики исследования социальных структур советских национальных общностей. — В кн.: Тенденции изменения социально-классовой структуры советских наций и народностей. М., 1978, с. 32.

[65] Там же.

[66] Там же, с. 17.

[67] Куличенко М. И. Нация и социальный прогресс. М., 1983, с. 45—46.

[68] Правда, 1982, 22 дек.

[69] КПСС в резолюциях.., т. 2, с. 252, 438.

[70] Косолапов Р. И. Классовые и национальные отношения на этапе развитого социализма. — В кн.: Социальная политика и национальные отношения. М., 1982, с. 16.

[71] Там же.

[72] О 60-й годовщине образования СССР, с. 10.

[73] См.: Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М. Общее и особенное в социально-культурном облике советских наций. — В кн.: Сближение социально-классовой структуры советских наций и народностей; Руткевич М. Н. Сближение национальных республик и наций по социально-классовой структуре. — Социологические исследования, 1981, № 2; Его же. Совершенствование социально-классовой и национальной структур советского народа в процессе сближения наций и народностей. — В кн.: Советский народ — строитель коммунизма. М., 1981; Куличенко М. И. Расцвет и сближение наций в СССР. М., 1981; и др.

[74] Куличенко М. И. Расцвет и сближение наций в СССР, с. 257.

[75] Развитие советского народа — новой исторической общности, с. 119.

[76] Исследование построения показателей социального развития и планирования. М., 1979.

[77] Социология и проблемы социального развития, с. 23.

[78] См.: Аитов Н. А. Социальные проблемы труда на промышленных предприятиях. М., 1976, с. 15; О дальнейшем совершенствовании социального планирования и управления. — Социологические исследования, 1981, № 1, с. 47.

[79] Асеев В. Г., Шкаратан О. И. Социальные нормативы и социальное планирование. М., 1984, с. 44.

[80] Социальные проблемы производства. М., 1979, с. 40; Тощенко Ж. Т. Социальное планирование в СССР. М., 1981, с. 307.

[81] См.: Ельмеев В. Я. Указ. соч., с. 8.

Т. А. СИВОХИНА

ИСТОРИОГРАФИЯ РАБОЧЕГО КЛАССА РЕСПУБЛИК СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В числе тесно связанных с проблемой советского народа как новой социальной и интернациональной общности важное место занимает тема развития республиканских отрядов многонационального рабочего класса СССР. И это закономерно. Глубокие качественные сдвиги в составе рабочего класса, уровне его жизни, масштабах и формах социальной активности оказывают непосредст-

венное воздействие на прогресс новой исторической общности. Рост республиканских отрядов рабочего класса, в частности за счет кадров квалифицированных рабочих из коренных национальностей, отмечалось в постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик», «способствует расширению влияния рабочего класса на развитие общества, укрепляет социальную основу единства всех классов и групп, наций и народностей» [1].

Директивные документы КПСС 70-х — начала 80-х годов определили в числе ведущих направлений научно-исследовательской деятельности обществоведов разработку теоретических проблем развития советского общества [2]. Опираясь на решения съездов КПСС и постановления ЦК партии, исследователи провели значительную работу по изучению истории республиканских отрядов рабочего класса на современном этапе, по выявлению общих закономерностей и региональных особенностей их развития. Определенный вклад в изучение этих актуальных социальных вопросов внесли историки и специалисты других общественных наук из республик Средней Азии и Казахстана.

Советские историки уже проделали известную работу, чтобы показать состояние изученности данной проблемы. Так, в историографических трудах по отечественной истории имеются упоминания об исследованиях, освещающих — в комплексе с другими темами — вопросы истории и деятельности рабочих среднеазиатского региона в конце 60-х — 70-е годы [3]. Уделено внимание этому сюжету в историографических обзорах, которыми снабжен ряд исследований по истории формирования и развития республиканских отрядов ведущего класса общества [4]. В статьях Б. Н. Абишевой, М. Х. Асылбекова, В. К. Янулова, С. Б. Нурмухамедова по историографии рабочего класса Казахстана рассмотрены основные аспекты изучения его современного развития [5]. Краткий обзор трудов, освещающих некоторые направления деятельности узбекских рабочих в период развитого социализма, содержится в статьях М. К. Султанова и Д. А. Алимовой [6]. Авторы всех перечисленных выше историографических работ не выходят за рамки анализа исследований по истории отдельных республиканских отрядов рабочего класса рассматриваемого региона; в большинстве случаев они ограничиваются выявлением лишь некоторых аспектов проблемы. В данной статье сделана попытка, опираясь на проведенную исследователями работу, показать степень изученности всего комплекса тем, связанных с развитием рабочего класса среднеазиатского региона на современном этапе. Для анализа взяты труды историков и представителей других общественных наук, опубликованные на русском языке во второй половине 60-х — начале 80-х годов.

Специальных исследований о развитии и деятельности рабочего класса Средней Азии и Казахстана в целом в настоящее время не имеется. Но эти вопросы затрагиваются в обобщающих трудах по истории ведущего класса советского общества в годы восьмой и девятой пятилеток [7]. В них проанализированы — в ком-

плексе с другими темами — изменения в численности, демографической структуре, национальном составе рабочих союзных республик. Авторы исследований отмечают, что республиканские отряды рабочего класса развиваются в тесной взаимосвязи друг с другом и на основе общих закономерностей. Особенное внимание уделено раскрытию ведущей роли рабочего класса в процессе интернационализации экономики и общественной жизни республик.

Изменения в составе рабочего класса республик Средней Азии и Казахстана, их социальная активность получили освещение в трудах по истории советского народа— новой исторической общности. Можно назвать коллективную монографию «Развитие советского народа — новой исторической общности» (М., 1980), в которой приведены данные, характеризующие количественные и качественные изменения рабочего класса среднеазиатского региона под воздействием достижений научно-технической революции. Авторы отмечают, что прогрессивные перемены в составе, производственной и общественной деятельности рабочего класса являются главным фактором возрастания его роли в развитии новой исторической общности. Фактические сведения о темпах роста рабочего класса союзных республик, об участии рабочих в межреспубликанском социалистическом соревновании обобщены В. П. Шерстобитовым в книге «Советский народ — монолитная общность строителей коммунизма» (М., 1976). Отдельные аспекты проблемы нашли отражение в работах М. П. Кима, Ю. Ю. Вейнгольда, в книгах, посвященных национальным отношениям в современном советском обществе [8].

Сдвиги в численности и составе республиканских отрядов рабочего класса охарактеризованы в некоторых трудах общесоюзного и республиканского плана по социальной структуре советского общества [9]. В частности, в монографиях М. Н. Руткевича и С. Л. Сенявского уделено внимание такому показателю выравнивания социальной структуры союзных республик, как доля рабочего класса в составе их населения. Руткевич отмечает интенсивный рост численности рабочих, особенно из числа представителей коренных национальностей, во всех республиках Средней Азии в 60—70-е годы, широкие масштабы подготовки квалифицированных кадров, что способствует сближению качественных характеристик республиканских отрядов. Вопросы, связанные со спецификой развития рабочего класса среднеазиатского региона, взаимодействия и взаимовлияния изменений в составе рабочего класса и сближения социально-классовой структуры советских наций, освещены в трудах М. Аженова, Г. А. Шистера, К. Рахманова [10].

История рабочего класса Средней Азии и Казахстана в изучаемый период получила раскрытие в трудах, посвященных его формированию и развитию в годы Советской власти [11]. Эти исследования отличаются комплексным, многоплановым подходом к раскрытию проблемы. Рабочие союзных республик рассматриваются в них как органическая составная часть многонационального рабочего класса СССР. Анализ исходных уровней формирования республи-

канских отрядов позволил показать особенности их развития в различные периоды, в том числе в условиях зрелого социализма. В центре внимания авторов — количественные и качественные изменения в составе рабочих, источники и формы их пополнения, социальная активность, а также вопросы, связанные с увеличением численности и удельного веса рабочих коренных национальностей. В «коренизации» национального состава рабочего класса авторы справедливо видят один из факторов сближения социальных структур союзных советских республик. Значительное место во всех трудах занимает рассмотрение сдвигов в отраслевом составе рабочих. Исследователей в большей мере интересуют рабочие, занятые в промышленности, особенно в новых ее отраслях, возникших и получивших развитие в условиях углубления НТР. В то же время вне поля их зрения остаются так называемые периферийные отряды рабочего класса — рабочие, занятые в сельском хозяйстве и сфере обслуживания.

Выявлению закономерностей развития рабочего класса среднеазиатского региона посвящены исследования М. А. Ахуновой[12], М. Х. Асылбекова[13], В. Д. Кабакова[14] и др. Особенного внимания на наш взгляд, заслуживают труды Ш. Х. Шириязданова[15]. Автор отмечает общность процессов, происходящих в составе рабочего класса Киргизии на современном этапе и в рядах рабочего класса СССР в целом, указывает на такую характерную черту его развития в республике, как более высокие темпы роста численности по сравнению с общесоюзными. Эта закономерность, пишет Шириязданов, обусловлена подъемом общественного производства в республике, дальнейшим освоением ее природных богатств[16], курсом КПСС и Советского правительства на дальнейшее выравнивание уровней экономического развития всех союзных республик, на создание условий для ускоренного освоения их производительных сил.

Авторы названных выше трудов едины в оценке тенденций развития качественного состава республиканских отрядов рабочего класса. В числе важнейших из них называется повышение общеобразовательной подготовки, квалификационного уровня и профессионального мастерства работников. В трудах Г. А. Шистера на основе анализа статистических материалов сделан вывод об ускоренном выравнивании общеобразовательного уровня рабочих республик Средней Азии с общесоюзным. Общей закономерностью развития рабочего класса в республиках региона и в стране в целом является совершенствование его профессиональной структуры. Под воздействием научно-технического прогресса уменьшается численность профессий, связанных преимущественно с ручным трудом, и увеличивается число профессий, необходимых для обслуживания машин и механизмов. Многие исследователи обращают внимание на большую повседневную деятельность местных партийных органов, направленную на модернизацию производства, его механизацию и автоматизацию, сокращение удельного веса тяжелого ручного труда.

Одной из традиционных в литературе по истории советского ра-

бочего класса среднеазиатского региона является проблема женского труда. Авторы объясняют внимание к этой теме ее практической значимостью. Вовлечение женщин среднеазиатского региона в общественное производство тесно связано с народнохозяйственным развитием республик, является важным фактором роста самосознания женщин и их творческой индивидуальности. Во многих работах, опубликованных во второй половине 60-х и в 70-е годы, подчеркивалась такая особенность, как высокие темпы роста численности занятых в народном хозяйстве женщин, в первую очередь за счет представительниц коренной национальности республик [17].

Значительное количество статей и монографий посвящено вопросам роста культурно-технического уровня рабочих среднеазиатского региона [18]. Повышение культурно-технического уровня, как отмечают авторы, является закономерностью развития рабочего класса в условиях углубления научно-технической революции. Однако конкретно-исторические условия их формирования определили специфику этого процесса в отдельных республиках. В Средней Азии, в частности в Узбекской ССР, пишет Т. Р. Абдушукуров, темпы роста профессионального уровня, квалификации и общеобразовательной подготовки рабочих в 60-е годы опережали общесоюзные. Автор связывает эту особенность с ростом индустриальной мощи республики и углублением научно-технического прогресса в промышленности, с дальнейшим развитием культурного строительства [19]. Отмечая выравнивание культурно-технического уровня рабочего класса республик Средней Азии с этим показателем в других республиках страны, Абдушукуров говорит о сохранении определенных различий в общей культуре рабочих. Этот факт он объясняет разницей в исходных уровнях культурного развития отдельных республиканских отрядов [20].

Следует заметить, что исследователи, рассматривающие — специально или в комплексе с другими темами — культурно-технический уровень рабочего класса, по-разному определяют это понятие. Так, например, Шистер видит в нем совокупность общеобразовательных и технических знаний рабочих, их производственного мастерства и профессиональной подготовки [21]. Большинству исследователей Казахстана присуща, как отмечает Янулов [22], расширительная трактовка понятия «культурно-технический уровень» рабочего класса. В частности, по мнению Абишевой, основой роста культурно-технического уровня рабочих являются общеобразовательная подготовка, профессиональная структура и квалификационный состав рабочих, их духовный, культурный облик [23]. М. Негматова, автор статей по вопросам производственной активности узбекских рабочих, считает возможным использовать как равнозначные понятия «культурно-технический уровень», «квалификация» и «общеобразовательная подготовка» рабочих [24].

Как известно, в советской исторической литературе существуют различные мнения о содержании понятия «культурно-технический уровень» и его критериях (их анализ сделан еще в 1970 г. В. Е. По-

летаевым[25]). Точки зрения Шистера, Абишевой и других авторов отразили их стремление выявить сущность данного определения, его специфику на новом этапе развития советского общества. Хотя однозначного толкования термина «культурно-технический уровень» нет и до сей поры, сторонники различных точек зрения считают необходимым включать в него общеобразовательную и профессиональную подготовку рабочих, их производственный опыт[26]. Рассмотрение же в качестве адекватных понятий «культурно-технический уровень» и «общеобразовательная подготовка» представляется нам неправомерным.

Большое место в трудах исследователей республик Средней Азии и Казахстана занимает тема новых пополнений рабочего класса. Формы и методы обучения рабочих Киргизии профессиональному мастерству являются объектом рассмотрения М. Тохтахунова и Б. Урстанбекова[27]. О возрастании роли системы профессионально-технического образования в подготовке новых индустриальных кадров Казахстана идет речь в работах Т. Кожамкулова, Н. А. Гуляева, Асылбекова и др.[28] Авторы особенно подчеркивают значение системы профтехобразования для интернационального воспитания рабочего класса.

В свою очередь исследователи Туркмении отмечают, что профтехучилища, при общем увеличении их сети, не в состоянии обеспечить квалифицированными рабочими народное хозяйство[29]. В отличие от других республик в Туркменской ССР почти 80% новых рабочих обучаются на производстве. Г. А. Шистер, М. Н. Гуревич и Л. Г. Тетенева раскрыли многогранную деятельность Компартии Узбекистана, направленную на совершенствование подготовки рабочих кадров[30]. Авторы акцентируют внимание на взаимосвязи и взаимозависимости роста общеобразовательной подготовки рабочих и повышения их трудовой и общественно-политической активности.

В рассмотренных выше исследованиях по истории республиканских отрядов рабочего класса, а также в специально посвященных теме новых пополнений сделан вывод об общих закономерностях формирования рабочих кадров во всех союзных республиках на современном этапе.

Отмечается, что совершенствование форм и методов обучения способствовало улучшению качества профессиональной подготовки молодых рабочих. Этот вывод позволяет говорить об усилении воздействия рабочего класса на консолидацию советского народа как новой исторической общности. Обращая внимание на тождество форм и источников пополнения рабочего класса рассматриваемого региона и страны в целом, исследователи вместе с тем указали на специфические черты этого процесса в регионе. Так, например, М. Р. Тохтахунов пишет о значительной доле жителей киргизского села среди новых пополнений: в начале 70-х годов они составляли свыше 70% новых рабочих[31]. На важную роль местного сельского населения в пополнении рядов рабочего класса Узбекской ССР указывает Шистер[32]. Исследователи связывают эту особенность с

такими факторами, как высокий уровень естественного прироста сельских жителей и незначительная миграция населения коренных национальностей за пределы республик. Необходимо, однако, заметить следующее. Авторы, говоря о высоком удельном весе местного населения в составе новых пополнений, почти не изучают вопрос о развитии национальных кадров, мало внимания уделяют национальному составу молодых рабочих.

Сделана первая попытка выявить роль рабочего класса среднеазиатского региона в обеспечении трудовыми ресурсами других регионов и республик страны. Таджикские исследователи И. П. Гуршумов и Р. Л. Когай, изучив сложившуюся в начале 80-х годов практику подготовки рабочих за пределами республики, показали ее целесообразность, значение в территориальной и социальной мобильности молодежи [33]. Заслуживает внимания исследователей такой аспект темы, как участие рабочего класса республик Средней Азии и Казахстана в реализации программы развития Нечерноземной зоны РСФСР. Известно, что еще в 1974 г. Узбекская ССР выступила в числе инициаторов оказания шефской помощи Российскому Нечерноземью. В том же году отряды строителей, мелиораторов, ирригаторов из Узбекистана приступили к работам по улучшению земель, строительству жилых домов и производственных объектов в районах Нечерноземной зоны. Их инициатива была высоко оценена Центральным Комитетом КПСС и Советом Министров СССР [34]; по их примеру представители рабочего класса других республик приняли участие в преобразовании областей и автономных республик Нечерноземной зоны РСФСР. Изучение всего комплекса вопросов, связанных с межнациональным обменом кадров, позволит показать роль этого процесса в укреплении интернационального единства и дружбы советского народа.

Опубликованы труды по истории развития отдельных отраслевых отрядов рабочего класса в 60—70-е годы. Историю формирования, изменений в составе, формах и методах пополнения рабочих-железнодорожников Казахстана рассматривает Асылбеков; один из разделов его монографии посвящен развитию этого отряда рабочих в годы восьмой пятилетки [35]. Большое внимание уделяется изучению сельского рабочего класса, особенно в Казахской ССР, где численность и удельный вес рабочих села превышает эти показатели в других союзных республиках. В центре внимания казахских социологов В. И. Зорина и Н. К. Капесова находятся вопросы численного роста и национального состава аграрных рабочих, сдвиги в их профессионально-квалификационной структуре под влиянием индустриализации сельскохозяйственного труда [36]. В монографии Ф. К. Михайлова, посвященной совхозному строительству в Казахстане, анализируются в этой связи перемены в составе рабочих совхозов [37].

Авторы некоторых трудов, освещающих — специально или в комплексе с другими проблемами — тему развития рабочего класса села, считают возможным рассматривать как равнозначные понятия «аграрные рабочие» и «сельские рабочие» [38]. В философской

и исторической литературе уже давно доказана неправомерность такого отождествления: аграрные (сельскохозяйственные) рабочие являются лишь одним из отраслевых отрядов рабочего класса села, непосредственно занимающимся производством сельскохозяйственной продукции.

Важным направлением исследовательской деятельности ученых среднеазиатского региона является изучение такого фактора возрастания роли рабочего класса в развитии исторической общности, как его социальная активность. Большое внимание уделяется раскрытию трудовой, творческой инициативы рабочих, прежде всего их участию в социалистическом соревновании. Во многих исследованиях подвергнуты анализу получившие наибольшее распространение формы трудового состязания, рассмотрены особенности развития соревнования на современном этапе [39]. Опубликован фактический материал о развитии соревнования в отдельных коллективах, о трудовых починах рабочих отдельных регионов и районов республик Средней Азии и Казахстана [40].

В монографии А. Григорьянца центральное место занимает выявление форм и методов руководства соревнованием со стороны местных партийных организаций Узбекистана [41]. Особенности социалистического соревнования в условиях хозяйственной реформы в промышленности Казахской ССР, роль Коммунистической партии в развитии творческой активности рабочего класса показаны в трудах У. А. Жанайдарова, А. С. Курманбаева, Т. Ашимбаева и Н. Кунхожаева и др.[42] О высоком уровне творческой активности совхозных рабочих Таджикской ССР пишет Т. Туйгиев. В конце 70-х годов в социалистическом соревновании участвовали свыше 70% рабочих обследованных им совхозов [43]. В работах В. Кжахова и А. Ишмухамедова поднят вопрос об участии рабочих в движении рационализаторов и изобретателей, об их сотрудничестве со специалистами в процессе научно-технического творчества [44].

Можно говорить о том, что отдельные аспекты проблемы участия рабочего класса союзных республик в социалистическом соревновании получили освещение в научной литературе. Однако многие вопросы этой темы не стали еще предметом специального исследования. Как известно, рабочим классом Средней Азии и Казахстана накоплен большой опыт соревнования с тружениками других союзных республик. Так, на протяжении многих лет договоры о социалистическом соревновании связывают нефтяников Туркмении и Азербайджана, химиков Казахстана и Армении и т. д. Обобщение практики дружеских связей между производственными коллективами республик позволило бы раскрыть роль соревнования в преодолении элементов национальной замкнутости, в интернационализации жизни советского народа. Мало внимания уделяется производственной активности строительных рабочих, работников сферы обслуживания, отраслей аграрного сектора экономики. В ряде случаев авторы увлекаются изложением фактических данных о трудовой, творческой активности рабочих, не вдаваясь в глу-

бокий анализ и обобщение конкретно-исторического материала по этой теме.

В конце 70-х — начале 80-х годов были опубликованы статьи и монографии, раскрывающие участие рабочего класса среднеазиатского региона в управлении государственными делами. Вопросы, связанные с деятельностью рабочих Казахстана в Советах и органах народного контроля, рассматриваются С. Б. Нурмухамедовым и Ю. И. Романовым [45]. Об участии узбекских рабочих в Советах пишет Л. Г. Тетенева [46]. Авторы отмечают такой общий для всех республик процесс, как возрастание удельного веса представителей рабочего класса в составе органов государственной власти. В местных Советах Казахстана, например, в 1980 г. на их долю приходилось 59,2% общего числа депутатов — в 2 раза больше, чем в 1961 г.[47] Исследователи наблюдают увеличение численности рабочих не только в составе городских, но и сельских Советов среднеазиатского региона, что связано с интенсивным ростом рабочего класса села в 60—70-е годы.

Одной из актуальных задач историков среднеазиатского региона является изучение истории создания и развития отдельных промышленных предприятий. Такая работа ведется [48], но явно недостаточно. Вместе с тем труды по истории фабрик и заводов имеют большое научное значение и практическую ценность. Рассмотрение вопросов, связанных с формированием и развитием многонациональных производственных коллективов (особенно в районах нового освоения), позволяет более глубоко раскрыть основные тенденции изменений рабочего класса, показать постепенное выравнивание уровня трудовой и общественно-политической активности рабочих различных национальностей.

Во второй половине 70-х — начале 80-х годов было издано несколько работ по истории союза рабочего класса и крестьянства [49], в которых значительное место уделялось вопросу его упрочения на современном этапе коммунистического строительства. Существенный вклад в изучение этой темы внес Х. Маданов. В его монографии «Деятельность КПСС по осуществлению ленинской аграрной политики в Казахстане (1946—1975 гг.)» (Алма-Ата, 1980) получило освещение участие казахских рабочих в реализации аграрной политики партии в деревне. Автором собран и обобщен большой конкретно-исторический материал, позволивший ему показать масштабы помощи селу со стороны рабочего класса по государственным каналам и по линии шефства. Обращено внимание на новые формы шефской деятельности рабочих в условиях перевода сельского хозяйства на промышленную основу, раскрыта их роль в индустриализации сельскохозяйственного труда. Интересные сведения о шефской помощи селу узбекских рабочих приведены в статье Х. Х. Туракуловой [50]. Автор отмечает, что в конце 70-х годов постоянную помощь сельским труженикам оказывали почти 480 промышленных и около 200 строительных предприятий и организаций. Как нам представляется, изучение вопроса об участии современного рабочего класса в экономическом и социальном преобразовании

села, по существу, только начато, и исследователям региона предстоит основательно поработать над его всесторонним раскрытием.

Попытку показать роль рабочего класса в культурном прогрессе на современном этапе коммунистического строительства предприняли узбекские исследователи К. Акилов и Д. Баракаев [51]. Анализ конкретно-исторического материала о художественном творчестве рабочих позволил авторам сделать вывод о расширении масштабов их участия в духовной жизни общества. Интересные факты о возрастании численности рабочих Туркмении, занятых в художественной самодеятельности, собраны Т. В. Носовой [52].

В изучение проблемы культурного облика современного рабочего класса активно включаются этнографы. Большую работу по этнографическому изучению культуры и быта промышленных рабочих Казахской ССР осуществили В. В. Востров и Х. А. Кауанова [53]. Они показали влияние урбанизации, миграционных процессов на сближение образа жизни, интеграцию быта и культуры рабочих различных национальностей, населяющих республику.

Анализ рассмотренных трудов позволяет сделать вывод о том, что ученые среднеазиатского региона провели определенную работу по изучению истории рабочего класса на современном этапе. Вместе с тем в разных республиках научная разработка проблемы ведется с неодинаковой степенью интенсивности. Ее исследование заняло значительное место в историографии развития рабочего класса Узбекской ССР. В Казахстане и Киргизской ССР в этом отношении сделано пока недостаточно [54]. Предприняты лишь первые шаги в данной области историками и представителями других общественных наук Таджикистана и Туркмении. О слабой разработанности рассматриваемой проблемы убедительнее всего свидетельствует отсутствие обобщающих трудов по истории развития современного рабочего класса Казахстана, Таджикистана и Туркменской ССР. Обращает на себя внимание узость хронологических рамок опубликованных трудов; менее других отражены в научной литературе развитие и деятельность ведущего класса во второй половине 70-х — начале 80-х годов. Следует заметить также, что далеко не все аспекты этой сложной и многоплановой проблемы изучены в равной степени.

Наиболее полное раскрытие в литературе, опубликованной на русском языке, получили вопросы, связанные с изменениями в количественном и качественном составе рабочего класса среднеазиатского региона. Освещена история двух его крупнейших отраслевых отрядов — промышленного и сельскохозяйственного. В то же время почти вне поля зрения исследователей находятся процессы развития тружеников транспорта, связи, сферы обслуживания. Изучая закономерности количественного и качественного роста рабочих, следовало бы обратить внимание на необходимость определения понятий «республиканский» и «национальный» отряды рабочего класса (в большинстве рассмотренных выше работ они отождествляются). Заслуживает обстоятельного рассмотрения такой

принципиально важный вопрос, как развитие национальных кадров в составе республиканских отрядов рабочего класса.

Слабее — по сравнению с темой изменений в составе рабочего класса — изучен вопрос о трудовой и общественно-политической активности рабочих Средней Азии и Казахстана. Перед исследователями стоит задача раскрыть опыт межреспубликанского социалистического соревнования, играющего большую роль в дальнейшей интернационализации жизни советского народа, а также показать значение соревнования между рабочим классом советских республик и других социалистических стран. Требует обобщения деятельность рабочих по управлению общественным производством — в постояннодействующих производственных совещаниях, в самодеятельных объединениях технического творчества на производстве, в органах народного контроля. Необходим всесторонний анализ и раскрытие форм участия рабочих в Советах народных депутатов, выявление специфики их общественно-политической активности. В обстоятельном освещении нуждаются вопросы, связанные с ростом материального благосостояния республиканских отрядов рабочего класса, улучшением культурно-бытовых условий их жизни. Перспективным является изучение таких тем, как союз рабочего класса и крестьянства на современном этапе развития советского общества, сотрудничество рабочих, крестьян и интеллигенции в создании материально-технической базы коммунизма. Наряду с разработкой вопросов развития и деятельности республиканских отрядов рабочего класса нужна активизация научного анализа и критики буржуазной историографии проблемы.

Дальнейшее исследование всего комплекса тем по истории рабочего класса среднеазиатского региона требует вовлечения в научный оборот дополнительных источников, прежде всего материалов статистики и данных социологических обследований. Необходимо более широкое использование метода историко-сравнительного анализа при рассмотрении закономерностей и особенностей развития рабочего класса в отдельных республиках. Расширение источниковой базы и творческое применение различных исследовательских методов, интеграция историков с представителями других общественных наук позволят обстоятельно и всесторонне показать возрастание зрелости рабочего класса и усиление его ведущих позиций в укреплении новой исторической общности. В конечном счете это будет содействовать более глубокому исследованию вопроса о решающей роли рабочего класса в процессе становления бесклассовой структуры общества, являющемся, как отмечается в новой редакции Программы КПСС, важной закономерностью развития социальных отношений на современном этапе [55].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] О 60-й годовщине образования СССР, с. 10.

[2] Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 214; Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 145—146; Пленум Центрального Комитета КПСС,

14—15 июня 1983 года. Стеногр. отчет. М., 1983, с. 191; Материалы XXVII съезда КПСС, с. 283.

[3] См.: Митрофанова А. В. Изучение истории рабочего класса и индустрии СССР; Шерстобитов В. П., Воскресенская Н. А., Никонов А. В., Юсупов Л. У. Некоторые проблемы историографии народов СССР. — В кн.: Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами КПСС. М., 1982.

[4] См., напр.: Абишева Б. Н. Подъем культурно-технического уровня рабочего класса Казахстана. 1959—1965 гг. (В условиях развитого социалистического общества). Алма-Ата, 1975; Шириязданов Ш. Х. Рабочий класс Киргизстана в условиях развитого социализма. Фрунзе, 1979.

[5] См.: Абишева Б. Н. Изучение истории рабочего класса Казахстана.— В кн.: Актуальные проблемы истории Советского Казахстана (К 60-летию Казахской ССР и Компартии Казахстана). Алма-Ата, 1980; Асылбеков М. Х. Итоги и задачи изучения истории рабочего класса Казахстана (1917—1976 гг.). — В кн.: Рабочий класс Страны Советов (Материалы Всесоюзной научн. конф. на тему «XXV съезд КПСС о ведущей роли советского рабочего класса в социалистическом и коммунистическом строительстве»). Минск, 1980; Его же. Рабочий класс Казахстана в условиях развитого социализма и проблемы изучения его истории. — Изв. АН Каз. ССР, сер. обществ. наук, 1984, № 6; Янулов В. К. Историография культурно-технического роста рабочего класса Казахстана в условиях развитого социализма. — Изв. АН Каз. ССР, сер. обществ. наук, 1981, № 2; Нурмухамедов С. Б. Вопросы изучения истории рабочего класса Советского Казахстана. — В кн.: Вопросы историографии Казахстана. Алма-Ата, 1983.

[6] См.: Султанов М. К. К историографии творческой активности рабочего класса Узбекистана в условиях развитого социализма (1966—1975). — Общественные науки в Узбекистане, 1981, № 4; Алимова Д. А. Литература об участии женщин Узбекистана в общественном производстве в период развитого социализма. — Общественные науки в Узбекистане, 1984, № 3.

[7] Рабочий класс развитого социалистического общества. М., 1974; Ежов В. А., Ваксер А. З., Труфанов И. П. Рабочий класс СССР в годы девятой пятилетки (1971—1975 гг.). Л., 1978, гл. IX; Рабочий класс СССР. 1966—1970. М., 1979, гл. II—IV.

[8] См.: Ким М. П. Советский народ — новая историческая общность. М., 1972; Вейнгольд Ю. Ю. Советский народ — новая историческая общность людей. Фрунзе, 1973; Голотвин Ж. Г. Единая семья советских народов: социальное родство и сплоченность. М., 1981; Интернационализм советского народа (История и современность). М., 1982; и др.

[9] Социальная структура развитого социалистического общества в СССР. М., 1976; Руткевич М. Н. Становление социальной однородности. М., 1982; Сенявский С. Л. Социальная структура советского общества в условиях развитого социализма (1961—1980 гг.). М., 1982.

[10] См.: Аженов М. Изменения социально-классовой структуры Казахстана в процессе коммунистического строительства. Алма-Ата, 1973; Шистер Г. А. Изменение социальной структуры многонационального рабочего класса Узбекистана. — В кн.: Сближение социально-классовой структуры советских наций и народностей. М.. 1977; Рахманов К. Изменение социальной структуры узбекского села в условиях развитого социализма. Ташкент, 1984.

[11] История рабочего класса Узбекистана, т. III. Ташкент, 1966; История советского рабочего класса Киргизстана. Фрунзе, 1966; История рабочего класса Советского Туркменистана (1917—1967 гг.). Ашхабад, 1969; История рабочего класса Таджикистана (1917—1970), т. II. (1945—1970 гг.). Душанбе, 1973; История рабочего класса советского Каракалпакистана. Ташкент, 1977.

[12] См.: Ахунова М. А. Рабочий класс Узбекистана в период развитого социализма (1959—1973 гг.). Ташкент, 1974; Ее же. Рабочий класс — ведущая сила советского общества. Ташкент, 1981; Ее же. Рабочий класс Узбекистана в период развитого социализма. — ВИ, 1984, № 9; Ахунова М. А., Акилов К. А., Тетенева Л. Г. Рабочий класс Узбекистана в условиях научно-технической революции. Ташкент, 1984.

[13] См.: Асылбеков М. Х. Рост рабочего класса Казахстана в условиях развитого социализма. — В кн.: Актуальные проблемы истории Советского Казахстана (К 60-летию Казахской ССР и Компартии Казахстана). См. также: Ахметов А. Р. Рабочий класс Казахстана в борьбе за коммунизм. Партийное руководство развитием производственной активности и укреплением рядов индустриальных рабочих республики в период строительства коммунизма. Алма-Ата, 1970.

[14] См.: Кабаков В. Д. Некоторые проблемы дальнейшего роста рабочего класса Туркменистана на современном этапе научно-технической революции. — Изв. АН Туркм. ССР, сер. обществ. наук, 1980, № 6.

[15] См.: Шириязданов Ш. Х. Рабочий класс Киргизстана в условиях развитого социализма; Его же. Рабочий класс Советской Киргизии на современном этапе развития. — История СССР, 1982, № 2.

[16] См.: Шириязданов Ш. Х. Рабочий класс Советской Киргизии на современном этапе развития, с. 56.

[17] См.: Гуджалова Л. В. и др. Повышение уровня использования женского труда в Туркменской ССР. — Изв. АН Туркм. ССР, сер. обществ. наук, 1967, № 3; Майлыбаева Г. А. Женщина и общественное производство. Алма-Ата, 1975; Базарханова Ш., Тайбекова А. Некоторые проблемы подъема культурно-технического уровня женщин-производственниц. — Вестн. АН Каз. ССР, 1976, № 1:, Кадыров Ш., Кубасова Е. О занятости женщин-туркменок в промышленности. — Изв. АН Туркм. ССР, сер. обществ. наук, 1982, № 5; и др.

[18] См., напр.: Шистер Г. А. Компартия Узбекистана в борьбе за подъем культурно-технического уровня рабочего класса (от XX к XXII съезду КПСС). Ташкент, 1965; Абдушукуров Т. Р. Закономерности и особенности культурно-технического роста рабочего класса Узбекистана. Ташкент, 1971; Абишева Б. Н. Подъем культурно-технического уровня рабочего класса Казахстана. 1959—1965 гг. (В условиях развитого социалистического общества); Белоус О. Н. Рост культурно-технического уровня рабочих Казахстана (на современном этапе коммунистического строительства). — Изв. АН Каз. ССР, сер. обществ. наук, 1975, № 1; и др.

[19] См.: Абдушукуров Т. Р. Указ. соч., с. 155.

[20] Там же, с. 99.

[21] См.: Шистер Г. А. Компартия Узбекистана в борьбе за подъем культурно-технического уровня рабочего класса (от XX к XXII съезду КПСС), с. 73.

[22] См.: Янулов В. К. Указ. соч., с. 71.

[23] См.: Абишева Б. Н. Подъем культурно-технического уровня рабочего класса Казахстана. 1959—1965 гг., с. 294—295.

[24] См.: Негматова М. Рост творческой и трудовой активности рабочего класса Самаркандской области в годы IX пятилетки (1971—1975 гг.). — В кн.: Материалы по истории Узбекистана. Сб. науч. трудов. Самарканд, 1979, с. 176.

[25] См.: Полетаев В. Е. Основные направления в изучении советского рабочего класса послевоенной эпохи. — В кн.: Вопросы историографии рабочего класса СССР. М., 1970, с. 256—257. См. также: Смирнов А. В. Рост культурно-технического уровня советского рабочего класса в период развитого социализма. — ВИ, 1978, № 3.

[26] История СССР, 1982, № 3, с. 64.

[27] См.: Тохтахунов М. Р. Формирование профессионально-квалификационного состава рабочих кадров Киргизии. Фрунзе, 1980; Урстанбеков Б. Подготовка и воспитание молодой рабочей смены Киргизстана в условиях зрелого социализма (1959—1970 гг.). Фрунзе, 1981.

[28] См.: Кожамкулов Т. Подготовка квалифицированных рабочих кадров в Казахстане. Алма-Ата, 1972; Асылбеков М. Х., Нурмухамедов С. Б., Пан Н. Г. Рост индустриальных кадров рабочего класса в Казахстане (1946—1965 гг.) Алма-Ата, 1976; Гуляев Н. А. Подготовка рабочих кадров в Казахстане и их использование. Алма-Ата, 1981; Романов Ю. И., Жангуттин Б. О., Сакенова К. А. Подготовка квали-

фицированных рабочих кадров в Казахстане в 70-е годы. — Изв. АН Каз. ССР, сер. обществ. наук, 1985, № 1.

[29] См.: Чошанов С. Некоторые проблемы подготовки квалифицированной рабочей силы (На материалах ТССР). — Изв. АН Туркм. ССР, сер. обществ. наук, 1979; № 5; Сапаров Р. Вопросы обеспечения предприятий легкой промышленности рабочими кадрами массовых профессий. — Изв. АН Туркм. ССР, сер. обществ. наук, 1981, № 2; и др.

[30] См.: Шистер Г. А., Гуревич М. Н., Тетенева Л. Г. Руководство Компартии Узбекистана подготовкой рабочих кадров в условиях развитого социализма. Ташкент, 1981.

[31] См.: Тохтахунов М. Р. Указ. соч., с. 14.

[32] См.: Шистер Г. А. Источники пополнения рабочего класса Узбекистана на этапе развитого социализма. — История СССР, 1981, № 6.

[33] См.: Гуршумов И. П., Когай Р. Л. Подготовка рабочих кадров за пределами Таджикистана — метод управления мобильностью (социологический аспект). — Изв. АН Тадж. ССР, отд. обществ. наук, 1984, № 2.

[34] Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об обязательствах коллективов водохозяйственных и строительных организаций Узбекской ССР по оказанию помощи Ивановской и Новгородской областям в выполнении постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР». — Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. т. 11. М., 1977, с. 311—312.

[35] См.: Асылбеков М. Х. Формирование и развитие кадров железнодорожников Казахстана (1917—1970 гг.). Алма-Ата, 1973.

[36] См.: Зорин В. И. Сельскохозяйственный рабочий класс Казахстана: формирование, развитие, социальные изменения. Алма-Ата, 1972; Капесов Н. К. Социальные изменения в составе сельскохозяйственных тружеников Казахстана. Алма-Ата, 1977.

[37] См.: Михайлов Ф. К. Совхозное строительство в Казахстане (1946—1970 гг.). Алма-Ата, 1973.

[38] См., напр.: Аженов М. Указ. соч., с. 53; Туйгиев Т. Роль аграрного отряда рабочего класса в организации и совершенствовании социалистического соревнования на селе. — Изв. АН Тадж. ССР, отд. обществ. наук, 1980, № 4.

[39] См., напр.: История рабочего класса Таджикистана (1917—1970 гг.), т. II, гл. IV.

[40] См., напр.: Негматова М. А. Указ. соч.

[41] См.: Григорьянц А. Партийное руководство социалистическим соревнованием на этапе развитого социализма. Ташкент, 1981.

[42] См.: Жанайдаров У. А. Социалистическое соревнование в условиях хозяйственной реформы. Алма-Ата, 1971; Курманбаев А. С. Ленинские традиции развития социалистического соревнования в Казахстане (Партийное руководство социалистическим соревнованием рабочих Казахстана в 1946—1971 годы). Алма-Ата, 1972; Ашимбаев Т., Кунхожаев Н. Коммунистическая партия Казахстана в борьбе за научно-технический прогресс в промышленности. Алма-Ата, 1973; и др.

[43] См.: Туйгиев Т. Указ. соч.

[44] См.: Кжахов В. Изобретательство и рационализаторство в Казахстане. Алма-Ата, 1970; Ишмухамедов А. Рабочий класс и научно-техническая интеллигенция. Алма-Ата, 1977.

[45] См.: Нурмухамедов С. Б., Романов Ю. И. Рост общественно-политической активности трудящихся на современном этапе. — В кн.: Актуальные проблемы истории Советского Казахстана (к 60-летию Казахской ССР и Компартии Казахстана).

[46] См.: Тетенева Л. Г. Усиление ведущей роли рабочего класса в Советах Узб. ССР. — Общественные науки в Узбекистане, 1982, № 2.

[47] См.: Нурмухамедов С. Б., Романов Ю. И. Рост общественно-политической активности трудящихся на современном этапе, с. 230.

[48] См., напр.: Такежанов С. Т. Усть-Каменогорский свинцово-цинковый комбинат. М., 1970; Жабасов С. И. История развития ордена Ленина горнохимического комбината «Каратау». Алма-Ата, 1974; Излеутов К.

История строительства и развития Чимкентского фосфорного завода им. 50-летия Октябрьской революции (1959—1973 гг.). Алма-Ата, 1975; и др.

[49] См., напр.: Союз, рожденный Октябрем (Партия — организатор помощи рабочего класса сельскому хозяйству Казахстана). Алма-Ата, 1977; Деятельность Компартии Казахстана по укреплению союза рабочего класса и крестьянства. Алма-Ата, 1983.

[50] См.: Туракулова Х. Х. Развитие шефской помощи рабочего класса Узбекистана крестьянству на современном этапе. — Общественные науки в Узбекистане, 1981, № 3.

[51] См.: Акилов К., Баракаев Д. Рабочий класс Узбекистана и развитие художественной культуры. — Общественные науки в Узбекистане, 1981, № 10.

[52] См.: Носова Т. В. Художественная самодеятельность — одна из форм проявления творческой активности рабочей молодежи. — Изв. АН Туркм. ССР, сер. обществ. наук, 1980, № 3.

[53] См.: Востров В. В., Кауанова Х. А. Материальная культура казахского народа на современном этапе. Алма-Ата, 1972; Кауанова Х. А. Современные этнокультурные процессы среди горняков и металлургов Казахстана. — В кн.: Актуальные проблемы истории Советского Казахстана (К 60-летию Казахской ССР и Компартии Казахстана); Ее же. Образ жизни и быт рабочих семей. Алма-Ата, 1983.

[54] См., напр.: Шириязданов Ш. Х. Рабочий класс Киргизстана в условиях развитого социализма, с. 24; Асылбеков М. Х. Рабочий класс Казахстана в условиях развитого социализма и проблемы изучения его истории. — Изв. АН Каз. ССР, сер. обществ. наук, 1984, № 6, с. 7.

[55] Материалы XXVII съезда КПСС, с. 155.

Ю. Я. ТЕРЕЩЕНКО

ПРОФСОЮЗЫ В БОРЬБЕ ЗА ЕДИНСТВО РАБОЧЕГО КЛАССА И СПЛОЧЕНИЕ СОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИК

Большую роль в объединительном движении раскрепощенных Октябрьской революцией народов сыграли советские профсоюзы, что было обусловлено их местом в системе диктатуры пролетариата. Практически охватывая всех промышленных рабочих, они, по словам В. И. Ленина, заняли в политической жизни «самое центральное положение», стали «главным политическим органом» партийного влияния на миллионные массы трудящихся [1].

В данной статье предпринята попытка показать вклад советских профсоюзов в осуществление партийного курса на создание добровольного союза народов, вставших на путь социалистического строительства, укрепление их дружбы и братского сотрудничества. При этом главное внимание уделено освещению процесса объединения профсоюзов молодых советских республик в рамках единой организации во главе с ВЦСПС, а также выяснению влияния организационного единства рабочего класса на государственное сплочение трудящихся советских республик в Союз ССР, формирование новой исторической общности — советского народа. Тема раскрывается преимущественно на анализе деятельности профсоюзов РСФСР, Украинской ССР, советских республик Закавказья в 1918—1922 гг.

В исторической литературе вопрос о роли профсоюзов в создании государственного союза советских республик, укреплении ин-

тернационального единства народов нашей страны был поставлен уже в 20-е годы[2]. Однако в последующие десятилетия, вплоть до 60-х годов, он не получил должного освещения. Исследователи национальной политики партии ограничивались главным образом примерами поддержки профсоюзами курса Коммунистической партии на теснейшее сплочение народов нашей страны, а историки профсоюзного движения практически обходили вопрос об участии профсоюзов в решении задач ленинской национальной политики, а также сам факт создания единых профсоюзов в стране. Не ставился он и в историографических обзорах, посвященных как рабочему движению СССР в целом, так и профсоюзному в частности.

Впервые этот вопрос был затронут учеными Закавказья в год 40-летия образования СССР. Так, например, Е. С. Голиченкова отмечала, что курс партии на объединение профсоюзов Азербайджана, Армении и Грузии в рамках края и с профсоюзами РСФСР был вызван тем, что в 1920—1922 гг. их разобщенность являлась одним из серьезных тормозов в консолидации хозяйственных усилий республик и умножении творческих сил рабочего класса[3].

В конце 60-х — 70-е годы издан ряд работ, в которых тема получила свое дальнейшее развитие. В книгах В. А. Чирко, И. А. Зозули и А. Ф. Сурового отмечен вклад профсоюзов Украины в объединительное движение украинского и русского народов в 1918—1919 гг.[4] В монографии В. И. Носача подчеркнуто значение мартовского (1919 г.) решения ВЦСПС о воссоединении профсоюзов Украины, Белоруссии и Литвы с общероссийским профдвижением для становления и развития профсоюзного движения страны. В 1978 г. в ВШПД ВЦСПС была защищена первая кандидатская диссертация, посвященная участию профсоюзов в образовании СССР в 1921—1922 гг.[5] Ее автор Е. Г. Берберова на базе опубликованных и архивных источников продолжила начатую в 60-е годы советскими учеными работу по раскрытию роли профессиональных союзов в образовании ЗСФСР и СССР на заключительном этапе объединительного движения.

В 1982 г. была опубликована монография М. И. Куличенко, посвященная истории образования и развития Союза ССР[6]. В ней отмечена важность образования единых профсоюзов для государственного объединения братских республик, укрепления интернационального единства народов нашей страны. Автор ввел в научный оборот новые архивные материалы по истории борьбы Коммунистической партии за организационное сплочение рабочего класса Закавказья и РСФСР в 1920—1922 гг.

Показать тесную взаимосвязь и взаимообусловленность процессов организационного объединения рабочего класса и государственного сплочения трудящихся советских республик, раскрыть вклад советских профсоюзов в создание союзного социалистического государства, формирование новой исторической общности — советского народа — эта задача остается одной из актуальных как для историков советского рабочего класса, так и для исследователей ленинской национальной политики.

Объединение рабочих отрядов молодых национальных советских республик с рабочим классом РСФСР диктовалось рядом причин. С одной стороны, отстоять революционные завоевания и восстановить народное хозяйство возможно было лишь совместными усилиями. С другой, великодержавный шовинизм свергнутых классов, как и мелкобуржуазный шовинизм ранее угнетенных наций всячески препятствовали укреплению интернационального единства трудящихся многонациональной страны. Необходимо было время, чтобы переварить, переучить, перевоспитать все элементы старого общества, поставить их на службу рабочему классу. Остановка же многочисленных предприятий крупной промышленности в период гражданской войны и военной интервенции существенно подрывала жизненную силу, главную материальную базу для развития классового сознания рабочих. В этих условиях требовалась железная дисциплина и нерушимое единство партии, прочно опирающейся на профессионально объединенный рабочий класс всех советских республик.

Рабочий класс национальных республик в силу экономических и исторических причин несколько отличался от пролетариата России, в частности ее промышленных центров, таких как Петроград, Москва, Иваново-Вознесенск. Во-первых, он был слабее и малочисленнее. По данным ВЦСПС к концу 1921 г. профсоюзы Украины объединяли около 1400 тыс. членов, закавказских республик — около 200, в том числе Азербайджана — 121, Грузии — 45, Армении — 24 тыс. В это же время только в ЦПР России численность членов профсоюзов достигала 1418 тыс., в целом по стране — 8453 тыс. человек[7]. Во-вторых, и на Украине, и в Белоруссии, и в закавказских республиках рабочему классу не довелось так закалиться в борьбе, как московским и питерским рабочим. Организационное объединение республиканских отрядов рабочего класса с более опытным, политически сознательным и закаленным русским пролетариатом умножало их силы в социалистическом переустройстве республик со значительным крестьянским населением, укрепляло их ведущую роль в создании братского союза народов. Вместе с тем подобное объединение с неизбежностью требовало государственного союза республик, который один лишь мог придать интернациональному единству рабочего класса устойчивый характер.

Особое внимание вопросу объединения профессионального движения в масштабе всей страны было уделено на Первом Всероссийском съезде профсоюзов в январе 1918 г.[8] Призыв к объединению получил широкую поддержку среди рабочих Украины, второй после РСФСР республики, вставшей на путь социалистического строительства[9]. Однако австро-германская оккупация, насильственный разрыв федеративных связей между республиками по условиям Брестского мира поставили борьбу рабочих Советской России и Украины за идейно-политическое и организационное единство в тяжелейшие условия. Буржуазно-националистская контрреволюция надеялась, что в создавшейся обстановке ей удастся окон-

чательно оторвать украинское профдвижение от общероссийского, украинский народ — от русского.

Коммунистическая партия понимала, что сохранение организационного единства русских и украинских рабочих в период временного поражения Советской власти на Украине является необходимым условием восстановления диктатуры пролетариата в республике, гарантией будущего тесного государственного союза братских народов. Поэтому уже в марте 1918 г. большевистская фракция IV Всероссийской конференции профсоюзов подчеркнула принципиальную важность сохранения связей с профсоюзами Украины и других оккупированных областей. Обсудив доклад Г. В. Чичерина «Условия мира и профессиональные союзы», конференция решительно заявила, что, «несмотря на аннексию германским империализмом областей, населенных пролетариатом, который входит во Всероссийское профессиональное объединение, российское профессиональное движение остается единым и неделимым». Конференция обязала ВЦСПС приложить все усилия, чтобы восстановить организационные связи с пролетариатом оккупированных областей [10].

30 апреля 1918 г. Президиум ВЦСПС выступил со специальной декларацией, в которой подчеркнул, что ВЦСПС является идейным и практическим руководителем профдвижения как России, так и Украины, «символом братского единения рабочих разных национальностей, которые населяют эту территорию, единства и неделимости пролетарского профессионального движения» [11]. Ярким доказательством нерушимости пролетарской солидарности явилась широкая кампания помощи украинским железнодорожникам в период их забастовки в июле — августе 1918 г., организованная ВЦСПС среди рабочих и служащих Советской России. ВЦСПС собрал и отправил забастовочному комитету свыше миллиона рублей, помощь была оказана также военными специалистами, оружием, боеприпасами [12].

На Украине процесс объединения профессиональных организаций возглавила Коммунистическая партия республики, созданная в июле 1918 г. как составная часть единой РКП(б). На своем первом съезде она указала на глубокую экономическую связь двух республик, которая создала крепкий фундамент для единства революционной борьбы пролетариата Украины и РСФСР, и призвала украинских коммунистов еще решительнее бороться за национальное и социальное освобождение Украины и ее государственное объединение с Советской Россией [13].

После краха австро-германской оккупации и восстановления Советской власти на Украине ВЦСПС поставил на повестку дня вопрос организационного слияния украинского профдвижения с общероссийским. Этому было посвящено специальное заседание Президиума ВЦСПС 19 февраля 1919 г., на котором приняли решение послать на Украину делегацию для переговоров по данному вопросу [14]. Результатом переговоров явилось достигнутое 24 февраля 1919 г. соглашение об объединении профсоюзов. Окон-

чательное решение по вопросу организационного единства планировалось провести через республиканские профсоюзные съезды [15].

В марте 1919 г. над советскими республиками нависла грозная опасность. На Востоке было развернуто широкое наступление колчаковских войск — ударной силы мирового империализма в борьбе против Советской власти. Единство рядов рабочего класса стало насущной необходимостью. Учитывая сложившиеся обстоятельства, исходя из интересов усиления организованной совместной борьбы с контрреволюцией и проведения единой экономической политики в обеих республиках, ВЦСПС высказался за «немедленное слияние украинского профессионального движения с общероссийским движением», рассматривая его как «одно из предварительных условий» объединения Украины и России. В принятом 5 марта 1919 г. решении ВЦСПС указал на важность организовать среди широких масс кампанию за воссоединение профдвижения, стремясь к тому, чтобы украинский рабочий класс открыто высказал свою волю по этому вопросу, закрепив ее в решениях съезда профсоюзов Украинской ССР, созыв которого намечался на апрель 1919 г. [16]

Эта линия ВЦСПС, разработанная совместно с представителями профсоюзов Украины, получила принципиальную поддержку В. И. Ленина. 19 марта 1919 г., выступая на VIII съезде партии по вопросу о партийной программе и возражая Пятакову, который требовал единства республик «во что бы то ни стало», Ленин указал, что, конечно, нам нужно это единство. Но добиваться его необходимо пропагандой, агитацией, партийным влиянием, добровольным союзом, созданием единых профессиональных союзов [17].

В марте — апреле 1919 г. на Украине развернулся широкий процесс очищения профсоюзов от оппортунистических элементов и превращения их в боевые революционные организации пролетариата. Благодаря большому авторитету большевистской партии в массах на губернских профсоюзных конференциях, состоявшихся весной 1919 г., большинство делегатов составили коммунисты. Например, на съезде металлистов, крупнейшего республиканского профсоюза, из 126 делегатов 75 являлись коммунистами и им сочувствующими [18].

6 марта 1919 г. III съезд Советов Украины провозгласил Киев столицей республики. Столичные профсоюзы в лице своих большевистских представителей провели в конце марта специальное собрание по вопросу интернационального объединения рабочего класса Украины и России. В принятой резолюции они всецело присоединились к решению ВЦСПС и обязали коммунистов во всех профорганах «развить самую широкую агитацию по воссоединению профессионального движения Украины с общероссийским» [19].

После большой организаторской и пропагандистской работы КП(б)У среди масс в середине апреля 1919 г. состоялся I Всеукраинский съезд профсоюзов, на котором присутствовало 640 делегатов с решающим голосом, представлявших 550 тыс. профессионально организованных рабочих освобожденных районов Украи-

ны. Из них более половины являлись коммунистами и им сочувствующими[20]. На этих делегатах лежала главная ответственность по проведению в жизнь партийного курса на укрепление единства действий пролетариев России и Украины, без которого, как указывал В. И. Ленин, о свободной Украине «не может быть и речи»[21].

Основное внимание в работе съезда было уделено вопросу взаимодействия профсоюзов двух братских республик и в связи с ним более широкому вопросу — о государственных отношениях Украины и России. Делегаты в своих выступлениях отмечали, что спаять в единый социалистический фронт рабочих всех советских республик, «окончательно объединить Россию в единую социалистическую страну» — насущная задача профсоюзов. Только таким путем можно добиться торжества этого дела. На съезде самым решительным образом были осуждены попытки создания экономических или политических барьеров между рабочими советских республик. Съезд высказался за организационное слияние республиканских профсоюзов[22].

В ходе обсуждения вопроса о формах государственных взаимоотношений между Украинской ССР и РСФСР ряд делегатов съезда выступили против государственной федерации, за упразднение Совнаркома Украины[23]. Подобные взгляды отражали распространенное в то время в КП(б)У мнение о необходимости полного слияния республик. Отмечая эти взгляды, В. И. Ленин предупреждал, что, несмотря на чрезвычайную остроту национального вопроса — быть ли Украине независимой республикой, состоять ли ей в федеративном союзе с РСФСР или же слиться с Россией в единую Советскую республику, — он «не основной, не важный, второстепенный». Из-за этого вопроса коммунисты расходиться не должны. При любом его решении необходимо сохранить единство в борьбе против капитала, за диктатуру пролетариата. И здесь русские и украинские рабочие «должны идти теснейшим союзом, ибо поодиночке нам, наверное, не справиться»[24].

В единогласно принятой резолюции по вопросам оргстроительства съезд от имени рабочего класса Украины заявил о своем неразрывном единстве с профсоюзами братской Советской России, подчеркнув, что это единство является залогом экономической и политической победы Советской России над силами империалистической реакции, укрепления добровольного союза народов. В целях тесного организационного единства профдвижения и усиления борьбы с мелкобуржуазным меньшевистским влиянием на рабочий класс Украины съезд высказался против создания особого украинского центра профсоюзов. Руководство ими возлагалось на ВЦСПС, который осуществлял его через свое южное представительство (Южбюро ВЦСПС)[25].

Решения I Всеукраинского съезда профсоюзов, явившиеся концентрированным выражением интернационалистской сущности рабочего движения, возглавляемого Коммунистической партией, сыграли мобилизующую роль для трудящихся других советских рес-

публик. В том же месяце о своем вступлении во Всероссийское объединение на правах его органической составной части заявили профсоюзы Литвы и Белоруссии, отметившие на совещании своих представителей в апреле 1919 г., что они считают для себя безусловно обязательными все решения и резолюции всероссийских съездов профсоюзов [26]. Вслед за этим в июле 1919 г. о своем единстве с профсоюзами РСФСР заявил I съезд туркестанских советов профсоюзов [27].

В сложной обстановке оказалось профдвижение Советской Латвии, где состоявшийся в марте 1919 г. I съезд профсоюзов заявил о превращении союзов в «учреждение рабочего государства». ВЦСПС впоследствии отмечал, что, став на противоречащую решениям II Всероссийского съезда профсоюзов позицию огосударствления, союзы Латвии тем самым «порвали с российским профессиональным движением» и значительно ослабили свое влияние среди латышских рабочих [28]. Последующие попытки пересмотреть взятый курс и установить тесную организационную связь профсоюзов Латвии с профсоюзами РСФСР были прерваны оккупацией Латвии и установлением буржуазной диктатуры.

Несмотря на трудности становления профессионального движения в Латвии, в целом интернациональное единство пролетарских рядов в самых массовых организациях рабочего класса способствовало созданию военно-политического союза братских республик в годы гражданской войны. Согласно Декрету ВЦИК от 1 июня 1919 г. о военном единстве советских республик объединялись не только их военные силы, но и советы народного хозяйства, управления железных дорог, комиссариаты труда [29], т. е. те органы, в деятельности которых профсоюзы принимали самое непосредственное участие.

Летом 1919 г. объединенные силы контрреволюции смогли подавить Советскую власть в Прибалтике, Белоруссии, на Украине. Интернациональное единство рабочего класса было вновь нарушено. В профсоюзах Украины, как и в период германской оккупации, укрепились меньшевики, опиравшиеся в конечном итоге на штыки деникинских войск. В противовес их курсу подчинить рабочее движение республики интересам национальной буржуазии Южбюро ВЦСПС 11 августа 1919 г. приняло постановление, в котором подчеркнуло необходимость «отстаивать экономическое единство российского и украинского пролетариата и вести самую решительную борьбу» с политическими взглядами меньшевиков и их единомышленников [30].

Деникинская оккупация еще раз убедительно показала важность и необходимость тесного единства рабочих советских республик. В декабре 1919 г., отмечая уроки деникинщины, В. И. Ленин писал: «...если мы не сумеем сохранить теснейшего союза между собой, союза против Деникина, союза против капиталистов и кулаков наших стран и всех стран, тогда дело труда наверное погибнет на долгие годы в том смысле, что и Советскую Украину и Советскую Россию тогда *смогут* задавить и задушить капитали-

сты»[31]. Эти слова Ленин адресовал рабочим и крестьянам Украины.

Тесное организационное единство рабочих Украины и России было восстановлено после разгрома нового похода Антанты и белополяков. К концу 1920 г., с окончанием гражданской войны и военной интервенции, завершилось полное воссоединение профдвижения братских республик на основе признания диктатуры пролетариата и руководящей роли Коммунистической партии. Меньшевистская теория «нейтральности», «независимости» профсоюзов как от пролетарского государства, так и от рабочего класса РСФСР потерпела среди рабочих Советской Украины окончательный политический и идейный крах. В декабре 1920 г. Украинская ССР и РСФСР заключили между собой договор о тесном федеративном союзе и братском сотрудничестве в военной и хозяйственной областях[32]. Отразив стремление трудящихся масс обеих республик к государственному единству, этот договор вместе с тем укреплял и расширял основы профессионального сотрудничества рабочего класса Украины и России в деле социалистического строительства, в укреплении дружбы народов. Однако прочное решение этого вопроса было связано с государственным сплочением всех советских республик.

Объединение профдвижения РСФСР и Украинской ССР, первыми вставших на путь строительства нового общества, имело определяющее значение в деле укрепления рядов рабочего класса. Оно послужило образцом решения национального вопроса в самых массовых организациях рабочих, через которые партия влияла на миллионные беспартийные массы трудящихся в новых условиях — условиях диктатуры пролетариата. Это позволило коммунистам во многом ускорить работу по созданию более тесного федеративного союза советских республик, которая широко развернулась после X съезда РКП(б).

Организационное единство рабочих Украины и России явилось примером для профсоюзов Закавказья, проделавших в 1920—1922 гг. огромную работу по объединению советских республик. Тесная сплоченность рабочих края между собой и с рабочим классом РСФСР имела чрезвычайное значение для укрепления диктатуры пролетариата в Азербайджане, Армении и Грузии в силу малочисленности и распыленности их рабочего класса. Интересы укрепления Советской власти и установления национального мира в крае потребовали прежде всего создания организационного единства рабочих в масштабе трех республик.

В Закавказье первыми власть в свои руки взяли трудящиеся Азербайджана. Пролетариат республики сразу твердо и открыто заявил о своем единстве с рабочим классом РСФСР. В ноябре 1920 г. I съезд профсоюзов Азербайджана принял постановление о полном вхождении профсоюзов республики во всероссийское профдвижение в качестве его составной части, соответственным образом строя союзные организации[33].

С победой Советской власти в Армении и Грузии рабочими мас-

сами Закавказья был поднят вопрос о создании единого краевого профсоюзного объединения. Инициатором объединительного движения выступил рабочий класс Азербайджана. Уже 19 мая 1921 г. президиум АСПС наметил включить в повестку дня предстоявшего съезда профсоюзов республики вопрос об объединении профсоюзов Закавказья [34].

II съезд профсоюзов Азербайджана состоялся в июле 1921 г. Он высказался за полное организационное объединение закавказских профсоюзов в рамках края и с профдвижением РСФСР. От имени рабочего класса республики съезд обратился к рабочим Грузии, Армении и Абхазии с призывом поддержать их движение за интернациональное единство рабочих всех советских республик [35].

Призыв поддержали рабочие края. 20 августа 1921 г. I съезд профсоюзов Армении от имени 25 тыс. членов профессиональных союзов единогласно постановил присоединиться к воззванию азербайджанских товарищей, тесным организационным единством подтвердить свою верность пролетарскому интернационализму [36].

В том же месяце в Тифлисе состоялся объединительный съезд железнодорожников края, самого крупного после горняков отряда рабочего класса Закавказья. Он заложил основу для создания единого управления объединенных железных дорог, а также положил начало процессу организационного объединения закавказского пролетариата. Приветствуя съезд от имени ЦК РКП(б), Г. К. Орджоникидзе назвал его «первой братской встречей» рабочих края [37]. Съезд направил приветствие В. И. Ленину, в котором отмечалось: «С железнодорожного транспорта началось экономическое объединение Закавказья. Наш съезд первый начал профессиональное объединение пролетариата Закавказья. Мы выразили на съезде уверенность в том, что экономическое и профессиональное объединение Закавказья пройдет быстрыми шагами вперед» [38]. Осенью того же года произошло объединение крупнейшего в крае профсоюза горняков.

В Грузии движению рабочего класса за организационное единство с рабочими других советских республик пришлось преодолеть ряд трудностей. Грузия позже других республик края стала на путь социалистического строительства и здесь более отчетливо проявились результаты националистической политики меньшевиков. Процесс укрепления единства профсоюзов Грузии со всероссийским профсоюзным движением проходил в условиях ожесточенной борьбы с националистическими элементами, всячески пытавшимися сорвать налаживание братских связей профсоюзов, а через них не допустить и государственного союза закавказских республик с Советской Россией.

Некоторые руководители профдвижения Грузии пренебрежительно отнеслись к решению Кавбюро ВЦСПС (апрель, 1921 г.) развернуть работу в Тифлисе, который являлся административно-политическим центром Закавказья. Свою позицию они мотивировали тем, что якобы пребывание в республике всероссийского

представительства «может быть понято массами как покушение на независимость Грузии». Они выступили и против курса на объединение профсоюзов республики, считая его «политически нецелесообразным» [39].

Дальнейшие события показали, что эта позиция не отражала действительных интересов рабочего класса Грузии, как пытались ее представить националисты, и являлась выражением мелкобуржуазных взглядов известных слоев населения. «Кавказский рабочий», политико-экономический ежемесячник Кавбюро ЦК РКП(б), сообщал, что националистические настроения затронули лишь «отдельные интеллигентские союзы», в то время как у профессионально организованного рабочего класса «тяга к объединению была весьма велика» [40].

Учитывая, что в руководстве профсоюзов республики еще находились националистические элементы, ЦК Компартии Грузии 16 апреля 1921 г. принял специальное решение, в котором указал, что «связь профсоюзов Грузии с профсоюзами России должна строиться на тех же основаниях, на каких строится связь Компартии Грузии с РКП» [41]. Эта позиция нашла широкую поддержку в рабочих массах.

Уже на первом пленуме Совпрофа Грузии в начале апреля 1921 г. при участии Кавбюро ВЦСПС и представителей правлений союзов бурными аплодисментами было встречено заявление Кавбюро о необходимости тесного единства профдвижения Грузии и РСФСР [42]. В конце апреля следующий пленум СПС Грузии совместно с правлениями союзов и всех завкомов принял решение послать своих делегатов на IV Всероссийский съезд профсоюзов, чтобы «учиться у российского пролетариата, использовать 3-летний опыт его борьбы... ближе участвовать в строительстве новой жизни» [43].

Учитывая это стремление рабочих братских республик, В. И. Ленин советовал коммунистам Кавказа «не копировать нашей тактики, а самостоятельно продумывать причины ее своеобразия, условия и итоги ее, применять у себя не букву, а дух, смысл, уроки опыта 1917—1921 годов» [44].

В середине июня 1921 г. состоялся I съезд профсоюзов Грузии. Он высказался за полное объединение рабочего класса закавказских республик в рамках края и с профсоюзами РСФСР [45].

3 октября 1921 г. II съезд профсоюзов Абхазии всецело поддержал лозунг объединения рабочего класса Закавказья и Советской России, выдвинутый союзами Азербайджана [46].

С конца 1921 г. движение за объединение профсоюзов неразрывно связывается с борьбой за государственное сплочение республик. Если в 1919 г. объединение профсоюзов РСФСР с профсоюзами братских республик явилось одним из главных условий создания военно-политического союза, то объединение закавказского пролетариата с рабочим классом России явилось необходимым условием создания Закавказской федерации как неразрывной составной части будущего Союза ССР. Процессы профсоюзного и государственного объединения были тесно переплетены и взаимо-

связаны. Иначе и быть не могло. Они развивались под руководством Коммунистической партии, которая ясно сознавала, что добровольный союз братских народов может сформироваться и укрепиться лишь опираясь на единый организационно оформленный пролетарский фронт, а само профессиональное движение может получить свое дальнейшее развитие благодаря тесному государственному союзу советских республик.

3 ноября 1921 г. Кавбюро ЦК РКП(б) приняло решение о неотложной необходимости заключить федеративный союз закавказских республик. Курс на образование Закавказской федерации был принципиально одобрен Политбюро ЦК РКП(б) и лично В. И. Лениным, который рекомендовал обсудить это решение в массах, донести его до масс и провести через Советы [47].

Во главе начавшегося широкого движения трудящихся края за федерацию шел бакинский рабочий класс, самый закаленный отряд рабочего класса Закавказья. 1 декабря 1921 г. в Баку состоялся расширенный Пленум АСПС совместно с представителями фабзавкомов и месткомов. Основное внимание в его работе было сосредоточено на вопросе федерации закавказских республик. Участники пленума отметили, что взятый курс на федеративный союз «это еще не есть та цель, которую мы преследуем. Это не есть совершенное объединение Закавказья, но это второй (после объединения железных дорог и внешней торговли. — *Ю. Т.*) очень большой шаг на пути к объединению закавказских республик во всех отношениях» [48].

Пленум принял резолюцию, одобрившую намеченный партией план федерации Закавказья. «Только с установлением в Закавказье Советской власти, — говорилось в ней, — трудящиеся всех трех республик вновь получили возможность протянуть друг другу руки и единое Закавказье восстанавливается ныне, как свободный тесный союз братских независимых советских республик, объединяющихся в Закавказскую федерацию» [49].

7 декабря 1921 г. Малый президиум АСПС принял решение выработать в ближайший срок план кампании в пользу федерации и создания единого профдвижения края [50].

Партийный курс на создание Закавказской федерации широко поддержали трудящиеся массы Грузии. Отмечая политическую активность рабочих, «Правда Грузии» сообщала, что «доклады ответственных работников о федерации на всех митингах вызывали общее воодушевление и громадный энтузиазм» [51].

25 ноября общее собрание рабочих Главных железнодорожных мастерских Тифлиса, на котором присутствовало около двух тысяч человек, приняло по докладу Г. К. Орджоникидзе резолюцию, горячо одобрившую федерацию закавказских республик [52].

5 декабря 1921 г. Совпроф Грузии обратился ко всем профорганизациям республики с призывом поддержать решение Кавбюро ЦК РКП(б) о федерации. В нем отмечалось: «Необходимо, чтобы все трудящиеся всего Закавказья, и, в частности, всей Грузии, честно и открыто выявили свое отношение к этому, самой

историей революции вызванному весьма знаменательному для Закавказья историческому факту. И вот для этой цели необходимо на всех конференциях и собраниях трудящихся Грузии ставить вопрос о федерации закавказских республик и выслушивать мнение самих трудящихся» [53].

19 декабря 1921 г. общее собрание железнодорожников столицы Армении приняло резолюцию в поддержку предстоявшего государственного объединения Закавказья [54]. Единодушие было проявлено и на общегородской конференции профсоюзов и всех месткомов г. Эривани, которая от имени 14 тыс. членов профсоюзов города приветствовала решение Кавбюро ЦК РКП(б) о федерации [55].

Делая обзор профессионального движения края, орготдел Кавбюро ВЦСПС отмечал, что все проходившие съезды и конференции выносили общие решения о необходимости скорейшего объединения кавказского профдвижения в рамках края и с профсоюзами РСФСР [56].

7 декабря 1921 г. Второе краевое партийное совещание приняло решение «перейти из области агитации и пропаганды идеи федерации к дальнейшему углублению и расширению работы в сторону скорейшего практического осуществления федерации через Советы». Предусматривалось также, что эта федерация установит взаимоотношения с РСФСР на основе союзного договора [57].

Приветствуя курс партии на практическое осуществление федерации, газета «Бакинский рабочий» подчеркивала: «В основе этой федерации должно быть заложено полное единство не только идейное, но и практическое и организационное всего пролетарского Закавказья» [58].

После большой разъяснительной работы коммунистов в пользу государственного и профессионального объединения в феврале 1922 г. были проведены съезды и конференции профсоюзов края. II съезд профсоюзов Грузии, I конференция профсоюзов Армении, уездные конференции профсоюзов Азербайджана поддержали партийный курс на федеративное объединение республик Закавказья и высказались в пользу скорейшего объединения профсоюзов Закавказья в рамках края и с профсоюзами РСФСР [59].

Одной из важных вех в истории борьбы рабочего класса Закавказья за упрочение братского союза между трудящимися края и Советской России явился I съезд коммунистических организаций закавказских республик, состоявшийся в феврале 1922 г. Он закрепил существование единой централизованной партийной организации Закавказья во главе с Краевым комитетом как неотъемлемой части РКП(б).

В практической плоскости на съезде решался вопрос о федерации. Были утверждены проект Союзного договора закавказских советских социалистических республик — Азербайджана, Армении, Грузии и Положение о Высшем экономическом совете.

Большое внимание съезд уделил работе партии в профсоюзах. Исходя из интересов укрепления Советской власти в крае, установления тесного государственного союза, а также учитывая настроения широких масс трудящихся, съезд постановил «на деле осуществить объединение профдвижения Закавказья и осуществить тесную органическую связь его с российским профдвижением» [60].

Закрепленное I съездом организационное единство коммунистических организаций Закавказья, авангарда рабочих края, позволило успешно завершить объединение профессионального движения. Решения партийного съезда указали профсоюзам, в каком направлении и как необходимо осуществить это объединение, а также правильно ориентировали их в вопросе образования федерации.

В начале марта 1922 г. в Тифлисе состоялся I Закавказский съезд профсоюзов. Из 253 делегатов съезда 215 являлись коммунистами, 33 — беспартийными, 5 — представителями других партий [61]. Подавляющее большинство коммунистов среди делегатов съезда было свидетельством единодушия политических убеждений закавказского пролетариата, высокого авторитета Коммунистической партии среди рабочих.

Ко дню открытия съезда все профессиональные организации края высказали свое отношение к предстоявшему объединению профдвижения и образованию Закавказской федерации. Исходя из этого, объединительный съезд закрепил организационное единство профессионального движения в закавказском масштабе, отметив, что оно входит одновременно во всероссийское профдвижение как его органическая составная часть [62]. Этим решением было последовательно проведено в жизнь требование В. И. Ленина о полном слиянии рабочих разных национальностей в единых организациях, значение которого после завоевания рабочим классом государственной власти чрезвычайно выросло. Под руководством партии профсоюзы Закавказья разгромили проникшие в их ряды националистические элементы, установили нерушимое единство со всероссийским профсоюзным движением. Это способствовало укреплению братских отношений между народами советских республик Закавказья и России.

Закрепление организационного единства рабочего класса имело огромное значение для усиления его ведущей роли как в экономической, так и в общественно-политической жизни, в образовании и укреплении государственного союза советских республик.

Учитывая значение этого союза для развития Советской власти, краевой объединительный съезд профсоюзов одним из первых вопросов на повестку дня поставил доклад о ходе работ по созданию Закавказской федерации. Глубокое понимание значения единства рабочего класса в борьбе за создание союза республик отчетливо видно из пункта «3» резолюции съезда о федерации. «Учитывая тесное экономическое и политическое единство советских республик, — отмечено в нем, — съезд, осуществля-

ющий единство закавказского профдвижения, закладывает тем самым твердый фундамент для осуществления дальнейшего развития и упрочения советской федерации закавказских республик, укрепляя этим Советскую власть как в отдельных закавказских республиках, так и в общезакавказском масштабе»[63].

Принимая решение о Закавказской федерации, съезд призвал рабочий класс края последовательно бороться за «тесное единение всех советских республик»[64].

В середине марта 1922 г. был создан Федеративный Союз республик Закавказья, явившийся прологом оформления единого государственного союза республик края. I Закавказский съезд Советов (10 декабря — 13 декабря 1922 г.) преобразовал Федеративный Союз (ФСССРЗ) в Федеративную республику (ЗСФСР), что явилось важным шагом на пути образования Союза ССР, прообразом единого союза.

30 декабря 1922 г. исторический I съезд Советов Союза ССР, выражая и закрепляя волю народов советских республик, одобрил Декларацию и Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик, законодательно оформив добровольное объединение равноправных народов. «Только в лагере Советов, — отмечалось в Декларации, — только в условиях диктатуры пролетариата, сплотившей вокруг себя большинство населения, оказалось возможным уничтожить в корне национальный гнет, создать обстановку взаимного доверия и заложить основы братского сотрудничества народов»[65]. Среди этих основ, сцементировавших союз раскрепощенных революцией народов, были и созданные партией единые профессиональные союзы. Единые профсоюзы стали важнейшей опорой Коммунистической партии в деле укрепления государственных связей советских республик, дружбы и братского сотрудничества народов Страны Советов.

Узы братской дружбы народов бывшей Российской империи скрепила общая борьба против самодержавия и капитализма. Революционное единство народов стало непобедимой силой, когда его сцементировали мощь марксистско-ленинских идей, неустанная организаторская деятельность партии большевиков — партии интернационалистов-ленинцев.

Возглавив объединительное движение народов, русский рабочий класс не навязывал им свою волю к объединению, а последовательным интернационализмом, самоотверженным трудом завоевал доверие трудящихся других наций, которых сама жизнь, интернационалистская сущность Советской власти толкали к теснейшему единству. Создание единых профессиональных союзов советских республик укрепило ведущую роль рабочего класса в объединительном движении народов, в формировании интернациональной общности людей. Русский рабочий класс явился авангардом республиканских отрядов рабочего класса. РСФСР стала ядром интернационального сплочения трудящихся всех наций.

Единая Коммунистическая партия и единые профсоюзы, ко-

торыми руководила и на которые опиралась партия в решении задач хозяйственного и национально-государственного строительства, явились социально-классовым фундаментом создания и развития Союза ССР, дружбы и братства народов нашей страны.

Вся история профессионального движения в нашей стране подтверждает, что профсоюзы являются верным помощником КПСС в деле интернационального сплочения трудящихся, осуществления ленинской национальной политики, ускоренного продвижения советского народа по пути коммунистического созидания.

На XVII съезде профсоюзов СССР было подчеркнуто, что советские профсоюзы будут играть все большую роль в дальнейшем развитии нашего великого многонационального государства[66].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 442.

[2] См.: Гинзбург А. Профсоюзы и национальный вопрос. М., 1925; Радченко А. Ф. Десять лет профдвижения Украины. Харьков, 1928.

[3] См.: Голиченкова Е. С. Коммунистическая партия Азербайджана в борьбе за создание Закавказской федерации. — В кн.: 40 лет СССР и Закавказской федерации. Баку, 1962, с. 90—128.

[4] См.: Чирко В. А. Коммунистическая партия — организатор братского сотрудничества народов Украины и России в 1917—1922 гг. М., 1967; Зозуля И. А., Суровый А. Ф. Партийное руководство профсоюзным движением на Украине в период гражданской войны. Киев, 1979.

[5] См.: Носач В. И. Профсоюзы Советской России в годы гражданской войны 1918—1920 гг. М., 1978; Берберова Е. Г. Роль профсоюзов в образовании Союза ССР (1921—1922 гг.). Канд. дис. М., 1978.

[6] См.: Куличенко М. И. Образование и развитие Союза ССР (Проблемы теории, программы и политики КПСС). Ереван, 1982.

[7] Отчет Всероссийского Центрального Совета профессиональных союзов с мая 1921 г. по апрель 1922 г. Пг., 1922, с. 27, 28. К осени 1922 г. общая численность членов профсоюзов сократилась до 5 млн. человек, что было вызвано, во-первых и главным образом, жестким сокращением числа промышленных предприятий, во-вторых, в связи с введением добровольного членства, уходом из профсоюзов элементов, случайно связанных с рабочим классом, в-третьих, улучшением системы учета в профсоюзах (Стеногр. отчет Пятого Всероссийского съезда профессиональных союзов. 17—22 сентября 1922 г. М., 1922, с. 43).

[8] Профсоюзы СССР. Документы и материалы, т. II. М., 1963, с. 8.

[9] Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине (февраль 1917 — апрель 1918 г.). Сб. документов и материалов, т. 3. Киев, 1957, с. 739, 817 и др.

[10] См.: Зозуля И. А., Суровый А. Ф. Указ. соч., с. 48.

[11] Там же, с. 50.

[12] Известия ВЦИК, 1918, 1 авг., 5 сент.

[13] Коммунистическая партия Украины в резолюциях и решениях съездов и конференций. Киев, 1958, с. 17.

[14] См.: Зозуля И. А., Суровый А. Ф. Указ. соч., с. 53.

[15] См.: Чирко В. А. Указ. соч., с. 132.

[16] Профсоюзы СССР, т. II, с. 219—220.

[17] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 183, 184.

[18] См.: Слуцкий А., Сидоренко В. Профсоюзы Украины после победы Великого Октября. М., 1961, с. 39.

[19] Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор объединительного движения украинского народа за образование СССР. Сб. документов и материалов, 2-е изд., доп. Киев, 1972, с. 146.

[20] ЦГАОР УССР, ф. 2605, оп. 1, д. 2, л. 25.
[21] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 128.
[22] ЦГАОР УССР, ф. 2605, оп. 1, д. 3, л. 3.
[23] Там же, д. 2, л. 85, 86.
[24] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 42, 44, 45, 47.
[25] Профсоюзы СССР, т. II, с. 221—223.
[26] Там же, с. 220.
[27] Там же, с. 223.
[28] Отчет Всероссийского Центрального Совета профессиональных союзов за 1919 год. М., 1920, с. 51.
[29] Образование Союза Советских Социалистических Республик. Сб. док. М., 1972, с. 103.
[30] См.: Гимпельсон Е. Г. Страница из истории профсоюзов. — ВИ, 1955, № 7, с. 126.
[31] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 47.
[32] Образование Союза Советских Социалистических Республик, с. 166—168.
[33] Кавказский рабочий, 1922, № 4, с. 47.
[34] ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 5, д. 158, л. 35.
[35] Советское содружество народов (Объединительное движение и образование СССР). Сб. док. 1917—1922. М., 1972, с. 226.
[36] Кавказский рабочий, 1922, № 4, с. 48.
[37] Орджоникидзе Г. К. Статьи и речи, т. I. М., 1956, с. 205.
[38] Трудящиеся Грузии — В. И. Ленину (1921—1924 гг.). Сб. док. Тбилиси, 1964, с. 34.
[39] ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 5, д. 221, л. 72, 73.
[40] Кавказский рабочий, 1922, № 4, с. 48.
[41] См.: Куличенко М. И. Образование и развитие Союза ССР, с. 158.
[42] ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 5, д. 221, л. 73.
[43] Там же, д. 162, л. 19.
[44] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 200.
[45] См.: Пясецкий Г. Профессиональное движение в Советской Грузии. Тифлис, 1924, с. 25.
[46] ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 5, д. 221, л. 112.
[47] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 255.
[48] ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 5, д. 139, л. 4.
[49] За образование Союза Советских Социалистических Республик. Большевики во главе борьбы трудящихся Закавказья за создание СССР. (Док. и матер.). Тбилиси, 1972, с. 371.
[50] ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 5, д. 139, л. 6.
[51] Правда Грузии, 30 ноября 1921 г.
[52] См.: Ментешашвили А. М. Большевистская пресса Закавказья в борьбе за создание Закавказской федерации и Союза ССР (1921—1922 гг.) Тбилиси, 1972, с. 81.
[53] Правда Грузии, 7 декабря 1921 г.
[54] Наша Правда, 25 декабря 1921 г.
[55] Известия Кавказского Бюро ЦК РКП(б), 1922, № 1, с. 18.
[56] ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 5, д. 221, л. 79.
[57] Известия Кавказского Бюро ЦК РКП(б), 1922, № 1, с. 5—6.
[58] Бакинский рабочий, 1922, 17 февр.
[59] См.: Пясецкий Г. Указ. соч., с. 26; Наша Правда, 1922, 4 марта; 40 лет СССР и Закавказской федерации, с. 245, 246. В Азербайджане республиканский съезд профсоюзов в начале 1922 г. не созывался.
[60] Известия Заккрайкома ЦК РКП(б), 1922, № 3, с. 14.
[61] Закавказский рабочий, 1922, № 4, с. 48.
[62] Там же, с. 49.
[63] За образование Союза Советских Социалистических Республик. Большевики во главе борьбы трудящихся Закавказья за создание СССР, с. 386.
[64] Там же, с. 387.
[65] Образование Союза Советских Социалистических Республик, с. 380.
[66] Коммунист, 1982, № 5, с. 23.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ ОБЩНОСТИ

А. П. СЕРЦОВА, Г. Т. ТАВАДОВ, В. Д. МАСЛИХИН

РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОГО НАРОДА И ЕГО РОЛЬ В УСКОРЕНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОГРЕССА

Великая Октябрьская социалистическая революция явилась исходным рубежом становления советского народа как новой социальной и интернациональной общности людей. «Октябрь разбил цепи социального и национального гнета, поднял к самостоятельному историческому творчеству все народы нашей страны. Установление власти рабочего класса, общественной собственности на средства производства заложило прочный фундамент свободного развития всех наций и народностей, их тесного единства и дружбы» [1].

Формирование и развитие новой общности людей — закономерный результат исторического восхождения социализма. В наши дни, отмечается в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии, «советский народ выступает как качественно новая социальная и интернациональная общность, спаянная единством экономических интересов, идеологии и политических целей» [2].

Как известно, возникновение и функционирование новой исторической общности неразрывно связаны с общими, присущими всей мировой истории, процессами интеграции и дифференциации. Классики марксизма-ленинизма подчеркивали преобладающую роль интеграции в социальном прогрессе человечества. Ф. Энгельс отмечал ее проявление в объединении, нередко даже ассимиляции народов со времени великого переселения. Он характеризовал этот процесс как «одно из самых могучих средств» [3] социального прогресса. В. И. Ленин отмечал усиление действия этой тенденции при капитализме. «...Капиталистическое общество, — писал он, — увеличивает потребность населения в союзе, в объединении и придает этим объединениям особый характер, сравнительно с объединениями прежних времен» [4].

Объективно обусловленную тенденцию к установлению всесторонних связей и зависимостей между нациями нельзя рассматривать в отрыве от тех социально-экономических и политических условий, в которых она осуществляется. В капиталистическом обществе эта тенденция реализуется в крайне противоречивых антагонистических формах. Насилие, угнетение, привилегированное положение одного народа по отношению к другому — таковы

они. Поэтому образование целостной, завершенной, внутренне непротиворечивой единой многонациональной системы в условиях капитализма невозможно. «Чтобы народы могли действительно объединиться, — указывал К. Маркс, — у них должны быть общие интересы. Чтобы их интересы могли быть общими, должны быть уничтожены существующие отношения собственности, ибо существующие отношения собственности обусловливают эксплуатацию одних народов другими...»[5] В. И. Ленин, рассматривая капиталистические национальные отношения, говорил о недоверии наций[6], о национальном эгоизме[7], о наличии обособленности и национальной замкнутости[8]. Он писал о том, что социально-экономическая основа капиталистического общества неизбежно порождает национальную ненависть[9] и национальную грызню.

Капиталистический строй породил нацию как определенную историческую общность. Что же касается многонациональных общностей, то он способен создать лишь некие неустойчивые конгломераты, которым не присущи единство и сплоченность.

Социализм обеспечивает не только коренное преобразование общественных отношений, формирование нового экономического, социально-политического и духовного облика классов и слоев общества, наций и народностей, но и порождает новую тенденцию социального развития, вытекающую из господства общественной собственности на средства производства. Это тенденция преодоления социально-классовых и национальных различий, выравнивания социального положения людей, утверждения однотипной социальной структуры и усиления социальной однородности общества. Образование советского народа как новой исторической общности людей воплощает эту тенденцию исторического развития, служит важной вехой в социальном прогрессе человечества.

Таким образом, главенствующую роль в образовании советского народа как новой исторической общности играют закономерности на формационном уровне. Они раскрывают сущность этой общности как специфического порождения коммунистической общественно-экономической формации.

Историческую неизбежность возникновения социалистических межнациональных общностей людей предвидели основоположники научного коммунизма. К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин неоднократно подчеркивали, что рождение социализма приведет к становлению новых закономерностей общественной жизни. В области национальных отношений этот процесс будет характеризоваться ликвидацией гнета и национального неравноправия, уничтожением антагонизма между нациями[10], утверждением интернационализма в качестве идеологии и политики в отношениях между народами[11], всесторонним расцветом и постепенным сближением наций и народностей[12], их последующим слиянием в период зрелого коммунистического общества. Согласно марксистско-ленинским представлениям о путях расширения ассоциации человечества, целью движения является «не только уничтожение раздробленности человечества на мелкие государства и всякой

обособленности наций, не только сближение наций, но и слияние их»[13].

Не предвосхищая конкретных форм объединения народов в социалистическом обществе (они могут быть разнообразными в зависимости от различных исторических и социальных условий), классики марксизма-ленинизма отмечали, что основополагающими принципами формирования такого содружества являются равноправие, добровольность, подчинение национальных интересов интернациональным, внутринациональное и межнациональное единство народов. Организатором интернациональной общности они считали рабочий класс. «Только пролетарии, — подчеркивал Энгельс, — способны уничтожить национальную обособленность, только пробуждающийся пролетариат может установить братство между различными нациями»[14].

Огромная заслуга в разработке теории социалистической межнациональной общности людей принадлежит В. И. Ленину. Он развил первоначальные теоретические положения К. Маркса и Ф. Энгельса о союзе наций, создании на их основе единого социального организма. Еще в 1914 г. В. И. Ленин писал: «Нельзя из капитализма перейти к социализму, не ломая национальных рамок...»[15], не преодолев национальной отчужденности и обособленности, ибо «вся хозяйственная, политическая и духовная жизнь человечества все более интернационализируется уже при капитализме. Социализм целиком интернационализирует ее»[16].

В. И. Ленин указывал, что в результате социалистической революции произойдет сближение наций, основанное на полном равноправии, взаимовыгодном сотрудничестве, свободном и всестороннем общении. Он писал, что разрыв «*насильственной* связи» между нациями означает «*усиление* добровольной экономической связи, усиление культурной близости, усиление взаимоуважения»[17]. В «Итогах дискуссии о самоопределении» Ленин подчеркивал, что «социализм, организуя производство *без* классового гнета, обеспечивая благосостояние *всем* членам государства, тем самым дает *полный простор* «симпатиям» населения и именно в силу этого облегчает и гигантски ускоряет сближение и слияние наций»[18]. Ленин отмечал, что при социализме трудящиеся массы сами не согласятся нигде на замкнутость по чисто экономическим мотивам, по соображениям собственного экономического и культурного развития. В произведении «О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме» Ленин вновь подчеркивал, «что экономический расчет, равно как инстинкт и сознание интернационализма и демократизма, требует скорейшего сближения и слияния всех наций в социалистическом обществе»[19]. Причем к этому «неизбежному слиянию наций человечество может прийти лишь через переходный период полного освобождения всех угнетенных наций»[20].

В ленинском теоретическом наследии имеются важнейшие принципиальные положения относительно времени образования и развития интернациональных общностей. Возникновение социа-

листической межнациональной общности людей В. И. Ленин связывал с победой социализма, когда народы объединятся в «одну великую могучую семью». Он писал, что победивший социализм «творит новые, высшие формы человеческого общежития, когда законные потребности и прогрессивные стремления трудящихся масс *всякой* национальности будут впервые удовлетворены в интернациональном единстве при условии уничтожения теперешних национальных перегородок»[21].

Практика социалистического переустройства общества в нашей стране полностью подтвердила прогнозы классиков марксизма-ленинизма. Социализм не только коренным образом преобразует социально-политический и духовный облик классов и наций, личностей, но и порождает новый, социалистический тип межклассовых, межнациональных, межличностных отношений — отношений товарищеского сотрудничества и братской взаимопомощи свободных от эксплуатации, социального и национального угнетения и неравноправия людей, классов, наций. В результате этого образуются новые исторические общности людей.

В условиях полной и окончательной победы социализма в СССР «сформировалась новая социальная и интернациональная общность людей — советский народ»[22]. В основе этого процесса лежит нерушимый союз рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции при ведущей роли рабочего класса, дружба всех наций и народностей страны. Эта общность возникла на базе общественной собственности на средства производства, единства экономической, социально-политической и культурной жизни, на основе марксистско-ленинской идеологии и коммунистических идеалов.

В чем состоит сущность новой общности людей, каково соотношение в ней социальных, интернациональных и национальных элементов? Правильное истолкование ее сущности в практическом плане очень важно для совершенствования социально-классовых и национальных отношений, укрепления социально-политического и интернационального единства нашего общества, формирования интернационалистского сознания трудящихся.

Важным является также определение этапов становления новой общности, отражающих степень ее зрелости. Большинство специалистов устанавливали их, сообразуясь с процессом становления социалистического общества. Отсюда выделение двух этапов формирования советского народа.

Первый, охватывающий период от победы Октябрьской революции до создания основ социализма во второй половине 30-х годов, был временем, когда сложился фундамент новой исторической общности людей. В рамках этого этапа важным рубежом становления новой общности являются образование Союза ССР и принятие первой Союзной Конституции 1924 г. В ходе строительства социализма вызревают (разновременно в экономической, социальной и духовной областях) отдельные компоненты, по-

являются черты новой исторической общности. В этом смысле (для переходного периода) можно говорить лишь о процессе становления, создания необходимых предпосылок и условий для ее складывания на следующем этапе.

На втором этапе происходит непосредственная консолидация всех классов и социальных групп, наций и народностей в новую историческую общность, в это время общество вступает в период завершения строительства социализма. «Это общество,— говорится в Конституции СССР, — зрелых социалистических общественных отношений, в котором на основе сближения всех классов и социальных слоев, юридического и фактического равенства всех наций и народностей, их братского сотрудничества сложилась новая историческая общность людей — советский народ» [23].

Представляется обоснованным и выделение текущего этапа развития советского народа — его дальнейшего прогресса в современных условиях развития социалистического общества. Главная особенность динамичного развития советского народа как новой исторической общности — ее упрочение происходит на основе движения общества к полной социальной однородности и к полному единству наций. Новая историческая общность по существу своему наиболее полно выражает тенденции поступательного движения к коммунизму [24].

Таким образом, общность «советский народ» — своеобразный итог социально-политического развития советского общества, завоеванное в ходе его истории нерушимое социальное и интернациональное единство трудящихся, что, однако, не означает тождества понятий «общность» и «общество». Советское общество — понятие всеохватывающее. Оно включает весь советский общественный организм в целом и имеет более сложную структуру, чем общность «советский народ». Последняя является одним из звеньев в системе общественных отношений социализма.

Вместе с тем следует избегать противопоставления этих понятий, поскольку закономерности формирования советского народа и советского общества по многим параметрам, в том числе таким, как становление социального и интернационального единства, достаточно близки. В партийных документах дано емкое определение советского народа. Советский народ как новая историческая общность — это, во-первых, общность социально-классовая, основанная на нерушимом союзе и всестороннем сотрудничестве рабочих, колхозного крестьянства и интеллигенции; во-вторых, это общность межнациональная, которая олицетворяет братскую дружбу советских народов, имеющих единую социалистическую экономическую базу, однотипную социально-экономическую структуру, одну социалистическую Родину — Союз Советских Социалистических Республик. Это общность, спаянная единством марксистско-ленинской идеологии, одухотворенная трудом людей во имя достижения общей цели — построения ком-

мунизма; общность, демонстрирующая монолитную сплоченность всех классов, социальных групп, наций и народностей вокруг своего авангарда — Коммунистической партии; это общность, которой свойственно возникновение и закрепление общих черт в морально-политическом и духовном облике людей, таких, как «преданность делу коммунизма, социалистический патриотизм и интернационализм, высокая трудовая и общественно-политическая активность, непримиримость к эксплуатации и угнетению, национальным и расовым предрассудкам, классовая солидарность с трудящимися всех стран [25].

По своей социально-политической природе, главному содержанию, неотъемлемой сути советский народ — это народ социалистического типа, социалистическая общность людей. Как структурно новое образование он представляет собой результат межклассовой и межнациональной интеграции трудящихся нашей страны. Следовательно, советский народ как новая историческая общность характеризуется двуединой — социальной и интернациональной — основой. В связи с этим в научной литературе справедливо отмечалась недопустимость одностороннего подхода к советскому народу как социальной или только как межнациональной общности.

Советский народ прежде всего социальная общность людей. Это его наиболее важная, определяющая характеристика. Он представляет собой социальную целостность, состоящую из дружественных классов и социальных слоев, при ведущей роли рабочего класса. Высокая степень социальной сплоченности, растущая социальная однородность, динамично развивающаяся и укрепляющаяся, — неотъемлемое свойство новой исторической общности.

Ведущая роль рабочего класса на всех этапах строительства социализма и коммунизма — важнейший социально-политический фактор образования и развития новой исторической общности. Прогрессивные сдвиги в рабочем классе и его роль в социалистическом обществе делают его социальным ядром советского народа. Интернационализмом рабочего класса определяется интернационалистский характер новой общности.

Советский народ как социальная многонациональная общность людей вместе с тем является интернациональной общностью. Он представляет собой новую высокую ступень социально-политического единения социалистических наций и народностей, воплощающее все то общезначимое, общесоветское, что выработано ими в ходе строительства социализма. Это не простая сумма наций. Понятие «советский народ» выражает результаты коренных изменений сущности и облика социалистических наций, их всестороннее сближение, рост их интернациональных черт. В то же время образование новой исторической общности не означает, что у нас уже исчезают национальные различия или тем более произошло слияние наций. Все нации и народности, населяющие Советский Союз, сохраняют свои особенности, черты на-

ционального характера, язык, свои лучшие традиции. Но все эти черты стали социалистическими, советскими, интернациональными по своему содержанию и характеру.

Социально-классовое и интернациональное единство советского народа не существует в «чистом виде», а воплощается в общих чертах классов и социальных групп, наций и народностей, в экономической, социально-политической и духовной сферах жизни советского общества. Советский народ — особая форма социальной общности, не тождественной нации. Советский народ — национальное единство, обладающее определенными интеграционными социальными свойствами, не сводящимися к нации[26].

Советский народ представляет собой не просто политико-административное объединение и не искусственно созданную особую нацию, а качественно новую системную целостность, объем, масштабы и характер функций которой несводимы к функциям национальных общностей. В методологическом отношении было бы неправильным делать нацию мерилом, определителем признаков новой исторической общности людей, искать и, что еще ошибочнее, «находить» тождество их признаков и черт. Советский народ выступает не как новая советская нация, а как новая интернациональная форма общественного развития, знаменующая собой высокую ступень развитости всей совокупности социалистических общественных отношений. Стало быть, характерным для советского народа является развертывание тех его черт, в которых реализуются перспективные тенденции перерастания социалистических общественных отношений в коммунистические.

Раскрытая В. И. Лениным диалектика общего и отдельного[27] предостерегает нас от взглядов, согласно которым отдельные нации, народности растворяются в общем — советском народе, и от рассмотрения последнего как суммы различных национальностей или наднациональной надстройки. С позиций диалектики общего и отдельного советский народ является гармоничной целостностью, живым социальным организмом, компонентами которого предстают живые нации и народности, соединенные не механически, а сложными связями. Сами части данного целого — это самостоятельные жизнеспособные социальные образования, исторически возникшие и получившие высокое развитие в ходе строительства нового, социалистического общества.

В развитии советского народа воплощается диалектическая взаимосвязь социальных и национальных аспектов общественного прогресса в нашей стране. Социальная и интернациональная природа новой исторической общности выступают в неразрывном единстве. Как отмечает В. С. Семенов, советский народ есть воссоединенная на качественно новой исторической основе единая социальная и многонациональная общность. Он характеризуется не одновидовыми, однопорядковыми признаками и чертами (классово-социальными или национальными, социально-этническими), а многовидовыми, многопорядковыми чертами, выступая как двуединая — социально-интернациональная общность[28]. В связи с

этим новую историческую общность следует рассматривать как определенную систему многообразных общественных, классово-национальных связей.

Советский народ как качественно новая всеохватывающая социально-интернациональная общность имеет свои собственные единые по типу черты и признаки. Признаки советского народа — сплав лучших общезначимых черт всех классов и социальных групп, наций и народностей. С другой стороны, эти общие черты отнюдь не ведут к исчезновению национальных общностей или каких-либо их признаков. Однако в научной литературе встречаются ошибочные взгляды, выражающиеся в нигилистическом отношении к признакам нации, народности. Так, по мнению М. Ихилова, «в наших условиях ни экономика, ни территория союзных и автономных республик не могут считаться факторами, характеризующими нацию или народность», — «только язык и некоторые особенности национальной культуры служат признаками нации и народности» [29]. С Ихиловым фактически солидаризируется И. Яшкин, утверждающий, что для некоторых наций «общность территории и экономической жизни как признаки нации теряют свой смысл» [30].

Концепция «утраты», «исчезновения» или «угасания» национальных признаков не имеет ничего общего с реальными процессами в жизни народов СССР. Истина заключается в том, что интернациональная общность не отрицает национальные общности, а лишь подчеркивает те единые, устойчивые, существенные черты, которые присущи всем социалистическим нациям и каждой из них. Советский народ един и в то же время многонационален. Все составляющие его нации и народности развиваются непрерывно и всесторонне. При этом они сохраняют свои национальные особенности и черты и в то же время сближаются друг с другом.

В современных условиях важное теоретическое и практическое значение приобретает познание и использование закономерностей развития советского народа как общности. Следует сказать, что данная проблема пока еще ждет своего глубокого изучения. Но уже сейчас можно выделить ряд моментов, по которым выявилась общая позиция советских ученых.

В процессе развития советского народа происходит изменение в соотношении национального и интернационального в плане усиления роли последнего. Дальнейшее сближение классов, социальных групп, наций и народностей, укрепление их единства — закономерность развития советского народа как новой исторической общности людей в современных условиях. Поэтому наиболее общей и ведущей закономерностью развития советского народа следует считать неуклонное укрепление его целостности на основе становления социальной однородности общества и движения всех наций, народностей к полному единству. Как отмечает М. С. Джунусов, «по мере продвижения нашего общества к коммунизму будет усиливаться интегрирующая функция новой исто-

рической общности по отношению ко всем составным ее частям, классам и нациям, будет неуклонно возрастать уровень и степень гармоничности развития советского народа»[31].

Развитие советского народа как общности на базе укрепления его единства воплощается в жизнь многопланово. Это, во-первых, углубление содержания, все большее многообразие форм и увеличение масштабов межклассовых и межнациональных связей в процессе дальнейшей интернационализации хозяйственной, социально-политической и духовной жизни общества; во-вторых, упрочение уже сложившихся общих черт классов и социальных групп, наций и народностей, возникновение новых общих черт.

Социально-политическая сущность новой исторической общности проявляется в общественной жизни, с одной стороны, как единство классов и социальных групп, а с другой — как интернациональное единство народов СССР.

Интернациональное единство — один из сущностных признаков новой исторической общности людей и в то же время важнейший фактор ее прогресса в ходе коммунистического строительства. Оно сложилось в процессе осуществления ленинской национальной политики КПСС по обеспечению всестороннего расцвета и неуклонного сближения наций, возрастания роли их дружбы и является результатом сложного взаимодействия объективных и субъективных факторов, усиления социально-классовой однородности, возросшего значения социалистического интернационализма как общей закономерности развития социалистического общества.

Закономерность развития национальных отношений в СССР на современном этапе нельзя понять вне учета диалектики национального и интернационального в процессе коммунистического строительства, вне учета перспектив дальнейшего укрепления новой исторической общности людей.

Прогрессирующее сближение наций и народностей — процесс объективный, выражающий поступательное развитие советского общества от социализма к коммунизму. Одновременно это процесс добровольной, сознательной деятельности масс, базирующийся на полном равноправии наций, на интернационализме. Развитие каждой нации и народности СССР во имя дальнейшего сближения и укрепления единства всех — такова сегодня диалектика развития национальных отношений в новой исторической общности людей.

В новой редакции Программы партии раскрываются перспективы развития этого многогранного процесса: «На основе творческого применения ленинских принципов социалистического федерализма и демократического централизма будут обогащаться формы межнациональных отношений в интересах всего советского народа и каждой нации и народности»[32].

Ярким выражением интернационального единства советского народа является высокая интегрированность экономической жизни всех братских республик. В отношениях между ними особен-

но заметные сдвиги происходят в направлении дальнейшего укрепления интернационального единства в процессе развития и совершенствования межреспубликанских хозяйственных связей. Опыт нашего многонационального государства показывает, что каждая республика, увеличивая свой вклад в общесоюзную экономику, вместе с тем получает еще больше возможности для своего собственного развития; совокупный труд, интернациональная мощь советского народа являются источником ее постоянного прогресса. Поэтому все республики, хотя они и имеют ныне высокоразвитую экономику, кровно заинтересованы в специализации и кооперировании на основе социалистического общественного разделения труда, в наилучшем совместном использовании материальных и людских ресурсов, в дальнейшем укреплении дружбы народов, интернационального единства. Наиболее разумное использование природных и трудовых ресурсов, климатических особенностей каждой республики, рациональное включение этого потенциала в общесоюзный приносят оптимальную выгоду каждому региону, каждой нации и народности, равно как и всему государству. Для этого потребуется и дальше совершенствовать размещение производительных сил, региональную специализацию и кооперацию, схемы хозяйственных связей и перевозок.

В проявлении закономерности укрепления интернационального единства советского народа особенно важное значение имеет возрастающее по глубине и масштабам становление социальной однородности всего общества. Важной вехой в дальнейшем сближении наций на истинно демократической, подлинно интернациональной основе явится становление бесклассовой структуры общества. Рабочий класс оказывает в этом процессе решающее влияние на сотрудничество, взаимопомощь и братскую дружбу социалистических наций и народностей.

Движение советского общества в направлении все большей его социальной однородности — общая закономерность развития социальных отношений на современном этапе. Но одновременно это и тенденция развития каждой советской нации и народности.

Одной из характерных черт сближения социалистических наций является возрастание многонациональности населения республик. Повсеместно сложились и успешно трудятся многонациональные производственные, научные и творческие коллективы. Это примечательное социальное и общественно-политическое явление наших дней. Говоря о качественных характеристиках новой исторической общности, важно также отметить, что советские люди независимо от их национальной принадлежности объединены единством своей духовной жизни, общностью мировоззрения, нравственных и культурных ценностей.

Упрочению интернационального единства советского народа содействует распространение русского языка, который добровольно избрали все нации и народности СССР в качестве средства межнационального общения и сотрудничества. В условиях братской дружбы и взаимного доверия народов национальные языки

развиваются на основе равноправия и взаимообогащения. Исторической закономерностью является беспрепятственное и успешное развитие национальных языков, а также усиление общественных функций русского языка. Рост двуязычия — непременное условие становления и развития советского народа как новой исторической общности.

Важнейшим условием достигнутых успехов в деле социалистического развития наций и народностей СССР, их непосредственного единства является руководящая и направляющая роль Коммунистической партии, что служит надежной гарантией того, что расцвет и сближение социалистических наций, укрепление их единства будут и впредь неуклонно продолжаться и составлять одну из главных закономерностей социализма.

КПСС постоянно держит в поле зрения вопросы национальных отношений, решает их в интересах всей страны и каждой республики, в интересах коммунистического строительства. В документах партии разработаны магистральные направления национальной политики. Всей своей деятельностью, целенаправленной идеологической работой партия воспитывает трудящихся в духе советского патриотизма и социалистического интернационализма, гордого чувства принадлежности к единой великой Советской Родине.

Таким образом, в ходе дальнейшего совершенствования социализма продолжают крепнуть основы существования и развития советского народа как новой исторической общности людей, на которых она складывалась и которые играют определяющую роль в ее дальнейшем развитии: единый народнохозяйственный комплекс страны; однотипная социальная структура наций и социальная однородность общества; общность политической жизни наций и народностей, их государственное единство в рамках Союза ССР; единая советская многонациональная культура; углубляющиеся процессы сближения наций и упрочения их единства.

Достигнув высокой степени социально-экономического, идейно-политического, культурно-образовательного и духовно-нравственного совершенства, советский народ продолжает развиваться в неразрывной связи с общим процессом коммунистического строительства. А это, несомненно, приведет к структурным изменениям в содержании самой общности, в характере и соотношении в ней социального, национального и интернационального. При этом дальнейшее развитие и укрепление советского народа будет осуществляться на базе экономического, политического и духовного прогресса реального социализма, его производительных сил, интернационализации всех сторон общественной жизни, ее коллективистских и интернационалистских начал, неуклонного роста субъективного фактора в коммунистическом строительстве.

В качестве интернациональной целостности советский народ претерпит существенные изменения, связанные как с формированием бесклассовой организации общества, так и достижением качественно высшего уровня интернационального единства. Кон-

центрированным выражением этих изменений станет достижение полного единства наций. Вместе с тем представляется, что даже в условиях полного единства наций одним из ведущих направлений жизнедеятельности советского народа, как и на предыдущих этапах, останется поддержание гармонического и оптимального сочетания интернационального и национального с дальнейшим постепенным возрастанием роли интернационального.

Советский народ — первая в мировой истории социальная и интернациональная общность такого типа, одно из конкретных проявлений тех новых, высших форм человеческого общежития, возникновение которых предсказал В. И. Ленин. Как качественно новая системная целостность и форма человеческого общежития советский народ — это явление всемирно-исторического порядка, ибо прежде, чем развернется процесс слияния наций, человечество должно пройти через такие интернациональные общности, которые создадут возможность все более полного единства наций, все более тесного переплетения интернационального и национального.

Проблема исторической миссии советского народа как во внутреннем, так и в международном плане закономерно вытекает из исторической миссии рабочего класса. С той или иной глубиной она нашла свое отражение и в научной литературе [33]. Однако некоторые аспекты ее остаются недостаточно разработанными.

Становление исторической миссии советского народа определяется процессом строительства и развития социализма, в ходе которого интересы, идеалы и черты рабочего класса постепенно становятся интересами, идеалами и чертами его естественных союзников — колхозного крестьянства и народной интеллигенции.

Рабочий класс, осуществляя свою миссию в советском обществе, должен был прежде всего измениться сам, перевоспитать себя. В. И. Ленин писал, что «пролетариат... не лишен недостатков и слабостей капиталистического общества. Он борется за социализм, и вместе с тем борется против своих собственных недостатков» [34]. Под руководством КПСС рабочий класс справился с поставленной перед ним историей задачей, — он качественно изменился, на небывалую высоту поднялись его профессиональный, общеобразовательный и культурный уровень. При его ведущей роли происходил процесс коренного изменения его союзников — крестьянства и интеллигенции, их становление на его идеологические позиции.

Рабочий класс России совершил Октябрьскую революцию вместе с трудовым крестьянством, которое, как и он, было заинтересовано в освобождении от социального и национального гнета, окончании империалистической войны и установлении справедливого мира между народами, а также в решении извечного вопроса о земле.

В условиях строительства социализма рабочий класс осуществлял свою историческую миссию через государство диктатуры

пролетариата, главное политическое орудие преобразования всех сфер жизни общества. Он оказал всестороннюю помощь крестьянству в проведении коллективизации, в ликвидации последнего эксплуататорского класса — кулачества. Коллективизация имела определяющее значение для дальнейшей судьбы крестьянства: оно бесповоротно встало на путь социализма, изменились его образ жизни, классовое мировоззрение и психология.

Строительство нового общества немыслимо без культурной революции, без развития науки, техники, высокого общественного сознания, воспитания подрастающего поколения в духе идеологии марксизма-ленинизма. Эти функции в большей мере выполняет интеллигенция, роль и значение которой все время возрастают. Вместе с рабочим классом и крестьянством народная интеллигенция кровно заинтересована в успешном осуществлении научно-технического прогресса, созидании коммунизма. Утвердился нерушимый союз рабочего класса, колхозного крестьянства и народной интеллигенции.

Однако, несмотря на большой вклад крестьянства и интеллигенции в строительство коммунистического общества, объективно советский рабочий класс и сейчас является главным его творцом. Это связано с тем, что он создает наибольшую часть общественного продукта; имеет непосредственное отношение к новейшей технике и технологии; связан с отраслями промышленности, определяющими научно-технический прогресс; объединен и сплочен крупнопромышленной организацией производства и высокой дисциплиной труда; имеет наибольший опыт революционной борьбы и коммунистического строительства; является носителем важнейшего принципа марксистско-ленинской идеологии — пролетарского, социалистического интернационализма, ставшего принципом жизнедеятельности советского народа.

Историческая миссия советского рабочего класса в области развития наций и национальных отношений воплотилась в образовании советского народа как интернациональной общности. Пролетарский интернационализм — идеология, политика и социальная психология рабочего класса — в ходе строительства и развития социализма поднимается на новую качественную ступень — превращается в социалистический интернационализм. В то же время он становится идеологией, политикой и социальной психологией всех советских наций и народностей, пронизывая сегодня все сферы национальных отношений — экономическую, социальную, политическую и духовную. Социалистический интернационализм становится также основой расцвета, сближения и единства более ста национальностей СССР. Под влиянием рабочего класса у всех социалистических наций, народностей сформировались такие новые качества, как высокая идейно-политическая зрелость, интернационалистское сознание, подход к решению всех вопросов жизни страны с позиций пролетарского, социалистического интернационализма, ответственность за судьбы мира и социализма. Следует отметить, что многонациональность общества

не ведет автоматически к интернациональному объединению народов. Интернациональная сущность советского народа исходит не из его многонациональности, а из интернационалистской природы рабочего класса, его интересов и идеалов, его всемирно-исторической миссии.

Пролетарский, социалистический интернационализм превратился также из идеала коммунистов — авангарда рабочего класса — в глубокое убеждение и норму поведения миллионов советских людей. У них сложились такие общие черты, как преданность делу коммунизма, советский патриотизм и социалистический интернационализм, высокая трудовая и общественно-политическая активность, непримиримость к эксплуатации и угнетению, национальным и расовым предрассудкам, классовая солидарность с трудящимися всех стран.

Таким образом, историческая миссия рабочего класса в условиях нашего времени стала исторической миссией советского народа — новой социальной и интернациональной общности людей. Она имеет две стороны: внутреннюю и внешнюю, органически и диалектически взаимосвязанные. Внутренняя сторона — строительство социализма и коммунизма в нашей стране. К внешней (международной, интернациональной) стороне исторической миссии советского народа относятся: а) деятельность, направленная на обеспечение благоприятных международных условий для строительства социализма и коммунизма; б) активная поддержка революционных сил современности.

Благоприятные внешние условия строительства социализма и коммунизма — это прежде всего сохранение мира, предотвращение угрозы ядерной катастрофы, исходящей от крайне правых кругов США. Борьба за мир — одна из важнейших сущностных черт исторической миссии советского народа. Он неустанно ведет эту борьбу с октября 1917 г., с первого дня своего рождения, со времени провозглашения ленинского Декрета о мире. Социализм, советский народ и мир неразделимы. В социалистическом обществе нет классов и групп, заинтересованных в войне, ибо построение социализма и коммунизма требует мирных условий. К. Маркс, предвидя это, писал: «...в противоположность старому обществу с его экономической нищетой и политическим безумием нарождается новое общество, международным принципом которого будет — *мир,* ибо у каждого народа будет один и тот же властелин — *труд!*»[35]. В. И. Ленин также утверждал: «Окончание войн, мир между народами, прекращение грабежей и насилий — именно наш идеал...»[36] В новой Конституции СССР, отражающей волю и интересы советского народа, есть глава о внешней политике Советского государства, где сформулированы ее основные принципы и цели: «СССР неуклонно проводит ленинскую политику мира, выступает за упрочение безопасности народов и широкое международное сотрудничество»[37].

Историческая миссия советского народа конкретно и ярко проявилась в годы Великой Отечественной войны. В результате по-

беды над немецко-фашистскими захватчиками и японскими милитаристами советский народ не только отстоял свою свободу и независимость, но и спас многие народы Европы и Азии от физического истребления и колониального рабства. 9 мая 1985 г. советский народ и все прогрессивное человечество торжественно отметили величайшее событие всемирно-исторического значения — 40-летие Победы над немецким фашизмом. М. С. Горбачев в своем докладе «Бессмертный подвиг советского народа» говорил: «Советский народ, его доблестные Вооруженные Силы нанесли сокрушительное поражение фашистской Германии, отстояли свободу и независимость Родины, принесли освобождение народам Европы. Разгром фашизма, победоносное завершение войны стали событием переломного, всемирно-исторического значения, открывшим перед спасенным человечеством новые пути социального прогресса, перспективу справедливого и прочного мира на планете»[38].

На современном этапе «главная цель внешнеполитической стратегии КПСС состоит в том, чтобы обеспечить советскому народу возможность трудиться в условиях прочного мира и свободы. Поэтому и на будущее магистральным направлением деятельности партии на международной арене должна оставаться борьба против ядерной опасности, гонки вооружений, за сохранение и укрепление всеобщего мира»[39]. Мир — это общечеловеческая ценность. Его сохранение является глобальной проблемой номер один, стоящей перед всей цивилизацией. Человечество располагает достаточными силами, чтобы предотвратить мировую войну. К ним относятся: прежде всего СССР и другие братские социалистические страны; рабочий класс капиталистических стран, сплачивающий вокруг себя демократические силы; развивающиеся страны; широкое антивоенное движение народных масс во всем мире.

Второй, внешний аспект исторической миссии советского народа проявляется в постоянной поддержке сил социального прогресса в других странах планеты. В. И. Ленин сформулировал основные задачи Советского государства в международной политике следующим образом: «Поддержка революционного движения социалистического пролетариата в передовых странах в первую голову.

<...>

Поддержка демократического и революционного движения во всех вообще странах, особенно в колониях и в зависимых»[40].

Наиболее значимым и конкретным воплощением всемирно-исторической миссии советского народа, народа-интернационалиста, явилась его активная помощь в деле становления и развития мировой системы социализма. В результате разгрома Вооруженными Силами СССР и стран антигитлеровской коалиции германского фашизма и японского милитаризма во второй мировой войне, а также революционных преобразований в некоторых странах Европы и Азии на путь строительства социализма встали народы

Албании, Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, Чехословакии, Югославии, ДРВ, Китая, КНДР (еще раньше на путь строительства социализма вступила МНР). Равноправными членами социалистической системы стали Куба и Лаос. Советский народ продолжает играть огромную роль в дальнейшем развитии и укреплении единства стран социализма на принципах пролетарского, социалистического интернационализма. Он оказывает братским странам социализма (прежде всего через такие каналы, как Совет Экономической Взаимопомощи и Организация Варшавского Договора) всестороннюю помощь — экономическую, политическую, культурную, а при необходимых обстоятельствах — военную.

Большой революционной силой современности, выступающей против империализма и неоколониализма, за мир, национальную независимость и социальный прогресс, является национально-освободительное движение. Советский народ и народы развивающихся стран роднят общие интересы — они союзники в борьбе против империализма, за мир и безопасность народов, социальный и национальный прогресс.

Историческая миссия советского народа — строительство социализма и коммунизма — с необходимостью предполагает решение национального вопроса и использование социалистических наций в качестве важнейших источников социального прогресса. При этом роль новой исторической общности постоянно возрастает по отношению к социалистическим нациям и народностям. Это обусловлено, во-первых, общественной потребностью в дальнейшем сближении классов и социальных групп, наций и народностей; во-вторых, увеличением совокупной мощи миллионных масс трудящихся нашей страны в совершенствовании социализма, обеспечении его постепенного перерастания в коммунизм; в-третьих, необходимостью выполнения ею своей исторической миссии по укреплению завоеваний мирового социализма, борьбы за мир и социальный прогресс.

Закономерность возрастания роли советского народа в прогрессе составляющих его наций и народностей (равно как и классов, социальных групп) проявляется в умножении результатов их совместного труда по строительству нового общества. Сейчас все национальности развиваются не только за счет собственных источников, но и под благотворным воздействием совокупной мощи советского народа.

Внутри новой исторической общности достигается подлинное равенство всех наций и народностей — больших и малых, ибо каждая из них опирается на достижения всего советского народа.

Советский народ значительно умножает источники экономического и научно-технического прогресса наций и народностей своей единой территорией, многообразием природной среды. Географическая среда является необходимым объективным условием жизни любого народа или страны, которая либо ускоряет разви-

тие, либо замедляет его. Объединенная территория советского народа — это не простая сумма территорий всех наций и народностей, к ней прибавляются преимущества планомерного, рационального размещения производительных сил, их использования в масштабе Советского государства. Кроме того, природные богатства наций взаимно дополняются. Уменьшается зависимость каждой нации и народности от стихийных законов природы от неравенства, созданного ею.

Экономика советского народа (единый народнохозяйственный комплекс) дает возможность разрабатывать и осуществлять в интересах наций и всей страны в целом такие проекты, которые не могут быть реализованы усилиями какой-либо одной нации, одной республики. Освоение большого количества целинных и залежных земель на территориях Казахстана, Алтайского края, Оренбургской области и т. д. — это интернациональный подвиг всего советского народа. Его совместный труд позволяет ввести в кратчайшие сроки в хозяйственный оборот богатства районов Сибири, Крайнего Севера, Дальнего Востока в интересах всех наций и народностей, их дальнейшего прогресса. Следовательно, опираясь на интернациональные связи новой исторической общности, любая нация, народность, даже самая малочисленная, умножает свою силу, свое участие в коммунистическом строительстве, а через него способствует возрастанию влияния реального социализма на социальный прогресс всего человечества.

Советский народ заинтересован в увеличении соответствующего вклада каждой нации и народности в разрешение задач коммунистического строительства. Например, он заинтересован в развитии национальной культуры, национальных языков, поскольку они выступают могучим средством повышения сознательности трудящихся, их трудовой и политической активности, что также является одним из важных факторов, ускоряющих их социальный прогресс. Советский народ всесторонне учитывает особенности каждой нации и народности для максимального их использования в практике строительства нового общества.

С утверждением новой исторической общности значительно упрочился и расширился суверенитет каждой нации. Отныне он опирается не только на ее собственные силы, но и на объединенную мощь всего советского народа.

Воздействие советского народа на нации и народности (равно как и на классы) проявляется через деятельность КПСС, общенародное Советское государство, в руках которого сосредоточены общественное производство и распределение, учет и планирование, производительные силы, трудовые ресурсы, особенно кадры рабочего класса и других специалистов народного хозяйства.

Социальные последствия ускоренного и всестороннего прогресса ранее отсталых народов значительно укрепили их мощь и новой исторической общности в целом. Были открыты большие перспективы для одновременного перехода к коммунизму всех наро-

дов — больших и малых, развитых и ранее отсталых. В конечном итоге все это положительно сказывается на упрочении позиций социализма на международной арене и способствует сохранению мира как необходимого условия строительства коммунизма и прогресса человечества.

Социально-политическое и идейное единство советского народа является важной движущей силой общественного прогресса. Это невиданная ранее в истории огромная сила, воздействующая на экономические, социальные, духовные процессы в социалистическом обществе, на общественный прогресс в целом. Именно в этом единстве воплощена сама сущность социалистической политики, выражающей коренные интересы трудящихся масс, ее народный характер, ее коммунистические цели.

Социальное единство наряду с политическим и идейным единством советского народа является качественно новой ступенью в развитии полновластия народа в осуществлении общественного прогресса. Полновластие народа, его государственное и идейное единство на современном этапе ярче всего воплощены в деятельности Советов, ставших еще более массовыми и представительными органами государственной власти. Трудящиеся в социалистическом государстве, писал В. И. Ленин, не знают над собой иной власти, кроме власти их собственного объединения, их сплоченного революционного авангарда[41]. Только через Советы выявляется воля советского народа и возводится в закон, становясь государственной волей.

Такой уровень полновластия советского народа стал возможен лишь в условиях возросшей политической и трудовой активности десятков миллионов советских людей, когда все более широкие массы трудящихся сознают себя полноправными и активными хозяевами своей страны, ответственными не только за ее судьбу, но и за судьбы всего человечества, подлинными интернационалистами, когда миллионы тружеников мыслят и действуют как люди государственные.

Непременным условием подлинного народовластия при социализме является руководство обществом и государством со стороны Коммунистической партии. КПСС как средоточие самых передовых сил советского народа, как партия, опирающаяся в своей деятельности на передовую, революционную теорию — марксизм-ленинизм, на неразрывную связь с рабочим классом, со всеми трудящимися, служит важнейшим гарантом полновластия народа.

Политическая ответственность коммунистов, всего советского народа возрастает в связи с усложнением задач коммунистического строительства и ростом социально-политической и трудовой активности масс, что также закономерно ведет к усилению роли такого важнейшего субъективного фактора, как политическое руководство обществом. Идейно-политическое единство советского народа, воплощенное в понимании и поддержке внутренней и внешней политики партии, в активной борьбе за ее претворение

в жизнь, является огромной силой общественного прогресса и его ускорения.

С социалистического общества, когда идеи научного коммунизма соединяются с социальной активностью масс, «начнется,— отмечал В. И. Ленин, — быстрое, настоящее, действительно массовое, при участии *большинства* населения, а затем всего населения, происходящее движение вперед во всех областях общественной и личной жизни» [42].

Социально-политическое и идейное единство народа определяется степенью развитости социализма. В свою очередь возрастающее единство обусловливает ускорение общественного развития, направляемого рабочим классом, Коммунистической партией. Это диалектическое взаимодействие является закономерным. Социально-политическое и идейное единство советского народа — могучая гарантия дальнейшего роста и расцвета нашей Родины, победы коммунизма в нашей стране [43].

Историческая миссия советского народа в современную эпоху велика и многообразна. Успехи его в экономическом, социальном и культурном развитии оказывают огромное воздействие на мировой общественный прогресс, являются важнейшим интернациональным вкладом в коммунистическое строительство в странах социалистического содружества, в борьбу за сохранение и упрочение мира и международной безопасности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 О 60-й годовщине образования СССР, с. 4.
2 Материалы XXVII съезда КПСС, с. 53.
3 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 84.
4 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 600.
5 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 371.
6 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 161.
7 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 166.
8 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 36, 45.
9 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 155.
10 См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 372; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 150; т. 25, с. 145; т. 30, с. 22; т. 39, с. 304.
11 См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 11; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 359; т. 49, с. 423.
12 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 37; т. 38, с. 95.
13 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 256; т. 30, с. 21, 22, 121 и др.
14 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 590.
15 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 35.
16 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 318.
17 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 69.
18 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 21.
19 Там же, с. 121.
20 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 256.
21 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 40.
22 Материалы XXVII съезда КПСС, с. 126.
23 Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1977, с. 4.
24 Советский народ — новая историческая общность людей. М., 1975, с. 18.
25 КПСС в резолюциях..., т. 11, с. 55.

[26] См.: Ковалев А. М. Некоторые актуальные проблемы теории научного коммунизма. М., 1979, с. 73.

[27] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 318.

[28] См.: Семенов В. С. Диалектика развития социальной структуры советского общества. М., 1977, с. 105.

[29] Советский Дагестан, 1970, № 1, с. 8.

[30] Торжество ленинской национальной политики. Чебоксары, 1970, с. 20.

[31] Джунусов М. С. Социальная гармония — выражение социального и интернационального единства новой исторической общности. — В кн.: Советский народ — строитель коммунизма. М., 1981, с. 402.

[32] Материалы XXVII съезда КПСС, с. 156—157.

[33] Развитие советского народа — новой исторической общности. М., 1980; Советский народ — строитель коммунизма. М., 1981; Развитие национальных отношений в СССР в свете решений XXVI съезда КПСС. М., 1982; и др.

[34] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 197—198.

[35] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 5.

[36] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 304.

[37] Конституция (Основной Закон) СССР, с. 14.

[38] Горбачев М. С. Бессмертный подвиг советского народа. М., 1985, с. 3.

[39] Материалы XXVII съезда КПСС, с. 110.

[40] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 76.

[41] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 17.

[42] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 99—100.

[43] КПСС в резолюциях..., т. 5, с. 336.

А. П. МЯКШЕВ

СТАНОВЛЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ НОВОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ

Одним из знаменательных итогов развития СССР является образование и дальнейшее сплочение советского народа как новой социальной и интернациональной исторической общности. Это результат действия объективных закономерностей развития социалистического строя, глубоких процессов интернационализации всех сфер общественной жизни, коренных сдвигов в экономике, в социальной структуре советского социалистического общества, в культурном развитии и духовном облике советских людей. С начала 60-х годов, когда новая историческая общность становится одним из определяющих факторов развития страны, начинается также формирование научной концепции этой общности. Разработкой ее занимались и занимаются многие ученые-обществоведы. По данной проблеме создана обширная литература, о чем свидетельствуют библиографические указатели [1] и сборники обзоров [2].

Уже в конце 60-х — начале 70-х годов делались первые попытки разработки проблемы в историографическом аспекте [3]. М. И. Куличенко справедливо отмечает, что они носили весьма общий характер или касались лишь отдельных аспектов изучения новой общности [4].

Среди названных работ следует отметить социологический очерк Ю. Ю. Вейнгольда, в котором автор предпринял экскурс в историографию проблемы. Исследователь выделил два периода в

изучении новой общности (до XXIV съезда КПСС и после него), охарактеризовал их отличительные особенности, проанализировал различные толкования сущности советского народа обществоведами, сделал вывод о состоянии изученности проблемы после XXIV съезда КПСС.

Во второй половине 70-х — начале 80-х годов появились методологические и историографические работы с более глубоким анализом развития проблемы и перспектив ее дальнейшей разработки [5]. Наибольший интерес среди них представляют исследования Куличенко, проанализировавшего процесс осмысления учеными факта образования новой исторической общности, ее развития и укрепления. Куличенко рассмотрел основную литературу, вышедшую по проблеме с 60-х до конца 70-х годов, преимущественное внимание уделив при этом главным направлениям изучения истории новой общности.

Монография Н. В. Комаренко написана на основе анализа трудов украинских авторов. Она расширила представления о возникновении концепции новой исторической общности и, в частности, позволила выше оценить значение работ И. Е. Кравцева в ее разработке. Работы Т. Ю. Бурмистровой, В. П. Шерстобитова, Е. А. Зайцевой, М. Н. Росенко, Ф. Я. Горовского хотя и освещают моменты изучения проблемы новой исторической общности, но не охватывают всего объема вопросов, связанных с ней. Статья К. Н. Санукова посвящена анализу трудов об экономических основах новой общности.

Таким образом, разработка историографии новой общности уже начата, однако она ведется недостаточно интенсивно и углубленно, в связи с этим существует необходимость в ее дальнейшем исследовании. Куличенко справедливо заявляет, что эта необходимость заключается не столько в определении уровня изученности данного вопроса, сколько в более глубоком уяснении самой сущности новой исторической общности [6].

Проблема новой исторической общности изучается уже около 25 лет. Характерно, что концепция советского народа как новой общности развивается параллельно развитию самого феномена. Поэтому следует предположить, что создание целостной концепции — дело будущего. Однако существующая литература дает право утверждать, что в основном проблема сформировалась и советские обществоведы в состоянии дать характеристику главных моментов новой общности, что они успешно и делают.

В советской литературе существуют удачные, на наш взгляд, подходы к периодизации изучения новой исторической общности [7]. К настоящему времени в этом процессе можно выделить три этапа [8].

Первый этап — 60-е — начало 70-х годов. К нему следует отнести возникновение самой концепции новой исторической общности. В 60-е годы советские ученые осуществили постановку многих основных проблем новой общности. Конечная грань первого этапа — XXIV съезд партии (март—апрель 1971 г.), кото-

рый дал обобщенную оценку новой исторической общности и тем внес важный вклад в разработку проблем национальных и социальных отношений в СССР.

После XXIV съезда КПСС были опубликованы фундаментальные коллективные и индивидуальные монографии, статьи, разделы в книгах. Возникло много новых актуальных аспектов в теоретическом и конкретно-историческом изучении процесса формирования советского народа.

Всестороннее раскрытие сложной структуры новой исторической общности обогатило наше обществоведение стержневым представлением о единстве социального и интернационального начал в жизнедеятельности многонационального Советского Союза. Авторы стремились определить систему закономерностей формирования новой исторической общности, разработать периодизацию этого сложного процесса, дать развернутое определение понятия «советский народ как новая историческая общность». Конституция СССР 1977 г., в которой содержится глубокая характеристика целостности советского народа как органической формы всеобъемлющих связей и новая общность зафиксирована как социально-историческая реальность, отразила важнейшие итоги разработки концепции новой общности советскими обществоведами. Принятие этой Конституции можно считать конечной гранью второго периода.

С конца 70-х годов берет начало современный этап развития концепции, характеризующийся дальнейшим изучением различных сторон проблемы. Вместе с тем отдельные вопросы требуют своего решения, нуждаются в более широких обобщениях и практических выводах. Некоторые из них, спорные и недостаточно разработанные, выявил «Круглый стол» журнала «История СССР»: этапы и хронологические рубежи складывания новой общности, преемственная связь между новой, социалистической и досоциалистической общностями трудящихся, соотношение интернациональных и национальных черт в советском народе и др. [9]

В данной статье делается попытка осветить процесс становления концепции новой общности в 60-х годах, выявить возникшие на том этапе с ней связанные проблемы, дать характеристику ее изученности к XXIV съезду партии.

В. И. Ленин подчеркивал, что социализм неразрывно соединяет всех трудящихся общностью интересов, общностью классового сознания [10]. Он был убежден, что социализм «творит новые, высшие формы человеческого общежития, когда законные потребности и прогрессивные стремления трудящихся масс *всякой* национальности будут впервые удовлетворены в интернациональном единстве при условии уничтожения теперешних национальных перегородок» [11].

После свершения Великой Октябрьской социалистической революции, положившей начало формированию новой исторической общности, В. И. Ленин ввел в оборот понятия, рожденные новым

общественно-политическим строем. Определение «советские люди» впервые было применено им в марте 1919 г. в «Обращении к Красной Армии» [12].

Раскрывая глубокий социальный смысл новых понятий, В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что советских людей характеризует чувство коллективизма, патриотизма, пролетарского интернационализма. Для разработки проблем советского народа важны положения Ленина о том, что уже годы гражданской войны спаяли рабочий класс и крестьянство, что политика Коммунистической партии укрепляет и объединяет все нации Страны Советов «в одну великую могучую семью», «образуя одно великое целое» [13].

Впервые понятие «советский народ» в партийные документы ввел XVIII съезд партии. Съезд констатировал, что в СССР построены основы социализма, движущими силами развития нашего общества стали морально-политическое единство, дружба народов и советский патриотизм, происходит стирание граней между рабочими, крестьянами и интеллигенцией. В результате переходного периода от капитализма к социализму в СССР «на базе общих интересов рабочего класса, колхозного крестьянства, народной интеллигенции, трудящихся всех национальностей сложилось социально-политическое и идейное единство советского общества» [14]. Конечно, из этого не следует, что формирование новой исторической общности было завершено в предвоенный период.

Понятия «советский народ», «трудовой народ» в довоенное время обозначали все население нашей страны, сплоченное в процессе строительства социализма. В эти же годы в обиход вошло понятие «дружба народов». Им ученые характеризовали те явления и процессы, которые происходили во взаимоотношениях наций и народностей СССР. Социальные аспекты национальных отношений советского общества до 60-х годов широко не изучались. Между тем изменения во взаимоотношениях наций, народностей СССР заставляли исследователей искать им объяснение. Понятие «дружба народов», безусловно сохраняя свое значение, было не в состоянии отразить возросший уровень единства, сближения наций и народностей, входящих в СССР.

Возникновение концепции советского народа как новой исторической общности было подготовлено всем ходом развития отечественной историографии. Успехи, достигнутые советскими обществоведами в изучении различных аспектов истории советского общества, и прежде всего национальных и социальных отношений, положили начало исследованию вопросов формирования новой общности. Первые работы по данной проблематике в значительной степени базировались на научных изданиях о дружбе и сотрудничестве между нациями и народностями СССР.

В научной литературе начало изучения проблемы новой общности связано с именами М. Д. Каммари и И. Е. Кравцева.

В 1955 г. Кравцев отмечал, что «на основе социалистических производственных отношений в СССР сложилась небывалая в

истории, качественно новая общность людей — советский народ, сложились содружество, нерушимый братский союз двух классов — рабочих и крестьян и рожденной ими действительно народной интеллигенции, содружество всех народов страны»[15]. Единая социалистическая система хозяйства, единая система государственной жизни — советское государство, единая идеология — марксизм-ленинизм, единая цель — построение коммунизма — вот те моменты, которые, по мнению автора, характеризуют новую общность[16]. В своих работах Кравцев не только проанализировал интернациональное единство составляющих новую историческую общность советских наций, но и отметил ее социально-классовое единство. Следует подчеркнуть, что ученый не считал советский народ новой советской нацией, указывая на качественное отличие новой исторической общности от нации.

В 1960 г. А. А. Андреев в статье «Торжество ленинских идей дружбы народов» наметил иное понимание развертывающегося процесса объединения народов страны в единую общность. «Повсюду в СССР, — писал он, — теперь господствует единая социалистическая экономика, культура, единая идеология марксизма-ленинизма. На этой основе происходит все большее сближение национальных культур, выковывается единая социалистическая нация»[17]. Данное мнение вскоре было признано ошибочным, но позитивное значение его заключается в том, что оно не только отразило поиски путей и средств осмысления новых явлений в развитии советского общества, но и вызвало к жизни дискуссию вокруг вопросов, как характеризовать советский народ, что это — нарождающаяся новая нация или нечто иное?

Член-корреспондент АН СССР М. Д. Каммари, выступая 23 мая 1961 г. во Львове на межреспубликанском семинаре лекторов, говорил о неправомерности отождествления советского народа с новой нацией и сделал вывод о том, что в СССР сложилась новая историческая общность: «Развитие социалистического разделения труда между национальными республиками и областями сплотило все нации СССР в единое монолитное целое — в единый и в то же время многонациональный народ — с общностью территории, экономической жизни, с общими чертами психологического склада, проявляющегося в общности единой по содержанию социалистической культуры»[18]. Заявляя о том, что новая общность не нация, Каммари подчеркивал, что это «более высокая и широкая по типу историческая общность (экономическая, культурная и даже языковая), чем народ и нация». Однако характеристика новой общности, данная Каммари, противоречива. С одной стороны, он говорил о «многонациональном советском народе», о народе, «состоящем из множества социалистических наций», но с другой — заявлял, что историческая общность, не будучи народом и нацией, является тем не менее этническим образованием[19]. Противоречивость подобной оценки может быть объяснена новизной и неисследованностью проблематики. На первый план в оценке выступления Каммари следует выдвинуть то по-

ложительное, что оно привнесло в дело изучения проблемы, а именно: несогласие с отождествлением новой общности с нацией, попытку дать многоаспектную характеристику советского народа.

Характеристика новой исторической общности была дана на XXII съезде КПСС (октябрь 1961 г.) в докладе «О Программе Коммунистической партии Советского Союза»: «В СССР сложилась новая историческая общность людей различных национальностей, имеющих общие характерные черты, — советский народ. Они имеют общую социалистическую Родину — СССР, общую экономическую базу — социалистическое хозяйство, общую социально-классовую структуру, общее мировоззрение — марксизм-ленинизм, общую цель — построение коммунизма, много общих черт в духовном облике, в психологии»[20]. Следует отметить, что концепция советского народа как новой исторической общности людей в то время находилась в начальной стадии формирования. Этим, по-видимому, можно объяснить тот факт, что в опубликованном 30 июля проекте Программы КПСС, как и в ее окончательном тексте, принятом 31 октября 1961 г., положение о возникновении в нашей стране новой исторической общности не было включено. При анализе положения ЦК КПСС о новой общности обращает на себя внимание тот факт, что основной акцент делался на интернациональном характере общности («общность людей различных национальностей»).

Факт создания в стране новой исторической общности — советского народа фиксировался в целом ряде работ по национальным отношениям в СССР, вышедшим в начале 60-х годов. В значительной их части сказывался упрощенный подход к проблеме. Чаще всего в них лишь констатировались характерные черты новой общности, причем главный упор делался на ее межнациональный характер[21]. Но значение этих работ в другом — их появление свидетельствовало о том, что история формирования и развития советского народа выделилась в особую научную проблему. В 1962 г. М. П. Ким среди прочих актуальных тем, изучаемых советской наукой, отметил и проблему новой общности. Он писал, что существует «необходимость осветить историю образования этой новой общности, проследить, как формировалась и развивалась она на разных исторических этапах, каковы ее признаки, как росла и крепла она в ходе социалистического строительства»[22].

На необходимость переходить от общей постановки вопроса к изучению его конкретных аспектов (о развитии интернациональной общности в экономике, политике, в государственном строе, в культуре, быту и т. д.) указывал Каммари[23]. Углубленный подход к исследованию нового явления, свойственный этому ученому, характерен и для И. Е. Кравцева, П. М. Рогачева, М. А. Свердлина.

Кравцев, развивая свои взгляды, опубликовал после 1960 г. две монографии, большое внимание в которых уделил различным сторонам развития новой общности. Констатируя тот факт, что

социализм создает условия для образования широких общностей людей, Кравцев в ряду этих общностей называл созданную в СССР новую историческую общность — советский народ и складывающуюся новую общность в масштабе социалистической системы — мировое содружество народов социалистических стран [24]. Автор, отмечая, что образование новой общности — результат социалистического переустройства в жизни наций и народностей нашей Родины, подчеркивает руководящую роль Коммунистической партии в этом процессе. При характеристике общих черт сплотившихся в советский народ социалистических наций на первый план он выдвигает общность их экономической жизни. Кравцев обращает особое внимание на усиливающуюся социальную однородность наций СССР [25].

Подобные взгляды были свойственны М. Р. Булатову, который среди шести основных черт, характеризующих, по его мнению, новую общность, называл и такие, как «единая экономическая основа для новой общности» и «единство социальной классовой структуры». «Наше общество, — отмечал Булатов, — теперь состоит из дружественных классов — рабочих, колхозников и прослойки интеллигенции, существенные различия между которыми постепенно стираются в процессе строительства коммунизма» [26].

В статье «Советский народ — новая историческая общность людей», первой специальной работе по проблеме, Рогачев и Свердлин пришли к выводу, что «основу единства советского народа составляет общая экономическая база — социалистическое хозяйство и общая социально-классовая структура» [27].

Таким образом, работы Рогачева, Свердлина, Булатова наряду с ранее вышедшими книгами Кравцева намечали важное направление в историографии советского народа: изучение социально-классовых, экономических проблем становления новой общности.

Каммари также подчеркивал единство экономической жизни наций в качестве одной из основных черт новой общности. Ученый счел возможным характеризовать советский народ как «устойчивую межнациональную или интернациональную экономическую общность людей всех наций и народностей» [28]. Заслуживает внимания его вывод о том, что в новой исторической общности «мы имеем конкретное диалектическое единство национальной и интернациональной общности» [29].

Характеризуя начальный этап формирования концепции новой исторической общности, нельзя не остановиться на позиции М. С. Джунусова, выступившего против отождествления понятий «межнациональная общность» и «интернациональная общность»: «Советский народ — межнациональная общность, выходящая за узкие рамки национальной общности людей. В то же время эта общность ограничена рамками одной страны. Советский народ — это новая историческая общность наций и народностей первой страны социализма, сложившаяся на основе их братского содру-

жества... Исподволь начинают складываться элементы интернациональной общности людей»[30]. В конце 60-х годов Джунусов вновь заметил: «Иногда в нашей литературе встречается утверждение о том, что советский народ — это интернациональная общность людей. Это не совсем точное, по нашему мнению, утверждение»[31]. Подобная точка зрения не получила признания[32]. Понятия «межнациональный» и «интернациональный» отражают качественно однотипное состояние объекта, В. И. Ленин, как известно, часто отождествлял их, поясняя: «...интернациональный — междунациональный, международный...»[33]. Убедительных оснований для разграничения этих понятий, на наш взгляд, пока еще не приведено.

При характеристике развития концепции следует особо остановиться на значении теоретических положений, включенных в материалы XXIII съезда КПСС. Джунусов писал: «После октябрьского Пленума ЦК КПСС 1964 г. был подвергнут критике субъективизм. В связи с этим отдельные товарищи усомнились в правильности понятия «советский народ» и высказывали опасение: не несет ли этот термин забегания вперед и предлагали везде и всюду говорить «народы СССР». Такова была обстановка на теоретическом фронте по данному вопросу накануне XXIII съезда КПСС»[34]. Провозгласив одной из важнейших задач партии «укрепление дружбы и единства многонационального советского народа»[35], съезд подчеркнул большую значимость концепции новой общности. Применение термина «многонациональный советский народ» исключало возможность ошибочного толкования этой общности как единой нации.

Таким образом, XXIII съезд партии стимулировал изучение проблем новой общности. После съезда стал складываться «двуединый» подход к анализу новой общности как социальной и интернациональной. Поворот к более пристальному изучению социальных аспектов советского народа зафиксировала первая специальная научная конференция по этой проблеме, состоявшаяся в Москве в июне 1966 г.

На конференции особое внимание привлекает выступление Джунусова. Исследователь одним из первых рассматривал советский народ и как социально-классовую и как интернациональную общность: «Советский народ как многонациональный социальный коллектив сложился в результате разрешения социальных и межнациональных антагонизмов, внешних и внутренних сторон социальных противоречий, присущих буржуазной национальной общности людей»[36]. В этом выступлении отмечено, что советский народ «воплощает в себе единство разнохарактерных образований (социальных и национальных)»[37]. Автор характеризовал единство социального и национального в советском народе как противоречие.

На наш взгляд, внутренние противоречия новой общности точнее отразили Рогачев и Свердлин, видевшие их в существенных различиях в уровне развития общественных классов, слоев и на-

ций, составляющих народ [38]. Характеризуя советский народ внутренне противоречивым, Д. Рзаев считал, что противоречия внутри новой общности — один из источников ее развития [39].

В работах второй половины 60-х годов наблюдается заметно возросшее внимание ученых к характеристике социального единства новой общности. Так, Д. Т. Лопаева связывала социальную однородность всего советского народа с социальной однородностью социалистических наций. «Изменения в социальной структуре социалистических наций, характеризующиеся постепенным стиранием граней между классами, между работниками умственного и физического труда, — писала она, — ведут к социальной однородности всего советского народа» [40]. Советский народ определялся ею как «совокупность всесторонне развивающихся национальных общностей людей, объединенных в единую социальную систему, которая сложилась на основе разрешения как классовых, так и национальных антагонизмов» [41].

Верный методологический подход, по нашему мнению, был свойствен и определению Э. В. Тадевосяна: «Советский народ — это новая историческая социальная и интернациональная общность советских людей, возникшая в результате преодоления социально-классовых и межнациональных антагонизмов, сближения различных классов и социальных групп, наций и народностей и победы социализма в СССР» [42].

Окончательно закрепила понимание советского народа как новой социальной и интернациональной общности конференция по проблеме «Советский народ — новая историческая общность людей», состоявшаяся в Волгограде в октябре 1968 г. Примечательно, что уже в название конференции не был введен национальный момент. И хотя из 115 докладов и научных сообщений 87 выступлений было посвящено анализу интернациональной стороны новой общности, конференция показала, что в изучении советского народа соотношение значительно сместилось в сторону анализа его социальной сущности. Так, А. С. Смирнов отмечал, что в «нашей литературе имеет место недооценка значения этой социальной общности... дается лишь характеристика ее интернациональной сущности» [43]. Эту же точку зрения разделяли Рогачев и Свердлин: «Советский народ — это не только межнациональная общность... Советский народ — это и социально-классовая общность» [44]. Наиболее точным, считала З. М. Пушкина, является определение советского народа, как социально-классовой и многонациональной общности, т. е. общности, «объединяющей людей различных наций, народностей и классов, слоев» [45]. Утверждая, что образование советского народа явилось результатом двух взаимосвязанных процессов: достижения в основном социальной однородности общества и сближения социалистических наций на основе их расцвета, Пушкина считала решающим первый из них [46]. Социально-классовые факторы при образовании советского народа ставили на первое место П. М. Рогачев и М. А. Свердлин, Л. Н. Князев, Н. М. Киселева, А. С. Смирнов [47].

В своем выступлении Смирнов заострил внимание на том, какой должна быть характеристика новой общности. Во-первых, определить место советского народа в системе общественных отношений. Во-вторых, определение должно отражать структуру этой общности. В этом плане советский народ — это общность, состоящая из различных социальных групп, наибольшее значение из которых имеют классы и нации. В-третьих, определение должно в общих чертах отразить современное состояние этой общности и тенденцию ее дальнейшего развития[48]. Попытку дать такое определение предприняли Рогачев и Свердлин. По их мнению, «советский народ — это социально-классовая и межнациональная, интернационалистическая по своему характеру общность, охватывающая все население страны, государственно-конституированная в форме федерации и базирующаяся на единой экономике, многообразной, но единой по своему содержанию культуре, едином мировоззрении и едином языке межнационального общения, функционирующем наряду с национальными языками»[49].

Заслуживает внимания определение новой общности, данное Рзаевым, считавшим, что «социальная однородность является... главным отличительным признаком, придающим советскому народу качественное своеобразие как новой исторической общности»[50]. Под социально-однородными нациями исследователь понимал наций, исключающие социальные антагонизмы, свойственные капиталистическим нациям. Он не отрицал сохраняющиеся в советском обществе социальные различия и не считал, что в СССР достигнута полная социальная однородность. Поэтому нельзя согласиться с Росенко[51], назвавшей характеристику Рзаева забеганием вперед.

А. И. Холмогоров также выделил в исследовании новой общности два основных аспекта: «1) советский народ как социально-политическое единство трудящихся Союза Советских Социалистических Республик, 2) советский народ как социалистическая межнациональная общность людей»[52]. Исходя из этого, Холмогоров полагал, что советский народ — это «единое органическое монолитное социальное образование, включающее в себя социально-классовые, социально-этнические, политические, идеологические, психологические и многие другие стороны»[53]. Следует отметить, что Холмогоров — один из первых исследователей новой общности, попытавшийся дать многоаспектную характеристику советского народа в монографии «Единый и многонациональный» (Рига, 1970) — первой крупной работе, целиком посвященной анализу новой общности.

На социальные основы советского народа указывали Тезисы ЦК КПСС к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, опубликованные в декабре 1969 г. «В СССР обеспечено, — говорилось в них, — социальное и идейно-политическое единство всех слоев трудящихся, всех граждан, независимо от происхождения, рода занятий, национальности, пола, образования. Советский народ —

принципиально новая, интернациональная общность людей, социалистический союз всех трудящихся СССР — работников индустрии, сельского хозяйства и культуры, физического и умственного труда, составляющий социальную основу многонационального общенародного государства»[54].

Однако анализ литературы показывает, что до XXIV съезда партии большинство исследователей обращали внимание прежде всего на многонациональный, интернациональный состав советского народа. Частично это объясняется тем, что проблемой новой общности занимались преимущественно исследователи национальных отношений в СССР. Сказывалось также недостаточное изучение социальных аспектов советского общества.

Показательно в этом отношении определение Каммари, приведенное в монографии «Строительство коммунизма и развитие общественных отношений» (М., 1966): «Советский народ — не национальная, а интернациональная общность людей разных национальностей, сохраняющих и развивающих дальше свои национальные языки, культуру, свои исторически сложившиеся особенности. Новая интернациональная общность трудящихся разных наций растет и будет расти, все более полно охватывая все стороны общественной жизни и целых наций, не устраняя национальных единств, а выступая в качестве основы их развития и сближения»[55].

Сущность советского народа прежде всего в плане анализа его интернационального характера раскрыл в своем определении Вейнгольд[56]. Большинство выступавших на Московской конференции 1966 г. поддержали положения Каммари и Кравцева начала 60-х годов о многонациональном характере советского народа. Так, М. Р. Булатов отмечал, что «межнациональная общность советского народа представляет собой дальнейшее развитие свойственных социалистическим нациям и народностям новых черт»[57]. А. А. Нуруллаев считал советский народ формой многонационального социального коллектива, характерной чертой которого является «полная гармония интересов каждой нации и народности с общенародными интересами»[58]. В монографии «Социалистические нации, их настоящее и будущее» С. Т. Калтахчян также характеризовал советский народ преимущественно в плане его интернационального характера[59]. В 1969 г. Калтахчян, развивая свою концепцию, пришел к выводу, что советский народ сложился на основе интернационального и социально-политического единства трудящихся СССР[60]. А. М. Егиазарян высказал мнение, что советский народ — это «новое историческое формирование, базирующееся на расцветающих социалистических нациях и народностях СССР»[61]. Росенко считала, что складывание советского народа — результат действия «двух взаимосвязанных прогрессивных тенденций развития социалистических наций»[62]. На наш взгляд, такой подход не раскрывал качественного своеобразия новой общности, способствовал изучению исключительно интернациональной стороны советского народа.

Во второй половине 60-х годов одновременно существовала тенденция рассмотрения советского народа только как социально-политического единства трудящихся СССР. Так, Б. Х. Юлдашбаев в своем выступлении на Волгоградской конференции утверждал, что проблему советского народа следует рассматривать только в социальной плоскости, ибо советский народ является политическим объединением на определенной социально-экономической основе. Б. Т. Багликов справедливо указал, что современное понятие «советский народ» не то, что было в 20-е годы, когда оно олицетворяло лишь политическое, государственное объединение советских народов[63]. Калтахчян, критикуя позицию Юлдашбаева, подчеркивал, что игнорирование интернационального характера общности сужает понятие «советский народ»[64].

В то же время в литературе 60-х годов довольно часто встречалась точка зрения, согласно которой новая общность неизбежно развивается в сторону создания новой единой советской нации, т. е. тенденция движения определялась как развитие от интернационального к национальному, от народа к нации. Весьма показательна в этом отношении работа К. Ф. Ильяшенко, в которой автор писал: «Наряду с понятием советских социалистических наций начинает складываться общее понятие советской нации, так как все советские народы имеют, по существу, экономическую и территориальную общность, у них складывается общность психического склада и через русский язык пробивает себе дорогу своеобразная общность языка, т. е. компоненты, определяющие нацию, чем дальше, тем больше приобретают характер общечеловеческий»[65]. С подобных позиций решал данную проблему и А. Хасанов, заявивший, что «в связи со сближением социалистических наций в период развернутого строительства коммунизма, кроме общности национального языка, остальные три признака нации... стали постепенно терять свое былое значение. Таким образом, сближение социалистических наций ведет к постепенному слиянию их под названием «советский народ»[66]. Взгляды о том, что в СССР формируется единая социалистическая нация, разделяли А. А. Исупов, М. М. Ихилов, А. В. Ефимов, С. С. Нурова и др.[67]

В ходе дискуссии по проблемам нации, организованной редакцией журнала «Вопросы истории» в 1966—1968 гг., Н. П. Ананченко выдвинул положение о том, что новая историческая общность является продолжением исторического ряда общностей, в который входят род, племя, народность, нация (он называл их конкретно-историческими формами развития человеческого общества). Призывая изучать «закономерности, внутреннюю логику развития каждой нации в ...интернациональную общность людей», автор полагал, что «нация и интернациональная общность людей являются... двумя смежными формами развития однородной всеобъемлющей общности людей, непосредственно переходящими одна в другую»[68]. Позиция автора, таким образом, не исключала признания советского народа новой нацией.

В 1964 г. этнограф С. И. Брук предложил считать советский народ постепенно складывающейся «этнополитической общностью»[69]. Ю. В. Бромлей и В. И. Козлов, развивая это положение, считали, что советский народ, «помимо территориально-политического, экономического и социального единства, приобретает отдельные типично этнические свойства: особую культуру (советская культура), специальный психический склад (советский характер, советский патриотизм), свое самосознание, включая... представление об общности исторических, в том числе и революционных традиций... У советского народа складывается и определенная этнолингвистическая общность. В будущем можно ожидать дальнейшего развития у советского народа некоторых общеэтнических элементов и признаков»[70]. И. С. Кон в 1968 г. прямо назвал советский народ этнической общностью[71].

Концепция о советском народе как этнической общности, игнорирующая социальный и другие признаки новой общности, также не давала всестороннего ответа на вопрос о сущности рассматриваемого объекта и приводила к признанию «единой советской нации». Среди этнографов критически оценил данную концепцию Н. Н. Чебоксаров, писавший, что «советский народ не является, конечно, этнической общностью»[72]. Против ошибочного суждения о новой общности как единой нации выступили многие ученые, занимавшиеся изучением советского народа, но, как представляется, они не аргументировали должным образом свое негативное отношение к данному ошибочному положению. По-видимому, этим только и можно объяснить его живучесть. Выставляя в качестве коренного признака советского народа принцип межнациональных связей, исследователи не придавали должного значения тому, что советский народ не только новая интернациональная, но и новая социальная общность.

Холмогоров, критикуя такой подход, отмечал: «Если следовать логике их рассуждений, то получается, будто советские нации и народности переходят в интернациональную общность, а советский народ как межнациональная общность людей — в национальную общность. Исследование соотношения национальной и новой исторической общности людей показывает, что многонациональный советский народ не был нацией и не превратится в нее в будущем»[73]. Нельзя не сказать о негативных практических последствиях отождествления советского народа с единой нацией. Джунусов писал, что в связи с ошибочным толкованием факта возникновения новой общности как единой нации, кое-где начали сокращать издания литературы на родном языке, уменьшать радиопередачи, ослаблять внимание к национальным меньшинствам и т. д.[74] Концепция, допускавшая складывание в СССР «единой нации», была взята на вооружение буржуазными идеологами, кричащими о русификаторской политике КПСС и Советского государства.

Таким образом, в литературе 60-х годов, несмотря на различия во взглядах на сущность новой исторической общности, по-

степенно складывался методологический подход к проблеме, признаваемый сегодня наиболее верным. Понимание советского народа как новой социальной и интернациональной общности закрепил XXIV съезд КПСС. В его резолюции записано, что в СССР «в процессе социалистического строительства сложилась новая историческая общность людей — советский народ»[75]. В Отчетном докладе ЦК КПСС констатировалось, что в СССР сложились «новые... отношения между классами и социальными группами, нациями и национальностями — отношения дружбы и сотрудничества»[76]. Исследователи проблем новой общности придают большое значение этим положениям доклада. Например, Джунусов усматривал его в том, что партия обратила «внимание нашей общественности на необходимость всестороннего глубокого изучения и пропаганды научного решения этой проблемы»[77]. Куличенко считает, что тезисы съезда о советском народе завершили собой «длительные поиски исследователями путей и средств раскрытия с наибольшей полнотой многих вопросов, связанных с образованием и развитием новой исторической общности: времени ее образования, сочетания социально-классовых и интернациональных факторов в ее сущности, методологии, анализе как общности в ряду других исторических общностей»[78].

Одной из центральных является проблема определения места новой исторической общности среди других исторических общностей. Без ее решения нельзя ответить на вопрос о качественном своеобразии, современном состоянии и тенденции развития новой общности. Данная проблема связана с будущим классов и наций. Положение об исторически преходящем характере классов является краеугольным камнем теории марксизма-ленинизма. Классы появились на определенной ступени развития человечества, и на определенной ступени они отомрут. Подобная судьба и у наций.

В работе «Социалистическая революция и право наций на самоопределение» В. И. Ленин писал: «Целью социализма является не только уничтожение раздробленности человечества на мелкие государства и всякой обособленности наций, не только сближение наций, но и слияние их»[79]. Тезис о сближении и слиянии наций в процессе строительства коммунизма Ленин повторял во многих работах[80]. Он считал процесс сближения и слияния наций длительным и критиковал тех, кто пытался его искусственно ускорить. Например, по поводу провозглашения «левыми» коммунистами лозунга «Наций никаких не нужно, а нужно объединение всех пролетариев!» он писал: «Конечно, это великолепная вещь, и это будет, только совсем на иной стадии коммунистического развития»[81].

Выводы В. И. Ленина о будущности наций прямо противоположны идеям, согласно которым «не может быть и речи об исчезновении национального своеобразия», что «человечество жило в национальной форме и будет жить в ней»[82]. В то же время ленинская концепция не имеет ничего общего с космополитически-

ми теориями, отрицающими нации и национальный суверенитет якобы во имя «единого человечества».

Проблема будущего наций является одной из актуальных тем советского обществоведения. Так, в конце 50-х годов возникла концепция о коммунистических нациях. Одним из первых высказал подобные взгляды И. П. Цамерян, писавший в 1958 г.: «С переходом от социализма к коммунизму произойдет перерастание социалистических наций в коммунистические. Но последние не будут каким-то новым типом нации»[83]. Эти взгляды в 60-е годы разделяли М. Д. Каммари, М. Н. Чекалин и др.

Рассматривая вопрос о будущем наций, большинство исследователей пришло к выводу, что новая историческая общность — это переходная ступень к единому коммунистическому человечеству.

В этой связи вызывает интерес позиция Рогачева и Свердлина, подразделявших процесс развития социалистических наций от их возникновения до полного слияния на пять этапов: 1 — освобождение угнетенных наций и достижение ими фактического равенства «в основном, в главном»; 2 — завоевание полного единства нации, складывание отдельных признаков слияния в период развернутого строительства коммунизма; 3 — достижение полного единства нации в рамках мировой системы социализма; 4 — складывание всемирного сообщества социалистических и коммунистических народов; 5 — слияние в единое мировое коммунистическое сообщество. Период функционирования новой общности исследователи относили ко второму этапу сближения и слияния наций[84]. Советский народ рассматривался ими как переходная ступень к коммунистическому безнациональному человечеству: он несет в себе некоторые черты будущей единой мировой общности людей[85].

Особенно важным в концепции Рогачева и Свердлина, на наш взгляд, является положение о том, что внутри СССР «процессы слияния пойдут раньше, чем в мире в целом. К этому, — отмечали исследователи, — не могут не вести длительные и более прочные связи в составе одного народа, наличие второго, притом общего для всех наций данной страны языка»[86]. Авторы признавали, что уже сейчас, на современном этапе развития советского народа происходит процесс, который «включает и не может не включать в себя отдельных элементов слияния»[87].

Занимая подобную позицию, Калтахчян на Волгоградской конференции призывал исследователей не возводить между процессами сближения и слияния наций метафизической стены, видеть их внутреннюю связь, не считать, что только с окончанием сближения возникает слияние наций[88]. Он полагал, что авторы, отрицающие даже отдельные элементы слияния наций при социализме, понимают слияние только в его высшем выражении, как исчезновение всех национальных (в том числе языковых, культурных) различий и поэтому воспринимают любое упоминание о слиянии как левацкий заскок. Ученый утверждал, что «такое ме-

тафизическое понимание термина «слияние наций» чуждо ленинизму», и делал вывод, что «необходимо различать полное слияние наций от частичного в разных сферах жизни». Исходя из практики развития наций СССР, он констатировал процесс слияния советских наций в экономике, политике, идеологии[89]. А. Е. Мординов также признавал, что в этих областях межнациональных отношений происходит процесс слияния, а в области языка и других форм национальной культуры, в области быта, обычаев, национального характера, традиций еще происходит процесс сближения. Исследователь из Якутии утверждал, что точка зрения, отрицающая слияние наций при социализме в решающих областях межнациональных отношений (полное слияние нации он связывал с «полным коммунизмом»), теоретически неправильна и практически вредна, «ибо ведет к игнорированию общего между социалистическими нациями, их единства и одностороннему подчеркиванию различий между ними»[90]. И. М. Кислицын считал, что в СССР постепенное этническое слияние одних народов с другими идет «по пути признания языка другой национальности своим родным языком» и «по пути прямого причисления себя к другой национальности»[91].

Подобных взглядов в 60-е годы придерживались и некоторые другие исследователи. Так, Н. Д. Джандильдин писал, что «в ныне происходящем в нашей стране сближении наций нельзя не видеть первоначального зародыша того большого, многогранного процесса их слияния, который, как таковой, завершится в будущем»[92]. Т. Ю. Бурмистрова отмечала, что «на современном этапе развития нашего общества процесс сближения социалистических наций еще не ведет непосредственно к слиянию наций, хотя и включает некоторые его элементы»[93]. Одесские исследователи Р. А. Лычковский и В. Н. Романюк утверждали, что «ростки, элементы процесса слияния наблюдаются уже сейчас в жизни каждой социалистической нации, начиная от экономики, духовного облика и кончая семейно-бытовыми отношениями и традициями»[94].

Представляется, что данный подход перспективен, ибо нельзя противопоставлять процессы сближения и слияния наций. Процесс сближения наций — это процесс слияния отдельных сторон, элементов жизни нации, который более всего проявляется в экономике — единый народнохозяйственный комплекс, единые транспортная и энергетическая системы и т. д. Утверждение единого политического руководства КПСС и единой марксистско-ленинской идеологии, развитие единого социалистического образа жизни — примеры элементов слияния наций, через которые выражается процесс сближения наций.

Представляется, что нельзя считать верной позицию некоторых авторов, которые относили весь процесс слияния наций к необозримому будущему. Такой взгляд был свойствен в 60-е годы Егиазаряну. Он преувеличивал, на наш взгляд, национальную специфику, ее устойчивость, отвергал мнение о том, что совет-

ские нации уже сейчас находятся на пути к безнациональному существованию [95].

В работах некоторых авторов получила развитие точка зрения, что будут возникать новые, более высокие, чем советский народ, формы интернациональной общности. Так, Рзаев полагал, что одной из последующих ступеней развития процесса сближения и слияния наций явится общность, возникшая на базе усиления тенденции сближения социалистических наций в масштабах всего социалистического содружества, которую можно назвать «народы социалистических стран» [96]. Более определенно данная точка зрения высказана А. П. Серцовой. Она считает, что советский народ — исторически первая социалистическая интернациональная общность людей на пути к безнациональному человечеству, а мировое социалистическое содружество — это новая интернациональная общность народов, «международная интернациональная общность народов и наций социалистических стран, которая является прообразом единой общности людей в будущем». Отметив возникновение двух новых исторических общностей, Серцова писала о «новых складывающихся общностях людей в освободившихся странах», которые перенимают опыт советского народа и социалистической системы в своей борьбе за свободное развитие [97].

Историческое место общности «советский народ» яснее вырисовывается при сравнении ее с нацией. Действительно, такие признаки, как общность экономической жизни, территории, многие существенные черты психологии, общие традиции культуры и некоторые другие, делают схожими общности «советский народ» и «социалистическая нация». Исследователи уже в 60-е годы пытались выявить черты, которые их различают. Так, Рогачев и Свердлин утверждали: «Человек не может одновременно принадлежать к двум нациям. У нации все этнические признаки являются общими для всех ее членов. Этого нельзя сказать об интернациональной общности. В ее признаках наряду с общими чертами есть и специфические, особые у каждой из составных частей» [98].

Егиазарян главное отличие нации от общности «советский народ» видел в языковой области: «Единая социалистическая нация предполагает наличие только одного языка (как одного из важных и решающих признаков исторической категории «нация») и ликвидацию, исчезновение всех остальных языков, между тем как единый многонациональный советский народ предполагает наличие наряду с ним языков всех социалистических наций» [99].

К числу имеющих прямое отношение к более глубокому уяснению сущности новой общности, закономерностей и перспектив ее развития относится и проблема периодизации процесса ее формирования. В 60-е годы наибольшее распространение получила точка зрения, что оформление новой общности относилось к середине или к концу 30-х годов.

Впервые данная проблема была поставлена в 1963 г. на пер-

вом Всесоюзном координационном совещании по теме «Развитие национальных отношений в условиях перехода от социализма к коммунизму». Н. К. Гарифуллин выделил следующие этапы формирования и развития новой общности: 1) строительство социализма в СССР и формирование новой исторической общности — советского народа, 2) завершение социалистического строительства и дальнейшее сплочение советского народа, 3) развернутое строительство коммунизма и новый этап развития советского народа. Гарифуллин считал, что на начальном этапе формирования и развития советского народа на первый план выступали черты его советской государственно-политической общности, на втором — черты его социальной, экономической, идеологической общности, на третьем — все более рельефно оформляются черты его психологической, культурной, языковой общности [100].

Я. Ш. Шарапов на этом совещании заявил, что оформление новой общности «характерно для периода победившего социализма, хотя своими корнями она уходит к первым этапам сближения наций» [101]. Таким образом, в общей проблематике новой исторической общности был поставлен вопрос об этапах формирования и развития советского народа.

В 1966 г. на Московской и в 1968 г. на Волгоградской конференции Гарифуллин развил и несколько видоизменил свою концепцию формирования и развития новой общности. Первый этап (1917—1937 гг.), по мнению ученого, завершился тем, что определялась «совокупность основных черт, характеризующих складывание в СССР новой исторической общности — советского народа» [102]. На Волгоградской конференции у Гарифуллина очень четко прозвучала интересная мысль о том, что «историческую форму, в которую первоначально вылилось (после Октябрьской революции. — *А. М.*) интернациональное сплочение народов нашей страны, можно охарактеризовать... как советское содружество трудящихся масс различных национальностей» [103]. К сожалению, эта мысль не получила дальнейшего развития. На втором этапе (с конца 30-х до конца 50-х годов), по мнению Гарифуллина, советский народ «перерос в органичную, целостную систему, в систему с характерной высокой степенью всесторонней связи, субординацией частей и функцией саморегулирования, самоинтегрирования качественно новых элементов». На третьем, современном этапе, считал исследователь, новая общность стала выступать как «многонациональная целостность, как новая по типу историческая общность людей, развивающаяся на своей собственной основе» [104].

М. Н. Росенко, П. М. Копытко, А. Н. Головнев, исходя из представлений о трехэтапном процессе формирования и развития новой общности, безоговорочно относили факт образования советского народа как новой исторической общности к концу 30-х годов, т. е. ко времени завершения переходного периода и построения социализма в основном [105].

Заслуживает внимания выступление на Волгоградской конфе-

ренции Д. С. Киселева, считавшего, что в своем развитии советский народ прошел определенные этапы от сплочения различных наций и народностей в «единое революционное содружество» (1917—1937 гг.) и до окончательного упрочения советского народа как новой исторической общности людей (1938—1958 гг.) [106]. Завершение этапа оформления новой исторической общности к концу 50-х годов относил и Холмогоров [107].

Немаловажное значение имет вопрос о предпосылках и исходном рубеже формирования общности. Началом ее складывания большинство исследователей считают победу Великой Октябрьской революции. Так, Копытко отмечал: «На наш взгляд, формирование социалистических наций было важным этапом в дальнейшем развитии интернациональной общности, в ее укреплении и усилении. Вот почему мы не можем поддержать той мысли, что возникновение советского народа относится лишь к середине 30-х годов. Эта общность формировалась постепенно, еще с победы Октября в 1917 г.» [108]

Великая Октябрьская революция — не только исходный рубеж, но и реальная предпосылка возникновения новой общности. В связи с этим следует обратить внимание на неоднозначное понимание предпосылок формирования советского народа в историографии 60-х годов. Так, Андреев считал, что начало образования новой общности «можно отнести к началу территориального расширения Русского национального государства и превращения его в государство многонациональное» [109]. Данная точка зрения не получила признания; нам она также представляется излишним увлечением автора поисками «исторических корней» новой общности. Гарифуллин «исторической предпосылкой, генетическим пунктом» формирования советского народа считал «выкованное Коммунистической партией интернациональное единство российского пролетариата, на базе которого в борьбе за власть Советов возникла такая социально-политическая сила, как революционный народ России, включавшая в себя рабоче-крестьянские массы различных национальностей...» [110]. Думается, что в данном случае правы исследователи, указывавшие, что главное в революционном народе — его классовая непримиримость, борьба против своих угнетателей, а основные черты новой общности — совершенно новые, внутренние, качественные черты. На Волгоградской конференции Рогачев и Свердлин заявили о том, что предпосылкой формирования советского народа является многонациональность ленинской партии («КПСС... стала прообразом всех интернациональных общностей») [111]. Однако, как справедливо отмечал Куличенко, считать партию прообразом советского народа нельзя, поскольку это «разноплановые общественные явления с различными закономерностями развития и с несовпадающими общественными функциями» [112].

Несомненно, новая общность формировалась и развивается в тесной связи с общим процессом строительства социализма в нашей стране. Отсюда понятно стремление авторов согласовать не-

риодизацию новой общности с этапами развития социализма в СССР. Следовательно, корень вопроса не только в выделении тех существенных черт и признаков новой общности на различных этапах ее развития, но и в более четком понимании и обосновании этапов развития социалистического общества. На наш взгляд, утверждения о том, что новая историческая общность сформировалась к концу либо 30-х, либо 50-х годов, означают приписывание ей качеств, присущих более высокому уровню развития социалистического общества, а именно развитому социализму. Позднее была высказана точка зрения о том, что новая общность является категорией зрелого социализма, в условиях которого советский народ становится целостным социальным организмом, достигает высокой степени социальной зрелости (социально-экономической, социально-классовой, политико-идеологической, интернациональной). На это указывают известные положения о новой общности, высказанные на XXIV съезде КПСС. К концу 50-х годов новая историческая общность сформировалась в основном, что, на наш взгляд, и зафиксировал XXII съезд партии. Завершение формирования советского народа как новой общности новая редакция Программы КПСС связывает с выходом нашей страны «на новые исторические рубежи, открывшие этап развитого социализма» [113].

Проблема новой общности многогранна. Одним из ее аспектов является вопрос о структуре советского народа. В 60-е годы данная проблема решалась неоднозначно. Часть авторов, которые рассматривали советский народ только как интернациональную общность, отмечали, что он состоит из социалистических наций и народностей. Другие полагали, что структура новой общности представляет из себя совокупность двух дружественных классов и прослойки, наций и народностей. Третьи считали, что основными элементами структуры новой исторической общности являются более узкие многонациональные формы общности людей — народы советских союзных республик. Один из сторонников такого подхода Вейнгольд отмечал, что понятие «народ такой-то республики» шире понятия «нация», поскольку оно подчеркивает не только общность людей той национальности, которая дала название республике, но и других национальностей, длительное время проживающих на ее территории и вкладывающих свой труд в дело ее развития [114].

Подобную позицию изложили Рогачев и Свердлин на Волгоградской конференции. Они считали, что каждая советская республика как часть новой общности сама представляет собой интернациональную общность, и предлагали использовать применительно к любой советской республике, независимо от соотношения в ней населения коренной и других национальностей, термин «народ такой-то республики» [115]. Аналогичное понимание проблемы структуры новой общности было свойственно Джандильдину, который оперирует понятием «народ», имея в виду население той или иной республики. Джандильдин также дает характеристику

интернациональных коллективов, сложившихся в советских республиках (автор показал их деятельность в Казахской ССР)[116].

Представляется, что позиция названных авторов позволяет определить структуру советского народа: новую историческую общность образуют народы советских республик (народ Украинской ССР, народ Белорусской ССР и т. д.), составными частями которых в свою очередь являются трудовые (по большей части интернациональные) коллективы социалистических предприятий и учреждений. Первичной ячейкой советского народа является социалистическая семья, в наше время нередко смешанная в национальном отношении.

При таком подходе к внутреннему строению новой общности каждый элемент структуры как часть целого обладает всеми основными качествами этого целого и характеризуется, как и советский народ в целом, с двух сторон — с социальной и интернациональной. Народ каждой советской республики в качестве структурного элемента новой общности предстает как «многонациональный коллектив, в котором национальные особенности органически сочетаются с интернациональными социалистическими, общесоветскими чертами и традициями»[117]. Характеристика социально-классовой и национальной структур советского народа является одним из важнейших условий выявления его сущности, однако взятые сами по себе эти структуры способны отразить лишь одну из сторон новой общности.

В 60-е годы в советской историографии были поставлены некоторые другие проблемы новой исторической общности. Делалась, например, попытка показать, чем понятие «советский народ» отличается от понятия «советское общество». По широте охвата населения страны эти понятия совпадают, поэтому некоторые ученые придерживались мнения об их тождественности. Такой взгляд разделял, например, Рзаев[118]. Противоположную позицию занимали Рогачев и Свердлин. Они считали, что эти категории не тождественны, поскольку при изучении советского общества главное внимание сосредоточивается на характеристике общественного строя, производственных отношений и политической надстройки, а от национальных отношений в какой-то мере можно отвлечься. Категория «советский народ» обязательно предполагает изучение национальных отношений наряду с социально-классовыми[119].

Интересна постановка советскими обществоведами проблемы качественного отличия понятий «советский народ» и «американский народ». Джунусов отмечал, что если советский народ сложился на основе дружбы народов и является подлинно интернациональным по своей социальной сущности, то американский народ возник путем ассимиляции национальных меньшинств и расовой дискриминации[120]. Рзаев коренное отличие этих понятий видел в их различных социально-классовых структурах[121]. На наш взгляд, эти понятия несопоставимы, поскольку советский народ — новая историческая общность, свойственная новому соци-

ально-экономическому строю, а в США функционирует сложившаяся на межэтнической основе буржуазная нация.

Неоднозначно решалась и проблема соотношения двух тенденций развития национальных отношений и образования новой общности. Большинство исследователей считали, что в образовании советского народа воплотилась вторая тенденция (сближения) [122]. При этом сторонники данной точки зрения не умаляли значения первой — расцвета наций при социализме, но отмечали преобладание, ведущую роль тенденции сближения. Некоторые авторы утверждали, что в период строительства социализма доминирует тенденция развития национального [123]. И наконец, существовала третья точка зрения, сторонники которой отвергали преобладание одной тенденции над другой. Так, А. Г. Агаев считал, что нельзя отрывать эти тенденции друг от друга, что процессы расцвета и сближения одинаково прогрессивны для социализма и являются ведущими и главными [124]. Представляется, что более верной следует считать первую точку зрения. Действительно, если тенденция к сближению наций начинает преобладать уже при капитализме, то тем большее значение приобретает она при социализме, причем по мере развития новой исторической общности это значение усиливается.

В 60-е годы наблюдалась тенденция перехода к конкретному анализу отдельных черт новой исторической общности. Так, Холмогоров в монографии «Интернациональные черты советских наций» (М., 1970) проанализировал национальные отношения на материалах проведенных в 1964—1969 гг. широких социологических исследований в Прибалтике. Он показал диалектику преодоления старых, отживающих сторон в сфере быта, традиций, морали и утверждения интернациональных, общесоветских черт. Такие признаки советского народа, как общность экономической жизни и территории, государственности, культуры и языка, психологии, Холмогоров проанализировал в монографии «Единый и многонациональный».

Таким образом, в 60-е годы концепция новой исторической общности прошла немалый путь развития. Были поставлены, по сути, все главные проблемы формирования и развития новой общности. Сложился в основном верный методологический подход к советскому народу как новой социальной и интернациональной общности, закрепленный на XXIV съезде партии. Постепенно складывались в эти годы научные центры по изучению проблем новой общности. Неоднозначность решения многих вопросов развития советского народа ставила большие задачи перед советскими обществоведами, развивавшими концепцию в последующие годы.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Зайцева Е. А. Библиография. — В кн.: Советский народ — новая историческая общность людей: становление и развитие. М., 1975, с. 483—517; Добровольская Н. А., Комаренко Т. А. Библиография. —

В кн.: Великий советский народ. Киев, 1976, с. 489—501; Формирование и развитие советского народа — новой исторической общности людей. Библиогр. указ. Киев, 1978; Ржаницына В. А. Библиография. — В кн.: Интернационализм советского народа (История и современность). М., 1982, с. 493—581; Ленинская национальная политика и национальные отношения в СССР в период развитого социализма. М., 1982; и др.

[2] Советский народ — новая историческая общность людей. Сб. обзоров. М., 1980; Жиромская И. П. Советский народ как новая историческая общность людей — социальная основа советского многонационального общенародного государства (обзор 22 работ). — В кн.: СССР — государство братства и дружбы народов. Сб. обзоров. М., 1982; и др.

[3] См.: Рзаев Д. Понятие «многонациональный советский народ» в советской и буржуазной социологии. — В кн.: О некоторых понятиях теории нации. Фрунзе, 1968, с. 128—139; Холмогоров А. И. Единый и многонациональный. Рига, 1970, с. 39—44; Скибицкий М. М. Некоторые аспекты исследования советского народа как новой исторической общности людей. — В кн.: Актуальные вопросы развития национальных отношений в свете решений XXIV съезда КПСС. М., 1972, с. 27—31; Вейнгольд Ю. Ю. Советский народ — новая историческая общность людей. Фрунзе, 1973, с. 5—16; Росенко М. Н. Формирование и развитие советского народа — торжество принципов ленинской национальной политики. — В кн.: Вопросы теории и практики развития национальных отношений. Л., 1974, с. 6—11; Комаренко Н. В. Новая историческая общность людей в советской историографии (на материалах УССР). — В кн.: Единство и сотрудничество народов СССР. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Кишинев, 1975, с. 256—259; Зайцева Е. А. Советский народ — новая историческая общность (Историография проблемы). — Там же, 252—256.

[4] См.: Куличенко М. И. Разработка проблемы новой исторической общности в советской историографии. — В кн.: Основные направления изучения национальных отношений в СССР. М., 1979, с. 29.

[5] См.: Шерстобитов В. П., Зайцева Е. А. Некоторые историографические проблемы формирования и развития новой исторической общности в СССР — советского народа. — В кн.: Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976, с. 220—232; Куличенко М. И. Образование и развитие советского народа как новой исторической общности (Историография). — ВИ, 1979, № 4, с. 2—23; Его же. Разработка проблемы новой исторической общности...; Его же. Вопросы изучения новой исторической общности людей. — Коммунист Грузии. 1981, № 8, с. 10—18; Федосеев П. Н. Теоретические проблемы развития и сближения наций. — Коммунист, 1980, № 1, с. 57—71; Становление и развитие новой исторической общности — советского народа. — История СССР, 1980, № 6, с. 23—83; Росенко М. Н. Методологические аспекты исследования национальных отношений. — Вопросы философии, 1980, № 10, с. 67—73; Бурмистрова Т. Ю., Зайцева Е. А. Историография советского народа как новой исторической общности людей — В кн: Национальная политика КПСС. Очерк историографии. М., 1981, с. 192—207; Горовский Ф. Я. Советский народ как интернациональная общность. Киев, 1982, с. 5—19; Сануков К. Н. Советская обществоведческая литература 70-х гг. об экономическом сотрудничестве народов СССР в условиях развитого социализма. — История СССР, 1982, № 6, с. 74—81; Лашук Л. П. Об исторической необходимости возникновения социально-интернациональной общности трудящихся СССР. — В кн.: Социальные аспекты советского народа как новой социально-интернациональной общности людей. М., 1982, с. 32—60; Комаренко Н. В. Дружба и сотрудничество народов СССР. Украинская советская историография. Киев, 1984, с. 182—205.

[6] См.: Куличенко М. И. Образование и развитие советского народа как новой исторической общности, с. 3.

[7] См.: Вейнгольд Ю. Ю. Указ. соч.; Лашук Л. П. Указ. соч.

[8] Обоснованию и характеристике этих этапов был посвящен доклад А. И. Вдовина «Изучение истории формирования и развития советского народа как новой исторической общности людей. 1960—1980-е годы». (Программа научной конференции «Ломоносовские чтения». Апрель 1984. М., 1984, с. 16).

[9] Становление и развитие новой исторической общности — советского народа. — История СССР, 1980, № 6, с. 23—83.
[10] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 287.
[11] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 40.
[12] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 235.
[13] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 440; т. 52, с. 301.
[14] КПСС в резолюциях..., т. 5, с. 336; Материалы XXVII съезда КПСС, с. 125.
[15] Кравцев И. Э. Соціализм і національні традициіі. Київ, 1955, с. 4.
[16] См.: Кравцев И. Э. Соціализм і національні традициіі, с. 4; Его же. Сближение социалистических наций в процессе перехода к коммунизму. Киев, 1960, с. 9.
[17] Андреев А. А. Торжество ленинских идей дружбы народов. — Коммунист, 1960, № 4, с. 39.
[18] Каммари М. Д. Расцвет социалистических наций и их сближение в период перехода от социализма к коммунизму. Львов, 1961, с. 14.
[19] См. там же.
[20] XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стеногр. отчет, т. I. М., 1962, с. 153.
[21] См.: Цамерян И. Новый этап в развитии национальных отношений в СССР. М., 1962, с. 56; Молочко А. Д. Национальные отношения в СССР в период развернутого строительства коммунизма. Минск, 1962, с. 12; Чекалин М. В. Коммунизм и нации. Л., 1962, с. 26—27; Шалдыбин В. Я. Великое братство. Симферополь, 1962, с. 13; Агаев А. В единой семье. М., 1962, с. 43; Мусин М. Братство народов, содружество языков. Казань, 1964, с. 3, 92, 93; Лин Э. И. В дружной семье народов Советского Союза. Грозный, 1964, с. 9; Магомедов А. Братской семьей — к единой цели. Махачкала, 1965, с. 14; и др.
[22] Ким М. П. Над чем работают историки (Вопросы истории советского общества). М., 1962, с. 24.
[23] См.: Каммари М. Д. Об основных направлениях в тематике исследований национальных отношений в СССР в период развернутого строительства коммунизма. М., 1963, с. 30—31.
[24] См.: Кравцев И. Е. Развитие национальных отношений в СССР. Киев, 1962, с. 26; Его же: Пролетарский интернационализм, отечество и патриотизм. Киев, 1965, с. 225.
[25] См.: Кравцев И. Е. Развитие национальных отношений в СССР, с. 27—28, 30.
[26] Булатов М. Р. В братской семье советских народов. Казань, 1963, с. 40.
[27] Рогачев П., Свердлин М. Советский народ — новая историческая общность людей. — Коммунист, 1963, № 9, с. 13.
[28] Каммари М. Д. К полному единству. М., 1962, с. 12—14.
[29] Там же, с. 19.
[30] Джунусов М. С. О диалектике развития национальных отношений в период строительства социализма и коммунизма. М., 1963, с. 45.
[31] Джунусов М. С. Научные основы ленинской национальной политики КПСС. Кишинев, 1968, с. 44.
[32] См.: Куличенко М. И. Разработка проблемы новой исторической общности..., с. 46.
[33] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 120.
[34] Джунусов М. С. О некоторых актуальных теоретических вопросах национальной политики КПСС. — В кн.: Интернациональное воспитание трудящихся. Рига, 1967, с. 37.
[35] Материалы XXIII съезда КПСС. М., 1966, с. 89.
[36] Джунусов М. С. Диалектика становления советского народа как многонациональной социальной общности людей. — В кн.: Многонациональный советский народ — новая историческая общность людей. М., 1966, с. 65.
[37] Там же, с. 66.

[38] См.: Рогачев П. М., Свердлин М. А. — Нации — народ — человечество. М., 1967, с. 119.
[39] См.: Рзаев Д. Указ. соч., с. 125.
[40] Лопаева Д. Т. Нации и национальные отношения в период строительства социализма и коммунизма. Киев, 1967, с. 38.
[41] Там же, с. 38.
[42] Тадевосян Э. В. Нации и национальные отношения в период строительства социализма и коммунизма. М., 1968, с. 35.
[43] Смирнов А. С. Советский народ как социологическая категория. — В кн.: Советский народ — новая историческая общность людей. Волгоград, 1969, с. 88.
[44] Рогачев П. М., Свердлин М. А. Место советского народа среди исторических общностей людей. — Там же, с. 42.
[45] Пушкина З. М. Усиление социальной однородности наций — важное условие укрепления единства советского народа. — Там же, с. 300.
[46] Там же.
[47] См.: Рогачев П. М., Свердлин М. А. Место советского народа..., с. 44; Князев Л. М. Самосознание интернациональной общности советских людей. — В кн.: Советский народ — новая историческая общность, с. 370; Киселева Н. М. К вопросу о понятии «советский народ». — Там же, с. 94; Смирнов А. С. Указ. соч., с. 89.
[48] Смирнов А. С. Указ. соч., с. 93.
[49] Рогачев П. М., Свердлин М. А. Место советского народа..., с. 44.
[50] Рзаев Д. Указ. соч., с. 128.
[51] См.: Росенко М. Н. Формирование и развитие советского народа..., с. 8—9.
[52] Холмогоров А. И. Единый и многонациональный. Рига, 1970, с. 5.
[53] Там же, с. 158.
[54] К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Тезисы ЦК КПСС. М., 1970, с. 32—33.
[55] Строительство коммунизма и развитие общественных отношений. М., 1966, с. 288.
[56] См.: Вейнгольд Ю. Ю. К вопросу о социально-волевых моментах возникновения и развития новой исторической общности людей — советского народа. Фрунзе, 1966, с. 17.
[57] Булатов М. Р. Советский народ — результат всестороннего развития и тесного сближения социалистических наций. — В кн.: Многонациональный советский народ — новая историческая общность людей, с. 6.
[58] Нуруллаев А. А. Советский народ как форма многонационального социального коллектива. — Там же, с. 14.
[59] См.: Калтахчян С. Т. Социалистические нации, их настоящее и будущее. М., 1967, с. 36.
[60] См.: Калтахчян С. Т. Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей. М., 1969, с. 397.
[61] Егиазарян А. М. Социализм и нации. Ленинская национальная политика в действии. М., 1969, с. 39.
[62] Росенко М. Н. Строительство коммунизма в СССР и закономерности развития социалистических наций. Л., 1968, с. 19.
[63] Советский народ — новая историческая общность людей. Волгоград, 1969.
[64] См.: Калтахчян С. Т. Ленинизм о сущности нации..., с. 397.
[65] Ильяшенко К. Ф. К вопросу развития социалистических наций. — В кн.: Торжество ленинской национальной политики в СССР. Ташкент, 1962, с. 185.
[66] Хасанов А. Дружба народов — движущая сила в строительстве коммунизма. Фрунзе, 1963, с. 185.
[67] См.: Исупов А. А. Национальный состав населения СССР. М., 1964, с. 9; Ихилов М. К вопросу о национальной консолидации народов Дагестана. — Советская этнография, 1965, № 6, с. 101; Его же: От раздробленности к единству. — Советский Дагестан, 1970, № 1, с. 8; Ефимов А. В.

О направлениях в изучении наций. — Новая и новейшая история, 1967, № 4, с. 35; Нурова С. С. О сочетании национальных языков и языка межнационального общения в жизни советских людей. — В кн.: Советский народ — новая историческая общность людей, с. 490.

[68] Ананченко Н. П. От нации к интернациональной общности людей. — ВИ, 1967, № 3, с. 86, 90.

[69] См.: Брук С. И. Основные проблемы этнической географии. М., 1964, с. 28.

[70] Бромлей Ю. В., Козлов В. И. Ленинизм и основные тенденции этнических процессов в СССР. — Советская этнография, 1970, № 1, с. 13—14.

[71] См.: Кон И. Национальный характер — миф или реальность. — Иностранная литература, 1968, № 9, с. 229.

[72] Чебоксаров Н. Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых. — Советская этнография, 1967, № 4, с. 108.

[73] Холмогоров А. И. Единый и многонациональный, с. 160.

[74] См.: Джунусов М. С. О некоторых актуальных теоретических вопросах.., с. 37.

[75] XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза: 30 марта — 9 апреля 1971 г. Стеногр. отчет, т. 2, М., 1972, с. 232.

[76] Материалы XXIV съезда КПСС, М., 1971, с. 76.

[77] Джунусов М. С. Общественный прогресс и национальные отношения. Алма-Ата, 1976, с. 126.

[78] Куличенко М. И. Разработка проблемы новой исторической общности, с. 41.

[79] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 256.

[80] См., напр.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 167, 440; т. 38, с. 94 и др.

[81] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 181.

[82] Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия. СПб., 1909, с. 136, 543.

[83] Цамерян И. П. Советское многонациональное государство, его особенности и пути развития. М., 1958, с. 257.

[84] См.: Свердлин М. А., Рогачев П. М. Коммунизм и нации. Элиста, 1964, с. 93.

[85] См.: Рогачев П. М., Свердлин М. А. Нации — народ — человечество, с. 188.

[86] Там же, с. 187.

[87] Там же, с. 185.

[88] См.: Калтахчян С. Т. О ленинском понимании сближения и слияния наций. — В кн.: Советский народ — новая историческая общность людей, с. 78.

[89] См. там же, с. 80.

[90] Мординов А. Е. О диалектике сближения и слияния наций. — В кн.: Единство советского патриотизма и пролетарского интернационализма. Волгоград, 1967, с. 167.

[91] Кислицын И. М. Вопросы теории и практики федеративного строительства Союза ССР. Пермь, 1969, с. 172.

[92] Джандильдин Н. Коммунизм и развитие национальных отношений. М., 1964, с. 131.

[93] Бурмистрова Т. Ю. Теория социалистической нации. Л., 1970, с. 66.

[94] Романюк В. Н., Лычковский Р. А. Нации и национальные отношения в период строительства социализма и коммунизма. Одесса, 1968, с. 27.

[95] См.: Егиазарян А. М. Об основных тенденциях развития социалистических наций в СССР. Ереван, 1965, с. 67, 70, 80, 113.

[96] См.: Рзаев Д. А. Развитие национальных отношений в республиках Советского Востока. Фрунзе, 1968, с. 59.

[97] См.: Серцова А. П. Об интернационализации общественной жизни и формировании новых исторических общностей людей. — В кн.: Социология и идеология. М., 1969, с. 161, 162.

[98] Рогачев П. М., Свердлин М. А. Нации — народ — человечество, с. 90.

[99] Егиазарян А. М. Об основных тенденциях развития..., с. 48.

[100] См.: Гарифуллин Н. К. Советский народ как новая историческая общность людей. — В кн.: Развитие национальных отношений в условиях перехода от социализма к коммунизму. М., 1963, с. 35.

[101] Шарапов Я. Ш. Ведущая роль рабочего класса в сближении наций. — Там же, с. 26.

[102] Гарифуллин Н. К. Этапы формирования и развития советского народа как новой исторической общности. — В кн.: Многонациональный советский народ — новая историческая общность людей, с. 24.

[103] Гарифуллин Н. К. Этапы развития многонационального советского народа как новой исторической общности людей. — В кн.: Советский народ — новая историческая общность людей, с. 105.

[104] Там же, с. 107.

[105] См.: Росенко М. Н. Строительство коммунизма в СССР и закономерности развития социалистических наций. Л., 1968, с. 44; Головнев А. Н. Соотношение интернационального и национального в новой исторической общности людей. — В кн.: Многонациональный советский народ — новая историческая общность людей, с. 44—45; Копытко П. М. Советский народ и две тенденции в национальном вопросе. — В кн.: Советский народ — новая историческая общность людей, с. 105.

[106] См.: Киселев Д. С. О роли национальной государственности в формировании новой исторической общности людей — советского народа. —В кн.: Советский народ — новая историческая общность людей, с. 164.

[107] См.: Холмогоров А. И. Советский народ — новая историческая общность людей. — В кн.: Проблемы научного коммунизма. М., 1969, с. 21.

[108] Копытко П. М. Указ. соч., с. 178.

[109] Андреев М. А. Социалистическая нация в СССР — составная часть советского народа. — В кн.: Советский народ — новая историческая общность людей, с. 179.

[110] Гарифуллин Н. К. Этапы развития многонационального советского народа..., с. 105.

[111] Рогачев П. М., Свердлин М. А. Место советского народа..., с. 42.

[112] Куличенко М. И. Разработка проблемы новой исторической общности..., с. 55.

[113] Правда, 1985, 26 окт.

[114] См.: Вейнгольд Ю. О социально-волевых моментах в возникновении и развитии новой исторической общности людей — советский народ. — В кн.: Проблемы сближения социалистических наций в период строительства коммунизма. Фрунзе, 1966, с. 80.

[115] Рогачев П. М., Свердлин М. А. Место советского народа..., с. 42.

[116] См.: Джандильдин Н. Указ. соч., с. 102, 111 и др.

[117] О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик. Постановление ЦК КПСС от 21 февраля 1972 г. М., 1972, с. 17.

[118] См.: Рзаев Д. Понятие «многонациональный советский народ»..., с. 127.

[119] См.: Рогачев П. М., Свердлин М. А. Место советского народа..., с. 41.

[120] Строительство коммунизма и духовный мир человека. М., 1966, с. 546.

[121] См.: Рзаев Д. Понятие «многонациональный советский народ»..., с. 127.

[122] См.: Бардагова Л. Е. Коммунизм и нации. Днепропетровск, 1964, с. 6—8; Карачинский Л. М. Расцвет и сближение наций в период строительства коммунизма. Л., 1966, с. 9; Калтахчян С. Т. Исторические формы общности людей. М., 1966, с. 4; Рогачев П. М., Свердлин М. А. Нации — народ — человечество, с. 79; Росенко М. Н. Строительство коммунизма и сближение социалистических наций в СССР, с. 23; и др.

[123] См. напр.: Гиндин А. М., Маркин С. Г. О некоторых особенно-

стях нового этапа в развитии дружбы народов СССР. — Вопросы истории КПСС, 1965, № 2; Гарданов В. К., Долгих Б. О., Жданко Т. А. Основные направления этнических процессов народов СССР. — Советская этнография, 1961, № 4.

[124] См.: Агаев А. Г. К исследованию исторических тенденций социализма в национальном вопросе. — В кн.: Строительство коммунизма и проблемы сближения наций. Киев, 1969, с. 55—58.

Л. И. ВАСЬКИНА

РОЛЬ КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩНОСТИ «СОВЕТСКИЙ НАРОД»

Возникновение и развитие советского народа как новой исторической общности людей вызвало к жизни литературу, призванную раскрыть общие закономерности этого процесса, его основные этапы, характер и специфику в разных республиках и регионах страны. Вышедшие к настоящему времени труды, в том числе и историографические, расширяют горизонты исторического видения, открывают дополнительные возможности для более глубокого и разностороннего освещения проблем, характеризующих объективные и субъективные предпосылки формирования социально-интернациональной общности — советского народа. К числу назревших, требующих своего решения относится вопрос о складывании культурной общности советских людей, о взаимодействии этого процесса с процессами социальной интеграции и интернационализации общественной жизни в нашей стране.

Эта большая и важная тема, разработка которой имеет научное и практическое значение, уже рассматривалась в обществоведческой литературе. В той или иной мере она находится в поле зрения всех исследователей, изучающих проблемы развития национальных отношений в СССР, закономерности культурного развития, процесс формирования советского народа как новой исторической общности. Однако следует заметить, что о складывании духовной общности пишут главным образом философы и социологи, причем первые рассматривают проблему в общетеоретическом аспекте, вторые — на конкретных материалах, относящихся к двум-трем последним десятилетиям поступательного развития социалистического общества в СССР.

Что касается историков, то они наибольшую лепту внесли в освещение основных этапов культурной революции в СССР, начало которой положил Великий Октябрь. Подготовленные ими исследования весьма многочисленны и раскрывают духовную жизнь практически всех союзных и автономных республик. Наличие специальных историографических работ [1], в которых анализируется эта обширная литература, также свидетельствует о том, что роль культурной революции в формировании советского народа как новой исторической общности в трудах историков должного внимания не получила.

Сложившаяся ситуация мало изменилась даже в условиях,

когда все более широким фронтом идет разработка тематики, относящейся к истории возникновения советского народа как новой общности. И хотя уже появился ряд работ, содержащих небольшие экскурсы в прошлое[2], и исторической литературе обстоятельно анализируются лишь 60—70-е годы, переходный период от капитализма к социализму рассматривается явно недостаточно. С учетом сказанного в рамках данной статьи предпринята попытка наметить задачи и пути дальнейшего изучения процесса культурной революции, главным образом ее воздействия на начальный этап возникновения новой исторической общности людей, по времени совпадающий с переходным периодом.

Ближе всего к интересующей нас проблематике подходят работы о подъеме культурно-технического уровня рабочего класса. В совокупности с книгами и статьями, подготовленными философами и экономистами, они дают суммарное представление о деятельности КПСС и Советского государства, связанной с разработкой и осуществлением курса на упрочение ведущей роли рабочего класса в построении основ социализма, в создании нового типа культуры, предопределяющего неуклонный подъем общеобразовательного уровня населения, его профессиональной выучки и социальной активности. При этом неукоснительно подчеркивается, что уже в 20—30-е годы, главным образом в рамках довоенных пятилеток, развернулся процесс нарастающего сближения показателей, которые отражали успехи в ликвидации неграмотности, в народном образовании, специальном обучении и подготовке квалифицированных кадров рабочих во всех союзных республиках и регионах страны.

В целом принимая эту трактовку и разделяя ее, следует отметить, что ныне, в свете решений XXVII съезда КПСС, она нуждается в ряде серьезных уточнений, конкретизации некоторых положений, в расширении круга вопросов, подлежащих освещению в целях более полного показа того, в каких условиях и какими путями в СССР осуществлялась ликвидация фактического культурного неравенства, унаследованного от дореволюционного прошлого.

Прежде всего нам хотелось бы обратить внимание на то, что в конце 50-х годов было высказано пожелание изменить ранее сложившиеся взгляды на хронологические рамки культурной революции в СССР и не ограничивать их первым 20-летием Советской власти. Наиболее обстоятельно и определенно с этим тезисом выступили А. И. Арнольдов, Э. А. Балер, Н. С. Злобин, М. Т. Иовчук, Л. Н. Коган, В. А. Куманев[3]. В последующие годы их точка зрения получила широкое распространение. Исследователи стали подчеркивать, что поскольку в переходный период решались задачи построения социализма в основном, то соответственно и в сфере духовной жизни можно было утвердить лишь основы социалистической культуры. В результате в большинстве работ, опубликованных в 70-е — первой половине 80-х годов, в период между XXII и XXVII съездами партии, пер-

вые два десятилетия Советской власти (а то и все довоенные годы) трактовались историками чаще всего в качестве этапа, на котором были одержаны решающие победы культурной революции, положившие начало следующему этапу, по своему содержанию связанному со строительством развитого социалистического общества.

Примечательна в этом отношении эволюция взглядов В. Т. Ермакова, М. П. Кима и ряда других известных исследователей, в прошлом полагавших, что культурная революция полностью завершилась в рамках переходного периода от капитализма к социализму. Меняя свой прежний подход к проблеме, опираясь на новые достижения в ее разработке, они стали подчеркивать, что культурная революция — процесс социалистического преобразования духовной жизни советского общества, становления социалистической культуры — завершается с построением развитого социализма. При этом 1917—1941 гг. они рассматривают как первый этап преобразования, как время создания культурных основ социализма [4].

Следует также заметить, что ряд ученых, главным образом философов, склонны были завершающий этап культурной революции продлить вплоть до осуществления второй фазы коммунистической формации. Сохранялись и некоторые другие разногласия по вопросу о хронологических рамках начального этапа культурной революции. Но все это не меняло главного: новая периодизация, введенная в оборот виднейшими культурологами (и философами и историками), помогала отказаться от забегания вперед, которое прежде допускали многие авторы, касаясь вопросов о масштабах и результатах общеобразовательной подготовки населения, о культурно-техническом уровне рабочих, о сближении союзных и автономных республик по данным показателям в 20—30-е годы. Распространившиеся в литературе трактовка и определение хронологических рамок культурной революции открыли дополнительные возможности для более полного освещения самой сути этого процесса как составной части строительства социально однородного общества в СССР.

В 50—60-е годы появилось значительное число работ, посвященных решению национального вопроса в СССР, культурному развитию наций и народностей, сотрудничеству союзных и автономных республик в культурном строительстве. Фактически в каждой из них немало говорится о росте общеобразовательного уровня трудящихся, подготовке квалифицированных кадров, формировании советской интеллигенции, но, как справедливо было отмечено в литературе, «некоторые общие проблемы развития народов выпадают из поля зрения исследователей. К числу таких проблем относится и сближение культурного уровня республик» [5].

Поначалу этот пробел в определенной мере восполняли труды, тематически посвященные решению национального вопроса в СССР либо общим вопросам ликвидации фактического нера-

венства[6]. Исследования С. И. Якубовской, М. С. Джунусова, И. И. Грошева, Ю. В. Воробьева вплотную подвели обществоведов к выводам о необходимости выделить основные этапы осуществления государством политики, направленной на сближение культурного уровня республик. Наиболее отчетливо это соображение было высказано Джунусовым в статье о советском опыте решения национального вопроса и его международном значении, в которой тема преодоления культурного неравенства народов рассматривалась в самом общем виде[7].

Следующий, более важный шаг вперед в осмыслении вопроса о сближении уровней культурного развития союзных республик сделала Л. М. Дробижева. Прежде всего она обратила внимание на различное содержание указанного процесса применительно к отдельным его этапам и отметила необходимость подбора сопоставимых показателей для каждого из них. Это особенно важно подчеркнуть, ибо многие авторы вообще не соблюдали принципа сопоставимости показателей, дающих представление о культурном развитии отдельных республик и СССР в целом. Одни делали упор на данные о развитии материальной базы, другие — на сведения о работе школ, вузов, библиотек, кинотеатров и т. д. Дробижева поставила перед собой задачу определить систему показателей, характеризующих содержание процесса сближения уровней культурного развития республик, проанализировать его итоги, относящиеся к 60—70-м годам.

Решая намеченную задачу, автор попутно выдвинула ряд соображений о развитии духовной культуры в переходный период от капитализма к социализму и наметила шкалу показателей, совокупность которых призвана выявить сближение уровней культурного развития республик в целом. «Шкала, — пишет Дробижева, — включает как некоторые общие сведения, так и наиболее существенные для данного этапа». Важейшими названы следующие: «грамотность населения, степень внедрения начального образования, формирование интеллигенции из среды коренных национальностей, разработка письменности у бесписьменных в прошлом народов, коренизация государственного аппарата, включение женщин в активную культурную жизнь, создание в республиках массовых средств распространения культуры»[8].

Система показателей, намеченных автором для анализа духовной жизни республик, оказалась более обстоятельной и пространной. Речь шла уже и о культурной среде, и о потреблении, усвоении культуры; особого внимания заслуживает тот факт, что поднимался вопрос о мировоззрении, ценностных ориентациях и установках.

Чем было вызвано столь различное отношение автора к изучению переходного периода и процесса сближения уровней культурного развития республик в современных условиях? На наш взгляд, это объясняется следующим. Сосредоточившись на исследовании конкретного материала, относящегося к 60-м годам (и в этом отношении во многом выступая в роли первопроходца),

Дробижева вполне традиционно подошла к определению показателей, с помощью которых в исторической литературе тех лет чаще всего и рассматривалась культурная революция. Иначе говоря, углубив общий подход к анализу роста культурного уровня трудящихся союзных республик, автор применила его лишь к освещению современного этапа.

В 1981 г. вышла в свет книга Дробижевой «Духовная общность народов СССР. Историко-социологический очерк межнациональных отношений». Монография заслуженно получила высокую оценку нашей общественности. Но и в этой интересной работе порой сохраняется прежний подход к изучению процесса сближения уровней культурного развития республик в 20—30-е годы. Связывая уровень культурного развития с показателями, характеризующими, во-первых, культурную среду и, во-вторых, приобщение людей к культуре, автор пишет: «Система показателей подвижна — для каждого этапа культурного развития меняется соотношение рядов показателей, значимость каждого из них. Так, наиболее существенными показателями для этапа ликвидации культурной отсталости народов являлись: грамотность населения, распространение начального образования, доля образованных среди женщин и т. д.» [9]

Предложенные индикаторы дают представление главным образом о количественной стороне процесса преодоления культурной отсталости и мало что для понимания процесса приобщения людей к культуре, освоения культуры. Последнее требует введения в научный оборот качественных показателей. Это и сделано в книге Дробижевой.

Возвращаясь к литературе, изданной в 60—70-е годы, подчеркнем еще раз: в книгах и статьях по интересующей нас проблематике, в том числе в первых трудах по истории советского народа как новой исторической общности, наибольшие успехи духовного прогресса 20—30-х годов рассматривались (причем чаще всего иллюстративно) на материалах, показывающих пути достижения всеобщей грамотности. Такое положение вещей считалось обыденным делом. Даже в середине 70-х годов известный советский историк В. Г. Чуфаров писал: «В нашей литературе хорошо показано, какие коренные изменения произошли в духовной жизни советского общества к концу переходного периода. Это подтверждается убедительными данными о количественных успехах в развитии народного образования, росте сети культурно-просветительных учреждений, кино, театров, увеличении тиражей газет и выпуска литературы» [10].

Признавая, что количественные показатели роста сети учреждений культуры, тиражей газет, книг, выпущенных на экраны фильмов не могут при всей их важности дать должное представление о духовном развитии советского народа в указанные годы, автор говорит также о необходимости самостоятельно проанализировать перестройку всей работы учебных заведений и учреждений культуры, показать, как это влияло на идейное вос-

питание, качество учебы, расширение культурного кругозора людей. Но в статье, о которой идет речь и которая во многом типична для своего времени, этот призыв не реализуется, в центре внимания историка сведения «о количественных успехах» культурного строительства.

Ныне, оценивая литературу тех лет, необходимо заметить, что большинству конкретно-исторических работ, посвященных развитию культуры в союзных и автономных республиках, в крупнейших регионах страны [11], было присуще некоторое противоречие. Как правило, исследователи подчеркивали значение качественных сдвигов в духовной жизни трудящихся, связанных с осуществлением культурной революции в рамках переходного периода, но раскрывали этот тезис на материалах главным образом об успехах народного образования, ликвидации неграмотности, росте числа библиотек, кинотеатров, культурно-просветительных учреждений.

Решающую роль в культурной революции сыграли, конечно, «не количество, а качество, т. е. социальный смысл, идейно-политическое содержание перемен, происходивших в культурной жизни страны» [12]. Более сложным для историков оказалось выявление и применение критериев, дающих право судить о степени завершенности тех процессов, которые определяют сущность и этапы культурной революции в СССР, включая сюда и вопрос о сближении, а затем и выравнивании уровней духовного развития всех народов нашей страны.

Современные достижения исторической науки, успехи марксистского обществоведения существенно облегчают решение данной задачи. Основополагающее значение имеет обращение к классическим положениям В. И. Ленина о двух нациях в каждой нации, о двух культурах в каждой национальной культуре антагонистического общества. Раздвоение каждой буржуазной нации связано, как известно, с господством капиталистической собственности на средства производства, с существованием эксплуататоров и эксплуатируемых. Соответственно две культуры в таком обществе — буржуазная (господствующая) культура (а в большинстве, добавлял Ленин, еще черносотенная и клерикальная) и «*элементы* демократической и социалистической культуры» пролетариата и трудящихся [13]. В конечном счете суть дела состоит в наличии двух идеологий, определяющих собой типологию культуры, в одном случае буржуазной, в другом — социалистической.

Великий Октябрь со всей очевидностью подтвердил, что только в ходе низвержения капитала, в условиях социалистических преобразований, охватывающих город и деревню, все сферы политической, экономической и духовной жизни трудящихся, становится возможным рождение социалистических наций. Одна из главных характерных черт их связана с преодолением прежнего деления культуры, с возникновением единой культуры для всех трудящихся, для всего общества, в составе которого уже нет и

не может быть эксплуататорских элементов и нет социальной базы для идеологии, выражающей их интересы.

Конституция 1936 г. зафиксировала главные итоги переходного периода, в том числе результаты, которые свидетельствовали, что в рамках советского общества буржуазные нации ликвидированы; вместе с ними ушло в прошлое прежнее деление культуры.

В литературе не раз подчеркивалось, что еще сравнительно недавно, практически в пределах жизни нескольких поколений, на территории нашей страны существовали довольно разнотипные по своей социально-экономической и идеологической основе культуры. В европейской части господствовали капиталистические отношения, в Средней Азии, во многих районах Сибири и Кавказа — патриархальные, феодальные и т. д. В России доминировала православная церковь, в Прибалтике — католическая, в Средней Азии — мусульманская.

Понадобилось примерно два десятилетия диктатуры пролетариата, чтобы создать и упрочить в рамках всего Советского Союза единую социально-экономическую, политическую и идеологическую систему. С построением основ социализма в стране безраздельно победила марксистско-ленинская идеология, определяющая собой характер духовной жизни общества, идейное содержание многонациональной по форме культуры народов СССР, ее социальную направленность.

Именно эти перемены, эти качественные сдвиги и есть главный показатель решающих успехов культурной революции в СССР, связанной с осуществлением основных задач переходного периода. Выделение такого критерия представляется тем более важным, что с его помощью с исключительной наглядностью раскрывается взаимосвязь между культурной революцией и формированием советского народа.

Такая постановка вопроса расширяет перспективы не только для конкретно-исторического освещения закономерностей и специфики культурного строительства в 20—30-е годы, но и для сопоставления их с достижениями следующего этапа, в рамках которого идеология рабочего класса стала идеологией всех трудящихся и были созданы равные возможности для приобщения к активной культурной жизни всех слоев населения города и деревни (это законодательно закрепила Конституция 1977 г.).

Связывая решающие успехи культурной революции с ликвидацией буржуазных наций, превращением культуры буржуазного государства в единую, не знающую прежних антагонизмов культуру советского общества, мы выделяем доминанту, под знаком которой следует прежде всего анализировать процесс нарастания культурной общности трудящихся всех союзных республик в условиях переходного периода от капитализма к социализму. Не отказываясь от изучения количественных изменений в области культурного строительства тех лет, мы вместе с тем подчиняем его анализу главных перемен в духовной жизни трудящихся,

связанных в первую очередь с преодолением идеологического воздействия свергнутых классов, их былого влияния на массы, с победой социалистической идеологии и тем самым с утверждением нового типа культуры.

Представление о том, что культурная революция завершилась вместе с переходным периодом, на практике ограничивало взгляд историков на описание поистине драматических сложностей того неповторимого времени. Многие исследователи как бы оставляли в стороне вопрос о специфике развития народного хозяйства в 20—30-е годы, о нехватке материальных, финансовых и людских ресурсов для полной реализации планов культурного преобразования страны, намечавшихся в те десятилетия. В действительности — и это всегда подчеркивалось В. И. Лениным — культурное строительство в масштабах всей страны базировалось на ее экономическом развитии, в основе своей предопределялось социально-экономическими условиями и не могло (тем более на протяжении длительного отрезка времени) опережать их.

В переходный период экономика страны носила многоукладный характер. В первое 20-летие Советской власти в жизни общества имело место сложное переплетение разнообразных явлений, разнохарактерных процессов. Это были годы острого противоборства между нарождающимся коллективистски-трудовым укладом хозяйства и образа жизни и упорно сопротивляющимися эксплуататорски-частнособственническими традициями и элементами. Общие закономерности переходного периода определялись типологическими особенностями пролетарской революции, но многие своеобразные черты были обусловлены строительством социализма первоначально в одной, отдельно взятой, стране, находившейся во враждебном окружении [14].

В экономике страны преобладал аграрный сектор, а по уровню элементарной грамотности Россия находилась на одном из последних мест в Европе. Необходимо учесть и то, что переходный период совершался в стране, от которой отошли районы (Финляндия, Прибалтика, Польша), дававшие почти пятую часть промышленной продукции Российской империи и на предприятиях которых была занята почти пятая часть фабрично-заводских рабочих страны. Взрослое население большинства этих районов было, как правило, грамотным [15].

«Красный Октябрь, — говорил В. И. Ленин, — открыл широкий путь для культурной революции величайшего масштаба... Представьте себе миллионы мужчин и женщин, принадлежащих к различным национальностям и расам и стоящих на различных ступенях культуры, — все они теперь устремились вперед, к новой жизни. Грандиозная задача, стоящая перед Советской властью. Она должна за годы и десятилетия загладить культурный долг многих столетий» [16].

Развернувшаяся в этих специфических условиях культурная революция (тем более без какой-либо поддержки извне) в ко-

роткий срок не могла создать необходимые условия для приобщения многомиллионных масс к богатствам духовной культуры, быстро ликвидировать неграмотность значительной части взрослого населения, охватить школьным обучением все подрастающее поколение в масштабах всех союзных республик. Эти гигантские задачи, поставленные Великим Октябрем, требовавшие громадных средств, сил, кадров, времени, нельзя было решать так быстро, как хотелось (и как намечалось в некоторых директивных документах).

Первоначально мыслилось изжить неграмотность взрослых к 10-й годовщине Октября. Однако это оказалось не под силу первому в мире государству рабочих и крестьян. Пришлось временно отступить и от положений Программы Коммунистической партии, принятой на VIII съезде РКП(б) в 1919 г. Тогда предполагалось, что единая трудовая политехническая школа станет повседневной нормой, а бесплатным общим и профессиональным обучением уже в ближайшее время будет охвачено все подрастающее поколение в возрасте до 17 лет[17]. Реализовать эти установки не удалось. В полной мере они стали реальностью уже после завершения переходного периода от капитализма к социализму.

Враги большевизма, противники Советской власти не раз предрекали гибель диктатуры пролетариата, связывая ее с нехваткой культуры в России, недостаточной духовной зрелостью рабочего класса и т. д. Опровергая подобные доводы, В. И. Ленин высоко оценивал культурные силы российского пролетариата и его авангарда. Именно поэтому он верил в победоносный исход Великой Октябрьской социалистической революции и не сомневался в том, что в процессе революционного творчества народ быстро преодолеет тот отрыв от культуры, на который его обрекали эксплуататорские классы. «Если для создания социализма,— писал Ленин,— требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков именно этот определенный «уровень культуры», ибо он различен в каждом из западноевропейских государств), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а *потом* уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы?»[18]

Жизнь полностью подтвердила правоту В. И. Ленина. Вопреки всем трудностям, несмотря на некоторые временные отступления от первоначально намеченных рубежей, главная цель была достигнута. В новой редакции Программы КПСС в разделе «Великая Октябрьская социалистическая революция и построение социализма в СССР» подчеркивается: «В результате **культурной революции** была ликвидирована неграмотность, открыт широкий простор для развития творческих сил, духовного расцвета человека труда, сформировалась социалистическая интеллигенция. Марксистско-ленинская идеология стала господствующей в сознании советских людей»[19].

Перед историками стоит задача раскрыть суть этих побед, их реальное содержание, показать, как борьба за преодоление многоукладности и коренное изменение в социальной структуре советского общества сливалась в единое целое с борьбой за его культурное преобразование. При таком подходе к интересующей нас проблеме открываются широкие горизонты для освещения общего хода сближения культурного уровня трудящихся союзных республик, имевшего принципиальное значение для становления нашего народа как новой исторической общности людей.

Первая, самая главная, можно сказать определяющая, победа культурной революции была связана с установлением диктатуры пролетариата, с превращением российского пролетариата в правящий класс. Именно это всемирно-историческое событие послужило началом коренного, качественного изменения субъекта культурно-исторического процесса. В этом смысле каждый шаг вперед в деле упрочения Советской власти, советской государственности в масштабах как всей страны, так и каждой из ее республик был очевидным прогрессом в сфере культурной революции, консолидации трудящихся вокруг Коммунистической партии, теория и практика которой являлись ярчайшим показателем культурной революции и ее главным двигателем.

Культурный переворот был органически связан и с упрочением государственного уклада в экономике, с утверждением и развитием плановых начал в народном хозяйстве, с общим ходом индустриального преобразования всех союзных и автономных республик. В. И. Ленин неоднократно указывал на прямую связь программы электрификации страны с ее культурным подъемом. И дело было не только в том, что уничтожение частной собственности на основные средства производства и установление общественной собственности на них создавало экономическую базу для приобщения всех трудящихся к культуре, для превращения завоеваний человеческой культуры в достояние народных масс. Ленин требовал добиваться того, «чтобы каждая фабрика, каждая электрическая станция превратилась в очаг просвещения»[20]. Речь шла не просто об овладении навыками элементарной грамотности и профессиональной выучки.

Крупную промышленность, фабрично-заводское производство вождь революции всегда рассматривал как материальную и психологическую базу пролетариата. Вырастая в основную производительную силу общества, рабочий класс становился одновременно «интеллектуальным и моральным двигателем» смены капитализма социализмом[21]. Под его руководством культурная революция развертывалась прежде всего как революция в сознании масс, как борьба за их политическое просвещение, за массовое воспитание людей, заинтересованных в победе нового отношения к труду, в сознательном участии всех граждан в управлении делами общества.

Рабочий класс Советской России в Октябре 1917 г. сразу же выступил и как политический руководитель общества, и как ос-

новная производительная сила, и как непосредственный создатель духовных ценностей[22]. Это предопределило сущность его миссии на этапе культурной революции, характер задач, которые ему предстояло решить в процессе построения нового общества, в том числе связанных с демократизацией культуры, поголовным обучением всего подрастающего поколения, приобщением масс к завоеваниям техники и культуры. «Коммунизм, — подчеркивал В. И. Ленин, — есть высшая, против капиталистической, производительность труда добровольных, сознательных, объединенных, использующих передовую технику, рабочих»[23]. Приведенное высказывание, взятое в контексте его трудов о культурной революции и социалистическом строительстве в целом, дает полное право говорить о приоритете Ленина в постановке вопроса о понятии «культурно-технический уровень» в его широкой трактовке.

Программа РКП(б) закрепила ленинские положения о связи профессионального образования с всесторонним развитием личности. В конце 1919 г., говоря о задачах советской общеобразовательной школы, В. И. Ленин вновь подчеркнул, что ее выпускники должны иметь широкое общее образование, политехнический кругозор и быть коммунистами[24].

XI съезд РКП(б), указал на необходимость «реорганизации труда рабочей молодежи, подчинения его целям обучения и квалификации, строительства школы рабочей молодежи, объединяющей практическое обучение производству с теоретическим образованием и общественно-политическим воспитанием»[25].

В одном из самых первых документов, характеризующих суть организованной в 1920 г. системы школ фабрично-заводского ученичества — ФЗУ, было четко сформулировано: «Надо стремиться воспитывать из подростков социалистически мыслящую личность, сознательного строителя и творца коммунистического строя»[26]. Так говорилось в «Положении о заводском ученичестве металлообрабатывающей промышленности». Аналогичные пункты были зафиксированы и в других подобных документах, порожденных практикой возникновения школ ФЗУ и обучения будущих рабочих еще на заре Советской власти.

Школы ликбеза и общеобразовательные школы взрослых, которые создавались во всех республиках, также учили население не только читать и писать. Одновременно они являлись (это предусматривалось их программами) центрами политического просвещения трудящихся. Учебные планы различного рода курсов, призванных поднять общеобразовательный уровень городских и сельских жителей, помочь людям овладеть навыками профессионального труда, включали:

«1) популярные очерки истории культуры с научно-социалистической точкой зрения и с особо разработанной частью, посвященной истории Российской великой революции;

2) разъяснение Советской Конституции»[27].

Следовательно, вся система народного образования, созданная

под руководством В. И. Ленина в первые же годы утверждения диктатуры пролетариата (возьмем ли мы общеобразовательную школу, систему профтехобразования или сеть ликбеза), ориентировала трудящихся города и деревни на одновременное приобщение и к знаниям, и к основам техники, и к идеологии правящего класса. По мере развертывания этой политики, все более широкого воплощения ее в повседневную действительность углублялся процесс сознательного участия многомиллионных масс трудящихся в преодолении своей былой культурной отсталости, в повышении образованности, профессиональной подготовленности. Ярким показателем качественных изменений в этом движении, а затем и его атрибутом стало упрочение нового отношения к труду, духа коллективизма, идейной сплоченности.

К концу 20-х годов уже был накоплен значительный опыт одновременного проведения политики индустриализации и культурной революции. Первая пятилетка убедительно показала, что сооружение современных фабрик и заводов, оснащение их передовой техникой, равно как и эффективное использование построенных предприятий, требуют массовой подготовки квалифицированных кадров и одновременно их творческого отношения к труду, активного участия в распространении передового опыта, в организации соревнования.

Духу времени в этом смысле больше всего соответствовали выступления тех обществоведов, которые стремились связать воедино вопросы профессиональной подготовки рабочих и их социально-политической активности. «Культура труда в свете социалистического строительства, — говорилось на страницах печати,— характеризуется двумя основными особенностями: рациональностью производственных навыков и сознательностью участия в производственной работе»[28]. Никогда прежде, имея в виду условия капиталистического общества, основанного на эксплуатации человека человеком, такая постановка вопроса не была возможной. Лишь в борьбе против эксплуататоров и созидательном творчестве масс, сознательно участвующих в индустриализации страны, зарождалось и крепло новое отношение к труду, производству, государству.

Массовое социалистическое соревнование, развернувшееся в годы первой пятилетки, всем ходом своего развития наглядно подтвердило взаимосвязь общеобразовательной подготовки, профессионального обучения, сознательного отношения к труду и политической грамотности кадров, их нравственности, социальной активности. В реальной действительности подобного рода компоненты не существовали отдельно друг от друга, сливались воедино.

Не случайно ударники первой пятилетки были не просто передовиками производства, но и тем авангардом рабочего класса, который систематически повышал свой культурный уровень, активно участвовал во всех сферах жизни общества. Наша литература по истории рабочего класса, советской деревни того време-

ни изобилует убедительными данными, подтверждающими это положение.

Менее известны, но не менее показательны материалы, раскрывающие деятельность партии и государства по подъему культурно-технического уровня трудящихся в школах ликбеза и в общеобразовательных школах взрослых.

Высоко оценивая работы советских историков, посвященные ликвидации в СССР неграмотности, созданию обширной сети вечернего и заочного обучения [29], следует отметить, что в подобных трудах речь идет почти исключительно об освоении трудящимися навыков чтения и письма и гораздо реже о повышении ими уровня общешкольной подготовки. Даже в лучших из таких трудов мало уделяется внимания работе, направленной одновременно и на политическое просвещение трудящихся и на обогащение их технических знаний. Между тем периодика 20-х годов и особенно первой пятилетки изобилует сведениями о том, как в ходе ликвидации неграмотности, в процессе вечернего обучения рабочих и крестьян уроки чтения, письма, арифметики сочетались с проведением «политчаса», а затем «техчаса» в городе и «агро-зоо-колхоз-часа» в деревне [30].

На наш взгляд, тщательное изучение и сопоставление такого рода фактов расширит сложившееся представление не просто о подъеме культурного уровня советских людей во всех союзных республиках, но и о путях постепенного сближения показателей, характеризовавших в 20—30-е годы культурно-техническую подготовку тружеников города и деревни.

Принципиально важным в этой связи представляется освещение той формы соревнования, начало которой в 1932 г. положил донецкий шахтер Н. Изотов. Передовой рабочий, перевыполнявший норму в 4 раза, призвал кадровых горняков не только трудиться ударно, но и обучать новичков, передавать им свой профессиональный опыт и знания. Обучая и воспитывая молодежь, Изотов учился и сам, в возрасте 32 лет стал активно повышать свой общеобразовательный уровень, а затем поступил в Промакадемию [31].

Партия и государство поддержали Изотова и его последователей. Вслед за угольщиками почин подхватили машиностроители, химики, транспортники. В обычай вошли «Дни Изотовых», а потом и пятидневки. В 1934 г. на XVII съезде ВКП(б), высоко оценивая успехи передовиков, председатель ВЦСПС Н. М. Шверник говорил: «Изотовское движение охватило тысячи и десятки тысяч людей... Это новый тип рабочего-шахтера, борца за новые методы работы, шахтера-творца, инициатора» [32].

Историки не обошли почин Изотова стороной. О нем говорится в учебниках, в трудах по истории рабочего класса, в работах о социалистическом соревновании. Однако при этом речь идет о трудовой доблести шахтера, о производственном значении его начинания. В действительности же есть и другая, не менее важная сторона дела, заслуживающая пристального внимания.

Почин знатного шахтера имеет прямое отношение к становлению новой культуры труда, к утверждению социалистической культуры.

В еще большей степени это относится к стахановскому движению, которое стало качественно новым этапом в развитии социалистического соревнования. Возникнув в 1935 г., оно в короткий срок проявило себя как массовое движение новаторов, связанное с успешным освоением передовой техники, с новыми методами организации труда, с существенным ростом культурно-технического уровня рабочих. Современники сразу же увидели в нем динамизм и единство процессов индустриального преобразования страны и культурной революции, охвативших все союзные республики.

В 1985 г., когда отмечался полувековой юбилей начала нового этапа социалистического соревнования, Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев особо подчеркнул значение инициативы новаторов, их вклад в борьбу за передовое, против устаревших, отживших норм и традиций как в области техники, так и в сфере культуры. «Стахановское движение,— сказал он,— не только социальное, но и нравственное явление, раскрывшее духовную красоту человека нового общества» [33].

По своей масштабности и результативности это движение не знало себе равных. Всем своим существом оно поднимало на более высокую ступень культурного развития не только авангард правящего класса, но и советское общество в целом.

В те годы, как известно, основную массу лиц, пополнявших ряды рабочих, составляли выходцы из деревни. По уровню грамотности, школьной подготовки, квалификации и навыков коллективного труда, связанного с машинной техникой, они значительно уступали кадровому ядру городских рабочих. За годы первой пятилетки численность рабочего класса удвоилась. В последующие пять лет темпы его роста заметно уменьшились, однако основную массу пополнений рабочего класса продолжали составлять представители деревни. Как и на рубеже 20—30-х годов, на предприятиях и в районах страны новые пополнения по численности превышали костяк рабочего класса, сложившийся к началу социалистической индустриализации и в первые годы ее осуществления.

Все это необычайно осложняло формирование и развитие самого́ правящего класса, того образа жизни и той новой культуры, в создании и упрочении которой был прежде всего заинтересован именно рабочий класс. В этих условиях всякий передовой почин, способствовавший росту производительности труда, улучшению организации производства, обмену передовым опытом, вовлечению рабочих в соревнование, естественно, играл роль катализатора культурного прогресса.

В целом благодаря подобным починам, повседневной деятельности обширной сети ликбеза, всевозможных кружков, курсов, системы ФЗУ и т. д. в стране ускоренными темпами шел гигант-

ский процесс роста рабочего класса, быстрого изменения его численности и состава во всех союзных республиках [34]. Характерной чертой его был общий подъем культуры, приобщения к ней громадного числа людей, которые до прихода в ряды рабочего класса порой вообще не бывали в городе, на больших стройках, на крупных предприятиях, не имели производственной квалификации, не участвовали в трудовой и общественной жизни коллективов. Таким образом, социалистическая индустриализация, рост советского рабочего класса были вместе с тем процессом распространения новой культуры, нарастания культурной общности советских республик. Как и предвидел В. И. Ленин, каждый завод, каждая электростанция превращались в очаг просвещения, в центры культурной жизни, революционного воздействия социалистической идеологии на все слои населения.

Подобные тенденции обозначились и в сельской местности, где таким оплотом становились фабрики и заводы, железнодорожные узлы, совхозы, наконец, коллективные хозяйства. Коммунисты всегда учитывали взаимосвязь культурного и экономического развития. Не подлежало сомнению, что перестройка сельской жизни на коллективных началах предполагает громадный подъем культурного уровня трудового крестьянства. В. И. Ленин не мыслил кооперирование без культурной революции. Программа РКП(б) 1919 г., касаясь вопроса о задачах просвещения крестьянских масс, отмечала их «политическую темноту, общую невежественность и низкий уровень сельскохозяйственных знаний в деревне». Видя в этом серьезное препятствие для строительства социализма, VIII съезд следующим образом определил главное направление просветительной работы в деревне:

«1) Коммунистическая пропаганда.

2) Общее образование.

3) Агрикультурное образование» [35].

В канун массовой коллективизации летом 1928 г. М. И. Калинин, опираясь на накопленный опыт, отмечал: «Чем культурнее будут колхозы... тем глубже они будут пробиваться в крестьянскую толщу», в колхозах он видел применительно к деревне высшую ступень «не только хозяйствования, но и культурности» [36]. Через два года XVI съезд ВКП(б), характеризуя коренные сдвиги в социалистической реконструкции сельского хозяйства, подчеркнул, что «*в артели не завершается, а лишь начинается дело* создания новой общественной дисциплины, дело обучения крестьян социалистическому строительству». Успехи последующей борьбы с мелкособственнической психологией партия связывала с упорной работой, направленной на подведение под колхозы крупной механизированной базы, на создание кадров и культурного подъема всей колхозной массы [37]. Примерный Устав сельскохозяйственной артели обязывал всех колхозников повышать свой культурно-политический уровень [38].

Решая намеченные задачи, Коммунистическая партия и Со-

ветское государство связывали их воедино с общей борьбой за индустриализацию страны, реконструкцию сельского хозяйства на социалистических началах. И хотя в обиходе культурную революцию часто называли «третьим фронтом» (вслед за военным и экономическим), на практике все эти процессы совершались одновременно, сливались воедино[39]. Конечно, скорость продвижения вперед на разных участках построения социализма была неодинакова. Причин было немало. В частности, политическая активность масс нередко обгоняла темпы роста их школьного и профессионального образования. Социалистическая революция развернулась в стране среднего уровня развития капитализма, в стране, которая унаследовала от старой России множество докапиталистических пережитков. Именно поэтому перед Советской властью сразу же встала задача «свергнуть остатки средневековья, снести их до конца, очистить Россию от этого варварства, от этого позора, от этого величайшего тормоза всякой культуры и всякого прогресса в нашей стране»[40]. Исторически пришлось в ходе культурной революции осуществить некоторые преобразования, которые по своему содержанию не выходили из рамок обычных демократических требований при капитализме.

Можно ли отсюда делать вывод, будто в ходе решения общедемократических задач создавались лишь «реальные предпосылки для перестройки всей культурной жизни на социалистических началах»? Такая точка зрения в литературе существует[41]. Но принять ее нельзя, ибо демократические и социалистические преобразования осуществлялись в условиях диктатуры пролетариата, были органически переплетены между собой. Было бы ошибкой, пишет В. В. Горбунов, делить культурную революцию на демократический и социалистический этапы. «Например, решение такой «элементарной» с точки зрения обычного демократизма задачи, как ликвидация неграмотности большинства населения России, означало новый культурный уровень развития всей страны, вступившей на путь социализма, и это определяло качественно новый характер демократических преобразований в соединении с политической властью, т. е. при диктатуре пролетариата»[42].

С первых же дней Октября культурная революция начиналась под руководством партии как составная часть революции социалистической, как коренной переворот в духовной сфере жизни народов нашей страны.

В ходе этой грандиозной по своим масштабам и темпам борьбы трудящиеся всех союзных республик не просто поднимались до уровня потребителей культуры, приобщения к духовным богатствам человечества, но и все более активно превращались в подлинных создателей новой морали, новой нравственности, политической культуры советского общества, культуры труда, в активных участников духовного прогресса страны в целом.

С полной и окончательной победой социализма положение стало меняться. Теоретические выводы, сделанные в ходе подго-

товки и принятия третьей Программы КПСС, а также на последующих съездах Коммунистической партии, наглядно показали сущность и размах социального прогресса народов нашей страны, небывалое прежде расширение сферы духовного производства, возрастание его роли в жизни трудящихся. Новые рубежи были органически связаны с упрочением общенародного государства, с превращением КПСС в партию всего народа, с переходом всех трудящихся на позиции рабочего класса. Принципиально важное значение имело введение обязательного среднего образования во всех союзных республиках как в городе, так и в деревне.

Достигнутые высоты расширили кругозор исследователей, создали более благоприятные условия для ретроспективной оценки пройденного советским народом пути. Углубленное сопоставление настоящего с прошлым плодотворно сказалось на литературе, посвященной как общим проблемам духовной жизни советского народа, так и вопросу о сближении культурного уровня трудящихся всех наций и национальностей в 20—30-е годы.

Крупным историографическим событием того времени стала Всесоюзная конференция культурологов, организованная в 1965 г. Институтом истории АН СССР. Проведенная при участии философов, она дала плодотворные результаты. Обоснованной критике подвергся утвердившийся в прежние годы так называемый отраслевой подход к освещению истории культуры, при котором последняя представляла собой чаще всего лишь сумму очерков о народном образовании, развитии науки и художественной жизни, о культпросветработе и т. д.

М. П. Ким убедительно показал назревшую необходимость комплексного рассмотрения культуры, исследования явлений культуры как целостной системы, в единстве взаимосвязей всех ее компонентов. Главное, говорил он, «представить историю культуры единой внутренне цельной сферой общественной жизни, находить те исторические факторы, которые цементируют все ее составные элементы в неразрывном единстве, определяют общие состояния культуры и этапы ее развития» [43].

В этой связи было отмечено, что в культурологических трудах особенно не повезло нравственному компоненту советской культуры. Подчеркивая исключительное значение данной проблематики, М. П. Ким высказал мысль о необходимости обобщения исторического опыта становления нравственности советского народа, освещения прежде всего того периода, когда закладывались прочные основы социалистической морали, норм поведения, остающиеся образцом для советских людей и в настоящее время [44].

Конференция 1965 г., углубляя понимание сущности культурной революции, помогла четче, чем ранее, оценить значение выдающихся достижений 20—30-х годов в духовной жизни народов СССР, увидеть не только успехи в их освещении, но и нерешенные задачи.

Именно тогда развернулась дискуссия, которая показала, что, увлекаясь количественными показателями, характеризующими культурный прогресс, историки не уделили должного внимания раскрытию марксистского положения «народ — творец культуры». Н. С. Злобин в числе первых указал, что такое положение вещей вызвано утвердившимся в литературе представлением о культурной революции как перевороте, который создает справедливую систему распределения духовных ценностей. Резонно возражая против ограничительной трактовки сущности культурной революции, он на первый план выдвинул тезис о характере и принципе духовного творчества. «При этом важно учитывать,— говорил Злобин в 1965 г.,— не только то, какие ценности создаются в обществе, но и как и кем они создаются. Иными словами — сущность культурной революции — это в первую очередь коренное, качественное изменение субъекта культурно-творческого процесса, выражающегося в приобщении масс и каждого отдельного человека к сознательному историческому творчеству» [45].

В короткий срок подобного рода выводы и суждения прочно вошли в работы советских философов. Празднование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина усилило интерес обществоведов к ленинской концепции культурной революции. При этом все они считали своим долгом отметить теоретический и практический вклад Ленина в деятельность партии и государства, направленную на соединение культуры с революционным творчеством масс, с их хозяйственной, организационной, политической работой. «Необходимость соединения культуры с практической энергией и социальной устремленностью масс,— писал В. М. Межуев,— диктуется самой природой социалистического общества, творимого свободной и сознательной деятельностью «низов» — трудящихся классов, вставших на путь самостоятельного исторического творчества». Ленин увидел в культуре средство, которое позволяет всем народам нашей страны по-новому организовать свое производство и свое государство, обеспечивает их непосредственное участие во всех общественных делах и впервые делает трудящихся творцами собственной жизни. Поэтому, продолжает названный автор, Ленина интересовала «не только и даже не столько культура для масс, т. е. культура, ориентирующаяся на массы, как на пассивных, лишенных собственной самостоятельной инициативы потребителей, а культура самих масс, культура, находящая в действиях масс единственно достойную форму своего существования» [46].

Следует также признать, что в те же годы заметно активизировали свою работу и историки. Свет увидели обширные монографии о ходе культурной революции во многих союзных и автономных республиках. Широкую известность получили вышеназванные книги С. С. Даниярова, Ц. П. Каландадзе, К. К. Каракеева, Д. Г. Майсурадзе, Н. А. Пашаева, З. Раджабова, Р. Б. Сулейменова, К. С. Худавердяна, М. Р. Шукурова, построенные на материалах Азербайджана, Армении, Грузии, Казахстана, Киргизии, Таджикистана и других союзных и автономных республик. Заметным собы-

тием стали также труды, посвященные истории культурного развития народов Дагестана, Калмыкии, Бурятии, Мордовии, Северного Кавказа и других регионов страны[47].

Научная общественность в целом положительно оценила вклад, который коллективно внесли в изучение истории советской многонациональной культуры указанные авторы. Достоинство их исследований заключалось в стремлении увязать процессы культурной революции, охватившие все республики страны, с решением национального вопроса в СССР, с общей борьбой за преодоление былого фактического неравенства непосредственно в 20—30-е годы. Лучшие из работ изобиловали ранее неизвестным фактическим материалом, существенно расширявшим представление о духовном прогрессе, который охватил буквально все регионы страны с первых дней Октября.

Значительная группа исследований была посвящена анализу становления социалистической культуры у народов, миновавших капиталистическую стадию развития на пути к бесклассовому обществу. Введенные в научный оборот материалы показывали, сколь сложной была здесь борьба, направленная не только против буржуазной, но и патриархально-феодальной идеологии, против засилья религиозных устоев, реакционных обычаев и поступков.

Одновременно, как уже отмечалось, усилиями историков были созданы первые обобщающие работы о советском народе как новой исторической общности людей. Центральное, преобладающее место в них заняли разделы, хронологически относящиеся к современности, в основном к 60—70-м годам. Небольшие экскурсы в прошлое ни в коей мере не могли заменить в таких трудах исследование вопроса о начальных шагах возникновения новой общности, о первых этапах ее формирования, логически и исторически связанных с победой диктатуры пролетариата, решением в СССР главных задач переходного периода от капитализма к социализму. Более того, именно эти экскурсы и указали на необходимость усиления внимания историков к написанию работ, ретроспективно оценивающих достижения и трудности поступательного развития советского общества на путях к нынешним высотам социализма.

Выдвижение на первый план такой глобальной проблемы, как формирование советского народа, резко активизировало усилия обществоведов, направленные не только на осмысление объективных условий возникновения новой общности людей, но и на разностороннее освещение творческой деятельности советского народа во всех сферах материальной и духовной жизни страны.

В свете таких потребностей обнаружилась некоторая слабость отдельных участков исторической науки. Применительно к культурологии этот недостаток наиболее полно определил Ким. Оценивая ранее вышедшую литературу, в том числе труды, посвященные духовному прогрессу союзных республик, он отметил: «Советский народ — субъект культуры — это центральная, стержневая проблема историографии культурного строительства в СССР. К сожалению, это проблемное направление должным образом еще не раз-

рабатывается. В наших книгах дело ограничивается лишь общим признанием решающей роли народа в культурном прогрессе. Необходимо перейти к конкретному раскрытию этого положения, утвердившегося в историографии пока в абстрактной форме»[48].

Такое положение вещей не было случайностью. Оно коренилось в какой-то мере в ограничительной трактовке культурной революции, когда на первый план выдвигалось стремление показать, как в течение всего двух десятилетий Советской власти удалось решить все проблемы, связанные со всеобщей грамотностью населения, с созданием рабоче-крестьянской интеллигенции, приобщением всех трудящихся к духовным богатствам человечества, с ликвидацией культурной отсталости ранее угнетенных народов и т. д.

При таком подходе к проблеме почти не оставалось места для конкретно-исторического анализа вопроса о самостоятельной роли трудящихся в развитии духовной жизни, в ликвидации того раздвоения, которое было органически присуще культуре эксплуататорского общества. Литература не пополнялась трудами, призванными рассказать о том, как многомиллионные массы тружеников города и деревни вырабатывают и утверждают нормы, правила, традиции, характеризующие интеллектуальный потенциал строящегося социализма.

Пробел, образовавшийся в историографии, был в достаточной мере осознан лишь в 60-е годы. Именно тогда началась разработка такой принципиально важной темы, как вклад рабочего класса в духовную жизнь советского народа. Рассматривая выявившиеся трудности, оценивая причины их возникновения, Л. А. Пинегина в 1984 г. отмечала: «Одностороннее понимание культурной революции привело к преобладанию в исторической литературе сюжетов о том, как рабочий класс воспитывали, как его обучали, как поднимали его культурно-технический уровень, как его приобщали к искусству и т. д., т. е. преобладал показ рабочего класса в качестве объекта культуры»[49].

В еще более незавидном положении находилась тематика, посвященная истории культурной жизни советского крестьянства. История духовной жизни деревни вообще освещалась недостаточно. Сложилась традиция писать главным образом о ликвидации неграмотности крестьян, о расширении сети культурно-просветительных учреждений в сельских районах и достижениях в их работе. В распоряжении читателей не было специальных трудов о приобщении крестьянства в довоенные годы к культурным ценностям. Историки-аграрники, как и специалисты по истории культуры, признают, что изучение духовной жизни деревни, идеологии и социальной психологии советского крестьянства относится все еще к отстающим участкам нашей исторической науки[50].

Следует также отметить и то обстоятельство, что крестьянство рассматривается прежде всего с точки зрения культурного воздействия на него со стороны социалистического города. Можно даже встретить утверждение, согласно которому крестьянство становится субъектом культурной деятельности лишь в последние два деся-

тилетия[51]. Широкой поддержки такая точка зрения не имеет, но нет пока и тех конкретно-исторических исследований, которые раскрыли бы возрастание роли советского крестьянства в становлении социалистической культуры, вклад колхозной деревни в духовную жизнь страны на этапе построения основ социализма. Нельзя не согласиться с В. А. Козловым, что при таком положении дел «культурное развитие крестьян становится похожим на «вливание» культуры в деревню». Автор прав и в другом: «Подход к культуре не только как к совокупности духовных ценностей, но и активной творческой деятельности людей неизбежно требует изучения крестьянства как субъекта культурной деятельности»[52].

Зачинателями углубленного освещения активной роли народных масс в культурном прогрессе социализма выступили философы и социологи, научные работники, интересующиеся проблемами теории и методологии[53].

Активизировались и историки. В 50—60-е годы были опубликованы статья Е. Н. Городецкого «Борьба народных масс за создание советской культуры (1917—1920 гг.)»[54] и монография И. С. Смирнова, весьма широко раскрывавшая тезис о том, что уже в конце 1917 — начале 1918 г. политическая активность, созидательная деятельность народных масс проявила себя как реальная основа начавшейся культурной революции в нашей стране[55].

Еще более широко, с учетом новейших достижений советского обществоведения к началу 70-х годов, подошел к данной теме В. Л. Соскин. В обширной монографии, посвященной культурной жизни Сибири в первые годы нэпа, он высказался в пользу рассмотрения довоенного периода (от 1917 г. до конца 30-х годов) как начального этапа духовного преобразования советского общества. Отмечая успехи своих коллег в изучении сдвигов, связанных с преодолением неграмотности, развитием народного образования, он в то же время подчеркнул, что «наиболее глубокой и трудной, объясняющей сложность культурной революции в целом, является задача изменения самой тонкой стороны человеческой природы — сознания, задача освобождения его от антинаучных взглядов и моральных норм капиталистического общества, задача его переделки на базе социалистической идеологии». Указанную задачу автор и оценил как «конечную цель, достигаемую в ходе решения всех прочих задач культурной революции и позволяющую в сжатом виде сформулировать ее основное содержание и смысл[56].

Главная заслуга сибирского исследователя в том, что он постарался реализовать свои теоретические представления на практике. Это выразилось в стремлении Соскина, во-первых, проанализировать состояние материальной базы культурного строительства в начале 20-х годов и, во-вторых, рассмотреть процессы, характеризующие в этих условиях деятельность не только партии и государства, но также широкой общественности в области идейно-политического просвещения масс, агитации и пропаганды, использования печати и книгоиздательства в интересах развертывания политпросветработы, наконец, подготовки кадров для «третьего фронта».

В общем контексте проходивших тогда обсуждений названная монография убедительно свидетельствовала о подготовленности историков рассматривать народ одновременно и как объект, и как субъект культурно-творческого процесса.

Особо следует сказать о том направлении советской культурологии, которое было посвящено формированию и деятельности социалистической интеллигенции. Разработка этой ответственнейшей темы началась в той или иной мере в период довоенных пятилеток, а наиболее заметные плоды дала в 60—70-е годы, когда вызвала к жизни сотни и даже тысячи работ философов и историков (и статьи и книги).

Буквально во всех союзных и автономных республиках появились труды, показывавшие, как в условиях строительства основ социализма, в рамках переходного периода, повсеместно были созданы кадры новой интеллигенции [57]. Указанное достижение исследователи справедливо расценивают как одну из главных побед, одержанных в ходе культурной революции. Но до сих пор никто из них еще не рассмотрел процесс создания советской интеллигенции как составную часть истории формирования новой общности людей. Решение такой задачи тем более важно, что оно расширяет и углубляет сложившееся понимание культурного сближения трудящихся всех регионов СССР в единое целое. Открываются новые возможности для освещения такой глобальной проблемы, как народ — творец культуры.

М. И. Калинин еще в конце 30-х годов писал: «Наша современная интеллигенция — это первое поколение советской интеллигенции. Это плоть от плоти советского народа, это неотъемлемая часть нашего народа. На челе советской интеллигенции можно узнать характерные черты и рабочего и крестьянина» [58]. Конкретно-исторические исследования обстоятельно подтверждают справедливость приведенных слов. Действительно, наша интеллигенция складывалась главным образом в ходе подготовки специалистов, вышедших из гущи народных масс, окончивших советские техникумы и вузы. Важное значение имело и так называемое «выдвиженчество», наглядно продемонстрировавшее авангардную роль рабочего класса как в сфере материальной, так и духовной жизни страны. Выдвиженчество свидетельствовало и о творческой активности тех слоев крестьянства, из среды которых вышли многочисленные руководители хозяйственных, общественных организаций, культурно-просветительных учреждений и т. д. Именно поэтому следует подчеркнуть, что всем своим существом история формирования советской интеллигенции характеризует не просто созидательную мощь диктатуры пролетариата, рост ее культурного потенциала в 20—30-е годы, но и непосредственную деятельность передовых слоев рабочих и крестьян как субъекта революции, как творца тех отношений и связей, которые цементировали новую историческую общность людей.

Иначе говоря, литература, посвященная советской интеллигенции, объективно вносила свою лепту в постановку вопроса о ро-

ли масс в социалистическом строительстве вообще, об их участии в становлении социалистической культуры в частности. Логически эта литература ускорила появление трудов, раскрывающих данную проблематику на материалах о деятельности рабочего класса и крестьянства.

70-е годы можно смело назвать временем утверждения в литературе тематики, призванной раскрыть ведущую роль рабочего класса не только в области социально-экономического развития страны, но и духовного производства. Свидетельством тому стали работы о деятельности революционного пролетариата, направленной на создание социалистической культуры. Прежде появлявшиеся в виде отдельных исключений (обычно маленьких статей), они в 70-е годы приобрели в литературе права гражданства. Еще более значительным событием в историографии следует считать выход обобщающего исследования Горбунова о деятельности Пролеткульта[59] и монографии Пинегиной, представляющей собой первое обстоятельное освещение основных направлений художественного творчества советского рабочего класса в 1917—1932 гг.[60] В русле указанных исследований находится также книга Ю. Г. Марченко, где на материалах Сибири освещается культурное развитие рабочих и их вклад в духовную жизнь страны в 20-е годы[61].

Не вдаваясь в подробную оценку названных работ, подчеркнем главное для нашей темы: они открывают широкий простор для понимания взаимосвязей между культурной революцией и начальным этапом формирования советского народа как новой исторической общности людей. Победа диктатуры пролетариата и ее повсеместное упрочение сопровождались утверждением марксистско-ленинской идеологии как господствующей в рамках советского общества. Основной социальной опорой этого процесса был сам рабочий класс. По мере его консолидации, количественного и качественного роста (равно как и формирования в республиках и областях, миновавших стадию капитализма) расширялась сфера воздействия социалистической идеологии на все слои населения нашей страны.

Именно этот процесс в первую очередь цементировал культурную общность советских людей, все более и более предопределял единство советского общества, сплоченность всех трудящихся. Непосредственное участие в формировании Советов как органов власти, различного рода работа под их началом сочетались с повседневным приобщением широких слоев населения к политической жизни общества.

Процесс радикальной демократизации духовной жизни с первых же дней Великого Октября органически переплетался с установлением рабочего контроля, национализацией промышленности, с ликвидацией помещичьего землевладения, уничтожением пережитков крепостничества и национального угнетения. Каждый шаг вперед в области реорганизации экономики, переустройства отношений между людьми на производстве, в быту был вместе с тем

движением, которое втягивало массы в сознательное творчество. Как и предвидели основоположники научного коммунизма, в ходе гражданской войны и столкновений с международной буржуазией массы, руководимые большевистской партией, меняли не только существующие условия, но и самих себя, становились способными к политическому господству [62].

В нашей литературе можно встретить утверждение о том, что осуществление бесплатного всеобщего обязательного обучения детей трудящихся на родном языке, организация ликвидации безграмотности, развертывание печати — это и есть первые главные шаги по ликвидации культурной отсталости ранее угнетенных народов [63]. Приведенное положение высказано историком культуры Л. М. Зак. Еще более категоричен был Б. Г. Гафуров. В работе об особенностях культурной революции в республиках Средней Азии он писал: «Школа и пресса — первый культурный плацдарм, который захватывает народ, пришедший к власти» [64]. Высказанное в самом начале 60-х годов, это утверждение соответствовало широко распространенному тогда представлению о культурной революции как борьбе прежде всего с неграмотностью, за повышение общеобразовательного уровня трудящихся, приобщение их к духовным богатствам человечества.

Однако уже и тогда многие наши исследователи, как уже отмечалось выше, начало культурной революции убедительно связывали с победой диктатуры пролетариата и в самом процессе ее установления видели начальные шаги духовного преобразования жизни всех народов нашей страны. В этом смысле пресса, о которой писал Гафуров, действительно была одним из важнейших инструментов в борьбе за культурный прогресс, за социализм. Что же касается использования школы, осуществления бесплатного всеобщего обязательного обучения детей трудящихся на родном языке, то здесь понадобилось немало времени, сил и средств для создания условий, позволявших решить указанные задачи.

Конечно, в аспекте больших исторических событий, охватывающих не одно десятилетие, успехи в развитии национальной школы можно относить к одному из главных начальных шагов по ликвидации культурной отсталости ранее угнетенных народов. Но если выделять самые первые достижения культурной революции (в том числе в ранее отсталых национальных регионах), то они были названы и стали явью прежде всего в ходе политического переворота, в процессе разрешения текущих политических, военных и хозяйственных задач Советской власти. Массовое обучение детей трудящихся на родном языке, а также ликвидация неграмотности во многих республиках и областях начались далеко не сразу. Но буквально с первых дней Великого Октября развертывается реальный процесс необычайной активизации народа как субъекта исторического творчества, как субъекта культурной революции.

В трудах советских авторов, среди которых обращает на себя внимание первый том многотомной истории советского рабочего

класса[65], специально выделяется вопрос о революционном правотворчестве пролетарского авангарда уже в 1917—1920 гг. Культурно-историческое творчество масс развивалось, в частности, в направлениях, для которых было характерно стремление не только к утверждению, но и к официальному узаконению новых нравственных норм. В городе это, например, проявлялось в новом отношении к труду, к государственной собственности, к дисциплине на производстве; в деревне — в появлении коммун, артелей, имеющих свои уставы и правила[66]. Еще более широко в литературе освещается становление нового общественного мнения, показывается значение поистине бесчисленных митингов и собраний, всевозможных конференций, агитационно-пропагандистских кампаний, охвативших многочисленные слои рабочих и крестьян.

Выдающуюся роль в развертывании этой гигантской работы сыграли всевозможные клубы, избы-читальни, агитпункты, красные уголки, агитпоезда, агитпоходы и другие подобные детища Октября. Они, естественно, представляли собой организующие центры самодеятельности масс в области культурной жизни, т. е. центры не просто приобщения к культуре, так сказать, ее потребления, но и активного участия в преобразовании общества, в осмыслении возможности и сущности политических завоеваний, характера тех перемен, которые вызваны свержением эксплуататоров.

Приходится все же признать, что историки советской культуры еще только приступают к обобщению подобного материала, к показу первых шагов культурной революции как составной части великого переворота, обусловившего новую роль народа в культурно-историческом творчестве. Тем более важно отметить выход в 1985 г. коллективной монографии «Великая Октябрьская социалистическая революция и становление советской культуры». В ней на материалах 1917—1927 гг. анализируется широкий круг проблем, показана культурная миссия начального этапа борьбы за социализм. Труд открывается интересным введением, которое содержит теоретическую постановку вопроса, и главой, освещающей закономерности и специфику первых шагов культурной революции в СССР, связанных с развертыванием деятельности партии и государства по превращению народа в сознательного исторического деятеля, который творит новые формы жизни, организует культурно-просветительскую работу, участвует в художественном и научно-техническом творчестве.

В целом упомянутую книгу можно назвать новаторским исследованием. Оно не только впервые на широком конкретном материале освещает вопрос о реальном участии трудящихся в создании новой культуры в 1917—1927 гг., но и раскрывает фактическую взаимосвязь между культурной революцией и формированием советского народа как новой исторической общности.

Как и предвидели основоположники научного коммунизма, вместе с антагонизмом классов внутри наций впервые уходили в

прошлое враждебные отношения между ними. Диктатура пролетариата, выражая коренные интересы рабочего класса и всех трудящихся, последовательно намечала и осуществляла меры, помогавшие постепенно преодолевать недоверие мелкого собственника к коллективному хозяйству и одновременно освобождаться от того наследия, которое было связано с прежней политикой эксплуататоров, направленной на разъединение народов, разжигание национальной розни и недоверия.

Культурная революция была неотъемлемой частью этой великой борьбы, которая обеспечила громадные успехи в ликвидации неграмотности, росте образовательного уровня трудящихся, в подготовке кадров собственной интеллигенции, приобщении масс к богатствам духовной жизни. Уже тогда, в первое десятилетие переходного периода от капитализма к социализму, быстро набирал силу процесс складывания социальной основы идейно-политического единства советского общества. Культура всех народов и народностей нашей страны становилась социалистической по содержанию, оставаясь национальной по форме.

Комплексное освещение этих вопросов в рамках одного труда свидетельствует о важных сдвигах в исторической науке в целом. Разумеется, не случайно главным редактором и автором теоретического введения выступил М. П. Ким, перу которого принадлежат как работы по истории культурной революции в СССР, так и первая в исторической литературе книга о советском народе — новой общности людей. Это обстоятельство еще сильнее оттеняет главное — самим ходом своего развития наша историческая наука подошла к созданию комплексных исследований, характеризующих все основные этапы и аспекты возникновения и развития советского народа.

В современных условиях, когда партия приступает к практической реализации курса на ускорение социально-экономического развития страны, особо важное значение приобретает повышение роли человеческого фактора. Советскому обществу предстоит выйти на новые рубежи. В области духовной жизни это означает «дальнейшее упрочение в сознании советских людей социалистической идеологии; полное утверждение моральных принципов социализма, духа коллективизма и товарищеской взаимопомощи; приобщение самых широких масс населения к достижениям науки, ценностям культуры; формирование всесторонне развитой личности» [67].

Успешное решение намеченных задач требует дальнейшего изучения закономерностей социалистического коммунистического строительства, в том числе закономерностей возрастания роли народа в культурно-историческом творчестве, изучения того опыта и традиций, которые сформировались в процессе возникновения советского народа как новой исторической общности. Исключительную актуальность в этой связи приобретает тематика, позволяющая раскрыть содержание и особенности тех достижений культурной революции, которые уже в переходный период от капита-

лизма к социализму способствовали складыванию культурной общности, идейно-политической основы, по праву считающейся одним из главных факторов рождения советского народа как новой исторической общности людей.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Зачинателем изучения этой тематики по праву считается Л. М. Зак, ею написан цикл содержательных работ, первая из которых вышла более 20 лет назад. См.: Зак Л. М. История культурного строительства СССР в советской историографии (1956—1963 гг.). — ВИ, 1964, № 2; Зак Л. М., Лельчук В. С., Погудин В. И. Строительство социализма в СССР. Историографический очерк. М., 1971; Зак Л. М. История изучения советской культуры. М., 1981. См. также: Куманев В. А. Некоторые вопросы историографии культурной революции в СССР. — В кн.: Очерки историографии советского общества. М., 1965; Ермаков В. Т. Изучение истории советской культуры. — В кн.: Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС. М., 1978; Его же и др. Изучение истории советской культуры. — В кн.: Изучение отечественной истории СССР между XXV и XXVI съездами КПСС. М., 1982; Его же. К вопросу о периодизации историографии советской культуры. — В кн.: Советская культура. История и современность. М., 1983; Шеуджен Э. А. Советская историография национально-культурного строительства на Северном Кавказе. Ростов-н/Дону, 1983; и др.

[2] См.: Джунусов М. С. Расцвет и сближение национальных культур — закономерность создания культуры коммунизма. М., 1963; Строительство коммунизма и духовный мир человека. М., 1966; Наджаров А. Сближение культур социалистических наций. Баку, 1970; Куличенко М. И. Национальные отношения в СССР и тенденции их развития. М., 1972; Ким М. П. Советский народ — новая историческая общность. М., 1972; Шерстобитов В. П. Советский народ — новая историческая общность людей. М., 1972; Шермухамедов С. Расцвет и сближение национальных культур народов СССР. М., 1974; Советский народ — новая историческая общность людей. Становление и развитие. М., 1975; Новая историческая общность людей: сущность, формирование, развитие. М., 1976; Советский народ — строитель коммунизма, т. I—II. Фрунзе, 1977; Алиев Г. Б. Сближение и взаимообогащение культур социалистических наций в период строительства коммунизма (по материалам закавказских республик). Баку, 1977; Становление советского народа и развитие социалистических наций. Киев, 1978; Развитие советского народа — новой исторической общности. М., 1980; Куличенко М. И. Расцвет и сближение наций в СССР. Проблемы теории и методологии. М., 1981.

[3] См.: Иовчук М. Т. Культурно-технический подъем трудящихся и его перспективы в период перерастания социализма в коммунизм. М., 1960; Арнольдов А. И. Социализм и культурная революция (Некоторые философские проблемы культурной революции). М., 1967; Злобин Н. С. О сущности и принципах периодизации культурной революции; Куманев В. А. За глубокое изучение советского опыта культурной революции. — В кн.: Культурная революция в СССР. 1917—1965. М., 1967; Балер Э. А. Культурное наследие и коммунизм. М., 1968; Арнольдов А. И. В. И. Ленин и культурная революция. М., 1969; Коган Л. Н. Ведущая роль рабочего класса в создании и развитии культуры социализма. М., 1969.

[4] См.: Ермаков В. Т. Решающий этап культурной революции в СССР. — В кн.: От капитализма к социализму. Основные проблемы истории переходного периода в СССР 1917—1937 гг., т. 2. М., 1981, с. 265—287; Великая Октябрьская социалистическая революция и становление советской культуры. 1917—1927. М., 1985, с. 28.

[5] Дробижева Л. М. О сближении уровней культурного развития союзных республик. — История СССР, 1969, № 3, с. 61.

[6] См.: Якубовская С. И. Ликвидация фактического неравенства наций (На примере народов Средней Азии и Казахстана). — ИЗ, 1954, т. 48;

Джунусов М. С. Об историческом опыте строительства социализма в ранее отсталых странах. М., 1958; Воробьев Ю. В. Выравнивание уровней экономического развития союзных республик. М., 1965; Коммунизм и культура. Закономерности формирования и развития новой культуры. М., 1966; Грошев И. И. Исторический опыт по осуществлению ленинской национальной политики. М., 1967; и др.

7 См.: Джунусов М. С. Советский опыт решения национального вопроса и его международное значение. — История СССР, 1967, № 6.

8 Дробижева Л. М. О сближении уровней культурного развития..., с. 62.

9 Дробижева Л. М. Духовная общность народов СССР. Историко-социологический очерк межнациональных отношений. М., 1981, с. 166, 167.

10 Культурная революция в СССР и духовное развитие советского общества. Свердловск, 1974, с. 36—37.

11 Майсурадзе Д. Г. Культура Советской Грузии. Тбилиси, 1965; Пашаев Н. А. Очерки культурного строительства Советского Азербайджана. Баку, 1965; Худавердян К. С. Культурная революция в Советской Армении. 1920—1940. Ереван, 1966; Каракеев К. К. Из истории культурного строительства в Киргизстане. Фрунзе, 1968; Шемяков Д. Е., Яценко Я. С. Культурная революция в Советской Молдавии (1924—1967 гг.). Кишинев, 1969; Шукуров М. Р. История культурной жизни Таджикистана (1917—1941 гг.). Душанбе, 1970; Каландадзе Ц. П. Культурная революция в Грузии. Тбилиси, 1972; Сулейменов Р. Б. Ленинские идеи культурной революции и их осуществление в Казахстане (Исторический опыт развития социалистической культуры народов, миновавших стадию капитализма). Алма-Ата, 1972; Пашаев Н. А. Победа культурной революции в Советском Азербайджане. М., 1976; Раджабов З. Очерки истории культурного строительства в Таджикистане. Душанбе, 1976; Демченко М. В. Расцвет украинской советской культуры — составной части многонациональной культуры народов СССР (1917—1977). Киев, 1977; Канапин А. К., Яндаров А. Д. Расцвет культуры казахского народа (Общие проблемы культуры. Закономерности, тенденции, особенности культурного строительства в Казахстане после Великой Октябрьской социалистической революции). Алма-Ата, 1977; Данияров С. С. Культурное строительство в Киргизской ССР в годы довоенных пятилеток. Фрунзе, 1980; и др.

12 Ким М. П. О закономерностях культурной революции. — ВИ, 1960, № 5, с. 9.

13 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 120—121.

14 См. подробнее: От капитализма к социализму. Основные проблемы истории переходного периода в СССР. 1917—1937 гг., т. I. Победа социалистической революции. Начало переходного периода. 1917—1927 гг. М., 1981; т. II. Развернутое строительство социализма в СССР. 1928—1937 гг. М., 1981; Поляков Ю. А., Дмитренко В. П., Щербань Н. В. Новая экономическая политика. Разработка и осуществление. М., 1982.

15 См.: Лельчук В. С. Индустриализация СССР: история, опыт, проблемы. М., 1984, с. 84.

16 Цеткин К. Воспоминания о Ленине. М., 1955, с. 68.

17 КПСС в резолюциях..., т. 2, с. 48.

18 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 381.

19 Материалы XXVII съезда КПСС, с. 125.

20 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 160—161.

21 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 73.

22 В монографическом плане одним из первых разработку этой темы начал Л. Н. Коган. См.: Коган Л. Н. Ведущая роль рабочего класса в создании и развитии культуры социализма. См. также: Коган Л. Н., Вишневский Ю. Р. Очерки теории социалистической культуры. Свердловск, 1972; Горбунов В. В. В. И. Ленин и Пролеткульт. М., 1972; Роль рабочего класса в разработке советской культуры. М., 1976.

23 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 22.

24 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 230.

25 КПСС в резолюциях..., т. 2, с. 358.

[26] Вестник профтехнического образования, 1921, № 10, с. 37.
[27] КПСС в резолюциях..., т. 2, с. 81.
[28] Коммунистическая революция, 1929, № 9, с. 33.
[29] Среди множества подобных работ масштабностью замысла и широтой его реализации выделяются исследования В. А. Куманева. Хронологически они охватывают весь переходный период от капитализма к социализму и строятся на общесоюзных материалах. См.: Куманев В. А. Социализм и всенародная грамотность. Ликвидация массовой неграмотности в СССР. М., 1967; Его же. Революция и просвещение масс. М., 1973.
[30] См.: Яковлев А., Михайлов Б., Бункин А. Ленинград в борьбе за сплошную грамотность. М., 1931, с. 60—62.
[31] Советский рабочий класс. Краткий исторический очерк (1917—1973). М., 1975, с. 270—271.
[32] XVII съезд ВКП(б). Стеногр. отчет. М.—Л., 1934, с. 243.
[33] Правда, 1985, 21 сент.
[34] Наиболее обстоятельно эта проблематика раскрыта в монографии: Вдовин А. И. и Дробижев В. З. Рост рабочего класса СССР. 1917—1940 гг. М., 1976. В аспекте рассматриваемой нами проблемы книга особенно интересна анализом пополнений рабочего класса, их социальной психологии, путей и методов адаптации. Важное значение имеют также исследования об изменении численности и состава рабочих союзных республик. Среди них обращают на себя внимание работы: Гришаева Л. Е. Рабочие союзных республик в условиях социалистической индустриализации. М., 1982; Тимофеев П. Т. Формирование национальных кадров рабочего класса СССР. М., 1982.
[35] КПСС в резолюциях..., т. 2, с. 81.
[36] Правда, 1928, 7 июня.
[37] КПСС в резолюциях..., т. 4, с. 459.
[38] Спутник агитатора для деревни, 1930, № 7, с. 34.
[39] В современной литературе эта тема, на наш взгляд, наиболее удачно освещена в монографии: Митяева О. И. Коммунистическая партия — руководитель культурного роста крестьянства в годы коллективизации. М., 1978. См. также: Клочко В. Ф. Культурное строительство в советской деревне в годы второй пятилетки. М., 1956; Терентьева Л. А. Культпоход на Нижней Волге. Саратов, 1967; Куксин А. Н. Развертывание культурной революции в деревне в годы первой пятилетки (на материалах Западной области). Смоленск, 1969; Денисов С. Г. Борьба партии за культурное преобразование деревни. 1917—1937 гг. М., 1981; и др.
[40] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 144.
[41] См.: Злобин Н. С. Культура и общественный прогресс. М., 1980, с. 240.
[42] Горбунов В. В. Ленинская концепция культурной революции (К вопросу о методе исследования). — В кн.: Советская культура. История и современность. М., 1983, с. 126.
[43] Ким М. П. О сущности культурной революции и этапах ее осуществления в СССР. — В кн.: Культурная революция в СССР, с. 32.
[44] Через несколько лет, повторяя эту мысль, Ким указывал: «Нельзя назвать ни одной работы по истории культурного строительства в СССР, в которой хотя бы в самой общей форме освещались вопросы становления и развития нравственности советского народа» (см.: Ким М. П. О некоторых аспектах изучения проблем культуры развитого социализма. — В кн.: Культурная революция в СССР и духовное развитие советского общества, с. 14).
[45] Злобин Н. С. О сущности и принципах периодизации культурной революции. — В кн.: Культурная революция в СССР, с. 42.
[46] Ленинизм и диалектика общественного развития. М., 1970, с. 310.
[47] См.: Безносиков Я. Н. Культурная революция в Коми АССР. М., 1968; Маркелов И. А. Культура возрожденного народа. Чебоксары, 1969; Тутаев М. З. Октябрь и просвещение. Очерки истории просвещения в Татарии накануне Октябрьской революции и в первые годы Советской власти. Казань, 1970; Аргунов И. А. У истоков социалистической культуры народов Якутии. О партийном руководстве начальным этапом культурной революции в ЯАССР. 1920—1927. Якутск, 1971; Каймаразов Г. Ш. Очерки истории

народов Дагестана. М., 1971; Намсинов И. Е. Культура Советской Калмыкии на подъеме. Элиста, 1972; Куценко И. Я. Революция и культура. Очерк истории борьбы партийных организаций Северного Кавказа за осуществление культурной революции в 1918—1932 гг. Краснодар, 1973; Джамбулатова З. К. Культурное строительство в Советской Чечено-Ингушетии (1920—1940 гг.). Грозный, 1974; Асочаков В. А. Культурное строительство в Хакасии (1917—1937 гг.). Абакан, 1983; Афанасьева А. И. Великий Октябрь и становление советской культуры в Карелии. 1918—1927. Петрозаводск, 1983; Хутуев Х. И. Становление и развитие социалистической культуры Советской Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1984; и др.

[48] Ким М. П. Проблемы теории и истории реального социализма. М., 1983, с. 437.

[49] Пинегина Л. А. Советский рабочий класс и художественная культура. 1917—1932. М., 1984, с. 34.

[50] См.: Козлов В. А., Попов И. И. Проблемы культурного развития советского крестьянства в исторической литературе 1970-х годов. — ВИ, 1981, № 12.

[51] См., напр.: Куклин А. Я. Культура свободного времени сельского населения (на материалах Ленинградской области). Автореф. дис. Л., 1970.

[52] Козлов В. А. Культурная революция и крестьянство. 1921—1927 (по материалам Европейской части РСФСР). М., 1983, с. 12.

[53] См.: Коган Л. Н. Ведущая роль рабочего класса в создании и развитии культуры социализма. М., 1969; Культурное творчество народных масс. М., 1970; Духовный мир советского рабочего. М., 1972; Иовчук М. Т., Коган Л. Н. Советская социалистическая культура. Исторический опыт и современные проблемы. М., 1979; и др. См. также: Семьянинов А. К. Из истории становления нравственных ценностей. По материалам колхозов Тамбовской области. — В кн.: Насущные проблемы этики. Тамбов, 1976; Куликов В. М. К вопросу о содержании идеологии советского крестьянства в доколхозный период. — В кн.: Проблемы истории советского крестьянства. М., 1981; и др.

[54] ВИ, 1954, № 4.

[55] См.: Смирнов И. С. Ленин и советская культура. Государственная деятельность В. И. Ленина в области культурного строительства (октябрь 1917 — лето 1918 г.). М., 1960.

[56] Соскин В. Л. Культурная жизнь Сибири в первые годы нэпа (1921—1923 гг.) Новосибирск, 1971, с. 5.

[57] Назовем лишь наиболее крупные работы, дающие представление об этой литературе: Зак Л. М. Проблема формирования советской интеллигенции в современной историографии. — История СССР, 1968, № 2; Главацкий М. В. Вопросы формирования советской интеллигенции в советской историографии. — В кн.: Партийные организации Урала во главе хозяйственного и культурного строительства. Свердловск, 1974; Воронцов А. В. Роль сельскохозяйственной интеллигенции в культурной революции в деревне (К историографии проблемы). — В кн.: Интеллигенция и социалистическая революция. Л., 1975; Иванова Л. В. Проблема формирования научной интеллигенции в советской историографии. — В кн.: Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976; Зак Л. М. История изучения советской культуры.

[58] Калинин М. И. Статьи и речи. 1936—1938. М., 1938, с. 171.

[59] См.: Горбунов В. В. В. И. Ленин и Пролеткульт. М., 1974. Появлению монографии предшествовали две его статьи: Борьба В. И. Ленина с сепаратистскими устремлениями Пролеткульта. — Вопросы истории КПСС, 1958, № 1; Из истории борьбы Коммунистической партии с сектантством Пролеткульта. — В кн.: Очерки по истории советской науки и культуры. М., 1968.

[60] См.: Пинегина Л. А. Указ. соч.

[61] Марченко Ю. Г. Очерки истории культурного развития рабочих Сибири (1920—1928 гг.). Новосибирск, 1977.

[62] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 431.

[63] См.: Зак Л. М. История изучения советской культуры, с. 166.

[64] Гафуров Б. Г. Особенности культурной революции в Советской

Средней Азии. XXVI международный конгресс востоковедов. — Доклады делегаций СССР. М., 1963, с. 8.

[65] История советского рабочего класса, т. I. Рабочий класс в Октябрьской революции и на защите ее завоеваний. 1917—1920 гг. М., 1984.

[66] К сожалению, эта важная тема осталась не раскрытой во втором томе названного издания, который охватывает 1921—1937 гг. Весьма бегло затронуты в книге и другие вопросы, характеризующие духовную жизнь городских и сельских рабочих в условиях восстановления и реконструкции народного хозяйства. Второй том в этом отношении явно уступает первому, который построен с должным учетом новейших достижений историков советской культуры. См.: История советского рабочего класса, т. II. Рабочий класс — ведущая сила в строительстве социалистического общества. 1921—1937 гг. М., 1984.

[67] Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986, с. 140.

М. Р. ЗЕЗИНА

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И НОВАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ

В эпоху научно-технической революции «увеличивается численность интеллигенции, повышается ее творческий вклад в материальное производство и другие сферы общественной жизни»[1]. Эта объективная закономерность привлекает внимание советских ученых к проблемам развития этого социального слоя. Несмотря на большое количество работ о нем, изданных в последние годы, многие вопросы истории и деятельности советской интеллигенции исследованы еще слабо.

Одной из актуальных задач является изучение роли интеллигенции в советском обществе. Эта проблема разрабатывается преимущественно в теоретическом плане при освоении ленинского наследия, а также применительно к развитому социалистическому обществу[2].

В советской историографии ставятся вопросы о роли интеллигенции в социально-экономическом, культурном, национальном развитии социалистического общества, в преодолении социальных различий между работниками умственного и физического труда и усилении социальной однородности общества, в интернациональном сплочении народов СССР и др. Поставлена проблема роли интеллигенции в развитии советского народа как новой исторической общности людей[3]. В целом положительно оценивая результаты проведенных исследований, нельзя не отметить, что, по существу, мы находимся лишь в самом начале изучения этой сложной проблемы. Сопоставление содержащихся в нашей литературе общетеоретических положений о социальных функциях интеллигенции, о возрастании ее роли в строительстве социалистического и коммунистического общества показывает, что среди авторов нет единства в понимании основополагающих вопросов.

Опасны любые крайности в трактовке роли этого социального слоя. Преувеличение ее смыкается с технократическими концепциями, основывающимися на идее перехода ведущей роли в обществе в условиях НТР к интеллигенции, недооценка нашла свое крайнее выражение в китайской «культурной революции». Теоретиче-

ское осмысление проблемы и конкретно-историческое изучение роли интеллигенции в жизни советского общества должны быть взаимосвязаны. Однако накопление и обобщение конкретно-исторического материала о ее деятельности в различных сферах общественной жизни на разных этапах истории советского общества только начинается[4]. Результаты этих работ историков, несомненно, помогут теоретическому осмыслению социальной роли интеллигенции. В свою очередь решение методологических вопросов будет стимулировать дальнейшие конкретно-исторические исследования.

Большой научный интерес представляет вопрос о роли интеллигенции в формировании и развитии советского народа — принципиально новой, возможной только при социализме общности людей. Это прежде всего социально-классовая общность, основанная на нерушимом союзе рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции, а также общность интернациональная, опирающаяся на дружбу и сотрудничество социалистических советских наций.

Советский народ как новая историческая общность людей сформировался в результате политических, социально-экономических и культурных преобразований, проведенных в процессе социалистического строительства в СССР. Развитие новой исторической общности связано с дальнейшим развитием социализма в политической, социально-экономической и духовной сферах. Хотя история формирования и развития советского народа неотделима от истории советского общества, она включает лишь те процессы, которые способствовали складыванию социально-классовой и межнациональной общности советских людей. Соответственно роль интеллигенции в формировании и развитии новой исторической общности людей не сводится к ее роли в обществе. Это необходимо отметить, ибо в литературе есть тенденция не различать эти понятия[5]. Вместе с тем очевидно, что проблема роли интеллигенции в формировании и развитии новой исторической общности людей вычленяется условно как чисто познавательная. В реальном историческом процессе отделить роль интеллигенции в формировании советского народа от ее роли в обществе невозможно.

Исследование роли интеллигенции в формировании и развитии советского народа предполагает изучение этого социального слоя как объекта и как субъекта исторического процесса. С одной стороны, интеллигенция складывается в ходе формирования социально-классовой структуры социалистического типа и в качестве надежного союзника рабочего класса и колхозного крестьянства становится неотъемлемой составной частью новой исторической общности. С другой, осуществляя свои профессиональные и социальные функции, она активно участвует в строительстве социалистического и коммунистического общества и тем самым вносит вклад в формирование и развитие советского народа.

В научной литературе встречаются различные точки зрения по таким принципиально важным для изучаемой темы вопросам, как социальные границы интеллигенции, ее место в структуре

общества, перспективы развития, общественные функции. Одни авторы включают в состав интеллигенции лишь работников квалифицированного умственного труда, имеющих, как правило, высшее или среднее специальное образование, другие — всех работников умственного труда независимо от уровня квалификации и образования [6].

Оба подхода к определению интеллигенции уязвимы. Образовательный критерий неприменим к дореволюционной интеллигенции, особенно интеллигенции национальных окраин. Использование характера труда как основного критерия определения интеллигенции не дает возможности отличать этот социальный слой от некоторых профессиональных групп рабочего класса и крестьянства применительно к современному советскому обществу. Как справедливо отметила К. Г. Барбакова, такие показатели, как «умственный труд», «образование», «уровень квалификации», адекватно отражая эмпирическую действительность на определенных исторических этапах полностью не охватывают всех существенных характеристик интеллигенции. Она предложила функциональное определение интеллигенции, которое, на наш взгляд, поможет выйти из затянувшейся дискуссии по этому вопросу. Интеллигенция, пишет Барбакова,— это закономерно возникший с развитием капиталистических отношений социальный слой, представляющий собой совокупность людей, профессионально занятых производством, воспроизводством и распространением духовно-культурных продуктов, а также исполняющих организационно-управленческую функцию в духовном и материальном производстве, в сфере обслуживания и управления и для которых эта деятельность выступает единственным источником существования [7].

Вызывает недоумение лишь последний пункт. Несовершенная система оплаты труда специалистов в нашем обществе вынуждает некоторых представителей интеллигенции (как правило, это относится к молодым специалистам, имеющим относительно невысокий уровень заработной платы) искать дополнительный источник доходов, т. е. в свободное время заниматься работой, не соответствующей их профессии и квалификации. Это может привести к изменению социального статуса личности в случае превращения дополнительной работы в основную, но сами по себе дополнительные (трудовые) источники средств существования не меняют социальной принадлежности интеллигента. Видимо, стоит говорить о профессиональной деятельности как главном источнике средств для интеллигенции, но не единственном.

Различные суждения высказывались о перспективах сближения интеллигенции с классами. Ряд авторов считают, что рабочий класс, колхозное крестьянство и интеллигенция в процессе сближения воспринимают лучшие черты друг друга [8]. Другие исследователи пишут о так называемом «орабочивании» колхозного крестьянства и интеллигенции, т. е. о распространении черт, свойственных рабочему классу как ведущему классу общества, на все общество [9]. Отдельные авторы высказывали мнение, что наиболее

перспективной частью общества является интеллигенция и что наступит время, когда принадлежность к ней станет всеобщим признаком [10].

Нет полного единства в вопросе о соотношении ведущей роли рабочего класса в социалистическом обществе и возрастающей роли интеллигенции. Встречаются попытки противопоставить роль рабочего класса социальным функциям интеллигенции.

Принципиальное значение для изучения роли интеллигенции в формировании и развитии советского народа имеет ленинское определение интеллигенции как социального слоя общества, включающего «всех образованных людей, представителей свободных профессий вообще, представителей умственного труда» [11]. В. И. Ленин указывал, что интеллигенция не представляет собой самостоятельной политической силы, «не примыкая к классу, она есть нуль» [12]. Главная социальная функция интеллигенции — отражение интересов класса, ее создавшего, защита его экономических, политических и идеологических позиций. В капиталистическом обществе интеллигенция неоднородна по своему происхождению, социальному положению, политическим взглядам. Большинство ее выражает интересы господствующего класса, в то же время из ее среды выделяются группы, защищающие интересы рабочего класса и крестьянства. Эти группы становятся ядром новой, социалистической интеллигенции, формирующейся в процессе строительства социализма.

Бессильная сама по себе, интеллигенция становится реальной силой, когда четко и последовательно защищает интересы какого-либо общественного класса. Причем и сила класса в значительной степени зависит от силы поддерживающей его интеллигенции. В социалистическом обществе основная социальная функция интеллигенции — борьба за идеалы рабочего класса своими собственными, присущими работникам умственного труда средствами.

Рабочий класс является ведущей силой советского общества. Он играет решающую роль в формировании и развитии новой исторической общности людей, ибо это класс, заинтересованный в достижении полной социальной однородности общества, подлинно интернациональный, в силу своей природы свободный от национальных предрассудков. Он «поддерживает все, помогающее стиранию национальных различий, падению национальных перегородок, все, делающее связи между национальностями теснее и теснее, все, ведущее к слиянию наций» [13]. Роль интеллигенции в формировании и развитии советского народа как новой исторической общности людей зависит от того, насколько последовательно она борется за идеалы рабочего класса. Роль интеллигенции не является постоянной на различных этапах истории советского общества. Она возрастает по мере преобразования социальной природы интеллигенции и осознания ею общности интересов с рабочим классом, по мере сближения ее с рабочим классом, роста сознательности и социальной активности интеллигенции. Вместе с тем возрастание роли интеллигенции не умаляет ведущей роли

рабочего класса, а укрепление последней не снижает роли интеллигенции, ибо каждая социальная группа общества — рабочий класс, колхозное крестьянство, интеллигенция — играет свою незаменимую, специфическую социальную роль. Имея общую цель — построение коммунистического общества, рабочий класс, колхозное крестьянство, народная интеллигенция борются за нее своими средствами в соответствии с исторически сложившимся общественным разделением труда.

Интеллигенция осуществляет свое социальное предназначение, выполняя многообразные функции умственного труда по созданию, сохранению, распространению и практическому использованию духовных ценностей. Действуя по этим направлениям, интеллигенция под руководством КПСС вносила свой весомый вклад в формирование и развитие новой исторической общности людей.

В советской литературе встречаются разные точки зрения по вопросу о периодизации процесса формирования и развития новой исторической общности. Однако у большинства авторов она совпадает с периодизацией истории советского общества. Выделяют период рождения исторической общности, оформления ее основных определяющих черт, совпадающий с переходным от капитализма к социализму периодом. Второй период — развитие новой исторической общности на собственной социалистической основе от оформления ее в основном до превращения в мощный фактор общественной жизни, совпадающий с завершающим периодом строительства социализма. Третий этап — современный, начавшийся со вступления СССР в период развитого социализма, главным его содержанием является развитие советского народа в коммунистическую ассоциацию трудящихся [14]. В соответствии с принятой периодизацией и следует изучать роль интеллигенции в формировании и развитии новой исторической общности, тем более что и в истории советской интеллигенции можно выделить те же хронологические периоды.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции явилась исходным и определяющим рубежом формирования советского народа. Но предпосылки сложились в дореволюционный период. Речь идет о заложенных тогда основах социального союза рабочего класса, крестьянства и интеллигенции, об экономических и культурных взаимосвязях народов России, традициях классовой и интернациональной солидарности народных масс в революционной и освободительной борьбе.

История складывания и развития союза рабочего класса, крестьянства и интеллигенции относится к проблемам, мало исследованным в советской историографии [15]. Не решен вопрос о времени создания такого союза. Встречается мнение, что «с построением развитого социалистического общества союз рабочего класса и крестьянства перерос в их союз с интеллигенцией» [16]. Сторонник этой точки зрения Б. С. Маньковский видит конкретное выражение союза в том, что союзники, включая интеллигенцию, представлены среди депутатов Верховного Совета СССР и Верховных Советов

союзных республик, а также среди делегатов последних партийных съездов. Неубедительное доказательство. Ведь интеллигенция была в достаточной степени представлена в высших партийных и государственных органах и в предшествующие периоды советской истории.

А. С. Ковальчук и Т. В. Наумова пишут об «окончательном превращении всей интеллигенции в союзника рабочего класса и колхозного крестьянства», которое ознаменовано постепенным перерастанием государства диктатуры пролетариата в общенародное [17]. Возникают вопросы: каким образом и как долго шло это превращение, в каких отношениях была интеллигенция с классами советского общества, пока не превратилась в их союзника? Но на них авторы ответа не дают.

Другую точку зрения относительно времени формирования союза рабочего класса, крестьянства и интеллигенции высказал А. А. Амвросов. Он считает, что формирование советской интеллигенции как союзника рабочих и крестьян проходило в три этапа. На первом, совпадающем с переходным от капитализма к социализму периодом, интеллигенция стала народной, окончательно и бесповоротно перешла на позиции социализма, в это время в основном сложился союз ее с классами. На втором этапе — строительства развитого социалистического общества — развивался процесс сближения классов, социальных групп и слоев, усиливалось социально-политическое и идейное единство общества. На третьем — в условиях развитого социализма — завершается формирование прочного союза всех трудящихся СССР. Теперь рабочие, колхозники, интеллигенция составляют одно неразрывное целое, социальную основу многонационального общенародного государства [18]. Этот подход помогает объяснить характер отношений между рабочим классом и крестьянством, с одной стороны, и интеллигенцией, с другой, на первых этапах истории советского общества как союзнические, но находящиеся в процессе формирования. Такое объяснение, на наш взгляд, чрезвычайно важно, ибо альтернативой союзническим отношениям могут быть или враждебные, или нейтральные. Другими словами, если интеллигенция не являлась союзником рабочего класса в ходе строительства социализма, значит, она была ему враждебна или нейтральна. А это не соответствует исторической действительности.

Вопрос о союзе рабочего класса с интеллигенцией остро стоит в современной идеологической борьбе. Антикоммунисты, пытаясь противопоставить рабочий класс и интеллигенцию, поднимают на щит махаевщину, проповедующую враждебность пролетариата и работников умственного труда. Ревизионисты, признавая на словах необходимость союза, на деле отрицают его политический смысл — борьбу за социализм и руководящую роль рабочего класса [19]. В этой связи велико значение советского опыта формирования и развития союза рабочего класса и интеллигенции.

Вопрос об отношении пролетариата и пролетарской партии к интеллигенции со всей остротой встает в эпоху монополистического

капитализма, когда «капитализм все более и более отнимает самостоятельное положение у интеллигента, превращает его в зависимого наемника, грозит понизить его жизненный уровень»[20]. В. И. Ленин в дореволюционных работах неоднократно обращался к вопросу о сближении передовой интеллигенции с рабочим классом. Часть интеллигенции России активно участвовала в революционной борьбе на стороне пролетариата. О ней В. И. Ленин писал: «...как и всякий другой класс современного общества, пролетариат не только вырабатывает свою собственную интеллигенцию, но и берет себе также сторонников из числа всех и всяких образованных людей»[21]. Из этой среды вышли видные деятели большевистской партии, которые сыграли выдающуюся роль в выработке ее национальной политики, пропаганде идей интернационализма, борьбе против национализма и великодержавного шовинизма.

Таким образом, еще до революции начинается политическое сотрудничество пролетариата с частью интеллигенции, небольшой по численности, сильной своей сплоченностью и организацией. Разумеется, говорить о союзе пролетариата и интеллигенции применительно к тому времени нельзя. В массе своей интеллигенция не принимала участия в подготовке и проведении социалистической революции. Российский пролетариат взял власть в свои руки в союзе с беднейшим крестьянством, но удержать власть, построить социализм без помощи интеллигенции, без привлечения и использования этого социального слоя было невозможно. «Без руководства специалистов различных отраслей знания, техники, опыта, переход к социализму невозможен...»[22],— указывал В. И. Ленин.

В. И. Ленин рассматривал диктатуру пролетариата как особую форму «классового союза между пролетариатом, авангардом трудящихся, и многочисленными непролетарскими слоями трудящихся (мелкая буржуазия, мелкие хозяйчики, крестьянство, интеллигенция и т. д.)... союза в целях окончательного создания и упрочения социализма»[23]. «Это — особого вида союз, складывающийся в особой обстановке, именно в обстановке бешеной гражданской войны, это союз твердых сторонников социализма с колеблющимися его союзниками, иногда с «нейтральными» (тогда из соглашения о борьбе союз становится соглашением о нейтралитете), союз между неодинаковыми экономически, политически, социально, духовно классами»[24],— писал он в 1919 г.

Союз рабочего класса с трудовой демократической интеллигенцией в условиях диктатуры пролетариата имел прочную объективную основу — общность коренных интересов. Как и пролетариат, интеллигенция в капиталистическом обществе страдала от социального гнета. Только социализм мог дать ей возможность свободно и плодотворно трудиться на благо народа. В союз с рабочим классом вступали широкие круги интеллигенции, но часть этого социального слоя (особенно его верхи) примыкала к буржуазии и выражала ее интересы. Буржуазная интеллигенция за-

нимала контрреволюционные позиции, и по отношению к ней проводилась политика подавления.

Совпадение коренных интересов рабочего класса и интеллигенции не означало, что их союз свободен от противоречий. Но политические и идеологические противоречия между ними в условиях переходного периода не были антагонистическими, они во многом связаны с тем, что старая интеллигенция не сразу осознала общность интересов своих и рабочего класса. Такого рода противоречия не распространялись на отношения рабочего класса и формирующейся рабоче-крестьянской интеллигенции.

Советская интеллигенция складывалась на широкой демократической основе. Она пополнялась выходцами из всех социальных слоев общества. На первых порах особое значение имело привлечение к сотрудничеству с Советской властью старой интеллигенции.

Одновременно началось создание кадров руководителей и специалистов из рабоче-крестьянской среды. Оно осуществлялось путем выдвижения на руководящую работу передовых рабочих и крестьян, с последующим их обучением, а также подготовкой специалистов в высших и средних специальных учебных заведениях. В системе народного просвещения и специального образования были проведены реформы, изменившие и саму систему, и содержание обучения в интересах победившего пролетариата. Так были заложены основы широкой социальной базы пополнения интеллигенции.

Как союзник рабочего класса под его руководством интеллигенция принимала активное участие во всех социально-экономических и культурных преобразованиях переходного периода, внесла свой вклад в строительство государственного аппарата, проведение социалистической индустриализации, коллективизации сельского хозяйства, культурной революции.

Особая роль принадлежала немногочисленной партийной интеллигенции, силами которой создавался государственный аппарат диктатуры пролетариата и которая много сделала для привлечения и перевоспитания старых специалистов и организации подготовки новых кадров. Опыт и знания старой интеллигенции широко использовались в создании народных комиссариатов как в центре, так и в республиках, в организации Красной Армии, в управлении народным хозяйством, в культурном строительстве. Научная и техническая интеллигенция была незаменимым помощником рабочего класса в борьбе за социалистическую реконструкцию народного хозяйства. Самое непосредственное участие принимала интеллигенция в ликвидации неграмотности населения, в организации советской системы народного образования, в создании социалистической науки, литературы и искусства. Отношения, которые сложились между рабочим классом и интеллигенцией в этот период, можно охарактеризовать как товарищеское сотрудничество.

Однако, оценивая вклад интеллигенции в социалистическое строительство, нельзя не учитывать ее идейно-политическую не-

однородность, забывать о том, что это был «колеблющийся союзник рабочего класса». В первый год пролетарской диктатуры многие государственные служащие, инженеры, учителя, врачи приняли участие в саботаже, организованном профессиональными союзами интеллигенции. Именно в этом социальном слое родилось контрреволюционное по своей сути идейное течение — сменовеховство. Ущерб Советскому государству нанесли вредительские организации интеллигенции. Партия всегда давала принципиальную оценку этим явлениям, вскрывая исторические корни антисоветского поведения части специалистов, но партийная линия по отношению к интеллигенции оставалась неизменной: в ней всегда видели крупную незаменимую социальную силу социалистического строительства. По мере перехода старых специалистов на позиции пролетариата и пополнения интеллигенции выходцами из рабоче-крестьянской среды этот социальный слой стал более активно и сознательно участвовать в жизни страны и его роль в социалистических преобразованиях возрастала.

Благодаря правильной политике партии, под воздействием успехов Советского государства, в результате идейно-политического размежевания к концу переходного периода большинство интеллигенции сознательно и последовательно стало на позиции рабочего класса.

К концу 30-х годов завершилось преобразование социальной природы интеллигенции. Как отмечалось на XVIII съезде партии, она оказалась «в своей массе совершенно новой интеллигенцией, связанной всеми своими корнями с рабочим классом и крестьянством»[25]. Старые кадры составляли лишь около одной двенадцатой численности дипломированных специалистов, 80—90% интеллигентов были выходцами из рабочих, крестьян и других слоев трудящихся. Интеллигенция стала единой по социальному происхождению, социально-экономическому положению, идейно-политическим убеждениям. В Конституции СССР 1936 г. указывалось, что трудовая социалистическая интеллигенция была неотъемлемой и полноправной частью трудящихся.

К концу переходного от капитализма к социализму периода союз рабочего класса с интеллигенцией вступил в новый этап своего развития, изменилось его содержание. Из союза «твердых сторонников социализма с колеблющимися его союзниками» он превратился в союз единомышленников, стал социальной основой новой исторической общности людей — советского народа. Как подчеркивается в новой редакции Программы КПСС, «на базе общих интересов рабочего класса, колхозного крестьянства, народной интеллигенции, трудящихся всех национальностей сложилось социально-политическое и идейное единство советского общества»[26].

Это нашло отражение в партийных документах тех лет. Определяя цели и задачи общественного развития, партия стала обращаться не только к рабочим и крестьянам, но и к интеллигенции. Так, в Обращении ЦК ВКП(б) к избирателям 17 февраля 1950 г.

о рабочих, крестьянах и интеллигенции сказано как о крепко сплоченной могучей армии строителей коммунизма [27].

В период завершения строительства социалистического общества шло дальнейшее укрепление союза рабочего класса, крестьянства и интеллигенции. Численность ее и доля в составе населения росли, расширялась сфера применения труда интеллигенции, и, естественно, возрастало ее значение как союзника классов советского общества. По своему происхождению и материальному положению она все более сближалась с рабочим классом. Как отмечалось в Тезисах ЦК КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции», «упрочилось социально-политическое и идейное единство рабочих, крестьян, интеллигенции», «ее (интеллигенции.— *М. З.*) интересы неотделимы от интересов рабочих и крестьян» [28].

Историческое развитие союза рабочего класса, крестьянства и интеллигенции шло рука об руку с нарастанием социальной однородности и укреплением единства советского общества [29]. В обществоведческой литературе выявлена прямая связь категорий «социальное единство» и «социальный союз». Авторы книги «Советский народ — строитель коммунизма» правильно, на наш взгляд, рассматривают понятие «социальный союз» как «момент (стадию) развития социального единства», полагая при этом, что категория «единство» выражает более глубокую и органичную связь социальных общностей людей [30]. Союз рабочего класса, колхозного крестьянства и народной интеллигенции при ведущей роли рабочего класса, как известно, «стал прочной, нерушимой основой сложившейся в нашей стране новой исторической общности — советского народа» [31].

Важное значение для изучения роли интеллигенции в формировании и развитии советского народа имеет проблема ее национальных отрядов, их роли в складывании, развитии и сближении социалистических наций. Национальным отрядам интеллигенции посвящено много исследований [32]. Но большинство из них не содержит теоретических обобщений эмпирического материала. Наиболее разработанным направлением историографии этой проблемы является изучение формирования национальных кадров специалистов через вузы и техникумы [33].

В работах, посвященных республиканским отрядам интеллигенции, наблюдаются две крайние тенденции в освещении проблемы национальных кадров. Авторы ряда исследований вообще не ставят ее, ограничиваясь общим указанием, что формирование национальных кадров интеллигенции явилось важнейшим достижением Советской власти [34]. Другие, напротив, выдвигают эту проблему на первый план, утверждая, что формирование национальной интеллигенции в некоторых республиках не было завершено и в 50-е годы [35].

Советская интеллигенция складывалась как многонациональный слой, включающий представителей всех наций и народностей, проживающих на территории страны. Процесс создания социали-

стической интеллигенции, справедливо отмечает В. С. Волков, включал в себя две находящиеся в диалектическом единстве стороны: коренизацию, т. е. выдвижение и подготовку национальных кадров, и интернационализацию интеллигенции, т. е. рост многонациональности этого социального слоя, воспитание его в духе интернационализма [36].

Формирование национальных кадров интеллигенции имело принципиальное значение для консолидации отсталых в прошлом народов в нации и народности социалистического типа, совершенствования национально-государственного строительства, постепенного складывания новой исторической общности людей. Эту проблему применительно к рабочему классу исследовал П. Т. Тимофеев [37]. Ряд его выводов справедлив и по отношению к интеллигенции. Несомненно, что качественные и количественные параметры республиканских отрядов интеллигенции, особенно ее национальных кадров, характеризуют уровень развития нации. Так, отсутствие национальных кадров художественной интеллигенции ограничивает возможности развития национальной культуры — создания профессионального театра, кинематографа, художественной литературы. Показательно, что у народов, миновавших капиталистическую стадию развития, в первую очередь формируются кадры работников культуры и просвещения, в последнюю — инженерно-технической интеллигенции.

Изучение процесса формирования наций социалистического типа выдвигает вопросы соотношения в нем роли рабочего класса и интеллигенции, а также о хронологических рамках формирования национальных кадров рабочих и интеллигенции. Пока советская историография не дает определенных ответов на них. Исследователи рабочего класса не учитывают роль интеллигенции. Специалист по истории интеллигенции Ш. Ю. Тастанов, на наш взгляд, явно недооценивает роль рабочего класса, утверждая, что при его крайней малочисленности в республиках Средней Азии новая интеллигенция сыграла большую роль в победе социализма, в национальной консолидации и формировании там социалистических наций. Выдающаяся революционная роль народной интеллигенции в строительстве социализма в период, когда еще не успел сложиться национальный рабочий класс, считает этот автор, — одна из особенностей некапиталистического развития этих республик [38].

Очевидно, что исследование данной проблемы нельзя ограничивать рассмотрением лишь национальных отрядов рабочего класса и интеллигенции. На формирование социалистических наций, их развитие и сближение влияют многонациональные республиканские отряды рабочего класса и интеллигенции, как и весь советский рабочий класс и советская интеллигенция. Национальные отряды интеллигенции — не обособленные группы, выполняющие особые функции и играющие иную, чем остальная интеллигенция, социальную роль, это составные части единого целого.

Как считает большинство авторов, процесс формирования со-

циалистической интеллигенции был завершен в основном в рамках переходного периода как в целом по стране, так и в отдельных республиках. Интеллигенция каждой республики включала кадры коренных национальностей. По национальному составу республиканских отрядов интеллигенции можно судить об успехах коренизации кадров, особенно руководящих. Так, например, к 1936 г. доля казахов среди руководящих работников ЦИК Казахской АССР составила 66,6%, среди руководителей наркоматов — 64%, среди руководящих работников исполкомов Советов — 53%. В 1920—1921 гг. удельный вес казахов в центральных органах власти не превышал 24% [39]. В 1936 г. комитеты по коренизации аппарата при Президиуме КазЦИК, облисполкомах были упразднены. Это не означало, что коренизация полностью утратила свое значение. Изменились формы ее осуществления. Аналогичные процессы характерны для всех республик. Об этом свидетельствует решение ЦИК 1934 г. «Об отмене брони мест для националов во втузах, вузах и других учебных заведениях общесоюзных наркоматов» [40].

Подготовка национальных кадров специалистов продолжалась и на следующих этапах развития страны. Применительно к нашему времени процесс исследован в меньшей степени. Большинство авторов делают при этом акцент на росте многонациональности интеллигенции и рассматривают его как выражение расцвета и сближения наций. Очевидно, что эта проблема нуждается в углубленном исследовании в контексте с общими процессами изменения национального состава населения СССР.

Таковы некоторые проблемы изучения роли интеллигенции в формировании и развитии новой исторической общности людей — советского народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Материалы XXVII съезда КПСС, с. 155.

2 См.: Астахова В. И. Разработка В. И. Лениным вопроса о месте и роли интеллигенции в социальной структуре общества. — В кн.: В. И. Ленин и проблемы строительства коммунизма. Материалы межвуз. научн. конф., секция № 2, М., 1970; Ерман Л. К. В. И. Ленин о роли интеллигенции в строительстве социализма и коммунизма. — В кн.: Великая сила идей ленинизма. М., 1970; Чесноков Г. Д. Ленинский анализ роли интеллигенции в общественном развитии и его современное значение. — Учен. зап. Горьк. ун-та, 1973, т. 18, вып. 1. Ленинская методология исследования; Астахова В. И. Советская интеллигенция и ее роль в общественном прогрессе. Харьков, 1976; Советская интеллигенция и ее роль в строительстве коммунизма. М., 1983; и др.

3 См.: Розенберг Ц. Р. Научно-техническая революция и интеллигенция. Алма-Ата, 1975; Валиев А. К. Роль интеллигенции в сближении социалистических культур. — Коммунист Узбекистана, 1976, № 7; Возрастание роли интеллигенции в усилении социальной однородности советского общества; Роль интеллигенции в развертывании научно-технической революции; Роль социалистической интеллигенции в интернациональном воспитании трудящихся; Советская многонациональная интеллигенция и ее роль в интернациональном сплочении народов СССР и социалистического содружества. — Материалы к Всесоюзной научно-теоретической конференции по проблеме «Советская интеллигенция и ее роль в строительстве коммунизма». Новосибирск, Академ-

городок, 28—29 июня 1979 г. М., 1979; Советский народ — строитель коммунизма. М., 1981; и др.

[4] Из работ историков следует отметить издающийся ЛГПИ им. А. И. Герцена межвузовский сборник «Роль интеллигенции в построении и дальнейшем развитии социалистического общества в СССР», вып. 1—3. Л., 1976—1979.

[5] Советский народ — строитель коммунизма, с. 262—268.

[6] Подробнее об этом см.: Зезина М. Р. Об основных направлениях в изучении интеллигенции развитого социалистического общества. — В кн.: Социальные аспекты истории советского народа как новой социально-интернациональной общности людей. М., 1982, с. 174—180.

[7] См.: Барбакова К. Г. Методологические проблемы социологического исследования интеллигенции. Автореф. дис. М., 1981, с. 8—9.

[8] См., напр.: Селунская В. М., Сивохина Т. А. Социально-политическое единство советского общества. М., 1982; Розенберг Ц. Р. Указ. соч.; Астахова В. И. Указ. соч.

[9] Советская интеллигенция и ее роль в строительстве коммунизма, с. 32.

[10] См.: Венжер В. Г. Методологические принципы совершенствования социальной структуры советского общества. М., 1977, с. 5.

[11] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 8, с. 309.

[12] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 441.

[13] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 133.

[14] Советский народ — новая историческая общность людей. М., 1975, с. 16—18. Встречаются и другие точки зрения. Так, в монографии «Развитие советского народа — новой исторической общности людей» (М., 1980) содержание первого периода истории советского народа, совпадающего с переходным от капитализма к социализму, определяется как создание фундамента новой исторической общности. Содержание следующего периода составляет завершение процесса формирования новой исторической общности.

[15] Из специальных работ, посвященных этой теме, можно назвать лишь кандидатскую диссертацию А. С. Сенявского «Укрепление союза рабочего класса, крестьянства и интеллигенции — социальной основы советского общенародного государства (1960—1970-е гг.)» (М., 1981). Значительный интерес в плане анализа отношений рабочего класса и интеллигенции в условиях диктатуры пролетариата представляет монография В. В. Гербача «КПСС — организатор сотрудничества рабочего класса со старой технической интеллигенцией» (М., 1980).

[16] Маньковский Б. С. Усиление социальной роли интеллигенции в условиях ее крепнущего союза с рабочим классом и крестьянством. — В кн.: Возрастание роли интеллигенции в усилении социальной однородности советского общества, с. 2.

[17] Ковальчук А. С., Наумова Т. В. Возрастание социальной роли интеллигенции — закономерная тенденция развития социализма. — Там же, с. 6.

[18] См.: Амвросов А. А. От классовой дифференциации к социальной однородности общества. М., 1978, с. 159—160.

[19] См.: Добрускин М. Е. Несостоятельность антикоммунистических концепций роли советской интеллигенции. Киев, 1983.

[20] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 209.

[21] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 389.

[22] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 178.

[23] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 377.

[24] Там же, с. 377.

[25] В. И. Ленин, КПСС об интеллигенции. М., 1979, с. 229.

[26] Материалы XXVII съезда КПСС, с. 125.

[27] КПСС в резолюциях..., т. 6, с. 300.

[28] Там же, т. 9, с. 306, 316.

[29] См.: Вдовин А. И. Роль рабочего класса в становлении социальной однородности советского общества (Вопросы методологии и истории изучения проблемы). — Вестн. Моск. ун-та, сер. История, 1983, № 6, с. 31.

[30] Советский народ — строитель коммунизма, с. 384.

[31] КПСС в резолюциях..., т. 12, с. 432.

[32] См.: Хачиров А. К. О формировании осетинской интеллигенции. Орджоникидзе, 1964; Валиев А. К. Формирование и развитие советской национальной интеллигенции в Средней Азии. Ташкент, 1966; Его же. Советская национальная интеллигенция и ее социальная роль. Ташкент, 1969; Литвиненко Н. И. Подготовка национальных кадров в Чечено-Ингушетии (1928—1933). Грозный, 1966; Тастанов Ш. Ю. Советский опыт формирования и развития интеллигенции ранее отсталых народов. Алма-Ата, 1975; Рахматуллин Э. С. Закономерности формирования и развития национальных отрядов технической интеллигенции при социализме (1917—1959). Казань, 1982; Интеллигенция национальных районов Сибири в условиях развитого социализма. Иркутск, 1983; и др.

[33] Шеуджен Э. А. Современная историография национально-культурного строительства на Северном Кавказе. — История СССР, 1985, № 1, с. 146.

[34] См.: Акилов Н. А., Гулямова М. А. Советская интеллигенция Узбекистана, в 2-х кн. Ташкент, 1978; Соктоев И. Формирование и развитие советской интеллигенции Киргизстана. Фрунзе, 1981.

[35] См.: Дурдыев Т. Формирование туркменской советской интеллигенции (1917—1958). Ашхабад, 1972, с. 22—23.

[36] См.: Волков В. С. Подготовка национальных кадров социалистической интеллигенции как составная часть культурной революции в СССР (ноябрь 1917 — конец 1930-х гг.). — Интеллигенция и социалистическая культурная революция. Сб. научных трудов. Л., 1975, с. 19.

[37] См.: Тимофеев П. Т. Формирование национальных кадров рабочего класса в СССР. М., 1982.

[38] См.: Тастанов Ш. Ю. Указ. соч., с. 88.

[39] Там же, с. 66, 71.

[40] См.: Волков В. С. Указ. соч., с. 19.

Е. Н. ДАНИЛОВА

О НАЦИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ СОВЕТСКОГО НАРОДА

На современном историческом этапе продолжает свое дальнейшее развитие новая социальная и интернациональная общность людей — советский народ. Она многонациональна, ее образуют многочисленные национальные общности, проживающие в нашей стране. Одна из важнейших сущностных характеристик советского народа — интернациональное единство. Обращаясь к глубокой мысли В. И. Ленина о том, что интернациональное не есть безнациональное, П. Н. Федосеев пишет: «Интернациональная общность не может мыслиться без национальных компонентов, без составляющих ее наций и народностей» [1].

Изучение национальной структуры советского народа, ее особенностей, основных этапов исторического развития, изменений и ведущих тенденций в дальнейшем совершенствовании — актуальная важная задача.

В. И. Ленин отмечал, что национальные различия «будут держаться еще очень и очень долго даже после осуществления диктатуры пролетариата во всемирном масштабе» [2]. Это важное ленинское положение о длительном сохранении национальных различий получает свое дальнейшее теоретическое развитие и практическое подтверждение в условиях современности. Национальные различия в нашей стране, подчеркивалось в связи с 60-летием образования СССР, «будут существовать долго, много дольше, чем различия классовые» [3]. Это означает, что наступит такой период

в историческом развитии советского народа, когда новая историческая общность людей станет общностью бесклассовой. «Преодоление различий между... классами, утверждение в нашей стране общества без классов произойдут в основном в исторических рамках первой, социалистической фазы коммунистической формации» [4],— записано в новой редакции Программы Коммунистической партии Советского Союза. Но это будет по-прежнему межнациональная общность людей. Таким образом, национальную структуру можно рассматривать как более устойчивую сторону новой общности.

Акцентируя внимание на ведущей роли социально-классовых факторов в становлении и развитии новой исторической общности, советские ученые в то же время подчеркивают необходимость и важность изучения ее национального аспекта. «Нельзя понять советской общности трудящихся, ее особенностей, не учитывая ее интернациональной природы, ее национальной структуры» [5],— пишет М. П. Ким.

Вопросы национальной структуры советского народа привлекают обществоведов разных специальностей — исследователей национальных отношений: философов, специалистов по научному коммунизму, историков, этнографов, этнодемографов, социологов. Определенное внимание национальной структуре советского народа уделяется в ряде монографий, в том числе и коллективных, о новой исторической общности людей, о развитом социализме, о национальных отношениях и этнических процессах в СССР. Но число специальных исследований национальной структуры советского народа пока еще невелико. Это преимущественно главы или разделы монографий, отдельные статьи, доклады и наблюдения, принадлежащие ведущим специалистам в области изучения национальных процессов в нашей стране [6].

Многие исследователи, занимающиеся национальной проблематикой, изучают составляющие национальную структуру новой исторической общности людей главные компоненты — социалистические нации и народности. Существующая ныне солидная литература о нациях, их исторических судьбах при социализме, основных чертах и т. д. продолжает пополняться новыми работами. Особенно щедрыми в этом отношении оказались 70-е годы. Прошедшая в конце 60-х годов на страницах журнала «Вопросы истории» дискуссия о нациях усилила интерес обществоведов к проблемам наций и национальных отношений на современном этапе, стимулировала исследования в этой области научных знаний [7].

Пожалуй, несколько меньше внимания уделяется разработке теоретико-методологических вопросов, связанных с социалистическими народностями и малыми этническими общностями — национальными, этническими, этнографическими группами. Большой вклад в изучение социалистических народностей вносит А. Г. Агаев, посвятивший судьбам народностей в СССР, особенностям их развития при социализме целый ряд научных исследований. Проблемы, связанные с изучением народности, затрагивают в своих тру-

дах и такие обществоведы, как С. Т. Калтахчян, М. И. Куличенко, И. П. Цамерян [8].

Недостаточная пока комплексная научная разработка национального аспекта новой социальной и интернациональной общности, в том числе ее современной национальной структуры, связана с многообразием и разнотипностью составляющих ее компонентов, отсутствием устоявшейся классификации этносоциальных исторических общностей людей, различиями в подходе исследователей к их выделению, определению основных признаков, применению ряда научных терминов, категорий, понятий. Все это самым прямым образом отражается на состоянии изучения национальной структуры советского народа. Следует также иметь в виду и сравнительно краткий отрезок времени, в течение которого ведутся научные изыскания в области новой социальной и интернациональной общности и отдельных аспектов ее истории. Многие исследователи отмечают, что пока идет лишь становление концепции в целом на теоретико-методологическом уровне, осваиваются подходы в изучении этого явления общественной жизни.

В небольшой статье, разумеется, невозможно дать всеобъемлющий и исчерпывающий анализ литературы, вышедшей в 70-е — начале 80-х годов, по всему кругу проблем, связанных с таким многоаспектным явлением, как национальная структура советского народа. Сосредоточим главное внимание на некоторых наиболее кардинальных вопросах: содержание понятия «национальная структура советского народа», ее основные компоненты, соотношение и взаимоотношения между ними, изменения в национальной структуре, тенденции, пути, основные этапы развития.

Понятие «национальная структура советского народа» закономерно утверждается в обществоведческой литературе с появлением, теоретико-методологическим осмыслением и изучением феномена «новая социальная и интернациональная общность», наиболее активно развернувшимися в 70-е годы [9]. Параллельно продолжает применяться и понятие «национальная структура развитого социалистического общества». Учитывая, что по своему «людскому составу» советское общество и советский народ совпадают [10], а также тот факт, что «в зрелом социалистическом обществе все процессы развития наций и национальных отношений совершаются в рамках новой исторической общности — советского многонационального народа» [11], очевидно, можно считать оба эти понятия обозначением одного и того же явления.

В современной литературе по национальной проблематике закономерно обращается внимание на выделение основных аспектов в изучении национальной структуры советского народа. Наиболее развернутое мнение высказано Ф. Я. Горовским и Г. Т. Тавадовым. Ученые подчеркивают, что национальная структура советского

народа — сложное и многоплановое явление, предполагающее изучение этнического и этнолингвистического строения новой общности людей, ее демографических параметров, важнейших связей между элементами ее структуры, наиболее существенных принципов управления всеми этими связями [12]. Куличенко полагает, что в национальную структуру советского общества наряду с основными элементами, общностями разного вида, входят и национальные отношения — внутринациональные, межнациональные и межличностные [13].

Советские обществоведы рассматривают национальную структуру новой социальной и интернациональной общности как часть социальной структуры советского общества и в то же время как самостоятельный системный объект, состоящий из отдельных элементов. Изучение внутренней организации этой системы, закономерностей ее развития, совокупности устойчивых связей между отдельными элементами, функций, роли и места каждого элемента в ее развитии, ее соотнесение с целым — с новой исторической общностью людей — вот что является основным при системном подходе в научном анализе национальной структуры советского народа [14].

Таким образом, содержание научной категории «национальная структура советского народа» понимается довольно широко, попытки наметить основные направления в ее изучении в литературе есть, но окончательно сформулированными их, по-видимому, еще нельзя считать.

Важное место в трудах советских исследователей национальных отношений и процессов в СССР уделяется понятийно-терминологическому аспекту, и это объяснимо, ибо в этой области все-таки до сих пор существует определенный разнобой не только в употреблении некоторых понятий и категорий, но и в определении их содержания (например, что такое этнос, этническая общность, народ, национальность, национальная группа, этническая группа, историко-социальная и этносоциальная общность и т. д.). Уточнение основных понятий имеет прямое отношение и к проблеме национальной структуры советского народа, поскольку важно уяснить и четко представлять, каковы же основные ее компоненты, их основные характеристики, критерии размежевания, соотношение в новой исторической общности людей.

Изучение этносов, этнического (национального) состава, этнических (национальных) процессов в нашей стране, культуры и быта народов СССР и мира — предмет особой науки — этнографии. Без привлечения трудов специалистов, работающих в этой области, невозможно изучать национальную структуру советского народа [15]. Этнографы полемизируют с философами и специалистами по научному коммунизму в целом ряде вопросов, в том числе относительно понятийно-терминологических аспектов исторических общностей людей, о соотношении этнического, национального и социального в социалистической нации и народности. Этнографам принадлежит большая заслуга в ведущейся теоретической разра-

ботке проблем, связанных с классификацией этнических и этносоциальных общностей, хотя на сегодняшний день эта работа далека от завершения. «Этническая» терминология, подмечает Ю. В. Бромлей, ныне широко используется в нашей общественно-политической литературе [16].

Один из существенных вопросов национальной структуры новой социальной и интернациональной общности — вопрос об основных ее компонентах. Известно, что советский народ объединяет свыше 100 этнических общностей нашей страны, в типологическом отношении различающихся между собой (по численности, демографическим параметрам, социальным характеристикам, историческим судьбам и т. д.). Какие же основные компоненты выделяют советские обществоведы, характеризуя национальную структуру советского народа?

В историко-этнографических трудах широко применяется понятие «этнос». Можно ли считать этнос одним из элементов национальной структуры новой социальной и интернациональной общности людей? На этот вопрос следует ответить отрицательно, поскольку термин «этнос» имеет широкое, можно сказать, универсальное значение. Им пользуются для обозначения этносоциальных общностей разных типов. Бромлей подчеркивает, что понятие «этнос» имеет тот же смысл, что и «народ» в широком значении этого слова [17].

Интересуют обществоведов и такие вопросы, как определение категории «национальность», соотношение понятий «нация» и «национальность». В. И. Козлов в своей статье, посвященной характеристике состояния вопроса классификации этнических общностей в советской науке, отмечает, что попытки ввести в научный оборот понятие «национальность» в качестве одного из типов этнических общностей среди советских исследователей наблюдались еще в довоенное время, но широкой поддержки не нашли [18]. Обмен мнениями по поводу термина «национальность» продолжается и ныне. В 70-е годы оживленная полемика развернулась вокруг предложения Калтахчяна понимать под национальностью этническую характеристику нации. Для данного автора национальность — не самостоятельная и не зависящая от нации и народности историческая категория, а одна из качественных характеристик нации. В полемике приняли участие такие видные исследователи национальных отношений, как Бромлей, Куличенко, Цамерян, из зарубежных ученых — А. Козинг. Бромлей и Козинг в целом поддерживают предложение Калтахчяна, в то время как Куличенко и Цамерян не вполне разделяют его [19]. Несмотря на имеющиеся расхождения среди ученых относительно толкования многозначного понятия «национальность», для нас важно отметить, что ни один из них не считает национальность структурным элементом новой исторической общности людей.

На протяжении 70-х — начала 80-х годов уточнялось представление об основных компонентах национальной структуры советского народа, критериях их размежевания, основных чертах и

взаимоотношениях. Но и на сегодняшний день единства и четкости во мнениях исследователей по этим вопросам не наблюдается. Одни выделяют три, другие — четыре, третьи — пять элементов национальной структуры. Так, А. М. Куц, М. Н. Руткевич, так же как авторы коллективного труда «Теория и практика развития социалистических наций», ведут речь о трех компонентах: нациях, народностях и этнических группах [20].

В коллективной монографии «Диалектика интернационального и национального в социалистическом обществе» и в работе Г. Е. Глезермана выделяются нации, народности и национальные группы [21]. Агаев, Куличенко, Тавадов, Цамерян пишут о нациях, народностях, этнических и национальных группах [22]. Авторы известной коллективной монографии «Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях» и Горовский разграничивают нации, народности, национальные, этнические и этнографические группы, т. е. выделяют пять компонентов [23]. Куличенко, разделяя этнические и этнографические группы, вслед за А. Табалдиевым и С. Нуровой, рассматривает этническую группу как реальную историческую общность людей, а этнографическую группу считает «инструментом» этнографической науки, применяемым для обозначения отдельных обособившихся частей той или иной нации и народности [24]. На отсутствие единых принципов выделения этнографических групп справедливо указывает этнограф и демограф Козлов, подчеркивая, что в связи с этим данное понятие чрезвычайно трудно использовать для целей классификации этнических общностей [25]. В литературе встречаются высказывания и такого рода, что советский народ сложился из наций, народностей и племенных групп, а ныне состоит «из наций, народностей, национальных меньшинств и этнических групп» [26], т. е. существует известный разнобой в употреблении понятий даже одним и тем же автором.

Нетрудно заметить, что все исследователи обязательными структурными элементами новой исторической общности людей называют социалистические нации и народности, т. е. стадиально-типологические исторические общности людей. Расхождения касаются типов и количества более мелких этнических общностей — национальных, этнических и этнографических групп. Тут пока единства в подходе среди обществоведов не выработано.

В начале 70-х годов Цамерян высказывал предположение, что в нашей стране уже осуществлен «переход от национальной (этнической) структуры, содержащей все исторические формы этнической общности людей — родо-племенные общности, народности и нации старого типа, к национальной структуре, характеризуемой наличием лишь социалистических наций и народностей» [27].

С точки зрения формационного подхода мнение Цамеряна представляется логичным. Но оно несколько упрощает многообразную реальную действительность. Сохраняющиеся формы этнических и этносоциальных общностей людей в нашей стране не укладываются пока лишь в рамки наций и народностей. Хотя официальная статистика не учитывает национальных, этнических

и этнографических групп, это не означает, что их уже нет, что они полностью консолидировались или ассимилировались нациями или народностями. Правда, процент малых этнических общностей ныне невелик (около 4) и имеет тенденцию к дальнейшему сокращению. Но было бы неверно не учитывать их в современной национальной структуре советского народа, как это получилось, например, в монографии Цамеряна «Теоретические проблемы образования и развития советского многонационального государства». В ней автор высказывал мысль об идентичности национальных групп и наций и не учитывал их, как и этнические группы, при конкретном распределении этносоциальных общностей по типам. Однако уже в последующих трудах о национальной структуре зрелого социалистического общества Цамерян, уточняя и развивая свои позиции, включает в нее помимо социалистических наций и народностей национальные и этнические группы [28].

Характеризуя природу главных компонентов новой социальной и интернациональной общности людей — социалистических наций и народностей, исследователи отмечают, что это устойчивые этносоциальные (Бромлей, Козлов, Ю. И. Семенов и др.), или социально-этнические (Агаев, Бурмистрова, Джунусов, Калтахчян, Ким и др.), или социально-исторические (Э. А. Баграмов, Куличенко, Цамерян и др.) образования людей. Их возникновение и развитие, по Цамеряну, имеет следующие обязательные черты: исторический и объективно закономерный характер, определенную экономическую основу, расселение на определенной территории, свою определенную социальную сущность [29].

Вариации в общем определении нации и народности как основных типов исторических общностей людей, приведенные выше, отражают позиции разных групп ученых относительно соотношения в такой общности этнического и социального. По мнению большинства обществоведов, и это представляется, безусловно, справедливым, этнический аспект является обязательным, подчеркивающим определенную преемственность народности и нации в этническом развитии, что и отражает определение «этносоциальная» («социально-этническая») общность. Калтахчян поясняет: «Нация или народность имеет одну социальную сущность, но в отличие от таких исторических общностей, как классовая, государственная, религиозная и т. п., характеризуется также этническими особенностями (языка, культуры, обычаев и т. д.), иначе говоря, существует в этнической форме» [30]. Подобную же мысль высказывает и Бромлей, не соглашаясь с утверждением Цамеряна и Куличенко о том, что термин «этносоциальная» общность приводит к переоценке этнического в ней, что «имеется много оснований для того, чтобы признать характеристику нации как социально-этнической общности неприемлемой» [31].

Вокруг этого вопроса полемика продолжается и поныне, каждая из групп обществоведов обосновывает и отстаивает свою точку зрения [32].

Все исследователи признают, что социалистические нации —

основной и преобладающий ныне элемент национальной структуры советского народа. Как этносоциальная общность нация появляется в период капитализма. Эта точка зрения общепринята, хотя отдельные авторы пытались утверждать, что нации существовали и в докапиталистических формациях [33].

Буржуазные и социалистические нации — это разные типы наций. Некоторые исследователи выделяют еще один тип нации — переходный от буржуазной к социалистической. По мнению Бурмистровой, такой тип нации соответствует переходному периоду от капитализма к социализму [34]. Куличенко в одной из своих работ отмечал, что в науку вошло новое понятие «нация переходного типа» [35]. Калтахчян, говоря о социальных типах нации, также перечисляет нации социалистические, нации буржуазного общества и переходные [36]. Таким образом, вопросы типологии наций в советской обществоведческой литературе получают свое дальнейшее развитие.

В ходе дискуссии о нациях вопросы о том, что такое нация, каковы ее основные признаки и черты, исторические судьбы в разных общественно-экономических формациях и т. д., начало решению которых положили классики марксизма-ленинизма, были уточнены, более четко сформулированы, определились полярные позиции ученых. Но было бы неверным считать, что все они разрешены окончательно. По мнению некоторых обществоведов, итоги дискуссии могли быть результативнее, если бы в ее ходе больше внимания уделялось классификационным вопросам исторических общностей людей, «так как познать полностью сущность нации без всестороннего сопоставления ее с другими родственными и неродственными ей общностями вряд ли возможно» [37].

Сопоставляя определения нации, данные различными исследователями, отметим, что принципиальных расхождений среди обществоведов не имеется, но у одних определение краткое, другие дают более развернутое. Приведем определение нации, сформулированное Куличенко в работе «Нация и социальный прогресс»: «Нация — устойчивая социально-этническая общность людей эпохи капитализма и становления полного коммунизма, представляющая собой закономерный продукт и неизбежную форму общественного прогресса, сложившаяся и развивающаяся на базе единства (в условиях капитализма — очень ограниченного и потому во многом условного) экономической и социально-политической жизни народа, его языка, территории, национальной культуры, национального сознания и национальной психологии, а также результатов взаимовлияния и взаимообогащения создаваемых народом ценностей» [38]. Это наиболее полное определение, охватывающее все стороны нации, в нем перечислены ее основные признаки, которые являются довольно устойчивыми, поскольку характерны и для буржуазной и для социалистической нации.

Из всех перечисленных признаков нации решающая роль в ее формировании и развитии принадлежит экономическому фактору. Это важнейшее ленинское положение получает свое дальнейшее

развитие в трудах советских исследователей — специалистов по национальной проблематике [39].

Складывание социалистических наций происходило двумя путями: преобразованием буржуазных наций в социалистические и в результате перерастания социалистических народностей в нации. Удельный вес социалистических наций по данным исследователей в составе советского народа превышает 96%. Подводя итог степени их изученности, Куличенко констатирует: «Представление о социалистических нациях пока еще страдает неполнотой, даже некоторой узостью — в силу недостаточности опыта и результатов анализа всего их многообразия» [40].

Второй важнейший элемент национальной структуры новой исторической общности — социалистические народности. Как тип этносоциальной общности они характерны для рабовладельческой и феодальной общественно-экономических формаций, сохранялись при капитализме. В условиях социализма народности преобразуются в социалистические, часть из них перерастает в нации. Процесс перерастания народностей в нации, хотя и медленными темпами, происходил и при капитализме, но только социализм создает все необходимые условия для всестороннего расцвета небольших этнических общностей, что, по мнению Джунусова, ускоряет переход людей от одного типа общности к другой, в данном случае от народности к нации [41].

Каковы основные признаки народности? Не углубляясь в разногласия обществоведов относительно места и роли каждого из признаков народности, отметим их единодушие по поводу таких общих черт нации и народности, как общность языка, территории, специфика культуры и общность этнического самосознания. Одним из важных признаков народности является складывающееся единство экономической, политической и культурной жизни (Куличенко) или территориальные, земляческие экономические связи (Калтахчян). Агаев пишет о двух основных и обязательных признаках народности: общности языка и территории. Опираясь на традиции исторической школы 50—60-х годов, ученый продолжил разработку теории о четырех основных типах народности: рабовладельческой, феодальной, капиталистической и социалистической. Эти типы, согласно его концепции, определяются соответствующими способами производства [42].

Обществоведов интересует вопрос о причинах сохранения народности при социализме и путях ее дальнейшего развития. В ряде работ приводится большой конкретный материал, показывающий, что в условиях развитого социализма в отдельных случаях наблюдаются процессы образования новых социалистических народностей в результате преобразования национальных и этнических групп [43].

Недостаточно разработанным, по мнению ученых, остается вопрос о критериях размежевания отдельных элементов национальной структуры новой социальной и интернациональной общности людей, в том числе социалистических наций и народностей. Цаме-

рян считает главным критерием такого размежевания численность. Он предлагает считать условной численной гранью между народностью и нацией 80—100 тыс. человек. Этой же позиции придерживается Горовский[44]. Куличенко останавливается на другом количественном рубеже — 125—150 тыс. человек. Агаев относит к народностям и некоторые этнические общности, превышающие 150 тыс. человек, например аварцев, лезгин, кумыков, даргинцев, ингушей, бурят, якутов, коми-зырян и коми-пермяков и др.[45]

В начале 70-х годов конкретно распределить этнические общности по типам согласно своим критериям попытался Цамерян. Он выделил 48 наций и 39 народностей. Но его подход привел к тому, что многие национальные группы оказались причисленными либо к нациям, либо к народностям. Некоторые этнические общности со сходными историческими судьбами, социально-экономическими параметрами развития, проживающие порой в соседстве в пределах одного национально-государственного образования, по классификации Цамеряна оказались отнесенными к разным этносоциальным типам общностей[46]. Несовершенство подобного подхода было подмечено в обществоведческой литературе.

Следующая попытка конкретного выделения разного типа общностей была предпринята Куличенко. Согласно его подсчетам в 1970 г. в СССР насчитывалось социалистических наций — 36 (96,43%), народностей — 32 (0,54%), национальных групп — 35 (2,87%), этнических групп — 17 (0,16%)[47].

Обращая внимание на применение исследователями различных критериев при выделении народностей, Агаев полагает, что помимо малой численности народности наиболее достоверным этническим различителем нации и народности является национальная государственность. Применяя этот критерий, а также учитывая уровень социально-экономического развития, исторические судьбы этнических общностей, Агаев считает, что число народностей в СССР превышает 60. Причем сюда он включил четыре этнические общности численностью от 250 до 400 тыс. человек и семь — от 100 до 250 тыс. Ученый отмечает при этом, что «нередко трудно провести грань между малой нацией и крупной народностью, тем более если последняя имеет самостоятельную автономию»[48].

При выделении основных критериев разграничения наций и народностей Горовский, как и Чебоксаров и Чебоксарова, кроме количественного показателя и уровня социально-экономического (особенно промышленного) развития этнической общности предлагает также учитывать социальный состав (наличие национального рабочего класса), компактность этнической территории, форму политико-административного устройства, степень развития литературы, искусства, науки на родном языке. По мнению Горовского, в состав новой социальной и интернациональной общности входит 30, Тавадова — 40 народностей[49].

Таким образом, приведенный материал свидетельствует, что число народностей в составе национальной структуры советского народа исследователями называется разное (от 30 до более чем

60) в зависимости от критериев, положенных в основу их выделения.

Все исследователи обращают внимание на отсутствие коренных различий между социалистическими нациями и народностями, подчеркивают сложившуюся в ходе социалистического строительства однотипность их социально-экономических черт, постепенное сглаживание различий между нациями и народностями, которое усилилось с образованием новой исторической общности людей и продолжает усиливаться по мере дальнейшего ее развития. «Грани между нацией и народностью относительны, подвижны, эластичны, преходящи»[50] — таково убеждение Агаева. Но все-таки пока определенные различия между этими двумя историческими типами этносоциальных общностей людей сохраняются.

Заостряя внимание на отличиях социалистических народностей от наций, Цамерян и Агаев в ряде работ отмечают, что в недалеком прошлом в социально-классовой структуре народностей был чрезвычайно низок удельный вес рабочего класса, интеллигенции, подавляющая часть ее населения была связана с сельскохозяйственным производством и промысловой деятельностью.

За годы строительства и совершенствования социализма эта дисгармония постепенно стирается в результате выравнивания уровней экономического и социально-классового развития наций и народностей. Но если сравнивать нации и народности на современном этапе, то все же определенная разница и в социально-классовой, и в профессиональной структуре, и в уровне развития производительных сил пока еще остается. И ныне бо́льшая часть населения народности связана с сельскохозяйственным производством и бо́льшую ее часть составляют сельские жители. Исследователи приводят конкретные данные, характеризующие подобное положение[51]. Но процесс идет в сторону постепенного выравнивания социально-классовой структуры социалистических наций и народностей, ускорения темпов становления их социальной однородности.

Весьма неясной остается проблема национальных групп в национальной структуре советского народа. Все исследователи национальных отношений признают их объективное существование, отличия от наций и народностей социалистического общества. Правда, в литературе наблюдались попытки отождествить национальные группы либо с нациями, либо с народностями, но они были подвергнуты обоснованной критике[52].

В научной обществоведческой литературе национальным группам, их развитию в национальной структуре советского народа уделяется пока недостаточно внимания. Это подчеркивают и Куличенко, Калтахчян, Бромлей, Агаев. Среди исследователей есть расхождения даже по поводу определения национальной группы. Так, авторы коллективной монографии «Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях» утверждают, что «национальные группы представляют собой небольшие части... зарубежных наций и народностей»[53]. Для других исследователей нацио-

нальные группы — это небольшие части наций, проживающие в инонациональной среде. Если они многочисленны и расселены компактно, то в сущности не отличаются от социалистических наций. Таково мнение авторского коллектива монографии «Национальные отношения на современном этапе»[54]. Куличенко в работе «Нация и социальный прогресс» дает следующее определение национальной группы: «Национальная группа — это небольшая часть (в редких случаях значительная по численности) какой-либо некоренной для данной страны или региона, определенного государства нации или народности». Из этого определения можно понять, что национальная группа может быть и частью зарубежного этноса и частью этноса, населяющего нашу страну. И далее автор уточняет: «Социальные и этнические связи (последние выступают как основные) национальных групп со своими нациями или народностями крайне слабые, чаще всего они носят даже случайный характер»[55]. Это важное наблюдение означает, что не всякая часть этноса, проживающая в инонациональной среде, может считаться национальной группой, а лишь такая, которая практически оторвана от основного массива этноса и почти с ним не связана ни экономически, ни социально, ни политически. О двух видах национальных групп пишет и Агаев[56].

Число национальных групп в СССР различными учеными определяется приблизительно одинаковое. Сравнительные данные показывают, что с конца 30-х годов число их изменялось незначительно. В 1926 г., по сведениям Куличенко, насчитывалось 57 национальных групп, в 1939 г.— 34, в 1959 г.— 35, в 1970 г.— 36, по последней переписи 1979 г.— 37, что составляет 2,56% в национальной структуре советского народа[57]. Такое относительно постоянное число национальных групп в СССР на протяжении почти 50 лет свидетельствует о том, что в него включаются прежде всего и главным образом обособленные части зарубежных народов, проживающие на территории СССР.

Четвертый элемент национальной структуры советского народа, который признается большей частью обществоведов,— этнические группы. Термин этот, как и термин «национальная группа», употребляется неоднозначно. В одних случаях под этнической группой имеют в виду внутреннее подразделение этноса, обладающее самосознанием, в других — «осколки» этноса[58]. В коллективной монографии «Современные этнические процессы в СССР» этническая группа отождествляется с этнографической, ей дано следующее определение: «Этнографическая (или этническая) группа — территориальные части народности или нации, отличающиеся локальной спецификой языка, культуры, быта, иногда имеют самоназвание и как бы двойственное самосознание. Такие группы часто ведут происхождение от племенных компонентов...»[59] В данном определении этническая группа рассматривается как часть нации или народности, и в таком случае вряд ли целесообразно выделять ее в качестве самостоятельного элемента национальной структуры новой исторической общности людей.

Но есть другое мнение, по которому под «этнической группой» понимают остатки кровно-родственных или племенных коллективов, которые уже давно утратили родоплеменное устройство, но еще не превратились в народность. В таком случае данная группа в известной степени представляет определенный тип исторической общности людей (или переходный тип от одной общности к другой, в данном случае от племени к народности) и имеет не только этнографический, но и социальный смысл [60]. При подобном подходе к определению «этнической группы» выделение ее в качестве структурного элемента в составе новой исторической общности людей представляется оправданным.

В исследованиях ряда авторов приводятся конкретные данные о числе этнических групп в СССР, в настоящее время оно невелико, численность каждой из них составляет от нескольких сот до нескольких тысяч человек, а удельный вес их населения в национальной структуре советского народа в 1970 г., по подсчетам Куличенко, составлял 0,16%, в 1979 г.— 0,12% [61]. Процессы консолидации, особенно активные до 60-х годов, привели к резкому сокращению числа этнических групп в СССР (с 75 в 1926 г. до 18 в 1979 г.), их объединению (или слиянию) с основным массивом этноса [62].

На сегодняшний день работ обобщающего характера о развитии и судьбах малых этнических общностей в СССР в современных условиях имеется немного. Выполнены они в основном на этнорегиональном уровне, причем особое внимание исследователи уделяют республикам Средней Азии и Казахстана. В 1979 г. вышла коллективная монография «Национальные отношения в СССР на современном этапе», в 1980 г.— сборник «Этнические процессы у национальных групп Средней Азии». Опираясь на конкретные историко-этнографические исследования, авторы данных работ прослеживают пути развития национальных и этнических групп, особенности их положения в таком сложном историко-культурном регионе нашей страны, как Средняя Азия и Казахстан. Они показывают процессы перерастания отдельных малых этнических общностей в социалистические народности, характеризуют интеграционные процессы с более крупными этническими массивами. Ученые прослеживают, как и почему происходит смена этнического самосознания, языка, черт материальной и духовной культуры, утрата специфических особенностей. Труды подобного характера восполняют существенные пробелы в изучении истории и современного состояния малых этносоциальных общностей в СССР [63].

Национальная структура советского народа не есть нечто постоянное, застывшее. Сложная, неоднородная по своему внутреннему составу (что, очевидно, пока неизбежно, поскольку «в любой социальной структуре имеются остатки прошлого, основы настоящего и зародыши будущего» [64]), она развивается, совершенствуется. Экономическое и социально-политическое развитие страны определяет и ход этого процесса.

Привлекаемый обществоведами конкретный статистический материал позволяет им проследить и наглядно проиллюстрировать изменения в национальной структуре советского общества за годы Советской власти. Прежде всего исследователи, сравнивая данные Всесоюзных переписей населения 1926—1979 гг., обращают внимание на абсолютное уменьшение числа этнических общностей в СССР за это время почти вдвое.

Далее они выявляют качественные сдвиги в национальной структуре, выражающиеся в изменении соотношения основных ее компонентов. Уже подчеркивалось, что крупные социалистические нации — преобладающий и ведущий ее элемент. Число социалистических наций в стране к 1979 г. по сравнению с 1926 г. увеличилось с 8 до 36 (Куличенко) или 42 (Тавадов), а удельный вес входящего в них населения составлял 83,18% в 1926 г. и 96,76—98% в 1979 г. На долю остальных компонентов национальной структуры советского народа — социалистических народностей, национальных и этнических групп — в 1979 г. приходилось немногим более 2—3% [65]. Причем показатель этот имеет тенденцию к уменьшению. В результате интенсивной консолидации с более крупными народами ряда этнических, национальных групп и некоторых народностей уменьшается абсолютное число и удельный вес их в составе новой исторической общности людей.

Развитие национальной структуры идет по линии, с одной стороны, упрощения ее разнокомпонентного состава, связанного с исчезновением ряда элементов или с их преобразованием, а с другой — качественного совершенствования национальной структуры, поскольку основными ее компонентами со временем станут социалистические бесклассовые нации. После победы коммунизма в нашей стране советский народ, по предположениям исследователей, превратится в историческую общность коммунистических наций [66].

Межнациональные интеграционные процессы происходят и в рамках отдельных союзных и автономных республик СССР. В литературе высказано мнение о формировании в Дагестанской АССР в советское время общедагестанской общности — дагестанского народа. О характере этой общности имеется двоякое представление. Агаев, полагая, что в Дагестане идет все более углубляющийся процесс формирования «единой национальной общности, впрочем не вполне классического образца», считает, что речь, по сути, идет о консолидации народностей Дагестана в единую дагестанскую нацию. Эту мысль он высказывал неоднократно в целом ряде своих работ [67]. Куличенко, а вслед за ним А. М. Халилов предлагают характеризовать дагестанский народ как новую социальную и интернациональную общность, сформировавшуюся одновременно и параллельно с советским народом [68]. Халилов указывает: «Заслуживает внимания изучение вопроса о возможности складывания новых исторических общностей людей и в некоторых других многонациональных республиках» [69], т. е. речь, по существу, идет о республиканских общностях.

Размышляя о дальнейших тенденциях в развитии советского народа и составляющих его социалистических (а впоследствии коммунистических) наций, советские обществоведы единодушно признают, что этническое в нации (некоторые исследователи применяют понятие «национально-этническое») устойчивее и долговечнее классового (Бромлей, Калтахчян, Ким, Косолапов и др.). Этнические различия «связаны с более многосторонними и многомерными особенностями, — пишет Ким, — охватывающими не только политическую и экономическую сферы жизни, но и такие области, как язык, культура, быт»[70]. Поэтому для преодоления этнических различий требуется более длительное время, чем для классовых. По мнению ряда ученых, в частности Косолапова, расовоэтнические различия между крупными массивами населения и отдельными людьми «в принципе неуничтожимы», хотя подвергаются определенным и постоянным изменениям[71].

Бесклассовые социалистические нации, становление которых, как уже подчеркивалось, ожидается в рамках развитого социалистического общества, останутся социально-этническими образованиями. Но соотношение социального и этнического в них будет подвергаться объективным изменениям. Недавно в одной из своих статей Бромлей, обращая внимание на возрастание процессов социальной однородности страны в целом, на стирание основных социальных различий, отмирание социальных групп и соответственно уменьшение различий в социальной структуре национальных общностей, высказал предположение, что «за возникновением бесклассовых наций можно ожидать их постепенное превращение из этносоциальных в собственно этнические общности»[72].

Качественное совершенствование национальной структуры новой исторической общности предполагает не только становление ее однородности и качественные перемены в самих нациях. Важным показателем качественных сдвигов в национальной структуре советского народа Горовский считает ход и степень ее дальнейшей интернационализации, т. е. процессов межнациональной интеграции, стирания национальных различий. Важна мысль Горовского о том, что интернационализация национальной структуры — процесс более длительный и сложный, чем становление социальной однородности новой исторической общности людей, что пока он идет, по выражению автора, на «периферийных» направлениях, не затрагивая самого существования наций и других этнических форм общностей людей, не интегрируя их[73].

Ослабление национальных различий, национальных особенностей, все более возрастающее значение общих процессов усиливающегося сближения наций и народностей нашей страны — это магистральное направление в интернационализации национальной структуры советского народа, что в конечном счете ведет к упрочению интернационального единства новой исторической общности советских людей, к достижению полного единства наций.

Подытоживая характеристику путей и тенденций в развитии национальной структуры новой социальной и интернациональной

общности, данную в современной обществоведческой литературе, отметим, что исследователи как о ближайшей перспективе пишут, во-первых, о совершенствовании национальной структуры советского народа, о становлении ее однородности, во-вторых, о формировании бесклассовой структуры социалистических наций, в-третьих, об ускорении процессов интернационализации национальной структуры и, в-четвертых, о достижении полного единства наций.

Важной задачей исследователя, который изучает изменяющийся объект, является установление в его развитии качественно отличающихся друг от друга этапов. В литературе, посвященной национальной структуре советского народа, имеются пока еще очень немногочисленные попытки наметить подобные этапы. История формирования и развития национальной структуры новой исторической общности людей и ее научная периодизация неотделимы от истории формирования и развития советского народа как новой социальной и интернациональной общности и от истории национальных отношений в нашей стране.

Прямое отношение к данному вопросу имеет положение Косолапова, выдвинутое им недавно в ряде выступлений и публикаций. Он обращает внимание на ленинскую мысль о двух переходных периодах — периоде диктатуры угнетенного класса и периоде полного освобождения наций. Отметив, что последний из названных периодов нуждается в детальном и разностороннем изучении, Косолапов предполагает, что под ним, «очевидно, следует понимать достижение не только юридического, но и фактического равенства наций» [74].

Если начальный рубеж обоих периодов совпадает — Октябрь 1917 г., то период полного освобождения наций, по мнению Косолапова, продолжается дольше переходного периода от капитализма к социализму «ввиду многоплановости и сложности национального вопроса», захватывает часть этапа построения развитого социалистического общества и заканчивается с образованием новой исторической общности людей [75].

Увязывая свою периодизацию развития национальной структуры советского народа с основными периодами истории советского общества и новой исторической общности людей, Горовский выделяет три последовательных этапа в ее формировании. Причем первые два по хронологическим рамкам, характеру и главным итогам национальных процессов совпадают с переходным периодом полного освобождения наций, охарактеризованным выше.

Первый этап соответствует переходному периоду от капитализма к социализму. Национальная структура на этом этапе формируется лишь в главных своих чертах. На втором этапе, связанном с завершением формирования новой исторической общности на базе зрелых социалистических отношений, полностью сформировалась и новая национальная структура, которая приобрела современную форму. Третий этап, современный, характеризуется дальнейшим углублением интернационализации общественной жизни. Он отражает особенности развития советского народа в

условиях зрелого социализма, дальнейшее качественное совершенствование национальной структуры. «Национальная структура советского народа,— отмечает Горовский,— итог целенаправленной революционно-преобразующей деятельности КПСС и Советского государства» [76].

Важным рубежом в развитии национальной структуры советского народа станет достижение в «отдаленной исторической перспективе», как отмечается в новой редакции Программы КПСС, полного единства наций [77].

Наиболее обстоятельная характеристика понятия «полное единство наций» и соответствующего ему особого этапа в развитии национальных отношений в нашей стране в новейшей литературе содержится, на наш взгляд, в трудах Федосеева и Куличенко. Как известно, единство наций СССР — реальность наших дней. Компоненты советского народа, пишет Федосеев, «реальные, живые, развивающиеся нации и народности. Их братское единство в совокупности и составляет новую историческую общность» [78]. Движение к полному единству наций и их дальнейшему расцвету является главным направлением совершенствования национальных отношений на этапе развитого социализма [79]. Федосеев предостерегает исследователей от упрощенного понимания полного единства наций. Он пишет: «Разумеется, речь идет не об устранении национальных различий, о стирании национальных черт в культуре, литературе, искусстве. Не идет речь о каком-либо умалении роли национальных языков» [80]. Достижение полного единства наций означает их дальнейшее последовательное сближение и все более тесное сотрудничество, интернационализацию всех сторон общественной жизни.

Начало длительному этапу полного единства наций, по Куличенко, положит достижение полной интернационализации всех сторон их жизни, завершение в основном процесса стирания классовых различий, превращение наций в бесклассовые общности; конец этапа — развертывание всеобщего процесса стирания национальных различий и слияния наций. Достижение полного единства наций исследователь связывает с победой коммунизма. «С победой коммунизма в СССР,— пишет он,— произойдет дальнейшее сближение наций, возрастет их экономическая и идейная общность, разовьются общие коммунистические черты их духовного облика. Это и будет означать достижение полного единства наций» [81].

Предпринятый обзор существующей литературы, освещающей многообразные аспекты национальной структуры новой социальной и интернациональной общности, свидетельствует о все повышающемся интересе исследователей к данной проблеме, об определенных достижениях советских обществоведов в изучении этой стороны новой исторической общности людей, о постепенном определении основных направлений в изучении национальной структуры советского народа. Вместе с тем затронутые в статье сюжеты, сопоставление взглядов различных исследователей показывают,

что еще целый ряд принципиальных вопросов (таких, например, как определение критериев размежевания основных элементов национальной структуры советского народа, основных критериев периодизации исторического развития национальной структуры советского народа, совершенствование понятийного аппарата и т. д.) требуют конкретизации, выработки общего подхода и дальнейшего обстоятельного исследования и на философско-социологическом уровне, и в конкретно-историческом плане.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Федосеев П. Н. Новая социальная и интернациональная общность.— В кн.: Вопросы теории и жизнь, вып. 6. М., 1983, с. 133.

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 77.

[3] Андропов Ю. В. 60 лет образования СССР. Доклад на совместном торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР в Кремлевском Дворце съездов 21 декабря 1982 г. М., 1982, с. 10.

[4] Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986, с. 155.

[5] Ким М. П. Проблемы теории и истории реального социализма. М., 1983, с. 380.

[6] См.: Цамерян И. П. Теоретические проблемы образования и развития советского многонационального государства. М., 1973, гл. 3, с. 135—187; Его же. Закономерности изменения национальной структуры советского общества. М., 1976; Его же. Нации и национальные отношения в развитом социалистическом обществе. М., 1979, с. 50—60, 100—116; Его же. К вопросу о национальной структуре зрелого социалистического общества. — В кн.: Актуальные проблемы развития наций и национальных отношений (Материалы научно-практ. конф., посвященной 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина). М., 1981, с. 62 и др.; Его же. К вопросу о национальной структуре и национальных отношениях развитого социалистического общества. — Научный коммунизм, 1982, № 2, с. 42—50; Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях. М., 1974, с. 12—52; Агаев А. Г. Объективный закон национальных отношений в развитом социалистическом обществе. — В кн.: Ленин, Советское многонациональное государство. Махачкала, 1974; Его же. Судьбы народностей. М., 1978; с. 22—29; Куличенко М. И. Укрепление интернационального единства советского общества. Киев, 1976, с. 59—73; Его же. Нация и социальный прогресс. М., 1983, с. 33—42; Советский народ — строитель коммунизма, 1-е изд., кн. 2. Фрунзе, 1977, с. 16—22; 2-е изд. М., 1981, с. 292—301; Федосеев П. Н. Дружба народов — величайшее завоевание социализма. — В кн.: Основной закон нашей жизни. М., 1978, с. 245—252; Его же. Новая социальная и интернациональная общность, с. 131—138 и др.; Национальные отношения в СССР на современном этапе (На материалах республик Средней Азии и Казахстана). М., 1979, с. 114—147, 184—193; Диалектика интернационального и национального в социалистическом обществе. М., 1981, с. 16—29; Горовский Ф. Я. Советский народ как интернациональная общность. Киев, 1982, с. 76—95; Козлов В. И. Изменение национальной структуры советского общества на современном этапе и проблемы демографической политики. — В кн.: Развитие национальных отношений в СССР в свете решений XXVI съезда КПСС. М., 1982, с. 213—224; Куц А. М. Взаимосвязь классовых и национальных отношений в развитом социалистическом обществе. Харьков, 1982, с. 13, 26—31; Косолапов Р. И. Классовые и национальные отношения на этапе развитого социализма. — В кн.: Социальная политика и национальные отношения. По материалам Всесоюзной научно-практической конф. «Развитие национальных отношений на современном этапе» (Рига, 1982). М., 1982, с. 5—23; Его же. Советский народ — новая социальная и интернациональная общность людей. — В кн.: Союз нерушимый республик свободных. М., 1983, с. 113—134; Ким М. П. Указ. соч., с. 286—308, 328—335, 380; Тавадов Г. Т. Национальная струк-

тура советского народа в современных условиях. — Научный коммунизм, 1985, № 6, с. 3—9; и др.

[7] См. об этом подробнее: Бурмистрова Т. Ю. Теория социалистической нации. Л., 1970; Агаджанян Г. С. К вопросу о природе и перспективах развития социалистических наций в СССР. Ереван, 1972; Куличенко М. И. Марксистско-ленинское учение по национальному вопросу и современность. М., 1972; Его же. Национальные отношения в СССР и тенденция их развития. М., 1972; Его же. Расцвет и сближение наций в СССР. Проблемы теории и методологии. М., 1981; Его же. Нация и социальный прогресс; Глезерман Г. Е. Классы и нации, 1-е изд. М., 1974; 2-е изд. М., 1977; Социализм и нации. М., 1975; Калтахчян С. Т. Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей, 2-е изд. М., 1976; Его же. Марксистско-ленинская теория нации и современность. М., 1983; Дашдамиров А. Ф. Нация и личность. Баку, 1976; Серцова А. П. Социализм и развитие наций. М., 1976; Баграмов Э. А. Ленинская национальная политика. Достижения и перспективы. М., 1977; Метелица Л. В. Расцвет и сближение социалистических наций. М., 1978; Морозов М. А. Нация в социалистическом обществе. М., 1979; Актуальные проблемы развития наций и национальных отношений (Материалы научно-практической конференции, посвященной 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина); Развитие наций и национальных отношений в условиях развитого социализма. Материалы выездного заседания бюро отделения философии и права АН СССР (Баку, 27—28 октября 1982 г.). Баку, 1983; Теория и практика развития социалистических наций. Л., 1984; и многие другие работы.

[8] См.: Агаев А. Г. Некоторые актуальные проблемы теории социалистической народности. — В кн.: Социализм и нации. М., 1975, с. 236—244; Его же. Судьбы народностей; Его же. Диалектика интернационального в культуре советских народностей (Методологический аспект). — В кн.: Ежегодник философского общества СССР. 1984. М., 1984, с. 113—130; Его же. Этнические процессы на Северном Кавказе в условиях интернационализации общественной жизни. — В кн.: Интернациональные процессы в общественной жизни народов Северного Кавказа. Махачкала, 1983, с. 42—59 и др.; Куличенко М. И. Национальные отношения в СССР..., с. 77—82; Калтахчян С. Т. Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей, с. 23—30; Его же. Марксистско-ленинская теория нации и современность, с. 54—62; Цамерян И. П. Теоретические проблемы..., с. 144—154.

[9] Некоторые исследователи, в частности А. Г. Агаев, предпочитают употреблять понятие «социально-этническая структура населения», что, по существу, равнозначно «национальной структуре» (см.: Агаев А. Г. Некоторые актуальные проблемы теории социалистической народности. — В кн.: Социализм и нации, с. 236).

[10] См.: Ким М. П. Указ. соч., с. 308.

[11] Диалектика интернационального и национального в социалистическом обществе, с. 11.

[12] См.: Горовский Ф. Я. Указ. соч., с. 76; Тавадов Г. Т. Указ. соч., с. 3.

[13] См.: Куличенко М. И. Нация и социальный прогресс, с. 39—40.

[14] В. П. Кузьмин, характеризуя системный подход в научном исследовании, пишет: «...система есть некое множество взаимосвязанных элементов, образующих устойчивое единство, т. е. целостность», «всякая система является в то же время частью другой более широкой системы, а ее компоненты и подсистемы в свою очередь могут изучаться как самостоятельные системы» (Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса, 2-е изд. М., 1980, с. 301—302).

[15] Следует выделить теоретические работы по этнической проблематике (о классификации этнических общностей, об этническом составе, об этнических и демографических процессах в нашей стране) советских этнографов. См.: Брук С. И. Этнодемографические процессы в СССР (По материалам переписи 1970 г.). — Советская этнография, 1971, № 5; Его же. Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1981, Вводная часть; Брук С. И., Чебоксаров Н. Н. Метаэтнические общности. — В кн.: Расы и народы,

М., 1976, вып. 6; Бромлей Ю. В. Опыт типологизации этнических общностей. — Советская этнография, 1972, № 5; Его же. Этнос и этнография. М., 1980; Его же. Современные проблемы этнографии. М., 1981; Его же. Очерки истории этноса. М., 1983; Козлов В. И. Этническая демография. М., 1977; Его же. О классификации этнических общностей (Состояние вопроса). — В кн.: Исследования по общей этнографии. М., 1979; Его же. Национальности СССР (этнодемографический обзор), 2-е изд. М., 1982; Этнические процессы в СССР, 2-е изд. М., 1977; Кузнецов А. И. Малые народы и национальные меньшинства (К постановке вопроса). — В кн.: Расы и народы, вып. 11. М., 1981; Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы, расы, культуры, 2-е изд. М., 1985; Кузеев Р. Г., Бабенко В. Я. Малые этнические группы: основные этапы этнокультурного развития (по материалам СССР). — Советская этнография, 1985, № 4; и др.

[16] См.: Бромлей Ю. В. К изучению национальных процессов социалистического общества в контексте этнической истории. — История СССР, 1984, № 6, с. 44.

[17] См.: Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии, с. 11—13; Этнография. Учебник. М., 1982, с. 6—7.

[18] См.: Козлов В. И. О классификации этнических общностей, с. 76.

[19] Подробнее разбор этой полемики см.: Калтахчян С. Т. Марксистско-ленинская теория нации и современность, с. 228—230; Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии, с. 37—40; Козинг А. Нации в истории и современности. М., 1982, с. 168—173.

[20] См.: Куц А. М. Взаимосвязь классовых и национальных отношений в развитом социалистическом обществе. с. 26; Руткевич М. Н. Важный фактор развития новой исторической общности людей. — В кн.: Развитие наций и национальных отношений в условиях развитого социализма, с. 42; Теория и практика развития социалистических наций. Л., 1984, с. 108.

[21] Диалектика интернационального и национального в социалистическом обществе, с. 16; Глезерман Г. Е. Исторический материализм и развитие социалистического общества. 2-е изд. М., 1973, с. 161.

[22] См.: Агаев А. Г. Некоторые актуальные проблемы теории социалистической народности, с. 236; Куличенко М. И. Нация и социальный прогресс, с. 39; Его же. Укрепление интернационального единства советского общества, с. 63; Цамерян И. П. Закономерности изменения национальной структуры советского общества, с. 6; Его же. К вопросу о национальной структуре зрелого социалистического общества, с. 62.

[23] Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях, с. 45—47; Горовский Ф. Я. Указ. соч., с. 79.

[24] См.: Куличенко М. И. Национальные отношения в СССР..., с. 17; Табалдиев А., Нурова С. О типологии исторических форм этнических общностей в СССР. — В кн.: О некоторых понятиях теории нации. Фрунзе, 1968, с. 100.

[25] См.: Козлов В. И. О классификации этнических общностей..., с. 12.

[26] Битенева Н. М. Интернационализация социально-экономических основ социалистического образа жизни. — Научный коммунизм, 1983, № 1, с. 58.

[27] Цамерян И. П. Теоретические проблемы..., с. 167.

[28] См.: Цамерян И. П. Закономерности изменения национальной структуры советского общества, с. 6 и др.; Его же. К вопросу о национальной структуре зрелого социалистического общества, с. 62 и др.

[29] См.: Цамерян И. П. К вопросу о национальной структуре и национальных отношениях развитого социалистического общества, с. 48.

[30] Калтахчян С. Т. Марксистско-ленинская теория нации..., с. 229.

[31] Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса, с. 59—60; Его же. Современные проблемы этнографии, с. 34—35; Куличенко М. И. Национальные отношения в СССР и тенденции их развития, с. 30.

[32] Подробнее разбор этой полемики см.: Калтахчян С. Т. Марксистско-ленинская теория нации и современность, с. 228—230; Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии, с. 34—36; Его же. Очерки теории этноса, с. 56 и др.; Козинг А. Указ. соч., с. 168—173; Цамерян И. П. Теоретические проблемы..., с. 155 и др.

[33] См.: Мнацаканян А. И. Ленин и решение национального вопроса. Ереван, 1970, с. 24. Эта точка зрения уже подвергалась справедливой критике в научной литературе. См., напр.: Куличенко М. И. Национальные отношения в СССР и тенденции их развития, с. 35; Куц А. М. Указ. соч., с. 24.

[34] См.: Бурмистрова Т. Ю. Законы развития социалистических наций и отражение в них единства национального и интернационального в жизни народов СССР. — В кн.: Национальное и интернациональное в жизни народа. Материалы межреспубликанской научн. конф., вып. 2, Киев, 1970, с. 3.

[35] См.: Куличенко М. И. Национальные отношения в СССР..., с. 75.

[36] См.: Калтахчян С. Т. Марксистско-ленинская теория нации..., с. 227.

[37] Козлов В. И. О классификации этнических общностей..., с. 6.

[38] Куличенко М. И. Нация и социальный прогресс, с. 66.

[39] См.: Калтахчян С. Т. Указ. соч., с. 71 и далее; Куличенко М. И. Нация и социальный прогресс, с. 73, 74 и др.

[40] Куличенко М. И. Нация и социальный прогресс, с. 273.

[41] См.: Джунусов М. С. Две тенденции социализма в национальных отношениях. Ташкент, 1975, с. 89.

[42] См.: Агаев А. Г. Судьбы народностей, с. 11. О типах народностей Агаев писал в своей более ранней и первой специальной монографии, посвященной народностям. См.: Агаев А. Г. К вопросу о теории народности (Закономерности социалистического развития народностей в СССР). Махачкала, 1965.

[43] Национальные отношения в СССР на современном этапе (На материалах республик Средней Азии и Казахстана); Агаев А. Г. Судьбы народностей; Современные этнические процессы в СССР. М., 1977; Этнические процессы у национальных групп Средней Азии. М., 1980; и др.

[44] См.: Цамерян И. П. Теоретические проблемы образования и развития советского многонационального государства, с. 160—162; Горовский Ф. Я. Указ. соч., с. 80—81.

[45] См.: Куличенко М. И. Укрепление интернационального единства советского общества, с. 63; Агаев А. Г. Судьбы народностей, с. 25. Попытки конкретно разграничить этнические общности предпринимались и во второй половине 60-х годов. Так, Агаев выделял 20—25 наций, 60 народностей, 30 этнических групп, понимая под ними небольшие части населения зарубежных национальностей (ВИ, 1967, № 7, с. 92). В 1968 г. А. Табалдиев и С. Нурова в содержательной статье, посвященной типологизации исторических форм общностей людей, предложили свои критерии отличия различных типов этнических общностей и согласно им выделили 34 нации (95,8%), 23 народности (0,7%), 33 национальные группы (2,9%) и 19 этнических групп (0,03%). См. об этом: Табалдиев А., Нурова С. О типологии исторических форм этнических общностей в СССР, с. 106.

[46] См.: Цамерян И. П. Теоретические проблемы.., с. 160—162, табл. 1, 2.

[47] См.: Куличенко М. И. Укрепление интернационального единства советского общества, с. 63.

[48] Агаев А. Г. Некоторые актуальные проблемы теории социалистической народности, с. 239—240; Его же. Судьбы народностей, с. 26; Его же. Диалектика интернационального и национального в культуре советских народностей. — В кн.: Ежегодник философского общества СССР. 1984, с. 114.

[49] См.: Горовский Ф. Я. Указ. соч., с. 80—81; Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Указ. соч., с. 83; Тавадов Г. Т. Указ. соч., с. 9.

[50] Агаев А. Г. Некоторые актуальные проблемы теории социалистической народности, с. 239.

[51] См.: Цамерян И. П. К вопросу о национальной структуре зрелого социалистического общества, с. 64—65; Агаев А. Г. Судьбы народностей, с. 15—16, 26.

[52] См.: Куличенко М. И. Укрепление интернационального единства советского общества, с. 65.

[53] Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях, с. 47. Такой же точки зрения придерживаются авторы коллективной монографии: Современные этнические процессы в СССР. М., 1977, с. 61.

[54] Национальные отношения в СССР на современном эт..., 191.
[55] Куличенко М. И. Нация и социальный прогресс, ...0.
[56] См.: Агаев А. Г. Судьбы народностей, с. 28.
[57] См.: Куличенко М. И. Нация и социальный прог... с. 170.
[58] См.: Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса, с. 15.
[59] Современные этнические процессы в СССР, с. 17.
[60] См.: Табалдиев А., Нурова С. О типологии исторических форм общностей в СССР, с. 100.
[61] См.: Куличенко М. И. Укрепление интернациона...о единства советского общества, с. 62—63; Его же. Нация и социа...ый прогресс, с. 170.
[62] Подробнее о трех основных видах национальных процессов в СССР см. специальную литературу: Бромлей Ю. В. Ленинизм и национальные процессы в современном мире. — В кн.: Актуальные проблемы развития наций и национальных отношений, с. 5 и др.; Его же. Этнические аспекты национальных процессов в обществе развитого социализма. — В кн.: Социальная политика и национальные отношения, с. 52—68; Его же. Очерки теории этноса, с. 237—241; Его же. К изучению национальных процессов социалистического общества в контексте этнической истории. — История СССР, 1984, № 6, с. 40—57; Гурвич И. С. Особенности современного этапа этнокультурного развития СССР. — Советская этнография, 1982, № 6, с. 15—27; Современные этнические процессы в СССР; Косолапов Р. И. Классовые и национальные отношения на этапе развитого социализма. — В кн.: Социальная политика и национальные отношения, с. 5—23; и др.
[63] Национальные отношения в СССР на современном этапе.
[64] Амвросов А. А. От классовой дифференциации к социальной однородности общества, 2-е изд. М., 1978, с. 15.
[65] См.: Куличенко М. И. Нация и социальный прогресс, с. 170.
[66] Советский народ — строитель коммунизма, с. 80.
[67] См.: Агаев А. Г. Некоторые актуальные проблемы теории социалистической народности, с. 241; Его же. Судьбы народностей, с. 16, 22; Его же. Этнические процессы на Северном Кавказе в условиях интернационализации общественной жизни. — В кн.: Интернациональные процессы в общественной жизни народов Северного Кавказа, с. 55; Его же. Нация и государство: связь и взаимодействие. Философские науки, 1985, № 5, с. 15 и др.
[68] См.: Куличенко М. И. Расцвет и сближение наций в СССР. с. 381—382; Халилов А. М. Развитие национального и интернационалистского сознания советских народов в период развитого социализма. — Научный коммунизм, 1984, № 2, с. 63—64.
[69] Халилов А. М. Указ. соч., с. 64.
[70] Ким М. П. Указ. соч., с. 380.
[71] См.: Косолапов Р. И. Советский народ — новая социальная и интернациональная общность людей, с. 125.
[72] Бромлей Ю. В. К изучению национальных процессов социалистического общества в контексте этнической истории. — История СССР, 1984, № 6, с. 56.
[73] См.: Горовский Ф. Я. Указ. соч., с. 95—96.
[74] Косолапов Р. И. Классовые и национальные отношения на этапе развитого социализма. — В кн.: Воспитывать убежденных патриотов-интернационалистов. М., 1982, с. 160.
[75] См.: Косолапов Р. И. Классовые и национальные отношения..., с. 160.
[76] Горовский Ф. Я. Указ. соч., с. 78—79.
[77] Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986, с. 156.
[78] Федосеев П. Н. Дружба народов — величайшее завоевание социализма. — В кн.: Основной закон нашей жизни, с. 247.
[79] См.: Федосеев П. Н. Развитой социализм — историческое достижение народов СССР. — В кн.: Союз нерушимый республик свободных, с. 157.
[80] Федосеев П. Н. Дружба народов — величайшее завоевание социализма, с. 246.
[81] Куличенко М. И. Нация и социальный прогресс, с. 291.

ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ И УКРЕПЛЕНИЕ ЕДИНСТВА
СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА